

Крис  
ХАМФРИС



ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

УЗЫ КРОВИ



**Крис Хамфрис**

## **Узы крови**

Серия «Французский палач», книга 2

*SpellCheck: Roland*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=128977](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128977)*

*Узы крови: Эксмо; Москва; 2005*

*ISBN 5-699-10327-9*

### **Аннотация**

XVI век. Англией правит Мария Кровавая, ревностная католичка. По всей стране на кострах сжигают еретиков. Принцессе Елизавете, в которой Мария видит опасную соперницу, грозит обвинение в колдовстве. Ее враги хотят использовать для доказательства вины Елизаветы отрубленную шестипалую руку ее матери, Анны Болейн. И только Жан Ромбо, казнивший Анну и знающий тайну руки, и люди, связанные с ним узами крови, могут помочь Елизавете сохранить жизнь.

# Содержание

Часть первая. СТАРЫЙ СВЕТ	5
Пролог. ЭКСГУМАЦИЯ	5
Глава 1. СИЕНА	25
Глава 2. ИНКВИЗИЦИЯ	63
Глава 3. РУКИ ИСЦЕЛЯЮЩИЕ	94
Глава 4. БЕГСТВО	114
Глава 5. ЦАРСТВЕННАЯ УЗНИЦА	143
Глава 6. БРАТ МОЛЧАЛЬНИК	162
Глава 7. КРУШЕНИЕ ВСЕХ НАДЕЖД	183
Глава 8. ВЫРЕЗАНИЕ РУНЫ	202
Глава 9. ПЕРЕКРЕСТОК	225
Глава 10. ЛОНДОН	238
Глава 11. НОВЫЕ ВСТРЕЧИ	258
Глава 12. В ЗВЕРИНОЕ БРЮХО	281
Глава 13. ТАРТАР	307
Глава 14. ГРЕХИ ОТЦОВ	350
Глава 15. ЭНДШПИЛЬ	377
Глава 16. ЗАЛОЖНИК	403
Глава 17. СЕРЫЙ ВОЛК И МЕДВЕДЬ	431
Глава 18. СМЕРТЬ НА БЕРЕГУ	460
Часть вторая. НОВЫЙ СВЕТ	484
Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ	484
Глава 2. ОГНЕННАЯ ПАЛКА	513

Глава 3. БЕЛЫЙ МОЖЖЕВЕЛЬНИК	536
Глава 4. ОХОТА НА ОЛЕНЯ	573
Глава 5. ОХОТА НА ВЕДЬМУ	598
Глава 6. ИСПЫТАНИЯ	618
Глава 7. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НА РАССВЕТЕ	640
Глава 8. АНДАК-ВАНДА	678
Глава 9. ПРИЗРАКИ	707
Глава 10. ПЕСНЬ СМЕРТИ	741
ЭПИЛОГ	750
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	754
ОТ АВТОРА	756

# Крис Хамфрис

## Узы крови

### Часть первая. СТАРЫЙ СВЕТ

#### Пролог. ЭКСГУМАЦИЯ

Лондонский Тауэр, 25 марта 1555 года

Томас шагнул из света в темноту, из тепла – в холодный туман. Туман обтекал его, словно нащупывая слабое место, чтобы сквозь толстый плащ проникнуть к старой ране, которую разбередила эта ночь. Колено у него подломилось, и он пошатнулся. Чужая рука тотчас поддержала его под локоть. Отбрасывая ее, Томас неуклюже ступил вперед, потом еще раз и еще. Он безжалостно заставлял больную ногу работать. Хромоту ни от кого не спрятать, но все же здесь он – командир и не допустит, чтобы ему помогали.

Идти предстояло недалеко – всего минуту по двору, заросшему травой. Может быть, и того меньше. Однако туман поглотил дорожку, и Томас понял это только тогда, когда случайно сошел с нее: землю покрывала корка изморози, которая хрустела иначе, чем гравий.

На самом деле следовало пропустить вперед служителя

Тауэра (как его зовут? Кажется, Такнелл?), но когда Томас, прибыв, сообщил ему о цели своего визита, на лице старого зрителя отразился такой ужас, что Томас ожидал чего угодно, даже отказа. Подпись, поставленная на его пропуске, оборвала все протесты. Так всегда бывало с подписью Лиса. И теперь, когда они начали выполнять задание, важно было показать, кто тут главный. Особенно потому, что по простой одежде и коротко остриженным волосам и бороде было видно, что Такнелл – протестант.

Они прошли примерно половину пути, когда из темноты вдруг вырвалась черная тень. Томас снова сошел с дорожки – и внезапно на него обрушились ворох перьев, трупный запах и демоническое карканье. Когда когти твари уже тянулись к его лицу, колено у него снова подломилось и он с криком шарахнулся назад, всей тяжестью повалившись на мужчину, который шел за ним по пятам.

– Спокойно, мастер Лоули. Спокойно.

Такнелл подхватил его под руку и поднял фонарь. Голос служителя Тауэра звучал успокаивающе.

– Это – один из воронов, вот и все. Я же предупреждал, чтобы вы не сходили с дорожки. – Помогая своему спутнику обрести равновесие, Такнелл добавил: – Нынешняя зима была жестокой для всех, даже для птиц. Ворон просто решил, что вы хотите забрать еду, которую он припрятал.

При других обстоятельствах Томас мог бы и посмеяться над ситуацией. Выпадали ему деньки – например, в Порту-

галии, – когда он дрался за объедки с воронами и воробьями. Божьи дела порой оборачиваются тяжкими испытаниями для верных. В этом предназначение таких, как Томас. И все же, будь у него выбор между теми простыми временами, когда он побирался и проповедовал в чужих краях, и теперешним ночным делом в родной стране...

Промелькнувшее воспоминание заставило его подумать о смирении – добродетели, которую учителя с таким трудом прививали ему, гордецу, бывшему солдату. Томасу не требовалось покорять себе этого человека. Ему нужно только заставить его выполнить Божью волю. С легкой улыбкой Лоули мягко проговорил:

– Может, теперь вы пойдете первым, мастер смотритель?

Казалось, у входа в часовню леденящий туман стал еще плотнее, но никто не спешил укрыться от него за этими дверями. Такнелл возился со своими ключами, трое рабочих опирались на лопаты и кирки, стараясь не смотреть друг на друга. Даже Томасу не хотелось шевелиться. Перед этими окованными железом дверьми морозный воздух был хотя бы связан с миром живых, с их следами, отметившими на снегу путь к свету и теплу. А впереди, во тьме, лежал еще более глубокий холод – царство мертвых. И им предстояло нарушить покой этого царства.

Несколько секунд Томас внимательно следил за тем, как клубы пара от его дыхания уплывают в ночь, а потом сдвинулся с места и приготовился говорить. Приказывать. Но за-

говорить не успел – смотритель оттянул его в сторону и прошептал:

– Сэр! Позвольте мне попросить вас еще раз. Умоляю, не делайте этого. Грех это.

– Я получил приказ, Такнелл. И вы тоже его получили. Вы видели подпись. Этот приказ исходит от самой королевы.

Это было не совсем так, но смотрителю неоткуда было узнать о маленьком обмане. Он чуть отстранился, стараясь заглянуть Томасу в глаза.

– Я знаю, что у нашей милостивой государыни Марии нет причин любить... ту, которая здесь покоится. Но чтобы так осквернить ее могилу? – Голос Такнелла смягчился: – Вы – англичанин, сэр, вы джентльмен, я это вижу. Давайте избавим английскую леди от нового унижения. – Поймав безмолвный взгляд Томаса, смотритель вскричал: – Иисусе, сударь, неужели она мало страдала?

Томас подался вперед, чтобы его голос, который зазвучал сердечней и убедительнее, не донесся до переминающихся с ноги на ногу рабочих.

– Мне это тоже не нравится, поверьте. Но нам сообщили, что эта женщина могла кое-что унести с собой в могилу. Нечто такое, что может... оказаться нужным ее величеству.

Лицо Такнелла исказилось, словно в его душе шла отчаянная борьба.

– Она не взяла с собой ничего, кроме молитвенника и той одежды, что на ней была. Я это знаю, сэр, потому что я там



был. – Тюремщик сдался, он проиграл борьбу. – Я это знаю, потому что помогал ее убивать, а потом – хоронить... И да смилуется Господь над моей душой!

– Аминь.

Из глаза этого закаленного воина вытекла слеза, и отнюдь не резкий морозный ветер выгнал ее наружу и заставил застыть на щеке. Томас Лоули искренне изумлялся той власти, которую все еще имела над живыми женщина, умершая почти двадцать лет назад. Эту власть можно будет обратить на пользу Католической церкви, так решили его начальники из Общества Иисуса. Но только в том случае, если он, Томас Лоули, сейчас исполнит свой долг.

– Полно, мастер Такнелл. Вам надо только показать мне дорогу. А если потом и будет совершен грех, то он ляжет на меня, и только на меня.

Стоявший перед ним солдат окаменел. Слезы высохли. Не говоря больше ни слова, он повернулся к двери и вставил в замочную скважину самый большой ключ из тех, что были при нем. Ключ повернулся со скрежетом, похожим на крик ворона, защищавшего свою кладовую с едой. Двери, противу ожидания, распахнулись бесшумно.

«Если такое вообще возможно, – подумал Томас, в пустой надежде растирая свое колено, – то внутри даже холоднее, чем снаружи».

Туман не последовал за ними внутрь, но тени, отбрасываемые их тусклыми фонарями, были почти такими же густы-

ми: стены черноты окружили маленькую часовню.

Она называлась часовней Святого Петра в узах. Томас видел ее днем и знал, что в ней находят утешение зрители и их семьи, а также заключенные, находящиеся на более свободном режиме. По ночам же часовня снова становится темным центром крепости, последним пристанищем тех, кто вызывал неудовольствие государства. Тех, кто прошел по лужайке – так, как прошел сегодня он сам, – но кого обратно уже пронесли. Ночью часовня становится зловещим местом, которого следует избегать. Ибо если у вас нет желания проводить время с неуспокоенными мертвецами, то зачем вам туда отправляться?

Втайне от остальных Томас перекрестился, а потом пропустил Такнелла вперед – указывать дорогу. Тот быстро направился к правому проходу. Там зритель пошел медленнее, согнувшись в поясе и проводя фонарем полукруги у самой земли. Рабочие остались ждать у двери, едва переступив порог. Томас не столько увидел, сколько услышал, как они передают друг другу бутылку, шумно отхлебывая из нее. Он признавал, что ему следовало бы выговорить им за непочтение к этим освященным стенам. Однако бывший солдат поймал себя на том, что завидует их утешению.

Фонарь перестал описывать полукружья и был поставлен на пол. Такнелл остановился, опустив голову, примерно в шести шагах от меньшего алтаря в правой части поперечного нефа. Томас подошел к нему и наклонился, чтобы рас-

смотреть плиту. Она выглядела точно так же, как и все прочие плиты пола: с выщербленной поверхностью, но ровными краями. Высота и ширина ее были равны половине человеческого роста.

– Вы уверены, что это она?

Такнелл не стал отвечать – даже не подал знака, что услышал вопрос. Его глаза были устремлены вниз, словно сквозь камень он видел свое прошлое.

Томас настойчиво повторил вопрос:

– Этот камень точно такой же, как остальные, смотритель. Здесь нет какого-нибудь знака, чтобы опознать ее?

Такнелл хмыкнул.

– Опознать? Его величество, покойный король Генрих, да простит Бог его грехи, приказал, чтобы не было никакой гробницы, никакого памятника. Он хотел, чтобы она исчезла из нашей памяти так же быстро, как и из его собственной. Никакие слезы не должны были омрачать день его свадьбы, которая состоялась на следующей неделе. – Смотритель даже не пытался скрыть презрение, прозвучавшее в его голосе. – Но знак все же есть, если знаешь, куда смотреть.

Он протянул руку и поднял фонарь. Сначала Томас не заметил ничего необычного, но потом, всмотревшись, он разглядел то, что поначалу принял просто за царапину. На камне была вырезана роза: в правом верхнем углу, едва заметная, крошечная, не больше мизинца. Безупречная. Кто-то не пожалел труда, чтобы высечь ее, чтобы сделать ее прекрас-

ной – но незаметной. В числе множества слухов до Томаса доносился и такой: несмотря на то что имя ее было стерто, а память очернена, каждый год девятнадцатого мая в этой часовне на каменном полу появлялась белая роза. Кто-то не желал забывать – ни ее, ни годовщину ее смерти.

Томас снова поднял голову, но лицо Такнелла скрывал полумрак. Когда же он заговорил, то его голос звучал ровно и деловито:

– Начнем?

Зажгли новые фонари. Их повесили на скобы на колоннах и поставили на отодвинутые в сторону скамьи. Старый аромат ладана, полированного дерева и сальных свечей сменился запахом горящего масла, а вскоре – и свежей земли. Отмеченную плиту и четыре ближайших к ней подняли и сложили стопкой. Трое мужчин принялись выбрасывать из могилы землю с быстротой, которая демонстрировала их желание поскорее уйти отсюда. Холмик глинистой почвы быстро рос, гробокопатели – медленно опускались вниз.

– Насколько глубоко им предстоит уйти? – спросил Томас.

Такнелл отошел в темноту, и его ответ донесся глухо, словно издалека:

– Не очень.

Несмотря на больное колено, Томас не мог спокойно сидеть и ждать. Он прислонился к одной из колонн, глядя вперед и мысленно подгоняя рабочих. Ему хотелось прыгнуть в расширяющуюся яму и помогать им. Его учили усердно тру-

даться, совершать добрые дела и подавать пример. Но он понимал, что будет только мешать. Его руки не привыкли к лопате. Сейчас его инструментом служило распятие. Когда-то это был меч.

Раздался скрежет, не похожий на звук лопаты, врезающейся в землю, послышался треск ломающегося дерева и сразу вслед за тем – торжествующий крик рабочего, нанесшего первый удар. Но почти тут же в голосе гробокопателя зазвучал ужас. Трое поспешно выскочили из могилы и шарахнулись в темноту, крестясь, бормоча молитвы и зажимая ладонями носы и рты.

Томас заставил себя двинуться вперед, выставив фонарь, словно оружие. Слабый луч света стал расширяться, пока не упал на что-то белое внизу. И в этот момент до Томаса донеслась вонь – удушающая, с примесью отвратительной сладости. Казалось, она бешено вырывается из тесной бутылки с испорченным содержимым, которая перед тем долго была заткнута пробкой. Томас подавил рвоту, инстинктивно подняв к лицу рукав. Ноги у него окаменели, большое колено свело.

– Все еще разит?

Он не услышал приближения Такнелла, и вздрогнул, когда рядом раздался его голос.

– Как такое возможно? – Томас говорил хрипло и сдавленно. – Разве она не пролежала здесь почти двадцать лет? Неужели правду говорили те, кто утверждал, будто она не

поддастся смерти?

Не отвечая, смотритель шагнул мимо Томаса и спустился в могилу. Не желая смотреть, но не в силах оторвать глаз от жуткого зрелища, Томас увидел то, что могло быть только ладонью. Кости обнажились под гниющей плотью и отчаянно извивающейся белой массой – черви корчились в непривычном для них свете. Томасу показалось, что вонь ударила в него с удвоенной силой, и все же он не мог отвести взгляда. На лбу у него выступили капли пота, а тело готово было взбунтоваться.

Такнелл простер ладонь над копошением червей.

– Бедная леди, – прошептал он и бережно убрал гниющую руку в расколотую стенку гроба. Только тогда он посмотрел вверх. – Она – не та, кого вы ищете. Она пролежала здесь всего год. – Повернувшись к рабочим, смотритель приказал: – Копайте глубже с этой стороны. И работайте осторожнее.

Когда смотритель снова оказался рядом с ним, Томас, с трудом совладав с собой, спросил:

– Кто это был?

– Джейн Грей. Простая девушка, ей едва исполнилось семнадцать. Еще одна жертва чужого тщеславия. – Его голос стал жестким. Он указал в землю. – Вы знаете, сколько обезглавленных королей борются за первенство там, внизу? Три. Та, чье царствование длилось всего девять дней и чей покой мы только что нарушили. На расстоянии двух ладоней лежит еще одна, Кэтрин Говард, глупая и тщеславная девуш-

ка, которая все равно не заслужила такой судьбы. А раньше их обеих – первая из обретших этот ложный покой. Единственная заслуживавшая именоваться королевой... – Он замолчал, гнев больше не придавал ему силы. – Ну, ее вы очень скоро увидите.

Томас еще не избавился от вкуса желчи во рту, когда стук лопаты снова изменился. По команде Такнелла рабочие начали действовать, осторожно, медленно счищая землю, пока не обнажился небольшой квадратный ящик – не длиннее мужской ноги. В ответ на вопросительный взгляд Томаса Такнелл пояснил:

– Ящик для стрел. Чтобы похоронить ее, ничего лучше не нашлось. – Он подал Томасу короткую железную палку, уплощенную с одной стороны. – Мы уходим, сэр, как вы и распорядились. Позовите нас, когда закончите.

Казалось, он собирался добавить еще что-то, но быстро отвернулся и увел рабочих из часовни. За дверью их моментально поглотил туман. С ними исчезли все звуки, и Томас остался стоять в озерце неровного света, в могильном одиночестве.

Ему захотелось окликнуть их, позвать кого-нибудь обратно – якобы для того, чтобы подержать фонарь. Однако полученный им приказ был недвусмысленным. Никто не должен узнать о его подлинном поручении. Большинство решит, что человек Лиса прибыл положить конец слухам о том, что ее тело будто бы увезли и что она родилась заново в своем род-

ном Норфолке, где в каждую годовщину ее смерти ровно в полночь белый заяц бежит по полям от церкви. Пусть верят, во что хотят. Никто никогда не додумается до правды. Ибо Томас Лоули здесь не для того, чтобы удостовериться в том, что находится в могиле. Он должен удостовериться в том, чего там нет.

Больше откладывать нельзя. Поставив два фонаря на краю круглой ямы, Томас с трудом спустился в нее. Он ожидал, что придется приложить силу, но, когда плоский конец палки оказался под крышкой, та оторвалась совсем легко, словно не была прибита как следует. Томас повторил это еще в двух местах, каждый раз почти не нажимая, – и крышка поднялась. Засунув пальцы в щель, он быстро пробормотал «Ave», а потом начал дышать медленно и ровно, стараясь наполнить свое тело и ум спокойствием, как его обучили. В последнее время Томасу приходилось делать немало отвратительных вещей. Однако все они совершались в служении Богу и в повиновении вышестоящим, толковавшим волю Господа. И это задание, каким бы оно ни было неприятным, станет еще одним таким делом, еще одной бусиной, нанизанной на четки его спасения.

Томас снял крышку, отставил ее в сторону. Его ноздри приготовились вдохнуть волну гниения. Однако он не ощутил совершенно никакого запаха, если не считать... Да, что-то все-таки было, но больше похожее на простую затхлость. А еще – нечто сладкое, почти медовое. Этот запах длился



всего мгновение и исчез, словно кто-то поднес цветок к его лицу, а потом отнял. Она пролежала в этом гробу девятнадцать лет. Черви, которых он видел в мертвой руке другой королевы, здесь давным-давно закончили пиршество.

Мертвая рука королевы. Томас застыл на месте. Его ровное дыхание, сладкий аромат, улетевший прочь, мерцание фонарей – все это усыпляло его. Однако образ руки снова пробудил бдительность Божьего слуги. Он должен исполнить свой долг. Ему необходимо найти то, что должно находиться здесь, – и, когда это будет найдено, он доложит о содеянном и вернется в свое теплое жилье. И нынешняя ночь поблекнет, превратившись в еще одно неприятное задание, выполненное ради вящей славы Божьей. Его господину придется искать другой способ принуждения. Его господин хорошо умеет это делать.

Череп лежал в нижней части ящика рядом с обутыми в туфельки ногами. Сохранились еще пряди волос, свернутых в узел, – их знаменитый блеск давно потускнел. Кто-то завернул тело в плащ, но шерстяные нити рассыпались, и Томас легко смог добраться до парчового платья, скрытого под плащом: его ткань годы не тронули. Он отыскал рукав у плеча и пальцами проследовал по нему вниз, туда, где заканчивался наряд.

И она нашлась. Кисть руки, точнее, ее кости. Они находились именно там, где им и следовало быть. Кулак сжат – несомненно, в предсмертном жесте, который сохранило око-

стенение, следующее за смертью. Обнаружив кисть, Томас испытал такое облегчение, что его тело залила волна тепла – впервые за целую вечность. Теперь он сможет вернуться и сказать, что странное сообщение, которое они получили из Рима, не соответствует действительности. У Томаса не имелось причин любить женщину из этого голого ящика. Он был английским католиком, и все беды его семьи в какой-то мере были вызваны той, что некогда жила в этом теле. Однако он видел, какую любовь она внушала людям вроде Такнелла, какую боль зрителю причинило сегодняшнее исполнение его обязанностей. Томас был рад, что сможет положить конец этой боли, просто пересчитав пальцы на сжатой в кулак руке.

Наклоняясь к гробу, он заметил, что череп находится справа от него. Значит, он нашел правую руку. Череп сбил его с толку, а ведь он знал – если верить слухам, – что следовало осмотреть левую. Испытанное им чувство облегчения испарилось, и холод, вернувшись, сковал его сердце. Внезапно Томас почувствовал уверенность. Однако одной уверенности мало: ему необходимы доказательства. Он должен увидеть все собственными глазами – его господин примет только такое свидетельство. Перегнувшись через гроб, Томас сдернул остатки плаща, прилипшие к платью, и ощипал с парчи последние клочья шерстяной ткани. Он уцепился за тяжелый серый рукав, который каким-то образом оказался под телом. Рукав был легким – в нем остались только кости

– но все же для того, чтобы вытащить его наружу, понадобилось приложить немалые усилия. Наконец ткань с треском подалась, словно в складках рукава что-то разделялось. Задыхаясь и зажмурив глаза, Томас придержал платье возле плеча умершей, быстро ведя ладонью вдоль костяной руки, скрытой в рукаве.

Его пальцы скользнули... к пустоте. В самом конце руки была пустота. Там, где следовало находиться кисти – Уродливой шестипалой кисти, – не оказалось ничего. На всякий случай Томас осмотрел тело, хотя ему не было нужды открывать глаза. Осязание сказало ему все: ищущие пальцы натолкнулись на острый конец разбитой кости возле запястья.

Он кое-как уложил платье обратно, прикрыл его обрывками плаща. Протянул руки за крышкой, громко прихлопнул ею ящик для стрел. Хлопок сопровождало отрывистое рыдание, которого Томас не смог подавить. Оба звука гулко разнеслись под сводами часовни.

Когда Томас Лоули снова открыл глаза, на краю ямы перед ним виднелись ноги. Такнелл молча наклонился и схватил руку, которую Томас вскинул вверх, словно желая оградить себя от зла. Когда он выбрался из ямы, его больное колено снова подломилось и он рухнул на ближайшую скамью.

– Выполнили свой долг, сэр? – Приняв молчание за ответ, смотритель продолжил: – Тогда, может быть, вы будете добры и позволите мне заняться моей королевой.

С этими словами Такнелл шагнул вниз, в могилу.

Томас старался дышать поглубже и в конце концов собрал достаточно сил, чтобы доковылять до дверей часовни. У выхода он задержался и оглянулся назад.

– Мне нет нужды напоминать вам, мастер смотритель, о молчании, которого мы от вас требуем.

Он намеренно сказал «мы»: Такнелл видел подпись на пропуске.

– Нет нужды. У меня жена и дети. Я буду молчать. – Такнелл помолчал, глядя вниз. – Молчание могилы.

Томас кивнул. Он хотел было добавить какие-то слова утешения, смягчить угрозу, которую только что высказал. В нем еще осталась эта слабость – желание нравиться. Однако здесь важна была угроза, а не чьи-то личные чувства.

Поворачиваясь к двери, Томас заговорил жестче:

– Позаботьтесь об этом, сын мой.

Глядя, как завернутая в плащ фигура растворяется в тумане, Такнелл бросил вслед единственное слово:

– Иезуит!

Такнелл не думал, что его услышали, да это его не слишком и тревожило. В любом случае это слово, которое когда-то было почти оскорблением, стало употребляться повсеместно в приложении к облаченным в черное братьям из Общества Иисуса. Нет, его занимало только то, что ему необходимо было сделать сейчас.

– Ох, моя госпожа! – прошептал Такнелл, глядя прямо в безглазые провалы черепа и, вопреки собственному разуму,

видя в них более глубокую, живую черноту. – Неужели они так и не дадут вам покоя?

\* \* \*

Свет факелов и свеч отражался от щита, митры и короны, от уздечек, зажатых в оскаленных зубах шахматных коней, от взятых наперевес пик и поднятых мечей. Каждая поверхность отражала пламя – кроме пола, так что Томас смотрел в пол, как ему и полагалось. Контраст с темнотой, в которой плавали ключья тумана, откуда он только что явился, не оставлял ему выбора.

Человек, к которому он пришел, жестом потребовал молчания. Томас наблюдал за его тенью на полу, слышал, как он переходит по залитой светом комнате от одной шахматной доски к другой, слышал постукивание фигур, переставляемых на новое место, тихое скольжение войлока по отполированной доске, когда еще один конь или слон занимали позицию. А иногда то была пешка – роль, которую играл Томас, дожидаясь позволения начать доклад. Те, кто разбирался в подобных вещах, уверяли, будто Лис мастерски владеет пешками.

– Ты играешь?

Голос звучал очень тихо. Томас даже не был уверен в том, что что-то услышал. Он поднял голову, моргая на ярком свете, и устремил взгляд на сгусток темноты, находившийся в

комнате. Позади стола, имея перед собой неизменную шахматную доску, возвышался остроконечный ночной колпак. В его тени находилось лицо имперского посла Симона Ренара. Лиса.

– Когда у меня есть досуг, милорд. А значит, нечасто. Появилась рука – очень белая, очень худая, с ногтями в форме идеальных половинок луны. Она на секунду повисла над доской – и опустилась.

– Шахматы – это не досуг. Шахматы – это жизнь.

Рука снова поднялась и сделала быстрое движение, словно кошка. Нет, как лис, в честь которого этот человек получил свое прозвище. На шахматной доске конь присоединился к своему товарищу, королева скользнула вперед.

– Мат в три хода. – Раздался сухой смешок, похожий на царапанье полировочной шкурки по дереву. – Сомневаюсь, чтобы приор Равенны его заметил. Он редко видит на три хода вперед.

Красивые пальцы задержались около королевы, огладив ее от короны до бедра. А потом человек, сидевший за столом, взял фигуру и подался к свету. Томас снова увидел удлинненное бледное лицо, состоящее, казалось, только из плоскостей и углов, устремленных вниз. Ресницы роскошной вуалью прикрывали темные ямы глаз. Взгляд Лиса встретил глаза Томаса, стоявшего в дальней части комнаты. Зазвучавший снова голос уже был лишен прежней ленцы:

– Ну?!

– Милорд, все как мы и подозревали. Ее там не оказалось.

– О! – В этом единственном звуке прозвучало почти чувственное волнение. – Значит, твои наставники снова оказались правы. Я искренне изумляюсь тому, как искусно иезуиты владеют информацией.

– Мы делаем все, что необходимо, милорд. Для вящей славы Божьей.

– Конечно. Всегда и исключительно – только для вящей славы Божьей, так?

Томас, уловивший в его тоне насмешку, продолжал ровно дышать. Он достаточно часто играл в шахматы, чтобы распознать столь очевидную уловку. Общество Иисуса послало его сюда служить правой рукой этого человека, потому что Лис, имперский посол, был реальной силой за тронном королевы Марии. Иезуиты и Ренар стремились к одному и тому же: снова сделать Англию католическим королевством и союзником Империи. Рядом со столь великой целью непочтительность этого человека была ничем, а гнев стал бы пустым потворством. Кроме того, гневная реакция отсрочит то, что Томасу хочется услышать больше всего.

– И что теперь, милорд?

– Теперь, Томас? – Ренар снова отодвинулся в тень. – Теперь тебе суждено со всей поспешностью ехать в Рим. К молодому человеку, снабдившему нас той дразнящей информацией, которую ты только что проверил. По словам твоих старших братьев, этому юнцу известно нечто большее. Он

знает не только то, что именно исчезло из гроба. Он также знает, где это можно отыскать.

Ренар внезапно вскочил и пронесся по комнате, так что его лицо приблизилось к лицу Томаса, а длинные пальцы начали гладить его шею. Понадобилось немалое усилие для того, чтобы не отпрянуть от этой близости, от тошнотворного дыхания, вырывавшегося из тонких губ. Ходили слухи, что Ренар ужасно страдает желудком. Именно потому он никогда не спит, ночами напролет бодрствуя за своими шахматными досками, за сообщениями своих шпионов, за своими интригами.

– Иди, – зловонное дыхание принесло с собой шепот, – иди и принеси мне то, что было украдено. Принеси мне оружие принуждения. Ради вящей славы Божьей. Принеси мне шестипалую руку Анны Болейн.

Томас содрогнулся, хотя и предвидел, что дело закончится именно этим. Он содрогнулся, вспомнив честное лицо зрителя, его мольбу оставить королеву спокойно спать в могиле. Содрогнулся, потому что он, Томас Лоули, осквернил ее гроб. И, выполняя это задание, осквернит его снова. Как часто слава Божья ведет его по трудной тропе!



# Глава 1. СИЕНА

Ренар уже вернулся за свой стол. Скрип пера, шорох складываемой бумаги. Растоплен воск, к печати прижат перстень. Новая бумага прибавилась к первой.

– По этой грамоте ты доберешься до Антверпена. Это – кардиналу Карафе в Риме. Только для его глаз, понимаешь? Хотя я вполне отдаю себе отчет в том, что сначала ты его вскрыешь и прочтешь сам.

– Милорд, я...

– Не надо отпираться, Томас. Я читаю твои письма, как и ты – мои. Информация – вот единственное, что по-настоящему важно. Просто позаботься о том, чтобы письмо было доставлено. А это, – тут Лис поднял последний, самый маленький пакет, – командующему имперскими силами у Сиены. Оно поможет тебе и нашему юному доносчику оказаться в городе.

– В Сиене? – Ренару впервые удалось застать Томаса врасплох. – Но Сиена же в осаде! Говорят, что она продлится не меньше, чем осада Трои.

Ренар поднял голову. Улыбнулся, оценивая изумление собеседника и наслаждаясь тем, что его ход все-таки стал неожиданностью.

– На этот раз осведомленность иезуитов уступает моей собственной. Сиена – это не Троя. Сиена вот-вот падет.

– Фуггер! Ты здесь?

Жан Ромбо говорил едва слышно, но слова гулко отразились от земляных стен, разнеслись по узким кривым проходам. Он заблудился на последнем перекрестке. Слепой, как червяк, он шел, выставив вперед тисовую палку. Прикосновение пальцев к влажной глине – вот единственный способ ориентироваться. Он ощущал, как по мере углубления в лабиринт воздух становится более затхлым. Это был не его мир, и Жан снова проклял необходимость проводить здесь время. Проклял молча, потому что понимал: любые слова опасны.

Жан Ромбо наткнулся на чью-то живую плоть и вскрикнул, но в полной темноте чужая ладонь зажала ему рот. Нет, не ладонь: возле лица Жана не растопырились пальцы. Культя. Жан нашел того, кого искал.

Культю отняли от его рта, и в следующую секунду слабый луч света упал из привернутого фонаря. В глубине крошечной тьмы это было сравнимо со взглядом на самое солнце.

Щурясь, Жан одними губами произнес:

– Фуггер.

Фуггер придвинул губы к самому уху Жана:

– Ромбо. Что привело тебя в мое царство?

Его голова повернулась, и Жан тоже приблизил губы к уху своего собеседника.

– Сам знаешь, Фуггер. Ты прислал весть. Уже пора? Вместо ответа Фуггер повел фонарем, поставив его на узкий зем-

ляной карниз. Там стоял барабан – детская игрушка. На его поверхности были рассыпаны камушки. На глазах у Жана они начали вибрировать на туго натянутой коже. Что-то заставляло их двигаться. Он прижал ухо к земляной стене и различил едва слышное шебуршание – так мыши скребутся за деревянной обшивкой.

Жан снова повернулся к Фуггеру, поднял брови и, кивнув на стену, беззвучно спросил:

– Как давно?

Единственная кисть руки расправилась и сжалась три раза.

Жан наклонился к нему.

– Идем обратно. Я их отправлю.

– Я остаюсь.

– Фуггер...

– Я остаюсь. Я знаю, что нужно моей красотке. Немец с улыбкой похлопал по стенам.

Жан покачал головой. Он знал Фуггера уже почти двадцать лет – по большей части они встречались на поверхности земли. И порой Ромбо забывал о том, что, когда они встретились впервые, немец уже семь лет жил в яме под виселицей. Фуггер был прав: никто лучше его не знал подземного мира.

Бросив предостерегающий взгляд, который ясно говорил: «уходи, как только закончишь работу», Жан ощупью пробрался обратно и в конце концов вывалился к ошеломляюще

яркому свету факела у двери. Он стукнул в нее костяшками пальцев, отбив резкий ритм: три, два, еще три. Засовы поднялись, дверь открылась, впустив Жана в земляную комнату. Следующая дверь привела его в каменную комнату. Оттуда вверх вели ступеньки. Жан вышел из царства Фуггера и теперь находился под самым бастионом. Внутри стен Сиены.

Он прошел через вход в контрминной галерее и шагнул под арку, оказавшюся прямо перед ним. Там, в низком каземате Сан-Виенских ворот, ждали двадцать мужчин и одна женщина. Кто-то опирался на пушки, кто-то просто стоял вдоль круглых стен.

Жан Ромбо нашел взглядом глаза жены и кивнул. Мгновение Бекк смотрела ему в глаза, а потом отвела взгляд. В последнее время она всегда отворачивалась первой.

Следующим был Хакон – как всегда. Его самый давний товарищ устроился верхом на орудийном станке, поставив огромные ноги на оба колеса. Как и Жан, Хакон потерял все имущество, когда армия Флоренции, поддержанная отрядами императора, вторглась на территорию своего давнего соперника, республики Сиены. Их фермы и виноградники, их постоянный двор «Комета», служивший им домом, были сразу же разграблены и почти полностью уничтожены. Друзья могли вернуть себе землю только в одном случае: если Сиена выигрывает войну.

Но в отличие от Жана, который повидал на своем веку столько кровопролитий, что хватило бы на три жизни, Хакон

бился не только за свои права. Наемник-скандинав сражался главным образом – как и всегда – ради удовольствия.

– Ну?

Когда Хакон нетерпеливо встал с пушки, позади него поднялась тень – более поджарая, немного более высокая, с такой же густой бородой и такими же ярко-голубыми глазами. Эрик, сын Хакона, сжимал в руке одну из своей пары изогнутых сабель. В другой он держал точильный камень. Перед боем Эрик всегда исполнял один и тот же ритуал: точил свои сабли по очереди, несмотря на то что они уже были идеально острыми. Только когда наступало время начинать сражение, сабли-подруги отправлялись в двойные ножны, закрепленные на спине. Жан прекрасно помнил того, кто стал образцом для молодого скандинава, – янычара Джанука, идеально владевшего этим оружием. Хотя Джанук погиб еще до того, как Эрик родился, рассказы об отваге Джанука вдохновляли юношу. Жан не мог бы сказать, кто из них более умело владел изогнутым клинком.

– Пора. Фуггер сказал – самое большое пятнадцать минут.

Эрик забросил сверкающие сабли в ножны, а Хакон поднял свой короткий топор и положил его себе на плечи. Это оружие лучше подходило для ближнего боя, чем гигантский боевой топор, который сейчас стоял у стены. Несмотря на свои размеры, Хакон стал мастером боя в тесном пространстве.

Вокруг все начали закреплять оружие и надевать шлемы

и кирасы. Хакон подошел к французцу.

– Ах, Ромбо, чего бы я только не дал, чтобы ты сейчас сражался рядом со мной!

Жан пристроил на лицо неискреннюю улыбку, к которой уже привык.

– И я, дружище. Давненько мы этого не делали.

– Рана? Она все еще болит?

Неподдельное беспокойство, отразившееся на лице друга, чуть было не заставило Жана стыдливо опустить голову. Однако он удержал фальшивую улыбку, потирая бок в том месте, куда попала пуля стрелка.

– Да. Но Иисус милостив, скоро пройдет.

– Обратись лучше к Тору. – Язычник-скандинав вновь улыбался. – Он скорее откликнется на такую воинственную просьбу.

Хакон отошел к своим людям, подбадривая и подзадоривая их. Жан убрал руку со шрама под камзолom – с раны, которая, как знал только он один, уже давно полностью зажила.

Нет, не совсем так. Его дочь, его любимица, названная в честь покойной королевы, его Анна – она тоже это знала, потому что она его лечила. И Бекк – подозревала. Но его жена отнесет свои подозрения на счет своего негодования, которое она к нему испытывает.

Ребекка подошла к Жану. Они стояли рядом, наблюдая за приготовлениями. Взглянув на нее, Жан подивился тому, как пролетели годы. Девятнадцать лет прошло с тех пор, как

он впервые увидел ее, переодетую мальчишкой. Он сражался с ней на горном склоне неподалеку от Тулона. От «мальчишки» не осталось и следа – была только женщина средних лет, с сединой в поредевших волосах и морщинками на лице.

И Жан знал, как сам выглядит в ее глазах. Он больше не воин в расцвете сил. Не герой. Отнюдь.

– Ты идешь с ними, Жан?

Ее голос звучал ровно, нейтрально.

– Нет.

– Тогда увидимся наверху.

Бекк отошла, чтобы взять свой испанский мушкет, а потом направилась вверх по лестнице. Она давно отказалась от своего любимого оружия, пращи: ее руке уже недоставало силы. Но свинец она посылала с такой же меткостью, как когда-то – камни. Ее жажда попасть в цель не унялась, только дальность выстрела стала больше.

Ему хотелось сказать что-нибудь, что угодно, но слова не приходили на ум. И вот уже Хакон стоит рядом с ним. Его отряд готов, Эрик занял место справа, поправляя ножны своих кривых сабель. Жан подался вперед и негромко сказал одному только скандинаву:

– Все просто, Хакон. Окажись в гуще флорентийцев, оттесни их, положи вот это, – тут он указал на пять бочонков с порохом, которые выкатили из запечатанного склада, – куда тебе скажет Фуггер. А потом отходи.

– Но, Ромбо, разве ты не чувствуешь? – Хакон поднял голову и

шумно приняхался. – Они там, в траншеях, жарят цыплят! Нам всем не помешал бы поздний ужин.

Жан заставил свой голос звучать сурово:

– Никакого риска. Сделай дело и уходи. Ты слышал мой приказ, скандинав. Подчиняйся!

Хакон улыбнулся, нисколько не обидевшись.

– Ты стареешь, дружище. Помню, как мы с тобой имели дело с курами...

– Выполняй мой приказ.

Жан не хотел говорить настолько резко, но воспоминание, которое хотел разделить с ним его друг, было связано с другими временами. И ничто связанное с теми днями больше не доставляло ему удовольствия.

Жан повернулся и пошел по лестнице следом за Бекк. Позади он слышал, как Хакон готовит свой отряд. Приказывает, подбадривает. Жан понимал, что ему следовало бы произнести речь. Отправить своих людей нынешней ночью погибать ради торжества Сиены, за свободу, за честь. Но эти слова превратились бы у него на языке в пыль.

Он поднялся на верх каземата, где у амбразур толпились люди с мушкетами и аркебузами. Он не стал брать оружие. Будучи командиром, он не обязан это делать. Никто не увидит, как он рассыпает порох по полу.

Стоявшая в стороне Бекк даже не оглянулась на него, хотя по посадке ее головы он понял: она знает о его присутствии. Встав там, откуда ему не видно было почти ничего, он по-



старался выровнять дыхание и стал ждать начала атаки.

\* \* \*

Когда отряд уже собрался спуститься по лестнице, которая должна была вывести их под землей за пределы стен Сиены, Эрик вспомнил кое о какой вещи.

– Отец! Разве ты не возьмешь это?

И вручил отцу полено. Длинной с руку Хакона и вдвое толще ее, оно было обмотано толстой веревкой. Полено было выдолблено изнутри. Из одного конца торчал клоч сена, другой был забит тряпками.

– А! – Хакон спрятал топор в чехол и с радостью подхватил свою новую игрушку. – Красота, правда, сын? Даже название звучит приятно – «тромба ди фуоко»!

– Недолговечная красота. Она ведь стреляет всего один раз, правда?

– Она рождается, ярко живет всего мгновение и умирает! На мой взгляд, это – самая лучшая красота!

Хакон прищурился на грубый ствол, прикидывая, не войдет ли в него еще немного обломков металла. Но тут он осознал, какое действие могли возыметь его слова.

– Однако ты – не пушка, мой сын. Помни, что там, внизу, рисковать не следует.

Ответ прозвучал совершенно невинно:

– Ну конечно же, отец. Я буду жаться с тобой позади всех

– как всегда.

Ударив сына по уху, чтобы спрятать улыбку, Хакон подтолкнул его к лестнице. Прежде чем последовать за ним, он бросил взгляд наверх, через дверь, выходящую на крышу каземата. Бекк стояла по одну сторону от стрелков, а Жан – по другую, оба спиной друг к другу.

– Ах, Ромбо.

Между Жаном и Бекк что-то произошло. С его друзьями случилось нехорошее, возникла какая-то обида, о которой Жан не мог рассказать и о которой Хакон никак не решился спросить. Как-то раз он все же попробовал – и ему показалось, будто в глазах француза захлопнулась тяжелая Дверь. Эта преграда во взгляде старого друга появилась уже довольно давно – еще до того, как началась осада. Поначалу Хакон решил, что все началось с прихода флорентийцев, с разрушения их домов. Но потом он понял, что едва ли может вспомнить то время, когда этой боли не было. По крайней мере, с того дня, как исчез сын Ромбо, Джанни.

– Ромбо.

Качая головой, Хакон начал спускаться вниз по лестнице. Ему не хватало друга рядом. Ему хотелось увидеть, как тупоконечный меч палача сеет смерть среди их врагов. И пусть Жан стал теперь полководцем – Хакон отдал бы все, чтобы увидеть, как снова взлетает и опускается его клинок.

Его люди дожидались скандинава в узкой комнате рядом с колодцем. Обычный набор солдат: половина – сиенские пат-

риоты, половина – наемники. Наемники были в основном французами, потому что Франция, как всегда, брала сторону тех, кто сражался с императором. Прочие были шотландцами. У патриотов был дух, у опытных воинов – умение. В целом хорошее соотношение.

Вместе с Эриком, который тенью шел у него за плечом, Хакон спустился в траншею и ощутил знакомый прилив радостной воинственности. Большую часть осады пришлось проводить на стенах, наблюдая, увертываясь от пуль стрелков, укрепляя стены, ослабленные пушками. Слишком мало вылазок, слишком много времени для того, чтобы думать о пустых желудках. Довольный Хакон поднял руку, сжав кулак в знаке молота Тора, и повел отряд вниз, в темноту.

Хакон учуял Фуггера раньше, чем прикоснулся к нему. Немец, который вел подземную жизнь, копая и прислушиваясь, как тайно подкрадывается противник, приобрел особый запах норного зверька. Слабый свет прикрытого фонаря открыл обличье крота: покрытое коркой земли лицо, бритая голова, облепленная глиной, паутиной и опилками.

Свет скользнул по барабану, на поверхности которого так и приплясывали камешки. Фуггер прошептал:

– Самое большое – пять!

Хакон кивнул и отошел назад на три шага. Присев на корточки, он воткнул в землю перед собой рогатину, на которую уложил открытый конец тромбы, а другой конец прикопал поспешно собранной горкой земли. Сняв с пояса обрывок

фитиля, он раздул его до нужной яркости. Затем, вздохнув, Хакон опустил его на землю и стал ждать.

Фуггер остановился рядом с Эриком и сжал ему руку.

– Как дела у моей дочки?

Он не столько увидел, сколько почувствовал, как краснеет молодой человек, и ухмыльнулся тому, что этот яростный воин так легко смущается при мысли о любви. Фуггер был доволен: Эрик был добрым мальчиком, хоть и диковатым, а его любовь была верной и ясной. Ведя свою жизнь в темноте, Фуггер радовался тому, что его сокровище, его Мария, последний светоч его жизни, любима и окружена заботой.

– У нее все хорошо. Она надеется, что скоро увидит тебя целым и невредимым.

– Думаю, так и случится – после дела этой ночи. – Протиснувшись мимо Эрика и выскивая порох, Фуггер прошептал: – Но еще важнее для нее увидеть целым и невредимым тебя, молодой человек. Помни об этом.

Снова воцарились тишина и непроницаемый мрак. Все старались вдыхать как можно меньше спертого воздуха, а если кому-то приходилось пошевелиться, чтобы снять напряжение в мышцах, то это делалось очень осторожно, чтобы доспехи почти не сдвигались. Единственным постоянным звуком было едва слышное постукивание камешков по туго натянутой коже барабана. Поначалу оно напоминало стук пчел об оконное стекло, но постепенно стало нарастать, множиться, пока утрамбованная земля под ногами, неровные стены

и деревянные подпорки не завибрировали под ритмичными ударами, наносимыми всего в ладони от затаившегося отряда. Двадцать пар ушей напряженно ловили тот момент, когда стук изменится – металлический инструмент пробьет землю, и два кармана затхлого воздуха рванутся навстречу друг другу, чтобы смешаться. В это самое мгновение стук прервется – и начнут умирать люди.

И звук изменился. Острие кирки ударило об один из камней, который Фуггер вбил в стену. Звонкий удар и резкий вскрик в мире почти полного безмолвия потонули в раздавшемся следом реве. Фуггер безупречно определил слабые места своего земляного барьера – именно по ним стена и обрушилась.

Тишина, а потом – хриплый шепот: испанская фраза, выражавшая ужас и мольбу:

– Матерь Божья!

Стоя на коленях, Хакон нащупал пальцами отверстие, просверленное в верхней части тромбы. Вторая рука уже опускала горящий фитиль. Вспышка пороха в грубом западе высветила его лицо, на короткое мгновение залила светом два туннеля, которые теперь стали одним. Два обнаженных по пояс человека держали кирки: один был засыпан, застигнутый врасплох своим ударом и обрушившейся стеной, второй высоко занес инструмент для удара. За этими двумя вспышка показала другие лица, искаженные испугом, блеснула на оружии, которое медленно поднималось, словно го-

товьясь отразить какой-то невидимый удар. Только эти мечи, короткие копья и кирки и двигались в туннеле, словно жили своей собственной жизнью; державшие их люди окаменели, словно превратились в барельеф, воплощение страха.

Это длилось всего одно мгновение, которое потребовалось для того, чтобы пороховой запал добрался до камеры внутри тромбы, а потом подземный мир взорвался грохотом, пламенем и разящим металлом. С вражеской стороны провала находились факелы, закрепленные в земляных стенах, и их свет вырвал из темноты людей, которые там находились – и вдруг исчезли. Рев оглушил стоявших с обеих сторон – тех, кто еще не был мертв. Вот почему крики умирающих показались тихими тем, кто выжил. Однако рык, раздавшийся прямо позади Хакона, был достаточно мощным, чтобы достичь сознания скандинава:

– Хаконсон! Хаконсон!

Это был голос Эрика. Молодой человек перепрыгнул через отца, который лежал ничком там, куда его отбросило взрывом тромбы, и понесся перед ним по туннелю, чуть опережая одну из своих обнаженных сабель.

– Эрик! – Хакон поднялся на колени, потом встал на ноги. Тряся головой, которая еще гудела от взрыва, он вытащил из чехла свой боевой топор и заорал: – За Сиену! Хох! Хох!

С этим кличем он бросился следом за сыном. Фуггер, которого оттолкнули в сторону бегущие солдаты, крикнул:

– Хакон! Только недалеко! Я скоро взорву!

Однако спины солдат уже исчезали в туннеле, и единственным ответом ему стали звуки боя, завязавшегося чуть дальше. Ткнув пальцем в мужчин с пороховыми бочонками, Фуггер знаком приказал им следовать за ним и прошел в тайный ход противника.

Эрик перескакивал через тела, как конь, преодолевающий изгородь, и только через добрых двадцать шагов встретил противника для своей кривой сабли. Перед ним сверкнуло дуло, свинцовая пуля просвистела мимо уха. Решив, что там, где был один, встретятся и другие, Эрик пригнулся и побежал вдоль стены. Еще две пули подтвердили его предположение, и вот он уже оказался рядом с тремя стрелками, которые подняли свое оружие в тщетной попытке остановить сверкающие дуги сабельных ударов.

Здесь факелы были установлены не так часто, и Эрик только в последнюю минуту заметил лопату. Для хорошего замаха не хватило места, но удар плоской стороной пришелся скандинаву по голове и был таким сильным, что отбросил молодого человека к стене. В глазах у него закружились белые пятна. Сквозь пелену он не столько увидел, сколько ощутил новый замах лопатой, острый край которой теперь был повернут в сторону его лица. Саблю он придавил своим телом, так что защититься можно было, только вскинув руку.

«Ну и ладно, – подумал Эрик. – Фуггер неплохо управляетя и с одной!»

Лопата на секунду застыла, раздался треск – и она упала

прямо вниз: черенок разлетелся под ударом топора. Тело нападавшего отлетело спиной в темноту.

– Кто здесь командир? А? Не слышу!

Яростное лицо отца находилось всего в дюйме от глаз Эрика, мощная рука схватила его за ухо и встряхнула голову, словно погремушку.

– Ой! Ты, отец. Ты командир!

Ухо сына оказалось липким, и, отняв руку, Хакон увидел на ней кровь. Гнев превратился в тревогу.

– Как ты? Дай, я посмотрю рану! Эрик оттолкнул заботливые руки отца.

– Только задело. Пустяки. – Глядя, как мимо с боевым кличем пробегают их товарищи, Эрик с ухмылкой напомнил: – По-моему, ты только что говорил, будто ты тут командир!

Улыбка Хакона выражала и гнев, и радость. Он схватил Эрика за воротник и поставил на ноги.

– Держись за мной!

Отвесив сыну оплеуху, которая была почти такой же мощной, как удар той лопатой, он зашагал по туннелю.

– Как прикажешь, отец.

Эрик поднял упавшую саблю. В ушах у него звенело. Подумав секунду, он извлек из ножен на спине ее близнеца. Приближаясь к вражеским траншеям, туннель постепенно расширялся, так что вскоре будет достаточно места для обоих клинков.



К тому моменту как скандинавы догнали свой отряд, солдаты уже справлялись с первым серьезным сопротивлением, которое им оказали у широкого выхода из туннеля, у ступеней, ведущих во вражескую траншею. Двое бойцов пали, получив огнестрельные раны, а остальных остановили шесть наемников, которым хватало места для замахов алебардами. Силы были примерно равны, но Хакон не мог оставить этих шестерых: они последовали бы за ними в туннель и не дали бы спокойно унести раненых. А ведь туннель должны скоро взорвать!

– Думаю, шансов сдаться нет! – крикнул он по-немецки через стену вздернутых пик.

– ...Твою мать! – откликнулся заросший бородой швейцарец. – И твою жену – тоже, как только мы войдем в ваш крысиный городишко!

Его товарищи расхохотались, выкрикивая новые оскорбления. А потом, заглушая насмешливые голоса, раздался резкий звон: два изогнутых клинка столкнулись идеально заточенными краями.

– Не люблю, когда люди угрожают моей покойной матери, – заявил Эрик. – Да и моей праведной бабке, да упокоит Бог души обеих.

Хакон повернулся, хотя и понимал, что напрасно тратит время. Он уже начал поднимать свой боевой топор, чтобы принять участие в том, что неизбежно должно было последовать за обменом «любезностями».

Он стоял вполоборота, готовясь заговорить, когда мимо него стремительно пролетели два кривых клинка, ослепляя своим блеском.

– Божья кровь! Эрик! – Эти слова были еле слышны, но совсем иначе прозвучал боевой клич, с которым Хакон рванулся следом за сыном: – Сиена! Хох, хох!

Наскок Эрика разделил шестерых швейцарцев: четверо с одной стороны и двое – с другой. Поскольку сын уже убил одного противника и вступил в бой со вторым, Хакон поднырнул под алебарды большей группы, упал на колени и ударил топором низко, параллельно земле. Первому швейцарцу удалось перепрыгнуть через летящее лезвие, но второму оно впилося в икру, заставив завопить от боли. Раненый повалился назад, на двух своих товарищей. В следующие мгновения солдаты Хакона оказались среди них – и бой закончился еще за несколько мгновений.

Хакон повернул голову и увидел, что Эрик весь залит кровью. Лицо сына превратилось в кровавую маску, с которой смотрели белые, дикие глаза. И в эту секунду молодой человек резко вскинул голову, пригнувшись.

– Отец! Чуешь? Жареные цыплята!

И с безумным криком Эрик взбежал по ступеням во вражеские траншеи.

Хакон видел глаза молодого воина: они говорили о том, что Эрик смотрит словно сквозь красный туман. И дело не в той крови, что покрывает его лицо... Нет, некоторое отно-

шение к этой алой дымке кровь все же имеет, потому что безумие боя всегда обладает привкусом железа. Обычными словами этой дымки не разогнать. Это могут сделать только смерть – или победа. Ведя свой отряд следом за сыном в гущу врагов, Хакон только надеялся на то, что безумие боя охватит и его тоже.

\* \* \*

Бекк почувствовала, когда Жан вышел на верх каземата. Она ощутила на себе его взгляд. Она знала, куда он направился. Для этого ей не требовалось смотреть на него. Она неизменно ощущала его присутствие. Дома Бекк всегда знала, где именно он находится: работает на своих виноградниках, охотится на дичь в лесу, занят в оливковых рощах... Это ощущение его близости возникло задолго до их счастливых дней, еще в их первую встречу – девятнадцать лет тому назад. Каждый день Бекк могла точно определить его местонахождение в осажденной Сиене. Однако то, что некогда было благословением, теперь превратилось в проклятье. Ей не хотелось все время думать о нем. Ей вообще не хотелось о нем думать.

Бекк никому не могла рассказать об этом. Ни самому Жану, потому что Ромбо никогда не любил говорить о чувствах. Ни их дочери, их Анне, названной в честь королевы, ради которой Жан чуть не погиб. Это роковое имя и стало первым

звенном в цепи, которая связывала отца и дочь так крепко, что не оставляла места для других. Ни ее пропавшему сыну, Джанни. Теперь уже не могла. Мужчина, которого Ребекка ощущала всем своим естеством и на которого теперь не могла смотреть, позаботился об этом, когда прогнал их сына из дома.

Бекк поставила мушкет на подставку, сделанную из мешка с шерстью, лежавшего перед ней на парапете, проверила тлеющий фитиль, пороховницу, нащупала свинцовые пули в кармане. Все-таки еще есть минуты, когда она может не думать о муже, – в приближающемся сражении. Однако если все пойдет в соответствии с замыслом Жана, ей не будет дано даже этого облегчения, потому что короткий бой состоится только под землей. Ребекке почти хотелось, чтобы план ее мужа не удался.

Подавшись вперед, она посмотрела сквозь амбразуру. В траншее флорентийцев напротив них, вниз по склону и примерно в ста шагах от стены, все было спокойно. Только время от времени чей-то голос звучал с поддельным спокойствием. Бекк знала, что за турами, наполненными песком, за фашинами и плетеными стенами бесшумно прячется множество людей, готовых хлынуть в туннель, как только возникнет такая возможность. Им было известно о существовании контрмины. Они надеялись, что их саперы наткнутся на нее и что она окажется плохо защищенной. В случае удачи кое-кто из врагов вскоре станет мишенями. Бекк переложил

ла ложу, прижав ее к плечу, и, прищурившись, стала смотреть вдоль дула.

Прошло всего двадцать минут с тех пор, как Хакон увел свой отряд под землю. И вот тихий мир, лежащий напротив Бекк и ее отряда, постепенно начал наполняться шумом. Все началось с очень тихого хлопка – словно кто-то в отдалении уронил стеклянный сосуд. А потом раздался первый из множества криков – пронзительные взвизги страха и боли. Приказы, отдававшиеся хриплым шепотом, стали громкими, поскольку необходимость скрытности исчезла с появлением на позициях первых раненых. Бекк услышала, как на дальней стороне каземата вполголоса закликает Жан, обращаясь к тем, кто находится внизу, – как будто они могут его слышать:

– Ну же, Хакон, веди их обратно! Фуггер, готовь взрыв! Шум во вражеских траншеях усилился десятикратно, словно кто-то вдруг распахнул окно над кипящим боем. Не заботясь о том, что в нее могут прицелиться, Бекк подняла голову. Она успела увидеть, как плетеное ограждение взлетело в воздух – с другой стороны в него резко ударили каким-то оружием или телом. Ограда упала на землю, и в дыре одновременно взметнулись два изогнутых клинка. Когда они опустились, Бекк услышала крик, который всегда сопровождал их сверкание:

– Хаконсон! Хаконсон!

Она стремительно повернулась и пошла к мужу – теперь

ей это было совершенно не трудно.

– Жан! Они в траншее противника. Я видела Эрика!

– Проклятье! Проклятье на них!

Жан не смотрел туда – в этом не было никакой нужды. Он знал этот возглас не хуже ее.

– Им понадобится помощь.

Бекк направлялась к нему – а ему сейчас меньше всего хотелось ее видеть. Жан оттолкнулся от стены и побежал к двери. Спотыкаясь на ступенях, безмолвно и беспрестанно проклиная Хакона, он заставлял свои ноги и палку тащить себя к орудию, расположенному ниже всех, а оттуда – к спуску в подземный ход. Глядя в яму, Жан немного помедлил, но выхода у него не оставалось. Приказав трем стрелкам идти впереди с факелами, он судорожно вздохнул и полез за ними в яму. Свет ему не помогал – там все равно было затхло и мрачно, однако он быстро добрался до главного хода и миновал то место, где Фуггер слушал врагов и где лежал продырявленный и разбитый барабан. Сам Фуггер отыскался чуть дальше: держа лопату одной рукой, он прикапывал бочонки с порохом у деревянных подпорок на разветвлении хода.

– Хакон в траншее.

– Что?

Фуггер прервал работу и утер рукавом грязное лицо.

– Дурак! Я же говорил ему, приказывал...

Жан был вынужден замолчать: у него сорвался голос. Все равно это ничего не даст. Еще раз глубоко вздохнув, он спро-

сил:

– Сколько, Фуггер?

– Всего несколько минут.

– Взрывавай, как только сможешь. Нельзя рисковать: флорентийцы могут прорваться. Тогда Сиена падет.

– А Хакон?

Жан повернулся и бросил:

– Нам придется искать ему другой путь домой. Фуггер закончил утрамбовывать землю вокруг более крупных бочек. Пристроив меньший бочонок под мышкой той руки, у которой не было кисти, он открыл затычку. Оттуда посыпался порох.

– Убери факелы, Жан. Вытащи их из стен. Мы ведь не хотим, чтобы все взорвалось раньше времени.

– Но как ты увидишь, где проложить пороховую дорожку?

Фуггер улыбнулся:

– Это – мое царство. Как ты думаешь, много я видел в куче отбросов под виселицей?

– Не рискуй. Эти люди останутся здесь с аркебузами, чтобы тебя прикрыть.

С этими словами Жан повернулся и побежал к бастиону, по дороге снимая факелы со стен и туша их о землю. Ему необходимо было узнать, что происходит в траншеях напротив.

– К черту, к черту этих скандинавов! Я сам убью их, если этого не смогут флорентийцы!

Флорентийцы очень старались оставить Жана без этой работы. А также испанцы, швейцарцы и сборная солянка из немцев.

Поначалу они решили, что молодой солдат, вырвавшийся из-под земли, – это один из своих, сбежавший из подземного боя. Трое умерли, продолжая так думать, а еще трое попытались не умереть, выставив против кружащихся сабель рапиру, пику и лопату – все, что могло служить оружием. А потом вдобавок появился боевой топор, которым орудовал еще один рослый и светлобородый мужчина. Чуть позже к ним прибавились мечи в руках новых врагов. Опасаясь, что эти враги – не последние, и глядя, как стремительно погибают их товарищи, флорентийцы и их наемники бежали с позиций.

Эрик увидел, как спины врагов скрываются за поворотом земляного укрепления, и бросился было за ними. Однако ладонь размером с тарелку схватила его за горло и перекрыла ему воздух, заставив остановиться на месте.

– Эк! – удалось выдавить Эрику, прежде чем Хакон развернул сына на месте, вынудив подняться на цыпочки.

Одно багровое лицо на секунду оказалось рядом с другим таким же красным.

– Хватит, парень! – прокричал старший. – Хочешь биться с целым миром?



Он отбросил сына назад, и Эрик отлетел к стене траншеи. Там, задохнувшись, он втянул в себя воздух – и уловил великолепный аромат. Повернув голову, Эрик узрел жир, стекающий с блестящей поджаристой корочки. Курица была насажена на вертел вместе с шестью такими же румяными товарками. А над кострищем чуть дальше еще дюжина роняла жирный сок на уголья.

– Отец!.. Еда!

Рот Хакона моментально наполнился слюной. Запустив пальцы в ближайшего цыпленка, он отрывал клочья мяса и быстро совал в рот целыми горстями. И что ему опаливший пальцы жар! Глаза у Хакона закатились от удовольствия, и на миг все исчезло: багрянец, плавающий перед взором, безумие боя, запах крови, страх за своего мальчика. Он как будто снова оказался на постоялом дворе «Комета»... Перед ним – дюжина каплунов, а в сердце – твердое намерение съесть их всех!

Выстрел пищали вернул Хакона к реальности. Стрелял с края траншеи офицер-флорентиец: он быстро вышел на позицию и не менее поспешно отступил назад. Хакон понял, что противник успел увидеть все, что ему требовалось. Еще несколько секунд – и он пошлет против них солдат.

– Эрик! Возьми троих и удерживай проход. Но не заходи в него!

Скандинав посмотрел на вход в туннель. Они зашли слишком далеко. Сейчас, в эту самую минуту, Фуггер гото-

вится произвести взрыв. Иначе и быть не может: если туннель оставить открытым, то город может пасть. Не для этого они сражались уже пятнадцать месяцев. Сиенцы не станут ждать, пока вернутся их безрассудные товарищи. Риск слишком велик.

Хакон взглянул поверх насыпи, с которой Эрик в начале атаки сорвал плетеные ограждения. В ста шагах выше по склону возвышались стены Сиены, залитые полосами света идущей на убыль луны. Там, у основания укрепления Сан-Виенских ворот, в стене находилась небольшая дверь.

Хотя Жан наверняка злится на него, но если подойти туда и постучаться, то он, конечно же, впустит своего старого друга. Особенно если тот принесет ему поужинать.

Перекрикивая бряцанье сабель и мечей, Хакон гаркнул: – Хватайте цыплят! Идем к стене!

\* \* \*

Военный совет по необходимости длился недолго, хотя к ним уже присоединился главнокомандующий Сиеной, Французский генерал Блез де Монлюк. Как всегда, он пришел на звук пушечных выстрелов. Он был одного роста и одного возраста с Жаном, но шрамов на лице носил вдвое больше. Один глаз, зоркий и синий, шурился поверх парапета, второй был представлен кружком, нарисованным на повязке.

– Здесь командуешь ты, Ромбо. Это – твой бастион. Если

хочешь, мы можем присоединиться к тебе, чтобы не давать им поднять головы.

Блез де Монлюк махнул рукой назад, указывая туда, где стояли тридцать его солдат, некоторые – с мушкетами, а несколько – с более тяжелыми пищалями, которые передвигались по стенам в соответствии с требованиями момента.

Жан мельком удивился тому, что опытный генерал уступает ему право решения, но тут же сосредоточился на тех вариантах, которые у него имелись.

Однако в это мгновение нерешительности из теней у стены подала голос Бекк:

– Никаких вопросов тут нет. Мы должны это сделать. Мы должны это сделать немедленно.

Для тех офицеров Монлюка, которые ее не знали, голос женщины показался оскорбительным, неуместным на этом военном совете. Однако сиенцы, которые видели Бекк в бою, придерживались совсем другого мнения.

Жан посмотрел в темноту.

– И скольких еще людей мы потеряем, если попытаемся прийти на помощь к этим?

Тут Ребекка вышла из тени, направляясь к мужу.

– Ты слышал, что я сказала. Никаких вопросов нет. Я выхожу к нашим друзьям.

Она была права относительно того, что вопросов тут не было. Но не в том смысле, какой вкладывала в свои слова сама Бекк. Ее речь поставила Жана в безвыходное положение.

Теперь он мог дать только один ответ. Теперь он мог произнести только ту фразу, которую хотелось услышать всем.

– Откройте ворота для вылазок. Милорд, командуйте стрельбой ваших людей.

– С удовольствием, Ромбо. Но половина моих людей пойдет с тобой. Жаль, что я сам не могу. – Сорвав с головы украшенную плюмажем шляпу, Блез де Монлюк швырнул ее на пол. – За Францию! За Сиену! И за твою прекрасную супругу!

С громкими возгласами солдаты бросились занимать места. Жан догнал Бекк и резко развернул ее лицом к себе.

– Тебе не следовало позорить меня и заставлять делать это.

– Прежнего Жана не пришлось бы позорить.

– Здесь командую я, Бекк. Я должен думать о моих людях. Я должен думать о победе.

– А я – только о Хаконе! О человеке, который двадцать лет назад удерживал мост в Пон-Сен-Жюсте, чтобы ты смог сдержать клятву, которую дал Анне Болейн. Ты забыл о нем? И о его сыне? Это – еще один сын, о котором ты забыл, Жан Ромбо.

Бекк увидела его боль, увидела, как ранили его эти слова, и ей мгновенно захотелось взять их обратно, но было уже поздно. Боль сменилась яростью.

– Но ты в бой не идешь, Бекк. Это мой приказ. Я требую, чтобы ты его выполнила. И если понадобится, прикажу за-

ковать тебя в цепи.

Они стояли нос к носу, гневно глядя друг на друга. Наконец, не отрывая от него взгляда, Бекк пошла мимо мужа к лестнице.

– Я возьму мой мушкет и буду охранять моих друзей. Мы еще поговорим об этой минуте. Знай это. – Остановившись на нижней ступеньке, она добавила: – Ты идешь?

Наконец Жан отвел взгляд, каким-то образом сумев ответить ровным голосом:

– Нет. Не могу. Я еще не поправился. И я командую. Жан Ромбо услышал, как Бекк тихо проговорила:

– Ну конечно.

Когда он снова посмотрел в ее сторону, то увидел только спину, быстро удалявшуюся вверх по лестнице.

Жан сделал шаг ей вслед, окликнул: «Бекк!», но она уже ушла. Тогда он отвернулся и начал отдавать распоряжения.

Его отряд состоял всего из восьмидесяти человек, и Жан должен был почитать себя счастливым, что сумел собрать хотя бы столько: ослабевшие защитники Сиены были довольно редко расставлены по стенам. Жан намеревался оставить тяжело вооруженных французов-копейщиков де Монлюка в резерве. Он пошлет в бой разномастных сиенских ополченцев с немногочисленными опытными шотландскими наемниками. Шотландцы примутся ворчать на своем никому не понятном языке из-за опасного задания, потому что им не платили с тех самых пор, как в последний раз удалось про-

рвать осаду Сиены – это произошло целых пять месяцев назад. Но сражаться они будут, хотя бы ради своих товарищей, которые пошли с Законом. Они привыкли стоять за свой клан, их родство скреплялось кровью и странными татуировками.

Жан Ромбо едва успел расставить солдат перед воротами для вылазок и отодвинуть последний засов, когда из-под земли вынырнула окровавленная голова какого-то сиенца с наполовину отрубленным ухом. Он завопил:

– Они в туннеле! Иисусе, братцы, враг у дверей! «Если флорентийцы в туннеле, то где же к черту Закон?» Осторожно приподняв голову над парашетом, Жан получил ответ на свой вопрос: из траншеи напротив выпрыгнули десять человек, и голос скандинава прокричал:

– Сиена!

\* \* \*

Враги действительно находились в туннеле, хотя и не совсем у дверей. Фуггер знал это, потому что и сам находился там с тремя аркебузерами, чье оружие еще не было разряжено. Он заканчивал прокладывать дорожку из пороха, которая тянулась в темноте по земляному каналу, прорытому им только накануне. Последние двадцать ее шагов пришлось по необходимости прокладывать наспех, поскольку она оказалась на флорентийской стороне прохода.

Трудно было рассчитывать на то, что в горячке боя Хакон вспомнит и успеет закрыть двери с вражеской стороны. Возможно, это и не будет иметь значения. Взрыв может оказаться достаточно сильным и в том случае, если они закроют двери только со своей стороны. Если Фуггер правильно рассчитал заряд.

Наклонившись над пороховым каналом, Фуггер поднял фитиль, зажатый в единственной руке. И как раз в эту секунду из-за угла выбежали три флорентийца.

Мгновенно последовали шесть вспышек аркебуз и пистолетов. Выстрелы в тесном пространстве повредили Фуггеру одно ухо, отбросив немца в сторону. Дым застлал небольшой отрезок туннеля, освещенный единственным тусклым фонарем. Лежащий на земле, оглушенный, Фуггер все же искал взглядом факел, горящий конец которого ему нужно было сунуть в пороховой канал, оказавшийся прямо перед ним.

Факела не было. Поднеся руку к лицу, злополучный немец понял, что на ней не осталось среднего пальца и мизинца – только кровь и расщепленные кости. Свинцовая пуля оторвала их.

Трое солдат, бывших рядом с ним, умерли. Флорентийцы исчезли, но они по-прежнему находились где-то в туннеле и готовились к атаке.

Времени не оставалось. Фуггеру необходимо было что-то предпринять, пока он совершенно не обессилел от боли. Рядом с ним из-под перевязи мертвеца высовывался пистолет.

У пистолета был кремневый запал. Фуггер зажал рукоять оставшимися пальцами. Оружие было заряжено, так что одного нажатия большого пальца будет достаточно, чтобы повернуть колесико. В запал полетит искра, которая подожжет порох и пошлет пулю. Фуггер слышал, что это оружие дает осечку пять раз из десяти.

Радуюсь тому, что у него имеются хотя бы половина шансов и полруки, Фуггер приблизил пистолет к пороховому каналу и, уже слыша приближающиеся голоса, повернул колесико.

\* \* \*

В тот момент, когда облака разошлись и лунный свет ударил в землю, люди Хакона выскочили из траншеи. Они успели пробежать около дюжины шагов, прежде чем раздался залп из мушкетов. Несмотря на то что бежавшие старались увертываться, четыре человека сразу же упали, и только один из них потом поднялся и заковылял дальше. Двое бегущих, чьи золотые волосы посеребрил лунный свет, остановились, чтобы помочь своим раненым товарищам. Еще пять шагов – и Бекк не сомневалась, что сможет выстрелить над их головами. И она сделала это, лишь на несколько секунд опередив залп отряда де Монлюка. Пули мушкетов и более тяжелых пищалей вбили свинец в туры. Плетеные заграждения врага смело словно невидимой рукой.



Именно этого и ждал противник. Хотя залп той части отряда де Монлюка, что задержала выстрел, выбил из строя нескольких солдат, не меньше ста врагов перепрыгнули через насыпи и бросились в погоню за сиенцами. Их добыче удалось преодолеть половину расстояния до стены. Некоторые продолжали бежать, быстро приближаясь к укрытию, однако раненые отставали, и расстояние до них стремительно сокращалось. Еще секунда – и их сомнут.

– Пора! – крикнул Жан.

Ворота для вылазок распахнулись, и оттуда хлынули люди. Первые беглецы слились с ними, а потом побежали дальше, к двери в стене. Последних пятерых догнали. Оттолкнув себе за спины раненых, Хакон с Эриком повернулись, подняв оружие.

– Хаконсон!

Их окружили. Вражеские солдаты нахлынули на скандинавов, встречая тех, кто бежал из города им навстречу: так волна, разбивающаяся о берег, сталкивается с той, что нахлынула перед ней. Воинственные крики смолкли, сменившись звуками ударов – остановленных и пропущенных. Скандинавы, отец и сын, стояли рядом, потеряв счет предназначенным другому ударам, которые они приняли на себя. Топор и кривые сабли наполнили пространство сплошным блеском стали. Постепенно пустота вокруг них стала наполняться телами, становясь скользкой от крови.

Такое не могло продолжаться долго. Схлестнувшиеся вол-

ны были примерно одинаковыми. Они остановили друг друга с равной силой. Однако из траншей флорентийцев подходили новые подкрепления: кое-кто заметил дразняще открытые ворота в стене, которую уже пятнадцать месяцев безуспешно пытались пробить. По мере подхода новых солдат защитники выстроились неровным полукругом, чтобы задержать их. Они медленно отступали к воротам. Каждый сознавал, что, если сломается хоть один, линия распадется и все они будут пойманы и убиты прямо перед узким входом.

Бекк не могла применить свой перезаряженный мушкет из-за толчеи и теперь просто смотрела, как внизу нарастает отчаяние. Она видела неумолимое накапливание сил противника, понимала, что ее друзей вот-вот сметут. Оставался всего один шанс, и она побежала вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Бекк нашла Жана на средней площадке, над боем. Прижавшись к стене, он смотрел в гущу схватки, и губы у него не переставали шевелиться.

– Сейчас, Жан, сейчас! Отправляй французов де Монлюка. Это их единственная надежда.

Жан продолжал смотреть вперед и что-то бормотать.

– ...

– Что с тобой? Отправляй их в бой!

Жан повернулся – и Ребекка отшатнулась при виде его мертвого взгляда.

– Они погибли.

Бекк рванулась мимо него и сбежала по последним ступе-

ням. Вскочив на пороховую бочку, она крикнула:

– Французы! Ваши предки пошли за Жанной Д'Арк! Вы пойдете за мной?

Тридцать глоток издали ответный рев. обнажив короткий меч, висевший у нее на поясе, Бекк вывела копейщиков за ворота. Они построились, опустили пики и двинулись вперед.

На мгновение это дало результат: двадцать мужчин в броне тесным отрядом двинулись в наступление. Свои подныривали под их пики, враги пятились. Хорошо обученные солдаты остановились на передней линии, а немцы и испанцы отступили на несколько шагов, чтобы выставить против их пик свои. Эти солдаты, настоящие профессионалы, уже пятьдесят лет выступали друг против друга на полях сражений по всей Италии. Каждая сторона знала, чего ожидать от противника.

Наступила тишина, та странная тишина, которая порой опускается над боем. Люди глубоко дышали, словно только сейчас научились это делать. Казалось, даже раненые стараются не стонать. В этой тишине Бекк отыскала скандинавов, которые остановились сразу за отрядом с пиками, опираясь на свое оружие.

– У тебя кровь идет, Хакон.

– Бекк! Мне следовало знать, что я тебя тут увижу! – Он осмотрел себя. – Это? Это не моя.

И он рассмеялся. Громко.

Его смех разрушил тишину.

– Сдавайтесь, французские и сиенские шакалы! Они запрут за вами ворота и оставят умирать. Сдайтесь на нашу милость – и, может быть, вас пощадят.

Ответом было простое французское слово. Даже отвратительный выговор Хакона позволил всем узнать слово «дерьмо»:

– Merde!

На поле боя вернулся шум: крики, угрозы, вопли. И на фоне всего этого раздался новый звук. Хлопок. Он прозвучал слабо, но почему-то его услышали все. Возможно, потому, что он сопровождался колебанием, которое пробежало вверх от подошв. Из траншеи флорентийцев вдруг вырвалось пламя – в том самом месте, откуда недавно выскакивал Эрик. Земля вокруг готовых к бою людей начала вставать на дыбы и смещаться. Борозды, словно проложенные каким-то безумным пахарем, пролегли между ног, заставляя солдат падать.

– Мина! Мина взорвалась!

И под этот крик огромный участок земли провалился в туннели. Это произошло в основном на стороне флорентийцев. Солдаты ушли под землю футов на тридцать. Извилистая расщелина пробежала как раз перед Хаконем и Бекк, и скандинав едва успел ухватить сына за ворот, так что тот секунду висел над внезапно разверзшейся пропастью, пока отец не оттащил его назад.

Хакон прокричал:

– Рука Господа, Бекк?

– Единственная рука Фуггера! Идем!

Взрыв вывел Жана из оцепенения, тем более что за мгновение до этого из-под земли выскочил Фуггер. Метнув взгляд в сторону сражения, Ромбо увидел, как передовая часть отряда противника исчезает под землей. Почти сразу же французские подкрепления стали огибать провал, а сиенцы принялись протискиваться сквозь узкие ворота для вылазок.

– Милорд? – крикнул Жан, обращаясь вверх, к Блезу де Монлюку.

– Видел, Ромбо! – невозмутимо ответили оттуда.

Залп остановил наступающих, дав защитникам возможность отойти. Они толпились в воротах, но не застревали в них, и спустя минуту все, кто мог идти, ползти или быть вынесенным, оказались за стенами Сиены. Хакон и Бекк были последними, так как они возвращались еще за одним раненым. Протащив его в ворота, Хакон повернулся к Бекк и любезно улыбнулся:

– После тебя, миледи.

Он увидел начало ответной улыбки, а потом ее вдруг сменило изумление, и Бекк упала прямо на скандинава. Когда Хакон подхватывал Ребекку, его рука натолкнулась на нечто жесткое, оперенное. Оно на палец торчало из ее спины.

Хакон поднял женщину на руки и зашел в ворота. Когда

они захлопнулись, Хакон крикнул:

– Жан! Бекк ранена.

– Это пустяк! Ничего страшного, – только и сумела сказать она и потеряла сознание.

В следующий миг Жан уже был рядом с ними.

– Мне! Давай ее мне!

Он принял ее у Хакона, изумляясь тому, какой невесомой стала Бекк за ту вечность, пока он не брал ее на руки. Ее голова бессильно откинулась назад, незрячие глаза спрятались за густыми ресницами – и внезапно Жан смертельно испугался, что больше никогда не заглянет в эти глаза, не увидит в них любви или хотя бы гнева. Толпа солдат расступилась перед ним, крики ликования смолкли. Наверху Блез де Монлюк подошел к парапету, сдергивая с головы шляпу с пером. Скорчившийся у лестницы окровавленный Фуггер протянул перебинтованную руку к Жану и его ноше.

Жан мог пойти только в одно место. Только один человек в силах вернуть блеск черным глазам Бекк. Жану необходимо отыскать ее – и немедленно. Ему необходимо было найти его Анну.

## Глава 2. ИНКВИЗИЦИЯ

Они пошли за ним прямо от входа в гетто. Хотя им и было известно, куда он направляется, полезно попрактиковаться, следя за старым евреем, петляя следом за ним по узким переулкам, а потом – по более широким и людным улицам. Им приходилось не только скрываться от него – а он был весьма осторожен и часто оглядывался назад, останавливаясь для этого около уличных лотков и трогая то грушу, то отрез ткани, – но и отвести глаза его теням. Их оказалось три, и в толпе они совсем не выделялись, поскольку избавились от всех внешних признаков своей веры и оделись как обычные римляне. Иногда они останавливались позади еврея, иногда уходили вперед и ждали, чтобы он снова опередил их. Они действовали умело, но Серые Волки были еще более умелыми и вскоре троих отделили, отрезали от старика – по двое на одного, включив незримых стражей в свой собственный танец обмана и переодевания.

Джанни Ромбо был доволен. Они неплохо выучились, его «волчата». Тем временем его более опытные братья – Рудольфо, Вильгельм – без труда взяли на себя роль пастухов, справившись со своим естественным желанием убить как можно быстрее – ради приведения в жизнь их плана. Вильгельму подобная сдержанность будет даваться особенно трудно. Его рука постоянно тянется в сторону кинжала. Но,

встретившись взглядом с баварцем, согнувшимся над книгой на виа Гулиа и торгующимся с владельцем лотка, Джанни убедился в том, что тот владеет собой и спокоен. Еврей задержался впереди, у тележки пирожника. Джанни схватил яблоко и подбросил его в воздух. Монетка была выужена из кармана и брошена разносчику за миг до того, как яблоко вернулось к нему в руку.

Джанни был доволен еще по одной причине. Три тени говорили о том, что их добыча несет с собой нечто ценное: может быть, кольца, а возможно, даже ожерелье. Серые Волки охотились ради крови, но всегда приятно получать за свои труды дополнительную награду. Христовы дары дают средства на Христово дело.

Старик начал быстро удаляться, неожиданно повернул и направился к приземистому строению – Кастель Сан-Анджело. Джанни был уверен, что их не заметили, но все же что-то спугнуло их добычу. Похоже, в душе старого еврея возникло необъяснимое предчувствие опасности. Чтобы он не повернул обратно и не скрылся в гетто, куда они не смогут последовать за ним, им придется оставить его в покое.

Джанни начал есть яблоко, не сходя с того места, где его купил. Плод был старым, он пролежал всю долгую зиму в подвале, и кожура у него была покрыта пятнами и полосками. «Оно немного похоже на этого старого еврея», – подумал Джанни, медленно жуя. Эта мысль заставила его улыбнуться. Он ощущал своих людей, даже не видя их. Он знал, что



они поняли сигнал, которым послужило это яблоко, и найдут чем заняться: начнут читать книгу, покупать орехи или жареную требуху. Тени еврея медленно проплыли мимо – одна за другой. Они скользнули в переулок и вскоре потерялись в лабиринте, лежавшем впереди.

Это не имело значения. Упражнение пошло на пользу. Серые Волки проследили свою добычу через половину Рима. Бросив огрызок яблока в забитую мусором канаву в центре улицы, Джанни свернул в улочку, которая вела в противоположную сторону от той, куда ушел еврей. Джанни знал, что остальные направятся к месту встречи своими путями – и соберутся там к полуденному колоколу. К этому времени еврей окажется в доме в оливковой роще на краю Трастеверы. Успокоившийся, считая себя в безопасности.

Джанни миновал небольшую часовню, построенную для местных рабочих и их семей. Ее можно было опознать только по кресту, вырезанному на притолоке. Он приостановился. Ему было бы полезно помолиться, сосредоточиться на словах Господа, поразмышлять о том, почему он, Джанни, по своему совершает Христово дело. Наклонив голову, молодой человек вошел в сумеречный душистый мир. В часовне были грубые стены, украшения отсутствовали – она являла собой полную противоположность пышным дворцам молитвы, которыми изобилует Рим. Эта скромная часовня напомнила ему сельские церковки, где Джанни впервые встретился со своим Спасителем – среди холмов в окрестностях Монте-

пульчиано.

Пол был выложен неровными плитками, местами разбитыми. Увидев, что он здесь один, Джанни сразу же распростерся перед алтарем, прижимая лицо к земле и повторяя раскинутыми руками фигуру креста. Он начал читать молитвы. Обычно ему удавалось целиком отдаться латыни, ее баюкающим ритмам и знакомым интонациям, но сегодня она представлялась такой же неровной, как выщербленные плитки пола под его щекой. Поначалу он решил, что его мысли слишком заполнены делом, которое ему предстоит. Он все еще занимается мелкими погрешностями и уточняет детали. Джанни боролся с собой, понимая, что ему следовало бы оставить это в стороне и полностью отдаться поклонению Христу. Он боролся, пока не понял, что именно ему мешает: эта часовня, столь похожая на те, которые он знал в юности, пробудила воспоминания, прогонявшие молитву. Хотя Джанни Ромбо не видел своих родителей уже три года, их грехи по-прежнему оплетали его, словно повилика – стебель.

Под сводом кашлянули. Джанни поднялся и быстро повернулся. Его рука потянулась к поясу и заправленному за него кинжалу. Позади него перед скамьями, сжимая руки, преклонил колени Вильгельм. Он посмотрел в сторону двери, и Джанни кивнул. В последний раз преклонив колени и перекрестившись, они вышли на дневной свет. Начался дождь, и Джанни посмотрел на небо, выискивая просвет в облаках. Дождь был не на пользу его плану.

– У тебя течет кровь. – Вильгельм провел пальцем по щеке Джанни. – Видишь?

На поднятом пальце оказалась красная полоса. А в ее центре – осколок плитки.

Джанни схватил этот палец и отогнул его назад. Огромный немец согнулся пополам от боли. Когда он наклонился совсем низко, Джанни приблизил губы к его уху и прошептал:

– Я рад был бы отдать всю мою кровь, когда мы будем делать наше дело. И все же хочу остаться живым, чтобы сделать это снова, снова и снова.

Он выпустил палец, и Вильгельм начал его растирать. Осколок плитки проколол ему кожу, крови стало больше.

– Будь внимательнее, Джанни. Он пососал палец.

– О, я внимателен. – Темные глаза молодого Ромбо сверкнули. – Я внимателен к делу Божьему.

Две фигуры, закутанные в серые плащи, вышли под дождь и зашагали к Трастевере.

\* \* \*

Ливень падал косыми струями, хлестал по земле, отскакивал от оливковых деревьев – такой сильный, что дом в центре рощи мерцал. Три тени собрались под его крышей, вокруг кирпичного очага, который они пытались растопить сырыми поленьями. Их усилия не приносили успеха, зато давали им

занятие, и поэтому все реже и реже один из них удалялся, чтобы обойти вокруг дома.

Джанни спрыгнул со стены и приземлился рядом с двумя своими «волчатами». Неуклюжий гигант, Бруно, бросал нож в землю между своими ногами. Дождь струями стекал с его плаща, но он не обращал на это внимания, поглощенный созерцанием того, как лезвие впивается в землю. Худенький Пикколо пытался разжечь еще два масляных фонаря от того, который держал у себя на коленях. Но каждый раз, когда он вынимал из-под стекла лучину, дождь или ветер гасили пламя.

Рука Джанни стремительно рванулась вперед, поймав на лету рукоять кинжала. Направив острие на Бруно, он сказал: – Помоги ему с фонарями. Когда зажжете, отнеси их остальным. И скажи, чтобы ждали сигнала. А потом возвращайся.

Он бросил кинжал между ног «волчонка», в опасной близости от паха. Бруно содрогнулся. Он вложил кинжал в ножны и поспешно принялся выполнять приказ. Сложенные лодочкой ладони быстро перенесли огонь, и вскоре все три фонаря уже горели. Взяв два из них, Бруно ушел под Дождь, скрывшись за углом стены.

Джанни привалился спиной к облупливающейся штукатурке. Дождь кое-что изменил, но не так уж много. Возможно, он будет им даже полезен, скрывая приближение Волков, – пусть даже пламя возмездия будет разгораться мед-

леннее.

Подставляя лицо под струи дождя, Джанни позволил себе улыбнуться.

«Да будет воля Твоя. Как всегда».

А потом Бруно вернулся, кивком показав, что все готово. Поставив ногу на подставленные Бруно руки, Джанни осторожно поднял голову над краем стены. В эту минуту он увидел, как одна из теней отодвинулась от очага в боковой части дома и пошла вокруг дома, скрывшись из поля зрения своих товарищей. Еще десять шагов – и он зайдет за вторую стену, попав в ожидающие его объятия Вильгельма. Джанни посмотрел в напряженное лицо Пикколо и кивнул. Паренек мгновенно запрокинул голову и очень достоверно изобразил крик голодной вороны.

Снова посмотрев на двор, Джанни увидел, как произошли три вещи. Большое полено перелетело через ворота и с мягким, но вполне различимым хрустом упало на мощенную гравием дорожку. Это заставило двух охранников у очага вскочить на ноги и повернуться в ту сторону. В это же мгновение третий охранник остановился, помедлил, а потом все-таки прошел за угол. Перебравшись через стену, Джанни спрыгнул на мягкую землю и сразу побежал. У себя за спиной он услышал, как соскочил вниз Пикколо, а потом – как тяжело приземлился массивный Бруно. На дальней стороне дома раздался крик тревоги, почти сразу сменившись стоном боли. Секунду два других охранника смотрели туда, откуда

донесся крик. Джанни находился всего в десяти шагах, когда первый охранник обернулся, и в пяти, когда тот протянул руку за тяжелой аркебузой, установленной под крышей. Джанни пригнул плечо и с разбегу ударил им в грудь охранника, сбив его с ног так, что тот отлетел к стене. Второй замахнулся на него кулаком, но Джанни увернулся и упал на спину тому, который как раз пытался встать. Он не столько увидел, сколько услышал удары, когда сначала более проворный Пикколо, а потом и Бруно со своими дубинками добрались до второго охранника. Джанни схватил подбородок лежащего и резко дернул его назад и в сторону. Раздался треск – и Джанни вместе с телом осел на землю.

Остальные три «волчонка», стоявшие у ворот, успели поднять полено, которое они перебросили, и побежали с ним к двери. Она раскололась после первого же удара и сложилась вдвое, так что сила разбега заставила тройку налетчиков пролететь в комнату и упасть. Пока к ним подходил Вильгельм с двумя своими «волчатами» – один из них сжимал себе запястье, которое, похоже, было сломано, – Джанни перешагнул через деревянные обломки и оказался в помещении.

Он уже бывал здесь раньше, так что предвидел, какая картина его ожидает. Та улыбающаяся девушка, которая дала жаждающему «студенту» воды, будет испуганно жаться в углу. И еврей, их дичь, которую они наконец загнали, тоже окажется в доме. А вот высокий мужчина с поднятым пистолетом, готовым к выстрелу, за спиной у которого жались еврей

и девушка, – его присутствия Джанни не предвидел. И когда тот человек сделал выстрел и пуля, задев лицо Джанни, впи­лась в штукатурку у него за спиной, молодой Ромбо спокой­но подумал, что присутствию незнакомца необходимо поло­жить конец.

– Мой! – крикнул Джанни, и в руке у него появился кин­жал – пара к тому, который был у противника.

Редко случались такие минуты, когда Джанни не прокли­нал все то, что дал ему отец, Жан Ромбо. Но вот его уроки по владению ножами... Джанни почти благословлял отца за них. Мужчина, который стал его противником, тоже учился бою на ножах: он встал в боевую позицию, выставив кинжал на уровне второй руки, вытянутой вперед для равновесия. Однако Джанни заметил, что противник держится не совсем ровно: правая нога слишком выставлена вперед. Перебросив кинжал в левую руку, Джанни ткнул им в лицо своего про­тивника, одновременно с тем расстегивая правой застежку плаща, сдергивая его с плеч, проводя над головой, в низ и вправо, пока тяжелая от дождя ткань не обвилась вокруг но­ги незнакомца. Шагнув назад, Джанни резко дернул плащ – и неустойчивая правая нога противника подогнулась, заставив того завалиться назад, на стол, который тоже упал. Выпустив плащ, Джанни сделал шаг вперед, вернул нож в правую руку, занес ее – и опустил. С громким криком боли мужчина сло­жился пополам от удара, поразившего его в живот, выронил свой кинжал и забился в корчах у ног Джанни.

В конце нападения Джанни оказался лицом к лицу со старым евреем.

– Что? Что? – только и смог пролепетать старик.

Выражение глубокого ужаса на лице дичи вкупе с опьянением боя заставили Джанни восторженно завывать – завывать, как животное, имя которого он присвоил. Волчий зов, подхваченный теми, кто стоял у него за спиной, оборвался, когда Джанни поднял руку.

– Што? Што? – преувеличенно передразнил он старика. – Сейчас узнаешь «што». – Обернувшись, Джанни приказал: – Уберите девицу на улицу, и слугу тоже. И прикончите этого... – Он лягнул извивавшееся на полу тело. – Еврея оставьте со мной.

Его волки послушно утащили плачущую девицу и умоляющего слугу, скрывшись за домом. Дождь бешено забарабанил по крыше, заглушая все остальные звуки. Слышалось только прерывистое дыхание старика. Джанни приложил ладонь к костлявой груди старика и толкнул его в кресло, с которого тот только что встал. Подвинув второе кресло, Джанни тоже уселся, скрестив руки на груди и откинувшись назад.

На улице еврей надевал капюшон, но теперь плащ был снят и голова обнажена – за исключением маленькой кожаной шапочки на макушке. Из-под нее на большой кружевной воротник падали густые волосы, пронизанные сединой и блестящие от какого-то жирного масла. Камзол еврея был простым, но хорошо сшитым, а поверх него был надет фар-



тук, каким пользовались все ремесленники. Голенища сапог доходили до половины икры, встречаясь с толстыми шерстяными гетрами.

«Да, – подумал Джанни, – если не считать головы, то с виду они мало чем от нас отличаются».

Он внимательно изучал это лицо – следы седой щетины, темные глаза под густыми бровями, которые метались, то норовя встретиться с глазами Джанни, то пытаясь избежать этой встречи, чтобы не разгневать его пристальным взглядом. Джанни не мешал их движению, делая свой взгляд нейтральным. А глаза старика все метались по комнате – пока они, словно бабочка, наконец усевшаяся на цветок, не устремились прямо на Джанни. Губы еврея начали шевелиться, из горла вырвалось тихое сипение, которое наконец преобразовалось в звук.

– Что?..

Старик замолчал, вспомнив, каков был первый результат этого вопроса.

– Пожалуйста... – начал он снова и замолчал, когда Джанни склонил голову набок и улыбнулся, изображая внимание:

– Нет, продолжай. Мне интересно услышать, что ты скажешь.

– Милостивый сударь, молодой господин... – Давно сдерживаемые слова хлынули потоком. – Я уверен, что мы сможем уладить этот... этот вопрос между нами. Не нужно... не нужно, чтобы кто-то еще пострадал. Мои люди заплатят, они

дадут вам все, что вы пожелаете, сколько бы вы ни попросили. Вам достаточно только попросить, только...

Джанни медленно поднял руку, вежливо прерывая его.

– Ты считаешь нас ворами? Думаешь, мы хотим забрать драгоценности, которые ты нес с собой?

Еврей кашлянул.

– Ну, я знаю, как это бывает. Долги... жизнь молодого человека требует больших расходов. Если вы что-то задолжали моим людям, если проценты слишком высоки, я... я уверен, что мы могли бы...

Рука поднялась снова.

– Долги действительно существуют. Но не денежные. И возмещение требуется. Но не процентов.

– Тогда какое же, сударь? Какой за мной долг? Я его уплачу, уверяю вас. Уплачу непременно.

– О, в этом я не сомневаюсь. – Джанни медленно поднялся с кресла. – Ты отдашь все, что имеешь, за самый большой долг в мире. Разве не вы убили нашего Господа?

Джанни совершенно не ожидал того, как изменится состояние старика. Вместо того чтобы перепугаться еще сильнее, он вдруг стал странно спокойным.

– Ах, – вздохнул старый еврей.

– «Ах»? Это все, что ты можешь сказать? Разве ты можешь это отрицать, еврей?

– А есть ли мне смысл это отрицать? Разве прежде это помогало моему народу? Если мы это признаем, вы нас убива-

ете. Если мы это отрицаем, вы нас убиваете. Смерть – единственное, что мы от вас получаем.

– Твой народ? – Джанни приблизил свое лицо к лицу собеседника. – Хочешь, я кое-что расскажу тебе о твоём народе? Сказать тебе тайну? – Он зашептал в самое ухо старика. – Моя мать – одна из вас.

И Джанни отстранился, чтобы увидеть реакцию – крохотную искру надежды, которая загорится в его глазах. Это всегда происходило одинаково. Джанни нравилось, когда люди умирали со слабой надеждой. Так им было труднее.

Надежда появилась – в руке, которая потянулась к нему, ухватив за камзол, в глазах.

– Кровь твоей матери – твоя кровь. Ее вера – твоя вера. Вот тут... тут... – Его пальцы постучали по груди Джанни. – Ты – один из нас.

Джанни выжидал, наслаждаясь минутой. Когда он заговорил, его голос звучал мягко.

– Если ты сможешь показать мне, где во мне живет еврей – в моей селезенке, печени, в самом моем сердце, – то я возьму вот этот нож и вырежу себе селезенку, печень, сердце. Пусть даже при этом мне придется умереть, Но мне не придется этого делать, потому что меня спасла Любовь Христова. Мне нужно только каждодневно отвечать ему на эту любовь.

Во взгляде старика надежду сменило что-то иное. Молодой человек почувствовал, что именно, – и в эту секунду морщинистая рука упала и сжалась на рукояти кинжала

Джанни, висевшего у него на поясе. Пальцы Джанни стиснули ладонь старика. Еврей был немолод, но руки у него оказались сильными – и смелости ему тоже не занимать. Старик выдернул из ножен кинжал и высоко его вскинул, так что острие задело ухо Джанни прежде, чем молодой Ромбо успел отвести оружие выше и в сторону, отклоняя противника назад, на стол, воспользовавшись своим весом, своим ростом, своей молодостью. Джанни навалился с такой силой, чтобы только не дать старику подняться.

– Плати долг, – проговорил он и, изогнувшись, вонзил кинжал.

Старик выкрикнул что-то по-еврейски: то ли проклятье, то ли молитву. А потом кровь хлынула у него изо рта, задушив последние слова.

Джанни сел обратно в кресло, глядя на корчащееся на столе тело. Комнату заполнял шум дождя, бьющего по крыше. Ливень отыскал какую-то трещину наверху, потому что на стол вдруг начала капать вода, отскакивая от лба трупа и от яркой кожаной шапочки. Дед Джанни называл ее «ермолкой». Его собственная ермолка была потертой, тусклой и едва держалась на неопрятных прядях волос, постоянно соскальзывая, когда дед дергал и крутил их, бормоча свою чушь. Мать говорила, что в свое время дед был блестящим ученым. Более того – алхимиком, искателем философского камня. В слюнявом дряхлом младенце, которого знал Джанни, не осталось и следа от того философа.

Снаружи донесся женский крик. Страх, звучавший в нем, был настолько силен, что перекрыл даже шум дождя.

В следующую секунду Джанни уже был у двери. Он выскочил на двор. Ливень по-прежнему хлестал так яростно, что глазам пришлось привыкать к нему. Сначала Джанни разглядел мужчину с кинжалом: его ноги болтались над землей, он был повешен за шею на одном из оливковых деревьев. Рядом с ним сквозь пелену дождя Ромбо различил столпившихся людей. Вильгельм сгибался между дергающихся ног девицы, медленно задирая ей юбку. Двое других держали ей руки, а остальные «волчата» стояли чуть поодаль: кто заморожено смотрел, а кто с отвращением отвернулся.

Тремя размашистыми шагами Джанни преодолел разделявшее их расстояние. Сжав руку в кулак, он резко ударил немца по уху. Мужчины, державшие девушку, отпустили ее, и она суетливо одернула юбки, затравленным зверьком прижавшись к стене.

– Но, Джанни, – недовольно заныл Вильгельм, – она ведь просто шлюха-язычница!

Джанни вспомнил, как он разведывал дом и как девица дала ему воды. Темные глаза девушки на мгновение напомнили ему сестру, хотя ее лицо было настолько же скучным, насколько Анна Ромбо выглядела живой и интересной.

– Ты забыл свои обеты, Вильгельм? Разве вы все не знаете, что похоть – это страшный грех?

Вильгельм потер ухо.

– Я не приносил окончательного обета, – недовольно проворчал он.

Джанни улыбнулся. Это выглядело так нелепо: обиженный немец, сидящий в грязи под ливнем, в нескольких шагах от висящего тела убитого им мужчины. Улыбка сменилась смехом, и Джанни сказал:

– Но посмотри на нее, Вилли: она ведь даже не еврейка!

Тут уже начали смеяться все, кроме немца и девицы.

Для них это стало желанным облегчением – смех под крупными каплями дождя, отскакивающими от намокших серых плащей. Да, они снова стали мальчишками, смеющимися под дождем.

Что-то заставило Джанни обернуться. Он увидел человека, стоящего спиной к воротам, которые по-прежнему были заперты на засовы, словно этот человек каким-то образом просочился сквозь крепкое дерево. Капюшон его плаща был откинут, открывая дождю бритую голову. В тот миг, когда Джанни посмотрел на незнакомца, тот медленно поднял палец и дважды согнул его, маня к себе.

Через плечо Джанни бросил своим подчиненным:

– Киньте тела в дом. Сожгите его.

Он уже отошел, когда Пикколо громко спросил:

– А как же девица, Джанни? Она нас видела.

Это было так. Но если вызов бритого означал то, о чем подумал Джанни, то сегодняшнее дело станет его последней охотой со стаей. Прежде они никогда не оставляли свидете-

лей. Но если никого не останется в живых, чтобы рассказать о том, что они сделали, то разве их враги будут испытывать должный ужас? Неужели язычники смогут спать спокойно, не страшась воя волков в ночи?

Джанни повернул обратно и посмотрел на каждого юнца по очереди. В чем-то ему будет не хватать их. Даже Вильгельма.

– Скажите ей, под каким именем мы охотимся, а потом отпустите. Пусть римские евреи помнят Серых Волков. Пусть они живут в страхе перед этим именем.

Когда Джанни подошел к человеку у ворот, бритоголовый поклонился в знак приветствия.

– Он меня вызвал?

Кивок.

– Тогда отведите меня к нему.

Незнакомец открыл ворота и отступил в сторону, пропуская Джанни вперед. Проходя в ворота, Джанни еще раз оглянулся на дом и увидел, как первый язык пламени лижет одно из окон. Дождь, который еще минуту назад яростно хлестал, внезапно ослабел, а еще через секунду кончился. «Господне благословение на очищающий огонь Божий», – подумал Джанни. А потом вспомнил о тайне старого еврея и драгоценностях, которые он, скорее всего, принес в дом. Однако эта мысль не заставила Джанни даже замедлить шаг. Это было частью старой жизни, которая сейчас погибала в дыму и пламени. Немой бритоголовый человек ведет Джанни к но-

вой жизни. Ведет его навстречу судьбе.

\* \* \*

Томас Лоули привалился к дубовой панели приемной, отчаянно борясь со сном. В пяти шагах от него неожиданно освободился стул, но он сознавал, что стоит ему сесть – и он пропал. Он не спал уже две ночи, а в течение последних трех недель не отдыхал как следует и полудюжины раз. Ветер и прилив в Дувре были неблагоприятными, так что ему пришлось провести на воде три дня, чтобы высадиться в Гамбурге. Иезуитская система транспорта в северных и протестантских немецких государствах была, к сожалению, плохо развита. Начиная с католической Баварии, Томас наверстывал упущенное, погоняя коней и меняя их на дорожных станциях, где делал короткие остановки, чтобы поесть и поспать. Однако время было потеряно. Ренар рассчитывал на то, что Лоули доберется до Рима еще за неделю до сегодняшнего дня, что сейчас он уже будет направляться обратно, увозя с собой орудие принуждения.

И вот он уже шесть часов стоит у дверей кардинала Карафы. Всем прекрасно известно, что человек, находящийся за этими дверями, ненавидит иезуитов. Однако он не может не знать о том, насколько важна миссия Томаса. Тому потребовалась вся его подготовка, созерцание и безмолвные молитвы, чтобы успокоить свой гнев, когда у него на глазах



придворные, пилигримы и священники проходили в комнату для аудиенций раньше его. Хорошо хоть, что окружающие дали ему место, чтобы он мог прислониться к стене, расправить ноги и руки, снять тяжесть с больного колена. Им не хотелось, чтобы их великолепные одеяния соприкасались с его грязным плащом и заляпанными глиной сапогами.

Глаза Томаса на секунду закрылись – и тут же распахнулись при звуке открываемой наружной двери, впустившей очередного просителя. Этот был другим. Намного моложе большинства толстых прелатов и придворных, собравшихся для того, чтобы отдать дань почтения человеку, в котором все видели следующего Папу. Юнец был одет просто, в отличие от демонстрируемой всеми пышности: серый плащ поверх простого черного камзола, коротко подстриженные черные волосы, по-юношески жидкая бородка. Его бледное лицо было тонкокостным. Томас заметил на нем кровь, видимо, от болячки около уха. Камзол также был испачкан кровью, которую молодой человек время от времени пытался растереть по темной ткани.

От юнца отошел его сопровождающий – лысый мужчина, который, похоже, имел здесь некие привилегии: он ворвался в помещение для аудиенций, и человек, только что допущенный к Карафе, – полнотелый епископ в красном одеянии – был оттуда изгнан, несмотря на негодующие протесты. Епископ походил на толстого возмущенного голубя, ерошащего перья, и Томас поймал себя на том, что улыбается, – в

последние годы это стало для него редким ощущением. Томас посмотрел на юнца, проверяя, разделяет ли тот его веселье. Оказалось, что паренек смотрит прямо на него, но в его взгляде смеха не было.

Томасу вдруг почудилось, что он уже когда-то видел этого молодого человека. Вид у юноши был умный, а Томас много лет преподавал в иезуитских школах – до того, как пришло его истинное призвание. Рискнув, он задержал взгляд юнца и поднял руки к груди, так что левая прикрывала правую от посторонних взглядов. Сложив большой и указательный пальцы, он нарисовал в воздухе крошечный крест – сначала вертикальную прямую, а потом поперечину в форме буквы «8». Наблюдая за глазами юнца, Томас увидел, как тот стремительно отводит взгляд, а потом возвращает обратно. И почти сразу же взгляд юноши стал жестким, и он опустил глаза, снова принявшись оттирать кровь с груди.

«Он меня узнает. И он меня отвергает, – подумал Томас. – Почему?»

Внутренние двери открылись, и в них появился бритый мужчина. Когда все собравшиеся встали и начали охорашиваться, готовясь к аудиенции, бритоголовый жестом позвал юнца. Тот напрягся и двинулся вперед. Дверь закрылась за обоими, оставив в приемной возмущение и взъерошенные перья. Посреди всеобщего шума Томас заставил себя успокоиться.

«Что именно, – размышлял он, – могло будущему папе

понадобиться от столь молодого человека? От юнца, чьи руки в крови?»

\* \* \*

Джанни прекрасно знал, что ему нужно от кардинала Ка-рафы: поручение. Убийства евреев были хорошей подготовкой, но это развлечение ему приелось. И кроме того, хоть евреи и были воплощением зла, у Святой Церкви имелись теперь враги гораздо более страшные и опасные. Как внутренние, так и внешние. Человек, с которым Джанни наконец удалось увидеться, это понимал. Он с самого начала возглавил борьбу против еретиков, ведьм и грешников. Этот человек создал в Риме инквизицию, искоренявшую несогласных повсюду, где он их ни встречал. Он очищал Италию огнем и мечом. А теперь он готовился перенести войну за пределы Италии, в земли, где верховодили Лютер, Кальвин и им подобные. А еще дальше, за огромными океанами, открывались новые земли, где дикари поклонялись идолам во тьме и грехах, не ведая о священном свете Истинной Церкви. Иезуиты начали эту работу. Но хотя Джанни получил у них образование, он считал их слабыми, не желающими делать то, что требуется. Иезуиты пытались научить его исцелять силой любви. Но Джанни по собственному опыту знал, Насколько действеннее бывает сила ненависти.

Как знал о силе ненависти и этот человек. Джанни взирал

на съезжившуюся фигуру, закутанную в красные одежды и восседающую на красном троне. Карафа! От одного его имени у Джанни подгибались ноги, так что он был рад тому, что перед тронным возвышением можно пасть ниц. Джанни распростерся на полу – так же, как за несколько часов до этого лежал перед распятием в той простой часовне. Тем временем стоявший над ним бритоголовый человек показал, что он не немой: наклонившись, он шептал какие-то секреты на ухо старику. Секреты, которые привели Джанни сюда.

Его ткнули пальцем и, подняв голову, Джанни Ромбо встретился взглядом со своим героем. Длинные тонкие пальцы поманили его к себе, а потом один, с огромным изумрудом, протянулся к нему. Снова упав на колени и вздыхая от восторга, Джанни лобызал перстень – снова и снова.

– Хватит.

Голос оказался негромким, довольно высоким и чуть дрожащим, но этому голосу не нужно было напрягаться, чтобы добиться повиновения. Джанни мгновенно выпустил руку, отступил назад и преклонил колени у основания трона.

– Ты трудился во имя вящей славы Божьей, как я слышал.

– *Ad Majoram Dei Gloriam.* – Иезуиты строго обучали его латыни – хотя бы это они сделали хорошо. Джанни легко перешел на этот древний язык. – Если ваше святейшество соизволит так думать. Я делаю то небольшое, на что способен.

Сверху донесся хрип, в котором Джанни распознал смех.

– А это немало. Порой за всеми этими новыми врагами

мы забываем о наших исконных. – Он помолчал. – Посмотри на меня, сын мой.

Джанни поднял глаза, почти ожидая, что будет ослеплен. Однако человек, сидевший перед ним, был всего лишь человеком. И к тому же старым. Некоторые говорили, что ему скоро восемьдесят. Карафа оказался немного похожим на того еврея: такая же желтая кожа, обвисшая складками на пергаментном лице, прядь седых волос, выбившаяся из-под шапочки. Однако глаза под кустистыми седыми бровями оставались не по-старчески зоркими.

– И я слышал, что ты хочешь быть еще более полезным. Для веры. Для меня.

Сердце юноши забилося еще быстрее.

– Если вы сочтете меня достойным, ваше святейшество. Если вы позволите, я буду счастлив умереть ради вас.

Снова тот же хрип.

– Я еще пока не «твое святейшество», сын мой. Если все пойдет хорошо, то в ближайшие недели я вполне могу стать Папой. И тогда пусть мои враги трепещут. Пусть еретики дрожат в своем ложном поклонении, пусть ведьмы ежатся на своих шабашах. Я искореню их всех, я брошу их в огонь и спасу их души, умертвив их плоть. – Голос стал громче, мощнее. – И ты присоединишься к этой священной войне, сын мой? Ты умрешь за это?

– Испытайте меня, святейший. Позвольте мне доказать, что я достоин вашего доверия.

– О, непременно.

Карафа поднял руку, и бритоголовый мужчина вложил в нее пергамент. Щурясь на свет, кардинал некоторое время читал, а потом заговорил снова:

– Ты знаешь брата Лепидуса?

Это было имя из его прошлого. Имя, которое он старался никогда не вспоминать, потому что оно приносило с собой болезненные воспоминания: холодный пол в келье, врезающаяся в плоть веревка, опускающаяся на спину палка.

Моргая, Джанни пролепетал:

– Святой человек, ваше преосвященство. Аббат Монтекатини Альто.

– Вот как? Я мало о нем знаю. Только вот это... – Он помахал листком. – Некто, кому я доверяю, нашел это в его бумагах вместе с некоторыми... приспособлениями. Мне не нравится, когда боль используют без разбора, ты со мной согласен? Однако это не важно. А вот это, – тут он снова махнул листком, – важно. Очень важно. – Карафа помолчал, щурясь на пергамент. – Так то, что тут написано, – правда? Это правда, что ты – сын палача, который казнил Анну Болейн?

Проживи Джанни хоть тысячу лет, и то не ожидал бы услышать такое от этого человека и в этом месте. Казалось, все его кошмары сконцентрировались в одной этой фразе, которая кратко и емко выразила весь тот груз стыда, который возложил на него отец, тот семейный грех, от которого он бежал. Никто не знал об этой отвратительной тайне – никто,

кроме тех, кто принимал участие в выполнении наказа той ведьмы. Никто...

А потом к Джанни вернулась та картина, которую он изо всех сил старался изгнать из памяти навсегда, и которая по-прежнему заставляла его просыпаться почти каждую ночь. И он снова оказался там – еще ребенком, в том самом монастыре, куда с такой неохотой отправили его родители после того, как он много месяцев умолял их отпустить его учить Христовы слова. Джанни лежал на полу, веревки больно врезались ему в кожу, розга поднималась и опускалась, оставляя отвратительные рубцы и пуская кровь. А брат Лепидус с безумным взглядом орудовал розгой, требуя полного перечисления всех его грехов. Одиннадцатилетнему мальчишке больше не в чем было признаваться. Не в чем – кроме той единственной семейной тайны, которую он дал слово хранить. И он нарушил слово, чтобы прекратить свои мучения. Рассказал человеку с безумным взглядом обо всем. О Жане Ромбо и шестипалой руке Анны Болейн.

– А! Значит, это правда.

Голос Карафы вернул Джанни из кошмара воспоминаний в комнату, где только что пошла прахом его жизнь.

И он возвратился к морщинистому лицу, которое улыбалось ему сверху вниз.

– Эти... останки. Они могут оказаться полезными. Имперский посол в Англии так считает. Он пытается вернуть страну в лоно Единой Церкви под нежной рукой благочести-

вой королевы Марии. Ее сестру, дочь той королевы-ведьмы, может понадобиться... убеждать, чтобы она продолжала сие доброе дело. – Старик положил узловатые пальцы на плечо Джанни. – Ты можешь доставить нам руку этой ведьмы?

Кошмар не прекращался. Джанни невольно перешел на итальянский, и его тосканский выговор стал очень заметен.

– Ваше святей... э-э... ваше преосвященство. Ее закопали еще до моего рождения. Во Франции. Я не знаю, где именно. Только три человека знают.

– И кто они?

В кошмаре негде спрятаться.

– Мои мать и отец. И еще один человек. Если они *еще* живы.

Эти слова прозвучали как мольба.

«Оставьте меня в покое! Они умерли! Мое прошлое умерло!»

– А почему им не быть живыми?

– Они в Сиене. Там погибло так много народа. Они...

Джанни замолчал, внезапно поняв, что говорит этому человеку то, о чем тот и так прекрасно знает.

– Ах да. Сиена. – Тонкие пальцы кардинала впились в тело Джанни у основания его шеи, заставив его принять на себя тяжесть старческого тела. – В таком случае мы нашли для тебя поручение, сын мой. Ты отправишься в Сиену. Ты узнаешь, кто из этих людей жив. И заставишь их привести тебя к той руке. А потом отвезешь ее в Англию. Ради вящей славы



Божьей.

Даже в самых страшных его кошмарах хотя бы оставалась возможность проснуться. Джанни снова начал лепетать:

– Мой... Жан Ромбо, святой отец. Он перенес ужасные пытки ради этой... этой ведьмы. А моя мать... она никогда не предаст его и его дело.

– А третий свидетель? Ты упоминал о троих.

Новое видение. Перед Джанни снова предстал этот третий, добрый и мягкий Фуггер. Размахивая своей единственной рукой, он склоняет какой-то латинский глагол, помогая талантливому ребенку Джанни в его учении. Он снова вспомнил одну часть той саги, упоминание о которой всегда пробуждало в Фуггере стыд. Однажды он нарушил свою клятву и предал Жана и Анну Болейн – но потом искупил свою вину. В конце концов Фуггер спас Жану жизнь. Но теперь, по прошествии стольких лет, какая сила способна заставить его нарушить слово во второй раз?

На мгновение Джанни отчаялся. А потом пришло еще одно видение, изгнавшее все остальные. Во время тех уроков рядом с ним сидел друг детства. Друг детства, которому не хотелось учить латынь и греческий, но чье невнимание единственная рука любящего отца неизменно вознаграждала лаской.

Мария. Дочь Фуггера. Маяк во тьме. Единственное существо, которое Фуггер любил сильнее, чем Жана Ромбо.

– Думаю, ваше святейшество, я смогу найти способ. Ка-

рафа радостно улыбнулся. Он больше не стал уточнять, как к нему следует обращаться. В конце концов, очень скоро это обращение действительно будет относиться к нему.

– Сын мой, я ни на минуту не усомнился в том, что ты его найдешь.

\* \* \*

Джанни смотрел, как иезуит подходит к трону, кланяется, целует кольцо. Он узнал того англичанина, как только увидел его в приемной. Томас Лоули был в числе учителей Джанни, когда он только приехал в Рим три года назад. Не стоило удивляться тому, что сам Джанни не был узнан: для Лоули он был всего лишь одним из сотни только что набранных мальчишек. Но Томас запомнился ему как типичный представитель своего ордена: добрый, терпеливый, терпимый. Его уроки преподавались с лаской, а не с поркой, к которой Джанни привык в Монтекатини Альто. Поначалу он наслаждался этим и делал немалые успехи. Но, взрослея, он понял, что это на самом деле – слабость. Именно поэтому Джанни рано бросил учебу, стремясь к более жесткой дисциплине регулярных писцов, подчинявшихся самому Карафе, который славился своим отвращением к иезуитам. У них Джанни мог меньше думать и больше делать. Гораздо больше.

Когда прошел первый шок, вызванный словами Карафы, Джанни понял, что никакое другое поручение не стал бы ис-

полнять с такой готовностью. Казалось, будто вся предшествующая жизнь вела Джанни к этому моменту, словно стрелу, ищущую мишень. Тут ощущалась неизбежность предназначения. Грехи, совершенные его отцом, ошибочно проникнувшимися рвением к делу этой ведьмы, нанесли большой ущерб единой вере. Жан Ромбо уничтожил самую возможность борьбы в тот момент, когда протестантизм был еще неоперившимся птенцом. Он даже убил князя Церкви. И кому, как не его сыну, возместить ущерб, причиненный французским палачом? Шестипалая рука королевы Анны тяжким злом давит на всю его семью. И он, Джанни, освободит их из-под этого гнета. Только он может восстановить доброе имя Ромбо.

Переговоры кардинала с Томасом Лоули длились недолго: Карафа быстро прочел письмо, которое вручил ему англичанин. Спустя мгновение святой отец уже снова манил к себе Джанни.

– Брат Джанлукка. – Он назвал полное имя Джанни. – Брат Томас.

Двое названных молча кивнули друг другу. Кардинал продолжил:

– Имперский посол изложил нам то, что необходимо сделать. Нельзя допускать неудачи: прибытие останков в Лондон будет очень полезно для нашего дела. Вам не следует знать, почему именно. Просто знайте, что это так.

Они поклонились и стали ждать продолжения.

– Наш друг из Общества Иисуса, – оба услышали, с каким отвращением Карафа произнес эти слова, – имеет письма к имперской армии у Сиены, которые позволяют вам быстро попасть в город. Оказавшись там, этот наш слуга постарается найти тех, кто поможет успешно завершить наши поиски.

– «Оказавшись там», ваше преосвященство? Значит, город пал?

Голос Томаса звучал мягко, глаза были неопределенно устремлены куда-то в лоб кардиналу, руки спокойно сложены перед ним. Такой манере держаться обучали всех иезуитов, особенно при общении со властью имущими.

Кардинал узнал эту манеру, и из его голоса исчезла всякая любезность.

– Сиена приняла условия сдачи семнадцатого апреля, вчера. Те, кто пожелают, могут выйти из города двадцать первого, со всеми воинскими отличиями. Это позволит вам успеть туда, чтобы войти в город с триумфом, вместе с победителями.

Кардинал сидел на самом краешке своего трона. Теперь он откинулся назад и провел рукой по глазам, внезапно представ по-настоящему старым.

– Теперь идите. У этого моего слуги есть деньги. Он Уже нанял верных людей и приготовил коней. Ступайте! И да пребудет с вами Бог, и да ведет Он вас во всем.

Бритоголовый едва дал им время произнести «Аминь» и увел их из комнаты для аудиенций. Другой прислужник, ко

всеобщему огорчению, объявил, что на сегодня прием закончен.

Пока мимо них проталкивались разгневанные священники и придворные, Томас заговорил:

– Ну что ж, молодой человек, займемся нашим делом?

– Божьим делом, иезуит.

Томас только улыбнулся ядовитому ответу.

– Разумеется. *Ad Majoram Dei Gloriam*. Как и всегда. – Его голос звучал мягко, глаза неопределенно смотрели в лоб юноши. – Отправляемся в Сиену?

## Глава 3. РУКИ ИСЦЕЛЯЮЩИЕ

Это было царство умирающих и мертвых. Тех, кто рухнул в пропасть; тех, кто еще балансировал на самом ее краю. Они лежали вповалку прямо на полу, на грязных матрасах, пылающие в жару вперемешку с уже остывшими...

Это было царство голосов. Безымянные голоса молили об исцелении, о муже, ребенке, священнике, об исповеди, спасении, о простом прикосновении прохладного креста к горящему лбу. Однако священники редко приходили в Дом неизлечимых: в городе, стоящем на пороге смерти, было множество предлогов для того, чтобы находиться в каком-нибудь другом месте.

«Это – мое царство, – думала Анна Ромбо. – Целых три этажа, и верхний – самый страшный. Он дальше всех от улицы, от жизни, от надежды».

Стоя в дверях, она пыталась успокоить дыхание и принять волны вони, накатывающиеся на нее, – потому что они многократно усилятся, когда она пойдет через это помещение. Анна постаралась заранее взглядом наметить себе путь. Ей приходилось перешагивать через содрогающиеся руки и ноги простертых на полу людей. В дальнем конце комнаты были сложены трупы, поднимавшиеся до крыши. Они смиренно дожидались своего полета через дверь на задний двор. Тем, кто ближе всех находился к этой растущей куче, навер-

няка суждено присоединиться к ней.

Как только Анна Ромбо пошла через комнату, поднялся крик. Женская рука сомкнулась у нее на щиколотке, и Анна наклонилась, чтобы выслушать имена – святых, родителей, любовников. Она бережно разжала пальцы, каждый по очереди, находя доброе слово для каждого из них, выжала в воспаленный рот умирающей глоток воды из принесенных с собой мехов. Женщина захлебнулась и осела на пол, на мгновение затихнув.

И новые остановки, новый шепот, новые капли воды на распухший язык... Наконец Анна оказалась у дальней стены и встала спиной к горе мертвецов, обратив лицо к тем, в ком до сих пор теплилась жизнь, пусть даже еле-еле.

Он еще был здесь, еще дышал – тот, которого она всегда искала первым. Он попал в этот дом три недели назад. Сперва он находился внизу – там еще оставалась надежда, пусть небольшая. Но припарки, которые Анна Ромбо прикладывала к его язвам, не смогли вытянуть болезнь, и жар пожирал его изнутри. Рацион, отведенный живым мертвецам, – десятая часть того крошечного рациона, на котором существовали живые, – даже его вскоре забрали у него по приказу офицера-врача д'Амбуа. Анна понимала, почему нужны такие приоритеты. Но что-то тронуло ее в этом старике – может быть, сходство с дедушкой Авраамом, за смертью которого она тоже вынуждена была наблюдать. Девушка пыталась подкармливать умирающего остатками собственного рацио-

на. Но он все равно поднимался с этажа на этаж, с каждым днем приближаясь к стене смерти. Вскоре Анна встала перед необходимостью отдавать эти жалкие крохи другим. И не в последнюю очередь – своей матери, которая находилась двумя этажами ниже и тоже была смертельно ранена. Единственное, что могла сейчас сделать Анна, – это позаботиться о том, чтобы старик, Джузеппе Толь-до, резчик икон, не отошел в иной мир в одиночестве.

Его дыхание превратилось в неглубокие хрипы. Перерыв между ними становился все дольше, и всякий раз, когда старик замолкал, Анна присматривалась к нему, проверяя, не умер ли он. Но потом раздавался новый хрип, новый вздох – и дыхание восстанавливалось. И все это время его веки трепетали, пытаясь подняться, как будто умирающий мог удержаться за этот мир простым взглядом. Но им так и не удавалось открыться достаточно широко.

Анна опустилась на колени в крошечном пространстве, остававшемся между стариком и другим едва дышащим телом, взяла его за руку, пальцами чуть смочила ему губы. Капли воды остались на губах: чтобы слизнуть их, потребовалось бы сделать слишком большое усилие.

– Все хорошо, Джузеппе. Я здесь. Анна здесь.

Дыхание снова прервалось. Наступила долгая-долгая пауза, а потом протянулся громкий хрип, после которого дыхание восстановилось снова. Веки еще отчаянней попытались приподняться, пальцы резчика икон сжали руку девуш-



ки. Внезапно глаза старика распахнулись и устремились наверх – сквозь потолок, за пределы этой комнаты, к его родным небесам. Анна перестала смотреть на бессильное стариковское тело и тотчас внутренним взором увидела его – не как беспомощного, умирающего человека, которого узнала за эти короткие, мучительные недели, но таким, каким он должен был быть: краснодеревщиком, гордым художником и мастером, мужем, отцом, дедом. Она увидела, как он выходит из ссохшейся кожуры, в которой обитал. Теперь они оба смотрели в одну точку – Джузеппе Тольдо и Анна Ромбо. Там появлялась дверь, окруженная пламенем, четкая, яркая даже на фоне василькового неба Тосканы.

И там, в том мире, куда они оба вошли, в мире, который они разделяли, Джузеппе Тольдо поклонился ей и улыбнулся. Уверенными шагами он прошел к порогу и там, в тот момент, когда дверь уже закрывалась за ним, повернулся обратно. В искрах света что-то выпало из его руки и полетело к Анне. Она поймала это нечто, но не стала рассматривать, предпочитая любоваться пламенными воротами, которые ярко пылали в небе, словно силуэт солнца, заходящего за гору. И вот ворота исчезли – и глаза Анны открылись. Девушка вернулась в свой мир, в царство мертвых, где она держала за руки мертвеца.

Она не заметила, в какой момент взяла вторую руку Джузеппе, и опустила взгляд с некоторым удивлением, высвобождаясь из сжавшихся пальцев. Она почувствовала, как

что-то перекаатилось ей на ладонь. Глянув туда, Анна увидела, что держит резную фигурку, не длинее ее мизинца, но тем не менее тяжелую. Это оказался сокол со сложенными крыльями и повернутым вбок клювом. Полуприкрыв тяжелые веки, он смотрел со своего насеста – крошечного, но очень тщательно изображенного. Фигурка была вырезана из какой-то темной древесины и словно выростала из ветки, на которой почивала.

Крики больных поднялись с новой силой, и Анна не сразу осознала, что голос, внезапно зазвучавший рядом с ней, не принадлежит ее царству. Кто-то настойчиво встряхнул ее руку, и только это заставило Анну поднять голову.

Рядом оказалась Мария Фуггер, хорошенькая пухленькая девушка шестнадцати лет, чьи округлости не уменьшились даже из-за лишений осады. Анна всегда подозревала, что их поддерживают половинки рациона, получаемые от двух обожающих ее мужчин: ее отца и Эрика. Даже окруженная скорбными мертвецами Анна не могла не улыбнуться при виде круглого веснушчатого лица Марии, которую явно распирало от желания поделиться какой-то новостью. И, похоже, на сей раз это было нечто серьезное, потому что Мария старалась вести себя с непривычной сдержанностью.

– Твоя матушка, Анна. Твоя матушка. Она очнулась!

Задержавшись только для того, чтобы закрыть глаза Джузеппе Тольдо, Анна позволила Марии потащить себя через всю комнату и дальше, вниз по лестнице. Спускаясь на са-

мый нижний этаж, где еще оставалось место для надежды, Анна увидела знакомую фигуру, стоящую у входа в здание. Знакомую – и одновременно чужую, потому что ей никак не удавалось привыкнуть к тому, насколько изменился ее отец. Осада обессилила многих, и мощное тело Жана Ромбо действительно похудело, но он потерял не только вес. Что-то внутри отца было искалечено и до сих пор не зажило – в отличие от раны, которую Анна лечила почти год назад. Жан тяжело опирался на свою палку, и его худобу безжалостно подчеркивал яркий солнечный свет, превращавший его в плоский силуэт.

Анна дотронулась до плеча отца. Лицо, повернувшееся к ней, было залито слезами. Еще одна перемена: за всю свою жизнь она всего однажды видела его плачущим – в тот день, когда ее брат Джанни, прокляв Жана Ромбо как атеиста и тирана, бежал в Рим.

– Анна!

Редкая улыбка, которую дочь так любила: она освещала его глаза, заставляла снова стать моложе – хотя бы на мгновение. Жан Ромбо потянул носом, взял дочь за руки и, обнаружив у нее в ладони резную фигурку, повернул ее к свету.

– Красивая. Подарок от поклонника?

Это была игра: он знал, что Анна никого не поощряла. Она никогда этого не делала.

– В каком-то смысле. – Анна Ромбо спрятала сокола в мешочек, висевший у нее на поясе. – Отец, она очнулась!

– Знаю. Я там был.

– Тогда давай пойдём туда и...

– Иди ты. Она будет так рада тебя видеть.

– И тебя тоже. Пойдём...

– О! Она меня видела – именно потому я здесь и стою. –

Легкая улыбка снова заиграла на его печальном лице. – Вот уж кто умеет помнить обиду, так это твоя мать. Это – одна из черт, которая мне всегда в ней нравилась.

Жан снова отвернулся и стал смотреть на улицу. Не зная, что еще можно сказать, Анна глянула туда через его плечо и заметила какое-то непонятное оживление. Люди суетились: везли тележки, несли оружие и вещи. Многие открыто плакали.

– Что случилось, отец? Мощная атака? Жан Ромбо не обернулся.

– Ты была слишком занята своим поклонником. Больше атак не будет. Французы и те сиенцы, которые пожелают присоединиться к ним, сегодня выходят в Монтальчино. Они обещают, что будут продолжать войну оттуда.

Жан был прав. Анна действительно была чересчур поглощена своими подопечными: матерью, Джузеппе Тольдо и остальными. Для нее война стала чем-то далеким, тем, что просто приносит боль и страдания. Но чтобы Сиена пала?..

– Что это означает для нас, отец? Мы уезжаем? Нам не опасно здесь оставаться?

Она едва расслышала его ответ.

– Хотел бы я знать.

А потом она вспомнила, что помимо этой неуверенности есть еще и радость: ее мать очнулась! Бекк вернулась в мир живых. Анна сжала руку отца, а потом отпустила и вернулась обратно в здание.

Жан высморкался в рукав, выпрямился, чтобы ответить на приветствие пробежавшего мимо знакомого французского офицера, и снова понурился. Он чувствовал себя смертельно уставшим. Он сознавал, что ему следовало бы строить планы, заботиться о безопасности тех, кто ему дорог. Наступающий день может принести с собой мириады новых опасностей. Но в эту минуту Жан Ромбо не мог думать ни о чем, кроме весеннего тепла у себя на лице. Вкус ветра напомнил ему обо всех тех делах, которыми ему следовало бы заниматься в своих виноградниках...

\* \* \*

Возле низкой кровати ее матери стоял какой-то мужчина. Кровать была привилегией, которую давали тем неизлечимым, у которых оставался хотя бы слабый шанс на выздоровление. Богато одетый в темную тунику и плащ дворянина-врача, мужчина скромно улыбался, а двое его помощников одобрительными ухмылками встречали каждое его слово.

– О, мадемуазель Ромбо! Я как раз просил этих двух моих

коллег не говорить о чудесах. Наука! Чистая наука в лучших традициях Галена. Эта леди обязана жизнью оружейной мази и чистейшему териаку, составленному моими собственными руками.

– И, несомненно, силе молитвы, мсье д'Амбуа. Пресвятая Богоматерь Мария услышала наши мольбы и откликнулась на них.

Анна обнаружила идеальный способ избавиться от лапанища досточтимого доктора: требовалось только поддерживать иллюзию, которую относительно нее и так питали большинство мужчин, – что она уже наполовину монашенка.

– Конечно, конечно. Молитва дает некоторую помощь. Но наука... – Смущенный близостью Анны, протискивавшейся мимо него к постели матери, д'Амбуа начал пятиться, увлекая за собой своих прихлебателей. – Я вернусь попозже, сударыня, чтобы еще поспособствовать вашему выздоровлению, – забормотал он, обращаясь к Бекк. – У меня есть Укрепляющее средство, которое может вам помочь.

Сжавшие руку Анны пальцы были неожиданно сильными для той, которая только что очнулась от забытья.

– Если бы ты его не прогнала, – сказала Бекк, – то я, наверное, всадила бы вот это прямо в его чванливую задницу. – С этими словами она подняла арбалетную стрелу, которую Анна извлекла из ее спины. – Он объявил, что «умастил его смесью пурпурной горечавки и верены, что и дало исцеление».

Голос Бекк, передразнивавшей француза, зазвучал гнусаво, и Анна с Марией захихикали.

– О, эта оружейная мазь! Любимое средство французских врачей: «умастите оружие, нанесшее рану, соответствующими ему растениями, и это вытянет яд из раны», – процитировала Анна.

– А что такое «териак»? – любопытствовала Бекк.

– Панацея, составленная из восьмидесяти одного ингредиента, включая растертые желчные камни и собачий кал, – пояснила дочь и увидела, как ее мать содрогнулась. – Я предпочитаю другие методы. Посмотрим, насколько они помогли. Как ты себя чувствуешь, мама?

– Как будто по мне проскакала тысяча лошадей.

– Но ты можешь двигать руками и ногами?

Бекк попробовала шевельнуться и застонала. Однако конечности ей повиновались.

– Давай поглядим, прошло ли заражение. Наверное, тебе самой лучше не смотреть, – предупредила Анна.

Осторожно уложив мать на бок, она принялась разматывать бинты. Когда Анна сняла повязку, из-под нее выползла дюжина толстых мушиных личинок.

– Ох!

Мария отвернулась, давась рвотой. Бекк, которая не удержалась, чтобы не посмотреть, вскрикнула:

– Что ты со мной сделала, девочка? Разве я уже в могиле и стала пищей червей?

Анна собрала крошечных тварей в тряпицу.

– Один раз на ферме я видела лошадь, у которой благодаря этим созданиям рана зажила всего за неделю. И когда в качестве альтернативы предлагается настой на собачьем дерьме...

Девушка замолчала, услышав умоляющий стон Марии. С радостью и облегчением Анна Ромбо увидела, какой здоровой и розовой выглядит кожа Бекк вокруг раны. Целительнице пришлось пойти на этот риск, потому что у нее давно закончились целебные травы, которыми она воспользовалась бы за городскими стенами. А в городе мертвецов мушиных личинок нашлось более чем достаточно, особенно после того, как установилось весеннее тепло.

Протесты матери закончились зевотой. Потрогав ее голову и грудь возле сердца, Анна решила, что ее пациентка сейчас больше всего нуждается в сне, чтобы набраться сил. А долгому и крепкому сну следует помочь. Анна извлекла из своего мешочка фляжку. Приподняв Бекк голову, она влила немного жидкости ей в рот.

– Гм! Вкусно. Что это?

– Успокаивающий состав. Разные травы. Он поможет тебе отдохнуть.

Еще один зевок – и веки на секунду опустились. Потом – новый прилив энергии, и Бекк вновь широко раскрыла свои темные глаза.

– Скажи мне, дитя, с остальными все в порядке? Хакон?



Эрик? Фуггер?

Голос подала Мария:

– Раны отца заживают – благодаря Анне.

– Хорошо. А битва? Как она идет?

Для таких новостей время было неподходящее.

– Все будет хорошо, матушка. Отдыхай.

Глаза закрылись – и тут же распахнулись снова. Анна не стала дожидаться вопроса.

– С батюшкой тоже все хорошо.

На глаза Бекк набежала тень.

– О да. С Жаном Ромбо всегда все хорошо.

А потом ее ресницы легли на щеку, и дыхание выровнялось.

– Можно я дам этого лекарства моему отцу, Анна? Ему тоже неплохо бы поспать.

На открытом лице Марии так и сияли глаза – как ей откажешь? Однако остатки опиума были нужны Анне для ее собственных целей. И потом, она знала, что на самом деле необходимо Фуггеру.

– Просто он голоден, как и все мы. Может быть, флорентийцы принесут с собой продукты, когда войдут в город.

Мария вскочила.

– Еда! Конечно! Рынок у Римских ворот уже работает! Если у вас что-то осталось, то вам дадут хлеб, сыр, мясо. Представь себе! – У нее загорелись глаза, и она запустила руку за ворот платья. – Смотри! Я сохранила тот медальон, который

подарила мне моя мать. Он золотой. На него я смогу купить флорентийских продуктов, чтобы вылечить моего отца.

И с этими словами Мария исчезла – вскочила и убежала к южным воротам.

Анне хотелось позвать ее обратно, предостеречь. Город еще не сдан окончательно. Кругом немало ожесточившихся, разъяренных мужчин. Но было уже слишком поздно, а у Анны имелись и собственные проблемы. И одна из них сейчас беспокойно спала рядом с ней – кризис у Бекк еще не наступил. Вторая стояла у двери, на улице. Что-то произошло между ними, между этими двумя людьми, которых Анна любила больше всех на свете. Что-то такое, чего не исцелит ни один из ее лечебных составов. Анна знала: Бекк считает, будто ее сына прогнал Жан. И никакие слова Анны не могли поколебать этого убеждения.

– Ох, Джанни, Джанни, – прошептала девушка, а потом со вздохом стала заново бинтовать рану Бекк.

\* \* \*

Жан, задремавший было на солнышке, привалился к двери, но звон подков по мощеной мостовой резко разбудил его. Моргая, он притенил ладонью глаза, чтобы рассмотреть людей, остановившихся рядом.

– Ромбо! Жискар сказал, что видел тебя здесь. Проклятье, дружище, я разослал людей искать тебя по всему городу!

– Милорд.

Жан спустился по ступенькам и поклонился спешивающемуся Блезу де Монлюку.

– Да-да, довольно. Нам надо поговорить, сударь. Серьезно поговорить.

Он утащил Жана в тень госпитальной стены.

– Божье дыхание, дружище. До чего же тут воняет! Зачем ты здесь задержался?

– Из-за жены, милорд.

Де Монлюк мгновенно и искренне встревожился.

– Как она? Я послал моего хирурга, д'Амбуа. Он ее вылечил?

Жан сдержал улыбку. Анна рассказала ему о рекомендациях француза и своих собственных действиях.

– Вылечил, милорд. Она только что очнулась и, кажется, опасность миновала.

– Отлично, отлично. – Де Монлюк отмахнулся от своего помощника. – Отважная женщина. Воин. Нам пригодятся такие в предстоящих боях. – Он устремил на Жана сверкающий глаз. – Я понимаю, что ты мне не подчиняешься, Ромбо, что ты был добровольцем от Сиены.

– Я жил на самой границе сиенской земли, милорд. Моя ферма и гостиница, которую я получил в наследство, – они были захвачены в числе первых. У меня не оставалось выбора.

– Конечно. Конечно. – Де Монлюк нетерпеливо взмахнул

рукой. – Но ты – француз, сударь мой, и хороший командир. Война продолжится в Монтальчино, куда мы сейчас отправляемся. Война разольется по всей свободной республике. Ты присоединишься ко мне?

При этой мысли на Жана нахлынуло отвращение, которого он постарался не выказать.

– Милорд, я все еще слаб после ранения. И более того, моя жена лежит в тяжелом состоянии. Ее нельзя перевозить.

– Придется, дружище. – Гнев зазвучал в голосе генерала, но он заставил себя говорить негромко и ровно. – Ты же знаешь, что бывает, когда заканчивается осада и в город входят победители. Несмотря на «условия почетной сдачи», это все равно сдача. Козимо Флорентийский при поддержке императора захочет раздавить этот город раз и навсегда. Сломить его так, чтобы он больше никогда не доставлял ему беспокойства. Ты ведь знаешь, как это бывает. Уже сейчас у ворот стоят отряды. У них имеются списки. Мы уходим, они входят – и все командиры, которые здесь останутся, будут схвачены в первый же день.

– Я был командиром только за неимением лучших, милорд. Я не сиенец, да и моя жена – тоже.

Де Монлюк невесело рассмеялся.

– Что ты, дружище! Ведь о тебе сложили баллады, которые распевают по обе стороны крепостных стен! О тебе и твоей воительнице-жене. Не говоря уже об этих язычниках-викингах, которые ходят за тобой, как две тени. Ду-

маешь, флорентийцам важно, что ты стал командиром «за неимением лучших»? Им важно только одно: искоренить угрозу. Ты и твои близкие будут в числе первых, кого они станут разыскивать.

Монлюк был прав, и сознание его правоты наполнило Жана невероятной усталостью. Ему не хотелось никуда уезжать. Он мог бы всю оставшуюся жизнь просидеть здесь, на этом пороге, подремывая на весеннем солнышке.

Вернулся помощник де Монлюка.

– Милорд! Время!

– Да, да, да.

Генерал шагнул к коням, но потом обернулся.

– Если ты не хочешь воевать под моим началом, Ромбо, то хотя бы позволь мне предложить тебе, твоей семье и твоим друзьям мою защиту. Уходи с нами в Монтальчино. Там и будешь решать.

Монтальчино! Это так близко от Монтепульчиано, от постоянного двора «Комета», от фермы, от дома! Когда Жан представил себе все это, к нему на миг вернулась былая энергия.

– Мы поедем с вами, милорд. По крайней мере, до Монтальчино.

– Отлично. – Генерал снял с пальца одно из своих колец и вручил его Жану. – У Римских ворот покажешь его любому, кто попытается вас задержать. У тебя есть два часа.

Он отошел на два шага – и снова остановился, обернув-

шись.

– Я только вчера услышал о тебе еще одну историю, Ромбо. Не балладу, хотя она достойна того. Это правда, что ты – палач?

Жан заставил себя отвечать спокойно:

– В прошлом, милорд. Недолго – и очень давно.

Лицо де Монлюка исказила гримаса любопытства.

– Ты казнил с помощью меча, так ведь? Для этого нужно умение. Значит, остальная часть истории тоже правдива? Что ты был тем самым человеком, который отрубил голову английской королеве-еретичке? Анне Болейн?

Это имя и все связанные с ним воспоминания были словно неожиданной пощечиной. Отвернувшись, Жан подавил вздох.

– Нет, милорд. Это неправда. Я отрубил несколько голов в армии, вот и все. Ничего достойного рассказов. Тот меч давно заржавел в своих ножнах.

Генерал недоверчиво смотрел на него.

– В будущем мне захочется услышать кое-какие рассказы. Ты – интересный человек. Да-да, Жискар, едем. Два часа, Ромбо.

Копыта выбили искры из булыжников, и отряд ускакал, оставив Жана вспоминать о совсем другом весеннем Дне. Девятнадцать лет назад. Тогда тоже пригревало солнце. Он солгал де Монлюку. История была – и такая, какой генерал никогда бы не поверил. Жан Ромбо действительно отрубил

голову Анне Болейн. А еще он отрубил ее шестипалую руку. И трудная дорога, по которой он впоследствии пошел, привела его сюда – прямо к этим новым бедам.

Жан Ромбо снова проклял ту минуту, когда впервые услышал имя Анны Болейн. При его упоминании руки и ноги французского палача снова налились тяжестью. А сейчас не время для слабости. У него всего два часа. Два! Ну что ж, они пришли на землю Сиены ни с чем и уйдут, имея еще меньше. Если только Бекк можно перевозить.

Единственный человек, знавший ответ на этот вопрос, возник рядом с Жаном, как только цокот копыт затих вдали.

– Ты слышала?

– Да, отец.

– Ее можно перевозить?

Он увидел неуверенность в глазах дочери – в темных озерах, которые делали ее такой похожей на ту, в честь которой она получила свое имя. А еще он различил в них печаль. Больше всего на свете ему хотелось снова вернуть им сияние.

– Мы можем отвезти ее домой? – повторил свой вопрос Жан.

– Но Сиена проиграла войну. Разве ты не говорил, что мы сумеем вернуть свои земли только с победой?

– Возможно, это по-прежнему так. Однако война идет странно, дочка. Не исключено, что война сожгла нашу «Комету» и покатила дальше. Да, ферма превратилась в пепел. Но даже на пепелище можно строить заново.

– Тогда, по-моему, нам стоит поехать туда и посмотреть, отец.

– Хорошо. Приготовь ее. Я найду повозку, матрасы. Надо будет разыскать Хакона.

Анна улыбнулась:

– Ну, ты ведь знаешь, что он всегда где-то неподалеку. Жан это знал. словно песчинка в углу глаза, массивный скандинав постоянно маячил поблизости, оставаясь его тенью и защитником. Сейчас он прятался от гнева Жана. Этот гнев немного остыл, когда Анна выразила надежду на выздоровление матери. Только тогда выслушанные и переданные Анной оправдания Хакона, заключавшиеся в том, что он защищал сына, были приняты. Эрик также избегал гнева Жана, не показываясь ему на глаза, так что все яростные взоры доставались старому товарищу Ромбо, скандинаву-отцу.

Жан глянул на противоположную сторону улицы, где в дверном проеме маячила массивная фигура.

– Хакон! Иди сюда.

Хакон, словно провинившийся пес, опасющийся наказания, осторожно перешел через улицу.

– Жан. Анна. Печальный день для Сиены, да?

Траурное выражение на его огромном открытом лице казалось столь неуместным, что Жан невольно рассмеялся. С Хаконем всегда так. Каким бы измученным ни был Жан, каким бы отчаянным ни было положение, скандинаву всегда удавалось его рассмешить.



– Мы отсюда уходим, Ястреб. С де Монлюком. Хакон расплылся в улыбке.

– Чтобы воевать дальше, Жан?

– Чтобы отправиться домой. Если у нас остался дом, в который можно вернуться. Или построить новый, если прежнего дома не осталось.

Затем Жан быстро перечислил Хакону вещи, которые им понадобятся. Закончив список, из-за которого скандинав уже чесал в затылке, Ромбо добавил:

– И попробуй найти Фуггера. Его дома не оказалось, он отправился искать дочь. Я оставил ему записку. Он...

Хакон улыбнулся:

– Он сделает то, что сделаю и я: будет искать моего сына. Эрик всегда бывает рядом с Марией, а моего здоровяка-сына трудно не заметить.

С этими словами Хакон отправился выполнять поручение. Жан обнял дочь и тоже ушел. Предстояло собрать их скудный скарб, напомнить кое-кому, что за ними остались долги.

## Глава 4. БЕГСТВО

Дом! Эта мысль торопила его. Может быть... может быть, это возможно! Вернуться обратно, восстановить все как было, снова видеть, как процветают его виноградники, как начинают сиять глаза жены... Вновь сойтись на дворе «Кометы», рассказывая старые истории!

Но эта картина рассыпалась на ходу. Какие-то вещи реальны, а какие-то – нет. Потому что на каждом их пиру будет присутствовать призрак. Потому что за столом постоянно будет пустовать одно место, которое заполнить нельзя.

Джанни. Где-то на свете его сын дышит, молится, живет. Несомненно, он сейчас за многие мили отсюда – но зачастую расстояние между людьми невозможно измерить милями. А Джанни так далек от Жана Ромбо, как сам Жан – от солнца.

Все началось с колоколов. Первым услышали тот, что висел на башне Торре дель Манио: главный и самый большой колокол Сиены. Он издал низкую ноту, одинокую и мрачную. Она все еще разносилась над главной площадью, когда к ней присоединилась вторая. Однако огромная площадь оставалось пустой: ни один житель города не ответил на зов, не вышел узнать, чего хочет от него Республика. Все знали, что этот колокольный звон не был призывом. Этот звон был прощальным.

Солдаты, собиравшиеся у Римских ворот, тоже услыша-

ли эту первую ноту. Ей удалось перекрыть крики сержантов и офицеров, пытающихся построить отряды. На мгновение замолчали даже они. А потом к бою колоколов присоединились остальные колокольни Сиены, и казалось, что весь мир начал вибрировать. Ближайшая колокольня базилики деи Серви бушевала высоким и низким перезвоном. Когда мир снова наполнился шумом людских голосов, построение возобновилось: ряды спрямляли с помощью алебард, дубинками подталкивали и торопили солдат. Над каждым отрядом развернулись знамена: французские, сиенские, наемнические. Они выйдут из города со всеми воинскими отличиями. Оружие не нанесло им поражения, они уступили только самым жестоким и давним врагам осажденных: голоду и болезням.

Позади стройных рядов солдат столпились сиенцы. Рас слышав в суматохе приготовлений к бегству первый зов металла с башни, они невольно повернулись в сторону города. Некоторые из них закрывали глаза, безуспешно стараясь совладать со слезами. Многие словно пытались захватить это мгновение в сети памяти и мысленно задержаться здесь навсегда, слушая голос родного города, погруженные в гул его большого колокола, словно в кокон. Однако прочие городские звонницы – суматошная разноголосица трехсот колоколов – напомнили о необходимости скорейшего бегства. Уезжающие и остающиеся плакали, взывали друг к другу и вышним силам, молились. Немало нашлось и таких, кто просто

боролся за то, чтобы сберечь свое скудное имущество.

При первой ноте колокола Хакон тоже повернулся назад, отчаянно выискивая в толпе лохматую светловолосую голову. Эрик отправился на поиски Фуггеров, отца и дочери, и до сих пор не вернулся. Жан безжалостно заставлял себя смотреть только вперед. Ворота. Нужно дождаться, когда они откроются. Жан был твердо намерен держать свой маленький отряд как можно ближе к вооруженному строю французов, потому что за воротами могут оказаться люди, не уважающие условий перемирия. Сиенские изгнанники, враги республики, ненавидели многих из тех, кто собирался уезжать. Эти изгои намерены были искать отмщения за свой позор. В конце концов, рано или поздно все войны становятся гражданскими войнами. За свою жизнь Жан Ромбо повидал достаточно осад, чтобы понять это.

Жан повернул голову и посмотрел на тачку, поверх спящей Бекк, в сторону Анны. Он постарался улыбнуться дочери, но улыбки не получилось. Рот пересох. А вот Анна улыбнулась отцу, а потом снова перевела взгляд на свою мать. Какое бы снадобье она ни дала Бекк, оно действовало: спящую не растревожил даже звон колоколов.

– Ей нужна будет вода. Вон в том переулке есть фонтан.

Жан не успел задержать Анну, и она нырнула в толпу. Он шагнул было следом за дочкой, но огромная лапища сжала его плечо.

– Жан! Вот он!

Жан оглянулся. Он не мог похвастаться громадным ростом, но даже ему была видна приметная голова Эрика, двигавшегося сквозь толпу.

– Фуггеры с ним?

– Я вижу только Эрика. И вид у моего сына встревоженный.

В следующий миг Эрик был уже рядом и поспешно рассказывал свою историю:

– Мы искали везде. По-моему, вся контрада «Скорпион» вышла на улицы искать ее. Ими командует Фуггер. Мне надо к ним присоединиться.

И юноша повернул обратно.

– Ох, я чуть не забыл! Я его нашел, отец.

Потянувшись к перевязи со своими кривыми саблями, Эрик снял с нее третий меч. Он лежал в своих потрепанных ножнах: тупой конец высовывался из порвавшегося конца, зеленая кожа на рукояти обвисла клочьями, наверхие покрывала ржавчина.

– Еще немного – и ты бы оставил его, Жан. – Хакон широко улыбнулся, протягивая ему меч. – Как ты можешь быть палачом без своего меча?

Жан повернул голову – и быстро отвел глаза, снова устремив их в сторону ворот.

– О! – Его голос звучал совершенно бесцветно. – Брось его в тачку.

– Я пошел. – Эрик уже поворачивал обратно.

– Я с тобой. – Хакон устремился за сыном.

– Хакон! – Оклик Жана был резким, повелительным, и он остановил скандинава. – Ворота вот-вот откроют. Я не могу везти тачку один, мне не пройти и половины пути до Монтальчино. И нам нельзя оставаться. Де Монлюк прав: наши жизни здесь будут в опасности.

Каким-то образом ему удалось скрыть страх, который готов был предательски задребезжать в голосе. Хакон остановился. Он чувствовал себя так, словно его рвали на части: с одной стороны – сын, с другой – старый товарищ.

– Отец, тебе лучше уйти, – заговорил Эрик. – А мы с Фуггером будем искать. Мы найдем Марию и догоним вас в Монтальчино.

Хакон молчал. Долгие секунды тянулось это молчание, а когда скандинав отозвался, голос его звучал ворчливо.

– Да уж, изволь прийти, парень. И не рискуй! Он дал сыну подзатыльник.

– Кто будет рисковать – я?

Эрик быстро улыбнулся, прикоснулся к сабле в знак приветствия – и исчез.

К огромному облегчению Жана, Анна вернулась уже мгновение спустя и тут же дала матери глоток свежей воды. Услышав, что Эрик ушел искать Марию, она воскликнула:

– Но я же знаю, куда она пошла! К воротам, чтобы обменять у флорентийцев золото на продукты. Кажется, к этим воротам, Римским. – Увидев выражения их лиц, она виновато

то добавила: – Мне следовало сказать вам раньше!

Хакон снова попытался рвануться в город – за Эриком, но Жан остановил его:

– Нет, Хакон. Мы поищем ее за воротами и пошлем весть. Тебе сейчас их не найти. И посмотри. Посмотри!

Встревоженные возгласы Жана заставили Хакона повернуться. Далеко, в конце виа Романа, которая стала теперь дорогой скорби Сиенской Республики, он тоже увидел открывающиеся Римские ворота. Столпившиеся вокруг люди начали поднимать оружие, носилки с ранеными, младенцев, мешки, тачки, где было навалено все их имущество, – и устремились вперед, к воротам. Хакон, в последний раз оглянувшись назад, взялся за ручки тачки. Когда тачка поднялась, Бекк застонала.

– Держись крепче, Анна. Не отпускай, – приказал Жан.

Он старался дышать ровно. Если им хоть немного будет сопутствовать удача, вскоре они покинут город. Они отправятся в Монтальчино, а потом дальше... может быть, к своему дому. Его губы начали двигаться. Шепча полузабытые молитвы, он сосредоточил все свои мысли только на предстоящем пути.

\* \* \*

Они подъехали к воротам перед рассветом. Позади остались два дня стремительной скачки из Рима. Там, сразу за

осадными укреплениями флорентийцев, на полоске вытоптанной земли, они стреножили лошадей и привязали им торбы с овсом, после чего двадцать измученных мужчин с облегчением повалились на жесткую землю, словно это была перина. Человек в сером плаще, который во время этого безумного перехода погонял своего коня сильнее других и спешил прервать любую остановку, теперь отправился на разведку – собирать известия о сдаче. Джанни Ромбо казалось, что он больше никогда не сможет заснуть. По крайней мере, до тех пор, пока не будет выполнено его поручение. Поручение, обещающее ему спасение души.

Совершенно иначе обстояли дела у человека в черном плаще. Когда Томас опустил наконец голову на жесткий вещевой мешок, у иезуита возникло такое ощущение, будто он больше никогда не сможет проснуться. Все тело его болело, в голове пусто – не осталось ничего, кроме отчаянного желания забыться. Когда до его затуманенного сознания дошло, что французы и сиенцы не выйдут из города до двух часов дня – еще через восемь часов, – ему показалось, что его допустили в рай.

Однако его отдых не был спокойным. Сбор флорентийских отрядов, выкрики, приказы, отдаваемые на испанском, немецком, голландском и итальянском, – все это нисколько его не беспокоило. Но ближе к полудню, когда его сон стал не таким тяжелым, появились видения: путаные воспоминания о настоящем и прошлом, запах гроба, отрывок песенки,



детская ручонка в его ладони. Эта рука вела Томаса сквозь лабиринты, пока он не стал одновременно ведущим и ведомым, собственным отцом и собой, заходящими в оскверненные здания монастыря Уэнлок. Половина стен уже была разрушена, но мужчины продолжали вывозить камни в расположенную поблизости деревню. Большое круглое окно-розетка стало пустой рамой, лишившейся поразительного витража. На одном из немногих сохранивших раму окон восседала ворона. Задрав клюв, она издавала карканье, которого Томасу не было слышно, но которое созывало ее товарок, так что вскоре все окно заполнилось черными перьями и беззвучными воплями.

Отец выпустил его руку, и Томас уплыл от мальчишки, стоящего на земле. Он поднялся высоко над разграбленным монастырем, над своей родной деревней Мач-Уэнлок. Он увидел свой дом, уютный кирпичный особняк рядом с крытым рынком. Местоположение и внешний вид жилища вполне соответствовали положению сквайра зажиточного шропширского городка. Но тут же Томас вспомнил о том, что отныне это не его дом, что там живут другие – те, кто подчинился, кто нажился на бедах других, не подчинившихся. И он смотрел уже не вниз, а вверх. И теперь мог слышать птиц. Теперь он снова стал мальчишкой. Томас увидел, как они пикируют, кружат, ссорятся над телом повешенного, раскачивающимся посреди них. Оно вращалось все быстрее и быстрее, и ему никак не удавалось разглядеть, кто это, пока ка-

кая-то невидимая рука – возможно, его собственная – не остановила вращения, заставив птиц рассыпаться, вернуться на свое окно. Наконец Томас увидел лицо казненного. Он увидел, что, несмотря на вывалившийся фиолетовый язык и закатившиеся глаза, это все же лицо его отца.

Томас думал, что его крик был безмолвным, что этот вопль ужаса остался внутри кошмара. Однако когда он быстро сел, взгляды окружающих – людей Карафы, проверявших свое оружие и снаряжение, – сообщили ему об обратном. Ослабив складку плаща, который слишком туго обхватил шею, Томас прижал лоб к коленям и начал медленно читать катехизис, основы своей веры. Знакомые латинские слова постепенно сделали свое дело. Его дыхание выровнялось, сердцебиение успокоилось. Он знал, почему ему приснился этот сон: богохульное разграбление монастыря Уэнлок, жертва, которую принес его отец, останавливая кощунство, – это были стимулы, которые должны были удержать его на пути праведности. Даже если подчас Томасу Лоули и приходится совершать сомнительные поступки. И он ни в чем не сомневался так сильно, как в необходимости найти шестипалую руку Анны Болейн.

А вот человек, шагавший сейчас к нему, похоже, не терзался подобной неуверенностью, не страдал ночными кошмарами. Джанни шел прямо, не бросая взглядов по сторонам, и массивные солдаты расступались перед ним, уходили с его пути. Во время их короткого разговора перед отъ-

ездом Джанни почти ничего не сказал – а ведь у Томаса было множество способов выяснить то, что ему хотелось знать. Юноша был полностью сосредоточен на своем тайном внутреннем пламени. Оно горело в его темных глазах, это пламя желанья. В Риме человек, который собирался стать Папой, кардинал Карафа, сказал, что его протезе имеет «личные» сведения о том, где можно отыскать руку королевы Анны. И то, как было произнесено слово «личные», заставило Томаса содрогнуться.

Джанни пробежал последние двадцать шагов, которые их разделяли.

– Ты! Алессандро! Возьми десять своих людей. Вооруженных. Идите за мной. – Обращаясь к Томасу, он добавил: – Господь благосклонно посмотрел на наше дело, брат.

– Он всегда так делает. И в чем выражается его благосклонность на этот раз?

Джанни не ответил. Он молча повернулся и быстро повел собравшийся отряд за собой.

Томас старался не отставать. После сна больное колено всегда беспокоило его сильнее.

Все утро Джанни прохаживался по линиям укреплений, разговаривая с командирами и солдатами и собирая сведения. Он услышал отрывок баллады, исполненной за завтраком у костра. Из куплетов на него так и прыгнули знакомые имена. Напевавший ее мятежный сиенец, который сражался против собственной республики, сказал, что баллада посвя-

цена печально знаменитому военачальнику из крепости, которого, похоже, мегера-жена крепко держит за яйца.

– Мы избавим ее от этой обузы, как только мы, изгнанники, войдем в город. Эти счета давно пора было свести. Только на той неделе Ромбо командовал отрядом, который убил пятьдесят наших у Сан-Виенских ворот. Теперь он за все заплатит!

Когда офицер говорил это, его глаза горели мщением.

Было странно слышать такие слова о собственных родителях. Джанни оставил их в Монтепульчиано, преуспевающего винодела и его жену. Похоже, теперь они вернулись к своей прежней жизни: громоздя один грех на другой, они сделались героями непристойных баллад. Ну что ж, он, Джанни, – единственный член семьи Ромбо, кто искупит все. Благодарение Богу: он уже немало сделал в этом направлении. Но то дело, которым он занят сейчас, затмит все его прежние достижения.

Около полудня поиски привели его к Римским воротам, где позже он намеревался встать с отрядом, чтобы выискивать свои жертвы. Ему необходимо удостовериться в том, что они не сбежали из города, что их можно будет выследить в стенах Сиены. У ворот собралась толпа. Многие голодающие жители проверяли действие перемирия. Они выскользнули из ворот для вылазок, чтобы обменять остатки своих сокровищ на корочки хлеба и мясные обрезки. Там собралось и немало хищников, с которыми можно было торговаться, и не

в последнюю очередь – наемников, лишившихся возможности разграбить город из-за почетной сдачи.

И не только разграбить, как понял Джанни. Три солдата, которые всего за несколько секунд до этого флиртовали с оборванной девицей, заманивая ее к краю толпы обещаниями еды, вдруг схватили ее. Зажав ей рот рукой, они сгребли ее в охапку и потащили в неглубокую канаву. Джанни уже собирался пойти дальше, чтобы продолжить свои поиски, когда вдруг вспомнил лицо девицы – каким оно было за секунду до того, как на него легла жесткая ладонь, оборвавшая вскрик. Уже тогда ее лицо показалось Джанни знакомым – словно когда-то он уже видел на нем тот же взгляд ужаса. А потом Джанни Ромбо понял, что действительно видел это личико. Он вспомнил, где это было. В следующий миг он уже бежал за своими людьми.

Когда солдаты Карафы добрались до канавы, вопли ужаса и грубый смех подсказали им путь. Пробравшись сквозь кусты, Джанни увидел, что Марию Фуггер уложили на землю, и два человека держат ее за руки и за ноги. А приземистый лысый сержант нагибается к ней и тянет завязки на юбке.

Услышав шаги, сержант повернулся и зарычал. Его лицо исказила гримаса, точно он был хищником, у которого пытаются отобрать добычу.

– Мы нашли ее первыми! Идите на... и ждите! Когда мы закончим, вам тоже что-нибудь останется.

Джанни приостановился. Он не питал особой привязан-

ности к Марии – глупой девчонке, которую иногда ему нравилось помучить. Она довольно рано объединилась против него с не менее тупым Эриком. Надо думать, Мария сама навлекла на себя случившееся – своими развязными, греховными ужимками. Здесь не тот случай, что с Вильгельмом. Эти солдаты не собираются стать священниками. Если только они не убьют Марию Фуггер...

Пока Джанни раздумывал над всем этим, мимо него протиснулся человек в черном – Лоули, иезуит.

– Что происходит?

Томас и сам был солдатом, и ему уже случалось отворачиваться от подобного осквернения. Единственное, чего он не понимал, – это почему Джанни оказался здесь. Для чего ему наблюдать за происходящим?

Джанни объяснил:

– Господь воистину был к нам благосклонен, брат. Она – та, кого мы искали. Ее отец отведет нас к нашей цели.

– И ты согласен смотреть, как сначала ее изнасилуют?

Когда Томас увидел, как молодой человек пожимает плечами, гнев нахлынул на него, горькой желчью обжег горло. С волной гнева пришло и воспоминание о его сне, о сомнительных решениях, которые приходится принимать ради вящей славы Божьей. Этот Джанни Ромбо был частью происходящего, своего рода оружием. Частью того, что необходимо вытерпеть. Но даже сейчас встречаются и такие вещи, которые выносить необязательно.

– Отпустите ее.

Сержант держался за свой ремень, который как раз соби-  
рался снять. Вместо этого он потянулся к ножнам.

– Будешь ждать своей очереди, как пай-мальчик.

Теперь Томас стал воином Христовым, но когда-то, в Ан-  
глии, он был просто воином. Тогда существовали правила,  
по которым он жил, – правила, которых он не забыл. И сей-  
час он действовал в соответствии с одним из них: ударь  
прежде, чем ударят тебя.

Томас нагнулся, наполовину отвернувшись от человека,  
стоявшего перед ним. Его тело и плащ скрывали левую ру-  
ку, пока не стало слишком поздно останавливать его. Томас  
Лоули нанес удар основанием кисти – снизу вверх и чуть под  
углом, сломав противнику нос и отбросив его к стенке ка-  
навы. Оба солдата выпустили руки девушки и потянулись к  
пике и мечу, пристроенным у ближнего куста. Меч оставался  
пока в ножнах, закрепленных пряжкой, так что Томас занял-  
ся пикинером. Ухватив пику в тот самый момент, когда про-  
тивник пытался опустить наконечник вниз, он дернул древко  
назад и вверх, ударив солдата в шею. Тот упал. Тогда Томас  
повернул пику ко второму, успевшему наполовину обнажить  
клинок. Солдат замер, увидев в руке у Томаса смертельно  
острый наконечник, бросил меч и отступил назад, поднимая  
руки.

Джанни едва успел произнести:

– Ты меня удивил, иезуит.

Его фразе оборвал крик: сержант с залитым кровью лицом и ножом в руке бросился на стоявшего к нему спиной Томаса. Лезвие было всего в ладони от монаха, когда вдруг остановилось и на секунду замерло в воздухе, словно обвиняющий перст, наставленный на черный плащ англичанина. Солдат пытался издавать какие-то звуки, но ему мешал кинжал, внезапно появившийся в его шее. Насильник упал на колени, все еще держа перед собой свой нож, вонзившийся в почву, когда он медленно осел, уткнувшись лбом в землю между раскинутых ног перепуганной девицы.

Секунду держалась тишина, которую прерывали только всхлипы Марии Фуггер, тяжелое дыхание иезуита и хрип умирающего, в чьей шее засел кинжал. Джанни шагнул вперед и мягко подтолкнул тело сержанта носком сапога. Оно перевернулось на бок. Тогда Джанни наклонился, вытащил кинжал у него из горла, вытер лезвие о его куртку и выпрямился.

– Неужели обязательно было его убивать?

С этими словами Томас бросил пику на землю.

– Ну вот, – отозвался Джанни с улыбкой, – разве это слова благодарности?

В эту минуту слезы, которые уже давно сдерживала Мария, потекли у нее по щекам. Она смотрела на Джанни с изумлением и ужасом. Слова ее утонули в слезах.

– Привет, Мария. – Голос Джанни звучал дружелюбно. – Как твой батюшка?



Рыдания не позволили ей ответить. Повернувшись к людям, стоявшим позади него, Джанни рявкнул:

– Свяжите ее и заткните ей рот!

Те поспешно повиновались. Люди, следовавшие за ним, служили Карафе, а кардинал велел им делать все, что прикажет этот человек. Любые сомнения, которые у них еще оставались, исчезли, когда брошенный кинжал вошел в шею сержанта.

Когда люди Карафы начали связывать рыдающую девушку, из ее одежды выпал медальон. Его подобрали и вручили Джанни. Он открыл его, кивнул и показал Томасу миниатюры, которые находились внутри.

– Ее родители. Вот человек, который нам нужен.

Пока он говорил это, огромный колокол на Торре дель Манио издал свою первую унылую ноту. Джанни поднял голову.

– А! Пойдем, попробуем его найти.

Томас дал знак оставшимся солдатам, чтобы те уходили. Джанни пошел впереди своих людей, толкая перед собой девушку. Двое незадачливых насильников удрали в противоположном направлении, дальше по канаве, оставив в пыли тело своего товарища. Томас наклонился над ним. Кровь собралась в лужицу, очертив широкий красный нимб вокруг головы. Ухватившись за этот малый знак благодати, Томас поспешно опустился на одно колено, прикасаясь пальцами к губам. Молитву пришлось сделать краткой: все колокола

Сиены уже заливались безумным перезвоном, на фоне которого можно было различить мерный бой французских барабанов.

Томас снова нашел Джанни в тот момент, когда первые отряды под развернутыми знаменами уже проходили мимо их наблюдательного поста в нескольких сотнях шагов от Римских ворот. Во главе их ехал Блез де Монлюк, не смотревший ни вправо, ни влево. Его единственный глаз был устремлен прямо вперед, к будущим сражениям. Следовавшие за ним солдаты не выглядели так, будто выдержали пятнадцать месяцев лишений и осады: весеннее солнце ослепляло, отражаясь от начищенных доспехов и шлемов, от гордо поднятых пик, от мечей, вскинутых в знак приветствия. Французы и отряды наемников по-прежнему оставались хищными птицами, они гордо блестели оперением, красовались пышными рукавами с прорезями, сквозь которые была продернута подкладка всех цветов радуги. Экстравагантные камзолы малинового и нежно-голубого цветов контрастировали с охряными или золотыми штанами, черными и серебряными трико. Томас с содроганием вспомнил, что деньги, которые он получил в первом своем разграбленном городе во Фландрии, были истрачены на такой же наряд. Когда он отказался от роскошных, вычурных платьев, чтобы облачиться в рогожу и грубую шерсть послушника, он словно родился заново.

Испанцы, вставшие вдоль дороги, насмеялись над французами, которые отвечали им тем же. Наемники обеих сто-

рон обменивались приветствиями и ругательствами с нынешними противниками, бывшими товарищами, будущими союзниками. Они шли уже полчаса. По подсчетам Томаса, их число составило примерно пять тысяч. Каждый отряд сопровождали его имущество и раненые на больших повозках. А потом из-за ворот донесся пронзительно выкрикнутый приказ, за которым последовало рычание – одно слово, имя их города. И вперед двинулись воины Сиены.

Контраст с теми, кто выходил до них, был разительным. По-прежнему били барабаны – но их было немного, а на знаменах мелькали эмблемы города – волка и отцов-основателей – и знаки нескольких контрад: Льва, Единорога, Скорпиона, Меча. Однако под знаменами Томас увидел мужчин и женщин в простой одежде и дешевых доспехах. Их лица были измождены. Сиенцы безуспешно старались сдержать слезы. Их тела были истерзаны голодом и ранами. Однако они заставляли себя идти гордо. С высоко поднятой головой они покидали родные дома, которые, возможно, им было не суждено увидеть снова. Их предводители отличались от рядовых только шляпами с плюмажами. Во всем прочем они были плоть от плоти своих отрядов: те же текущие по лицу слезы, те же повязки на ранах, та же хромота. Хотя большинство явно не были профессиональными солдатами, однако им удавалось идти в ногу. Их шаги взметнули новое облако дорожной пыли. Барабанный бой и тяжелое дыхание были единственными звуками, которые сопровождали их печаль-

ный исход. Враги наблюдали за ними в молчании, только порой кто-нибудь из предателей-изгнанников выходил вперед, чтобы плюнуть под ноги давнего соперника, не получив в ответ даже взгляда.

Обоз сиенского ополчения заметно отличался от огромных повозок французов. В тележках и тачках везли стонущих раненых и больных, скудный скарб громоздился горбами. Томас ощутил напряжение стоящего рядом молодого человека: Джанни подался вперед, как только печально ударили сиенские барабаны. Он спрятал лицо под капюшоном, несмотря на теплое солнце. Одна его рука удерживала край плаща так, что видны были только темные глаза, всматривавшиеся в толпу. Глядя на своего спутника, Томас решил, что ему следует наблюдать именно за этим юношей, к которому он прикован, словно галерный раб к скамье. Следовало лучше понять это загадочное существо, которое жило в монашеской рясе, но вершило смерть, как профессиональный убийца.

Конечно, первым Джанни заметил Хакона, хотя скандинав и согнулся под тяжестью тачки. Его ручищи сжимали две ручки. Глаза Джанни мгновенно скользнули вокруг тачки, но не обнаружили искомого. Тогда они снова поискали поблизости, вернулись обратно – и наконец изумленно остановились. Его отец изменился за три года, прошедшие с их последней встречи. Изменился очень сильно. И дело было не в том, что он стал меньше, как это обычно случается с

родителями, когда их сыновья вырастают. Нет, скорее казалось, будто из него что-то вырвали, сократив в размере, превратив великолепного Жана Ромбо в этого щуплого хромого человека, пытавшего толкать тележку. Глаза у Джанни странно затуманились, и он поднял к ним руку, изумленно почувствовав на пальцах влагу. Молодой человек смахнул неуместные слезы, он призвал на помощь себе быстрый гнев и справился с жалкой слезной водицей. Джанни Ромбо давно поклялся, что пролил из-за своей семьи последние слезы. Грешники не стоят соли!

Его сестра шла по другую сторону повозки – той спокойной походкой, которую ему так нравилось передразнивать. Ему никогда не удавалось точно схватить легкие движения сестры. Анна словно парила над землей. Одна ее рука держалась за что-то лежащее в повозке, и Джанни даже сначала показалось, что это – для того, чтобы не потеряться, не уплыть в сторону. А потом он понял, что Анна держит другую руку, которая высовывается из того, что наблюдатель поначалу принял за груды тряпок и одеял. Потом Джанни разглядел высокий лоб и седеющие темные волосы матери. Ее глаза, близнецы его собственных, были спрятаны под опущенными веками. Джанни видел, что Бекк жива, и мог понять, что жизнь еле теплится в ней.

Юноша не заметил, как сделал шаг вперед, как с его губ сорвалось какое-то слово, – он не отдавал себе в этом отчет, пока рядом с ним не заговорил иезуит:

– Что? Ты его видишь? Звать наших людей?

Джанни поднял руку, отступил назад и убедился в том, что за его семьей не следует Фуггер. Наконец, когда у Джанни появилась уверенность в том, что он вполне владеет своим голосом, он проговорил:

– Его с ними нет. Он был бы здесь, если бы собирался уехать. Нет, тот человек по-прежнему в городе. Ищет вот это. – Джанни ткнул сапогом в лежащую у его ног связанную девушку, которая застонала под кляпом. – Она сообщила мне их адрес. Войдем в город?

Томас предоставил Джанни отдавать распоряжение людям, пытаясь разобраться во впечатлениях последних минут. Он был прав, наблюдая за своим спутником. Теперь Томас Лоули знал, что хладнокровный молодой человек, с которым он был знаком так недолго, способен на эмоции. А эмоции всегда были действенным орудием. А еще он видел, на что смотрел молодой человек, точнее – на кого, и был уверен: подобную реакцию могли вызвать только люди, которых Джанни Ромбо сильно любит или люто ненавидит. Возможно, и то, и другое: порой линия, разделяющая два эти чувства, крайне тонка. Но потом Томас отвлекся на девушку, которая шла рядом с тачкой. Нет, не шла: она парила над землей, словно бы позволяя тележке тянуть себя рядом. Она была воздушной, прозрачной – искорка, танцевавшая в лучах солнца, изливавшего потоки света на дорожную пыль и пронзавшего пелену ее черных волос.

Только когда молодой человек подался вперед, Томас вышел из своего оцепенения и начал отчаянно искать слова. Деятельность помогала уйти от смятения.

Хотя у ворот царила толчея, основные силы победителей должны были войти в город с северо-востока, через ворота Камоллиа, так что людям Карафы довольно быстро удалось протолкаться внутрь Сиены. Кляп у пленницы ненадолго сняли, уточняя дорогу к жилищу Фуггера. Поиски вполне можно было начать оттуда.

Джанни подозвал Алессандро, одного из вожakov отряда.  
– Отвези ее в Рим, в Латеранскую тюрьму. Ее можно будет отпустить только после того, как привезут этот медальон. Понятно?

Марию бросили на круп одной из лошадей, и половина отряда последовала за ней через ворота. Джанни увел Томаса и оставшихся десять человек с широкой виа Рома, по которой солдаты рекой текли к Кампо, на узкую улочку, виа Вальдимонтоне. Молодой Ромбо уже совершенно оправился после встречи у дороги и теперь был полон решимости искупить это малое проявление слабости. Впереди находился человек, который поможет ему в этом искуплении. Однорукий человек, который поможет искупить все.

\* \* \*

Для Фуггера, лихорадочно мечущегося по городу, колоко-

ла представлялись жуткими бичами, гнавшими его вперед. Без Марии нет жизни: она была последней памятью о ее возлюбленной матери, которую тоже звали Марией. Смущенная улыбка жены, ее нежное прикосновение продолжали жить в дочери. Фуггер разговаривал с женой каждый день на протяжении тех пяти лет, которые минули с тех пор, как ее унес страшный мор. Он разговаривал с ней и сейчас, даже когда смолкли последние отголоски барабанной дроби; он говорил с ней, пока бежал по переулку, который вел к развалине, в последние пятнадцать лет служившей им домом.

– Ты отвела ее туда, так ведь, любимая? Ты увела ее назад, прочь от всех бед этого дня. Она сейчас ждет меня там. У нас еще осталось время. Нам ничего не надо брать, только самих себя, и мы выйдем через Римские ворота за стены. Они ведь не уйдут далеко. Жан, Хакон. Бекк, Анна...

Анна будет на него злиться. Повязка, которую она так старательно наложила на пеньки, оставшиеся от оторванных пальцев, распустилась и волочилась за ним следом. Под последним слоем ткани Фуггер видел рассеченную плоть.

– От меня отрезали еще несколько кусочков, Мария. Скоро вообще ничего не останется. Какую жизнь может вести на ферме однорукий с тремя пальцами?

Ферма! В своей записке Жан сообщил, что они постараются вернуться туда, чтобы начать все сначала на том месте, где все они познали единственное подлинное счастье. Именно там Фуггер изобрел множество приспособлений, ко-



которые помогали отжимать маслины и виноград. Конечно же, он сможет изобрести и что-нибудь такое, что можно будет приводить в движение только тремя пальцами. Дочь поможет ему. Марии всегда нравилось помогать ему работать.

– Если только она там, жена. Если она дожидается меня возле следующего угла, как это сделала бы любая разумная девушка.

Но Мария не ждала его. Перед дверью стояли вооруженные люди, и Фуггер налетел на одного из них. С маху он ударился о твердый панцирь, скрытый под черным плащом. Фуггер бежал так быстро, что отбросил не ожидавшего столкновения солдата прямо на его товарища.

– Эй ты, глупый...

Голос был грубым, выговор – римским. Фуггер, мгновенно опознав своих недавних врагов, заговорил по-итальянски, как настоящий сиенец, держась при этом крайне униженно.

– Простите меня, господин, простите. Тысяча извинений.

Фуггер медленно пятился назад, глядя мимо солдат на свой дом в надежде мельком увидеть дочь. Хорошо бы она не попала там в новую беду! Он был настолько сосредоточен на этой надежде, что не заметил, как один охранник подтолкнул другого и указал на сморщенную культю немца. Солдаты кинулись к Фуггеру, отрезав ему путь к бегству, а потом втолкнули в дверь.

Внутри было темно – только полосы света падали сквозь пробитую крышу, выхватывая из черноты скудную обстановку.

ку и двух мужчин. Один сидел на краю стола, другой стоял, скрывая лицо в тени капюшона, и вертел в луче солнца записку Жана. Затем капюшон повернулся в сторону Фуггера, которого заставили опуститься на колени так, чтобы лицо пленника оказалось в потоке солнечного света. Слепленный, он мог только моргать. Как это ни странно, но первой к нему пришла мысль о том, чем можно покрыть крышу.

– О! Господь продолжает нам улыбаться.

Этот голос! Фуггер знал его, но не сразу вспомнил. Голос звучал ровно, но под напускным спокойствием скрывалась едва сдерживаемая энергия. А потом лицо вынырнуло из-под капюшона и оказалось на свету.

– Джанни!

Фуггер ахнул, а мысли его наполнились противоречивыми образами, вспышками воспоминаний. Джанни Ромбо. Способный мальчик, который так легко впитывал все знания в области латыни и греческого, какие только мог ему дать Фуггер. Печальный мальчик, вернувшийся с гор. Жестокий подросток, чьи проделки часто доводили его Марию до слез. Гневный юноша, который ускользнул из дома однажды ночью... Одиноким мальчик, чьи черты до сих пор не изгладилась из лица смотревшего на Фуггера молодого мужчины.

– Но... как... почему ты... кто ты?

Простой вопрос прервал изумленный лепет пленника:

– Ты знаешь, где твоя дочь, Фуггер? Страх мгновенно вырос вдвое.

– Моя дочь. Моя Мария! Я... Но почему?..

– Потому что я это знаю. Я знаю, где она. Я знаю, что с ней там случится. Весь тот ужас, который с ней произойдет.

Слова были произнесены так хладнокровно, словно все это не имело никакого значения, и Фуггер почувствовал, как сердце, словно зверек, бьется о прутья его грудной клетки.

– Если только... – добавил Джанни и замолчал. Рука его нырнула под плащ и появилась обратно с каким-то предметом, блестящим на конце цепочки. Вещица раскачивалась туда-обратно, маятник света, поймавший взгляд Фуггера.

– Если только что, Джанни?

– Если только ты не сделаешь все, что я тебе скажу. В точности. Если ты выполнишь мой приказ, я отдам тебе это. Вот что даст ей свободу. Спасет ее.

Медальон остановился и начал медленно вращаться на месте. Замочек открылся. Фуггер смог заглянуть внутрь и увидеть там два портрета. Его жена, он сам, его жена, он сам... Они вращались перед ним, сливаясь, пока там, внутри, не завертелась его дочь – сплав этих двух половинок.

Фуггер протянул дрожащую руку к медальону, который при ее приближении отодвинулся и повис, вращаясь, почти возле самых пальцев.

– Не сейчас. Сначала ты должен сделать то, что я тебе скажу. Хочешь узнать, что это будет?

Это могло оказаться чем угодно. И Фуггер сознавал, что совершит что угодно. Любое преступление, которое ему ве-

лят содеять, любой грех – лишь бы медальон оказался у него в руках. Чтобы исполнилось обещание, содержащееся в этих словах. Чтобы освободить. Чтобы спасти.

– Да, – выговорил Фуггер. – Да, Джанни, говори, что я должен сделать.

И Джанни сказал ему... Солнце померкло, поглощенное черной пропастью ужаса, глубокой и мрачной пещерой, подобной той, в которой он жил – если подобное существование можно назвать жизнью – в куче отбросов, под клеткой виселицы, на перекрестье дорог у Луары. Из этой пропасти его освободил Жан Ромбо, человек, которому Фуггер помогал исполнить его клятву – и которого он потом предал. И который тем не менее поднял его снова, вернул ему свою дружбу, дал еще один шанс. Жан Ромбо подарил Фуггеру новую радость дневного света, радость, которая оставалась с ним все годы, прошедшие с той поры. Фуггер был обязан этому человеку всем. И теперь сын этого человека требовал от немца второго предательства, еще худшего, нежели то первое, потому что ныне Фуггер обязан погубить дело жизни своего друга в тот самый момент, когда эта жизнь близится к концу. И слезы, хлынувшие из глаз Фуггера, перед которыми неумолимо вращалось изображение его жены, его самого и его дочери, были слезами горького знания. Мария была единственной радостью, которая у него оставалась, единственным напоминанием о женщине, которую он любил. Что рядом с этим дружба, верность и кости мертвой королевы?

Фуггер упал на пол. Тень легла на его глаза, словно громадная черная птица опустилась на дыру в крыше и заслонила солнце. И Фуггер, человек, некогда живший под виселицей, хрипло, по-вороньи, каркнул:

– Иисусе, спаси и помилуй!

И только один из присутствующих произнес в ответ:

– Аминь.

Сидевший на краю стола человек до этого молчал. Джанни Ромбо дернул цепочку, поймал медальон в ладонь и торжествующе поднял голову.

\* \* \*

Солнце заслонила вовсе не птица. Увидев у дома солдат, Эрик спрятался поблизости и наблюдал за тем, как Фуггера увели внутрь. Не зная, находится ли там его Мария, он залез на крышу с соседнего здания. Двигаясь бесшумно, словно тигр, молодой скандинав пробрался по расколотым черепицам и открывшимся балкам к самой большой дыре и там забился за выступ каминного дымохода. Ему не было слышно, что происходит внутри, все заглушил стон павшего города: крики, барабаны, топот, колокола. Но Эрик отлично видел, как Фуггер стоит на коленях перед человеком в капюшоне, заметил, как что-то блеснуло между ними, уловил волну отчаяния, исходившего от человека, которого он знал всю свою жизнь. А потом Фуггер упал, и Эрик придвинулся к дыре.

Человек, который до этого был для наблюдателя только макушкой капюшона, поднял голову. Эрик замер – и потому, что любое движение могло его выдать, и потому, что узнал еще одно лицо, знакомое ему всю его жизнь. Мальчишка, с которым он рос и которого постепенно стал ненавидеть, стоял прямо внизу. Джанни больше не был мальчишкой. И Эрику не требовалось видеть отчаявшегося Фуггера, чтобы понять: раз здесь замешан Джанни Ромбо, значит, только что началось нечто жуткое.

## Глава 5. ЦАРСТВЕННАЯ УЗНИЦА

Елизавета никогда еще не бывала в этой части дворца: ни в ту пору, когда навещала отца в беззаботные дни своего детства, ни сейчас, когда ее передвижение ограничили западными апартаментами и маленьким, окруженным стеной садом у реки. Но даже если бы она и обладала большей свободой, то не пошла бы сюда, потому что для этого пришлось бы идти через кухню, где повара тотчас прекращали работу, чтобы указывать на нее пальцами и переговариваться, а потом еще через заброшенный двор конюшни, где единственный факел сопровождающего не в силах рассеять ночной мрак. Затем следовало спуститься по узкой лестнице и войти через низкую дверь. Обшитая дубовыми панелями комната была достаточно уютной, хоть и не богато обставленной. Дверь, закрывшаяся за Елизаветой, оказалась тщательно пригнанной по всем швам и не имела ни ручки, ни замочной скважины. Однако она слышала, как в замке был повернут ключ: это сделал молчаливый мужчина в капюшоне, который привел ее сюда. В центре комнаты стоял стол, за ним – два кресла с высокими спинками и один табурет. В помещении, лишенном окон, единственный свет давала лампа, оставлявшая углы темными. Подле лампы лежали чернильница, три пера, перочинный нож и пачка чистого пергамента.

Пусть Елизавета никогда раньше и не бывала в этой ком-

нате, но она узнала ее с первого взгляда. Комнаты для допроса всегда были одинаковыми. Принцесса повидала их достаточно, чтобы это знать.

Однако здесь имелось одно отличие. Елизавета обнаружила его при первом же повороте головы: это отличие висело на задней стене, позади кресел для допрашивающих. Зеркало – круглое, чуть вогнутое. О его старости свидетельствовала рама с хлопьями позолоты. А вот стекло оказалось превосходным: даже при этом плохом освещении оно показало принцессу совершенно ясно. Зеркало явно предназначалось не для этой комнаты, а для какого-то более богатого помещения, и Елизавета стала гадать, как оно совершило свое путешествие сюда, чтобы представить царственной узнице ее собственные недостатки. А еще она гадала – как всегда, когда видела зеркало, – какие лица оно отразило и потеряло. Одни лица, которые Елизавета узнала бы мгновенно, и другие, которые помнила только смутно.

Ее отец наверняка смотрелся в него: Генрих был не из тех людей, кто проходит мимо зеркала. И сейчас она видела его отражение в своей сильной челюсти, в высоком лбе, обрамленном золотисто-рыжими волосами. Мать была для нее поблекшим воспоминанием, а немногочисленные сохранившиеся портреты, как говорили, не отдавали должного Анне Бoleйн. Однако то немногое, что знала и помнила Елизавета, она разглядела сейчас: в острых скулах, безупречно прямом носе, но более всего – в глубоких пещерах глаз. Глаза



опальной принцессы не были бездонными озерами, которыми, по рассказам, манила и дразнила окружающих ее мать, но тем не менее они считались весьма красивыми. И еще – изящные руки. Наследство от женщины, которую Елизавета никогда не знала по-настоящему. Принцесса подняла руку, прижала к щеке ладонь, потом тыльную сторону кисти. Вспомнив, в чем отличие ее собственной руки от материнской, она поспешно опустила ее. Эта рука все равно казалась Елизавете странной, даже без лишнего пальца, которым ее дразнили так называемые «друзья»: пальцы костлявые, а все не тонкие, кожа – такая же желтая, как на лице. И руки, и лицо были изможденными после долгих лет бдительности, подозрений... ожидания в комнатах, подобных этой!

Елизавета не знала, кто вызвал ее на эту полуночную встречу – первую с тех пор, как неделей раньше ее привезли из Вудстока в королевский дворец. Королева, ее сестра, по-прежнему не желала видеть дочь Анны Болейн, несмотря на мольбы Елизаветы о встрече. Принцесса надеялась, что вызов в Хэмптон-Корт будет означать, что ее заключению пришел конец. Однако хотя здесь цепи стали чуть более свободными, она все же полностью от них не избавилась. Встречи, подобные этой, могут оказаться предварительной подготовкой к поездкам, которые ей не хотелось совершать. Обратное, к скуке и мелочной тирании сэра Генри Бединг-филда, в Вудсток. Или в какое-то другое место, гораздо худшее. Путешествие по реке, вниз по течению, в Тауэр, как это было

ровно год и месяц тому назад.

Нет! Она не должна, не может попасть туда. Они уже пытались обмануть ее, поймать на заговорах и лжи – и не смогли. Елизавета выдержала ту черную тюрьму, не поддавалась попыткам связать ее с теми, кто хотел нанести урон королеве и разгромить ее Церковь. Принцессу Тюдор не сумели связать с Уайетом и прочими. И она выдержит снова – пока у нее хватит выдержки, пока ей удастся не дрогнуть перед теми, кто на сей раз войдет в дверь. Невыносимо, что Елизавету заставляют ждать в этой мрачной комнате! еще убедятся в ее неудовольствии. Елизавета Тюдор унаследовала не только отцовский подбородок и цвет волос, но и его гневливость.

И эта комната – ее! Пренебрегая явно приготовленным для нее, узницы, табуретом, принцесса уселась в кресло с высокой спинкой и сосредоточила свое внимание на находящейся перед ней двери и неизвестном противнике, который через нее войдет. Казалось, ее сосредоточенность послужила заклинанием вызова темных сил: почти мгновенно Елизавета услышала скрежет металла по металлу. Дверь открылась.

– Принцесса Елизавета.

Высокий мужчина пригнулся в дверном проеме и изобразил поклон легким движением головы.

Ренар! Ну конечно, это должен был оказаться он! Это не мог быть никто другой. Только Лис копается в мусоре по ночам.

Елизавета положила руки на подлокотники и расслабила

их, направив свой гнев вперед, на вошедшего.

– Посол, вы считаете этот час подходящим для разговора?

– Увы! – Он повернулся и закрыл дверь. Невидимая рука за нею вставила ключ в скважину. – Мои труды поглотили все дневные часы. Только в позднее время мне удастся подумать о собственных удовольствиях.

– Удовольствиях?

– О да, миледи. Сегодняшний визит носит личный характер. Приветствовать ваше возвращение ко двору из изгнания. Выразить надежду, что это станет для вас началом более счастливых дней – таких же счастливых, как и для королевства и всех его подданных.

Елизавета проглотила ответ, который так и рвался наружу, – о том, что мученики, которых дюжинами сжигают за их протестантскую веру, вряд ли могут считаться «счастливыми подданными». Она уже почти два года потратила на то, чтобы убедить этого человека и многих других в том, что она, Елизавета, – верная дочь католической Церкви и радуется ее величественному возвращению. Лис применил все немалые средства, находящиеся в его распоряжении, чтобы добиться ее осуждения как еретички или предательницы и предать смерти огнем или топором. Но Елизавета не дала и не даст ему в руки ничего, что позволило бы ему возобновить подобные попытки. И она ничего не ответила. Просто стиснула пальцами подлокотники и приготовилась выжидать.

Ренар с иронией отметил, как именно она распорядилась

местами для сидения, но вместо того, чтобы занять табурет, прошел к столу и положил около лампы пакет, завернутый в красный бархат.

– Подарок для вас, миледи. В честь вашего возвращения. Елизавета не сделала ни одного движения в сторону пакета.

– Что значит эта любезность, милорд?

– Вам придется открыть его и посмотреть.

– Я бы предпочла, чтобы вы открыли его за меня. Новая улыбка.

– Как будет угодно миледи.

Длинные пальцы развязали слабо затянутую бечевку, вытащив из бархатного мешочка небольшую деревянную коробочку. Длина ее составляла примерно ладонь, а высота равнялась двум кистям, сложенным в молитве. Ореховое дерево было украшено резьбой – гербом императора. Елизавета по-прежнему не двигалась. Ренар снял крышку, положил ее на стол и отступил назад, сложив руки перед собой.

Свет лампы осветил набор для шахмат. Крошечные фигурки были мастерски вырезаны, белая слоновая кость стояла перед черным деревом. Нагнувшись, Елизавета взяла коня, преодолев первоначальное сопротивление: на месте фигурку удерживал крошечный колышек.

– Как красиво.

– Да, ремесленники Модены действительно превзошли сами себя. Вы играете?

– Я новичок в этом искусстве, но – да, я играю.

– Думаю, миледи скромничает. Я слышал, что вы превзошли своих наставников в этом, как и в других предметах, которые изучали.

– А я слышала, что в Европе у вас нет равных. Отрицания не последовало – только наклон головы и еще одна легкая улыбка.

– Вы со мной не сыграете?

– Разве сейчас не слишком поздно для игр?

– Для игр никогда не бывает слишком поздно. Как и для шахмат. Доставьте мне удовольствие.

Принцесса отвела взгляд от пристальных черных глаз и снова посмотрела на доску. Фигуры ожидали – они были расставлены, и многие из них уже стронулись с первоначального места.

– Однако эта игра уже начата.

– Я позволил себе такую вольность. – Голос Ренара звучал мягко. – Когда играют опытные люди, то начальные этапы игры так предсказуемы! Мы с вами оба так часто их проходили! Самым интересным бывает эндшпиль, разве не так? Вы можете выбрать любой цвет.

– Я не люблю, когда за меня делают ходы.

– Но существуют некоторые ходы, которые иначе вы сделать не в состоянии.

Елизавета позволила себе чуть улыбнуться.

– Мы по-прежнему говорим о шахматах, милорд?

Он пожал плечами, и в его голосе возникли жесткие нот-

ки.

– Выбирайте – белые или черные?

В игре было сделано семь ходов, и белые уже захватили середину доски. Однако у черных была хорошая оборонительная позиция. Несмотря на внезапное желание начать нападение на противника, Елизавета знала: ее выживание, как и всегда, зависит от осторожности. Особенно с таким противником, как Ренар.

– Я буду играть черными.

– Мудрое решение. Сейчас ваш ход. Мой последний был сюда: конь в центр. – Ренар отошел от стола. – Вы не будете возражать, если я не стану садиться? Жесткие табуретки мне не полезны.

подавив порыв уступить собственное кресло с кожаным сиденьем – она заняла эту позицию и не станет ее сдавать! – Елизавета сосредоточилась на доске. Чем ей ходить – ферзем или слоном? Изучая позицию, она заметила, что Ренар тихо перешел к зеркалу, ощутила на себе взгляд отразившихся в стекле глаз. Она повела плечами, обдумала ход и стала ожидать, чтобы он сделал свой. Ход был сделан.

– Вы еще не виделись с ее величеством, вашей сестрой?

– Не сомневаюсь, что вам это известно – нет, не виделась. Мои горячие просьбы быть допущенной к ней встретили отказ. Пока.

– А, да. Печально, когда сестры вот так разлучены. Особенно в такой момент.

– Какой момент?

Теперь Ренар повернулся к узнице.

– В такой, когда ее величеству так нужна поддержка во время беременности. Вы ведь знаете, что до разрешения от бремени осталось совсем недолго.

Елизавета заставила свой голос звучать ровно:

– Я об этом слышала, милорд, и я ликую.

– Вы... ликуете?

– Конечно, милорд. Я знаю, как моя сестра мечтает о ребенке.

– «Ликую» – такое странное слово. – Ренар прошелся по комнате; он по-прежнему оставался позади нее, но с другой стороны. – Вы ликуете из-за рождения, которое лишит вас короны? Которое гарантирует католическое наследование, столь неприемлемое для вас? Или вы скорее ликовали бы, если бы королева умерла родами, а с ней и испанский соплук?

Атака началась неожиданно, и Елизавета повернулась на своем кресле, чтобы встретить ее.

– Я не имею таких желаний. А вы – клеветник и мерзавец, раз предполагаете подобное! Королева об этом услышит.

Вместо того чтобы ответить гневом на гнев, Ренар только рассмеялся, но его смех был совершенно лишен веселости.

– Полно, Елизавета! Королева ничего про вас не услышит, кроме плохого. Только на прошлой неделе ее величество в присутствии многочисленных свидетелей назвала вас... Дай-

те-ка вспомнить... О да. Она назвала вас бастардом, еретичкой и лицемеркой. И снова молилась о том, чтобы плод ее чрева навсегда избавил от вас страну.

Елизавета медленно поднялась. Ярость сжимала ей грудь.

– Именно такие, как вы, отравили слух моей любящей сестры и настроили ее против меня! Однако она – королева и может называть меня, как ей вздумается, какими бы ложными ни были эти титулы. А вот вы, посол, можете обращаться ко мне только «ваша светлость» и «миледи». И я не останусь здесь выслушивать оскорбления.

Елизавета прошла к двери и стала ждать там, спиной отгородившись от человека, который вкрадчиво захлопал в ладоши.

– Я слышал, что вы обожаете маскарады и представления. Но даже не подозревал о том, что вам удалось усвоить так много актерских умений. – Не получив ответа ни словом, ни жестом, Ренар добавил: – Полно, миледи. Может быть, мы прекратим эту игру?

– А разве мы здесь не для того, чтобы играть?

– Возможно. Но у меня есть к вам предложение... и тайна, которой мне хотелось бы с вами поделиться. Они лучше любой игры. Не желаете ли выслушать? Ну же, вернитесь на свое кресло. Полно. Позвольте мне поделиться тайной, которую в этом королевстве знают не больше пяти человек.

Дверь не откроется, пока он не даст соответствующий приказ. Елизавета сделала свой ход – и даже добила некоего



того успеха. Она снова села, и Ренар обошел вокруг стола.

– Неужели вы вдруг решили поделиться тайной, милорд?

Посол подался вперед, прижав кончики пальцев к краю стола. Глаза с тяжелыми полуопущенными веками были устремлены прямо на узницу.

– Беременность королевы – ложная. Ее жажда родить от Филиппа ребенка, получить наследника католического трона и увериться в Божьем благословении после стольких тяжелых лет так сильна, что она создала себе иллюзорный плод – иллюзию настолько сильную, что она принесла распухший живот и молоко в сосках.

Первая мысль Елизаветы, наполнившая ее сердце печалью, была: «Ох, бедная Мария!» Но она не стала открывать свои чувства этому человеку.

– А откуда это известно вам? Откуда вам известно о ложности того, что многие другие считают истинным?

– Ее ближайшая фрейлина – моя... наперсница. Она сама имеет троих детей. Врач говорит королеве то, что та желает слышать, а потом сообщает мне правду.

– И что из того? Если это так, то в конце концов моя сестра узнает печальную истину. В ближайшие два месяца, как говорят.

– Что из того, действительно. Вот тут и вступает в силу мое предложение. Хотя теперь мне кажется, что слово «ультиматум» в данном случае более уместно.

– Это не то слово, на которое я реагирую, посол.

Ренар продолжил, словно не услышав:

– Для королевы важна только ее вера в беременность, в этот ответ на ее молитвы. Она убеждена в том, что родит здорового ребенка. Как вы полагаете, что ее величество сделает с человеком, который пожелает навредить сему прелестному младенцу? Что, если она уверится в том, например, что некто практикует колдовство, направленное против нее и ее невинного нерожденного? Спасет ли что-то этого человека, кем бы он ни был?

Елизавета чуть было не рассмеялась.

– За двадцать два года моей жизни меня обвиняли почти во всем, Ренар. Но ведьмой меня еще никто не считал!

– Да, – отозвался Лис. – Но вашу мать – считали. Казалось, эта фраза лишила ее возможности дышать. На секунду Елизавета задохнулась, и вырвавшиеся у нее слова прозвучали так, словно были последними из произнесенных ею:

– Мою... мать?

Ренар увидел, как ей больно, и подался вперед, чтобы насладиться этим. Его голос был тихим и жестким.

– Анна Болейн. Шлюха, определенно. Еретичка, несомненно. Женщина, укравшая у матери Марии любовь ее отца. Анна Болейн разбила ей сердце, она расколола Церковь. И вы еще удивляетесь, что королева Мария не желает вас видеть? Всякий раз, глядя на ваше лицо, она видит запечатленную на нем причину всех ее горестей. Она до сих пор различает в вас ту чаровницу.

Наконец-то Елизавета сумела перевести дух. Никаких доказательств против нее не существует. Никому никогда не удастся ничего доказать – и только поэтому ее голова еще сидит у нее на плечах. Эту... нелепость тоже невозможно доказать.

– И что же вы сделаете? Возьмете куклу с надписью «Боллейн», намазанной козьей кровью, и проткнете ей живот иголкой? Положите ее под ложе рожаящей королевы, завернув в мой шейный платок? Пусть у моей сестры есть страстное желание родить дитя, но подобными обманами ее не ослепишь. Она не осудит единокровную сестру из-за такой нелепой лжи.

По мере ее речи глаза Ренара открывались все шире.

– Говорят, что вы прекрасно стреляете из лука, миледи... О, вы так близки к попаданию! Но – кукла? Полагаю, мы придумаем нечто получше. Нечто будет положено под ложе роженицы, нечто столь характерное, что оно могло принадлежать только этой шлюхе, этой еретичке, этой ведьме – вашей матери.

Голос Елизаветы снова обрел силу.

– И какой же предмет настолько характерен, что может безошибочно доказать вину персоны королевской крови?

Темные глаза Лиса сверкнули:

– О, самый символ ее волшебства! Ее шестипалая рука.

Ее желудок сжался, горло мгновенно пересохло, дыхание перехватил спазм. И одновременно с тем пришли отвраще-

ние и возмущение. Они снова пытаются использовать ее мать – женщину, которой она почти не знала, но которая продолжала жить в каждой частичке ее тела, наполнявшегося сейчас яростью.

– Вы осквернили могилу моей матери и потревожили ее кости, чтобы угрожать мне этим?

Елизавета поднялась со своего места и приблизила свое лицо к лицу Ренара. Как ни странно, он подался назад.

– И руки там не было. Это подтвердило странную историю, которая до нас дошла. Мои люди уже отправлены искать место упокоения этих уникальных... останков. Сейчас, когда мы с вами разговариваем, их, вероятно, уже везут обратно. Мы надеемся получить руку Анны Болейн еще до конца месяца. Все решится в эти дни, пока у вашей сестры еще сохраняется надежда. А потом мы можем использовать эти останки или...

– Или?

– Вы можете согласиться – с принесением клятв и подписанием соответствующих бумаг – на вступление в брак с мужем вашей сестры, Филиппом Испанским, в случае прискорбной смерти королевы.

Вот в чем заключалось все дело. Простая фраза, так просто сказанная, – она и есть центр сложной паутины. Как это ни странно, вместо того чтобы запутаться еще сильнее, Елизавета почувствовала себя почти свободной. Она проникла в центр тайны. Англия, ее Англия, через нее окажется заклю-

ченной в имперско-испанские объятия и навек утонет в лоне Святой Римской Церкви. Это и есть ультиматум. Большой опасности ей не грозит. Дыхание Елизаветы начало выравниваться, на губах появилась тень улыбки – как это бывало часто в тех случаях, когда она надевала маску.

– Ну что ж, посол, вы хотите, чтобы я это обдумала? Если Ренара и смутила происшедшая в ней перемена, он этого не показал.

– Конечно, миледи. У вас есть немного времени. Как я сказал, останки скоро будут у нас. А у вашей сестры еще остается ее надежда. Игра на данный момент приостановлена. Следующий ход – ваш.

Тут Елизавета опустила взгляд на крошечных воинов, выстроенных рядами из слоновой кости и черного дерева.

– Конечно. И я могу забрать эти шахматы с собой?

– Это – мой подарок вам, миледи, как я уже сказал. Эта же игра есть у меня на другой доске в моих апартаментах.

Елизавета протянула руку и передвинула фигуру, защищая своего коня.

Ренар наклонился к доске.

– Королева? Разумно ли выдвигать ее так рано? Елизавета улыбнулась:

– Вы ведь сказали, что у меня мало времени. А королева – самая сильная фигура на доске, не так ли?

На три стука Ренара дверь открылась, и закутанный в плащ с капюшоном проводник поманил принцессу к себе.

Елизавета смотрела прямо перед собой и высоко держала голову, игнорируя любопытные взгляды кухонной прислуги. Когда они оказались на темном конюшенном дворе, она крепко прижала к себе шахматную доску, словно для того, чтобы защититься от ночного ветра. Однако холод был не снаружи, а внутри нее, там, куда его принес Ренар. Елизавета ощущала, как стужа распространяется по ее телу, и еще плотнее запахнула шерстяной плащ, так что острый угол игровой доски врезался в платье и оставил на коже ссадину. Сосредоточившись на этой точечной боли, принцесса смогла отвлечься от другой, которая грозила ее поглотить. Если бы она находилась у себя, то дала бы ей волю. Но царственная узница была вольна чувствовать и страдать только там, где ее слабость не могли увидеть другие, чтобы сообщить об этом ее врагам. На пути отсюда до западного крыла у нее есть время справиться с собой и начать строить планы. Игра еще не закончена.

\* \* \*

Закрыв дверь, Ренар сразу же прошел к противоположной стене. Проведя рукой по панели, нащупал и отодвинул задвижку. Открылась дверь, и через нее в комнату для допросов шагнул мужчина – невысокого роста, богато одетый. Он тербил небольшое белое жабо у шеи, падавшее на камзол из золотой парчи.

– Раны Христовы, Ренар! Нам нечем было там дышать! Тяжело переводя дух, мужчина рухнул на кресло, а Ренар вошел в маленькую комнатку и прикрыл за собой дверь – настолько, чтобы можно было посмотреть через зеркало. С этой стороны комната, видная сквозь слегка вогнутое стекло, уходила вдаль, так что по краям все предметы расплывались. Однако сидевший за столом испанский король был виден очень отчетливо.

– Великолепное устройство, не правда ли, ваше величество?

– Да, да. – Филипп наконец отдышался и отодвинулся назад, чтобы посмотреть в зеркало. Он чесал свою подстриженную острую рыжую бородку. – Просто удивительное. С этой стороны действительно ничего не видно. Она смотрела прямо нам в глаза. Это было... беспокойно.

Звук «с» он произносил с кастильским пришепетыванием, которое сам Ренар тоже находил «бешпокойным». Англичане безжалостно высмеивали своего «шуверена» у него за спиной.

– Вы сказали, оно итальянское.

– Венецианское, ваше величество. Хотя говорят, что они переняли это искусство у турок.

– Вот как? – Король присоединился к нему, чтобы снова посмотреть сквозь зеркало. – Мы скажем вам, что еще нашли весьма беспокойным. Ее глаза! Удивительно красивые, а? И кожа – как у молочницы, правда? Что? Что?

– Безусловно. Так что ваше величество не сочтет эту часть игры слишком скучной, не так ли?

В голосе посла не слышалось и тени насмешки, но Филипп Испанский пристально посмотрел на Ренара и снова вернулся в комнату.

– Мы желаем, чтобы вы перестали называть это игрой. Здесь мы имеем дело с вопросами самого серьезного свойства. С сохранением истинной веры на острове. С союзом против вероломных французов. И нам не нравится то, как вы разговариваете с... с нашей будущей супругой. Мы считаем, что эти угрозы в ее адрес, с обвинением в колдовстве, излишни. Она – принцесса и наша будущая королева. Вам следует помнить об этом.

Ренар отвесил изящный поклон.

– Ваше высочество правы в этом, как и во всем. Одна из сестер, ваша печальная королева, обожает вас, словно античного героя. Сумеет ли вторая сестра устоять перед вами?

Филипп, король Испанский, наследник трона Священной Римской Империи, некоронованный король Англии, снова попытался разглядеть за этими словами какой-то коварный подтекст. В течение всего времени, проведенного в этом грубом королевстве, Филипп и его утонченные испанские придворные подвергались варварскому «остроумию» аборигенов, и король был весьма к нему чувствителен. Однако Ренар был его союзником, его подданным и слугой. Человеком, которому Филипп вынужден был доверять, пусть ему и не



правился этот выходец из Франш-Конте.

– Ну что ж, мы посмотрим. Мы выполним свой долг.

Ренар заметил, что карие глаза испанца снова начинают улыбаться. Филипп был воплощением аристократизма: любезным, обаятельным и не лишенным привлекательности для женщин. Понятно, почему бедняжка Мария так его обожает. И Лису легко было представить себе, как Елизавета, окруженная врагами, отчаянно нуждающаяся в друзьях, не устоит перед рыцарственным испанцем. Особенно – подгоняемая толчками шестипалого скелета.

Провожая короля поклоном, Ренар мысленно задержался на этой картине и улыбнулся. Игра развивается, и сильные фигуры уже готовы вступить. Лису осталось только избавиться от нескольких пешек. Однако любой мастер шахмат знает, что пешки тоже важны. Даже необходимы. Выходя из комнаты следом за Филиппом, Ренар гадал, где же сейчас находятся некоторые из его пешек.

## Глава 6. БРАТ МОЛЧАЛЬНИК

В окруженном стеной саду иезуитов ароматы набрасывались на обоняние Фуггера, словно солдаты, штурмующие брешь в крепостной стене. Он прижался спиной к одному из вишневых деревьев, отягощенных цветами. Толстые шарики бутонов беспрестанно роняли часть своих лепестков, которые кружились у его лица, садились ему на волосы и одежду. На земляных грядках целебные травы источали свои характерные острые запахи, и каждая пыталась превзойти соседей. Несколько минут в мягком дуновении ветерка преобладала лаванда, росшая яркими фиолетовыми полосами, а следом за ней могла прилететь ромашка или проскользнуть едва заметный намек на мускатный шалфей. Присутствовал и терпкий цитрус – цвел бергамот. Ближе к дому Фуггер мог различить только розмарин, чьи нежные розовые цветы как раз распускались на кустах. Внезапно уловив этот новый аромат, бедняга отвернулся, пытаясь справиться с наплывом чувств. Розмарин символизирует воспоминания, а Фуггеру, чтобы выжить, необходимо заставить себя позабыть.

Неожиданно ветер переменился: теперь он долетал из расположенного внизу города и приносил с собой совсем иные запахи, которые куда больше соответствовали настроению и мыслям пленника: морская соль и гнилостная вонь гавани – старые причалы, разлагающаяся рыба, извращенные лю-

ди. Когда Фуггер приехал в Тоскану, он высадился именно здесь, в гавани Ливорно. Почти двадцать лет тому назад. Тогда гавань была вонючим рыбным садком, и таковым она и осталась. Этот почти райский уголок, спрятанный за иезуитскими стенами, ничего не менял в общей картине.

Все осталось прежним. И тогда, двадцать лет назад, Фуггер прибыл сюда в поисках руки Анны Болейн, и теперь уезжает ради тех же поисков. Через несколько часов, с приливом, они отплывут во Францию.

Ему позволили здесь сидеть. Его не сковали кандалами, и единственной предосторожностью – на тот случай, если человек, у которого едва осталась половина руки, задумает вскарабкаться через высокие стены, – был солдат, дремавший в тени дверного проема. Джанни вышел всего один раз в течение всего дня, бросил взгляд в сторону пленника, что-то сказал охраннику и снова ушел, поглощенный своими приготовлениями. Он унаследовал самоуверенность своего отца, это было заметно. Юный Ромбо решил, что Фуггер едва ли достоин охраны. И он, разумеется, прав: куда тот медальон висит у Джанни на шее, Марии грозит страшная опасность и Фуггер совершенно бессилен. Как был он бессилен на протяжении почти всей своей жизни.

Пленник попытался заговорить с юношей, которого когда-то учил латыни и греческому, но Джанни ушел – не желая слышать известий о близких и не объясняя причин своих поступков. А вот второй его тюремщик, иезуит Томас, –

этот готов был слушать. И Фуггер излил иезуиту почти все из того, что ему хотелось сказать Джанни: о семье, о верности и любви... Он говорил и говорил, пока не дошел до истории о шестипалой руке и не осознал, что улыбка и неопределенный, мягкий взгляд англичанина – это оружие и что его слушатель находится на стороне врага.

Когда солнце наконец опустилось за стену, на невысокой башне зазвонил колокол. Садовники положили мотыги, вилы и лопаты и направились к дому. Томас появился в дверях, отыскал взглядом Фуггера и поманил его к себе.

– Я знаю, что у тебя нет аппетита, друг, но поесть нужно. Мы отплывем с ночным приливом, и думаю, что в море нас будут кормить не так хорошо. – Он взял искалеченную кисть Фуггера. – Но позволь мне сначала поменять эту повязку. Здешний травник сделал новый настой из растения, которое прислали наши миссионеры в Индии, и его благословила рука самого Франциска Ксавье. Он говорит, что «жасмин» благотворно действует на кровь. Нам необходим больший приток к твоей руке, чтобы ее можно было сохранить.

Фуггер позволил вывести себя из людского потока, который стекался в трапезную. Его руку обработали настойкой, а потом завернули в чистое полотно. Мягкие вопросы Томаса пленник пропускал мимо ушей. Когда перевязка была закончена, Фуггер просто прошел за закутанной в плащ фигурой в зал для трапез.

Хотя рядовые члены отряда ужинали с остальными бра-

тнями и послушниками, Джанни, Томас и Фуггер присоединялись к главе этих иезуитов, Николаю – болтливому неаполитанцу, обильному телесами и скудному волосом. Они сидели за небольшим отдельным столом, предназначенным для почетных гостей. Бумаги Томаса, подписанные императором и высокопоставленными членами Общества Иисуса, гарантировали ему особое внимание. Внимание, без которого Томас предпочел бы обойтись, потому что брат Николай, обитавший вдали от интриг Рима, изголодался по разговорам и жаждал сообщить свое мнение по поводу всего того, что делается неправильно и что следовало бы предпринимать. Томас предпочел бы слушать отрывки из Библии, которые читались за аналоем в дальнем конце зала, но из вежливости кивал и даже изредка отзывался. Джанни ел мало, почти не пил, ничего не говорил и ко всему прислушивался, Фуггер только смотрел в тарелку, пока Джанни шепотом не приказал ему есть.

– Ты нас так не обманешь, Фуггер. Если ты умрешь от недоедания, то кто же отвезет медальон в Рим, чтобы освободить Марию от стражников, которые сейчас, наверное, так ее забавляют?

Брат Николай отчаялся добиться интересной беседы.

– Когда-то я состоял в ордене молчальников. – Его голос зазвучал жалобно. – Я провел три года на побережье Дании. Из всех мест, какие я посетил в этом мире, это – самое пустынное и голое. Невежество местных жителей поражает –

то есть во всем, кроме плотского греха. Даже в монастыре. Нет, особенно в монастыре. С тех пор я не одобряю молчаливого созерцания. Словами хотя бы можно уличить людей в их греховных поступках. Вот почему здесь я поощряю разговоры, дебаты, обсуждения. Нам необходимы слова. Вы со мной согласны?

Он говорил, демонстративно глядя прямо на Томаса. Тот улыбнулся.

– Я считаю, что определенно существует время для слов. Иначе как бы мы могли распространять знания о Божьей любви, о Его милосердии и прощении человечества, ради которого был принесен в жертву Его Сын Единородный – Иисус Христос?

– Делами. – Голос Джанни был тихим и напряженным. – Слова – слабые орудия, их слишком легко неправильно истолковать. Дела – решительные, смелые, верные, они безошибочны. Грешник игнорирует слова, призывающие его раскаяться в своем грехе. Но он не может игнорировать факел, вложенный в костер у его ног.

Брат Николай был изумлен тем бурным словоизлиянием, которое вызвала его фраза, но отнюдь не огорчен. Наконец-то начался диспут!

– Ну что ж, папа Иннокентий Третий был с вами согласен, молодой человек. «Дела стоят выше размышлений», как он говорил.

Взгляд Томаса был устремлен на сидевшего напротив него

юношу: очистительный огонь, о котором говорил Джанни, пылал внутри его сердца, впервые ярко видимый в нем.

– Прощение – это тоже поступок, не так ли?

– Прощение... это слово.

Огонь погас – опустившиеся веки затушили его. Томас обратил внимание на то, что Фуггер оторвал взгляд от еды, которую бесцельно двигал по тарелке, и теперь пристально смотрит на Джанни. За спиной брата Николая один из послушников наклонился вперед, чтобы снова наполнить кубок своего господина вином. Томас уже раньше заметил этого человека в простой шерстяной сутане – среди лекарственных трав, с капюшоном, надвинутым на лицо. Заметил его именно потому, что тот не хотел быть замеченным... Нет, желание тут было ни при чем, он просто не присутствовал, если вы не выделяли его взглядом намеренно. Томас отметил эту странность: крупный мужчина, который двигается как маленький и скрытный. Он попытался заговорить с ним, расспросить о жасмине. Вытянутый палец послужил ответом – единственным откликом, которого ему удалось добиться. Чтобы предотвратить очередное замысловатое высказывание, которое готовился произнести говорливый хозяин, Томас указал на человека, наливающего вино.

– И тем не менее в ваших владениях некоторые предпочитают бессловесный мир, брат Николай.

Неаполитанец оглянулся – немного испуганно.

– О, вечно он мне устраивает такое! Случается, вы совер-

шенно уверены в том, что вы в комнате одни. А он стоит там вот так. Да-да, наливай мне вино. – Он поднял свой кубок. – Он вполне заслужил свое имя. За те пять лет, что я живу здесь, и, говорят, за предыдущие пятнадцать он не произнес ни одного звука. Он слышит, он повинуется, он... ходит во-круг. Тихо. Но не разговаривает. Скорее всего, не может.

– А его имя?

– Не слишком оригинальное, боюсь. Его называют брат Молчальник.

Рядом с Фуггером начал подниматься кубок, и глаза пленника поднялись следом, к капюшону, который чуть распахнулся, частично открывая лицо. Не очень много – только правую часть. И сначала Фуггеру показалось, что это даже не лицо, настолько мало это походило на часть настоящего человеческого лица. Там, где должен был находиться глаз, измеряющий уровень вина в кубке, оказалась только неровная впадина, глазница с давним шрамом, перерезанным более темной красной полосой от отсутствующей брови до верхней части скулы. Нос выглядел так, словно был наполовину сожжен: лоскут кожи, повисший над провалом рта. Когда мужчина наклонился, капюшон приоткрылся и с другой стороны, и там блеснул единственный глаз, бледно-голубой, словно лед на рыбном пруду. Это были развалины лица. На краткий миг Фуггер снова увидел другое лицо, смеющееся в придорожной таверне в Баварии, когда тот человек отрубал Фуггеру кисть руки; лицо, завывающее внутри калейдо-



скопа в сиенском дворце и наконец вопящее в смертной муке на перекрестке в долине Луары – том самом перекрестке, куда Фуггер сейчас ведет этих людей. При каждом столкновении с тем человеком начиналась ужасная боль, и конец ей пришел только тогда, когда это обезображенное лицо пронзил кинжал Фуггера. На перекрестье дорог он убил человека, которого звали Генрих фон Золинген. Девятнадцать лет назад Фуггер убил своего мучителя. Он определенно убил его. Но сейчас, глядя на ужасающие шрамы безмолвного брата и его единственный голубой глаз, Фуггер был почти готов поверить, что он этого не сделал. Этот невыразимый кошмар заставил пленника броситься к двери и там давиться, пока скудное содержимое его желудка не выплеснулось наружу.

Охранник последовал за ним и встал в дверях, а Фуггера все выворачивало – снова и снова, пока во рту не остался один только горький вкус желчи. На грядке лаванды, прижимаясь к душистым растениям и, сквозь них, к земле, он пытался спрятаться глубоко в земле Тосканы – как когда-то хоронил такой же ужас в куче мусора под виселицей. Когда он там зарылся, его дыхание постепенно выровнялось, глаза смогли сфокусироваться на фиолетовых веточках, ноздри наполнились их ароматом, прогнав страшные видения. Их тотчас сменило другое, из того же времени: жуткие тайные снадобья и черный маг по имени Джанкарло Чибо, который пытался призвать дух умершей королевы, воспользовавшись ее шестипалой кистью. И Анна Болейн явилась – но только к

самому Фуггеру. Она спасла его, дала ему мужество, которое было так необходимо для того, чтобы сражаться и помочь Жану Ромбо выполнить свою клятву.

Лежа среди лаванды и вдыхая запах чистоты, Фуггер снова увидел королеву такой, какой она ему явилась, – в белоснежном одеянии, с густыми черными волосами, рассыпавшимися по открытым плечам. Дух королевы, дающей ему силы поступать так, как он не мог никогда раньше, – мужественно. Однажды Фуггер уже предал ее ради своей семьи. Предал своего лучшего, своего единственного друга Жана Ромбо поцелуем Иуды.

– Нет!

Он похоронил свой беззвучный крик в грядке лаванды. Он не сможет предать их еще раз. Даже ради дочери, которую любит больше жизни. Должен существовать другой путь.

Протянув перебинтованную руку, Фуггер отыскал первый шаг к этому пути. Повернувшись спиной к охраннику, который вышел следом за ним, пленник поднялся с лавандовой грядки на колени.

– Помоги мне, друг, будь милосерд! – воскликнул он. Охранник двинулся к нему, недовольно ворча. Когда он приблизился на расстояние одного шага, Фуггер постарался как можно крепче ухватить черенок лопаты, подхватил ее культей второй руки и занес ее вверх и чуть в сторону. Металлическая пластина ударила охранника по макушке, Фуггер не стал задерживаться, чтобы проверить, насколько удачным

получился удар. Он подозревал, что не слишком. Но возможно, этого будет достаточно, чтобы успеть влезть на вишневое дерево и перебраться через стену.

\* \* \*

Эрик уже дюжину раз обошел строение иезуитов вокруг, но неизменно останавливался под отягощенным цветами деревом, чьи ветви позволяли ему подтягиваться вверх и смотреть на дом, скрытый за стеной. Прислонясь к стене, он чувствовал немалое удовлетворение.

– Видишь, отец, – пробормотал он, – я следовал за ними, выжидал, наблюдал. Я не стал захватывать дом силой. Я никого не убил. Пока.

Он надеялся, что ожидание не слишком затянется. Во-первых, он страшно проголодался, и если те, кого он выслеживал, не начнут действовать в ближайшее время, ему придется оставить свой наблюдательный пост и украсть какой-нибудь еды. Во-вторых, чем дольше он задерживался на месте, ничего не предпринимая, тем чаще его мысли обращались к Марии. С ней был связан единственный род страха, какой знал молодой скандинав. Эрик следовал за Фуггером, потому что тот оказался единственным связующим звеном между юношей и его исчезнувшей возлюбленной. Фуггер был отцом девушки, которую Эрик любил, а раз в деле замешан Джанни Ромбо, значит, Фуггеру угрожает страшная

опасность. Эрик рос рядом с Джанни и лучше, чем их родители, знал, какая тьма завладела душой паренька. Вот почему он был так доволен тем, что таится за стеной, под облаками вишневого цвета. Эрик перехитрил Джанни Ромбо! Он дождется, чтобы тот сделал первый шаг, а потом убьет его в темноте.

Резкий стук вывел его из раздумий. Послышался стон. Эрик стремительно подскочил и ухватился за ветки, пробираясь сквозь лепестки. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть две тени, бегущие к дереву – его дереву. Обе спотыкались на грядках с лечебными травами. Добежав, первый человек попытался подпрыгнуть, но удержаться не смог. Перебинтованная рука соскользнула, и он упал вниз, туда, где второй уже тянул к нему руки и сыпал проклятиями. Их разделял всего шаг.

Шаг, которого преследователь так и не сделал. Эрику понадобилась всего секунда для того, чтобы забраться на дерево. Еще одна – для того, чтобы спрыгнуть вниз. Протянутые руки охранника наткнулись на широченную, крепкую грудь. Солдат недоуменно вскинул голову. Эрик тотчас боднул его прямо между глаз, в переносицу. Охранник рухнул, словно черепица с башни, мгновенно провалившись в забытье. Убегавший снова прыгнул и даже сумел обхватить рукой ветку дерева, но со стоном скользнул вдоль ствола на землю.

– Фуггер! Фуггер!

Пленник вскинул культю, словно заслоняясь от новой

опасности, а потом медленно опустил ее. Он узнал окликнувший его голос.

– Эрик? Ради всего святого, как...

– Пора убираться. Поговорим потом.

Молодой человек подсадил Фуггера на нижнюю ветку, влез за ним следом, перебрался с дерева на стену, а потом спустил Фуггера по другую сторону стены, уронив его на мягкую землю, где тот сразу же попытался встать и бежать.

Эрик поймал его и удержал.

– Фуггер, где Мария?

– В Риме.

– В Риме?

– Пойдем, я тебе расскажу. Нам необходимо уйти. Нас будут искать, а я не могу быстро бежать.

– А тебе и не придется бегать. У меня есть конь. Вон там. Двое мужчин бросились туда, где была привязана лошадь.

Фуггера снова подняли. Эрик сел в седло позади него и мягко ударил животное пятками. Они проехали шагов сто – лошадь ступала по песку. Когда из дома иезуитов их уже не могли услышать, Фуггер протяжно застонал.

– Тебе больно? – обеспокоился Эрик.

– Да! – выкрикнул Фуггер. – Что я наделал? Моя дочь! О, моя Мария!

– Что с ней? Говори! – Эрик дернул поводья, остановив лошадь. – Мы с места не сдвинемся, пока ты мне не ответишь.

Отрывистыми фразами Фуггер пересказал все, что случилось. Все, что говорил и делал Джанни. Он быстро закончил свой рассказ, и Эрик спросил:

– А этот медальон? Тот, что ее освободит, – он у него?

– Джанни носит его на шее.

– Тогда я должен отобрать его!

С этими словами Эрик спешил. Фуггер потянулся к нему.

– Нет, Эрик. Их слишком много. И теперь они будут вдвое осторожнее. Чтобы помешать им выполнить задуманное, нам понадобится помощь. Там – огромное зло.

– Мне до этого нет дела. Мария в опасности.

– Эрик...

– На выезде из города с юга есть сарай. Спрячься в нем. На рассвете я вернусь с медальоном. Если я к тому времени не вернусь...

– Подожди!

Напрасно: юноша уже растворился в сумерках. Фуггер чуть было не двинулся следом за ним, но потом вспомнил, насколько он искалечен. Он способен только помешать. Проклиная собственную беспомощность, Фуггер повернул лошадь на юг.

\* \* \*

Когда охранника нашли, невозможно было определить,

сколько времени он пролежал без сознания. Людям Карафы понадобилась всего минута для того, чтобы собрать и отправить на поиск беглеца остальных. Менее чем через полчаса первые из посланных вернулись, чтобы доложить о неудаче. Они невнятно бормотали извинения, стараясь не встречаться взглядом с яростными глазами юноши. Час спустя вернулись и остальные. По-прежнему они могли сказать только одно: «Ничего».

– Найти его и без того было бы достаточно трудно – в портовом-то городе, ночью, когда столько кораблей готовятся к отплытию. А теперь, когда мы знаем, что ему помогают...

Не договорив, Томас глянул на охранника, который едва пришел в себя. Кровь так и хлестала из сломанного носа.

– И что ты предлагаешь, иезуит? – Джанни даже не пытался смягчить язвительный тон. – Сдаться? Уладить все словами?

Томас ощутил ответный прилив гнева и глубоко вздохнул, справляясь с неуместными чувствами.

– Я предлагаю посмотреть, куда он направится. Попытаться предсказать его действия, прежде чем предпринимать что-то в ответ. Он нездоров. Его дочь по-прежнему у нас. Думаю, он найдет помощь и отправится за Марией.

Джанни беспокойно метался вокруг стола. В трапезной не осталось никого, кроме членов их отряда, людей Карафы. Все собрались за большим столом, тихо переговаривались и пили вино, которое разливал брат Молчальник. Солдаты бы-

ли закутаны в плащи и при шпорах – готовы в дорогу.

– Так что же – в Монтальчино, к его «друзьям»? Сидеть и ждать, пока закончится и эта осада? А потом пытаться сломать людей, которые никогда не ломались? Или поехать в Рим и устроить засаду у тюрьмы в надежде на то, что Фуггер посмеет сунуться в нашу паутину? – Джанни перегнулся через стол, приблизив лицо вплотную к англичанину. – Я не намерен возвращаться к кардиналу Карафе и докладывать ему, что провалил первое же его задание. Я слишком долго ждал, чтобы он меня заметил.

Томас вытянул больную ногу и принялся растирать колено.

– Не вижу, чтобы у нас имелись другие варианты. Карафа должен узнать о случившемся. Равно как и посол в Лондоне. Эти... останки. Они были бы полезными очками в шахматной партии, но не они решают исход всей игры.

– Но они решают его! Решают! – Джанни с силой стукнул по столу. – Вы говорите об играх? Вы не знаете, что та ведьма в Англии наложила на моего отца проклятье!

– И грехи отца падут на сына? Так вы ищете отмщения? Или искупления?

– Я ищу славы Божьей, иезуит. – Джанни выдержал пристальный взгляд Томаса. – И поверь мне, я предпочту отправиться во Францию и перерыть там все перекрестки у всех деревень, лишь бы не преклонять колени перед наместником Бога на земле и не говорить ему, что грех Ромбо по-прежнему



му существует в этом мире.

– Карафа пока не Папа.

– Он будет им. И дар, который я должен положить перед тронном Святого Петра, – это шестипалая рука великой еретички Анны Болейн. Я спущусь в самые глубины ада, чтобы отыскать ее.

Молчание, которое воцарилось между ними, разрушил новый голос. Этого голоса до сей поры не слышал никто из них. Более того, его не слышали уже почти двадцать лет. В течение всего этого времени тот человек считал, что ему нечего сказать. Он не был уверен, что и сейчас нашел нечто Достойное того, чтобы нарушить безмолвие, но все-таки заговорил:

– Деревня называется Пон-Сен-Жюст. В одном дне езды от Тура. К югу от нее – перекресток. Там – виселица. В четырех шагах от ее основания, там, где встречаются четыре дороги, зарыта шкатулка. В ней лежит рука Анны Болейн. Пока звучал голос – и еще какое-то время потом, – никто не шевелился, словно эти звуки заключали в себе колдовские чары. Джанни и Томас не сводили друг с друга неподвижных глаз, кубки вина застыли в руках солдат. Голос был хриплым от долгого молчания. Он разнесся по всей трапезной, и каждое слово ощутимо повисало в воздухе, подобно дыму. И, подобно дыму, оно выплывало через открытое окно – наружу, где достигало слуха человека, устроившегося на крыше прямо над собеседниками. Но Эрик даже не пошевелился.

– Откуда ты все это знаешь, брат Молчальник? – мягко спросил Томас.

Тот подумал секунду. Нужно ли добавлять что-то к уже сказанному?

– Я был там. Я видел, как ее закопали.

Он не вспоминал о той ночи на перекрестке в течение двенадцати лет. Но теперь, под градом устремленных на него вопросительных взглядов, он вспомнил все. Как однорукий человек – тот самый человек, которому нынешним вечером он наливал вино, – выскочил из мусорной кучи под виселицей и всадил кинжал ему в глаз. Как он упал... Его второй глаз, нетронутый, по-прежнему оставался открытым, так что он видел все. Он утратил не жизнь и не зрение, но нечто иное. Мгновение невыносимой боли лишило его способности испытывать чувства. Он по-прежнему видел и слышал, но внешний мир перестал иметь значение. Один мучительный миг – и все события его жизни, все былые триумфы и жестокости, все убитые им мужчины, все женщины, которыми он владел, – все превратилось в плоские тени, танцующие на стене. В то, о чем не стоит говорить.

Но с того момента он помнил все. Он снова видел, как голове его господина, Джанкарло Чибо, отсекает летящий меч, как французский палач, Жан Ромбо, берет руку ведьмы и при свете луны закапывает ее в центре перекрестка.

Общее молчание распространялось, словно круги по воде, и внутри этого безмолвия он вспоминал все дальнейшее.

Как уехали Ромбо и остальные, как пришли жители деревни и сочли его мертвым; как взяли его к себе, когда поняли, что он жив: из-за богатой одежды крестьяне решили, что смогут получить за него выкуп. Цирюльник извлек кинжал, застрявший у него в голове. Почему-то, ко всеобщему изумлению, это не убило его, хотя в течение последующих нескольких недель смерть подходила к нему совсем близко. Но когда он выздоровел и по-прежнему не желал говорить, а благодетелям не удалось придумать, как именно заработать на спасенном, они попросту выбросили его на дорогу. Окольными путями она вела его на юг, и он шел и шел, пока одна тропинка не пересекалась с другой, – а он все шел и шел, пока ему не встретился монах, возвращавшийся с паломничества. Добрый человек, который взял его из жалости. И еще потому, что внушительный рост молчальника служил в дороге некоторой защитой. Тот добрый монах привел его в монастырь своего ордена в Ливорно. Молчальник остался в монастыре и после того, как орден был распущен и здание перешло к иезуитам. Он продолжал безмолвно делать то, чем занимался с тех самых пор, как в глаз ему вошел кинжал, изменивший его мир. Он работал в саду и прислуживал путникам и паломникам, которые находили здесь отдых. Если их миски пусты, он накладывал на них еду. Если их кубки осушались, он наполнял их вином. А если им требовалось узнать, где закопана рука Анны Болейн, он говорил им о том, где находится роковой перекресток.

Он наклонился вперед, налил вино и стал ждать. Ему казалось, что теперь, когда он принял решение заговорить, придут и новые слова. Он спокойно дожидался их: молчание его не тревожило. Под именем Молчальника он прожил почти двадцать лет – с тех самых пор, как перестал быть Генрихом фон Золингеном.

\* \* \*

Эрик ничего не мог поделать. Фуггер оказался прав: их слишком много. Джанни и медальон все время находились в гуще людей. Молодой скандинав цеплялся за наличник и слушал поразительный рассказ монаха. Юноша последовал за людьми Карафы в гавань до самого их корабля и даже подумывал о том, не пробраться ли на борт. Однако такой возможности ему не представилось. Кроме того, в голове у него начал звучать незнакомый голос. Этот голос советовал держаться осторожно и не бросаться очертя голову в немедленную атаку. Есть способ получше, нежели быть обнаруженным на борту и утонуть в открытом море.

Так что Эрик проводил взглядом корабль, уплывший с ночным приливом, а потом вернулся в сарай на окраине Ливорно. Кратко он пересказал Фуггеру все случившееся.

– Ад разрушил свои цепи.

Фуггер бессильно опустил на старую солому: ноги не держали его. Одного взгляда на человека, который напомнил

ему о старом враге, оказалось достаточно, чтобы погнать в ночь беднягу немца, задыхающегося от спазмов в горле. Генрих фон Золинген – ибо то мог быть только он – победил смерть. Эта мысль лишила Фуггера тех жалких крох мужества, которые ему удалось собрать. А Эрик, узнав о том, кем оказался брат Молчальник, только присвистнул:

– Так я видел Буку!

Фон Золинген был кошмарным образом из детства каждого из них, стимулом к хорошему поведению.

– Ну что ж, я рад, что видел, как он уплыл. – Юноша наклонился к Фуггеру, и его лицо покраснелось от возбуждения. – Они все уехали, Фуггер. Все до одного, включая и то немецкое чудовище. Понимаешь, что это значит?

Фуггер только покачал головой.

– Это значит, что они не отправили известие в Рим. Твой побег не будет наказан. Видно, Джанни полностью поглощен своим великим делом. Это значит, что до их возвращения Мария останется жива. Следовательно, у нас есть время выволить ее из тюрьмы.

И Эрик улыбнулся. Эта мысль посетила его в доках. Именно потому он допустил, чтобы корабль уплыл без нее. Отсрочка сражения может означать куда более славную победу.

Имя дочери буквально оживило Фуггера. Он с трудом поднялся на ноги.

– Прежде всего Жан должен узнать об этом. О том, зло, в борьбе с которым он чуть не погиб, снова вернулся на зем-

лю. Бедняга Жан! Он хочет только одного – отдыха, который вполне заслужил. Однако опасаясь, что его надлежит вновь проснуться и действовать.

Когда его молодой спутник помог Фуггеру сесть на лошадь и сам устроился позади него, он произнес всего од слово:

– Монтальчино.

## Глава 7. КРУШЕНИЕ ВСЕХ НАДЕЖД

Они вышли из леса сразу после рассвета. Хотя весенняя листва распустилась еще не полностью, деревья все же скрыли приближение двух путников. После ночи, проведенной в канаве, тело Жана одеревенело, и каждый шаг отдавался болью, какой бы мягкой ни была почва под ногами.

Дорога вывела на небольшую поляну, окруженную деревьями, преимущественно каштанами. Вся земля здесь была покрыта прошлогодней травой, когда-то похожей на зеленый мех, а теперь бурой и потрескавшейся.

Анна остановилась, огляделась и улыбнулась отцу:

– Когда-то ты здесь попал в ловушку. Мы бросали в тебя каштаны, пока ты не сдался. Помнишь?

Жан повернулся, воткнул палку в землю, тяжело оперся на нее.

– Не помню. Кто же были эти «мы»?

– Все мы. – Анна взяла оплетенную веревкой бутылку, висевшую у нее на шее, откупорила и передала отцу, чтобы тот напился. Утренний воздух был холодным, но с лица его стек пот. – Эрик, Мария... Джоджо.

Девушка назвала Джанни его детским прозвищем, но это никак не повлияло на отца. Глаза его по-прежнему оставались грустными. Она быстро продолжила:

– Ты заставил нас собрать все наше «оружие», и мама сделала из каштанов отличный пирог. Помнишь?

– Твоя мать, бывало, пекла чудесные пироги.

Жан снова повернулся в сторону дороги. Он ничего этого не помнил да и не хотел вспоминать. Казалось невозможным отделить хорошие воспоминания от плохих.

– Отдохнем здесь немного, отец. Я устала.

И на этот раз Жан даже не посмотрел на дочь, не улыбнулся ее маленькой лжи, вызванной заботой о нем.

– Нет. – Отпив, Жан вернул ей бутылку. – Продолжим путь. Я хочу вернуться в Монтальчино к полуночи.

К полуночи! Когда они вышли, было уже поздно. Им понадобилось идти день и две ночи, чтобы добраться сюда. А Жан хотел уже днем отправиться обратно!

«Он все еще считает расстояния как наемный солдат, форсированными переходами», – подумала Анна, глядя, как Жан Ромбо хромает по дороге.

Теперь он шел быстрее, подгоняемый близостью цели, и она догнала его только на краю леса, под буком, который когда-то служил ей треном. Отец стоял, прислонившись плечом к стволу и прижавшись к нему головой. Анна знала, что отец близорук, что здание, на которое он смотрел, виделось ему лишь размытым пятном.

– «Комета», – проговорил он, и надежда, прозвучавшая в его голосе, заставила ее горло сжаться.

«Пусть все будет так, как он хочет, – молилась она. – Пусть



он получит свою награду».

Обычно она не взывала к святым. Она знала об этом слишком мало, несмотря на все старания брата спасти ее душу. Но Мать и Ее страдающий Сын были близки сердцу Анны.

Они выбрались из леса и осторожно вошли в виноградник. Было еще не очень светло, но света хватило, чтобы Жан понял, что случилось.

– Посмотри на розы, Анна. Они не подрезали их. Они не увидели, что цветы болеют. – Он потянул один цветок, уколол палец шипом и слизнул капельку крови. – И посмотри на лозы. С тех пор как мы ушли, их не подрезали. А сорняки! – Жан с размаху ударил по ним своей палкой. Девушка видела, что отец не на шутку разволновался. – Когда мы вернемся, нас ждет много работы. Пойдем, посмотрим, что они сделали с гостиницей. Если она в таком же запущенном состоянии, как поля, тогда там никого нет. И мы можем сразу устроиться там.

Они уже прошли половину расстояния и находились шагах в пятидесяти от здания, когда распахнулись боковые ворота. Отец и дочь застыли на месте, у них даже не было времени упасть на землю и прижаться к ней. Появился человек, повернулся к стене и стал мочиться. Он пел. На нем была странная одежда. И хотя Жан плохо видел, ему не требовалось хорошее зрение для того, чтобы понять, кто этот человек. Мотив песни был знакомым, но слова немного изменились с тех пор, как Жан услышал эту песню впервые.

Деревенская простушка,  
Городская потаскушка,  
Бедна ты иль богата,  
А хочешь ты сол-да-та!

Дворняга залаяла, словно подпевая, и выскочила из ворот, насколько ей позволила цепь. Она продолжала брехать на зрителей, пока солдат не брызнул ей на голову. Тогда психана взвизгнула и скрылась в воротах. За нею следом, смеясь и позевывая, шел солдат. На ходу он завязывал свои штаны.

Анна повернулась к Жану – он опустил глаза.

– Мы видели достаточно, – тусклым, безжизненным голосом проговорил он. – Давай вернемся в город.

– Отец, мы не знаем, сколько их там. Может быть, там только он один.

– Наемники никогда не ходят по одному.

– Ты же ходил в одиночку. – Анна взяла отца за руку и почувствовала, как она дрожит. – Отец, отдохни у пролома в стене, вон у той сосны. Я подойду поближе и посмотрю.

– Ты никуда не пойдешь. – Голос его задрезжал. – Я запрещаю! Это опасные люди.

– Мы вообще живем в опасное время. – Дочь стиснула его пальцы. – Подожди меня там, отец. Я скоро.

И она ушла, быстро обогнув угол стены. Жан шагнул было за ней, ругнувшись. Но ноги его, казалось, отказывались идти, он с трудом протащился короткое расстояние до про-

лома. Опустившись на землю, Жан с удивлением подумал о том, почему ему не приходило в голову вообще снести эту стену. Он сидел, согнувшись, его сердце стучало так громко, что казалось, эхо отлетает от крошащихся кирпичей. Неуловимо витало поблизости какое-то воспоминание, вызванное смолистым ароматом свисающих над ним сосновых веток. На краткий миг свет раннего утра погас, взошла луна, и теперь Жан видел перед собой нагое тело Бекк, озаренное серебряными лучами. И тогда, и сейчас он понимал, что никогда в своей жизни не видел ничего более прекрасного. Здесь они впервые занимались любовью. А потом, когда он исполнил клятву, данную Анне Болейн, и они вернулись сюда, чтобы поселиться в этих краях, и когда его тело оправилось от пыток, которые ему пришлось выдержать, они снова занимались тут любовью, и делали это часто. Вот почему он никогда не думал сносить эту стену или возводить новую, вот почему он никогда и ничего здесь не менял. Их любовь зародилась возле этой стены, она родилась из сосновых игл и кирпичной пыли. И, как итог слияния их тел, здесь были зачаты их дети.

И когда он подумал о детях, воспоминания улетучились, осталось лишь беспокойство. Осторожно подняв голову, Жан смотрел на угол, за которым скрылась Анна, и желал только одного: чтобы дочь вернулась.

Они с отцом подобрались к гостинице со стороны задней стены. Теперь Анна шла к фасаду, выходящему на дорогу в сторону Монтепульчиано. Створка ворот висела на одной

петле, от другой остались только скобы. Осторожно заглянув в ворота, девушка увидела подъездную аллею к дому. Когда-то посыпанная гравием аллея приветствовала путников, приглашая их отдохнуть в таверне, которая считалась лучшей в Тоскане. Все переменялось до неузнаваемости. Больше не было низких кипарисов, которые прежде обрамляли дорожку. Там, где они некогда росли, в земле зияли ямы. Лимон, бергамот и оливки раньше наполняли двор чудесными ароматами, но теперь и они были вырваны, послужив топливом для костров, которые тлели повсюду. Вокруг этих черных пятен лежали люди, положив под головы седла или дорожные мешки и накрыв лица шляпами с плюмажем. Сон навалился на них, когда они тянули руки к бутылкам и чашам. В рассветный час солдатский сон крепок, слышался лишь храп, да иногда кто-нибудь бормотал во сне.

Спящих в саду оказалось не меньше пятидесяти, а это значило, что в доме их могло быть еще больше. Бросив взгляд вверх, Анна поняла, что крыша была не лучшим укрытием, чем открытое небо, потому что большая часть кровли отсутствовала. Значит, сотня людей – включая солдатских подружек – теперь называли «Комету» домом, хотя никто из нормальных людей не поступил бы со своим домом так, как эти неприкаянные убийцы поступили с домом Ромбо.

Со слезами на глазах Анна пошла было прочь, торопясь скрыться от этого надругательства, но что-то заставило ее остановиться. Ей послышался голос. Она была уверена, что

к ней обращается не один из этих солдат или женщин. Голос был тихий, почти шепот, но он доносился из двора. Девушка не могла определить, кому он принадлежал, мужчине или женщине; он словно исходил из вечности. И тем не менее Анна отчетливо услышала: «Иди сюда».

Не было никакой причины входить. Но было не меньше сотни причин сделать это. Анна увидела все, что хотела увидеть: разоренный дом, в котором прошло ее детство, конец надеждам ее отца. Помимо опасности, ее ждало огромное разочарование. Голос был настойчив, но девушке не показалось, будто он угрожает ей. Глубоко вдохнув, она вошла на зов.

На дорожке, как и на лужайке, тоже лежали люди. Анна ступала осторожно, стараясь никого не задеть. Когда она миновала уже полпути, какой-то солдат, моложе остальных, откинул куртку, которой прикрывался, и, тихо вскрикнув, схватил ее за лодыжку.

Девушка застыла на месте, выжидая. Солдат по-прежнему крепко держал ее, бормоча какую-то просьбу, а может, и молясь. Анна наклонилась к нему, снова укрыла его курткой, дотронулась прохладной рукой до его горячего лба. Прошептала: «Спи, дитя, успокойся». И молодой человек успокоился, улыбнулся и отпустил ее ногу. Анна продолжила путь. Добравшись до главного входа, она засомневалась. Слева находился двор – то самое место, где она впервые услышала рассказ о странной женщине, королеве, чье имя носила дочь

французского палача.

И Анна двинулась дальше. Вошла в дом, миновав еще несколько спящих, распростертых у входа. Двери, ведущей во двор, больше не было. Тоже, наверное, сожгли. Перешагнув порог, она увидела, что великолепное каштановое дерево постигла та же участь. От него остался только пень высотой до пояса, торчавший из покрытого треснувшим кафелем пола. Он был похож на разбитую бочку, которая могла быть только пустой, но девушка все-таки приблизилась, чтобы заглянуть внутрь.

Что-то блеснуло в обуглившейся глубине. Она протянула руку, пальцем смахнула пепел. Там лежал крошечный крестик. Анна не сразу взяла его. Она узнала эту вещь, хотя крестик был теперь покрыт сажей, а серебро со временем потемнело и почернело от дыма. Крест был двойной, что делало его неповторимым. Отец привез его из Франции. Потом отдал Джанни. Мальчик сразу полюбил этот крест и не расставался с ним.

Какое-то время Жан с сыном не ладили. Анна знала, что так часто случается между отцами и сыновьями. Например, Эрика раздражали строгие правила Хакона. Но с Джанни и Жаном все обстояло совсем не так, особенно после того, как Джанни вернулся из монастыря, куда Жан и Бекк с такой неохотой отпустили его учиться. Мальчик возвратился не только с фанатичной верой в Бога, но и с болью, которая затаилась в его глазах. Безбожие отца мучило его. И подарен-

ный крестик стал последней попыткой Жана достучаться до сердца сына.

Анна дотронулась до креста, сжала его в руке, и ночь снова наполнилась ароматом цветения и запахом очажного дыма, кафель под ее ногами вновь стал целым, и мать готовила на кухне обед, а Анна раскладывала на столе тарелки и ножи. Но мать не пела. Отец уехал в город. Торговать – как он сказал. Спрятаться – как сказала Бекк.

Джанни подошел к Анне, плача. И это случилось впервые за долгие годы, потому что он теперь был почти мужчина. Брат взял ее за руку и полез с ней на дерево, помогая себе одной рукой, а другой придерживая сестру, словно они оба были одно целое. Вот так они забирались на дерево, как делали раньше – и не делали с тех пор, как Джанни вернулся из монастыря.

Сидя высоко на ветках, они слышали, как мать зовет их. Джанни взглядом давал Анне понять, что она должна молчать. Когда Бекк снова вошла в дом, брат поднес к залитому слезами лицу крест и сказал:

– Он будет ждать меня, Анна. Когда-нибудь я вернусь за ним. Чтобы доказать, что когда-то он любил меня.

Быстрыми ударами маленького молоточка Джанни прибил крестик к дереву. А потом ушел. Ужин так и не дождался его, остыв на столе, и между родителями тоже пробежал холод. И Анна ничего не могла сделать, чтобы согреть их.

Воспоминания ушли. Крест жег ее ладонь, но Анна не

могла его выпустить, ибо теперь она мысленно видела своего брата – таким, каким он стал сейчас. Перед ней стояло лицо мальчика, ставшее лицом мужчины. Он всегда был решительным, ее Джанни, но теперь в его чертах появилась настоящая страстность фанатика. Металл обжег ее. Девушка тихо вскрикнула, ибо смотрела в этот миг в глаза привидения, в черные глаза брата, и знала, что он принесет ей несчастье.

Вдруг рядом с ней заговорил голос. Видение исчезло, и крест выпал из пальцев. Анна вздрогнула, закрыла глаза.

– Для нас самих работы не хватает. Нам не нужны новички.

Анна обернулась и увидела женщину в рваной, испачканной юбке и рваной шали на костлявых плечах.

– Что? – шепотом переспросила она.

– Ты слышала! – Голос женщины звякал, как жость, глаза глядели мертво и тупо, на щеках покраснели оспины. – Вишь, красotka... После тебя они на нас и не глянут! Думаешь заработать, да? Уходи. Иначе я помогу тебе.

Женщина подняла юбку и пальцем показала на блеснувшую сталь. Анна обошла шлюху и нагнулась, чтобы поднять упавший крест. Та протянула руку и схватила Анну за запястье.

– Что это? Что у тебя?

Теперь голос звучал громко, и изнутри уже слышалось бормотание, поэтому Анна ударила женщину так, как мать учила ее защищаться от мужчин, – основанием ладони под



подбородок. Голова женщины откинулась, но Анна поймала проститутку, не дав ей упасть. Опуская свою жертву на землю, Анна почувствовала ее гнилое дыхание. Поскольку голоса теперь звучали из дома, Анна бросилась бежать. Она подскочила, вскарабкалась наверх и перелезла через стену внутреннего двора. На улице солдаты все еще спали, поэтому она осторожно прошла между ними, выбралась из боковых ворот и присоединилась к отцу, который с нетерпением ждал ее в укрытии.

– Клянусь моими ранами, Анна, тебя так долго не было. Я слышал шум...

– Пойдем. Они проснулись.

Помогая отцу бежать через виноградник, Анна услышала скрип дверей и крики, доносившиеся из дома. Скоро они все проснутся, все, кроме женщины, которая могла бы рассказать им, что случилось. Она еще некоторое время будет без сознания – достаточно, чтобы дочь с отцом смогли укрыться в лесу.

На бегу Анна открыла свою сумку и положила туда крест. Она услышала, как звякнул он, упав на сокола Джузеппе Тольдо.

«О Джанни, – подумала она, – к каким подвигам ты сейчас готовишься?»

Они достигли Монтальчино вскоре после полуночи. В пути Жан почти не делал передышек, и Анна с трудом поспевала за ним. Она не все рассказала ему из того, что видела, но достаточно, чтобы он поспешил уйти, увеличивая расстояние между собой и своей несбывшейся мечтой. Оставалась еще маленькая надежда, но теперь не было и ее. Только движение, только преодоление постоянной боли, только бесконечное путешествие от отчаяния к желанному забвению.

Ворота были заперты, охрана его не узнала и не хотела его впускать. К счастью, Жискар, адъютант Блеза де Монлюка, делая обход, услышал спор и вмешался.

– Ты должен их извинить, – растягивая слова, произнес молодой офицер, – они все из этого города и еще не слышали историю последнего триумфа Сиены перед ее падением. О защите бастиона, о подрыве туннеля, о твоей вылазке, чтобы спасти твоих людей! Превосходно, монсеньор! Для меня было честью находиться там в то время.

Жискар шагал с ними по крутым улицам. Последний отрезок пути – до дверей дома – отнял у Жана остатки сил. В качестве привилегии ему и его семье предоставили отдельную комнату в доме рядом с монастырем Святого Августина. Обессиленный, Жан прислонился к двери. Офицер, сняв шляпу с плюмажем, поклонился.

– Командующий ждет вас завтра на военный совет. Призыв прошел по всей стране, и вскоре люди соберутся под нашим знаменем. Сиена могла пасть, но Республика жива. Нам снова понадобятся ваши умение и храбрость. Капитан Ромбо, мадемуазель...

Он поклонился, с особой галантностью улыбнувшись Анне, и ушел.

У Жана не достало сил даже пробормотать проклятие.

– Помоги мне войти, дитя, – попросил он.

Но и за дверью, которую распахнул Хакон, ему не удалось отдохнуть.

– Ромбо! – гаркнул тот, схватил француза своими огромными ручищами и перетащил через порог. – Ты не терял времени и прибыл, как всегда, вовремя, к самому началу действий. Пойдем, здесь есть вино, настоящее вино, а не тот вкус, который мы пили в Сиене. Монтальчино выдержал осаду, поэтому у них осталась выпивка!

Анна тихо прошла в конец комнаты, где одеялами была завешена кровать. Девушка даже не остановилась, когда увидела сидящих за столом ясноглазого Эрика и Фуггера. Сначала надо было задать самый важный вопрос:

– Мама, как ты?

Глаза Бекк были открыты, но взгляд их оставался отсутствующим, лоб был холодным, дыхание ровное. Ребекка крепко сжала руку Анны.

– Хорошо, дитя. Давно я так хорошо себя не чувствова-

ла. – Она кивнула в сторону комнаты. – Они принесли мне весточку от моего Джанни.

Анна вздрогнула, услышав имя брата, и снова почувствовала ожог на ладони. Она посмотрела на руку. Очертания креста все еще были видны, на бледной коже отчетливо вырисовывалось двойное перекрестие.

Бекк с трудом поднялась на постели, Анна подложила ей под спину свернутое одеяло.

– Открой занавеску. Я хочу слышать, что они там говорят. И ты тоже послушаешь.

Рассказ о «Комете» уместился в несколько фраз. Жан просто подвел итог всему, что сообщила ему Анна. Она только не поведала отцу о том, что случилось во дворе. Девушка просто не знала, как рассказать об этом.

– Ну что ж, – усмехнулся Хакон, – если сиенцы и французы смогут победить, они вышвырнут этих флорентийцев и мы сможем вернуться домой.

– Это и есть те самые действия, которые тебя так волнуют, Хакон? – устало спросил Жан, залпом проглотив вино. – Неужели тебе не надоело воевать?

Глаза скандинава блеснули:

– Надоело. К тому же они мало платят. Нет, сражение, о котором я говорю, – оно скорее личного свойства. Ты тоже так будешь думать, когда услышишь, что расскажет Фуггер.

Жан нечеловечески устал. Настолько, что даже не заметил компаньона, которого он потерял при падении Сиены. А ведь

Фуггер вернулся! И теперь Жан уставился на него слипающимися глазами. Он думал, что при первых же словах, произнесенных Фуггером, заснет и никогда не проснется. «Какое это будет блаженство, – думал Жан, – бесконечный сон, сон без сновидений...»

Но рассказ Фуггера мгновенно пробудил его.

– Я видел твоего сына, Жан. Более того, я видел зло, которое он собирается совершить. Такое зло, что и мертвого поднимет.

И Фуггер быстро закончил повествование. Бекк, которой сообщили только то, что ее сын жив, опять легла и слушала. Анна сидела рядом с ней, застыв на месте. К девушке вновь вернулся призрак Джанни – теперь, когда цель его прихода была раскрыта, она видела брата даже явственнее, чем в саду «Кометы». Жан изумленно воззрился сначала на говорящего, а потом на Бекк, которая тотчас отвела взгляд.

Затем заговорил Хакон:

– Вот о каком сражении я говорил, Жан. Сражение на двух фронтах – плохая стратегия, но я считаю, что у нас нет выбора. Мы, – скандинав показал на Эрика и Фуггера, – едем в Рим. Мы быстро отыщем способ проникнуть в Латеранскую тюрьму и освободим Марию. Потом вернемся за тобой, чтобы помочь тебе на твоём фронте.

Во рту у Жана пересохло, он не мог вымолвить ни слова. Глотнув вина, Жан глупо спросил:

– И где же буду я?

Хакон засмеялся, Эрик вторил отцу.

– Конечно, ты будешь выслеживать своего сына! Ты ведь слышал, решено выкопать руку Анны Болейн. Послушай, ты что, не понимаешь? – Скандинав грохнул кулаком по столу. – Расследование возобновляется.

Наступила тишина. Бекк наконец посмотрела на своего мужа. Пристально глядя ему в глаза, она сделала одно отчетливое движение головой.

«Нет».

Хакон, который этого не видел, продолжал с прежним энтузиазмом:

– Это не займет много времени. С умом Фуггера и с моими сильными руками... У римских собак против нас нет ни единого шанса! Но пока ты ждешь нас, ты не будешь одинок. – Голос его понизился, чуть дрогнув. – С тобой будет твой старый друг, который позаботится о тебе. Эрик?

Повинуясь жесту отца и застенчиво улыбаясь, молодой человек поднял что-то с пола и положил это на стол перед Жаном.

– Я и себе такой делал. Было нетрудно, – добавил он.

Меч Жана лежал перед ним на столе, эфесом к нему, нижняя треть лезвия выглядывала из ножен, сделанных из новой мягкой кожи. Совсем другое оружие, не то, зазубренное после осады Сиены. Рукоять была туго перевита зелеными кожаными полосками, так же хорошо, как сделал бы это сам Жан. И эфес, и головка эфеса размером с яблоко были отпо-

лированы так, что сверкали, отражая свет лампы. Жан сразу увидел – еще прежде, чем наклонился и провел пальцем по острию лезвия, – насколько острым был клинок.

– Он острый, как моя турецкая сабля. Даже острее! Великолепное оружие! – проговорил Эрик.

– Толедская сталь, – тихо молвил Жан, – самая лучшая. Он снова взглянул на Бекк. И она заговорила:

– Ты не воспользуешься ею. Не в этом случае. Только не против собственного сына.

– Господи, Бекк, я не это имел в виду! – взревел Хакон. – Это для германца, фон Золингена. Джанни поймет причину, он...

Бекк просто ждала ответа от своего мужа. Слова Хакона она пропустила мимо ушей. Когда Жан промолчал, она продолжила:

– Ты сдержал свою клятву. Я помогла тебе, хотя все мы – ты, я, Фуггер и Хакон – чуть не погибли при этом. Джанук погиб. Все кончилось. Оставь все как есть.

Жан продолжал молчать и только смотрел на свою жену, поэтому заговорила Анна.

– Мама, я видела Джанни. Здесь, – она дотронулась до виска, – во дворе «Кометы». Фуггер прав... Он – зло. Я не знаю, насколько это серьезно. Но это зло, и мы должны остановить его.

Бекк горько засмеялась:

– Ты хочешь остановить зло, дочь? Тогда не отправляйся

во Францию на его поиски. Оно начинается здесь, у наших дверей, и распространяется отсюда по всему миру.

Ребекка поднялась на постели, опустила на пол ноги и встала без посторонней помощи. Анна даже не шелохнулась, чтобы помочь ей, когда мать с трудом добралась до стола и в упор посмотрела на мужа.

– Какое тебе дело до судьбы королев и далеких стран? Они разрушили твой дом, сломали твое тело, убили твоих друзей. Какое тебе дело до того, какая вера главенствует в Англии? Ты – самый отъявленный безбожник из всех, кого я знаю! – Жан вздрогнул и отвел глаза, но Бекк наклонилась и удержала его взгляд. – Ты выгнал своего сына. А теперь он ищет то, во что он верит, – верит так, как ты верил в свое дело. Это вечная история: отцы стареют, сыновья смелеют. Оставь все как есть!

Силы окончательно покинули ее. Хакон подставил ей стул. Анна подошла, взяла мать за руку. И все пятеро вопрошительно уставились на Жана.

А он держал меч палача и продолжал нажимать пальцем на лезвие. Опустив взгляд, он понял, что толедская сталь оправдывает свою славу лучшей в мире, ибо на стол капала кровь. В этом он увидел ответ.

Бекк права. Жан Ромбо довольно пролил крови. Пора остановиться. И в глубине души он знал правду: даже если он и оставался еще достаточно силен, он уже не в силах был с прежней отвагой проливать кровь.



– Моя жена права, – заговорил Жан. – Я сделал все, что мог. Теперь мой долг – находиться здесь. С ней. И с Анной...  
– Он запнулся, произнося это имя, и быстро добавил: – С моей дочерью Анной.

Все молчали, и в этом молчании он еще сильнее ощутил свою усталость. Поднявшись, Жан Ромбо с трудом проковылял мимо своих друзей к кровати, улегся и повернулся лицом к стене, чтобы не видеть больше в их глазах беспокойство и разочарование.

## Глава 8. ВЫРЕЗАНИЕ РУНЫ

Закончив приготовления к отъезду, Хакон вернулся только днем. Анна взяла его за руку и вывела на улицу. Скандинав думал о своем: ему нужны были лошади, а в городе, который готовился к войне, на лошадей большой спрос. Взгляд Хакона блуждал поверх головы Анны. Он прикидывал, не украсть ли коней, и поэтому плохо слушал, когда девушка прошептала свою просьбу.

– Руны?!

Анна попросила его говорить тише, и Хакон продолжал спокойнее:

– Дитя, я научил тебя всему, что знал сам. Тебе известны значения всех рун, может быть, даже лучше, чем мне, потому что с возрастом моя память стала слабеть.

– Но у меня нет видения, – настаивала она. – А без этого руны – просто как буквы непонятного языка. Я не могу прочесть их. Ты должен меня научить.

Хакон вздохнул, услышав, как монастырский колокол ударил три раза.

– Такому нельзя... научить. По этой дороге ты должна идти одна.

– И я пойду. Но кто-то должен поставить меня в самое начало пути. Одного моего желания недостаточно. Ведь тебя кто-то привел.

– Это правда.

На мгновение Хакон снова увидел свою мать, увидел, как она ведет его в лес, испуганного, но любопытного мальчика, и передает ему наследство его убитого отца. Двадцать четыре диска, вырезанные из бивня нарвала. Она оставила его одного в лесу на три дня и три ночи.

Он снова вздохнул.

– Анна, на это нужно время, а времени у нас нет. Нужен глухой лес или какое-нибудь другое спокойное место. Ничего подобного поблизости не найти.

– Тогда мы должны отыскать хотя бы время. – Анна в отчаянии ткнула кулачком в грудь этого большого человека. – Хакон, я не могу увидеть, что нам угрожает. Я только знаю, что это нечто ужасное и что оно исходит от моего брата. И еще я понимаю: если мой отец не попытается предотвратить это, он потеряет время и умрет здесь, рядом со своим превосходным мечом.

Хакон молчал. Слова девушки лишили его дара речи.

Видя, как смягчилось его лицо, она добавила:

– Я знаю тихое место, совсем рядом. Ты сможешь мне встать на эту дорогу?

И хотя у Хакона были свои неотложные заботы, он хорошо понимал, что ее проблема не менее важна. Забота Анны касалась и скандинава, потому что Хакон очень любил Жана Ромбо.

– Помогу, – сказал он дочери старого друга.

Это был, разумеется, не лес. Все деревья вокруг Монтальчино уже давно были срублены на дрова. Анна вывела Хаконна из северных ворот, туда, где земля была изрыта небольшими ручейками. Люди там не ходили, разве что заяц пробежит или лиса. Идущая вверх дорога скрыла путников, стены города уже скрылись за густыми колючими кустами. Постепенно ручей расширился. Теперь они пробирались по узкой влажной тропинке вдоль русла. Наконец они пришли к небольшому пруду, над которым склонились семь серебристых берез.

Опустившись на камень, Хакон удивился:

– Как ты нашла это место?

– Отец брал с собой меня и Джанни в Монтальчино, когда приезжал продавать вино. Нам удавалось обмануть его, мы выбегали из города и приходили сюда. Это место подходит?

Хакон огляделся, слушая, как ветер шуршит в молодых листьях.

– Может подойти. Береза обладает большой энергией, лучшего дерева нет для нашего дела. – Заметив ее улыбку, он предостерег: – Анна, овладеть этим искусством очень трудно. Так что сильно не надейся.

Девушка приблизилась к нему, протянула руку.

– Начнем?

Вытащив нож из-за пояса, Хакон подошел к дереву, пробежал пальцами по одному из черных пятен на бледной коре.

– Вот эта старше, в своей лучшей поре. Она не будет возражать, если мы возьмем от нее кусочек. – Скандинав подошел к Анну поближе. – Иди сюда. Я подсажу тебя. Отрежь вон ту ветку у самого ствола. – Он сложил ладони, чтобы девушка могла встать на них, и, когда она ухватилась за дерево, добавил: – И попроси дух дерева дать тебе позволение, прежде чем ты отрежешь у него один из его маленьких пальчиков.

Закрыв глаза, Анна обратила к старой березе короткую молитву. Двумя пальцами она обхватила сучок, и меньше чем через минуту острое лезвие перерезало его. Девушка спустилась, вернула Хакону нож и вручила ему отрезанную веточку. Скандинав повертел в пальцах тонкий прут длиной в его руку.

– Видишь, он почти гладкий. Ты смогла бы вырезать на нем нужные руны, будь у нас время. – Хакон глянул на небо, втянул ноздрями воздух. – Но времени нет. Хватит только на одну.

Анна огляделась вокруг, посмотрела на дерево, на воду. Ее спутник остановил девушку предостерегающим жестом.

– Нет. Не там. Поищи здесь.

И прижал к ее лбу срезанный конец прута.

Анна закрыла глаза, края коры впились в ее кожу, и девушка стала думать обо всех рунах, о всех историях, связанных с ними. И снова она слышала голос Хакона во дворе

«Кометы», когда тот рассказывал какую-нибудь сагу или легенду о героях и великанах, о бесконечных зимах с их льдами и черными ночами, о ярком коротком лете. Некоторые истории девочке нравились, и их символы появлялись перед ней, предлагая себя. Но Анна знала: сейчас память ей не помощник. Это была совершенно новая область, которую не прочесть, пользуясь старыми знаками. Глубоко дыша, Анна сосредоточилась. И наконец увидела нечто.

Она открыла глаза.

Хакон наклонился к ней.

– Увидела?

– Да... Но она странная. Я не могу вспомнить ее названия.

Хакон нахмурился.

– Нарисуй ее для меня. Вот здесь, на мокрой земле возле ручья. Возьми палку.

Мгновение – прямая черта снизу вверх, затем вторая, по диагонали слева направо.

– Теперь вспомнила?

Анна пристально посмотрела на начертанный символ.

Линии уже начали заполняться водой.

– Это вода?

Он кивнул.

– «Лагу» – так это звучит на древнескандинавском. Все жидкости, не только вода. То, что изливается из женщины при родах. Море, дождь. Пиво. – Он улыбнулся. – Эта руна хороша для интуиции и для любви. Для того, чтобы следо-

вать велению сердца.

Анна ощутила внутри какую-то странную пустоту.

– Но что она говорит мне? Я не могу заглянуть в свое сердце. Иногда у меня такое чувство, что там ничего нет. Я смотрю на Эрика и Марию, на тебя с твоей Микаэлой, да упокоится с миром ее душа. Даже на мать и отца... прежде. Я никогда ничего не испытывала. Ни к одному мужчине. Может быть, поэтому я не умею видеть сердцем, не в состоянии читать эти символы, которые пугают меня. Потому что я не могу открыться – вот здесь.

Она ткнула себя концом прута в грудь.

Хакон закусил нижнюю губу. Подумав, он сказал:

– Ты неправа. Я видел, что в тебе есть любовь. В том, как ты лечишь, как ты прикасаешься к людям. Может быть, тебе надо понять, что ждет тебя впереди. Может, это страх закрывает глаза твоей любви.

Она промолчала. Хакон взял прут и отнял его от груди девушки.

– Пойдем посмотрим, сможем ли мы отыскать твою дорогу.

– Как? – спросила она слабым голосом.

Он подтолкнул ее прутом к камню, на котором сидел.

– Здесь. Возьми нож, отрежь кружок толщиной с мой большой палец.

Анна повиновалась. Запахло березовым соком. Хакон взял прут, прислонил его к дереву.

– Теперь тебе нужно вырезать «лагу» на этом кружочке. Только две линии, как ты нарисовала на земле. Но прежде чем сделать это, очисти свой ум. Не думай ни обо мне, ни об этом месте, ни о наших бедах. Здесь нет никаких пугающих тебя знаков, нет прошлого, нет будущего. Только этот единственный момент. Время, которое есть, и время, которое будет. Вода течет. Из бесконечного водного потока возникает жизнь. Произноси слова, которые подтверждают это.

Хакон взял руку Анны и положил на ее ладонь нож.

Сначала казалось, что слова Хакона зазвучали громче и отозвались вокруг нее эхом, и это эхо говорило совсем не то, о чем он просил, оно словно насмехалось над ее усилиями, когда девушка пыталась успокоиться. Анне стало очень холодно, и она едва не выронила нож из вялых рук. Все ее желания, все ее ужасы заполонили воздух, точно птицы-стервятники, падающие на труп. Она видела злобного Джанни, плачущую Бекк, Жана Ромбо, отвернувшегося к стене. Потом она заметила другого мужчину – странного, гротескного, с уродливым лицом, как будто на него вылили горящую смолу. Анна хотела бы убежать от всех, пусть даже ради этого ей придется воспользоваться ножом, – лишь бы они пропустили ее. Но затем до ее слуха вновь донеслось журчание воды, и Анна поняла: единственный способ спастись – глубоко нырнуть.

Это была не вода. Это была кровь, – кровь, которая вот-вот появится. Хакон говорил, что «лагу» – все жидкости, и



Анна думала теперь только об этом. Она схватила нож за лезвие, чтобы острым концом вырезать две линии. Нож был таким острым – как все оружие Хакона, – что Анна до кости порезала большой палец. Кровь закапала на кружочек древесины. Это и был тот звук, который она слышала. Анна наклонилась над диском, сделала два надреза в молодой, окрашенной кровью мякоти древесины – один вертикальный, другой по диагонали. Вырезая, она говорила нараспев:

– Жизнь течет. Падай в ее поток.

А потом Анна погрузилась в мысли.

Вот она стоит перед хижинкой. В центре двери – руна «лагу», перевернутая, уязвимая, как раненое существо с задранными к небу ногами. Все, что могло быть в нем хорошего, закоснело, наполнилось дурным.

«Но я знаю об этом».

Когда она так подумала, руна начала мерцать, растворяться, исчезать. И когда знака на двери уже не стало, Анна заметила струйки дыма, поднимающиеся к черному небу. Крыша хижина была покрыта дерном. Внутри кто-то находился. Анна постучала – раз, другой, третий.

Знакомый голос произнес слова, которые она слышала и раньше, накануне, в «Комете»:

– Иди сюда.

И Анна всем телом налегла на дверь, которая неохотно подалась, царапая земляной пол. Как только Анна переступила порог, дверь исчезла, исчезли и стены, и все строение

поглотила тьма. Темнота давила на нее, девушка подняла руки, чтобы отвести от себя эту угрозу.

Анна потерялась во мраке, она словно плыла, потому что земля под ногами больше не была твердой, крыша сделалась громадной, колеблющиеся стены лишь слабо намекали на прочность. Анна закричала, но звука не услышала. И если бы и был какой-то звук, его поглотила бы темнота и стала еще непрогляднее.

У нее был выбор. Сдаться темноте – и пусть она заберет ее куда захочет. Или идти вперед в любом направлении. Анна только знала, что держит руки вытянутыми перед лицом. Сделав над собой усилие, девушка пошла вслед за своими руками. В то же мгновение вдаль блеснул свет – бледный проблеск в густом тумане. Теперь у нее было направление.

Свет исходил от костра. Пламя лизало огромный котел. Подойдя ближе, Анна увидела, как чья-то рука протянулась над котлом и что-то бросила в него. Мгла полностью рассеялась, воздух наполнился приятным запахом, похожим на запах ладана, но нежнее. Он был не смолистым, а цветочным. Анна разглядела наконец женщину, нагнувшуюся над котлом.

– Добро пожаловать! – молвила женщина и выпрямилась.

Она была одного роста с Анной, но светлая – в отличие от смуглой Анны. Золотистые волосы падали ей на плечи густыми волнами. На ней было очень богатое платье цвета зеленых яблок, усыпанное васильками, точно летний луг. В

свете костра цвет ее глаз менялся: то они были темно-зелеными, то небесно-голубыми, вбирающими в себя и отражающими пламя.

Голос звучал спокойно и тихо.

– Что ты ищешь?

Анна протянула ей то, что держала в руке, – березовый диск и пропитанную кровью руну.

– «Лагу». – Женщина протянула руку. – Приносящая жизнь, руна дождя, клятв и надежд.

Она дотронулась до диска, и Анна увидела, что теперь руна перевернута – знак стал таким, каким виднелся на двери.

– «Лагу», руна предательства и отчаяния.

– Какова же руна для меня?

– А что ты дашь мне, чтобы я увидела это?

Голос стал ниже и зазвучал менее приятно. Вокруг зеленых глаз залегли мелкие морщинки.

Анна подумала: «Мне нечего дать», но тут же вспомнила, что на поясе у нее висит кошелек. Она нащупала серебряный крестик – крестик Джанни. Рядом лежал какой-то маленький предмет, и Анна достала сокола работы Джузеппе Тольдо.

– Вот это.

Женщина кивнула. Волосы, раньше спадавшие на ее плечи, теперь мягкой волной обрамляли ее мертвенно-бледное лицо.

– Брось его в котел, – приказала она.

Дрожа, Анна подчинилась. Сокол выскользнул из ее пальцев головой вперед, словно нырял в глубину, ища себе жертву...

Раздался пронзительный крик. Какая-то птица камнем упала с неба и схватила ужасную добычу. Она не поймала ее, как положено хищникам от природы, но украла из могилы. Птица взлетела высоко в поисках места, где она могла бы попить. Но даже на таком большом расстоянии Анна своим острым, как у сокола, зрением рассмотрела: стрелятник держит в окровавленных когтях отрубленную кисть человеческой руки. Девушка смогла даже различить крохотный шестой пальчик...

И там, где пролетала птица и куда падали могильные останки, земля покрывалась пузырями. Облака закрыли солнце, дождь с привкусом железа хлестал по лицу. Хилые осиротевшие телята бродили у засоренной, разлившейся реки, которая затопила поля; мутные потоки подбирались к деревне, где церковный колокол тревожно и жалобно отбивал единственную ноту, повторяя ее снова и снова; одетые в лохмотья люди бежали к горящему дому... Пожар бушевал в самом центре деревни – настоящий погребальный костер, в середине которого высился крест, и что-то отчаянно старалось спастись. Сокол стремительно бросился вниз и снова вскрикнул, камнем падая на легкую жертву. Что-то оперенное упало на девушку с неба, когти потянулись к ее глазам...

Анна покачнулась над котлом. Это был сон во сне, где без-

зубая старуха в изношенном красивом платье подбрасывала в огонь разлагающийся помет. Анна ахнула, чуть не упав в котел.

– Неужели такой мир ждет нас? Старуха хихикнула.

– Какое мне дело до того, что ты видишь? Существует много миров. Много дорог ведет к каждому из них. Ничто не написано, пока перо не коснется бумаги. Ничто не придет в движение, пока руну не вырежут и не метнут.

Анна перевела взгляд на березовый диск, который держала в руке. И вдруг она разглядела в двух красных линиях, прямой и диагональной, поток воды, питающей весь мир. Она повернула руну и увидела, что пруд стал стоячим, потому что Анна не держала руну прямо. И когда она подумала об этом, комната вокруг нее стала растворяться и сжиматься, крыша надавила на голову и плечи, котел превратился в горшок, пламя под ним не давало больше тепла. Старуха помешивала в горшке палкой и вдруг подняла голову, словно только что осознала присутствие Анны.

– Иди, – прокаркала она, – найди себе сама. Здесь для двоих недостаточно.

Анна повернулась и пошла сквозь темноту...

Она открыла глаза и тотчас вновь опустила веки, защищаясь от дождя. Она вдыхала запах бегущей воды и слушала, как легкий ветерок шевелит ветви семи серебристых берез. Затем снова открыла глаза и увидела ночное небо и широкое лицо Хакона, склонившееся над ней.

– Ты вернулась. Я боялся, что ты не вернешься.

Он помог ей сесть, принес воды из ручья. Анна осторожно стала пить, наслаждаясь свежестью этой воды, а он терпеливо ждал, сидя рядом на корточках. Потом она рассказала Хакону свое видение. Он выслушал молча. Она хотела еще добавить кое-что, открыть, что это значило для нее, но скандинав остановил девушку:

– Мне не надо этого слышать. Словами это не выразить, ибо слова исказят твои чувства. Так всегда бывает, когда рассказываешь такие вещи. Мне только нужно знать, как ты поступишь с увиденным.

– Я должна поговорить с отцом. Я должна убедить его передумать.

Хакон кивнул:

– В таком случае – возвращаемся. Думаю, тебе предстоит тяжелое дело. Бекк не понравится то, что ты видела.

\* \* \*

Город был опьянен свободой. Весеннее солнце рисовало круги на мощеных улицах, разбрасывало золотые пятна по черепичным крышам, по базилике. Надежды горожан горели еще ярче солнца. Беженцев из Сиены встречали их родственники, жившие в Монтальчино, они угощали их лучшей едой, поили лучшим вином, давали им новую одежду, оружие, кровь, лечили их раны, позволяли им отдыхать и не просы-

паться каждую ночь от ужаса при мысли о том, что флорентийцы, должно быть, уже взломали стены и заполонили улицы, горя желанием грабить и мстить. Солдаты приветствовали старых товарищей твердым рукопожатием и братским поцелуем. Дети играли на улицах. В лоджиях, в портиках, на площадях – повсюду мужчины и женщины собирались и разговаривали о свободе, о призыве к открытому неповиновению, посланном их недавним завоевателям, о подкреплении, которое плывет из Франции морем, о добровольцах, которые спешат со всех сторон, чтобы присоединиться к крестовому походу против узурпаторов. Республика Сиена еще свободна и собирается под свои знамена.

Жан пробирался сквозь всеобщее ликование, как призрак, невидимый и невидящий. С утра он побывал на военном совете, где сто пятьдесят человек набились в маленькую комнатку во дворце Республики. Он слушал речи. Он слушал планы. Как взять реванш? Жан все время молчал, опустив голову, даже когда упоминали его имя. Даже когда Блез де Монлюк назначил его командующим. Жан Ромбо примет назначение, потому что при такой должности ему достанется большая доля трофеев Республики и он сможет прокормить своих. Затем Жан Ромбо найдет способ избежать активного участия в сражениях. Он будет ссылаться на болезнь жены и на раны, которые, как все знали, он получил в битвах. Все эти привилегии он получит благодаря своей репутации, подкрепленной «победой» при бастионе, когда осажденная Сие-

на бросила свой последний вызов захватчикам. История, дутая, как стеклянная бутылка, приукрашенная обычной человеческой потребностью услышать хорошую новость при поражении.

Жан Ромбо знал, кто он такой. Он – тень из прошлого, его единственная забота – выжить. Новость о предательстве сына и дела всей его жизни только подтвердила это. В тот страшный миг, когда Фуггер стал рассказывать о случившемся, Жан Ромбо не думал о надругательстве над Анной Болейн, его королевой. Он думал только об угрозе себе самому. Он старался поймать взгляд Бекк, потому что знал: в ее глазах он найдет спасение, оправдание. А тому жалкому существу, что осталось от него, той пустой оболочке, которая теперь именовалась «Жаном Ромбо», все еще хотелось, чтобы друзья сохранили о нем доброе мнение. Его любовь к жене и дочери была единственным оправданием. Из-за них он отказался от своей цели. Из-за них.

Пока Жан бродил по улицам, заполненным людьми, которые продолжали во что-то верить, на него вдруг нахлынули воспоминания. Нахлынули так явственно, словно все это случилось совсем недавно, а не много лет назад. Были годы, когда он чувствовал себя вот так же – словно у него внутри солома. Он рубил головы и разживался деньгами только для того, чтобы купить себе еще одну бутылку лучшего вина, еще одну женщину, чтобы хотя бы на время забыть о своей первой жене и о первом ребенке, о Лизетте и Ариэль, об их за-



раженных чумой телах. Анна Болейн поставила точку в этой жизни, которую и жизнью-то назвать было нельзя. Анна Болейн дала ему узреть небеса, дала ему цель – завладеть ее рукой и похоронить эту руку, что провело его через невероятные трудности к невероятному счастью. В конце концов он восторжествовал над обстоятельствами – у него появились Бекк и дети, «Комета». Но, может быть, сын прав. Может быть, грехи его прошлой жизни слишком тяжелы на весах судьбы. Краткое мгновение радости сменила боль, и вот Жан Ромбо снова пуст.

Когда на улицах стемнело, ему не хотелось возвращаться домой, хотя там его ждала обильная еда, достойная новой должности командующего. И Бекк тоже ждала его там. Но и это его не соблазнило. Она не хотела, чтобы он уходил. Но и не особенно мечтала о том, чтобы он остался. Когда он лежал возле нее на кровати, их незримо разделял Джанни. Хакон, Фуггер, Эрик – все они будут там, полные надежд, как и республиканцы Сиены. И Анна уже вернется. Но Жан знал, что увидит в ее глазах, а с него уже достаточно разочарований.

Поэтому он вошел в переполненную таверну, взял бутылку местного крепкого вина и устроился в самом темном углу, подальше от солдат, распевających песни. И стал пить. Может быть, на дне бутылки он найдет утешение.

Но и там утешения не было. Не успел Жан сделать первый глоток, как перед его столом возникло нечто обширное.

– Хакон! – Жан кивнул на пустой стул. – Садись. Здесь

хватит для обоих.

Скандинав понюхал бутылку и покачал головой.

– Держу пари, дома тебя ждет кое-что получше, только что доставленное... Господин командующий! – Он чуть поклонился. – Могу я сопроводить туда вашу милость?

– Высокопоставленные глупцы! Давай сначала прикончим эту, а? Может, еще возьмем?

Жан хотел было налить, но громадная рука остановила его.

– Это наша последняя ночь, Жан. На рассвете мы отправляемся в Рим. И Анна... – Он запнулся, но все-таки продолжил; – Анна хочет что-то сказать тебе. Что-то важное.

И Жан мгновенно протрезвел. Он встал и последовал за Законом. И с каждым шагом страх все больше овладевал им.

\* \* \*

В комнате пахло жареным мясом. Эрик усердно потрудился – и результат был уже на столе: две куропатки, глухарь, три голубя, скворцы, нанизанные на вертел, несколько кроликов, а в центре – четыре каплуна, уложенные в ряд. Имелось там и говяжье ребро – сочное, розовое, с золотящимся по краям слоем жира. И колесо плотного хлеба, колесо, достойное телеги размером с этот стол. И чаши с оливковым маслом, а рядом – круг козьего сыра, чья белизна проглядывала сквозь тончайшую оболочку.

Пять человек сидели за столом. Последние месяцы они питались жидкой ячневой кашей, которую приправляли солониной, пережившей зиму. Они глотали слюну, но ни один из них не осмеливался начать трапезу. Они смиренно сидели, опустив руки на колени и глядя на шестого. И этот шестой что-то рассказывал.

Анна говорила о своих видениях в потустороннем мире. Говорила просто, не останавливаясь на подробностях, но и не преуменьшая значение сказанного. Она начала с закрытыми глазами, мысленно вернувшись в те места, но по мере развития повествования поняла, что ей необходимо видеть. Видение являлось частью ее пути. Ей нужно было смотреть в глаза слушателей, чтобы знать, понимают ли они. Но только один человек, только тот, в ком она нуждалась больше всех, встретился с ней взглядом, и сила этого взгляда заставила ее запнуться. Она закончила рассказ простыми словами:

– Это все, что я видела, с первого момента до последнего. А теперь помогите мне.

Они ждали. Все знали, к кому обращена просьба. Ему придется ответить. Он тоже знал это. И наконец он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Другого истолкования нет?

– Я не вижу другого истолкования, отец. Шестипалая рука, если она останется непогребенной, станет источником великих бедствий.

Послышался громкий вздох.

– Я не провидица, но даже я знаю другое толкование. – Болезненная бледность Бекк особенно отчетливо была заметна при свете свечей. – Может быть, земля станет только лучше, очистившись от скверны. Буря вырвет из земли мертвые деревья, чтобы здоровые стали еще сильнее. Больное тело выздоравливает после пускания крови, – даже если ты и не веришь в это, дочка, весь мир пользуется этим средством.

– Да, не верю. Но, мама, важно то, что ты чувствуешь: за этим видением скрывается нечто важное. Скажи, я когда-нибудь ошибалась? – Не получив ответа, она продолжала: – Когда я увидела, что будет неурожай, мы стали экономно расходовать наши запасы и спасли самих себя и многих других. Когда чума была еще далеко от нас, я заставила всех уйти в горы. А когда Джанни болел, у меня были заранее выращены травы, благодаря которым он выжил.

– Значит, твое видение ограничено! – В голосе Бекк слышалась горечь. – Зачем было спасать того, который принесет такое зло? Для нас было бы лучше, если бы он тогда умер.

– Нет. Потому что тогда эта история еще не была написана. Она составлена из всего, что случилось потом. Каждый выбирает свою дорогу.

– А дорога Джанни? Ты лишаешь его права выбирать свой путь?

– Нет. – В отличие от матери Анна говорила спокойно. – Но я знаю, что должна остановить его на моем пути.

– Ты? Девчонка в восемнадцать лет?

– Дочь женщины, которая в восемнадцать лет спасла своего отца от камеры колдуна, а своего мужа – от палача! Дочь женщины, которая вышла замуж вопреки запрету отца. Дочь мужчины, который следовал своему пути до самой смерти и, избежав гибели, вернулся в мир живых. – Анна улыбнулась. – И ты хочешь, чтобы я отреклась от своей родословной?

Эрик грохнул по столу кулаком и сказал:

– Хорошо сказано, Анна.

Он всегда немного боялся Анну, его настораживала ее уверенность, пугали всевидящие глаза. Но он всегда восхищался отвагой этой девушки.

Бекк продолжала так, словно ее никто не прерывал: – Я заставлю тебя подчиниться нам. Я запрещаю тебе подвергать себя опасности в деле, давно уже похороненном, в деле, которое не имеет к тебе никакого отношения. Твой отец запрещает тебе. Если он не поднимет за это свой меч, то и ты откажешься. А все мы хорошо знаем: меч Жана Ромбо давно спит в своих ножнах.

Слова были сказаны, слова, которых никто не хотел слышать. И Бекк тоже хотелось, чтобы они никогда не были произнесены. Не только из-за их жестокости – они прозвучали как возмездие за сказанное Жаном на бастионах Сиены, – но и потому, что в них заключался скрытый вызов. Закон и Фуггер смущенно заерзали на стульях. Эрик отвернулся,

стал помешивать угли в очаге. Жан покраснел, у него выступил пот на лбу.

– Это так, отец? – Тихий голос Анны подействовал на отца точно удар. – После всего, что я рассказала, ты позволишь своему мечу спать?

И ему опять пришлось посмотреть на нее.

– Если я запрещу тебе ехать, ты послушаешь меня?

Секунду она колебалась.

– Я никогда не шла против твоей воли. Но я не могу отречься от своего предназначения. Меня воспитали люди, которые никогда не предавали свой долг.

– Тогда, кажется, у меня нет выбора. – Голос Жана окреп, ему даже удалось унять дрожь в руке и взять меч, лежащий на краю стола. – Пора проснуться, старина.

Сразу стало шумно. Трое мужчин выдохнули разом, как один человек. Хакон вскочил, хлопнул друга по спине. Эрик воспользовался моментом, схватил кролика и стал быстро обгладывать кость. Анна закрыла глаза, улыбнулась. Они не сразу осознали, что снова заговорила Бекк.

– Значит, ты опять сделал выбор. Прежде всего – твой долг, а семья – на втором месте. Эта королева, которую ты едва знал, из-за которой ты едва не лишился жизни, для тебя важнее. Ты не только выгнал сына из дома, но и преследуешь его своей враждебностью.

– Бекк...

– Меня зовут Ребекка бэт Абрахам. Меня предупреждали

о том, что будет, если я выйду замуж за чужака. Отец умолял меня вспомнить о наших традициях, но моя любовь к тебе ослепила меня. Какое-то время мы с тобой были счастливы – недолго... – Ее голос дрогнул, они видели, как она старается совладать с волнением. – Неважно. Теперь я наказана за мои грехи.

Бекк направилась к двери. Каждый шаг причинял ей боль.

– Мама, куда ты?

– Здесь есть люди моего племени. Я знаю некоторых из них, но всегда делала вид, что не замечаю их. Может быть, настало время искупить вину.

Анна оказалась рядом с ней, взяла Бекк за руку.

– Ты не можешь...

– Не могу? – Бекк в гневе обернулась. – Ты пытаешься командовать мной? Ты доказала уже, что в состоянии слушаться родителей, но, полагаю, даже ты не смеешь ими командовать. Пусти!

Анна повиновалась, и Бекк с усилием открыла дверь. На пороге она остановилась, оглянулась.

– Мне не нужен дар Анны, чтобы увидеть будущее, Жан Ромбо. Оно читается так ясно, словно рука Бога начертала на небе письмена. Если ты попытаешься перечить Джанни, твой сын убьет тебя, – и я не буду ждать известий здесь. Не буду...

Ее голос дрогнул, и она ушла, оставив свое зловещее предсказание витать в воздухе. Первым очнулся Фуггер.

– Я прослежу, чтобы с ней ничего не случилось. Анна собрала вещи матери, ничего не видя из-за слез.

Плащ, остатки лекарств, немного еды – все было уложено в мешок, и Фуггер ушел. Закрыв за ним дверь, Анна вернулась.

– Отец... – начала было она, но Жан поднял руку. Молча и быстро он поднялся и шаркающей походкой направился к кровати.

– На рассвете мы уйдем с остальными, Анна. Ты позаботишься об этом?

Хакон стоял у края стола, охваченный противоречивыми чувствами.

– Жан, – проговорил скандинав, – Бекк не сможет долго сердиться. Она поймет, что это должен сделать ты сам. Она...

Хриплый голос замер. Жан проковылял мимо друга, притворяясь, будто не слышит. Он повалился на кровать и укрылся одеялами. Запах Бекк, запах ее болезни окружил его. Он отвернулся к стене, чтобы никто не видел его слез.



## Глава 9. ПЕРЕКРЕСТОК

Дождь падал огромными каплями, лупя по насквозь мокрым плащам и оглушительно стуча по капюшонам. Струйки холодной воды проникали во все щели, сбегали ручейками по замерзшей коже. Густая грязь засасывала сапоги при каждом шаге. Сильный ветер дул навстречу путникам. Жану мучительно хотелось сесть верхом на лошадь, которую он вел под уздцы, но они находились в дороге уже целый день, и силы животного следовало поберечь на тот случай, если придется спешно убегать от того, что ожидало их впереди. Последний участок любого пути всегда кажется самым длинным, но никогда еще он не оказывался настолько затянувшимся, как этот вечерний переход к перекрестку дорог у Пон-Сен-Жюста.

Жан вспоминал, как в последний раз приближался к этому месту: тогда у него оставалась надежда, хотя тело его было истерзано. Ему обещали завершение: либо исполнение клятвы, либо смерть. На сей раз все обстояло совершенно иначе. Возможно, рука все еще там. Возможно, каким-то образом им удалось приехать раньше и его сын не успел осквернить место упокоения королевы. Тогда шестипалую руку можно будет перезахоронить где-нибудь в безопасном месте, а Жан получит наконец разрешение повернуть обратно. Однако не требовалось обладать предвидением Анны, чтобы по-

чувствовать: даже эта слабенькая надежда беспочвенна. Перекресток не обещает никакого завершения – только начало нового, еще более тяжелого пути.

Жан повернулся к дочери – так же, как и он, закутанной в плащ и согбенной, бредущей по воде, под порывами ветра. В течение этих двух недель гонки Анна старалась поддерживать его дух – во время штормов на море, бегства от засады грабителей в горах, на всех кишевших клопами постоянных дворах, если им везло, и в придорожных канавах – если нет. Теперь он видел, что даже ее запасы веры истощились, что дочь держится только силой воли, что ее терзают видения.

Пока он оценивал ее усталость, Анна, почувствовав его взгляд, подняла голову. Она вскинула брови. Он огляделся и одними губами произнес: «Уже близко», хотя толком ничего вокруг не разглядел. Непогода и темнота скрыли от его близоруких глаз даже край леса. Он видел только грязь на шаг впереди себя. До цели их могли отделять как несколько часов, так и всего минута.

А потом, словно невидимая рука внезапно перестала работать на помпе, дождь ослабел, а мгновение спустя и во все прекратился. Вокруг стало чуть светлее – сквозь обрывки туч глянула прибывающая луна. Путники остановились, сбросили капюшоны. Лошади ткнулись им в спины мордами. Ветер переменился и теперь дул в спину, став чуть теплее. Они повернулись к нему, радуясь возможности вобрать в себя хоть немного тепла.

Не открывая глаз, Жан предложил:

– Может, станем на отдых здесь, под деревьями? Обсохнем, а путь продолжим на рассвете.

Он надеялся, что Анна согласится, отсрочив неизбежность, которая их ожидает. Но в то же время он знал, что она не сделает этого.

– Думаю, что нам следует идти дальше, отец. И разве ты не сказал, что в Пон-Сен-Жюсте есть постоянный двор?

– Был.

К нему пришло воспоминание: взмахи клинков, умирающие люди, первое появление опасного врага...

– Возможно, его там уже нет.

– Давай надеяться, что есть. Вот и вторая причина идти дальше.

– Хотя бы сядем верхом. Лошади уже достаточно отдохнули.

Грязь засасывала копыта, но дождь прекратился, и ветер подталкивал их вперед. Лес начал редеть, некоторые деревья были срублены. Путешественники миновали убогую хижину, стены которой просели, а соломенная крыша защищала от непогоды еще хуже, чем капюшон. Сбоку от нее улавливалось какое-то движение: в загончике из грязи поднялась свинья, принялась к чужакам и снова улеглась. Жану показалось, что из дверного проема на них устремились глаза человека, но их взгляд тотчас погас. Жан и сам вырос в таких местах, в долине Луары, и прекрасно понимал, какой ужас

должно было вызвать появление незнакомцев в столь уединенном месте. Даже в лучшие времена проезжие люди бывали здесь редко. А в такую отвратительную ночь они могли быть только посланцами самого дьявола.

Дорога повернула между двух берегов, почти замкнувшись кольцом, а потом резко устремилась снова на север. Благодаря редким проблескам луны Жану удалось заглянуть вперед, и он увидел заросли терновника по обе стороны дороги.

Жан не знал, натянул ли он узду или же лошадь остановилась самовольно, но они застыли на месте как раз в тот момент, когда луна вынырнула из полосы туч и усеяла дорогу пятнами света, блеснув на перекладине виселицы и обломках металла. Клетка, сохранившаяся в воспоминаниях Жана, «рассыпалась почти полностью: осталась только верхняя часть, проржавевшая, расколотая, но все еще смутно напоминающая очертания человеческой головы, неопределенно повторяя линии носа, губ, подбородка. Она висела на перекладине, словно те головы, которые он за волосы своей рукой поднимал на эшафотах по всей Европе, демонстрируя вопящим толпам.

– Раны Господни!

Жан покачнулся, почувствовав, как Анна запоздало протянула к нему руку. Он упал с седла, соскользнув по крупу лошади; ноги его подломились. Он сидел на земле, в рыжей глине, и пялился на маску, из которой когда-то смотрел сам.

Годы внезапно съежились, и он вновь стал глядеть на мир сквозь эти прорези, снова ощутив прежний ужас. Истерзанные кости и вывернутые суставы – все раны, полученные им после той ночи, когда он вывалился на землю из этой клетки, – острой болью обожгли его тело.

В следующий миг Анна уже была рядом с ним. Она взяла отца под руку, помогла ему встать и привалиться к лошади, прижала к его губам оплетенную бечевой бутылку с вином. Жан сделал глоток, поперхнулся, выпил еще. Наконец его глаза понемногу просветлели, так что он смог ясно увидеть перед собой лицо дочери. Как ни странно, Анна улыбалась.

– Неужели это не тот перекресток?

Она говорила тоном ребенка, которому был обещан подарок в конце пути. Юмор висельников Анна Ромбо унаследовала от отца.

– К счастью, нет.

Жан выдавил из себя слабую улыбку и тряхнул головой, пытаясь разогнать туман. Затем он опустил взгляд – и его невеселое веселье моментально улетучилось. В самом центре перекрестка Жан заметил кучу разрытой земли, осыпавшейся в неглубокую лужу. Кто-то копался здесь. Копался совсем недавно, так что даже ливень не успел уничтожить следов.

Жан потянулся вперед и снова упал, запустив руку в затхлую воду, – она погрузилась по самое плечо. Пальцы заша-

рили по краю ямы. Он не думал, что так быстро наткнется на дно. Шкатулка с ее драгоценным содержимым была зарыта гораздо глубже – не менее глубоко, чем обычная могила. Здесь не оказалось ничего, кроме жидкой глины, воды и мелких камней. Ничего твердого, что могло бы его обнадежить.

Ромбо снова почувствовал руки Анны, подхватившие его под мышки. Он позволил дочери помочь ему подняться и опять устало привалился к боку лошади.

– Ее нет, Анна, – прошептал он.

Он не знал, к какой из двух Анн обращается: к той, что стоит рядом, или же к той, которой здесь не было.

Дочь прижимала его к лошади, ощущая, как содрогается его сердце, с каким трудом он дышит. Она знала, что Жана поддерживала только слабая надежда на то, что каким-то чудом рука все еще будет на месте, никем не потревоженная в своей неглубокой могиле, что сын французского палача не посягнет на клятву отца, что чудовище не восстанет из мертвых. Если бы все это оказалось так и поиски руки закончились, Жан смог бы вернуться в Тоскану, попытался бы помириться с Бекк, стал бы искать желанного и столь заслуженного им покоя. Анна надеялась на это и молилась об этом – как умела. Однако она не могла не понимать, что Джанни опередил их слишком сильно.

«Но которую из четырех дорог мы должны теперь выбрать?» – подумала она.

Ни Фуггеру, ни Эрику не удалось подслушать, куда имен-

но намерены отправиться осквернители могилы. Закрывать глаза и погружаться в мысленное созерцание бесполезно: видения показывали Анне последствия тех или иных деяний, но не распространялись на способы поиска недругов. В небе, среди обрывков туч, она увидела Полярную звезду, показывающую дорогу на север: именно за ней они следовали с побережья. Следует ли продолжить путь на север? Поскольку им с отцом не известны намерения ее брата, любое направление может оказаться противоположным истинному. Анна не в состоянии была почувствовать, где именно находится Джанни. Идти назад? Тогда они уже встретились бы с ним на дороге. На восток, который постепенно светлел, предвещая приближение дня? Вниз, в сторону гор, где им придется перебраться через несколько горных хребтов, чтобы в конце концов попасть в Италию и, следовательно, проникнуть в Рим, к сердцу его возлюбленной Церкви? Или... Именно в тот миг, когда Анна повернулась на запад, она увидела фигуру – силуэт, который девушка сначала приняла за часть мусорной кучи. Фигура отделилась от теней под виселицей, словно притянута светом луны: капюшон низко опущен, руки крепко переплетены на животе, спина прижата к деревянному столбу.

– Отец!

Вскрик дочери заставил Жана отскочить от лошади. Та испуганно шарахнулась к краю поля, увлекая за собой и второе животное. Жан посмотрел на Анну, проследил за направле-

нием ее руки – и замер. Наконец Жан прошептал:

– Он уже был здесь, когда мы подъехали, или только что восстал из-под земли? Он – исчадьё ада или человек?

Она шепотом ответила:

– Я не знаю.

Им удалось разглядеть, что на видении – коричневый плащ, что его голые ноги обуты в сандалии, а на коленях у него собралась лужица дождевой воды.

– Я подойду посмотреть. – Анна шагнула вперед.

– Нет. – У Жана так пересохло в горле, что слова прозвучали как шелест. Кашлянув, он возразил: – Пойду я.

Но сперва он вернулся к лошади, успокаивая ее тихими уговорами, и залез во выюк. Нашарил под мешковиной рукоять. Однако Жан не был готов взяться за меч. В седельной кобуре лежали пороховница и колесный пистолет. Он бережно высыпал немного свежего пороха на полку и опустил зубчатое колесико на кремь. Держа оружие перед собой, он осторожно двинулся к виселице.

Жан находился всего в шаге от нее, когда капюшон поднялся. Ромбо уже собрался выстрелить: нажал на спусковой крючок и почувствовал, как тот немного поддался. Стоит чуть увеличить давление – и вылетит искра и свинцовая пуля отправит этого демона обратно в тот ад, из которого он явился. Но тут демон заговорил. Он произнес всего одно слово.

– Ромбо, – сказал он, и под складками коричневой ткани Жан увидел перечеркнутое тенью лицо.



Хотя этому лицу самое место в каком-нибудь кошмарном сне, Жан знал: оно отнюдь не явилось прямо из ада. Ему не раз уже случалось видеть его – под взмахами клинков, сквозь пелену крови, через стены мучительной боли. Девятнадцать лет назад Жан думал, что видит его в последний раз: тогда оно рухнуло в эту же самую глинистую почву и кинжал Фуггера торчал из его глаза. И хотя Жан уже слышал о том, что этот полутруп все еще ходит по земле, его собственное имя, произнесенное Генрихом фон Золингеном, заставило бывшего палача застыть на месте, безуспешно пытаясь спустить курок.

Женский голос вторгся в тяжелое молчание:

– Это он, отец? Это твой мучитель?

– Мучитель. – Слово сорвалось с изуродованных шрамами губ так, словно говорящий пробовал его на вкус. Голос звучал бесцветно. – Я тебя мучил. Я собирался посмотреть, как ты умрешь.

– Какой договор ты заключил с сатаной, Генрих фон Золинген, что все еще продолжаешь жить? Здесь, на этом месте, девятнадцать лет назад, я считал, что вижу, как ты умираешь.

– Ну так можешь посмотреть, как я умираю сейчас.

С этими словами Генрих фон Золинген отнял руки, которые сжимал на животе, и лужица, которую Анна считала дождевой водой, внезапно наполнилась внутренностями и новой порцией крови. Лицо изувеченного побледнело, един-

ственный глаз закрылся.

– Нет!

Анна с криком рванулась вперед, так что Жан не успел ее задержать. Ее руки попытались повернуть вспять этот ужасный поток, остановить неумолимую волну смерти. Скользящие от крови пальцы Генриха сомкнулись на руке Анны с такой силой, что она не могла высвободиться.

Жан шагнул вперед с поднятым пистолетом, но жестом свободной руки Анна заставила его остановиться:

– Нет, отец.

Она никогда не могла выносить страданий – ничьих, будь то даже крыса в ловушке или бешеная собака. Вот и теперь она держала руку человека, который причинил невыносимые мучения тому, кого она так любила. Ее голос прозвучал мягко:

– Да пребудет с тобой мир, друг.

– Мир. Друг. – Он снова пробовал на вкус незнакомые его губам слова. – Я никогда не знал таких вещей.

– Возможно, скоро узнаешь.

Умиравший посмотрел сквозь девушку, мимо нее – вдаль и в прошлое, а потом снова обмяк.

– Мне говорили, что я грешник. Я даже могу вспомнить, почему меня так называли. Ромбо носит на теле шрамы, которые доказывают мою вину. Но... – Тут Генрих фон Золинген содрогнулся, и лицо его исказилось от боли. – Что-то произошло со мной здесь. Что-то случилось, когда кинжал

вонзился мне в голову. Тогда мне действительно следовало Умереть. Тот удар перерезал связь между грехами и их причиной. Они не причиняют мне больше ни стыда, ни радости. Они просто есть.

Его голос становился все слабее, веко трепетало, словно вот-вот готовясь закрыться. Затем его единственное тусклое око обратилось к Анне.

– Глаза у тебя такие же, как у брата.

Анна наклонилась к нему поближе.

– Ты его знаешь?

– Это ведь я привел его сюда. Он забрал то, что было здесь зарыто. И ударил меня ножом – вот сюда.

Его руки раздвинулись, выпустив новый поток крови.

– Ты лжешь. – Жан шагнул к Генриху, держа перед собой пистолет. – Не верь ему, Анна! Ты же знаешь своего брата. Кем бы он ни был, он не убийца. Он готовится стать священником!

Голос калеки зазвучал снова. Теперь это был сиплый шепот:

– Твой сын владеет клинком не хуже, чем ты, Ромбо. А может, и лучше. Трудно судить, потому что я не сопротивлялся. Он вернулся за мной, когда тот, другой, англичанин, уехал. Иезуит готов был оставить меня здесь, коль скоро я отказался уходить. Так что твое желание исполнилось. Ты можешь посмотреть, как я умру. На этой самой земле. Меня убила кровь от твоей крови.

Анна снова стиснула руку умирающего и накрыла ее второй ладонью, пытаясь согреть ледяную плоть.

– Друг, ты не можешь нам помочь? Куда он... – Девушка содрогнулась при мысли о своем брате и о том, что он здесь совершил: эти страшные раны не могло исцелить даже ее искусство. – Куда он увез то, что было здесь зарыто?

Анне показалось, что она опоздала: на запястье перестал биться пульс, и девушка ощутила, как над ней открылась дверь, как открывалась она для Джузеппе Тольдо, как откроется когда-нибудь для каждого из живущих. Шепча слова, которые должны были облегчить его уход, Анна вдруг почувствовала, как пальцы умирающего снова сжались сильнее, а губы зашевелились. Она наклонилась еще ниже.

– Что, друг? Что?

Все слова были сказаны. Всего несколько слов. А потом он ушел. Вне всяких сомнений, Генрих фон Золинген наконец умер.

Анна осторожно сложила его руки на животе и, выпрямившись, повернулась к отцу.

– Лондон, – объявила она, отправляясь за лошадьми. – Джанни повез руку в лондонский Тауэр.

Ее слова болезненно резанули по нему, окончательно убив слабую надежду на то, что здесь все-таки наступит конец, что он сделал все возможное, что ему дозволено не преследовать химеру, коль скоро он не знает, какое направление было избрано похитителями. Жан Ромбо вновь оказался на перепу-

тье – его дорога определена.

– Лондон, – проговорил он так же просто, как это сделал бы Генрих фон Золинген.

Место, где все начиналось. Лондон.

## Глава 10. ЛОНДОН

Опасность очевидна. Если Елизавета не предпримет немедленных действий в свою защиту, ее оборона будет прорвана. Но что ей можно сделать? Надежд все меньше, и каждая жертва обходится ей все дороже, а ему – все дешевле. На левом фланге белый ферзь Ренара продвигался вперед, угрожая ее королю. Теперь Лис пытался поддержать свою атаку, овладев центром доски. Вскоре ее поражение станет только вопросом времени.

Ренар диктовал ход игры – как и намеревался с самого начала. Играя белыми, он действовал, а его противница лишь отвечала – такова природа шахмат. Он вел эту игру только для того, чтобы подчеркнуть свое превосходство в их другой, гораздо более важной борьбе. Ферзь Ренара – королева Англии – грозил закончить игру Елизаветы, саму ее жизнь. И как на доске, так и в реальности Елизавете никак не удалось добраться до сестры. Мария продолжала отказывать ей в аудиенции, во время которой можно было бы молить о понимании. Борьба казалась безнадежной.

Нет! Принцесса с силой ударила ладонью по столу. Сдаваться – не в ее характере. Должен существовать другой путь.

Встав, Елизавета отошла к окну, словно высматривая этот выход сквозь толстое стекло в свинцовом переплете. Верхушки ив, растущих на берегу Темзы, раскачивались под

легким весенним ветерком над стеной, расположенной всего в дюжине шагов. Они казались такими близкими, словно достаточно протянуть руку – и пленница до них дотронется... Если бы окна не были накрепко заперты на засовы, если бы ворота в стене под окнами не были закрыты и не патрулировались, если бы Елизавета не оставалась по-прежнему пленницей здесь, в Хэмптон-Корте... Но она могла покинуть свои апартаменты только в тех случаях, когда кто-нибудь из облеченных властью решал, что ей позволено это сделать. И только три человека обладали такой властью: Мария, которую настроили против Елизаветы, Ренар, которому нравится держать ее поблизости, и...

Мысль об этом третьем заставила ее повернуться и снова посмотреть на доску. Несколько мгновений спустя она горько засмеялась.

– Да, – вслух проговорила пленная принцесса, – только в этом шахматы не соответствуют моей жизни, Ренар.

На доске она не в силах была добраться до короля Ренара. Однако в течение тех двух недель, которые прошли с начала этой партии, не было и дня, когда бы она его не видела.

Филипп. Она снова отвернулась от шахмат, обратив взор к окну, к теплу ясного дня, которое манило ее вырваться из клетки. Только накануне Филипп снова водил Елизавету в парк Буши напротив дворцовых ворот – в обнесенный стенами участок, который ее отец отвел для охоты на время своего пребывания в Хэмптон-Корте. Но вчера вместо гончих и

копий для охоты на оленей были ястребы. Филипп подарил своей молодой родственнице сокола, недавно прирученного и еще не проверенного монархами. Елизавета пришла в восторг, когда в первом же полете ее подарок взмыл высоко в небо, а потом стремительно понесся вниз и закогтил голубя. Ее сердце воспарило вместе с ним, и в мыслях она летела так же свободно в этом триумфальном побеге. Филипп почувствовал ее грусть, когда птицу взяли и снова надели на нее колпачок. Тихо, так что его могла услышать она одна, он прошептал:

– Скоро он снова полетит, миледи. Как и вы.

Филипп! Она тотчас представила его себе: его хрупкое сложение, утонченные черты, рыжеватую бородку. Эта картина вызвала у нее улыбку. Елизавета понимала, что ей не следовало бы испытывать к нему симпатию. Она знала, что ее союзникам ненавистна сама мысль о нем и об испанском союзе. Когда Филипп навел пленницу на следующий день после разговора с Ренаром, она пыталась держаться отстраненно, обращаться с ним с холодной любезностью. Однако его величество оказался отнюдь не надменным кастильцем, каким считали его невольные подданные, а образованным и чутким человеком, полным обаяния и обладающим недюжинным чувством юмора. Именно от Филиппа впервые за долгие годы Елизавета увидела доброе отношение. Он пообещал замолвить за нее слово перед королевой, он вывел ее из тесных комнат на свежий весенний воздух – в самое



чудесное время года ее любимой Англии. В тот первый день, когда он узнал, как она обожает скачки, Филипп одолжил Елизавете свою любимую кобылу. Его величество взял пленницу в парк Буши и продемонстрировал ей свое умение, собственноручно убив опасного оленя-самца, которого они загнали. Выказанную им храбрость одобрил бы даже ее отец.

Елизавета заметила, что держит белого короля, и быстро отдернула руку, вытирая пальцы о юбку, словно для того, чтобы избавиться от какой-то грязи. Ее впечатления о Филиппе не соответствовали реальности, потому что испанский король составлял часть плана Ренара – плана, направленного против нее. Более того, Филипп Испанский и был окончательной целью этого плана. Елизавета не упоминала об этом при разговоре с королем и уж конечно не спрашивала его об этом. Подобный вопрос был бы нарушением этикета. Да и в любом случае Филипп мог бы только отрицать такую возможность. Он всегда держался с Елизаветой исключительно в рамках приличий, с восхищением отзываясь о своей супруге-королеве и выражая неизменное уважение к ее стойкости и вере. Но несмотря на всю его благопристойность, когда они выезжали верхом или прогуливались по аллее вязов, которая тянулась у восточной части дворца, в паузах, наступавших после смеха или окончания какого-нибудь оживленного спора по поводу классиков (Филипп был столь же хорошо начитан в латыни и греческом, как и она сама), Елизавета порой ловила на себе его взгляды. И в этих взглядах, как и в тех, что

порой адресовали ей другие мужчины, она видела страсть – страсть, которая одновременно волновала и пугала ее.

Однако мысли о Филиппе не помогут ей в игре – в обеих играх! Вечером Ренар будет ожидать ее очередного хода. Она не видела посла с момента их последней, крайне неприятной встречи. С тех пор их контакт ограничивался обменом записками, содержащими ответы на очередной ход противника. Сосредоточившись, она стала искать способ переиграть его.

Существовал один ход, который на какое-то время ее защитит, – почти единственная ее возможность продержаться. Обмакнув перо в чернильницу, Елизавета уже наклонилась к столу, чтобы нацарапать несколько слов на куске пергамента, когда услышала, что в замке двери у нее за спиной повернулся ключ. Обычно примерно в это время Кэт, ее служанка, возвращалась в комнату с полуденной трапезой.

– Отнеси туда, Кэт, к окну. Я хотя бы смогу выглядывать за решетку моей тюрьмы. А потом можешь передать вот это сифилитику-Лису, да поможет ему Господь с каждым Днем загнивать все сильнее.

– Думаю, вы не обидитесь, если я не скажу «Аминь».

Принцесса выпрямилась, неспешно промокнула пергамент, вернула перо в чернильницу. И, уже готовая к разговору, повернулась к нему с улыбкой:

– Посол! Вы еще живы?

– Несмотря на ваши благие пожелания, жив. – Ренар на-

клонился в низком дверном проеме. – Мне можно войти?

– Кажется, вы обычно не просите разрешения. Пожалуйста.

– Ах, но... Видите ли, король говорит, что мне следует исправить свои манеры. – Ренар вошел с улыбкой на тонких губах. – В конце концов, когда-нибудь вы можете стать его королевой.

Елизавета напряглась.

– Я могу стать... королевой, это так, хотя – да хранит Богомю сестру и ее трон! Однако я благодарна его величеству за то, что он преподал вам урок этикета. Меньшего я от него и не ждала. Жаль, что он не слышал всего, что я о вас думаю.

Ренар пропустил ее выпад мимо ушей и принялся рассматривать шахматную доску. Несколько мгновений спустя он произнес:

– Значит, вы продолжаете угрожать. Хорошо. Нет, я не намерен отдавать вам своего рыцаря<sup>note 1</sup>. – Его тонкие пальцы сомкнулись на ладье, сняли ее с доски и передвинули на новую позицию. – Боюсь, что это означает шах и мат примерно в семь или восемь ходов.

– О, неужели мой ход был настолько удачным? – сказала Елизавета, становясь рядом с посланцем, который бросил на нее возмущенный взгляд, а потом заставил себя улыбнуться.

– Кстати о рыцарях, мне следует представить вам одного из моих. Входите, сударь! – позвал Ренар, поворачиваясь. – О, вы уже вошли! Какие они бесшумные, эти иезуиты!

Елизавета посмотрела в сторону двери, где теперь появился мужчина лет тридцати в черном, плаще с откинутым на спину капюшоном. Его темные волосы пронизывала седина, черты бледного лица были не лишены благородства. Незнакомец поклонился.

– Томас Лоули, ваше высочество. Ваш слуга.

– Благодарю вас за то, что вы используете в разговоре со мной это обращение, сэр. Немногие здесь это делают.

– Мой верный слуга выполнял одно мое поручение, – вмешался Лис. – Нет, поручение – это слишком слабое слово. Миссию? Ну, почти крестовый поход, не так ли, Томас?

Иезуит бросил взгляд на Ренара, а потом снова перевел глаза на принцессу. Теперь, оказавшись перед ней, Томас вновь ощутил болезненный укол, похожий на тот, который ощутил в Тауэрской часовне, возле могилы матери этой женщины. Однако его лицо осталось бесстрастным.

– Да, я считаю, что был занят богоугодным делом. В противном случае я не сделал бы того, что сделал.

В его словах, в самих интонациях его голоса прозвучало нечто намекавшее на сожаления. Елизавета уловила мольбу о прощении и почувствовала, как беспокойно этому порядочному человеку. Последнее только увеличило ее испуг.

Ренар продолжил:

– О да. Думаю, это вполне можно назвать крестовым походом. И гораздо более успешным, чем те, которые предпринимали наши славные предки. Расскажите ее высочеству, что

вы обнаружили во Франции, Томас!

Елизавета поняла, о чем пойдет речь, еще до того, как он заговорил, и это ужасное сознание заставило ее колени подогнуться. Принцесса почувствовала, что может упасть, и, чтобы удержаться на ногах, решила сделать шаг вперед, навстречу человеку, который смотрел на нее с такой печалью.

– Да, скажите мне, мастер Лоули. Что за гадкую вещь вы нашли, чтобы помочь моим врагам в их действиях против меня?

Елизавета порадовалась тому, насколько решительно звучит ее голос.

Его ответ был ровным, невыразительным.

– Мы нашли скелет руки, миледи. Он лежал в шкатулке, зарытой на перекрестке в долине Луары, под перекладиной виселицы.

– И какое это имеет отношение к нам?

– На той руке было... есть... шесть пальцев.

Это было ясно видно по честному лицу англичанина – так ясно, словно шестипалую руку въяве положили перед Елизаветой, словно она снова ощутила странное полузабытое прикосновение, которое являлось ей только как греза о давнем счастье. Теперь она все-таки пошатнулась, и иезуит подхватил ее, поддержал. Ей ненавистна была собственная слабость, из-за которой пришлось принять чужую помощь, чтобы добраться до стула. Но еще более ненавистно Елизавете было то, что ее слабость подарила послу минуту торже-

ства. Она ощутила его улыбку. Лисьи глаза устремились на добычу.

Однако Елизавета все же оставалась дочерью Генриха, и пусть ноги ей изменили, но разум остался ей верен.

– Ну, Ренар, так чего же вы ждете? Почему бы вам не продемонстрировать это... это богохульство и не покончить с угрозами?

– Миледи! Неужели наша игра ничему вас не научила? Я не кидаюсь на врага всеми силами. Я приближаюсь к нему осторожно, клетка за клеткой, пока успех не становится предрешенным. В отличие от вас, я не выдвигаю моего ферзя, пока у меня нет уверенности в победе.

Елизавета увидела шанс.

– Вы еще не видели это... осквернение, не так ли? У вас нет уверенности в том, как оно подействует.

– Да, я его не видел. Но вот этот мой надежный друг видел. – Ренар положил руку Томасу на плечо. – Сейчас оно находится в самом надежном месте королевства – в Тауэре. И самое главное – правильно выбрать время. Королева, бедняжка, еще не подошла к критическому моменту. Рука вашей матери окажет свое самое лучшее – или худшее – воздействие как раз в тот миг, когда ее величество потеряет всякую надежду. И тогда ничто вас не спасет. – Посол подался вперед, и его голос растерял всю свою ядовитость, стал медовым, что внушило Елизавете еще большее отвращение. – Но зачем говорить о столь неприятной возможности? Возмож-

но, я обманываюсь и королева разрешится от бремени здоровым ребенком, католическим наследником католического трона. И тогда ваше обещание выйти замуж за Филиппа – он такой благородный и красивый государь, не правда ли? – не будет иметь никакого значения. Мы просим от вас столь немногого: подписи, не больше тех каракуль с шахматными ходами, которыми мы с вами обменивались. – Ренар приблизился к столу, вынул перо из чернильницы и наклонился к пустому пергаменту. – Почему бы вам не расписаться прямо здесь, позволив нам позднее восполнить недостающие детали?

Елизавета встала, убедившись в том, что ноги снова надежно держат ее, подошла к столу, где взяла перо, подержала его в пальцах и снова вернула на подставку.

– Вы ведь знаете, что я не стану подписывать ничего, что может быть неправильно истолковано. Вы можете написать здесь предательство – и оставить под ним мое имя.

Ренар изобразил обиду.

– О, миледи! Неужели я способен на такое?

– Вы бы продали собственную мать в бордель, будь цена достаточно высока. Ну и, конечно, в том случае, если бы вам удалось узнать ее имя.

Странный звук, похожий на придушенное чихание, заставил обоих противников обернуться. Однако лицо Томаса Лоули оставалось все таким же бесстрастным, хотя в глубине глаз горели искорки.

– Ну что ж, миледи. – Голос Ренара обрел прежнюю ярость. – Посмотрим, как все пойдет. Королева услышит о вашем упрямстве, хотя пока мы не станем раскрывать все аспекты вашей несговорчивости. Ее величество узнает о том, что вы по-прежнему отказываетесь раскрыть свои предательские планы и не желаете умолять ее о помиловании! И Лис направился к двери.

– Если бы я смогла увидеться со своей любящей сестрой, она быстро убедилась бы в том, насколько я невинна.

Ренар резко повернулся и оскалился.

– Она не поверит ничему доброму о вас – дочери еретички-ведьмы, которая испортила ей жизнь! Скорее звезды упадут с неба, чем королева Мария согласится увидеться с вами. – Он приостановился, словно задумавшись. – Но вы хотели бы ее видеть, не так ли?

– Это – мое самое горячее желание.

– Тогда давайте исполним его. Пойдемте! – Ренар помянул Елизавету за собой. – Идите, не бойтесь. Я отведу вас туда, откуда вы сможете наблюдать за своей сестрой. Но берегитесь! Она запретила пускать вас к себе. Не пытайтесь навязать ей свое присутствие, иначе вас будет ждать нечто худшее, чем новое изгнание!

Когда оба противника вышли из комнаты, оба в самом решительном настроении, Томас с облегчением опустился в кресло у окна. Он не мог вспомнить, когда ему в последний раз удалось проспать больше одного часа. Наверное, на ко-



рабле из Тосканы. С тех пор тянулись бесконечные дни в седле: его юный спутник задавал неумолимую скорость. К перекрестку, потом – дальше. Сон стал недостижимой мечтой. Они прибыли в Тауэр перед рассветом – и с приливом Лоули сразу же отправился в Хэмптон, оставив Джанни охранять их добычу. Таков был приказ Ренара: держать останки в самой надежной крепости королевства. Хорошо хоть, что Томас не сможет вернуться туда до вечера. Это позволит ему ухватить несколько часов отдыха. Ему даже кровать не понадобится. Подойдет и спинка этого кресла.

Закрывая глаза, Томас Лоули улыбнулся, вспоминая ответ принцессы Ренару – намек на его незаконное происхождение. Иезуиту было жаль Елизавету – такую юную, окруженную врагами. Наверное, он и сам находился в числе ее врагов. Он сожалел об этом. Однако Елизавета как наследница означала возвращение страны к протестантизму, который был ему ненавистен и в борьбе с которым погиб его отец. Пусть Ренар действует хитростью. Как и все иезуиты, Томас знал, что цель оправдывает средства.

Такие средства, такие цели! Он содрогнулся и попытался встать. «Всего минута отдыха, – подумал он, когда его голова бессильно упала на спинку кресла. – Всего одно мгно...»

\* \* \*

Послу были известны такие переходы в этом дворце, ка-

ких Елизавете не удалось обнаружить и за сотни детских вылазок. Ярость гнала его вперед с немалой скоростью, и, хотя сама Елизавета предпочла бы двигаться более чинно, она была полна решимости не упустить представившейся возможности. Когда Лис наконец остановился перед портретом какой-то дамы – никому не известной предшественницы прочих дам в Длинной Галерее, – оказалось, что Елизавета не отстала от него ни на шаг.

– Ждите здесь, – отрывисто бросил он. – Слушайте и даже не вздумайте заговорить. Этот совет я даю вовсе не потому, что хочу добиться своих целей. Вы услышите, что королева о вас думает. И если она обнаружит, что вы за ней подсматриваете, то это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

С этими словами он нажал какой-то участок обшивки, и открывшаяся потайная дверь обнаружила за картиной тесную комнатку. Жестом Ренар велел Елизавете войти, и, когда она неохотно ступила внутрь, дверь за ней тотчас закрылась. Сначала принцесса решила, что Ренар вознамерился задушить ее: воздух в клетушке был крайне затхлым.

Но почти сразу же она заметила полоску света и, отодвинув ткань, приблизила глаз к отверстию размером в фартинг. Было очень странно понимать, что ее собственный глаз находится внутри глаза нарисованной дамы. Содрогнувшись, она помолилась, чтобы ожидание не затянулось.

Елизавета не привыкла к тому, чтобы ее молитвы были услышаны, и уж тем более так быстро. Послышались голоса,

затем в соседней комнате раздалися шаги – и перед ее глазом, прижатым к отверстию, предстала настоящая процессия. Вереница слуг несла какие-то предметы, которые Елизавета поначалу приняла за большие деревянные ящики. Затем, когда слуги поставили их на пол и отошли, эти коробки начали раскачиваться, и Елизавета узнала в них колыбели. Все они были вырезаны из древесины различных цветов. А потом до слуха принцессы донесся наконец голос, который был ей знаком и который она давно мечтала услышать снова. Голос сестры. Голос королевы.

– Милорд, идите же сюда и помогите мне выбрать. Боюсь, я совершенно растерялась среди этого разнообразия.

Елизавета попыталась найти взглядом источник этого голоса, но Мария оставалась за пределами ее поля зрения, чуть левее. Зато она увидела затылок и край бороды собеседника королевы.

– Все они чудесны, и каждая была бы достойна самого Спасителя.

Ренар наклонился, на мгновение пропав, а потом выпрямился и снова появился перед глазом Елизаветы.

– Вы действительно так считаете? Позвольте, я посмотрю поближе.

Елизавета не слышала голоса сестры почти два года и все-таки сразу отметила произошедшие в нем перемены. Однако и это не подготовило принцессу к тому зрелищу, что вдруг предстало ее взору. Королеву под обе руки поддерживали ее

фрейлины. Елизавета невольно ахнула – и тотчас увидела, как Ренар раздраженно дернул головой в ее сторону.

Мария никогда не была хорошенькой, и все же черты ее лица были мелкими и нежными, волосы – густыми, а кожа – розовой. Теперь ее бледные щеки стали одутловатыми, лицо покрылось пятнами и распухло, поредевшие волосы были непричесаны. Ее глаза – самое привлекательное, чем обладала Мария, – потускнели, и темные тени подчеркивали мрачное расположение ее духа. Королева пыталась вернуть им былое оживление и блеск, осветить их улыбкой, но это только подчеркивало ее напряженность. С помощью фрейлин она нагнулась, чтобы качнуть одну из колыбелек.

«Если она ждет ребенка, то все это можно еще объяснить. Но если Ренар прав в своих предположениях... Ох, какой ужас!»

Елизавете едва удалось подавить второй вздох. Она смотрела, как Ренар приникает к уху королевы и что-то нашептывает ей.

Мария отозвалась:

– Государственные дела, посол?

– Мне жаль затруднять ваше величество, но... Мария приподняла руку.

– Это – часть того груза, который приходится нести королеве. Можете посадить меня вон в то кресло, а потом оставьте меня.

Слуги исполнили ее приказ и, откланявшись, ушли. Ко-

ролева сидела лицом к портрету, позади которого пряталась Елизавета. На секунду принцессе даже показалось, что их взгляды встретились. Она не смела отвести взор, не смела опустить занавеску в нарисованном глазу. А потом Ренар шагнул ближе, и печальные очи Марии устремились на него.

– Эти дела снова имеют отношение к вашей сестре, ваше величество. Она просит, чтобы ее допустили свидеться с вами.

– Я не намерена ее видеть.

– Ей это передали, ваше величество. Однако она умоляет объяснить ей причину.

– Причину? Она требует, чтобы я объясняла ей причину? – Елизавета увидела, как на лице ее сестры отразилась горечь. – Скажите, чтобы она посмотрелась в зеркало. Там она увидит причину.

– В зеркало, ваше величество?

– Там отразится лицо ее шлюхи-матери, соединившееся с лицом человека, которого она околдовала, – моего бедного отца, да будет благословенна его память.

– Вы считаете, что на покойного короля действительно воздействовали магией?

– А как могло быть иначе? – Голос Марии перестал звучать так напряженно, наполнился страстью. – Он любил мою благородную матушку: об этом по-прежнему говорят его стихотворения, посвященные ей песни. Он любил Церковь – разве он не выступал против Лютера и не получил за это

титула «Защитник веры»? Однако он отвернулся от них обеих – от достойной королевы и Святой Церкви – ради этой... этой еретички Анны Болейн! Как она могла победить такое благородство, если не с помощью колдовства?

Ренар пристально посмотрел на картину – на Елизавету, – а потом вновь обратился к королеве и пробормотал:

– Вы ведь не считаете... Вы не поверите в то, что дочь могла унаследовать от матери не только внешность?

Казалось, на миг обе сестры затаили дыхание. Первой пришла в себя Мария. Понизив голос, она проговорила:

– Вы подозреваете подобное, посол?

– Я... не уверен. Просто мне показалось, что в последнее время ваш муж так ею увлекся... И вот я начал гадать, не могла ли дочь унаследовать от матери какую-то часть ее силы... Вот и все.

Мария попыталась устроиться в кресле поудобнее, заерзала, словно ей было неловко, – и вернулась к прежней позе, стиснув руки возле груди.

– Он говорит, что лучше быть с ней в дружбе, чтобы умирить королевство, и что между ними ничего нет, кроме братской дружбы. Однако он берет ее на охоту верхом и с соколами. Он проводит с ней в парках больше времени, чем со мной во дворце.

Любой мог почувствовать боль, которую таили эти слова. Елизавета мгновенно пожалела о полете своей охотничьей птицы.

– Я уверен, что мой благородный господин не имел в виду ничего дурного, – вкрадчиво проговорил Лис. – Если только... Но нет, это невозможно!

– Что, сударь? – Мария нетерпеливо подалась вперед. – «Если только» – что?

– Если только страхи вашего величества не безосновательны. Дочь могла унаследовать талант от матери, потому что ведьмы всегда передают свои способности. Способности к темным чарам – помимо юности, привлекательности фигуры и лица. Одной только внешности было бы недостаточно, чтобы заставить покинуть вас такого благородного, такого верующего, столь исполненного чувства долга властителя, как ваш отец... ох, простите, ваш супруг.

Стрела была послана метко. Елизавета увидела, как она попала в цель. У Марии вспыхнули щеки.

– О, найдите мне подтверждение этому, Ренар! Покажите, что она намерена занять мое место в постели моего мужа, что она хочет сесть рядом с ним на мой трон, использовать его семя, чтобы создать новую линию монарших бастардов, чтобы навсегда сделать мое государство протестантским, и я...

Мария вскрикнула и резко подалась вперед, прижимая руки к животу.

– От этой мысли мой ребенок забился. Позовите моих фрейлин, скорее!

– Помогите! Вы, там! Королеве дурно! Дамы поспешно

прибежали обратно.

– Отведите меня в спальню, – с трудом проговорила Мария, когда фрейлины подняли ее с кресла. Проходя мимо Ренара, стоявшего прямо рядом с картиной, она приостановилась и прошептала: – Мне нужны эти доказательства, Ренар. Я не захотела казнить ее как предательницу, как вы советовали мне в момент восстания Уайета. Но я сожгу ее как ведьму, если она применит колдовство против моего мужа, моего ребенка, меня.

С этими словами королева позволила увести себя из комнаты. Боль скрутила ее. Елизавета справилась с острым желанием выскочить из своего укрытия и броситься к ногам сестры, умоляя о милосердии. Ненависть, которую она прочла в глазах Марии, удержала ее на месте, заставила задохнуться. Каморка внезапно стала слишком тесной, словно стены и потолок навалились на пленницу. Но она не могла оторвать глаза от отверстия в полотне, не могла перестать смотреть на Ренара, который теперь остался один, застыв в глубоком поклоне, – так он провожал королеву, которую уносили из галереи. Когда дверь за женщинами закрылась, посол медленно выпрямился, и, не поворачиваясь к Елизавете лицом, приблизился к колыбелькам. Он принялся толкать их ногой, все пять по очереди, пока все они не начали качаться. Только когда последняя из них пришла в движение, он посмотрел на портрет, на Елизавету. Ей безумно хотелось опустить взгляд, отвести его в сторону, куда угодно. Однако она



так и не сумела оторваться от комнаты и того единственно-го, что двигалось в ней. Они качались вверх и вниз, туда и обратно, пустые, словно пять деревянных гробиков. Вверх и вниз. Туда и сюда.

# Глава 11. НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

– Мост! Лондонский мост! Все, кому сюда, двигайте, мать вашу!

Жана не могли разбудить даже крики перевозчика. Анна жалела, что его нельзя оставить в покое, а еще она жалела о том, что не может забыться сном вместе с отцом. Еще никогда в жизни девушка не испытывала такой усталости. Путь от перекрестка оказался еще более трудным, чем путь к нему. Несколько дней им пришлось провести на открытом суденышке, которое ветром носило по всему проливу. От Дувра до Грейвзэнда они ехали на едва ковылявших тряских клячах. А потом – эта поездка на лодке вверх по реке. Ветер морщил залитую лунным светом поверхность Темзы. Река качала людей на своей груди, убаюкивая и погружая в сон, из которого приходилось мучительно вырываться. Анна уже много раз закрывала глаза – и всякий раз, распахивая их, видела, как кто-то из их спутников осторожно придвигается к их вещам.

Ей хотелось присоединиться к Жану и заснуть навсегда. Однако это было невозможно.

– Отец! Мы приехали. Отец!

Жан резко проснулся и вскинул руку, чтобы защититься от удара, опускающегося из голубого небосвода его сновидения.

– Мы приехали.

Ему удалось подхватить свой мешок, не дав лодочнику вышвырнуть его на причал. Поддерживая друг друга, они вылезли. Как только лодка отошла, направляясь к противоположному берегу, Анна устремила глаза вперед.

– Это он? – тихо спросила она, указывая в туман. Жану не нужны были зоркие глаза Анны, чтобы знать, куда она указывает. Там плавали огни, разбросанные вокруг приземистых очертаний массивного здания, проглядывавшего сквозь мрак.

– Да. Лондонский Тауэр.

Они поднялись по лестнице, ведущей на пристань. Хотя была уже поздняя ночь и ощущалось приближение рассвета, здесь царило оживление. Факелы освещали товары, которые грузили на повозки – их тащили лошади или люди. Как только Жан с Анной появились на пристани, на них с криками налетели трое оборванных мальчишек.

– Эй, хозяин, мисс! Давайте я помогу.

– Я понесу их вещи!

– Нет, я!

– Проваливай, Джексон, щенок! Я их первый заметил. Анну научила английскому мать, но йоркширский говор Бекк был совершенно не похож на завывания этих юнцов. Она расслышала в потоке слов «таверна» и, подняв руку, сумела добиться относительной тишины.

– Нам нужна таверна. – Непонятные слова хлынули снова.

Перекрывая вопли, она крикнула: – И у нас нет денег!

Это было неправдой, однако она добилась нужного результата: мальчишки переглянулись, а потом двое убежали, чтобы атаковать другого пассажира, толстого монаха, который как раз поднялся по ступенькам и теперь начал отмахиваться от них, словно от блох. Третий мальчишка, самый маленький и грязный из троих, остался смотреть на Анну огромными глазами. Только они и были яркими на его замурзанной мордочке. Одной босой ступней он накрыл вторую, а его беспокойные руки то ныряли в надетые на нем лохмотья, то снова выныривали. Он отчаянно расчесывал тело, которое, как заметила Анна, было покрыто струпьями и язвочками.

– Нет денег, мисс? Так не бывает, чтобы совсем не было денег. Даже у меня есть фартинг.

На секунду в него в руке появилась монетка, блеснувшая в полумраке. Он подбросил ее, быстро поймал второй рукой и снова спрятал в лохмотьях.

– Состоятельный мужчина, Анна.

Она повернулась к отцу и, поймав на его лице быструю улыбку, попыталась вспомнить, когда в последний раз видела его улыбающимся.

Мальчишка пропищал:

– Это точно. Стоятельный, еще как. И лишней не бывает. – Он склонил голову набок. – Так сколько это – «нет денег»? Я могу достать вам за фартинг соломы, но это вам не очень-то

понравится. За пенни можно купить постель и делить ее всего с пятерыми. За пенни дадут и соломы только на вас одних, но только не очень-то она будет свежая. За монетку в четыре пенса – ну, за нее уж сыщете и комнату. А за шиллинг...

– А что мне дадут за это, дружок?

Пока мальчишка болтал, Жан запустил пальцы в разрез на шве своего камзола. То, что оттуда появилось, он спрятал в руке, а потом сделал вид, будто извлекает у мальчишки из-за уха.

Блеск золота поразил не только мальчишку, но и Анну, причем Анну – даже больше, чем его. Во время всего их путешествия отец ни разу не рисковал, утверждая, что безопасность им обеспечит только нищенский вид. И вот теперь он извлек целый флорин из их запаса в десять монет, да еще на темной улице, в незнакомом городе, перед уличным мальчишкой! Анна всерьез испугалась, не подхватил ли он лихорадку.

Монета мелькнула и исчезла, но ее блеск задержался в широко распахнутых глазах паренька. Его ответ прозвучал почти мрачно:

– Наверно, на нее можно купить дворец, мистер. Жан снова улыбнулся:

– Не обязательно. А вот постоянный двор, где найдется небольшая отдельная комната и еда, – да.

Казалось, теперь мальчишка опасается Жана, словно какого-то колдуна, но он взял Анну за руку и повел путников от

пристани в переулки – в лабиринт узких проходов, где не было никакого освещения и то и дело приходилось наступать на что-то, о чем они предпочитали не задумываться. Несмотря на мрак, мальчишка шел довольно быстро, и вскоре они вышли на более широкую улицу, где источником слабого света являлся фонарь, подвешенный над раскачивающейся вывеской. Когда они подходили к двери, поблизости зазвонил церковный колокол, отбив пять ударов.

– Саутуоркский собор, – пояснил мальчишка. – «Овен» совсем рядом.

Он постучал. Мгновение спустя за дверью раздались шаркающие шаги, послышались звук открываемой задвижки и какое-то бормотание.

– Постояльцы! – гордо объявил мальчик, протискиваясь мимо беззубого старика в ночном колпаке и халате. – Я их провожу.

Коридор привел их в главное помещение постоялого двора, где лежало множество людей, расположившихся на всех имевшихся там столах, стульях и свободном полу. Крупный мужчина с черными волосами склонил голову на сложенные руки, оседлав пустую стойку. Рядом с ним валялась опрокинутая оловянная кружка. Он отмахнулся от мальчишки, попытавшегося его разбудить, но когда открыл глаза и увидел посетителей, то мгновенно проснулся. Мальчишка и кабатчик (который сразу почувствовал к посетителям искреннее расположение) повели Анну и Жану в глубину постоя-

лого двора. Открылась очередная дверь, раздалась шумная ругань – и из комнаты изгнали какого-то мужчину.

Ирландский выговор кабатчика был таким же ядреным, как лондонский – мальчишки.

– Ну вот, сэр и мадам. Лучшая комната «Овна».

Лучшая комната оказалась крошечной, с низким потолком. Оконный проем закрывала ткань. Однако солома на высокой лежанке выглядела достаточно свежей. Жан и Анна становились единственными ее обитателями. Им обещали еду. В обмен им пришлось отдать большую часть их запаса английских монет. Жан оставил себе две – фартинг и четырехпенсовик – и дождался, пока хозяин постоялого двора не ушел, закрыв за собой дверь.

– Как тебя зовут, паренек?

– Джексон, сэр.

Мальчик уставился на руки Жана, зная, что в каждой из них зажата монетка.

– Ну что ж, Джексон. Вот эта, – тут он вручил мальчишке фартинг, – пара к той, что у тебя уже была. Что удваивает твое богатство. Это – за те услуги, которые ты нам уже оказал. А вот эта... – он помахал четырехпенсовиком над головой у парнишки, который следил за монетой взглядом в тусклом свете лампы, – эта – за твое молчание и будущие услуги. Надеюсь, ты хорошо знаешь город? Отлично. Тогда приходи завтра, вернее, сегодня в полдень. Мы воспользуемся твоими знаниями.

Когда онемевший от изумления паренек ушел, Анна повернулась к Жану.

– Разумно ли это было, отец? Теперь мальчишка знает, что у нас есть золото. Разве он не может поделиться этим знанием с другими?

Жан улегся, положив под голову свой дорожный мешок.

– Разумно? Я отказался быть разумным, когда согласился на эту поездку. Теперь, когда мы здесь, постараемся сделать все, что сможем, и побыстрее. Я здесь не знаю никого и ничего. Этот мальчишка послан нам судьбой, чтобы стать нашими глазами и ушами. Засыпай. Давай до завтра больше не думать об этом.

Впервые в жизни Анна слышала, чтобы отец говорил о каком-то предначертании. Жан никогда прежде не был таким. Ему не свойственно рисковать так, как он только что сделал. Размышляя над этим, она уже готова была заснуть, когда Жан заговорил снова:

– И потом, разве он не напомнил тебе Джанни в том же возрасте?

Сказав это, Жан тотчас заснул, но Анна, несмотря на усталость, еще какое-то время лежала без сна. Имя брата вызвало в ее сознании его образ, и она попыталась ощутить его присутствие в этом незнакомом городе. Но то ли она была слишком утомлена, то ли Джанни скрывался за стенами, созданными не только из камня, но и из его собственного сопротивления. Сестра так и не смогла его отыскать.



В конце концов Анна провалилась в беспокойный сон, полный видений.

\* \* \*

Ворона пролетела бы это расстояние всего одним взмахом крыльев. Для Джексона путь оказался куда более трудным: дорога вела по грязным улицам Саутуорка, и даже в столь ранний час в тених таилась опасность – здешние обитатели, мужчины и женщины, не имеющие ничего, готовы напасть на любого, у кого водятся хоть какие-то крохи. Даже уличный оборванец мог стать соблазном для обездоленных, поэтому мальчик передвигался медленно, внимательно осматривая каждый вонючий проулок, открывавшийся перед ним. Он ступал по самому центру мостовой, там, где проходила сточная канава и крысы грызли отбросы. Только оказавшись вблизи от цели, Джексон ускорил шаги и преодолел остаток пути бегом. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил его на открытом месте перед медвежатником. Тяжело дыша, мальчик привалился к широкой побеленной стене, которая поднималась на три этажа у него над головой. Человек, к которому пришел Джексон, жил где-то в этом здании – оно принадлежало ему, – но мальчик понятия не имел, где именно находятся его комнаты.

Громкий звук, раздавшийся по ту сторону стены, заставил маленького оборванца вздрогнуть и отпрянуть. За зве-

риным ревом последовали завывания собак и звон натянувшихся цепей. К рычанию и лаю присоединился человеческий голос. Черета проклятий, щелканье кнута – и собаки с визгом отскочили, а медведь взревел в последний раз и тоже замолк. Идя на голос, изрыгающий брань, Джексон пришел к большому деревянным воротам. Они оказались закрыты, но рядом имелась небольшая калитка – приотворенная. Мальчишка осторожно просунул голову в щель...

– Попался!

Чья-то рука опустилась ему на шкуру, сгребла лохмотья. Ветхая ткань затрещала, но не разорвалась. Вторая рука сжалась на запястье мальчика и утащила его в темноту.

– А я-то гадаю, что это мои звери не спят! – Голос звучал резко. – Теперь понятно: они учуяли завтрак!

Испуганный вскрик Джексона был встречен смехом. Вырваться из мощной хватки оказалось невозможно. Пленника втащили под арку, проволокли мимо расставленных Рядами лавок, к открытому пространству, устланному соломой. Собаки снова завывали. Мальчишку бросили на землю, и над ним навис силуэт мужчины с занесенным кулаком.

– Ну-ка я на тебя погляжу. Только пошевелись, и, клянусь брюхом шлюхи, я тебя на месте убью.

Джексон воззрился на нависшую над ним фигуру. Слабый свет отражался от лысой головы, четыре шрама параллельными линиями пролегли по одной стороне лица. Одно веко было порвано и сморщилось, подбородок порос седой ще-

тиной. Шея были покрыта складками жира, на обнаженной груди виднелись многочисленные рубцы – некоторые свежие, другие поблекшие. Джексон отдал бы сейчас все, лишь бы сбежать от этого чудища, однако тело отказалось ему повиноваться. Он мог только неподвижно лежать на соломе.

– Заткнитесь!

Лицо повернулось к собакам, которые моментально прекратили влзаивать. Человек снова наклонился к лежащему ничком мальчишке.

– А ты воришка, да? Разнюхиваешь, чтобы твои приятели пришли меня обокрасть? С кем ты работаешь? Демпси? Флемы?

Последние слова сопровождались тычком сапога, носок которого врезался в ребра мальчика. Джексон увернулся и на согнутых ногах, которые наконец кое-как начали ему повиноваться, бросился в центр арены.

– Нет-нет, нет! Ни с кем. Я пришел... пришел... Огромный мужчина шагнул к нему и снова подтолкнул его сапогом.

– Ну? Зачем? Зачем? Сам по себе, украсть? Думал, старик спит, да? Я никогда не сплю!

Джексон шумно стукнулся о деревянный барьер.

– Нет, пожалуйста! Я пришел к Урии. Занесенный для очередного удара сапог медленно опустился на землю.

– А с чего ты решил, что Урия захочет видеть такого крысеныша?

– Потому что... – Джексон утер сопли и слезы. – Потому

что у меня есть для него формация, вот почему!

– Информация! – Великан захохотал, а потом наклонился, так что его обезображенное лицо почти дотронулось до трясущихся коленок мальчишки. – И ты думаешь, будто Урии не известно все, что можешь знать ты, и гораздо больше? Будто у него нет на улице своих людей – настоящих мужчин, а не сопливых мальчишек, – своих глаз в каждой таверне, в каждом борделе, в каждой лавке! И они сообщают ему обо всем, что стоит знать!

– Он еще не мог узнать, потому что они только приехали!

– Кто приехал?

– Лягушатник с дочкой. Они дали мне четырехпенсовик.

– Четырехпенсовик? – Крупная сумма для подобного мальчишки. Это заставило мужчину прислушаться к его словам. – Покажи-ка его мне.

– Я его спрятал, сэр. На улице.

– Умный парень. Или лжец. Может, мне тебя перевернуть вниз головой и проверить, кто ты на самом деле?

Громадная ручища потянулась за ним, и Джексон подался назад, насколько ему позволяла деревянная стенка.

– Четырехпенсовик – это еще что, сэр! – отчаянно выпалил он. – У лягушатников есть золото. Куча золота!

Толстые пальцы застыли в дюйме от его лица.

– Золото? – Единственный зрячий глаз великана всмотрелся в жалкого гостя. – Но почему ты решил сказать об этом Урии?

Джексон вздохнул спокойнее. Он почувствовал, что завоевал внимание великана.

– Потому что я хочу на него работать. Даже четырехпенсовика мне надолго не хватит. А вот доля от лягушатникова золота... – Мальчишка даже попытался улыбнуться. – Это могло бы стать взносом ученика.

– Ну-ну, – протянул великан. – Ты меня заинтересовал, парень.

Джексон медленно выпрямился, стряхивая с лохмотьев солому и собачье дерьмо.

– Так... э-э... вы отведете меня на встречу с Урией, а?

– Ты с ним уже встретился. – Огромный мужчина вновь приблизил к нему лицо. – Я – Урия Мейкпис.

\* \* \*

Шесть из двенадцати полуденных ударов колокола уже отзвучали, когда дверь распахнулась.

У Жана не было времени замереть, испугаться, решить, что он все еще спит. Какой-то мужчина летел прямо на него, так что Ромбо встретил нападавшего ударом в грудь обеими ногами и успел убрать лицо с пути клинка, который скользнул по оштукатуренной стене. Резко выпрямив ноги, Жан толкнул первого человека прямо на второго, еще стоявшего в низком дверном проеме.

И только потом пришел ужас, но испуганный крик Жана

потерялся в воплях нападавших и возмущенном голосе дочери. Анна схватила стоявший на полу кувшин с вином и бросила его в третьего мужчину, попытавшегося перепрыгнуть через двух упавших товарищей. Кувшин попал негодяю прямо в лицо и разбился. Новый нападающий рухнул на первого, который как раз начал вставать.

– Отец! – крикнула Анна, одним движением схватив меч в ножнах и перебросив его Жану.

Он поймал меч обеими руками – за рукоять и конец – и сразу парировал направленный на него удар. Атакующий упал на кровать, и Жан несколько раз сильно стукнул его на вершием рукояти. Первые два удара прошли мимо: Жан попал по плечу и спине. Но потом тяжелая рукоять соприкоснулась с черепом раз, другой, и тело обмякло, придавив ноги Жана к кровати. Анна стояла прямо, размахивая ножом, который она извлекла из своего дорожного мешка. Один из нападавших поднялся с пола и остановил ее удар своим, пригнувшись для атаки.

– Нет! – завопил Жан.

Вскинув меч над головой, он резко дернул оружие вперед, так что жесткие кожаные ножны слетели со стального клинка, ударив мужчину по виску.

Теперь палаческий меч с тупым концом был обнажен, и шансы в тесной комнатухе склонились в пользу Жана. Тем более что никому не было видно, как дрожит рука француза.

Грубый голос нарушил тишину; он исходил от массивного

человека, который едва поместился в дверном проеме:

– Вот и посылай мальчишек на мужскую работу!

Гигант шагнул внутрь, раздвигая в стороны двух нападавших коротким стволом аркебузы, которую он держал в руках.

– Ну что, мне пустить ее в ход, лягушатник? – Конец ствола наклонился в сторону Жана, так чтобы тот увидел фитиль, поднятый над полкой. – Или ты согласишься отложить этот... – Голос осекся, не завершив бранного слова. – Откуда у тебя меч палача, а? – Изборозженное шрамами лицо выдвинулось в полосу света, падавшего из окна. – Единственный человек, у которого был такой... Клянусь всеми... Не может быть! – Ствол аркебузы задрожал и опустился. – Ромбо?

Жан с трудом оторвал взгляд от грозившего ему смертью металлического жерла. Обращение по имени донеслось до него словно издалека, из иного мира. Жан ошеломленно уставился на узор шрамов, глядя поверх трясущегося клинка.

– Да это же я! Поверить не могу! Эх, да опустите вы оружие, отребье! – Великан снова обратился к французу: – Ромбо! Это Урия. Урия Мейкпис.

Имя принесло с собой яркое воспоминание – город, охваченный огнем.

– Урия?

– Он самый. – Едва заметный поклон. Изувеченная голова

вновь повернулась к двум подручным, взиравшим на него с изумлением. – Вон. И захватите с собой этого дурня.

Они поспешно кинулись выполнять приказ, поднимать тело жертвы Жана, сволакивать его на пол. Тем временем Урия добавил:

– И пришлите нам бутылку вина. Пусть мальчишка его принесет. И передайте Магоннагалу, чтобы прислал хорошего. – Он улыбнулся. – Потому что это – случай особый.

Когда мужчины ушли, Анна опустила нож. Два давних знакомца рассматривали друг друга в безмолвном удивлении. Наклонившись, девушка подняла с пола ножны и накинула их на меч, который неподвижно лежал у Жана в руках. Урия оценивающе осмотрел ее темные волосы, глаза, фигуру.

– Недурную ты себе нашел спутницу, Ромбо. Поздравляю. Миленькая девица для такого старикана, как ты.

Похотливый взгляд англичанина помог Жану окончательно прийти в себя.

– Это моя дочь. Анна, это Урия Мейкпис. Он... мой давний коллега.

– Я помню это имя. – Анна Ромбо посмотрела прямо в покрытое шрамами лицо. – Вы были палачом в Мюнстере. Вы пытались помочь моему отцу убежать. Дали ему кинжал наемного убийцы.

– Какой кинжал? – Англичанин наморщил лоб. – А, вспомнил! Пистоль. Полезная была безделушка. С тех пор



мне не раз случалось жалеть, что ее у меня нет. Нет, ну надо же, Мюнстер! – Урия покачал головой. – Как тебе удалось уцелеть? И погоди... Погоди-ка, теперь я вспомнил! Ты появился там с рукой той мертвой королевы. С шестипалой рукой чертовой Анны Болейн! – Он рухнул на лежанку рядом с Ромбо. – Ромбо, тебе определенно есть о чем мне порассказать. И что, ради тощих яиц иезуита, ты делаешь здесь, в Лондоне?

Жан заглянул в глаза давнего приятеля: один – исковерканный шрамом, второй – яркий. В этом человеке все говорило о старой дружбе – за исключением его глаз. И Жан вспомнил: хотя Мейкпис и помог ему тогда, в Мюнстере, сам он при этом ничем не рисковал. А сейчас только что пытался его ограбить и убить.

Жан опустил взгляд, тщательно подбирая дальнейшие слова (потому что Мейкпис мог бы стать полезным источником информации), и тут заметил на тыльной стороне огромной кисти англичанина какую-то странную фигуру.

– А это что такое, Мейкпис? Наколот букву «У», чтобы не забыть собственное имя?

– Это? – Урия поднял руку так, чтобы Анне тоже стала видна буква, занимавшая половину кисти. – Это клеймо. – Он негромко засмеялся. – Оно показывает, что я – Божий человек. Священник, никак не меньше.

– Священник? – Настала очередь смеяться Жану. – Ты поменял профессию! И сегодня пришел, чтобы дать нам спа-

сение?

– Нет уж. Мой значок показывает, что я – священник, который, увы, согрешил. «У» означает не мое имя. Сокращенное «убийца». Однажды я уже совершил этот грех. Если я повторю его снова, то уже так легко не отделаюсь.

– Думаю, это тебе следует пояснить. Мейкпис вздохнул.

– Не очень красивая история. Может, твоя прелестная дочка...

– Я только что провела пятнадцать месяцев в осажденном городе. Ухаживала за мужчинами и женщинами, которые... Ну, если мне когда-то и требовалось, чтобы истории были красивыми, то только не сейчас.

– Вижу, щенок уродился в старого пса! Хорошо, расскажу мою историю, хоть, может, все-таки и пропущу кое-какие... э-э... неприглядные подробности. А, вино! – воскликнул Урия, когда открылась дверь и дрожащий Джексон внес в комнату бутылку. – А вот и причина нашей новой встречи, Ромбо. Новый работник моего дела.

Стараясь не поднимать глаз, мальчишка поставил поднос на пол и поспешно попятился к двери.

– Похоже, он в чем-то раскаивается. Придется это из него выбить, если он намерен на меня работать. Ужасная штука – раскаяние. Совершенно бесполезная, правда, Ромбо? Если бы мы раскаивались из-за каждой головы, которую отрубили...

Урия жадно выпил и снова налил себе полную чашу.

Остальные едва пригубили.

– Человека не клеймят как убийцу за казнь преступника, Мейкпис.

Жан покачал вино в кубке.

– Да. И если тебя не поймали – тоже. Мне не повезло, вот и все. Видишь ли, вот как все было. – Урия Мейкпис осмотрелся и понизил голос. – У меня был напарник. Сэмюэль Брайтуайт. Сэм проворачивал множество разных делишек. У него имелся медвежатник неподалеку отсюда – очень выгодное дельце. И еще пара постоянных дворов и э-э... – Англичанин бросил взгляд на Анну. – И два дома для ночных дамочек. А еще он делал поставки в Тауэр. Вот что было доходнее всего. Там, почитай, небольшой город: дворцовые слуги, гарнизон. Заключение. Всем нужно еды, пива, вина. О да, он там недурно устроился. Но стал жадничать, забыл об осторожности. Слишком много воды в вине, слишком много прокисшего пива, мало подмазывал нужных людей. Вот это нас и добило, потому что контракта добивались многие. Мы его потеряли. И я был не слишком рад.

– И вы его убили?

В ответ на пытливый взгляд Анны Урия грустно улыбнулся.

– Убил. – Он пожал плечами. – Но не из злости, понимаете? Это было по-деловому. – Он вздохнул и разлил по кубкам остатки вина. – Проблема заключалась в том, что при мне не оказалось того ножичка, который я тебе подарил, Ромбо.

Тот бы справился с делом как надо. А этот дурацкий кинжал только скользнул по кости. Он умирал целых два дня – и успел сказать страже, кто это сделал. Меня схватили в одном из моих собственных борделей и привели к судье. Я уж решил, что встречу с конопляной тетушкой.

– Урия ухмыльнулся, – тут я вспомнил одно важное церковное правило: если ты можешь доказать, что ты – священник, то избежишь наказания за преступление.

Жан улыбнулся:

– Мне кажется, никто бы не поверил в то, что ты – священник, Урия.

Англичанин подался вперед, обхватив жирными пальцами свою шею.

– Но в том-то и дело. Я мог это доказать. Не знаю, как оно бывает в других странах, но у нас в Англии, если ты грамотный, значит – все, священник. И тогда можешь требовать для себя того, что называют «привилегией сана».

– А ты разве умеешь читать? Урия расхохотался.

– Нет, конечно! Но в том-то и прелесть, Ромбо! Этого и не нужно! Если только память у тебя работает. Потому что они обязательно просят человека прочесть одно и то же. Пятьдесят первый псалом, стих первый. Прodeкламируй его на память, держа перед собой открытую книгу, – и ты свободный человек. Ну, только прижгут клеймом, чтобы во второй раз ты бы этим уже не воспользовался. – Он помахал рукой. – Дешевая плата, скажу я тебе. Его называют «шейным сти-

хом». Советую выучить.

Урия встал и продекламировал:

– «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». – Он опустил голову. – Прямо слеза прошибает, до того красиво. Так что я оказался на свободе. А у нас с Брайтуайтом был составлен договор – на другое мое имя, конечно. Составлен по всем правилам, и в одном пункте говорилось, что, если один из нас умрет, второй получает все – бордели, постоянные дворы, медвежатник. Так что я стал единственным владельцем. И жил неплохо, если не считать маленькой неприятности с медведем, когда зритель приболел. – Он потер шрамы у себя на щеке. – А в целом без партнера даже лучше. Вся прибыль идет мне одному. Я даже вернул себе часть контракта на поставки в Тауэр. Я привожу туда всю еду и напитки по особым случаям. И теперь наблюдаю за казнями, вместо того чтобы их исполнять. Кстати, завтра там сожжение. Опять жгут еретиков.

Урия запросто улыбнулся своим слушателям, а потом уселся между ними, переложил клейменую руку Жану на колено.

– А теперь, Ромбо, услуга за услугу, рассказ за рассказ. Вы оказались в Лондоне, ты и твой меч. Взял новый заказ, а? Хотя здесь сейчас твоему искусству предпочитают возню мясников с топорами. Значит, кто-то с королевской кровью? – Он поскреб подбородок. – Для Джейн Грей ты опоздал на

год, и я не могу припомнить никого, достойного твоих талантов... и твоих цен... Кроме разве что... – Внезапно оживившись, Урия так и подался к Жану. – Если только ты не приехал, чтобы сделать для дочери то же, что сделал для матери! Принцессу Елизавету собираются укоротить, да? Мы уже довольно давно этого ожидаем.

Жан перевел взгляд с любопытного лица давнего знакомого на милое лицо дочери. Анна едва заметно покачала головой. Она доверяла этому человеку не больше, чем сам Жан. Тем не менее Урия имел доступ в то самое место, куда они пытаются попасть. Ведь, по словам Генриха фон Золингена, Джанни направлялся именно туда – в Тауэр. Вот почему Жан начал рассказ о сыне, отбившемся от рук, – хуже того, переметнувшись к фанатикам веры. Поведал и о том, как они проследили его путь до самого Лондона, где надеются встретиться с ним и, если понадобится, даже похитить, дабы избавить от оков, которые римская католическая Церковь наложила на сердце мальчика.

– Поистине печальная история, Ромбо. – Мейкпис задумчиво провел пальцами по шрамам. – Сам я никогда не имел детей... Ну, по крайней мере, таких, которых бы я признал своими. Но я понимаю, сколько горя они могут причинить. – Тут он опять глянул на Анну. – И доставить радость, конечно. – Он снова поскреб подбородок. – Так я прав? Тебе понадобится помощь, а?

– Ты можешь устроить нам доступ в Тауэр?

Мейкпис встал с лежанки, открыл дверь и, громко потребовав еще вина, повернулся обратно, к собеседнику:

– Ты – мой старый товарищ, Ромбо, и я бы сделал все, чтобы помочь тебе – тебе и твоей красавице-дочке. Но то, о чем ты просишь, поставит под угрозу меня самого. И мое дело. Я не иду на риск, если только...

– Если только это не сулит тебе выгоды. – Жан кивнул. – Ты уже знаешь, что у нас есть немного золота, – ты ведь из-за него навел нас нынче утром, правда? Ты можешь получить... почти все, если сможешь нам попасть к моему сыну. Пять золотых флоринов из семи, что у меня остались.

– Пять флоринов? Ну и ну!

Мейкпис остался дожидаться у двери и принял бутылку, которую ему поспешно сунули. Затем подошел к Жану, чтобы подлить ему вина. Его взгляд скользнул по кровати и тому предмету, что лежал поверх соломы.

– Меч Ромбо, – проговорил англичанин. – Разрешишь? – Поставив бутылку, он взял оружие и обнажил его. – Все так же хорошо, не так ли? Какая балансировка! – Урия сделал резкий взмах и присвистнул. – И какая же это обида, что в нашем королевстве только ты да я знаем, как им пользоваться! В наше время нет спроса на такое качество. – Английский палач еще раз взмахнул мечом над самой головой Жана. Усилием воли тот сдержал дрожь. – Знаете, мисс, ваш отец когда-то отдал мне это оружие за тот самый нож, о котором вы упомянули. Это было... почти двадцать лет тому

назад. А потом его у меня перекупил один турок, янычар. И каким-то образом он снова попал к тебе, Жан! – Мейкпис повторил взмах. – Потом я жалел, что продал его. Деньги – это, конечно, деньги, но этот меч... Я все думал, как хорошо бы он смотрелся *н* а стене в моем постоялом дворе.



## Глава 12. В ЗВЕРИНОЕ БРЮХО

– Возьми его.

– Отец!

– Нет, дитя. – Жан повернулся к ней. – Этот меч один раз привел меня в Тауэр – и вот теперь делает это снова. Оба раза были связаны с горестями для меня и тех, кого я люблю. С меня хватит печалей. – Жан снова обратился к Урии. – Я больше не стану пускать его в ход. Забери его.

Мейкпис спрятал меч в ножны, плюнул себе на ладонь и протянул руку. Жан тоже плюнул на ладонь. Они обменялись рукопожатием.

– Договорились! Сегодня я буду в Тауэре: повезу продукты к обеду, который состоится накануне сожжения. Выясню, действительно ли твой сын находится там, и если это так, то мы проведем тебя внутрь завтра, на сожжение. Кто знает? Под прикрытием всего этого дыма ты, может быть, даже сможешь его увезти. Ты ведь однажды украл оттуда руку – самую знаменитую руку королевства! Так что сумеешь выкрасть и паренька.

Жан опустил глаза туда, где сплелись их руки. Его большой палец согнулся вверх кисти, касаясь запечатленной на тыльной стороне ладони буквы, самого центра «У». Рука убийцы. А левой Урия продолжал размахивать тупоконечным мечом. Сотни раз Жан Ромбо видел, как поднимался и

опускался этот меч. И теперь молился о том, чтобы больше никогда этого не увидеть.

Джанни Ромбо протащил по тарелке кусок мяса, рисуя в жирной подливке кресты. Он попытался использовать эти узоры для того, чтобы сосредоточиться на молитве, свести все мысли к привычному утешению латинских фраз, но его внимание всякий раз рассеивалось из-за надоедливого гнусавого голоса.

Симон Ренар! Как может такой человек быть столпом Церкви в Лондоне? Хвастун, не признающий ничего, кроме собственной гениальности! И что именно этот Защитник истинной веры так настойчиво пытается узнать от Джанни? Ренара не интересует желание молодого человека искоренить ересь, ему нет дела до его мечты стать мучеником. Нет! Этому человеку нужна только история шестипалой руки. Лис слушал так жадно, словно был всего лишь придворным сплетником. А больше всего его интересовали роль Жана Ромбо, действия Жана Ромбо, грехи Жана Ромбо. И только когда ответы Джанни сделались краткими до невежливости, послу стало скучно – и он обратился ко второму обедавшему, Томасу Лоули.

Слуга наклонился к Джанни, чтобы забрать его едва тронутую еду. В этот момент на ближней башне колокол пробил полночь. Именно этот час Джанни наметил как предел своей вежливости. Он встал.

– Прошу меня извинить...

– Полагаю, молодым людям требуется сон.

– Мне предстоит два часа молиться, милорд Ренар. А потом я должен бодрствовать до рассвета. Капеллан попросил меня в последний раз попробовать убедить приговоренных раскаяться.

– А, да. – Ренар повернулся к Томасу. – Как я слышал, вам удалось привести одного из этих несчастных протестантов к истинному свету. Вы намерены присоединиться к вашему рыаному юному другу в его благих трудах?

Иезуит негромко проговорил:

– Нет, не намерен. Мальчик был молод, он поддавался убеждению. Остальные закоснели в своей вере.

Джанни бросил на него возмущенный взгляд.

– В своей ереси. Вера – это то, что имеем мы. Разве вы забыли?

Томас повернул спокойное лицо к возмущенному юноше.

– Конечно. Я просто имел в виду, что они не согнутся. И теперь мне остается лишь молиться за их души.

«А я могу не только это», – возбужденно подумал Джанни, кланяясь и направляясь к двери.

Сначала он помолится, потом – поспит. Ему надо хорошо отдохнуть перед завтрашней церемонией. Ведь ему обещана там особая роль!

Когда дверь за молодым человеком закрылась, Ренар сказал:

– Я слышал, что вы плакали, когда грешник раскался,

Томас. Вы – и выказали какие-то чувства! Неужели это чудо действительно свершилось?

– Была спасена не просто жизнь молодого человека, но и его душа. Да, я нашел это трогательным. – Томас улыбнулся. – И в Риме говорят, что основатель нашего ордена, Игнатий Лойола, плачет по три раза в день. Он называет это «даром слез». Неужели я должен пренебречь его примером?

– А еще в Риме говорят, что слабость иезуитов связана с их испанскими корнями. Разве кардинал Карафа не называет Испанию «беспородной нацией евреев, смешавшихся с маврами»?

Спокойное звучание голоса посла резко контрастировало с блеском его глаз: выпитое возбудило его не меньше, чем разговор.

Однако Томас не намерен был продемонстрировать Лису свои чувства.

– Я – англичанин до мозга костей, милорд. И разве вы сами не служите королю Испании?

– Значит, иезуит способен попасть в цель? Наконец-то у нас началась игра! Превосходно!

Ренар подался вперед, чтобы наполнить вином чашу Томаса. Тот поднял руку, остановив его.

– Но вы же сегодня почти ничего не выпили, Томас. Ни вы, ни наш юный друг.

Ренар вылил вино себе в чашу и сделал долгий глоток.

– Может быть, он, как и я, боялся распустить язык, ми-

лорд.

Эти слова сопровождались быстрым взглядом вдоль комнаты, где сновали слуги, занимавшиеся тарелками, вином, камином.

– Уж не осуждение ли я слышу в вашем голосе... иезуит? – Последнее слово прозвучало с неожиданной резкостью. Подняв свою чашу, Ренар добавил: – Вы хотели сказать, что вино сделало меня неосторожным?

– Я не позволил бы себе критиковать вас, милорд.

– Ну конечно, не позволили бы! Прямое нападение вам не свойственно. Вы сидите в стороне с вашими наблюдениями, суждениями, рассеянным взглядом... – Он вплотную приблизил к Томасу разгоряченное лицо. – Я развязываю язык только тогда, когда могу это сделать без всякого риска! Неужели вы думаете, что кто-то из этих простолюдинов, – тут он махнул рукой в сторону слуг, – знает хотя бы слово по-французски или по-итальянски? Вы забыли о необычайной склонности ваших соотечественников к невежеству. Эти животные едва способны изъясняться на своем родном языке!

Лис повернулся к концу стола, где один из слуг собирал тарелки в стопку.

– Посмотрите вот на этого! Вот на этого громилу, которому не хватило ума убрать свою жирную рожу подальше от зверя, оказавшегося лишь ненамного глупее его самого! Эй ты, Бык! – крикнул Ренар, обращаясь к гиганту. – Ты знаешь хоть что-нибудь, кроме сточной канавы, где живешь? А?

По окончании потока французских слов слуга поднял голову с недоумевающим лицом, как бы смутно догадываясь, что эта тирада была адресована ему.

– Еще вина, сэр?

Ренар улыбнулся и ответил на его языке:

– Да, почему бы и нет? Мне нужно развязать язык!

Он посмотрел на Томаса, который чуть наклонил голову – как от него и ожидалось. Едва Ренар одержал победу, его лицо снова приняло выражение привычного спокойного пренебрежения.

– Итак, о чем мы говорили? Ах да, о сходстве двух моих слуг в желании иметь ясную голову и сдержанный язык.

– Возможно, в этом – единственное наше сходство, милорд.

– Опять критикуете, Томас?

– Нет, просто высказываю мысль.

– Но ведь вам не нравится этот итальянец? Почему? Он кажется почти таким же набожным, как и вы.

– Уверен, что это так. Но его вера темна. Похоже, она основана... – Томас немного поколебался, но все же договорил: – На ненависти.

– Тогда как ваша на... На чем? На любви? Значит, это любовь спасла сегодня того молодого еретика?

– Да, мне так кажется. Но не моя. Я – всего лишь проводник любви Нашего Спасителя.

– А завтрашнее сожжение? Вы его осуждаете?

– Нет... милорд. Я... не могу осуждать. Казнь прискорбна, но... порой меч бывает необходим. И пламя.

– А этот юноша, этот Джанни, он остер. Он – обнаженный меч, да? Тогда как вы, Томас, вы – меч, окутанный бархатом. – Ренар захохотал, откидываясь назад, чтобы слуга, вернувшийся с вином, смог наполнить его чашу. – Джанни... Ромбо. Вы заметили, как неохотно он говорил о своем отце?

– Я заметил, что вас заинтересовала эта тема, милорд.

– О да. Меня интересуется этот палач. Меня всегда волнуют загадки. Когда маленькие люди вмешиваются в великие события. Чудовище с мечом палача заполучило руку королевы – и, судя по рассказам, это была больше чем королева и больше чем рука, – заполучило и зарыло на перекрестке дорог во Франции! Зачем? Разве вас не снедает желание раскрыть эту тайну? И это еще не вся история, далеко не вся. Даже наш немногословный друг дал понять, что за ней таится гораздо большее. Нет, любые сведения, которые мне удастся собрать об этой истории, могут только помочь мне в моей... моей игре с принцессой Елизаветой.

Тонкие пальцы посла пробежали вверх-вниз по острым костям хитрого лица. Темные глаза Лиса смотрели в огонь, и в их глубине отражалось пламя.

– О да. Я бы многое дал, чтобы встретиться с палачом, казнившим Анну Болейн.

«Сколько именно?» – подумал Урия Мейкпис, следуя за имперским посланцем вдоль внутренней стены крепости. Несмотря на свой внушительный рост, он двигался осторожно, прижимаясь к стене, – в отличие от человека, который шагал впереди в туфлях на каблучках с металлическими набойками, постукивавшими о булыжники в самом центре дороги. Не считая нужным хранить тишину, Ренар даже напевал на ходу какую-то испанскую балладу. Ибо – что может случиться с ним здесь, в каменном сердце королевства?

Урия знал, куда направляется Ренар, как знал и все покой гостей крепости, как добровольных, так и невольных. До недавнего времени Мейкпис поставлял провизию для всех. Ему было известно, где располагаются комнаты Ренара. Для Урии не составляло тайны, что Ренара в качестве одного из основных советников королевы часто призывали на заседания совета, которые происходили на верхних этажах Белой башни. Являлся Ренар и на пытки, которые проводились в глубинах той же башни, и на казни, которые совершались перед ней, на лужайке. И та казнь, которая должна состояться на следующий день, – не исключение.

Урия посмотрел в сторону Садовой башни, где три фигуры в плащах жались к жаровне. Он поднял руку в приветственном знаке и получил ответный: в этих стенах его при-



выкли видеть. Однако присутствие стражников подтвердило правильность составленного им плана. Лучше не подходить к Ренару у них на глазах, а подождать, пока тот не окажется у Соляной башни. Урия знал потайную лестницу, которая приведет его незамеченным прямо к дверям спальни посла.

От плана пришлось срочно отказаться, как только Урия перевел взгляд обратно, на мощеную дорожку, теряющуюся в сумерках. В те секунды, когда он поднял голову, чтобы помахать стражникам, преследуемый исчез. Двигаясь стремительно, Урия остановился у башни Вейкфильда. Он услышал журчание Темзы, текущей через ворота Предателя, и собрался было двинуться дальше, когда до него донеслись новые звуки. Первый принес чувство облегчения, второй заставил улыбнуться. Соглядатай заглянул за угол стены и убедился в своей правоте: посол, чью чашу Урия держал наполненной весь вечер, стоял на верхней ступени каменной лестницы и, напевая, облегчался в воду прилива.

– Славная ночь для этого, не так ли, милорд? – проговорил Урия, отступая от стены.

– Шлюхин сын! – вскрикнул Ренар, одной рукой хватаясь за шпагу, а второй пытаясь заправиться, так и не закончив своего дела. – Кто это? Я кликну стражу!

– Не стоит тревожиться, милорд. Это всего лишь я, Урия Мейкпис. Прошу прощения, что помешал.

И он сделал еще шаг вперед, поднимая фонарь, который до сих пор прятал под плащом, и поднося его к своему лицу.

Ренар, который уже почти справился с застезжкой, обнажил шпагу и вытянул ее вперед. Щуря глаза, он посмотрел поверх клинка.

– Я тебя знаю?

– Надеюсь, сэр. Я подавал вам вино всю ночь. Урия не могла решить, когда у посла было более забавное выражение лица: сейчас или за несколько мгновений до этого.

– Но ты говоришь по-французски!

– И по-итальянски, хотя не так бегло, как раньше. И, кстати, по-немецки. Наемнику полезно знать несколько языков помимо родного.

Ренар немного успокоился.

– Значит, ты был наемником, а теперь ты – шпион. А это что? – Шпага устремилась к руке Урии, в которой тот держал фонарь. Ее кончик уколол в центр буквы «У», так что вытекла капля крови. – И к тому же убийца! Думаю, мне все-таки следует позвать стражу.

Урия лизнул ранку.

– Если я и шпионил, милорд, то только для того, чтобы оказать вам услугу.

– Вот как! – Ренар шагнул вперед, держа шпагу перед собой и заставляя Урию отступить. – И какую же услугу ты собрался мне оказать?

– Ваше превосходительство за ужином выразили желание познакомиться с неким палачом королевы.

– Да?

Еще один шаг вперед, еще один шаг назад.

– Он – мой друг, – продолжал Урия.

– Неужели? И насколько хороший друг?

Шпага уперлась в камзол Урии на уровне груди. Тот даже не посмотрел на нее.

– Ну, не бесценный, милорд. Определенно не бесценный.

\* \* \*

Хотя солнце встало всего час назад, Лондонский мост уже был заполнен народом. Однако не это шумное, суетливое человеческое море замедляло шаги Жана, и не тяжесть тележки, нагруженной бочонками с элем Урии, заставляла его тяжело дышать. Это сделал всего один взгляд, брошенный в пространство между зданиями. Жан поспешно отвел глаза, но было уже поздно. Башни Тауэра заполнили его мысли воспоминаниями. Они нависали над рекой, серые и суровые, и Ромбо с трудом заставил себя двигаться дальше. Ему стало холодно.

– Какой сегодня день?

Его хриплый голос донесся до чернобрового мужчины, шагавшего впереди, – ирландца, хозяина «Овна» и подручного Урии. Магоннагал – так его зовут.

– Чего? – хмыкнул тот. – Какого-то святого, ты об этом? Тут каждый день – какого-нибудь чертова святого. Эй, с дороги! – крикнул он идущему впереди, а потом снова обер-

нулся и добавил: – Святого Экспирия, покровителя плуга и чертова сева. Девятнадцатое мая.

Жан это знал. Конечно, знал. Подсознательно ему хотелось об этом не помнить.

– Отец! В чем дело?

Анна встревожилась. Должно быть, его лицо мучительно исказилось.

– Ни в чем, дитя, ни в чем. Помоги ему толкать тележку. Я вас догоню.

«Девятнадцатое мая! Тот самый день! Как такое могло случиться?»

Девятнадцать лет тому назад в этот самый день он в последний раз побывал в крепости, к которой сейчас приближался. Девятнадцать лет прошло с тех пор, как он отрубил Анне Болейн голову и дал клятву, забрал ее знаменитую руку и отправился в свой долгий путь. Сколько жизней затронула та клятва, сколько смертей она принесла? А еще – рождение девочки, которая сейчас встревоженно оглядывалась на него с моста, и мальчика, который, по словам Урии, ждал их впереди. Девятнадцать лет – и круг замкнулся, путь привел к самому началу, рука вернулась. Все эти страдания – и впустую!

Жан окаменел, и толпа с руганью обтекала его неподвижную фигуру. Вся его жизнь вдруг представилась ему пустой насмешкой, отвратительным маскарадом, разыгранным какими-то своевольными, непонятными богами. Он был их ма-

рионеткой, игрушкой. И вдруг Жан ощутил твердую уверенность в том, что этот маскарад приближается наконец к развязке. Его вызвали обратно на сцену, чтобы он мог умереть.

Его толкали со всех сторон, и он невольно сделал шаг вперед, потом – еще один. Тележка застряла в толпе, и Жан догнал своих спутников в тот самый момент, когда Магоннагал грозил какому-то возчику кнутом. Тот уступил дорогу громадному ирландцу, и они двинулись дальше.

Анна прикоснулась к плечу отца.

– С тобой все в порядке? Может, нам остановиться или вернуться? – Посеревшее лицо отца испугало ее. – Может, нам вернуться сюда в другой день?

– Это – тот самый день, дитя. Единственный день.

Анна отвернулась, не в силах больше смотреть на него: ведь она не могла отделить его страхов перед будущим от своих собственных.

Когда они сошли с моста, толпа стала гуще: все, кто подходили по сливающимся с главной дорогой улицам, направлялись к крепости. Урия сказал им, что на прошлой неделе во время сожжения на холме перед Тауэром начались волнения. Сочувствующим едва не удалось освободить еретиков, так что власти решили больше не рисковать.

– Их будут сжигать внутри, перед избранными зрителями, – объяснил англичанин. – Что гораздо лучше для меня. За стенами открывается настоящая ярмарка, где каждый может поставить лоток с едой. За стенами – мои уголья и пуб-

лика побогаче, которая готова хорошо заплатить за удовольствия. И знаете, что забавно? – Улыбка англичанина стала еще шире. – На обезглавливании все требуют пирожки, конфеты – одни только сладости. А вот на сожжении всем хочется жареного мяса! И чем горел ее, тем лучше. Может, запах такой в воздухе, а?

Анне был неприятен этот человек, так что она обрадовалась, когда он ушел вперед еще до рассвета, чтобы «вертела крутились», как он пояснил. Однако они вынуждены были довериться ему. Ее отец хочет, чтобы все закончилось прямо сейчас, сегодня. Так что им нужно добраться до Джанни, захватить руку, если удастся, и снова бежать. Казалось, Жан знает предел своих возможностей и чувствует, что этот предел уже совсем близок.

У первых ворот толпа была гуще всего – стражники многих отправляли назад. Магоннагал показал им бочонки на тележке, передал один страже – и их пропустили. Они пошли следом за другими привилегированными через маленький подъемный мост ко вторым воротам. За ними подъемный мост большего размера вел к большой башне.

– Байуорд, – пробормотал Магоннагал. – Оттуда до места казни уже рукой подать. И там я наконец дам передохнуть плечам.

Основная часть зрителей потекла вперед, вдоль реки, а ирландец повел своих спутников налево и остановил тележку у небольшой деревянной двери в стене рядом с высокой

четырёхугольной башней.

– Бошамп, – пояснил он, три раза ударяя в дверь. – Так мы окажемся прямо на месте, и не надо будет продираться через эту чертову толпу.

За дверью отодвинулись задвижки, и появились два подручных Урии, которые немедленно покатали бочки вперед, в темноту. Жан, приостановившийся в дверях по приказу Магоннагала, тоже схватил бочонок и двинулся следом за другими в башню.

– Слишком много призраков, – пробормотал он у входа. – Я не могу останавливаться и здороваться с каждым!

Тем не менее, следуя за людьми Урии по выложенному каменными плитами коридору, он не мог не вспоминать. Анна Болейн провела свою последнюю ночь в Бошампе. Именно в этих каменных стенах он дал ей свое клятвенное обещание.

Девятнадцать лет спустя, когда он снова вышел на дневной свет, картина была другой. Тогда на казни присутствовало едва ли сто человек, избранные из избранных, всеми правдами и неправдами добившиеся права присутствовать на убиении королевы. Сейчас же на лужайке покачивалось не меньше пятисот голов, разместившихся между южной стеной и приземистой массивной Белой башней. И точка обзора у Жана была теперь другой, потому что тогда он стоял спиной к часовне, на покрытом соломой эшафоте. Небольшая толпа доходила прямо до края помоста. Сегодня часовня оказалась слева от Жана, и перед ней не было деревянно-

го помоста – только четыре столба, врытые в траву полукругом, да огромная гора наколотых дров в центре. Все это охранял двойной ряд солдат, вытянувшихся до самой Белой башни. Рядом с тремя столбами стояли люди в грязных кожаных фартуках и грубых, похожих на мешки масках с овальными прорезями для глаз. Каждый держал молоток, гвозди и железный обруч.

– Ну, и куда, к дьяволу, запропастился этот парень? – Магоннагал посмотрел поверх толпы, затеняя рукой глаза от утреннего солнца. – А! – воскликнул он, и Жан посмотрел туда, куда тот указывал, – в сторону угла Белой башни, где уже поднимался дым.

Сильный восточный ветер разносил его над толпой, принося первый запах горелой плоти. В центре людского водоворота Жан разглядел огромную фигуру Мейкписа, который, скинув камзол, сновал между двумя вертелами, подгоняя мальчишек, вращавших их, и поливая жиром две бараньи туши. Подливу Урия зачерпывал большой ложкой из желоба между двумя кострами. Жан увидел, что Мейкпис заметил их – по крайней мере, Магоннагала, который размахивал высоко поднятой палкой с красной тряпицей. Подняв ложку в знак приветствия, Урия повернулся к кому-то, кто стоял рядом с ним, но за дымом Жан не смог рассмотреть его собеседника.

– Эль! – провозгласил ирландец, стуча палкой по бочонку. – Лучший сладкий эль из «Овна» в Саутуорке!



Те, кто стояли рядом, тотчас начали напирать на них, размахивая деревянными кружками и мелкими монетками. Жан и Анна, стиснутые толпой, поднялись по ступенькам.

Он как раз повернулся к дочери, собираясь в тщетной надежде спросить, не видит ли она Джанни, когда звуки труб заглушили его слова. Они раздались из глубины Белой башни, и при этом сигнале ее массивные, кованые железом двери широко распахнулись, словно звук прятался за ними. Последняя нота еще эхом отдавалась от стен, когда к ней присоединился новый звук – глухая дробь одного-единственного барабана. Все взгляды устремились на темный портал, откуда вытекало шествие. Его возглавляли копейщики, облаченные в алые камзолы и черные трико – мундиры охраны Тауэра. Четыре шеренги по пять человек в каждой. Пики они несли опущенными, и толпа быстро расступалась перед остриями, образуя коридор. Позади копейщиков шел барабанщик, дробью задавая темп движения. За ним шествовали пять трубачей, которые несли молчавшие теперь трубы, опустив их вниз. Затем следовали священники – шестеро, в белых сутанах. Трое тащили черные шелковые знамена, расцеленные белым крестом, где в правом верхнем квадрате поднимался Агнец. Один раскачивал кадило, из которого летели клубы благовонного сандалового дыма, двое сжимали громадные алтарные свечи с защищенным от ветра пламенем. Четвертый звонил в тяжелый колокол. Все шестеро на ходу пели по-латыни «Miserere» стройными, заунывными голоса-

ми.

В толпе начались крики: за священниками показались те, на чью смерть пришли посмотреть. Четверо осужденных были одеты очень просто, как паломники, в простые накидки. Они шли босиком. У троих – одного огромного мужчины и двух женщин – руки были связаны за спиной, тогда как четвертый, юноша, единственный, кто плакал, сжимал в свободных руках полено. Рядом с каждым из осужденных фигура под капюшоном держала молитвенник. Спрятанные под тканью лица наклонялись к пленникам, в тенях шевелились губы. Только мужчина в черном плаще, шагавший рядом с юношей, молчал, держа руку у него на плече.

– Почему он несет полено, отец? Что это означает? – спросила Анна.

– Он раскаялся. Так что он несет хворост. Этого юношу сегодня не сожгут.

А вот и конец процессии – отряд лучников, следовавший за несколькими богато одетыми мужчинами, членами совета. Тем временем головная часть шествия уже достигла ряда солдат, выстроившихся перед местом казни. Те расступились, и стражники и священники разошлись между столбами. Плачущий юноша бросил свое полено, и облаченный в черное утешитель увел его прочь. Остальных осужденных схватили палачи в масках. Они сковали их железными обручами, которые были прибиты к центру столбов. Вокруг каждого столба начали складывать пирамиду поленьев, которые

укладывались поверх груди сухого хвороста. Снова зазвучали трубы. Когда их призыв замолк и священники закончили песнопения, ударил барабан. Один удар, два, еще один.

Двое сопровождавших под капюшонами, которые все это время молились рядом с грешниками и увещевали их, теперь отошли и встали позади советников. Третий, находившийся рядом с огромным еретиком, двинулся в противоположную сторону, к жаровне, где ему вручили зажженный факел. Подняв его высоко над головой, он в такт ударам барабана медленно двинулся к первому столбу – к мужчине, от которого он только что отошел и чьи губы продолжали шевелиться в непрерывной молитве. Толпу сковала тишина – настолько глубокая, что на фоне барабанного боя и щелканья шелковых знамен на ветру, на фоне шепота мучеников слышно стало потрескивание пламени.

В ту минуту, когда факельщик сбросил капюшон, Анна схватила Жана за руку и вскрикнула так, словно ее ударили ножом. Ему не удавалось проникнуть взглядом за клубы дыма, отделявшие его от места казни, не удавалось разглядеть то, что увидела дочь. Однако невозможно было не узнать голоса, который зазвучал в следующий миг, – невозможно, хотя Жан и не слышал его уже три года, хотя он и стал ниже и потерял былую тосканскую резкость.

– Взгляните на Божий суд! – крикнул Джанни Ромбо и ткнул факелом в костер.

Эти слова что-то сломали у Жана в груди. Время замедли-

ло свой ход, как всегда бывало в приближении Смерти, но на этот раз Жан не находился в центре водоворота силы, он оказался с края и не мог пропустить его через себя. Мир утратил звуки, и все вокруг происходило очень медленно и безмолвно. Жану Ромбо оставалось только смотреть, как дочь тихо двинулась вперед, мимо него: вот она поднимает одну ногу и ставит ее на землю, поднимает и ставит вторую, ее губы произносят имя, имя, имя ее брата. Как будто имя, даже если выкрикнуть его во весь голос, сможет остановить этот ужас! Жан знал, что в ее мире остались звуки, что сейчас они неистово вырываются из уст толпы, рванувшейся вперед, чтобы лучше видеть происходящее. В том мире руки, которую он поднял – слишком медленно и слишком поздно! – было бы достаточно, чтобы остановить ее. И хотя ему казалось, что Анна еле движется, она вдруг исчезла. Время от времени ее темные волосы мелькали в толпе, через которую она пробивалась.

– Нет!

Жан кричал.

Снова один из Ромбо стоял в самом темном центре этого темного царства, орудие Смерти и ее жертва. Однако что такое было его отчаяние? Лишь жалкий шепот перед лицом огромной грозы, шепот, который был подхвачен ветром и утоплен в реве толпы, вновь зазвучавшем в полную силу. Жан повернулся направо, где к нему пробирался Урия, который словно плыл по морю шапок. Жан повернулся налево и

успел увидеть, как Магоннагал достает из-за бочонка дубинку и делает первый шаг в его сторону. Внезапно он понял, что его предали, и повернул назад. Но его дети были впереди, и как раз в этот момент по толпе прокатилась очередная волна, подтолкнув Жана сзади. Перед ним все еще оставался намек на проход, в который нырнула Анна. Жан позволил толпе увлечь себя туда же. И тотчас стоявшие позади него люди затопили проход, словно прилив, прорвавший каменную стену.

– Анна! – закричал Жан. Тщетно.

Каждый следующий шаг давался Анне все труднее: заслон плоти впереди становился все плотнее, но ей необходимо было прорваться сквозь него. Потому что это не ее брат стоял там, наслаждаясь смертью. Это не он сунул факел в костер, не он ударил ножом немца на том перекрестке. Не оставалось сомнений в том, что Джанни одержим дьяволом.

Анне Ромбо надо только заставить толпу расступиться, надо добраться до центра лужайки, окутанной клубами дыма, ей надо быть там, чтобы вырвать демона из души Джанни.

Джанни молился, чтобы ветер вернулся и разогнал дым. Он слышал о том, что еретики часто задыхаются и теряют сознание, что нередко они не сгорают в огне, а копятся, пока не умрут. Это казалось ему извращением воли Господа, ибо Его воля являла себя только в пламени, знаменовавшем изгнание всего нечистого и поглощение ужасающих грехов

ереси. Пламя служило страшным предостережением о том, что ожидает подобных грешников в вечном аду. Джанни собственноручно снял с шеи осужденных мешочки с порохом, которые какой-то подкупленный человек повесил им для того, чтобы их боль быстрее оборвалась. Бог не допустит такого обмана! Пламя казалось юноше продолжением его самого. Оно не вспыхнуло в тот момент, когда он положил факел в жаровню, оно исходило от него: святой дух истекал из самого его сердца, претворяя мертвые поленья в живые языки огня.

«Все это так просто! – думал Джанни. – Просто, как вера. Эти грешники хотели призвать антихриста. Эти грешники должны умереть».

Жан увидел, как факел торжественно взметнулся вверх, а потом был вложен в последний из костров, – и в эту секунду дым от первого, валивший огромными клубами, скрыл от него и дочь, проталкивавшуюся через плотную толпу, и сына, пылающего жертвенным огнем. Из дыма ясно доносились кашель осужденных и зрителей, отчаянные молитвы и вопли, когда огонь добрался до босых ног еретиков, бой барабана, звон колокола, звуки «Miserere» – все это звучало аккомпанементом к вою толпы. Жану каким-то образом удалось догнать дочь – она опережала его на расстояние всего двух вытянутых рук, их разделяли лишь пять человек, а еще на пять человек впереди подавался под напором толпы ряд солдат. Жан также знал, что его преследователи отстали от него совсем ненадолго.

– Анна! – закричал он снова, зная, что это бесполезно.

Он почти догнал ее, когда она ударилась о шеренгу стражников в кирасах, пригнулась и исчезла среди мелькающих ног. Затем Жан увидел ее снова, когда она возникла по другую сторону охранников, преодолевая то короткое расстояние, которое теперь осталось между солдатами и последним костром.

Ее пальцы обхватили руку, сжимавшую факел. Джанни увидел рядом с собой лицо, которого здесь быть не могло.

– Прекрати это! – крикнула Анна.

Внезапность ее появления ошеломила его. Ей удалось вырвать у него факел и отбросить в сторону. Сестра обхватила голову Джанни обеими руками.

– Джанни, дитя, брат мой! Какие грехи ты тут творишь? Слова, руки, черные глаза. В них заключалась вся его семья, все, от чего он скрывался, – все, что было в мире неправильного. Джанни перевел взгляд с сестры на спины солдат, пытавшихся сдержать напиравшую толпу. И на одного человека, стоявшего перед ними. На его отца.

Жан Ромбо был теперь достаточно близко, чтобы услышать слова, сопровождавшие пощечину. Джанни ударил Анну, отбросив ее на дымящиеся дрова.

– Я исполняю здесь Господню работу, сестра. А единственный грешник – это... он!

И в тот момент, когда Джанни указал прямо на него, Жан почувствовал, как в его плечо впиваются жесткие пальцы.

– Ничего личного, Ромбо, – произнес знакомый голос. – Просто работа, понимаешь.

Жан попытался вырваться из рук Урии, но тот крепко удерживал его. Вскоре к Мейкпису присоединился Магон-нагал.

– Оглушить его дубинкой, что ли? – спросил ирландец.

– Ни к чему. – У Мейкписа был вид человека, оказывающего немалое благодеяние. – Ромбо – из тех людей, кто понимает, когда игра проиграна.

Жан обмяк – он упал бы, если бы не напор толпы и руки, которые его держали.

В это мгновение первый костер вспыхнул по-настоящему, и громадный еретик перестал бормотать молитвы и завопил. Всеобщее внимание было приковано к жуткому крику смертной муки. Человек пытался спастись от жара, он оторвал ноги от земли, тело его извивалось. Однако железный обруч на поясе удержал его на месте, и он снова обвис. Его коричневая накидка загорелась, окутала его алым и желтым пламенем. Волосы у него на голове начали тлеть. А потом, когда казалось, что его мука не может длиться дольше, что мученическая смерть, которой он искал, наконец настигла его, огромное тело осужденного согнулось, погрузившись в самый центр огня. Издав ужасающий стон, он выпрямился. Столб, который его удерживал, был вырван из земли.

Это зрелище лишило толпу голоса, остановило барабан, заглушило колокол, оборвало песнопение на полуслове. Го-



рящая фигура сделала шаг, второй, шатнулась вперед. А потом, рассыпая перед собой угли, обрушивая дрова, сложенные в костер, горящий человек высвободился из места своей казни, наклонился – и бросился на солдат.

Вершина столба врезалась прямо в голову стражника, сломав ему шею. Лезвие его алебарды ударило по мужчине, что находился слева от Жана, – по одному из людей Урии. Толпа рванулась прочь от горящего. Когда столб пролетел у Жана над головой, он пригнулся и почувствовал жар. Живой факел пролетел рядом с ним, отрезав его от Урии, которому пришлось выбирать: либо разжать руки, либо загореться. В пустом пространстве мученик начал вращаться, словно это приносило ему облегчение, а не раздувало пламя еще больше. Люди разбегались, пытаясь спрятаться от искр, которые рассыпал вокруг себя умирающий. Несколько человек получили удары проносающегося по кругу столба. Освободившийся Жан нырнул в толпу. Он не оглядывался, пока не добрался до ее края, пока не поднялся на первую ступеньку башни Бошамп.

Вращающаяся фигура наконец остановилась, зашаталась и упала, взметнув в воздух языки пламени. В их свете Урия носился в толпе, кричал, искал. Жан пригнулся. С того места, где он стоял, ему видна была его дочь, лежавшая у ног его сына, – она так и лежала там, куда поверг ее удар.

Анна! Жан сделал шаг обратно к ней, всего один шаг. Его рука сжалась у пустого места на поясе. Когда-то там был меч.

Когда-то он не стал бы задумываться – просто обнажил бы толедскую сталь, взметнул ею перед собой, чертя смертоносные круги тупым концом палаческого меча; он воспользовался бы царящей вокруг сумятицей для того, чтобы подобраться к центру, схватить свое дитя и скрыться. Когда-то.

Повернувшись к происходящему спиной, Жан Ромбонизко наклонился – и побежал.

## Глава 13. ТАРТАР

- Что-то происходит!
- Правда?
- У ворот.
- А, у ворот. – Громкий зевок. – Кто-нибудь вышел?
- Пока нет. Подожди, вот там кто-то... Это...
- Еще один стражник?
- Два. И ворота за ними не закрыли.
- Вот как.

Хакон снова зевнул. Он не открывал глаз, так что ему не понадобилось закрывать их снова. Когда они только обнаружили этот наблюдательный пункт напротив тюрьмы, в сарае рядом с постоянным двором, он реагировал на каждое событие у ворот почти так же быстро, как Эрик. Он надеялся на то, что будет прослежена некая закономерность или выявится какая-то небрежность – что-то, что даст им шанс. Три недели наблюдений изрядно притупили его рвение. Три недели планов – начиная с похищения стражников и заканчивая подкопом с места наблюдения. Каждый из планов лихорадочно обсуждался, и каждый с огорчением отбрасывался. Это подорвало его силы, так что в последнее время он сосредоточился на том, чтобы не давать Эрику попросту броситься в одиночку штурмовать ворота.

- Они выглядят по-другому, отец, эти двое. И они расха-

живают туда и обратно, как будто кого-то ждут.

– Это же тюрьма, мальчик. Люди приходят и уходят каждый день.

– Посмотри! К ним присоединились еще двое! Они указывают назад, на двор. Смотри!

Застонав, Хакон повернулся и приложил глаз к щели в толстой кирпичной стене. Там действительно стояли четыре стражника.

– Ну и что? Они ждут смену, чтобы можно было пойти и напиться в каком-нибудь кабаке по соседству. Хотелось бы мне присоединиться к ним!

Хакон откинулся назад, снова закрыл глаза и провел языком по пересохшим губам. Оставшихся у них монет хватало только на то, чтобы оплачивать право спать в конюшне и добывать немного еды на каждый день. Он не пробовал вина уже неделю.

Дверь скрипнула, впустив третьего члена их отряда.

– Что-то происходит, – объявил Фуггер.

– Вот и я пытаюсь ему об этом сказать! – Эрик потянулся за оружием, как делал уже сотню раз с момента их приезда. – Это те стражники, да?

– Стражники? – Фуггер выглянул на улицу, а потом снова посмотрел на своих друзей. – Насчет них я не знаю. Но в Риме что-то происходит. – Он присел на корточки рядом с Хаконом. – Папа умер.

Хакон снова не стал трудиться открывать глаза – только

вздыхнул. Рядом с влюбленным сыном и встревоженным отцом он оставался единственным, у кого мозги не затуманились.

– Фуггер, Папа умер три недели тому назад, на следующий день после нашего приезда. Почему тебя так взволновали эти старые вести?

– Потому что я говорю не о Павле Третьем. Я говорю о Марцелле Втором.

Хакон наконец открыл один глаз.

– Но разве его не только что избрали?

– Да. А теперь он только что умер. Но это – лишь малая часть. Знаете, кто будет его преемником? Кто уже отдает приказы из Ватикана? Это – Карафа.

Тут открылся и второй глаз. Хакон привстал.

– Неаполитанский бастард? Глава инквизиции? Но он же безумен!

– Безумие еще никому не мешало становиться Папой, Хакон. – Фуггер говорил с презрением к католической Церкви, оставшимся от его протестантской юности. – Никого это не тревожит, потому что безумие Карафы направлено против врагов Церкви. А у Карафы длинный список таких врагов. Всем, кто хоть на волос отклоняется от истинной веры, теперь грозит большая опасность. До меня доходили разные слухи. Говорят, отряды солдат уже расходятся по городу, арестовывая еретиков, ведьм, евреев и всех, кто запятнан лютеранством. Знаешь, что это предвещает?

– Что? – спросил Эрик, поскольку его отец кивнул.

– Тюрьмы будут наполнены до отказа, мальчик, – объяснил Хакон. – Там возникнет постоянная суэта, туда будут приходить и оттуда будут уходить. И это нам на руку. По правде говоря... – Хакон снова приблизил глаз к щели. – Клянусь усталой спиной шлюхи, вы оба правы! Что-то действительно происходит.

Они втроем подошли к дверям конюшни. Напротив нее ворота тюрьмы по-прежнему оставались открытыми, но теперь возле них стояло уже двадцать стражников – солдат в шлемах и кирасах. Подняв пики, они составили коридор, ведущий на улицу. В глубине двора началось какое-то движение. Некий мужчина высунул голову, моргая на солнечном свете. Он начал панически озираться, попятился, но кто-то позади него вытолкнул его вперед. Один из солдат поднял пику и тупым концом ударил его в бок. Мужчина побежал, получая удары справа и слева, один раз он упал. Добежав до конца строя, он кинулся дальше по улице и скрылся за углом. Едва он успел исчезнуть, как из ворот выбежала группа из пяти человек, за которыми последовало еще пять. Некоторые прижимали к себе какие-то мешочки, но большинство были с пустыми руками, которыми они нелепо размахивали, пытаясь защититься от ударов.

– Что происходит?

Эрик морщился, видя, как бегущих пинают ногами.

– Маленькое наказание напоследок – предостережение. –

Голос Фуггера звучал мрачно. – Освобождают камеры для врагов нового Папы. Это – мелкие преступники: воры, убийцы, насильники. Стоит отпустить грабителей, чтобы запретить какую-нибудь женщину, которая захотела читать Библию на своем родном языке.

– Может, они освободят Марию! – Эрик начал пристально вглядываться в толпу, собравшуюся напротив.

– Увы! Поскольку Джанни – человек Карафы, то, думаю, имя Марии окажется в списках его святейшества.

Они продолжали наблюдать за тюрьмой. Похоже, стражники вдруг потеряли интерес к освобождаемым заключенным. Последние – в их числе оказалось и несколько женщин – убежали, едва получив пинки в зад. Большинство из них немедленно направились к таверне, располагавшейся рядом с конюшней.

– Пойдемте, – позвал Фуггер скандинавов, – у нас еще не было случая поговорить с женщинами, сидевшими в тюрьме. Может, у них окажутся известия о моем ребенке.

Таверну наполняли отвратительные личности: крупные мужчины с клеймами, исхудавшие женщины с желтоватой кожей и жестко-стальным взглядом. Похоже, содержатель таверны был знаком с некоторыми из них и наливал им дешевое вино в кредит. Не составляло труда определить, какой профессии посвятили себя большинство из присутствовавших, как понятно было и то, что владелец рассчитывал впоследствии получить прибыль от своей щедрости.

Трое сотоварищей устроились за разными столами, прислушиваясь к разговорам, и потратили несколько драгоценных монет на тех, чьи языки уже готовы были развязаться. Эрик понравился одной из женщин. Хотя она была раза в три старше его, но ростом могла почти сравняться с молодым скандинавом, а ее исхудавшее в тюрьме тело когда-то было таким же широким: юбка, блуза и плащ висели на ней широкими складками.

– Хочешь попасть в женскую камеру, да, сладенький мальчик? Такому пылкому парню, как ты, не нужно далеко ходить за лаской. Почему бы тебе просто не поручить себя Длинной Маргарете, а? Пойдем! Пойдем, выйдем прямо сейчас.

Корявая рука вынырнула из-под поношенного плаща и быстро устремилась Эрику пониже пояса. Он перехватил ее, поставил кружку и налил туда вина. Она жадно выпила, протянула кружку за новой порцией, снова выпила и улыбнулась.

– Нет? Ты один из этих, да? Они тебе нравятся, только если связаны? – Она хрипло захохотала. – Ну, тогда послушай мой совет, юный красавчик. Если попадешь туда, то ищи себе развлечения на первом этаже. Там хорошие девочки вроде меня, все до одной – добрые дочери Церкви. Дай стражнику флорин – и он оставит тебя с нами наедине. Дай нам второй – и сможешь совать нам, куда захочешь. Мы тебя пустим да еще и поблагодарим.



Маргарета снова сделала большой глоток вина и прижалась к Эрику. Ему стоило немалых трудов не отшатнуться от мерзкой тюремной вони, приставшей к ее телу.

– Но вот тебе еще совет: не спускайся вниз, потому что эти ступеньки ведут прямо в ад! Нет, они только проходят мимо ада. А заканчиваются они... в Тартаре!

Она содрогнулась, словно воспоминание внезапно отрезвило ее, и понизила голос.

– Иногда слышно, как они там воют, но только иногда, если ночь совсем тихая, – продолжила она шепотом. – Один раз я слышала пение. Это был псалом, но не на латыни, а на итальянском! Они – протестанты, понимаешь? Неудивительно, что их отправили в самую мерзкую темницу! – Глаза, которые на мгновение просветлели, снова потускнели, и женщина громко рыгнула. – Так что туда не ходи, любовничек. Если только ты не любишь делать это со скелетами! А я встречала и таковских, кому это нравится! – Ее хохот прокатился над его головой. – И к тому же со скелетами еретичек!

Эрик похолодел. Внезапно он почувствовал уверенность в том, что именно там, в Тартаре, содержат Марию, и поспешно вернулся к остальным.

– Новая возлюбленная, парень? А она для тебя не великовата?

Его отец обладал способностью находить смешное там, где ничего смешного не было.

– Это – женщина из тюрьмы. Она сказала, что еретиков

сажают в темницу под землей. Она назвала это место Тартаром! – И Эрик выпалил: – Я боюсь, что моя Мария там.

– В Тартаре?

– Тебе знакомо это место, Фуггер? – спросил Хакон. Вопрос был излишним: лицо Фуггера побледнело.

– Знаю. Иногда в отчаянии я называл мою дыру в мусоре под виселицей этим проклятым именем. Мне хотелось возвеличить мои жалкие страдания, но я едва ли находился даже в аду, тогда как Тартар – на семь лиг ниже самого глубокого из адских кругов! – Он громко застонал. – И они держат там мою дочь? Ох, Христос Милосердный!

– Тогда чего же ты ждешь? – Тени в глазах Фуггера испугали Эрика сильнее, чем все то, что он слышал до этой минуты. Молодой человек вскочил на ноги и потянулся за оружием, скрытым под плащом. – Я сию же секунду испытаю мои сабли против тех римских собак, что толпятся у ворот!

Он шагнул к выходу.

– И умрешь зря! – Хакон схватил сына за плечо и прижал к себе. – Теперь мы знаем, что сажать в тюрьму начнут больше людей, чем выпустили. Ворота будут часто открываться и закрываться, днем и ночью. Возможно, нам скоро представится удобный случай. Фуггер, скажи мальчишке! Скажи ему ты!

Но глаза немца были по-прежнему устремлены куда-то внутрь, созерцая там какие-то ужасы.

Эрик начал было спорить с отцом, и в эту минуту дверь

таверны распахнулась. В проеме встал высокий человек, облаченный в форму ватиканской стражи. Появление папского офицера моментально заставило затихнуть помещение, наполненное невольными гостями его святейшества Папы.

– Отребье и подонки! – пророкотал командир. – Именно таких я и ищу!

Он забрался на стул посреди комнаты, сдернул шляпу с длинных, тщательно уложенных рыжих волос и крикнул:

– Слушайте, собаки! Я ищу новобранцев. Это дает вам шанс загладить свои жалкие преступления... и к тому же неплохо заработать! Купите себе несколько ночей выпивки и девок, пока вы не согрешили снова и не попали обратно за эти стены!

Некоторые из присутствующих, подбадриваемые выпитым, презрительно заулюлюкали, иные поспешно сбежали, но большинство молчали, уставившись на офицера.

– Все просто и понятно даже таким ослам, как вы. – Он извлек из-под плаща кипу листов пергамента. – Это – списки людей, которые нам нужны. Один лист на командира. Каждые трое из вас пойдут с одним из моих людей и доставят этих злодеев в тюрьму. За каждого изловленного получите дукат. А за целую семью – золотую монету.

Эти слова были встречены одобрительными криками. Ватиканский страж продолжил:

– Главное, тут нет никакой опасности. Те, кого бум арестовывать, – не такое отребье, как вы.

Новый взрыв криков.

– Это – такое отребье, как Лютер, Кальвин и им подобные. Религиозное отребье. Еврейское отребье. А еще – ведьмы. Так что заработаете золото здесь, на земле, а заодно накопите себе сокровище на небесах.

Последнее заявление было встречено самым громким криком, и мужчины стали собираться вокруг стула. Офицер слез со своего наместа, чуть не упав, и повел целую группу на улицу. Через открытую дверь было видно, как он раздаст оружие и распределяет добровольцев по командам, отправляя их в город.

– Ты думаешь о том же, о чем думаю я, Хакон?

– Да, – отозвался скандинав. – Мы запишемся в один из его отрядов и заведем пленных прямо через ворота.

– И оставим мою дочь в Тартаре еще на одну ночь? Нет. Я придумал нечто менее сложное. – На щеках Фуггера пылали алые пятна. – Почему бы нам просто не разбить голову этому подонку и не украсть его пропуск?

\* \* \*

Капитан Люций Хельцингер удовлетворенно разглаживал свою рыжую бороду. Добровольцев оказалось так много, что он смог выбрать лучших: убийц, а не воров и насильников. Он взял к себе разбойников, которым уже доводилось убивать и которые сделают это снова, если потребуется. Ино-

гда это приходилось делать даже при аресте религиозного отребья. Капитан солгал, сказав, что никакой опасности нет: евреи и еретики порой оказывали на удивление эффективное сопротивление. Потому-то им и понадобилось отправлять этих овец на заклание! Если при захвате преступников ватиканский офицер и потеряет кого-то из нанятых подонков, то что с того? Тем больше золота Карафы попадет в его собственный карман! Говорят, у него много золота, у этого нового Папы. И он не похож на своих предшественников с их болтовней о всеобщем примирении и реформах. Отец Люция говаривал, что на примирение новых доспехов не купишь. Мир прибыли не приносит. Карафа, глава инквизиции, снова отправил их воевать!

Он был настолько доволен собой, что даже снисходительно отнесся к однорукому попрошайке, который подошел к нему как раз в тот момент, когда он вручил последний список своему последнему подчиненному и проводил взглядом смешанный отряд, состоящий из солдат и преступников. Вместо того чтобы впечатать нищему сапог в задницу, Люций Хельцингер только рявкнул:

– Нам больше никто не нужен, дерьмо! Да мы и все равно не взяли бы калеку!

И капитан отвернулся, чтобы отдать приказ двум солдатам, которых оставил при себе, когда почувствовал, что его дергают за рукав. Он поднял руку, чтобы все-таки ударить нахального пса, но нищий отбежал назад, подняв обрубок

руки, и поспешно забормотал:

– Тут поблизости кто-то прячется! Еретики! Я могу отве-  
сти вас к ним.

– Свињи-еретики копаются в грязи повсюду. С меня хвата-  
тит и тех, кто в моих списках.

– Но это – еретички-свинки, господин. В конюшне, прямо  
здесь, добрый мастер. Две девицы – их три дня назад оставил  
тут отец, купец.

– Девицы? – Командир и его солдаты теперь слушали до-  
носчика с полным вниманием. – Насколько взрослые?

– Не очень, господин. Лет четырнадцать, наверное.

– Ну что ж. Долг велит нам искоренять ересь, где бы мы  
с ней ни встретились, не так ли? – Капитан погладил усы. –  
Отведи нас к ним, и получишь за это дукат.

– Добрый господин! – воскликнул Фуггер и захромал к  
конюшне.

После яркого дневного света там оказалось темно. Люций  
и его солдаты остановились в полумраке, растерянно моргая.

– Где они, пес? – прошептал Люций.

– Здесь, господин, – тоже шепотом ответил Фуггер, отхо-  
дя еще дальше в темноту. – В левом стойле, под старой по-  
поной. Вон там! Смотрите, как они трясутся!

Теперь и Люций разглядел дрожь под соломой.

– Выволакивайте их! – одними губами приказал он, обна-  
жая меч.

Двое его солдат двинулись вперед. Они и сами видели, как

дрожит попона, и даже услышали тонкий плач, доносящийся из-под нее. Ухмыляясь, один из них наклонился и ухватился за разлохмаченный край, а второй замер с расставленными руками, готовясь наклониться и схватить.

Попона взлетела вверх. Пыль взвихрилась в луче солнца, а из вихря стремительно возник мужчина – мужчина, сжимающий в каждой руке по палке. Они вытянулись вперед, потом скрестились перед ним, поймав в движении солнечный блик и превратившись из пламени в тень, а потом – снова в пламя. Когда они закончили движение, раздался громкий стук, и оба стражника словно слиплись в ком, а потом все так же вместе рухнули на пол без чувств.

Люций вскрикнул, стремительно разворачиваясь к двери. Однако теперь кто-то встал между ним и выходом – такой же высокий, как он сам, но гораздо шире. Хакон поднырнул под отчаянный взмах меча, ударил плечом в живот офицера и отбросил его к центральной опоре конюшни, которая затрещала и сотрясла все строение. Последовала недолгая возня, которая завершилась решительным падением громадного кулака. А потом слышно было только тяжелое дыхание.

– Фуггер, двери! Эрик, помоги мне стянуть с этих подонков одежду, пока она не слишком испачкалась в крови! И принеси веревки.

Фуггер захлопнул двери конюшни и заложил их засовом.  
– Найди приказ, Хакон. Его бумаги. Они должны быть вот в этой сумке.

Хакон перебрал ему сумку, а сам вместе с сыном начал раздевать капитана.

– Хакон! – Фуггер показал на свои руки, культю и половину кисти, едва зажившую после Сиены.

– Извини, Фуггер. – Хакон оставил Эрика заканчивать дело, а сам подошел к другу и развязал тесемку, стягивавшую суму. – Мы ищем вот это?

Последними оставшимися у него тремя пальцами Фуггер перелистал промасленный пергамент.

– Да. Он не терял времени, этот Карафа. Его герб уже окружен папским знаком. Вот по этой бумаге одного из нас пропустят в тюрьму.

– А...

– Пусть это буду я. – Эрик успел распустить шнуровку, которая соединяла камзол с трико. Стащив камзол, он поднял его. – Он примерно моего размера.

– Скорее, моего, – возразил Хакон. – Ты не пойдешь, парень.

– Пойду! – Эрик встал перед Хаконем, сверкая глазами. – Она – моя любимая.

– А ты – мой сын. И я тебя знаю. Ты начнешь размахивать своими саблями и даже на шаг не приблизишься к тому, чтобы освободить ее. Ты...

– А ты? – Эрик почти кричал. – Какой от тебя будет прок, старик? У меня есть силы, и сабли, и причина, и...

– А у меня – мой топор! – Хакон наклонился и подхватил с



пола оружие. – Он видел столько крови, сколько тебе и твоим саблям даже не снилось. А что до силы...

Отец и сын уже почти столкнулись лбами, и Фуггер с трудом втиснулся между ними.

– Послушайте меня! Перестаньте толкаться и послушайте! – Двое крупных мужчин, тяжело дыша, разошлись на шаг. – Я считаю, что вы оба должны войти внутрь. По-моему, так будет лучше.

– Но у нас есть пропуск только на одного.

– На одного солдата – да. Но там говорится и об арестованных. Офицер может привести в тюрьму новых заключенных.

Хакон присвистнул.

– Значит, я могу взять Эрика как арестанта!

– Или я тебя! – Молодой человек возмущенно сверкнул глазами.

Не дав Хакону время ответить, Фуггер снова вздел свою трехпалую руку.

– Дело не только в этом. Важно не просто попасть в тюрьму. Нам надо добраться до женских камер. Нужна арестантка-женщина.

Эрик рассмеялся.

– И где мы найдем женскую одежду, которая пришлась бы впору одному из нас? Это невозможно!

Фуггер секунду чесал в затылке, а потом вдруг улыбнулся.

– А твоя рослая подружка из таверны, Эрик? Та, что рас-

сказала про Тартар?

– Длинная Маргарета? Ну, она... она... Почему ты так на меня смотришь, Фуггер?

Вместо того чтобы ответить ему, Фуггер повернулся к Хакону.

– Кажется, ты всегда мечтал о дочке, Хакон?

– Нет! – В голосе Эрика звучала мольба. – Вы не видели ее толком, не нюхали ее... Ох, она... она...

– Она будет рада сбросить кое-какую одежду, – отозвался Хакон, подмигивая сыну, – ради такого горячего паренька, как ты.

\* \* \*

Все это заняло гораздо больше времени, чем они рассчитывали. Пришлось раздеть и связать стражников, заткнуть им рты, а потом засунуть всех троих в старые винные бочки, сложенные в задней половине сарая. Эрика заставили побриться. Потом нужно было привести Длинную Маргарету. Уговоры Фуггера оказались напрасными, и оторвать ее от грандиозной пьянки в таверне удалось только Эрику, который заманил эту особу нежными словами, улыбками и продемонстрированной монетой. Когда заговорщики наконец залучили ее в конюшню, Маргарета сначала испугалась троих мужчин, а потом долго хохотала, услышав их планы. Дополнительная порция вина, их последний флорин и доб-

ротная одежда стражников, которую она получила в качестве временной замены своим вещам, помогли уговорить ее. Раздеваясь, женщина пыталась их соблазнить. А еще она неумолчно разглагольствовала о тюрьме, значительно пополнив сведения скандинавов. К тому моменту, когда Эрик облачился в юбку и корсаж и покрыл голову шалью, они с отцом уже хорошо знали расположение помещений внутри тюремных стен. Их последнее опасение – что женщина будет настаивать на том, чтобы вернуться к своим товарищам в таверне, – исчезло, когда непомерное количество выпитого возымело наконец действие и Длинная Маргарета грациозно рухнула на солому и захрапела. Никакими тычками разбудить ее не удалось.

Заговорщики покинули конюшню через заднюю дверь, прошли по переулку и завернули на улицу, которая вела к тюрьме. Появление офицера с арестованными прямо из конюшни могло бы вызвать у людей подозрения. Впрочем, стражникам у входа было не до наблюдений и проницательных выводов из увиденного, что стало понятно сразу же, как только Эрик с отцом и Фуггером заглянули за угол.

– Значит, все уже началось. Новое и славное папство Карафы, – тихо проговорил Фуггер, глядя, как бывшие преступники затаскивают в тюрьму целое семейство.

Отец семьи был почти без чувств: лицо его покрывала спекшаяся кровь, ноги в чулках скребли по булыжнику. Двое мужчин быстро волокли его под руки. Еще двое тащили двух

дочерей. Те отстраняли юные лица от седеющих бород, которые тыкались им в щеки, когда сопровождающие шептали им какие-то гадости. Еще один человек нес мальчишку, которому едва ли исполнилось семь. Тот отчаянно брыкался, пока удар кулака не заставил его бессильно обмякнуть.

– Ну, вперед, – мрачно проговорил Хакон. – Присоединимся к веселой компании. Может, они нас не заметят.

Он одернул камзол швейцарца, который туго обхватывал ему горло, и расстегнул еще одну пуговицу, давившую на грудь.

– Хакон, ты же офицер, не забывай! Не жмись сзади. Командир не пытается проскользнуть незаметно. Действуй смело, друг мой. Прячься у всех на виду.

Хакон коротко кивнул, глубоко вздохнул – и у него отлетела еще одна пуговица.

– Ну, шевелись, шлюха!

Он с силой толкнул сына, и парень качнулся вперед, споткнувшись о непривычные ему юбки. Когда они вышли из теней, колокол начал отбивать семь, и Хакон бросил через плечо:

– Мы будем выходить из этих ворот до восьмого колокола, Фуггер! Будь готов!

– Непременно.

Фуггер смотрел, как отец с сыном пересекают улицу, и проклинал увечье, из-за которого ему пришлось остаться. Около ворот Хакон приостановился и забросил сына себе на

плечо, так что юбки свесились ему на лицо.

– Да хранит вас обоих Иисус Христос. Верните мне мое дитя, – прошептал Фуггер.

А потом он начал свои приготовления. Времени до восьмого колокола оставалось мало. Но если скандинавы с Марией не выйдут к назначенному часу, у него впереди будет целая вечность для бесполезных сожалений.

– Поосторожнее, вы! – Хакон принялся расталкивать шумную группу у ворот. Одной рукой он придерживал неподвижно обвисшего сына, второй отпихивал мужчин, которые огрызались и раздавали ответные тычки. – Прочь с дороги, говорю! У меня здесь королева грешников! – Постепенно Хакон добрался до офицера, стоящего у ворот. – Гляди! Пыталась сбежать, переодевшись шлюхой!

Он повернулся, на секунду показав лицо Эрика.

Задерганный офицер стражи вырвал протянутые Хаконем бумаги, скользнул по ним взглядом, а потом прищурился на скандинава.

– Я тебя раньше не видел. Ты из какого отряда? Хакон шагнул к спрашивавшему, заставив того отступить на шаг.

– Не то чтобы это было твое дело, друг, но я только что из Неаполя. Приехал по приказу его святейшества прямо из его дома. Ты не торопись, прочитай бумаги, ладно? Я обязательно передам Карафе, как хорошо ты мне помогал!

Офицер опустил глаза, промямлив:

– Ни к чему брать такой тон.

Его слова утонули во взрыве криков и звуке ударов. Вопли арестованных стали вдвое громче: к толпе у ворот прибавилась еще одна группа.

– Проходи. – Офицер устало вернул Хакону бумаги. – Женские камеры справа от тебя, через двор. Прекратите толкаться, вы, там!

Командир отвернулся, раздавая удары направо и налево, а Хакон пронес Эрика через арку ворот. Там он водрузил сына на ноги, и они мгновение наблюдали за хаосом, царившим впереди.

Тюремный двор был забит толпой, которая численностью вдвое превосходила ту, что собралась у ворот. Большинство людей находились справа от них. Там мужчин-арестованных разводили, обыскивали и проталкивали в темный коридор. Громилы работали палками, гоня людей, как стадо, и волоча тех, кто терял сознание от ударов. Большинство покорно подходили к столам, за которым сидели люди со списками, проверяя имена врагов нового Папы Римского. Кое-кто из арестованных, не выдержав криков своих жен и детей, пытались сопротивляться даже под ударами дубинок. И везде текла кровь.

– Это – настоящий ад, отец! – пробормотал Эрик, продолжавший горбиться, чтобы уменьшить свой рост.

– И нам надо попасть на самый нижний его круг. Пошли, нам в ту сторону.

Дойдя до стола с пергаменатами, Хакон бросил своего сына

на землю.

– Капитан и арестованная! – громко сообщил он, швыряя свою бумагу на стол и молясь Одину и Христу одновременно о том, чтобы никто из сидевших за ним не был знаком с человеком, чье имя значилось на пергаменте.

Никто не произнес ни слова. Служащий взял лист пергамента в руки. Тогда Хакон добавил:

– И это – особенная арестантка. Это – Трастеверийская ведьма.

Он ткнул ногой распростертое тело, и Эрик издал довольный убедительный женский стон.

– Я о такой не слышал.

Голос служащего звучал гнусаво и пронзительно. Он начал листать свои списки.

– Не слышал о Трастеверийской ведьме?

Эрик уловил, как отцовский голос привычно понизился и приобрел интонации, которые были знакомы юноше всю его жизнь. Именно таким тоном Хакон рассказывал свои удивительные истории. Он говорил почти шепотом, заставлявшим слушателей ловить каждое слово. Служащий и офицер невольно подались вперед.

– Вы не слышали о колдунье, которая вынимала нежеланных детей из животов неосторожных девиц? О колдунье, которая с помощью плоти нерожденных проклинала их отцов, сушила им плоть и покрывала член нарывами и язвами?

Оба заерзали, поспешно скрестили ноги под столом и пе-

рекрестились.

– Когда я вошел в ее лачугу, там горели свечи, воткнутые в черепа, а с притолоки свисали куски человеческой кожи. Мне пришлось убить двадцать котов, ее помощников: они шипели, царапались и не пропускали меня к ее вонючей постели.

Эрик попытался изобразить зловещий хохот, быстро превращенный ударом отцовского сапога.

Служащий нервно сглотнул.

– Тогда скорее веди ее. Вон через ту дверь. Мы будем держать ее поблизости: судя по всему, ее должны сжечь одной из первых.

– О нет, друг! – Голос Хакона не изменил своего загадочного тембра. – Она умеет превращаться в летучую мышь после захода солнца. Эти решетки на окнах ее не остановят. Для нее годится только одно место: Тартар!

– Ладно, – проговорил офицер. – Отправим ее туда. Стражник! – крикнул он через плечо.

– Я сам должен ее отвести, дружище. – Хакон наклонился к командиру. – Достаточно один раз посмотреть ей в лицо – и ты в ее власти. Я сам-то могу ею командовать только потому, что убил ее помощников и забрал у них силу. Их кровь запеклась у меня на коже. Смотри!

Он сунул ему под нос свое запястье, на котором остались следы царапин после драки в сарае.

Служащий и офицер посмотрели на раны, переглянулись.



Офицер кивнул – и печать, опущенная в чернила, со стуком плюхнулась на пергамент.

– Иди в ту дверь слева, вон в ту, низкую. Лестница там всего одна. – Офицер еще раз перекрестился и добавил: – Но не задерживайтесь там долго, капитан. Бросайте ее и уходите. И да хранит вас Христос!

– Аминь, дружище. Я задержусь там только для того, чтобы исполнить мой святой долг, не больше. – Хакон улыбнулся «собрату» и лягнул фигуру, лежащую возле его ног. – Пошли, вавилонская блудница! Ступай к своей судьбе!

Поднимаясь, Эрик пытался поправить шаль, закрывавшую ему голову. Она немного сползла, но оба тюремщика отвернулись: помня предостережение, они предпочли устремить взгляды на семьи еретиков, бурлящие позади него. Хакон подтолкнул парня в спину.

– Нам везет, – прошептал отец Эрику, пока они поднимались по ступенькам к двери.

– Неужели обязательно было меня пинать, чтобы тебе поверили? – прошипел Эрик.

– Наверное, нет. Но почему я должен был отказать себе в этом удовольствии?

Оказавшись у двери, Хакон поднес пергамент к решетке в двери. Засовы были отодвинуты – и оба ступили в полумрак.



Мария Фуггер ждала, сжимая кость в правой руке. Пальцами левой она снова и снова пробовала кривой заостренный конец. Она порезалась... когда именно? Час назад? День назад? Это не имело значения. То было мгновение, когда она отведала собственной крови – и получила от этого удовольствие. Ей понравилось тепло и железистый привкус. Ей хотелось порезать себя еще раз, в таком месте, где кровь будет течь обильнее и дольше. Ее собственная кровь была первой пищей, первой влагой, которая коснулась ее губ за... за сколько же времени? За три дня? За неделю? Она проголодалась – ей необходимо было поесть. Если она не поест, то заснет, а если она заснет, то уже никогда не проснется. В этом нет сомнений. Однако потом Марии пришло в голову, что одной только крови, какой бы солоновато-вкусной она ни была, хватит ненадолго. Запас крови не бесконечен. Однако поблизости есть другая кровь – бесконечные запасы. Если только действовать с умом.

Мария слышала, как они двигаются, слышала, как они принимаются. Она ощущала нежнейшие прикосновения усиков к своему лицу, она снова и снова отталкивала от себя любопытные мордочки, острые коготки. Девушке все время хотелось прогнать от себя крыс. До этой минуты. Теперь она молилась, чтобы они приблизились, – горячо молилась, ожи-

дая добычу в своей соломенной пещерке, согнувшись над небольшим пространством, которое она перед собой расчистила. Охотница готова к охоте. Это ее царство: ведь она все-таки Фуггер, а ее семья правит в темных и тесных закоулках.

Послышались звуки. Однако не те, которых ожидала пленница, – не шебуршание или тихий писк. Вместо этого заскрежетал ключ, отодвинулись засовы, а потом... потом раздался самый чудесный звук на свете – голос любимого, выкрикивающий ее имя:

– Мария!

Силуэт Эрика возник перед нею в свете факела, который держал позади него его отец. Юношу шатало от гнилостной вони, вырвавшейся из-за открывшейся двери.

Марию уже посещали такие великолепные видения в течение того... месяца? целой жизни?., которые она провела здесь. Девушка прекрасно знала, что на их зов нельзя откликаться, потому что это заставит их исчезнуть. Если она будет лежать и молчать, то, может быть, дух скажет еще что-нибудь.

Эрик выхватил у отца факел. Хакон повернулся назад над бесчувственным телом тюремщика, распростертым у его ног, и вытащил для себя новый факел из крепления на стене. Прикрывая рты ладонями, стараясь не вдыхать вонь, навалившуюся на них, скандинавы вошли в Тартар.

Перед ними лежали горки соломы, похожие на стручки огромных растений. Эти беспорядочно разбросанные хол-

мики исчезали в полумраке за границей светового пятна, которое не достигало ни стен, ни сводов. Там, куда оно падало, мгновенно начиналось шуршание, словно каждая пещерка была одушевленным существом, которое сжималось в комок, прячась от яркого света.

– Мария! – снова позвал Эрик, чуть не упав на двух скользких ступенях, которые вели к полу темницы.

– Мария! – отозвался мужской голос, в точности скопировав его интонацию.

Эрик стремительно повернулся в его сторону.

– Мария! – вскрикнул другой голос, женский, с противоположной стороны.

Он повернулся туда. А потом поднялись вопли: голос за голосом выкрикивали это единственное слово, оно летело со всех сторон. Отвратительная какофония все нарастала, а потом вдруг оборвалась, словно придушенная чьей-то рукой.

– Отец...

Остаток фразы утонул в шуме голосов, которые зазвучали снова:

– Отец? Отец! Отец! Отец!

Крики эхом отдавались от стен, а потом так же внезапно смолкли.

Хакон, спустившийся в камеры следом за сыном, одними губами произнес: «Я попробую».

– Друзья...

– Друзья, друзья, друзья, друзья... Вопли прокатились

по подземелью, и в них ясно звучало наслаждение игрой. Эрик выругался – так бранятся тосканские крестьяне. Кто-то услышал его и повторил, и грубое слово понеслось по темнице, перемежаясь со словом «отец» и в конце концов заглушив его. Эрик собирался выругаться снова, но его отец зажал ему рот рукой.

– Свобода! – крикнул Хакон, и это слово было мгновенно подхвачено и передано дальше, нарастая все сильнее. Оно не смолкло: хотя некоторые и замолчали, кое-кто продолжал его повторять. И наконец прозвучал единственный голос, голос мужчины.

– Свобода? – произнес он вопросительно.

Как только вопрос был высказан, Хакон гаркнул:

– Вы все свободны!

Он успел произнести всю фразу прежде, чем кто-то ее подхватил и повторил. Другие в ответ принялись выкрикивать другие слова. Там, где только что было согласие, теперь царил хаос: голоса старались заглушить друг друга, они торопились быть услышанными. Пока шум нарастал, Хакон шагнул в глубь тюрьмы, пытаясь придумать, что сказать дальше. Едва он успел поставить ногу, как из соломенной груды выскочило нечто и вцепилось в него, едва не сбив с ног. Хакон опустил факел, чтобы посмотреть, что же его схватило. Это оказалось подобие руки: пять обрубков, торчащих из покрытой волдырями ладони. Однако хватка была крепкой, и, когда Хакон нагнулся, голоса вокруг него смолкли, позволив

расслышать хриплый шепот, исходивший из соломы:

– Ты обещал тем, кто был лишен всего, то единственное, чего они жаждали. Но поскольку мы лишены всего, нам нечего терять. Так что берегись, если вздумал терзать нас ради собственного развлечения!

– Я открыл дверь, – отозвался Хакон. – Как только я найду ту, кого ищу, я намерен уйти. Я оставлю дверь открытой, если вы мне поможете.

Эти слова не были подхвачены. Наоборот: казалось, все обитатели этой пещеры и сами ее стены подались к нему, прислушиваясь и дожидаясь. Тишина давила, становясь невыносимой, пока сухой голос не прошептал снова:

– Тогда говори. Никто сейчас не станет тебя передразнивать.

Хакон повернулся и кивнул сыну.

– Я ищу Марию-Кармину Фуггер, – громким голосом объявил Эрик. – Кто-нибудь может сказать мне, где она лежит?

Мария улыбнулась в своей пещерке. Эта греза была лучшей из всех, что являлись ей с момента ее заключения. Слова, которые ей так хотелось услышать, произнес голос, по которому она скучала больше всего. Однако отзывать не было смысла. Призраков так легко испугать! Она ответит ему только мысленно.

– Я здесь, Эрик, мой возлюбленный, мой единственный! Я лежу на спине на соломе, как тебе нравится.

Ее удивили смешки, раздавшиеся вокруг нее. Она была

совершенно уверена, что не произносила этого вслух, хотя, как это ни странно, тяжелые сапоги двинулись в ее сторону. Мария свернулась в клубок, зарываясь поглубже в солому.

– Скажи еще что-нибудь, любимая.

Его голос звучал совсем близко, слева. Скоро ее призрачный возлюбленный будет рядом. Он обнимет ее своими призрачными руками, его призрачное тело вытянется рядом с нею, и тогда...

Девушка тихо застонала. И почти сразу же чьи-то руки погрузились в хрупкую крышу над ее головой. Такое случилось и раньше, когда другие решали, что у нее есть кости, которые можно пососать. Ну что ж, теперь у нее есть кость, особая кость – ею можно остановить любого вора, пустив ему кровь.

Чужая рука потянулась к Марии, и пленница ударила по ней заостренной костью. Крик боли прозвучал знакомо: она когда-то уже слышала похожий. Так вскрикивал Эрик, когда Мария царапала ему спину ногтями.

Рука снова пробила солому, сжалась – и пленницу потянули вверх, наружу. Она высоко подняла костяной нож, готовясь вонзить его в шею насильнику...

– Мария! – воскликнул Эрик, держа ее над собой и изумленно глядя на нее.

По его лицу заструились слезы.

– Нет!

Она выронила оружие и резко помотала головой, пытаясь вырваться из его хватки, упасть, уползти назад, в укрытие.

Призраки не имеют права поднимать вас, держать в воздухе, смотреть с любовью.

В другой руке он держал факел.

– Ох, моя Мария, я тебя нашел!

Он опустил ее так, чтобы ее грудь легла ему на плечо. Внезапно Мария перестала вырываться.

«Это – мой самый лучший сон, – решила она, прижимаясь к любимому. – Почему бы не насладиться им до конца?»

– Пошли, Эрик, неси ее. Ее отец ждет. – Хакон уже вернулся на ступеньки. Он повернулся и осветил факелом темноту. Соломенные холмики шевелились, словно пламя притягивало их. – Для всех, кто хочет покинуть Тартар, ворота остаются открытыми.

\* \* \*

При виде капитана Люция Хельцингера в одном нижнем белье, который бежал к воротам тюрьмы и за которым по пятам следовала Длинная Маргарета, Фуггер решил, что настало время действовать. До этого он удовлетворялся тем, что ждал рядом с лошадьми, понимая: что-либо предпринять можно будет только после возвращения Хакона и Эрика. Пока же ему оставалось только молиться. Однако появление капитана, за которым тащились веревки, все изменило. Фуггер выбежал из-за стены и бросился следом.

– Впустите меня, впустите! Я – капитан гвардии!



Люций пытался пробраться через плотную толпу у ворот. Там никто не намеревался пропускать почти голого мужчину.

– Они пытаются устроить побег! Вассари! – завопил Люций, увидев знакомого стражника. – Это я, Хельцингер! Впусти меня!

– Клянусь Крестом, капитан! – Солдат изумленно осматривал незадачливого капитана. – Что случилось с вашей одеждой?

– Дай мне свой плащ, олух! – Хельцингер сорвал плащ с плеч стражника. – Бруно и Джузеппе – вон в той конюшне, связаны и запихнуты в бочки. Пошли туда кого-нибудь. Остальные – за мной, живо!

Фуггер подбежал к воротам как раз в тот момент, когда Хельцингер схватил пику и повел в ворота отряд, сформированный из солдат и только что набранных преступников, Фуггер последовал за ними, неловко выхватив пистолет из-под плаща и крича так же громко, как остальные.

Двор за воротами был полнехонек арестованных и стражников, рыдающих детей, разъяренных мужчин, вопящих женщин. Внезапное появление людей Хельцингера, которые расталкивали и колотили окружающих, только накалило атмосферу. Они пробились к столу, установленному перед камерами для женщин. Сидевший там офицер при их приближении встал.

– Вы не можете быть Люцием Хельцингером, – заявил он,

стараясь держаться решительно, хотя на его лице отразилась тревога. – Люций Хельцингер – внутри. Он всего пять минут назад провел туда арестантку. Трастеверийскую ведьму.

– Трастеверийскую ведьму? Тра... Иисусе, дурень! – Люций еле удержался, чтобы не ударить офицера. – Он тебя надул. Он пришел, чтобы освободить какую-нибудь бабу-предательницу. За мной, ребята! А ты позови еще солдат и запри все ворота.

– Нет, капитан, вам не туда! Он пошел не в женские камеры. Он спустился вниз. – Тюремщик, надеясь смягчить свою вину, удержал Хельцингера за руку. – В Тартар.

Ударом тупого конца пики капитан попытался открыть низкую дверь, однако она зацепилась за что-то и не поддавалась. Двое солдат навалились на нее и с трудом отворили. Тело одного из стражников скатилось на несколько ступенек вниз и остановилось.

– Вперед, ребята!

Люций решил командовать из-за их спин. Человек, с которым он имел короткую стычку в сарае, был не из тех, с кем капитану хотелось бы встретиться снова.

Фуггер смотрел, как дюжина человек скрывается в низком проеме. Он чуть было не отправился следом, но успел сообразить, как мало пользы от него будет внизу. Там смогут показать себя скандинавы. Но если отцу с сыном и Марией удастся подняться вверх по лестнице, им понадобится помощь.

Фуггер осмотрел двор. Немало стражников присоединилось к капитану, спустившемуся вниз, так что наверху осталось меньше дюжины. Теперь они пытались справиться с толпой – множеством испуганных и разозленных людей. Во дворе собралось не меньше восьмидесяти врагов Карафы. Фуггер увидел, как кто-то из мужчин уперся, ударил тюремщика – и был брошен на землю тупыми концами копий. Стоявшие рядом злобно сверкнули глазами и гневно подались вперед.

Фуггеру вдруг показалось, что этот двор похож на туннель под стенами Сиены. Правильно расположенного порохового бочонка было бы достаточно, чтобы обрушить здесь все. Убедившись в том, что порох на полке не отсырел, Фуггер нырнул в толчею.

\* \* \*

Они поднялись уже до середины лестницы, когда услышали где-то впереди приглушенные крики. Хакон предупреждающе поднял руку. Эрик, прижав Марию к груди, остановился. Позади, за их спинами, раздался тихий шепот.

Похоже, дверь наверху распахнули, потому что шум внезапно усилился и до беглецов донеслась струя свежего воздуха. Спустя миг по винтовой лестнице затопали сапоги.

– Назад! – прошипел Хакон, затушив факел о стену.

Несколькими шагами ниже они миновали ниши по обе

стороны лестницы. Они были неглубоки, но все же это было кое-что, если учесть, что на этой узкой лестнице Хакон не мог даже взмахнуть руками. Из-под складок украденного плаща Хакон извлек свой короткий боевой топор. В темноте он уловил тихий вопрос: «Ты можешь идти?», простое «Да» в ответ и скрежет сабли о саблю.

– Вперед, ребята, вперед! – закричали сверху, и почти тут же беглецы увидели блики света.

Выставив факелы впереди себя, солдаты громко топали коваными сапогами.

Когда свет первого факела оказался на уровне глаз Хакона, он рыкнул: «Давай!» и ударил топором немного выше факела.

Испуганный крик, встретивший возглас скандинава, оборвался после удара. Почти сразу же раздался голос другого солдата:

– Помогите! Мы нашли...

Из-за низкого свода Эрик не мог размахнуться – только колоть острием, наименее эффективной частью его кривых сабель. Тем не менее крик солдата захлебнулся в крови и тотчас был заглушён боевым кличем:

– Хаконсон!

Падение факелоносца означало мгновенную темноту. Солдаты поспешно отступили, поднявшись на несколько ступеней вверх, чтобы спастись от внезапного нападения. Испуганные люди спотыкались во мраке.

– Иди! – крикнул Хакон, хотя его сын не нуждался в приказах.

Пытаясь последовать за ним, Хакон споткнулся о чье-то тело. Над ним послышалось бряцанье, голоса в темноте. Он вскочил и побежал вверх.

Там уже было немного света – последние из нападавших размахивали факелами. Позади них Хакон увидел офицера, которого оставил связанным в бочке, и выругал себя за небрежность. А в следующую минуту он был уже в гуще врагов – увертывался от удара копья, уклонялся от замаха меча. Хакон нанес ответный удар кому-то в лицо, используя рукоять топора как древко копья. Солдат упал, но за ним обнаружился еще один, а дальше – еще и еще. Не имея возможности пользоваться своим оружием в полную силу, отец и сын только блокировали направленные на них удары. Клинки сомкнулись – и началось испытание сил. Хотя оба скандинава были людьми сильными, но их было всего двое. А на них сверху напирала не менее десятка.

– Правильно! Гоните их обратно в ад! – завопил Люций Хельцингер, выискивая возможность ткнуть своих недругов острием пики поверх голов своих солдат. Когда ему это не удалось, он перевернул пику и со всей силы толкнул древком в спину того, кто стоял к нему ближе других. Лишнее давление создало перевес, и сначала Хакон, а потом и Эрик повалились назад.

Они быстро теряли отвоеванные шаги. Под ударами пик

они отшатывались, отчаянно пытаясь защищаться. С криком Мария оттащила Эрика, выхватывая возлюбленного из-под удара меча, направленного ему в голову. Она увлекла его в нишу, где оставалась с самого начала боя. Хакон ввалился во вторую, точно такую же, как и первая, расположенную на другой стороне лестницы. Напоследок Хакон ударом топора перерубил древко солдатской пики.

Беглецы оказались в ловушке. Наступило секундное затишье. Солдаты на лестнице остановились, и частокол пик устремился в обе ниши.

– Продолжайте оттеснять их назад! – крикнул Люций Хельцингер. – Мы загоним этих баранов в самый зловонный угол ада!

Хакон встретился взглядом с сыном. В его глазах он прочел то, что, видимо, было написано и в его собственных. Признание того, что наступил конец.

Хакон уже собирался признать это, крикнуть Эрику «Прощай!» и броситься на пики, когда из-за их спин, снизу, слышался новый звук. Он начался совсем тихо. Единственное слово, произнесенное шепотом. Постепенно его подхватывали все новые и новые голоса. Звук нарастал, и вскоре в нем слились десятки голосов. И с каждым мгновением их становилось все больше. Это был уже не шепот, а рев. Люди в лохмотьях, облепленные соломой и испражнениями, неслись вверх по лестнице, выкрикивая это слово, которое из символа отчаяния превратилось в знамение их надежды.

– Тартар!

Легионы ада рвались из своего узилища. Выставляя перед собой костяные ножи, люди подныривали под острия пик, нанося удары снизу вверх. Солдаты на лестнице спотыкались и падали, ругаясь и тщетно пытаясь увернуться от костяных лезвий, бивших по их лицам. Оставшиеся на ногах бросились бежать. Призраки следовали за ними по пятам.

Затаившиеся в нишах скандинавы не ждали приглашений.

– Пошли! – махнул сыну Хакон, и они последовали к свету за движущимися кучами лохмотьев.

\* \* \*

Фуггер правильно оценил ситуацию: перед ним находится пороховой бочонок. Еретики, евреи – все испуганные пленники нового Папы – почти отчаялись. Однако зверское обращение и резко уменьшившееся число тюремщиков придали им мужества. Немец был уверен, что они последуют за человеком, который возьмет на себя роль вождя. Они примут его сигнал.

Приблизившись к командиру, Фуггер вытащил из складок плаща пистолет. И тут, когда он уже шагнул вперед, от входа в Тартар донесся пронзительный крик.

Первым оттуда выскочил Люций, который потерял свой плащ и снова остался в одной нижней рубашке.

– Ружья, сюда! – завопил он.

Четыре стражника с мушкетами развернулись, выполняя его приказ, и выстроились у узкого выхода.

Наступила решающая минута – и Фуггер понял это. Нажимая на спусковой крючок, он увидел, как колесико ударило по кремню и рассыпало искры на полке.

– Смерть тиранам!

Пистолет выстрелил – и стражник упал. Избитые арестанты увидели шанс отомстить и набросились на завербованных капитаном преступников, которые творили над ними насилие. Тюремный двор содрогался: повсюду закипело множество яростных схваток. Только перед женской тюрьмой Фуггер различил признаки организованного противодействия: там стоял Хельцингер и его солдаты с полудюжиной мушкетов. Но в ту минуту, когда они опустили дула, готовясь стрелять в толпу, из здания вырвались жуткие серые фигуры, вооруженные костяными ножами. Последние капли дисциплины испарились.

Позади Фуггера кто-то распахнул ворота мужской тюрьмы. Калеку чуть было не затоптали. Толпа с криками бежала вперед. Кто-то вырвал пистолет из его покалеченной руки. Поверх голов толпы Фуггер увидел в дверях знакомую фигуру.

– Хакон! Я здесь! – завопил немец, но его не услышали. Он увидел, как скандинав обвел взглядом толпу, а потом подал кому-то знак. Эрик выскочил на ступени, держа на руках сверток лохмотьев. Фуггеру понадобилось несколько се-



кунд, чтобы понять, что именно держит молодой человек. С осознанием пришли и слезы.

– Моя дочь! О, мое дитя!

Хакон начал проталкиваться к воротам. Бой закончился – началось отступление. В прежде густой толпе теперь зияли значительные бреши, и Фуггер пробирався к выходу из тюрьмы. Он оказался там одновременно с остальными.

Непослушными губами Фуггер произнес:

– Она жива?

Из лохмотьев вынырнула рука – грязная и окровавленная – и сжала его плечо.

– Не уходи, отец! – тихо попросила Мария. – Расскажи мне еще что-нибудь.

Ворота уже были распахнуты. Мертвые стражники лежали в грязи. Фуггер поспешно провел своих спутников к лошадям. Они сели в седла и, пришпорив скакунов, пустили их прямо в толпу, вырывавшуюся из разверстых ворот. Над головами бывших арестантов Хакон увидел извивающееся полуголоое тело, поднятое на пиках: золотисто-рыжие волосы развевались, нижняя рубаха была залита кровью. В одном из зданий тюрьмы вспыхнул огонь. Все громче звучали страшные крики людей, объединенных желанием мстить.

Хакон покачал головой.

– Ты это имел в виду, Фуггер, когда говорил, что нам следует прятаться на виду?

Фуггер в ответ ухмыльнулся:

– Не совсем. В Монтальчино?

– Да. В Монтальчино. И так быстро, как только способны эти клячи. Верно, парень?

Но Эрик не прислушивался к словам отца. Он был чересчур поглощен тем, что произносили истерзанные, прекрасные губы его любимой.

\* \* \*

– «Спешат они пролить кровь невинную». Исайя, кажется.

– Исайя? При чем тут к дьяволу Исайя, Фуггер? И вообще, я хочу пролить не невинную кровь, а кровь виновного.

– Но ты ведь собираешься тащить с собой мою Марию, рисковать ее кровью.

– Преисподняя и ее черти! Она может остаться здесь! Я же сказал!

– Я не желаю снова расставаться с моим Эриком!

– Это совсем ненадолго, милая.

– Нет! И потом, это Джанни Ромбо обрек меня на ад. Я хочу встретиться с ним снова. Я ему глаза выцарапаю!

Огромный кулак ударил по столу.

– Тогда, клянусь ранами Христовыми, отправляемся все вместе!

– Но куда, скандинав?

– Во Францию. Мы договорились с Жаном и Анной, что встретимся в Париже...

– Начиная с третьего дня после праздника Святого Алоизия в каждый следующий день, у Собора Парижской Богоматери, между полуднем и тремя часами дня. – Фуггер хмыкнул. – Я всегда считал, что этот план – глупость. Если Джанни раньше их успел к перекрестку, что наиболее вероятно, то он может уже ехать со своей добычей в Рим. Или везти ее в Лондон. А Жан с Анной могут оказаться где угодно, если они преследуют его.

Хакон мрачно улыбнулся:

– Места встречи, каким бы безумным оно ни было, надо придерживаться. Франция – это последнее место, о котором нам известно, что они там были, потому что Жан наверняка последовал за Джанни до перекрестка. А Париж не хуже других городов годится для того, чтобы собрать сведения. К тому же туда от Луары всего три дня езды. И из Лондона – тоже. Так что если ни у кого не найдется более удачного плана...

Все по очереди покачали головой – даже, в конце концов, Фуггер. Когда он со вздохом сдался, Хакон встал и поднял руку. Каждый положил свою ладонь сверху.

– Итак, наш отряд сформирован. По крайней мере, большая его часть. Вопреки всем исчадиям ада и мечам Франции мы разыщем Жана и Анну. Вчетвером против всего мира, если понадобится.

– Впятером.

Они не услышали ее приближения, потому что она не по-

желала быть услышанной. Она стояла в тени дверного проема и слушала их со слезами на глазах. Лицо ее покраснело от мучительной борьбы разума и чувств.

– Впятером, – повторила она, подходя к застывшим от изумления друзьям и кладя свою руку поверх остальных.

– Бекк! – встревоженно проговорил Хакон. – Ты достаточно здорова, чтобы куда-то ехать?

– Да. Моя дочь хорошо меня вылечила. Я не задержу вас. Кроме того, я по-прежнему стреляю из мушкета лучше всех вас. Мне нужно быть на месте, чтобы не дать вот ей вырвать глаза моему сыну.

И Ребекка положила вторую руку на плечо девушки и чуть сжала его, останавливая ее протестующий возглас.

Их руки под ее ладонью. Сила их дружбы, ощущавшаяся в этом круговом рукопожатии. Бекк не хватало этого в те недели, когда она, отвернувшись от них, пыталась вернуться к иудаизму, к племени, которое она отвергла так давно, взяв в мужа Жана Ромбо. И теперь, слыша их голоса и ощущая эту силу, Бекк понимала: она находится именно там, где ей следует быть.

– Итак, я поеду с вами в Париж, в Лондон. На край земли. Я попытаюсь помешать моим мужчинам убить друг друга – моим сильным и гордым мужчинам. Я постараюсь поступить правильно.

На этот раз слезы навернулись на глаза Хакона, однако его голос остался звучным.

– Значит, наш отряд действительно возродился. И где бы они сейчас ни находились, с какой бедой ни столкнулись, пусть почувствуют: мы идем им на помощь.

И они отозвались в один голос:

– Воистину так.

## Глава 14. ГРЕХИ ОТЦОВ

– Benedic me, Domine, quia peccavi in cogitatione, verbo et opere. Mea...

– Прости меня, сыне, ибо я говорю только на языке этой страны. Я – бедный приходской священник и не знаю латыни.

Джанни посмотрел на решетку, разделявшую каморки исповедальни. Позади нее была видна темная тень священника, склонившего голову, чтобы слушать. Вздохнув, Джанни вспомнил о том, как шел сюда от Тауэра, минуя один храм за другим для того, чтобы попасть в Собор Святого Павла. Он подумал, что в главном храме государства должен найтись человек, у которого достанет ума и аскетической опытности, чтобы выслушать его исповедь, а потом назначить строгую епитимию за его грехи. Однако даже здесь он встречает только невежество! Неудивительно, что это королевство так далеко отошло от истинного света, коль скоро здесь даже пастыри не в состоянии говорить на священном языке.

Из тех четырех языков, которыми он владел, английский был наименее любимым, а этот священник, судя по его резкому говору, к тому же пользовался одним из тех странных диалектов, которые, похоже, меняются через каждые две улицы! Джанни захотелось уйти, но с момента его последней исповеди прошло немало времени – тогда, в Риме, ему было

прощено убийство старого еврея. Теперь на его руках появилась новая кровь – конечно, то была кровь врага, еретика, но все равно кровь. Однако стоит ли говорить обо всем этом человеку, который, вероятно, никогда не покидал келий Собора Святого Павла?

Но возможно, это тоже было частью его искупления. Приблизив лицо к деревянным планкам, Джанни повторил те же слова по-английски:

– Тогда простите меня, отче, согрешившего мыслью, словом и делом. Со времени моей последней исповеди прошло четыре недели.

– Какие грехи ты совершил, сын мой?

Такое отсутствие тонкости! Такая прямота! До чего же это по-английски!

– Первый грех – гордыня. Я многое сделал для святого дела и радуюсь этому.

– Значит, теперь ты сожалешь о содеянном?

– Конечно нет! Я проливал кровь только врагов Христа. Но мне не следовало бы гордиться их смертью, мне следовало бы служить только скромным сосудом Господа.

– Понимаю. И гордыня – твой единственный грех?

– Самый большой.

Наступило молчание, а потом этот странный голос снова хрипло спросил:

– А как же гнев?

– Гнев?

– Ты сказал, что пролил кровь врагов Христа. Они пробу-  
дили в тебе гнев?

– Конечно. Иначе я не смог бы их убить.

О чем говорит этот невежественный человек?

– И ты хотел бы наказать всех грешников этого мира?  
Здесь, в Лондоне? Возможно, твоих родных?

– Родных? – Разговор принимал странный оборот. – Мы  
говорим здесь о моих грехах, отче, а не о чужих.

– А разве грехи отцов не ложатся на тебя?

Джанни с трудом проглотил вскрик. Опять эта английская  
прямота! Он избегал говорить о своей семье, особенно на  
исповеди. Ему не удавалось подобрать нужные слова. Даже  
его исповедники в Риме не могли осознать всей глубины тех  
грехов. А вот этот невежественный англичанин, который не  
говорит на латыни и, похоже, плохо владеет даже своим род-  
ным языком, говорит о грехе его семьи!

Священник понизил голос, заставив Джанни наклониться  
ближе к решетке.

– Полно! Тебе ведь известно про грехи отцов. Разве они  
не пали на тебя?

Джанни тряхнул головой и сел прямее. На него нахлынул  
гнев. Он хотел говорить совсем не об этом.

– Возможно. Но вы не в силах разрешить меня от них.  
Только Бог может это сделать.

– Возможно, если бы мне стало понятно, каковы они...

– Это просто. Мой отец служит сатане. Молчание было



довольно долгим, а потом священник спросил:

– Как?

– Почему нам нужно об этом говорить, святой отец?

– Как?

Джанни стиснул зубы и, не разжимая их, процедил:

– Он вырастил меня в неведении Славы Христовой.

– Многие люди о ней не знают. Разве неведение – это грех?

– Да! Грешно не знать Господних заповедей. И из-за этого невежества пытаться причинить вред святой Матери-Церкви. Он согрешил с одной из блудниц сатаны! – Голос Джанни рвался сквозь решетку, словно пытаясь разбить ее. – Он был ее рыцарем, этой шлюхи, этой еретички, этой ведьмы, которая отвратила вашу страну от света Рима.

– Спокойно, сын мой, спокойно.

Снова наступило молчание, в котором каждый прислушивался к дыханию другого. В конце концов Джанни нарушил безмолвие:

– Но я искупил грех моего отца. Я вернул то, что было украдено. Я уничтожил все то, что содеял отец, и радуюсь этому!

Голос отозвался шепотом:

– Снова гордыня?

– Да! – яростно подтвердил Джанни. – Я горжусь тем, что разрушил его зло!

Ему надоело все это. Ему надоел этот недалекий священник. Он уже собрался было уйти, не получив отпущения гре-

ХОВ.

И тут голос зазвучал снова:

– А искупил ли ты грехи остальных членов своей семьи? Джанни попытался посмотреть сквозь деревянную паутину, которая разделяла две каморки.

– Да, я намерен искупить и их. Но моя мать родилась во грехе, принадлежа к племени убийц Христа. А моя сестра...

Ему представилась Анна – такая, какой он видел ее в последний раз. Ренар стоял перед ними обоими, разъяренный тем, что его лишили главной добычи – французского палача, их отца. И когда она отказалась отвечать, Лис пообещал получить приказ Совета подвергнуть Анну Ромбо пытке. При этой мысли Джанни затошнило, и поэтому он заставил себя отвечать не менее сурово:

– Моя сестра сама должна искупать их. И она это сделает – очень скоро.

– Как?

Джанни не понимал, почему сказал об этом священнику. Возможно, ему просто хотелось поскорее уйти. А возможно, он желал только избавиться от картин, которые повсюду преследовали его.

– Сначала с ней будет говорить иезуит. Иезуитский способ – мягкостью убедить виновную в ее ошибках. Это с ней не пройдет.

– А когда иезуит потерпит поражение? Что случится тогда?

В эту секунду Джанни ощутил на щеке нечто странное. Подняв руку, он недоуменно прикоснулся к своим слезам. Слабость заставила его согрешить – и он впал в ярость.

– Тогда послезавтра придет другой человек, который повенчает ее с дыбой! – Его губы прижались к решетке. – Он вздернет ее и переломает ей все тело. И его тоже ждет провал, потому что Анна ничего не выдаст. Ничего! Ничего! – У Джанни сорвался голос. – Ради мук Христовых, отче, отпустите мне мои собственные грехи и оставьте в покое мою семью!

Джанни с такой силой прижал лицо к решетке, что перекладыны впились ему в кожу и намокли от его слез. Несколько секунд он прислушивался к молчанию по другую сторону.

– Отче?

И это слово будто подтолкнуло его. Внезапно Джанни все понял и в спешке оборвал занавесь.

Соседняя клетушка оказалась пустой, хотя, когда он провел ладонью по лавке, та еще сохраняла тепло. У себя за спиной, в дальнем конце нефа, Джанни услышал, как открылась и сразу же закрылась дверца, проделанная в огромных дубовых дверях собора. Джанни бросился к ней, не сразу справившись со щеколдой, и выбежал, растолкав в стороны тех, кто хотел войти в храм. Был ранний вечер, и вокруг оказалось немало гуляющих. Тот, кого он искал, затерялся среди них.

– Отец! – крикнул Джанни – совсем не так, как говорил

в храме.

Стоявшие рядом люди отшатнулись – их обожгло мукой, прозвучавшей в голосе юноши.

Искать было бесполезно. Жан Ромбо исчез. Опустившись на каменную ступеньку и не обращая внимания на окружающих, Джанни беззвучно заплакал.

На углу проулка, скрываясь в тени и глядя сквозь толпу, Жан Ромбо смотрел на своего сына. Ему хотелось подойти, обнять Джанни, попытаться преодолеть пропасть, разделившую их, но он знал, что из этого ничего бы не вышло. Сочувствие быстро заставит юношу впасть в ярость, вернуться к своему «предназначению». Его исповедь убедила Жана в этом. Выследив Джанни от самого Тауэра, где постоянно наблюдал с того момента, как накануне бежал оттуда, Жан надеялся на то, что, возможно, убедит сына помочь освободить Анну. Когда он увидел, как сын входит в исповедальню, то решил, что им представится возможность поговорить. Но, услышав, как Джанни обращается к нему «отче» – какой бы смысл тот ни вкладывал в это слово, – Жан промолчал и воспользовался возможностью заглянуть юноше в сердце. И увидел там только ужас.

Джанни не поможет ему проникнуть в Тауэр. А ведь в тех стенах Анну ожидают муки дыбы..

Это место пугало Жана больше всего. Однако он не мог не пойти туда. И теперь, глядя, как его сын плачет перед огромным деревянным зданием Собора Святого Павла, мысленно

Жан Ромбо увидел другого родителя – и другое дитя. Это дитя, возможно, было единственным человеком во всем королевстве, способным помочь ему сейчас.

– Прости меня, сын мой! – прошептал Жан вновь, обращаясь к своему ребенку через неизмеримую пропасть, разверзшуюся между ними.

А потом свернул в переулок, который вел к Темзе, и быстро зашагал к пристани, гдеперевозчики ссорились из-за пассажиров.

\* \* \*

На холодном каменном полу его тело давно онемело. Хотя наставники Томаса уже давно не рекомендовали боль как способ сосредоточить ум, ему казалось, что это пустячное неудобство, напротив, весьма полезно. Он даже нарочно выбрал самое неудобное помещение в этой наполовину восстановленной башне Мартина, где больше никто не жил. Томас Лоули сделал это потому, что комната напомнила ему суровые монастырские кельи, в которых он научился любить Христа.

Сегодня ему никак не удавалось добиться ясности мыслей. Требования долга тонули в водовороте, сливаясь там с длинными черными волосами, черными глазами – с женщиной, которая спокойно парила над дорогой у стен павшей Сиены. Томас узнал ее в ту самую минуту, как только увидел ее

на сожжении еретиков. И лишь после долгих часов молитвы ему удалось отделить ее образ от своего ответа. Как всегда, этот ответ заключался в слабости духа, в его прежней, греховной жизни. Когда Томас был солдатом, то вокруг него всегда было много женщин: они были доступными, из-за них дрались. Один раз он даже решил, что влюблен. Все это – заблуждения, дьявольский соблазн. Уже десять лет Томас избегал женщин. Десять лет он был солдатом Христа в Обществе Иисуса. Эта женщина, эта Анна стала просто напоминанием о прошлом. Наконец Томасу удалось отделить свою реакцию на ее прекрасную плоть и несомненную отвагу от желания спасти ее душу. К тому моменту, как он услышал шаги, поднимавшиеся по полуразрушенной лестнице башни к его комнате, он уже был готов ко встрече с ней.

«Теперь она больше не парит», – подумал Томас.

Анна стояла, повернув голову, и темные волосы вуалью закрывали ее лицо. На них остались следы грязи и соломы, под стать отметинам, испещрившим ее блузу и юбку. Она скрестила на груди руки, стиснула кулаки.

– Вы не сядете? – предложил Томас, указывая туда, где по одну сторону стола были поставлены два стула, развернутые друг к другу.

Девушка ничем не показала, что слышит. Только когда иезуит повторил свой вопрос и сделал шаг в ее сторону, узница повернула к нему лицо, такое же грязное, как и одежда. На правой скуле у нее красовался синяк, темный и опухший.

Томас указал на него.

– С вами дурно обращались. Мне очень жаль. Садитесь, пожалуйста. Пожалуйста.

«Так вот как это начинается, – подумала Анна. – Я слышала о том, как действуют палачи. Мерзкая камера. Стражники – жестокие, похотливые. Потом – добрый, мягкий мужчина. И наконец, тот человек, который так разъярился вчера и который вернется с разрешением мучить меня».

Анна села. Ей налили вина, предложили хлеба. Она начала жевать жесткую корку, а выпила очень немного. Она не ела уже сутки.

Томас наблюдал за ней. Когда был съеден второй черствый рогалик, он заговорил:

– Вам известно, почему вы оказались здесь, дитя? Еда помогла ей восстановить силы.

– Чтобы продолжить мои мучения. Чтобы ослабить меня перед тем, что меня ждет.

– Вы так плохо обо мне думаете?

– Я вообще никак о вас не думаю, сударь. Я вас не знаю.

– Мое имя – Томас Лоули. Я – член Общества Иисуса. Это вам что-то говорит?

На тарелке еще оставались крошки, и Анна стала подбирать их.

– Да. Мой брат учился в вашем ордене в Риме. Вы – янычары Папы Римского.

Это стало для него неожиданностью – услышать старин-

ное оскорбление из ее уст. Томас даже рассмеялся.

– Возможно, мы – действительно воины Христовы, леди. Однако ваш необыкновенный брат не принадлежит к нашему ордену, потому что, кажется, считает наши методы недостаточно воинственными. Ваш брат хотел бы сжигать еретиков, чтобы спасти их от грехов. Мы же стремимся убеждать, а не принуждать.

Анна Ромбо впервые посмотрела ему прямо в глаза.

– Значит, вы хотели бы спасти меня от греха?

– Это стало бы для меня огромной радостью.

– Однако я не еретичка.

– И все же вы здесь из-за еретического дела.

– Я здесь по семейному делу, сударь, только и всего. И как я могу быть еретичкой, если никогда не была католичкой?

– Вас не крестили?

– Нет. Моему отцу не нравится то, что делают ради религии. А моя мать... – Анна помедлила, а потом смело заключила: – Моя мать – еврейка. Она говорит, что это значит, что я тоже еврейка. Так что теперь можете ненавидеть меня еще и за это.

– Ненавидеть вас?

Поразительная новость! Брат этой женщины ненавидел евреев с таким пылом, какого Томас еще никогда не встречал. А ведь он встречал немало людей, ненавидевших евреев. И вот теперь выясняется, что Джанни и сам был евреем!

Томас отошел от стола и посмотрел на простое деревян-



ное распятие, висевшее в углу. Повернувшись к узнице спиной, он сказал:

– Вы знаете, что говорит о евреях наш дражайший глава, Игнатий Лойола? «Подумаешь! Быть в родстве с Господом нашим Христом и Госпожой нашей преславной Девой Марией!» – Иезуит снова повернулся к пленнице. – Нет, я не стану ненавидеть вас за это. Я вас чту.

Анна всмотрелась в лицо этого человека. Она знала, что оказалась здесь для допроса. Возможно, такова его манера: заманить ее, накормить, заболтать... Тем не менее он казался искренним. И тем больше у нее причин оставаться настороже. Однако Анне не удалось обуздать свой язык, потому что ее всегда раздражала самоуверенность религиозных людей.

– Но я тоже люблю историю о Христе. Не ту, которую рассказывает церковь. Его собственную историю, изложенную в его собственных словах!

– Дитя, не вам толковать Его слова. Это – дело Святой Церкви. Все остальное – ересь. Неужели вы не понимаете, что именно за этот грех вчера была сожжена женщина?

– Ну вот видите, – откликнулась Анна. – Значит, я все-таки еретичка.

Разговор пошел не так, как надеялся Томас. Пора менять подход.

– Как мне хотелось бы, чтобы у меня было время освободить вас от ваших ошибок! Увы, у нас с вами нет долгих ча-

сов, необходимых для этого. Тот, кто приказывает мне здесь, в Англии, – человек весьма нетерпеливый. Он хочет получить от вас сведения. И его методы весьма отличаются от моих.

Анна понизила голос:

– Разве это благородно с вашей стороны – угрожать мне, сударь?

– Я не угрожаю вам, дитя. Я объясняю, что произойдет. И я не в силах изменить этого. Если только вы не...

– Да?

– Если вы не скажете мне сейчас то, что нам нужно знать. Если вы это сделаете, то тем самым не только спасете свою жизнь – у нас может появиться время, которое необходимо для того, чтобы я мог спасти и вашу душу.

Анна никак не могла понять, является ли его откровенность простой уловкой. Не поднимая глаз, она пробормотала:

– Что вам нужно знать?

Томас вздохнул. Начало положено.

– Все, касающееся руки Анны Болейн. Все о ее магических свойствах, о ее способности проклинать и излечивать. Все о палаче, Жане Ромбо. О том, что ваш отец рассказывал вам о руке, о своих отношениях с королевой ереси и ведьмовства. Откройте мне свое сердце, и, поверьте, я почувствую, если вы утаите от меня хоть крупицу сведений. Говорите открыто и прямо – и я встану между вами и вашей

судьбой.

Анна не знала, что ему можно рассказать. И в сущности, что особенного ей известно? Она попробует выдать ему что-нибудь. Но только не об отце.

– Я никогда не видела этой руки, но...

– Хотите увидеть ее сейчас?

Томас понял, что ему тоже хочется увидеть эту странную реликвию – здесь и сейчас, потому что он только мельком взглянул на нее, когда они выкопали ее во Франции, у перекрестка дорог. Для Томаса Лоули это были всего лишь останки, не более. Втайне он питал сомнения относительно собраний костей святых, наполнявших храмы Европы и продававшихся за груды золота. Однако иезуит никогда не сомневался в том, какую власть может возыметь над легковверными людьми подобный символ. Именно за это люди и платят деньги. За эту власть.

Томас прошел через комнату к простому дубовому сундуку. Открыв его, он извлек оттуда маленькую шкатулку, которую принес к столу. Ключ к ней висел на цепочке у него на шее. Иезуит вставил его в скважину и открыл крышку.

– Вот, дитя, – объявил он, отступая назад, чтобы наблюдать за лицом пленницы. – Вот источник всех этих трудов и страданий.

Дрожащими пальцами Анна оттянула край бархата – и вскрикнула от боли.

Это было ничто. Кисть руки, кости которой стали чисты-

ми в результате распада мягких тканей плоти.

И это было... все. Дело не в скелете, не в символе и даже не в лишнем пальце, лежавшем рядом с тем, которому полагалось быть мизинцем, – нет, во внезапном, мгновенном, ослепляющем прикосновении: живая плоть дотронулась до мертвой кости, и обе Анны вдруг оказались вместе, соединившись через годы, через невозможное – но несомненное. Королева схватила Анну Ромбо – черные волосы и черные глаза. Королева не была застывшей, не стала плоским портретом на стене, она жила, дышала... умирала. Тонкая красная полоса пробежала по стройной шее, кость запястья у нее в руке разломилась, крик, начавшийся почти два десятилетия назад, оборвался.

Для Томаса ее болезненный вскрик был началом – и концом. Анна упала на стол, и волосы закрыли ее лицо. Под волосами он услышал рыдание.

– В чем дело, Анна? Ты почувствовала здесь зло? Королева-ведьма пытается захватить твою душу? Христос защитит тебя, дитя, тебе надо только верить в Него. Давай я спрячу ее от тебя. Давай!

Он потянулся через узницу к шкатулке и даже сумел закрыть крышку, хотя ему пришлось очень неловко изогнуть тело, чтобы случайно не прикоснуться к девушке. А когда иезуит попытался взять со стола дубовую шкатулку, то его колено, ослабленное раной и холодом от долгого соприкосновения с каменным полом, не выдержало. Томас Лоули

услышал щелчок, вскрикнул и рухнул прямо на дочь французского палача.

Анна не слышала его слов, потому что не успела опомниться от потрясения. Внезапно она ощутила навалившийся на нее вес, прижавший ее к столу. Она выскользнула из-под него и встала в оборонительной позе, которой ее научили родители: нога заведена назад для пинка, руки опущены вниз для удара. Но Томас остался лежать там, где упал, свисая со стола и протягивая руку к больной ноге. Лицо его было искажено.

– Не бойтесь! – выдохнул он. – Это мое колено. Мне... ох!., мне необходимо лечь в постель.

Он попытался подняться и опереться на стул, но тот поехал в сторону, вызвав новый вскрик. Анна поняла, что страдания иезуита непритворны. И ей не важно было, что это враг. Он страдал. Она пошла к нему.

– Позвольте, я вам помогу, – предложила она.

Он схватил протянутую руку. Рука девушки оказалась неожиданно сильной, так что ему удалось встать. Вдвоем они доковыляли до его постели.

– Вот видите, какой из меня дознаватель!

Лицо иезуита морщилось от боли и попытки улыбнуться. Анна положила руку ему на колено, и он впервые за целую вечность ощутил там тепло.

– Что вы с ним сделали? Ну же, рассказывайте. У меня есть опыт целительства.

Томас собрался было возразить, напомнить ей, кто тут главный. Но ее сильные руки прикасались к его увечью, и в месте их прикосновения – хоть ему и трудно было в это поверить – действительно ощущалось облегчение.

– Я был военным. Нogu сломали во время одной осады и так и не вправили как следует. Я...

– Тшш!

Она прижала палец к его губам и снова принялась ощущивать колено. Два раза Томас вздрагивал от сильной боли. Однако постепенно он успокоился и откинулся назад, предоставляя ее пальцам полную свободу. Спустя какое-то время Анна выпрямилась, не вставая с кровати, и посмотрела на своего пациента.

– Мне уже приходилось видеть такие травмы. Кость колена смещается – ее почти ничто не держит на месте. Я могу поставить ее на место, но это будет больно.

– Один врач укладывал меня на дыбу и воротом пытался растянуть кости. Я не боюсь боли.

– Вот и хорошо. Лежите спокойно. И думайте о святых вещах.

Томас услышал в ее словах улыбку и, ответно улыбнувшись, вытянулся на постели. Однако его улыбке не суждено было задержаться: внезапная мука пронзила его тело, превратив все мысли в туман и принося с собой забытье.

Анна уложила ногу на кровать и посмотрела на потерявшего сознание человека. Ей требовалось туго затянуть ко-

лено тканью, чтобы оно не сместилось снова. Одна простыня оказалась надорванной, и девушка быстро превратила ее в полоски материи. Когда она приподнимала Томасу ногу, он застонал. В ту же секунду Анна встала возле его головы, нежно глядя лоб больного.

– Тише! – мягко прошептала она, как шептала юному солдату во дворе «Кометы», как шептала Джузеппе Тольдо и тысячам других умирающих во время осады Сиены. И, как и все они, Томас Лоули при ее прикосновении погрузился в сон, повинувшись мягкому приказу, звучавшему в ее голосе.

Туго перевязав колено, Анна снова села за стол. Томас долго не проспит. И в любом случае, дверь за ней заперли.

Она снова посмотрела на шкатулку, которую иезуит в приступе боли сбросил на пол. Анна поставила ее обратно, но открывать не стала. Она увидела в руке Анны Болейн все, что ей требовалось. Для обеих Анн осталась всего лишь одна слабая надежда. И был только один человек, который мог ее принести.

\* \* \*

Елизавета пробиралась сквозь заросли папоротника. Туфли на мягкой подошве неслышно ступали по узкой тропинке. Растения были на голову выше ее, закрывая от принцессы то, что могло бы стать мишенью для ее оружия. Однако она двигалась быстро, читая следы так, как научил ее ко-

гда-то отец: обломанный стебель, отпечаток копыта в прелой листве... Кабан проходил здесь, повернул обратно.

Когда принцесса обнаружила еще теплый помет, то поняла, насколько близко подошла к зверю.

Елизавета еще не остыла после быстрого галопа через открытое поле. Она настигла гончих на полпути к этим зарослям папоротника. Псаря остановили животных, и их раздосадованное гавканье и рычанье следовало за охотницей там, куда их не пустили. Слышны были и крики людей – испуганные голоса, пытавшиеся удержать ее так же, как цепи удержали собак. Однако Елизавета не собиралась повиноваться: никакой приказ не мог посадить ее на сворку, и здесь никому не удастся догнать ее. Эти места известны принцессе гораздо лучше, чем любому из них, – не ее ли отец создал эти охотничьи уголья?

Елизавета выставила рогатину для охоты на кабана, раздвигая ею папоротник, заглушивший оленью тропу.левой рукой принцесса удерживала рогатину за крестовину на середине дубового древка, правой прижимала к боку. Пора перейти на более медленный шаг: кабан наверняка остановился где-то совсем близко, раз собаки отстали. Именно в этот момент животное становится самым опасным. Сейчас оно будет пытаться услышать ее так же, как она пытается услышать его.

Чей-то голос окликнул охотницу – примерно в ста шагах левее, как ей показалось. Филипп! Его жеребец держался по-



что ровень с нею, когда она пришпорила кобылу для последнего рывка. Ее лошадь, меньшая по размеру, была подвижнее и на коротких дистанциях выигрывала. Наверное, Филипп успел увидеть Елизавету в тот момент, когда она спешила, чтобы углубиться в папоротники, но потом она взяла резко вправо, двигаясь по узким тропам.

Филипп. Он поддразнил ее в своей любезной манере, когда она брала рогатину на кабана из оружейной. «Королева-воительница, как ваша Боадицея!» – так он назвал ее, а потом мягко напомнил, что убивать положено мужчинам, а женщинам – держаться позади и восхищаться ими. Испанцу хотелось покрасоваться перед Елизаветой, как он сделал это неделю назад с тем красивым оленем.

Ну и что? Елизавете надоело смотреть, как мужчины гордо прохаживаются перед ней, оставляя ей роль восхищенной дурочки. Сейчас они с Филиппом – не на иссушенных равнинах Кастилии, а в ее зеленой Англии. Элиза – дочь Гарри, и отец научил ее, что надо делать с рогатиной.

Елизавета приостановилась, снова скользнув взглядом по тропинке. Затаив дыхание, она пыталась уловить сопение, вырывавшееся из тяжело вздымающихся мохнатых боков.

Вот оно! Это существо переминается на сухих листьях, медленно поднимается на копыта, снова пригибается, готовясь нападать, опускает кинжально-острые клыки к папоротнику, который она как раз собиралась отодвинуть...

Что-то ударило ее в бок. Задохнувшись, охотница выро-

нила рогатину на землю. У нее не было возможности вскрикнуть, и она испытала мгновение ужаса, ожидая, что сейчас ее тело вспорют костяные лезвия. Ее лицо ушло в папоротник, рука при падении оказалась придавлена телом – но вторая уже тянулась к кинжалу, закрепленному у пояса.

Чьи-то пальцы остановили ее руку, ладонь зажала ей рот. Прикосновение человека сначала принесло чувство облегчения, а потом вызвало гнев. Никто не смеет так прикасаться к принцессе! Даже принц. Елизавета сжала зубы, почувствовала вкус крови, с удовлетворением услышала приглушенный вскрик боли. Однако рука не отпустила ее рта, хотя она укусила еще раз, сильнее. Вместо этого возле ее уха оказались губы, и чей-то голос поспешно прошептал:

– Миледи, не кричите, молю вас. Я – друг и принес вам известие.

Друзья не вжимают ее в землю. Она не разжала зубов. Полный боли шепот продолжился.

– Ваше высочество. Я – Жан Ромбо. Я был... палачом вашей матери.

Елизавета перестала его кусать и попыталась вздохнуть.

– Это правда, принцесса, клянусь вам. Я... оказал вашей матери некую услугу. И теперь вам, ее дочери, угрожает страшная опасность.

Принцесса повернула голову, освобождая рот от душившей ее руки. Незнакомец позволил ей это сделать.

– Слезайте с меня.

Приказ прозвучал решительно, однако она отдала его шепотом. Выбравшись из-под него, Елизавета отодвинулась подалее. Возясь в папоротниках, они примяли стебли. Запах кабана ощущался очень явственно. Елизавета нашла лежку, а в ней – гораздо более опасного зверя. Ее рука легла на рукоять кинжала, вытянула его из ножен. Мужчина, присевший на корточки напротив нее, продемонстрировал ей свои пустые ладони.

– Жан Ромбо был великан. Молодой, сильный. А вы...

– Я слышал баллады, принцесса, в которых мне давали все семь футов роста и почти такой же размах плеч. А что до молодости... Ну, прошло ведь почти двадцать лет.

Было что-то в его глазах под седеющими волосами: улыбка и одновременно печаль. Елизавета давно научилась отличать ложь от правды – от этого умения зависела ее жизнь. Клинок чуть опустился, но не был спрятан. Где-то далеко ее окликали.

– Жан Ромбо, – проговорила принцесса. – Имя из кошмарного сна. – Она ощутила у себя на глазах слезы. – Вы отрубили голову моей матери.

Жан кивнул:

– Да, миледи. Я убил ту, которую любил, потому что у меня не было выбора.

– Которую вы... любили?

– Да, миледи. И ради этой любви я принес клятву исполнить просьбу вашей матери.

Кинжал выпал у нее из руки.

– И что вы сделали? – тихо спросила принцесса, хотя ответ был ей известен.

– Ваша мать страшилась того зла, которое могут совершать от ее имени. Того зла, которое может обратиться против вас. И она умоляла меня... взять ее руку, ту самую руку, и похоронить ее в земле, где она когда-то была счастлива.

«Счастлива»? Это слово никогда не ассоциировалось у Елизаветы с матерью, которой она не помнила. Никто не рассказывал ей хороших историй об Анне Болейн. О ней вообще не говорили.

Новые крики. Теперь звали и Филипп, и другие, встревоженные ее исчезновением.

Жан озабоченно осмотрелся. Но он вынужден был ждать, пока она не заговорит.

Ее голос стал резким. Слишком много чувств поднялось в ее душе.

– И этого вы сделать не смогли. Сдержать свою клятву. Потому что ее рука стала теперь для меня очень опасной.

– На какое-то время мне это удалось. Рука оставалась закрытой, пока...

Жан вдруг обнаружил, что не может говорить о происшедшем. Не было смысла извиняться, оправдываться чужими поступками, которых он так и не смог понять. И к тому же голоса приближались.

Он продолжил:

– Это не важно. Но рука снова оказалась здесь. Думаю, ее используют, чтобы угрожать вам, чего и боялась ваша мать.

– Это уже сделали. Такой опасности мне еще никогда не грозило.

Елизавета еще никому не признавалась в этом. Но здесь, с этим человеком, не было времени для игр.

– Чего вы от меня хотите, Жан Ромбо?

В ее голосе, в том, как она произнесла его имя, появилось нечто знакомое. Время исчезло, унесло двадцать лет – и вновь королева просит его об одолжении. А теперь и он умоляет об одолжении ее дочь, обещая в минуты грозящей ей опасности нечто такое, чего не в состоянии будет исполнить. Но сейчас смертельная опасность угрожает его собственной дочери, и все остальное просто не имеет значения.

– Мне надо попасть в Тауэр, миледи.

– Вы попытаетесь снова украсть руку? Он солгал. У него не было выбора.

– Я должен это сделать. Ради нас всех.

Елизавета была обучена видеть, когда ей лгут. Но надвигающаяся беда и внезапно появившаяся надежда, пусть слабая, усыпили ее бдительность. Кроме того, у нее попросту не было времени задуматься, потому что встревоженные оклики звучали все ближе.

– Елизавета! Принцесса!

Она стащила с пальца тяжелую печатку с кровавиком.

– Возьмите вот это. В Тауэре служит один офицер, кото-

рый любил мою мать. Во время моего недавнего заключения там он доказал, что меня он тоже любит. Его зовут Такнелл.

Голоса раздавались уже совсем близко:

– Принцесса! Миледи!

– Отдайте кольцо ему. Он сделает то, что попросит передавший его. Потому что моя мать – не единственная женщина, кому мужчины приносили клятвы.

Жан спрятал кольцо в карман. Под чьими-то шагами захрустели стебли. Кто-то обнаружил тропку, рядом с которой они притаились.

Французский палач изобразил поклон, не поднимаясь с корточек, а потом скользнул в листву. Его остановила женская рука, прикоснувшаяся к его рукаву.

– Скажите мне, Жан Ромбо: как умерла моя мать?

Он заглянул в эти глаза – наследство ее матери. Может быть, он не сможет спасти принцессу, но хотя бы это он ей дать в состоянии.

– Она умерла как королева. И в последнюю минуту произнесла ваше имя.

Жан сжал ее тонкие пальцы и исчез. Он не задержался, чтобы увидеть ее слезы, – их свидетелем стал Филипп Испанский, случайно обнаруживший принцессу.

– Миледи Елизавета! Вы поранились?

– Нет, милорд, – ответила она, вытирая глаза. – Я споткнулась, вот и все.

Король помог ей подняться.

– Почему вы не отвечали на наш зов?

Маска успела вернуться на ее лицо. Туда, где ей и подобало находиться.

– Как, милорд? Отозваться – и допустить, чтобы вы посмеялись над своей Боадицеей, споткнувшейся о собственное копьё?

Елизавета рассмеялась, и Филипп охотно присоединился к ее веселью.

– Вы хотите видеть, как я буду убивать зверя, Елизавета? Мои люди загнали его немного дальше.

Он махнул рукой в ту сторону, куда скрылся Жан. Она вздохнула и чуть подалась к нему, так что их лица сблизилась.

– Мне немного нехорошо, мой храбрый король. Нельзя ли нам посидеть минутку и поговорить?

Щеки над темной густой бородой вспыхнули румянцем, голос стал хрипловатым. Испанский король ответно придвинулся к ней.

– Все, что будет угодно моей принцессе, – отвечал он. – Обопритесь на меня.

Позволяя ему вести себя по тропинке, она оглянулась и мысленно проговорила:

«Помогай вам Бог, Жан Ромбо. Прилив начался. По крайней мере, я молюсь, чтобы это было так».

У кромки воды Жан Ромбо сидел в лодке – в той же, что доставила его сюда. Перевозчик пригласил его выпить на бе-

регу, пока они будут ожидать перемены течения, но сейчас ему как никогда необходимо было одиночество. Кольцо тяжелым грузом лежало у него в кармане. Течение скоро повернет, и через несколько часов Жан окажется в Тауэре. И он знал, что будет делать, когда проникнет туда, а чего делать не будет. Он найдет свою дочь, названную в честь королевы, – найдет ее в том самом месте, где он лишил эту королеву жизни. Он освободит свою дочь. Возможно, у него хватит отваги на это – но не больше того. Он не станет делать ничего, что было бы связано с клятвами и королевами.



## Глава 15. ЭНДШПИЛЬ

До рассвета оставался час. С реки поднимался туман, и ледяные пальцы сырости проникали под скудную одежду. Однако Жан понимал, что дрожит не из-за утреннего холода. Он стоял на том самом месте, где его высадил лодочник, — на пристани под воротами Предателя.

Стражнику не хотелось будить своего командира, и он отправился туда только после того, как ему пригрозили неприятными последствиями в случае отказа. Жан Ромбо добился согласия, показав кольцо, и стражник потопал прочь с недовольным ворчанием. Жану не хотелось выпускать кольца из рук, но ему не оставили выбора. И теперь, когда мучительно тянулись минуты, он начал опасаться, что больше никогда его не увидит.

– Где человек, потревоживший мой сон?

Гулко пронесшийся над сводами причала голос заставил Жана опять вздрогнуть.

– Здесь, сэр.

– Тогда поднимайся сюда, пареньь.

Жан осторожно взошел по скользким ступеням. Высокий мужчина стоял один в темноте у конца лестницы. Жан не мог разглядеть его лица, но из темноты донесся отчетливый шепот:

– Откуда у вас это кольцо, сэр?

– Оно вам известно?

– Оно мне известно. И мне интересно, откуда оно у вас.

Вы его украли?

– Нет. Я получил его от... с руки одной леди.

– Да неужели? – Полный подозрения голос стал еще тише. – Эта... леди сказала, что пришлет его мне только в случае самой крайней нужды.

Жан промолчал. После долгой паузы мужчина заговорил снова:

– Как ваше имя, сэр? Жан не видел смысла лгать.

– Мое имя – Жан Ромбо.

Тихое ругательство – и со стены был сорван факел. Мужчина поднес его к себе, осветив оба их лица. Жан увидел человека, который был чуть моложе его самого, но с такими же седыми волосами и бородой. Резкие черты выражали изумление. И ярость.

– Ромбо! Проклятое имя. – Факел опустился и снова поднялся: офицер внимательно осмотрел Жана. – Это действительно ты. Мы ведь уже встречались. Ты не помнишь меня... палач?

– Извините, я...

– Такнелл. – Англичанин приблизил лицо к Жану. – Я присутствовал при том, как ты ее убивал. Я поднял ее окровавленную голову, да простит меня Бог.

Жан видел, как воспоминания овладевают им. Теперь и он что-то вспомнил. Этот человек любил ее. Один из многих.

– Я помню вас, сэр.

– Тогда, возможно, вы вспомните... сударь... – Такнелл пытался овладеть собой. – Вы поймете, что у меня нет причин вас любить. Вы убили ее.

– Я оказал ей услугу.

– Услугу? – Смех прозвучал напряженно, неестественно. – И вы предлагаете ту же услугу дочери моей королевы? Вы явились примерить меч к шее принцессы? Ей давно уже намекают на это.

Такнелл в гневе повысил голос. Один из стражников направился к беседующим, оставив свой пост на верху башни. Жан шагнул к Такнеллу ближе и неподвижно уставился ему в лицо, заставляя себя говорить спокойно:

– Сэр, вы должны понимать, что принцесса не дала бы мне кольца ради подобной цели. Услуга, которую я оказал ее матери, была несколько большей, чем вы видели. Гораздо большей. Принцесса об этом знает. Именно поэтому она сейчас и направила меня к вам.

Англичанин продолжал смотреть на палача с глубоким подозрением.

– Полно, друг, – добавил Ромбо, – я любил Анну Болейн не меньше, чем вы. И теперь я только хочу показать эту любовь ее дочери.

Такнелл воззрился на своего собеседника, качая головой. Несколько мгновений спустя он сказал:

– И как же вы ее покажете, Ромбо?

Жан вздохнул глубже. Теперь ему необходимо проявлять крайнюю осторожность.

– В Тауэре есть узница – молодая женщина. У нее... сведения, которые нужны имперскому послу. Он получил разрешение допросить ее утром. Если он получит эти сведения, то они не просто повредят принцессе. Они осудят ее на смерть.

– И вы здесь для того, чтобы положить конец этой угрозе? Чтобы к списку ваших заслуг прибавилось еще и «наемный убийца»?

– Нет. Я здесь для того, чтобы освободить девушку. Увезти ее отсюда. Из королевства.

Такнелл внимательно всмотрелся в лицо Жана. Тот постарался сохранить бесстрастное выражение. Наконец англичанин заговорил:

– То, о чем вы просите, почти невозможно. Если ее ждет венчание с дыбой, то она под пристальным наблюдением. Мне опасно помогать вам.

– Вы будете помогать не мне. Владелице этого кольца. И сейчас – последний час ночи. Даже бдительные стражи устают.

Такнелл вытащил кольцо из кармана и долгие мгновения смотрел на него.

– Я поклялся ей, когда она находилась здесь в заключении в прошлом году, что сделаю все, что в моих силах. Ради нее и ради моей любви к ее матери. – Офицер вернул кольцо к себе в карман. – Похоже, у меня нет выбора.

Он повернулся и быстро пошел прочь от Жана. Тот на секунду задержался, мысленно вознеся благодарственную молитву за то, что принцесса сумела внушить к себе такую любовь. А потом двинулся следом.

Хотя восток еще только чуть осветился, Жан ясно разглядел лужайку. Людей здесь уже давно не было, но сохранились явственные следы казни. Вонь горелой плоти липла к стенам башен. Круглые выжженные пятна остались на тех местах, где горели костры: два – перед часовней, одно – чуть подальше, куда отбежал громадный, сгорающий заживо человек. Вороны прыгали по траве, выискивая кусочки тел, не уничтоженные огнем. Вот один из них что-то отыскал, и птицы тотчас начали шумно ссориться, вопя, как грешные души в аду. Содрогаясь, Жан уставился на плащ идущего впереди офицера, мысленно приказывая ему идти быстрее. Его гнала не только мысль об опасности, угрожавшей его дочери, но и все старые призраки, собравшиеся на этом клочке травы.

Они прошли рядом с восточной стеной часовни и вскоре оказались перед приземистой башней с зубцами.

– Флинт, – пробормотал Такнелл и завернул Жану руку за спину – сильно, почти не притворяясь. – Ты – мой пленник. Не разговаривай.

Первый стражник молча кивнул офицеру. Второго, у окованной двери, пришлось умиротворить паролем. Засовы были сняты – они вошли и сразу же начали спускаться по винтовой лестнице, уходившей глубоко в землю. Факелы, дого-

равшие на стенах, были установлены с большими интервалами. Наконец перед ними предстала дверь с решетчатым оконцем в центре. Три удара – и в окне возникло лицо, бородатое, с заплывшими глазами.

– Пленник! – рявкнул Такнелл. – Еще один проклятый предатель ее величества.

– Сейчас чертовски рано, Такнелл, – проворчал стражник, нагибаясь к засову.

Дверь со скрипом открылась.

– Это так, дружище, – согласился Такнелл, проходя мимо него, – но предательство не дремлет. Нет, Уильям, – добавил он, когда стражник попытался двинуться вместе с ним, – я его сам отведу. Надо кое о чем спросить, понимаешь? А ты возвращайся на свою койку.

Продолжая ворчать, солдат послушно удалился, предварительно вручив офицеру связку ключей.

– Ну, Ромбо, теперь нам надо действовать быстро. Сюда!

Лестница, которая привела их сюда, была душной и темной, но она ни в какое сравнение не шла с подземными катакомбами. Такнелл вел своего спутника по запутанным коридорам, где единственным источником света оставался тусклый фонарь. Слабый свет падал на усыпанный соломой пол, который то и дело шел под уклон или норовил стукнуть Жана по ногам неожиданными выступами, так что ему постоянно приходилось хвататься рукой за стены, чтобы не упасть. Пол понижался, и через каждые несколько шагов пальцы на-

щупывали грубые двери. Жан прикоснулся к одной из них – и по другую сторону что-то шевельнулось. Он услышал приглушенный вскрик, удар тела о крепкое дерево, рыдание.

Наконец, глубоко внизу, они остановились перед низким дверным проемом. Ржавый ключ вошел в скважину. После долгих усилий замок поддался. Ударом сапога Такнелл распахнул дверь. Затхлый воздух рванулся наружу с такой яростью, так что Жан чуть не задохнулся. По кивку Такнелла Жан сунул голову в мерзкую темноту.

– Анна?

Она находилась во власти снов и, застонав, начала вырываться, сопротивляясь рукам, которые волокли ее навстречу мрачной судьбе. А потом она услышала голос – голос из сна – и упала в объятия отца.

– Я знала, что ты придешь!

– Тише! Тише! Молчи.

Такнелл у двери потрянул фонарем.

– Если надеетесь скрыться, то надо уходить немедленно.

Когда они выбрались из камеры, Такнелл повел их дальше – не туда, откуда они только что пришли, но еще глубже, в лабиринт переходов.

В ответ на первый же вопрос Жана Такнелл грубо бросил:

– Я не могу вести вас обратно, иначе ваш побег меня погубит. Есть другой путь. Сюда!

Они остановились. Жан и Анна ощутили на лице поток свежего воздуха. Поднятый высоко фонарь осветил решетку.

– Подставляй руки.

Жан переплел пальцы, англичанин встал на них, схватился за прутья решетки и с силой их повернул. Решетка закачалась, и он протолкнул ее наверх.

Спустившись на пол, Такнелл пояснил:

– Этот вентиляционный ход заканчивается во рву. Вы сможете выбраться по нему до самого верха. Это возможно, потому что один заключенный именно так и бежал. Лаз выходит наружу у башни Мартина, вровень с внутренней стеной. Башня в плохом состоянии и почти не охраняется, потому что в ней почти никто не живет. Плавать умеете? Оба кивнули.

– Лестница сбоку от башни ведет ко рву. Сразу же переплывайте через него. Там во внешней стене скрыта маленькая дверца. Этот ключ, – тут офицер извлек из кармана древний кусок металла, – открывает ее. Заприте за собой и избавьтесь от ключа: если вас поймают с ним в кармане, мне придется плохо. А потом бегите. И да поможет вам Бог.

Такнелл повернулся, но Анна задержалась.

– Спасибо вам, сэр.

– Я делаю это не ради вас, а ради леди, за которую молю Спасителя, чтобы мне вскоре увидеть ее королевой.

– Вам будет грозить опасность, когда обнаружится мой побег?

– Возможно. Но я сейчас вернусь и сломаю дверь. Как я уже говорил вам, один заключенный уже убежал этим путем.



Я только надеюсь, что вам посчастливится больше, чем ему.  
Удачи вам.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Жан, но Так-нелл уже был далеко: свет фонаря померк в темноте.

Выбора у них не оставалось. Наверху их ждали свежий воздух и свобода. На этот раз руки подставила Анна, и Жан поднялся к решетке, слыша стоны дочери. Он протиснулся в узкий лаз, устроился понадежнее и протянул руки вниз. Девушка ухватилась за опущенную руку, и отец затащил ее повыше – дальше она могла карабкаться уже сама. Скоро они оба забились в лаз, где едва хватало места для двоих.

– Дамы вперед, отец? Жан с улыбкой обнял дочь.

– Думаю, молодость вперед, Анна. Ты всегда лазила лучше всех в семье. И потом, ни к чему, чтобы мои старые кости сыпались на тебя сверху из темноты.

Дочь ответно обняла его – и исчезла. Жан дал ей несколько секунд, а потом двинулся следом.

Лаз был узким, с грубыми стенами. Выступы служили удобными опорами для рук, но больно впивались в спину. Анна быстро поднималась. Жан двигался более медленно, всякий раз проверяя, надежно ли ухватился. Ход повернул, так что в одном месте стал почти горизонтальным, потом снова пошел вверх. Воздух делался все чище, и вскоре Анна увидела впереди слабые проблески – вокруг царила ночь, но ее мрак не был таким непроглядным.

– Отец! Я у поверхности. Но... я не могу сдвинуть решет-

ку!

Жан протиснулся к ней, и они вдвоем стали толкать ее изо всех сил. В конце концов решетка поддалась. Беглецы осторожно сдвинули ее в сторону. Жан просунул голову в отверстие, ощутив вокруг себя пустое пространство.

– Пошли, – сказал он и первым вылез из туннеля. Они оказались у самой стены башни. Вдоль нее были установлены леса: осыпающуюся каменную кладку подновляли. Жан подошел к краю зубчатой стены. Действительно, там оказались ступени, уходящие вниз, к тусклой воде рва. Его сотрясла дрожь.

– Дитя! Предстоит холодное купание. Только так мы окажемся на свободе.

– Я уже здесь была. – Анна продолжала смотреть вверх. – Сюда меня приводили для разговора с иезуитом. Отец! – Она взволнованно повернулась к Жану. – Именно тут я ее и видела!

– Видела что? Быстрее, нам надо уходить. Немедленно!

– Руку. Руку Анны Болейн. Она в этой башне.

Жан сказал «нет». Он даже попытался схватить ее. Но Анна оказалась проворнее. Подоткнув полы рубашки, она подтянулась за ближайшую перекладину деревянных лесов. Они затряслись, но выдержали ее вес.

– Анна! – прошипел Жан. – Мы сделали достаточно. Нам надо бежать. Если мы останемся, нас обоих будет ждать мучительная смерть.

Девушка посмотрела вниз, на отца. Ее голос был тихим, но ясным.

– А эта страна будет медленно умирать и проклятие навсегда ляжет на всю нашу семью, если мы уйдем без того, за чем приехали. Подожди меня.

Отец шепотом произнес ее имя, но дочь не откликнулась. Медленно передвигая руки, она карабкалась вверх по деревянному сооружению. Вскоре Анна Ромбо уже добралась до дощатого настила, который привел ее к краю стены. Перебравшись через него, она обнаружила, что попала к первому ряду бойниц. Арка служила проходом на внутреннюю лестницу. Сообразив, что внутри башни лестница может быть только одна, Анна начала подниматься наверх.

Дверь его кельи оставалась полуоткрытой. Заглянув в нее, Анна попыталась разглядеть темные очертания фигуры на кровати – там, где сбежавшая пленница видела иезуита в последний раз. Однако Томас Лоули обнаружился на полу, перед столом с грубо вырезанным распятием. Он лежал, широко раскинув руки, параллельно перекладине креста. А позади креста стояла шкатулка.

Анна ждала, чтобы он пошевелился, чтобы его губы начали двигаться в молитве, о которой свидетельствовала смиренная поза. Только после нескольких минут наблюдения она поняла, что монах дышит легко и ровно. Иезуит спал!

Стараясь ступать как можно легче, девушка прошла в помещение. Келья была тесной, и распростертый ниц мужчи-

на занимал почти все ее пространство. Приблизившись к левой руке лежащего, Анна осторожно наклонилась над столом. Шкатулка была тяжелой, но, напрягая все силы, девушка смогла перенести ее к себе.

Томас Лоули вскрикнул. Когда он бодрствовал, молитвы успокаивали его. Во сне его терзали видения. И молитвы, и сновидения были связаны с женщиной, которую он допрашивал накануне. В молитвах он видел ее раскаявшейся в грехах, мирно и сладостно возвращающейся ко Христу Искупителю. Но во сне он ощущал, как она приближается к нему, обнаженная. Он заплакал, мучимый ужасным желанием, и отверг ее. И тогда ее тело, некогда столь прекрасное, словно плывущее над землей, оказалось изломано дыбой, и он завопил: «Нет!» Он выкрикивал это слово снова и снова, пока чья-то ладонь не опустилась к нему с небес, чтобы погладить по лбу, и ласковый голос прошептал ему на ухо: «Тише!»

Ужасы исчезли, сны растворились в безмятежности, неотличимой от молитвы. Подтянув к себе раскинутые руки, Томас свернулся калачиком и стал спать дальше.

На секунду Анна задержала руку у него на лбу, изумляясь спокойствию, снизошедшему на человека, простертого перед ней. Когда морщины боли на его лице расправились, оно показалось ей значительно моложе. Оно стало почти красивым.

«Вот он какой, настоящий, – решила Анна, продолжая успокаивающе поглаживать его лоб, – вот что скрывается за

его жесткой верой. Таким он был, пока не испытал боль».

А потом она выпрямилась, снова взяла шкатулку и осторожно выскользнула из кельи.

Когда Жан услышал скрип лесов, то отступил в густую тень, окутывающую основание стены. Однако оклик дочери заставил его выйти.

– Анна! Что тебя задержало?

– Вот это!

Она протянула ему шкатулку и собралась уже открыть крышку, в которой все еще оставался ключ. Отец накрыл ее руку своей.

– Нет. Я не хочу ее видеть. Я не хотел видеть ее снова. Что произошло со мной, с моими близкими... – Его голос дрожал. – Если мы должны ее взять, то нам придется это сделать. Но не показывай ее мне. И, ради Христа, поторапливайся!

Жан потащил свою дочь ко рву. Они почти добрались до цели, когда чей-то голос заставил их остановиться.

– Можешь показать ее мне, девочка. Мне не терпится посмотреть на то, что желали заполучить так много людей, ради чего их столько погибло.

Урия Мейкпис поднимался к беглецам по ступеням, которые вели от воды. Бледный свет раннего утра блестел на мече, лежавшем у него на плечах.

– Тем более что нечто, погубившее твою семью, может стать основой для моей, Ромбо, старый приятель! Так покажи мне эту штуку!

Урия сделал шаг к беглецам. Те отступили.

– Я уже готов был махнуть на тебя рукой. Никто тебя нигде не видел, а ведь мои люди искали по всем улицам. Тогда я подумал: не оставит же он свою красавицу-дочку для дыбы, так? Только не бесстрашный Жан Ромбо! Так что я решил лично наблюдать за причалом. И ты приехал. Я потерял тебя под землей, но потом мне пришло в голову: а вдруг тебе известно про дверцу за боярышником? Оказалось – точно!

Жан узнал навершие рукояти размером с яблоко. Урия заметил, как расширились его глаза.

– Да, Ромбо, это – твой старый друг. Видишь, как хорошо я о нем забочусь!

Он поднял меч, и на фоне рассветного неба они разглядели характерные очертания короткого тяжелого клинка с тупым концом. Англичанин держал его высоко – так начинался смертельный замах.

– Почему? – только и смог выдавить из пересохшего горла Жан.

– Почему я тебя выдал? – Вид у Урии был грустным. – Увы! Но я же рассказывал тебе, как я и мой покойный компаньон потеряли поставки в Тауэр? Мы кормили заключенных, готовили пиры и все такое... Милорд Ренар обещал мне все это вернуть. Это – немало серебра, мой друг. Так что моя совесть стоила недешево, уверяю тебя. А теперь, если я помещаю тебе сбежать и верну ведьмину руку и все такое... Ну! – Он широко ухмыльнулся. – Должен получить еще сколько-то

гиней сверху, правда? Эй, стой, ты!

Последняя реплика была обращена к Анне. Выставив шкатулку перед собой, она сказала:

– Но разве вам не хочется заглянуть в нее?

Жан узнал ее интонацию. Именно так звучал голос Бекк, когда та готовилась нанести удар.

– Анна! Стой!

Урия поднял меч повыше, плечи его напряглись.

– Слушайся папку, деваха. Может, я и не Жан Ромбо, но твой отец знает: я умею пользоваться этим мечом не хуже его. Положи руку и отойди.

Анна неохотно опустила шкатулку на землю и отступила к отцу.

Их разделяла всего полудюжина шагов. Резким движением Урия поддел замок шкатулки мечом. Крышка откинулась, открыв ему содержимое.

– Так-так-так. – На покрытом шрамами лице отразилось изумление. – Значит, у нее действительно было шесть пальцев! Неудивительно, что его величеству нравились ласки этой шлюхи. Как я слышал, он любил все необычное. – Англичанин хохотнул, а потом его взгляд снова стал жестким. – Столько смертей, Ромбо, и все потому, что ты взял то, чего брать не следовало. Но недаром ведь говорят, что смерть одного – это барыш другого, так?

Урия сделал шаг вперед. Беглецы, отец и дочь, отступили еще на один.

– Вы собираетесь убить нас прямо здесь?

Голос Анны звучал все так же опасно.

– Не тебя, малышка. Если только ты меня сама не вынудишь. Думаю, у его преосвященства есть на тебя планы. И он будет так благодарен мне за то, что я не дал тебе сбежать. А вот ты, Ромбо... С тобой я просто не могу рисковать. У тебя, похоже, договор с самим дьяволом! Ты пережил то, что убило бы сотню. Ты выживешь и на этот раз – и вернешься за мной. Я это знаю.

Медленно приближаясь к ним, Урия продолжал говорить – негромко, успокаивающе.

– А что до убийства... – Он расхохотался и на секунду прижался носом к клейму «У» на левой руке. – Так я ведь и раньше это делал.

Его неспешные шаги сокращали расстояние между ними. Они уже прижимались спинами к каменной стене. Урия остановился на расстоянии клинка. От напряжения костяшки пальцев на мече побелели.

– А вообще все складывается правильно, как ты считаешь? Тут есть какая-то справедливость, да? Жан Ромбо, казнивший Анну Болейн, казнен. Встретил свой конец именно там, где все началось.

Внезапно Жан почувствовал чудовищную усталость. В лондонском Тауэре снова высоко поднят меч палача. Здесь находится рука, которую он отсек. Рука мертвой королевы вернулась, словно его клятва и все страдания были напрас-



ны. Урия прав. Он, Жан Ромбо, палач, находившийся на острие правосудия, теперь сам стоит перед судом. Это было... правильно. И он ужасно устал!

Жан зевнул. Именно этот зевок задержал на секунду Урию, который уже согнул колени перед ударом, напрягая плечи и запястья. И именно в эту секунду он погиб: острие рапиры пробило ему шею, разорвав артерию, так что тугие ленты крови ударили в стену над головами беглецов. Англичанин завалился вперед, и Жан, несмотря на свою усталость, успел протянуть руку и поймать рукоять меча.

Урия умирал с открытыми глазами. Когда его голова пролетала мимо Жана, то показалось, будто он хочет что-то сказать. Однако он был человеком крупным и падал быстро – его голова ударилась о камни рядом с Жаном, едва француз успел отступить в сторону.

Пока убитый еще не коснулся земли, Такнелл высвободил свою рапиру.

– Мне было тревожно, – хладнокровно сообщил он, вытирая клинок о плащ. – Кроме того, хотелось убедиться в том, что решетка возвращена на место как следует. Способов сбежать отсюда немного, и кто может предсказать, когда именно в них возникнет нужда?

Английский офицер отошел назад, высматривая, не привлек ли шум чьего-нибудь внимания. В эту минуту его взгляд упал в открытую шкатулку.

– Иисусе, спаси! – вскрикнул он, прижимая ладонь к гу-

бам. – Это... это же... Святой Боже, что здесь за ужас?

Анна наклонилась и опустила крышку. Жан взял офицера за локоть.

– Слишком долго рассказывать, Такнелл. Знай только, что королева, которую мы оба любили, хотела, чтобы это было скрыто навсегда. Но враги все еще преследуют ее. Они опять нарушили ее покой.

– Так я и знал! – У Такнелла дрожал голос. – Когда тот иезуит раскапывал ее могилу, я знал, что тут таится какое-то зло! – Он протянул руку к Анне. – Отдайте мне останки, леди. Я верну их в оскверненную гробницу.

– Королева не будет там знать покоя, – отозвалась Анна. – Я очень боюсь, что в этом мире для нее не найдется безопасного места. Но мы должны ее забрать и снова попытаться исполнить клятву, которую ей дал мой отец.

Такнелл пристально посмотрел на них обоих и кивнул.

– Ступайте! Уходите немедленно, и поторопитесь. Потому что рассвет спешит за вами, и скоро здесь будет Симон Ренар со своими пыточных дел мастерами.

Анна посмотрела на отца-палача и на меч у него в руке. Она перевела взгляд на шкатулку. А потом бросила взгляд на мертвого убийцу, растянувшегося в луже собственной крови у подножия башни.

– Отец, нам необходимо сделать еще одну вещь, прежде чем уйти отсюда.

Жан снова услышал в ее голосе решительные ноты и

вздохнул: он знал, что в таких случаях возражать отпрыску Ребекки бесполезно.

Девушка продолжила:

– Ты должен воспользоваться своим мечом в этом месте в последний раз.

\* \* \*

В последнее время сон Томаса был свободен от кошмаров, но проснулся он в ужасе: к нему в дверь ворвался Ренар.

– Она исчезла, иезуит! Сбежала! Эти глупцы позволили ей уйти!

– Кто, милорд?

Томас поднялся с пола и проглотил стон, когда вся тяжесть его тела припала на затянутое повязкой больное колено.

– «Кто, милорд?» – Ренар подошел к нему вплотную, так что стал ощущаться гнилостный запах его дыхания. – Девушка, дочь Ромбо! Та, от кого ты не смог ничего узнать. Джеймс Вулстон принес от Совета приказ о ее допросе. А допрашивать некого. Ведьма исчезла.

Томас испытал чувство облегчения. Однако он сумел его скрыть и внимательно всмотрелся в лица людей, набившихся к нему в келью. Толстый и краснолицый советник. Стражник Тауэра, который помогал открывать могилу Анны Болейн, – Такнелл. И Джанни Ромбо.

С криком ярости Ренар смахнул со стола почти все, в том числе и распятие, и по очереди пронзил каждого из присутствующих взглядом, словно ожидая, что кто-то из них бросит ему вызов. А потом его ладонь легла на шкатулку.

– Ну, по крайней мере, у нас осталось это, – заявил он, хлопая по ней. – Сегодня меня лишили одного удовольствия, но я не упущу минуты своего торжества. Эй, ты! – Он махнул рукой в сторону Джанни. – Неси ее. Пошли, Лоули. Кризис королевы Марии приблизился. Ее уложили на родильное ложе. Пора представить принцессе Елизавете доказательство ее сатанинского наследия! Пора покорить ее нашей воле!

Ренар вышел из кельи в сопровождении советника. Так-нелл проводил их бесстрастным взглядом, а потом ушел следом, оставив в келье двух монахов.

Первым двинулся с места Джанни, взявший со стола шкатулку.

– Ну что ж, иезуит, – проговорил он, – все наши усилия приближали нас к этой минуте. Слава Богу и Карафе за то, что они сделали нас орудиями торжества Христова.

Когда юноша ушел, унося шкатулку под мышкой, Томас с трудом нагнулся к полу и поднял распятие, снова вернув его в центр стола. Он преклонил колени и перекрестился, задержав руку у губ. И, прикрывшись ладонью, прошептал:

– И благодарим Его за то, что он извел Свое дитя Анну из тьмы, подобно тому как первый Папа, Святой Петр, был изведен из узилища. Веди ее и дальше, Господи, где бы она

ни находилась.

\* \* \*

Елизавета ждала вызова. Слухи о том, что у королевы начались роды, распространились по Хэмптон-Корту стремительно. И хотя последний кризис мог произойти еще через неделю, принцесса знала: ее противник так долго ждать не станет. Как и в их шахматном поединке, Ренар готовился провести эндшпиль.

Она не ожидала, что ее отведут к нему в личные покои. Прежде они там не встречались – только в пустой комнате со странным зеркалом или в ее собственных апартаментах.

После темной сырости улицы свет ослепил ее. Елизавета остановилась в дверях, чтобы дать глазам привыкнуть к яркому свету множества свечей. Между рядами светильников она увидела шахматные доски, каждая – в процессе игры. Они стояли на всех имевшихся поверхностях. Однако на главном столе доска имелась всего одна, и хотя ее глаза все еще привыкали к свету, пленная принцесса сразу же поняла, что на ней – их игра, в точности повторяющая ту, что осталась на крошечной доске в ее комнатах. Эти фигуры, наоборот, были громадными, красиво сработанными – каждая высотой в ладонь. И на этих клетках белые кони, слоны и пешки окружали ее черную королеву.

А над ними нависал Симон Ренар.

Дочь Анны Болейн проговорила от дверей:

– Неужели вам всегда необходимо вести свои игры в столь поздний час, милорд?

Оставшись сидеть, он взмахнул рукой, приглашая ее войти. Голос его звучал решительно:

– Сегодня мы завершаем куда более важную партию, миледи. И этот триумф превзойдет все, что может произойти на этой доске.

Елизавета прошла в комнату. Теперь она могла рассмотреть и то, что находилось в тених позади стола. Там стояли двое. Один был тем иезуитом, с которым она уже встречалась. Второй – молодой человек, чье лицо показалось принцессе знакомым, хотя она была уверена в том, что никогда раньше его не видела. Взгляд, который юноша устремил на нее – смесь ненависти и странной радости, – заставил ее вздрогнуть. Однако Елизавета смело проговорила:

– И что же, принцессе даже не предложат кресла? Иезуит подался было вперед, но был остановлен взмахом руки Ренара.

– Вам некогда садиться, леди, – прошипел он. – У вас есть время только на то, чтобы принять решение, и все.

Ее презрительный взгляд заставил его добавить:

– Вы слышали, что королева приблизилась к моменту, который она считает своими родами.

Кивок. Это было единственным ее ответом. При виде уверенности своего противника Елизавета вдруг перестала до-

верить своему голосу.

– Она пролежит в постели неделю, возможно – две. К этому времени даже она сама убедится в том, что ошибалась. Даже ее стойкая надежда оборвется.

Елизавета нашла в себе силы отвечать. Возможно, их придал ей гнев.

– И вы называете это триумфом? Вам не стыдно ликовать, когда королева, моя сестра, придет в отчаяние? Неужели вам ее не жаль?

– Мне никого не жаль. Мне нужно только одно: чтобы эта страна сохранила святую веру и верность Империи, и ради этого я готов на все. На все!

Эта страсть, ярко освещенная свечами, заставила ее замолчать. Ренар вытащил пергамент и протянул его пленнице.

– Вы подпишете это, леди? Вы согласитесь выйти замуж за короля Филиппа после смерти вашей сестры, если она скончается бездетной? Что и произойдет.

Елизавета смогла только покачать головой. Ренар протянул руку назад и поставил на стол рядом с шахматной доской небольшую деревянную шкатулку. Крышка ее была опущена.

– Возможно, вот это заставит вас изменить решение. – Длинные пальцы погладили древесину почти лениво. – Потому что если вы не подпишетесь, то знайте: то, что здесь хранится, будет положено королеве под кровать. И это об-

наружат только в минуту ее глубочайшей печали, когда она начнет задавать тот вопрос, который задаем все мы, лишаясь того, чего больше всего хотели. – Его голос стал пронзительным, жалобно вопрошая: – «Почему? Почему я так проклята? Святая я? Хорошая я? Мария, моя тетка, Матерь Божья, почему я?»»

На его лице плясали блики света.

– И то, что лежит в этой шкатулке, даст ей ответ. Увидев это, она поймет, кто ее проклял. Она снова увидит женщину, память о которой ей ненавистна. Женщину, дочь которой хочет превратить ее подданных в еретиков, украсть ее корону, совокупиться с ее мужем. – Ренар понизил голос и теперь шептал: – Потому что в этой шкатулке лежит не что иное, как шестипалая рука вашей матери – Анны Болейн!

Он резко откинул крышку и торжествующе поднял над ней канделябр.

Елизавета пошатнулась – ей показалось, что она не удержится на ногах. Несмотря на множество свечей, она не могла проникнуть взглядом за пелену, опустившуюся между нею и столом. Однако принцесса понимала, что должна увидеть то, что ей противостоит. И, твердо переставляя ноги – Элиза, дочь Гарри, дочь своего решительного отца! – она заглянула в шкатулку.

Сначала пришло отвращение – мгновенное, жуткое потрясение. Однако она сделала новый вдох, еще один – и наконец пристально посмотрела на тот ужас, который обнару-



жился под крышкой. Тянулись долгие секунды, отмеряемые дыханием и треском свечей. Наконец, снова овладев голо- сом, Елизавета заговорила:

– Говорят, я многое унаследовала от матери, которой почти не знала. Овал лица, форму глаз и бровей. И еще, как я слышала, определенное изящество... рук.

Она подняла кисть, изящно взмахнула перед собой, заставив все взгляды проследить за ее движением, а потом продолжала все увереннее:

– А еще говорят, что у моей матери было шесть пальцев. Но как я ни всматриваюсь, вижу перед собой только пять. Пять! И хотя я почти не помню моей матери, две вещи о ней я знаю твердо. Во-первых, она не была мужчиной. И во-вторых, она не была клейменым убийцей.

В комнате воцарилась тишина – такая глубокая, что было слышно, как горят свечи. Посол продолжал смотреть все так же торжествующе: казалось, он не услышал последней фразы Елизаветы, внутренне прислушиваясь к тем словам, которые рассчитывал услышать, – к словам, которые объявляли о ее полной покорности его воле. Молчание было прервано только тогда, когда Томас, прихрамывая, подошел к столу и заглянул в шкатулку.

– Святой Боже! – вымолвил он. – Святой Небесный!

Только тогда Ренар ожил, схватил шкатулку и развернул ее к себе. Он опрокинул ее – и на стол перед ним выпало то, что в ней лежало. Посол отшатнулся и рухнул в свое кресло.

– Что?.. Что?.. – только и смог выговорить он. Снова повисло молчание, но на этот раз не столь долгое.

Нарушила его принцесса. Она шагнула к столу и посмотрела на шахматную доску. На свою королеву, окруженную и скованную фигурами Ренара.

– Это должен был быть мат в три хода, не так ли, посол?

Она дождалась, чтобы его остекленевшие глаза встретились с ее ясными глазами. А потом наклонилась, подсунула пальцы под полированный край доски, чуть выступавший за столешницу, и подбросила доску высоко в воздух. Черные и белые фигуры разлетелись в свете свечей, упав на колени Ренара, на пол, покатались по столу и остановились возле клейма «У», выжженного на отрубленной кисти Урии Мейкписа. И только когда последняя фигура замерла, принцесса Елизавета повернулась и очень медленно вышла из комнаты.

## Глава 16. ЗАЛОЖНИК

С зубцов Собора Парижской Богоматери каменные демоны выплевывали воду на огромную площадь. Ему казалось, он выслеживает медведя, что было таким же бессмысленным, как и все остальное, присутствовавшее в этом сне. Огромный черный зверь, символ его рода, манил его порывиванием. Это «хр-хр-хр» уводило его из лесов родной страны, которые он мог только представлять себе в воображении, в знакомые каменные каньоны Парижа.

И вот теперь Тагай смотрел на огромный храм. Зов медведя замер вдали, оставив вздохи ветра на кровлях. Это заставило его бросить взор наверх – и он увидел стоявшую там женщину. Ее длинные черные волосы развевались на ветру. Нет, она не стояла – она парила: только одна ее нога слабо прикасалась к каменной кладке.

Он никогда ее не видел. Однако он знал ее.

– Атаентсик! Великая Мать! – позвал он.

Богиня глянула вниз – ее нога заскользила по камню. Она начала падать, но медведь, которого преследовал и упустил Тагай, появился из тени, которую отбрасывали огромные деревянные двери. Тагай знал, что медведь должен ее поймать: его народ верил, что мир может возникнуть только в том случае, если Великая Мать благополучно достигнет земли. Он бросился вперед, сам превратившись в медведя, превратив-

шись в богиню, которая падала все быстрее...

Тагай слетел с постели, сильно ударившись о пол коленом и локтем. От боли он проснулся. Но сильнее всего болела голова, словно наполненная кипящим маслом. Это все из-за вина, которое он выпил накануне вечером.

Во время падения он вскрикнул, и с кровати прозвучал отклик – укоризненное бормотание. Осторожно приподнявшись, Тагай посмотрел на женщину, раскинувшуюся среди смятой постели. Он не узнал русых спутанных волос и размазанного напудренного лица. Женщина была обнажена – валики бледной плоти среди простынь. Какая-то кузина из провинции, приехавшая в Париж на день рождения короля. Вчера вечером на обеде маркиза подтолкнула их друг к другу. Эта кузина была по меньшей мере вдвое старше его. И вдвое массивнее. Но после вечерней выпивки Тагай пошел туда, куда ему сказали.

Он заполз обратно в постель. Ему хотелось обдумать сон. Мать учила его всегда поступать так. Но голова у него закружилась снова, еще сильнее, чем раньше. Он поднялся, держась за столбик полога. На комод у окна стоял тазик с водой. Тагай окунул в него лицо, задержав на несколько секунд. А потом поднял голову к зеркалу, висевшему над комодом.

Лицо, по которому стекали капли воды, опухло, белки узких темных глаз прорезали красные прожилки. Длинные черные волосы прилипли к коже, пропитанные маслом и ночным потом. Смуглая кожа выглядела бледной, и нездо-

ровую ее желтизну только подчеркивала жидкая борода, неубедительно повисшая под нижней губой. Мать всегда говорила ему, чтобы он не отпускал бороду: по ее словам, среди их народа растительность на щеках считалась признаком малого ума. Но его мать давно умерла, а у всех мужчин, которые заботились о нем после ее смерти, были бороды. Даже у маркизы была борода, хотя ей отнюдь не польстило бы, скажи он, что подражает ей.

Эта мысль заставила его рассмеяться. Тагай понял, что все еще немного пьян. Он повернулся к кровати, не обращая внимания на лежащую женщину, и поискал на полу. Бутылка валялась опрокинутая, оттуда удалось высосать не больше пары капель, которые только усилили жажду. Он начал шарить под кроватью и в это время услышал, как в дверь поскреблись. Дверь приоткрылась. В щель просунулась голова маркизы. Тагай был полностью обнажен, но не потрудился прикрыться.

– Так-так! – Дама удовлетворенно осмотрела комнату. – Надеюсь, ты оставил моей кухне приятные воспоминания, которым она смогла бы предаваться впоследствии, вернувшись к своему немощному мужу и гниющему замку?

Не реагируя на ее вопрос, Тагай продолжал шарить в поисках выпивки. Во второй бутылке обнаружился всего глоток. Раздосадованный, он рухнул на край кровати и застонал.

– Пойдем, Тагай. – Голос был нежным, что заставило его удивленно поднять голову. Маркиза сделала пару шагов в

комнату и теперь манила его к себе. – Давай уйдем, пока она не проснулась. Твоя красота слишком соблазняет, а перед сегодняшним вечером вам обоим нужно отдохнуть.

– Вечером? – переспросил он хрипло. – А что будет вечером?

– Как ты мог забыть, глупый ты мальчишка? – Маркиза сновала по комнате, подбирая разбросанную одежду. – Сегодня пир в честь дня рождения короля. Генрих захочет, чтобы его Медвежонок был рядом. – Она наклонилась и ущипнула Тагая за щеку. – И у меня есть кто-то, с кем ты должен быть милым. Кто-то особенный – и очень богатый.

Гнев поднялся в его горле вместе с желчью.., – Вина, – сказал он. – Я хочу вина.

И попытался добыть из пустой бутылки хотя бы еще каплю. Морщинистое лицо старой дамы стало жестким. Вырвав у Тагая бутылку, она заявила:

– Будешь пить вино не раньше, чем я разрешу, ты, индейская собака! Сегодня ты нужен мне трезвым. А ты не будешь трезвым, если начнешь пить сейчас. Я же тебе сказала: у нас богатый клиент. Такого богатого еще не было.

Маркиза сунула ему одежду, и Тагай не без труда влез в камзол и штаны, которые удержал у пояса, даже не потрудившись привязать нижнюю часть одежды к верхней. Это можно будет сделать в мансарде наверху дома, позже. Маркиза ковыляла по комнате, обшаривая ее. Искомое было обнаружено под небрежно брошенным корсетом.

– А!

Она взвесила мешочек в руке, и оба услышали приятное звяканье монет. Открыв мешочек, маркиза пропустила его содержимое сквозь пальцы, удовлетворенно кивая. Тагай протянул к ней руку.

– Зачем тебе деньги, Медвежонок? Разве я не даю тебе все, что нужно?

– Шпагу, – проворчал он. – Вчера мою сломали.

– Ты снова дрался? Я этого не допущу.

Ничего не ответив, он продолжал держать руку. Дама неохотно залезла в кошель и вытащила одну маленькую золотую монетку.

– Просто будь осторожнее. Мы ведь не хотим повредить товар, правда?

Маркиза положила флорин на протянутую ладонь, а потом провела потрескавшимся ногтем по смуглой коже на запястье. И засмеялась, когда он убрал руку и спрятал монету в одежде.

Выскользнув из двери, она поманила его за собой. Молодой человек еще раз осмотрел комнату, пытаясь отыскать бутылку, которая могла быть спрятана, но не нашел. Его глаза, вернувшись к зеркалу, встретились с собственным взглядом.

– Собака, – сказал он, показывая себе язык. – Индеец!

Ударил большой колокол Собора Парижской Богоматери. С его боем поднялся рев. В первый раз Анна услышала его в Саутуорке: тогда он доносился из медвежатника Урии. Ей показалось, что она снова попала туда. Эта мысль заставила ее в страхе скорчиться на кровати. Потому что если она до сих пор в Лондоне, то еретики еще будут гореть, дыбу уже приготовили, а Жан Ромбо не придет.

Крики животных призывали ее, как и вопли толпы. Она выступила на арену. Однако у нее на глазах все изменилось: исчезли круговые ряды амфитеатра, заполненные глумящимися пьяницами. Теперь она пробиралась сквозь шумную мишуру маскарада, где обнимающиеся пары кружили в танце, скрыв лица под кожаными масками и кружевными накидками. Через сомкнутые пальцы, за пышными платьями и ножнами шпаг, усеянными камнями, замечалось движение чего-то темного. Анне необходимо было добраться до него, проложив себе дорогу через нескончаемые лабиринты богатства и изящества. Однако оно оставалось неуловимым, не давалось ни взгляду, ни прикосновению. Наконец, словно это движение было обговорено заранее, танцоры отошли, и девушка оказалась в одиночестве в кругу молчаливых аристократов под масками. А потом услышала всхлип и обнаружила медведя, прикованного к столбу позолоченными це-



пиями. Животное подняло на нее печальные глаза и задрало лапы, из которых были жестоко вырваны когти. Анна сделала к нему шаг, потом еще один. На ходу она потянулась к окровавленной лапе. Пальцы и мех разделяла всего ладонь, когда Анна вдруг услышала, как спускают своры. Меховой молнией мимо нее с рычанием метнулась первая собака.

– Освободите его! Освободите медведя! – крикнула она. Колокол на башне собора пробил семь часов вечера, и отец, встав со стула, обнял Анну. Раздвинув занавесь ее черных волос, он заглянул в лицо дочери, в ее испуганные глаза.

– Тише! Успокойся, дитя.

Жан укачивал ее, оказавшуюся в сумеречной области между сном и явью.

– Мы должны освободить медведя, отец!

– Конечно должны. Тш! Тише, дитя!

Прижимая дочь к себе, Жан прислушивался к ее отчаянному сердцебиению и к замирающим отголоскам тяжелого колокола.

«Почему они оказались в Париже?»

Ради назначенной встречи, на которую могли явиться только глупцы! Кто знает, где сейчас находятся Хакон и Фуггер? Они почти наверняка все еще торчат у ворот римской тюрьмы. А если их нет в Париже, то сколько времени Жан с Анной смогут ждать их? Жан Ромбо согласился приехать сюда только потому, что такой огромный город показался ему подходящим местом для того, чтобы спрятаться... И еще по-

тому, что он, похоже, лишился способности принимать решения. Однако Жан отнюдь не питал иллюзий: его сын идет по их следу и отстал всего на несколько дней – если не на несколько часов. Жану довелось увидеть фанатизм Джанни, проявленный юношей на казни еретиков. Жан слышал его в исповедальне. Джанни не отступится, как в его возрасте не сдался бы и сам Жан. На сына пали не только грехи отца.

Однако Анна уверенно настаивала на Париже. Жан давно понял, что не в состоянии сопротивляться ей, когда у нее такой вид, тем более после того, что случилось в Тауэре. И теперь, пока он успокаивающе поглаживал дочь, он ощущал, что сзади к основанию ее шеи примотан скелет шестипалой руки. Ее вид, эта ее уверенность вернули им руку Анны Болейн, помогли их бегству. Теперь Анна Ромбо сама решит, что делать с рукой. И Жан знал только одно: пока что его дочь такого решения не приняла. Анна высвободилась из его объятий.

– Сколько я проспала?

– С рассвета до этого часа, и я почти столько же. Меня разбудил твой крик. Тебя мучил кошмар.

Анна посмотрела мимо него, словно на миг вернувшись в видения своего сна.

– Это был не кошмар, отец. По-моему, это было пророчество.

Жан улыбнулся:

– Что мы освободим медведя? Ты выкрикивала именно

это.

– Освободим... – Она замолчала, хмуря брови. – Не знаю, смогу ли я объяснить, но... По-моему, медведь – это не просто медведь. Это какое-то существо. Человек. И этот человек стоит у столба, в цепях, хотя они и не настоящие. Позолоченные.

– Цепи?

– Да! – Анна взволнованно сжала ему руку. – Этот медведь живет среди знати. Я видела, как они танцевали! Красивые богатые люди.

Жан покачал головой.

– Не понимаю. Ты хочешь пойти на травлю медведя, так, что ли? Мне казалось, ты это терпеть не можешь!

– Не могу. Но это не обычная травля. Не простой медведь.

Девушка встала, подошла к окну, выглянула на улицу. А когда повернулась обратно к Жану, ее лицо возбужденно вспыхнуло.

– Отец, – сказала Анна, – где в Париже находится королевский дворец?

Жан был готов отказать ей, предостеречь, возразить, но снова увидел то же лицо, ту же уверенность. Вздыхнув, он начал ей рассказывать.

\* \* \*

В садах Лувра факелы освещали картину кровопроли-

тия. Среди туш разгуливали голодные падальщики, обрывая оставшиеся куски жареного мяса. От вола, занимавшего центральное место композиции, остались только раздвинутые ребра, торчавшие наподобие рангоутов выброшенного на сушу корабля. Внутри животного жарился целый барашек, в котором прятался заяц, чьи останки до сих пор терзали жадные пальцы, разыскивающие еще одну шкатулку с секретом, последний сочный сюрприз.

Лебединые перья пали, словно снежные заносы: три птицы были зажарены, а потом зашиты обратно в роскошное оперенье. На разгоряченных лицах пирующих оставались прилипшие кусочки пуха. Стены Собора Парижской Богоматери из теста были разбиты. Жадные руки давно растерзали хоры, где на железных вертелах вращались хористы – воробьи, дрозды, скворцы и перепела.

Помутневшие глаза ненасытных людей были обращены к последнему блюду пира. Оно громоздилось на главном столе сразу позади короля, вплотную к стене дворца: высокие башни из сахарных нитей поднимались в воздух на высоту двух человеческих ростов. Слоеное тесто и кремовые зубцы в точности копировали новую крепость его величества в Экс-ан-Провансе – шедевр искусства архитекторов и кондитеров.

Тагай смотрел со своего места за главным столом на измазанные лица придворных – те наблюдали за королем, ожидая его сигнала. Никто не мог начать последнего штурма раньше, чем это сделает он. А поскольку Генрих был занят жар-

ким спором с папским легатом, Борромео, то похоже было, что пирующие еще не скоро смогут начать настоящую осаду сахарных укреплений.

Тагай вяло глодал воловье ребро. Он пил и ел мало. Отчасти это было результатом предостерегающего взгляда маркизы, который та адресовала ему со своего места рядом с разряженной герцогиней, чьи многочисленные украшения на открытой груди подчеркивали как ее богатство, так и возраст. Маркиза заранее показала ее своему подопечному: богатая старуха была его объектом на этот вечер.

– Она очень утонченная, эта герцогиня Эпе-Рулена. Так что не смей напиваться!

«Все они утонченные, – недовольно думал Тагай, – пока не закроются двери будуара».

Однако от желанного вина его удерживали не только перспективы грядущего вечера. Утренний сон все еще владел его мыслями. Весь день Тагаю не удавалось избавиться от него. Казалось, краем глаза он продолжает видеть медведя, протягивающего к нему лапы.

– Кажется, мой Медвежонок сегодня рассеян? Сидевшие поблизости моментально прервали разговоры и стали слушать. Так бывало всегда, когда говорил Генрих Французский.

Тагай посмотрел со своего табурета на короля. Он наклонил голову, но ничего не сказал.

– И кто же этот хорошенький смуглый мальчик?

Папский легат наклонился, чтобы уловить ответ его величества. Жирное красное лицо легата разгорелось от еды и разговоров. Тагай расслышал слова «война» и «Испания» – в последнее время они стали привычными за королевским столом. Перед тем как вернуться к собственным мыслям, Тагай заключил, что этот представитель нового Папы в Риме пытается уговорить его господина начать новый конфликт. А еще он понял, что им воспользовались, чтобы устроить перерыв в споре.

Генрих тоже нагнулся к своему собеседнику. Его тонкокостное лицо с аккуратной бородкой разительно контрастировало с красной физиономией итальянца.

– Это – мой ручной медведь, ваше преосвященство. Он в этом дворце единственный представитель моих новых колоний в Новой Франции. Или «Кан-а-да», как он их называет. Это правильно, Тагай?

Тагай кивнул, продолжая хранить молчание.

– Ах да. Еще одно ваше владение, которому угрожает наш общий враг, Испания. – Итальянец привел аргумент в свою пользу и снова принялся рассматривать Тагая. – Он похож на тех азиатов, которые приезжают к Святому Престолу с русскими посольствами. А этот прибыл из Америк?

Генрих кивнул:

– Мой добрый и верный слуга-бретонец, Жак Картье, привез его из своего первого плавания – о, уже двадцать лет назад. Вернее, он привез его мать, потому что этот мошен-

ник прибыл тайком – в ее чреве! – Король рассмеялся, как и все, кто мог его услышать. – Увы, его мать и все мои остальные индейцы умерли. Только Медвежонок оказался выносливым. И все здесь его любят. Не правда ли, дамы? – Новый смех, который услужливо подхватили вокруг. – Тагай, поговори с легатом на своем языке. Право, он удивительно странный, этот язык. Говори, Тагай. Обратись к его преосвященству, как положено у вас, индейцев.

Тагай встал, поклонился и заговорил на наречии своего племени, тахонтенратов:

– Твое уродство говорит мне, что твоей матерью была бобриха, которую изнасиловал лось.

Легат в восторге захлопал в ладоши.

– Нам следовало бы привезти побольше таких медвежат, ваше величество!

– Я тоже этого желаю. Однако попытка создать там колонию оказалась неудачной. Мы направим туда новую экспедицию, и очень скоро. Это – наш христианский долг, ибо они все там язычники, поклоняющиеся дьяволу. Да, французское правление и христианская мораль. Вот что нужно народу моего Медвежонка, правда, Тагай?

Тагай опять поклонился.

– Вы окажете нам честь, Могучий Отец.

– Он называет вас «Отец»! Как прелестно! И его французский очарователен. – Борромео вновь захлопал. – Достойный крестовый поход, ваше величество, – принести его народу

Слово и Крест. Возможно, мы сможем приступить к нему после того, как будет решена наша испанская проблема?

После этого оба собеседника вернулись к прежней теме. Тагай потянулся за вином, чтобы залить гнев и утишить печаль, но выпивка не принесла ему успокоения. Хотя его мать умерла уже два года назад, вспоминать о ней всегда было больно. И ему причиняли боль каждый день.

Тагай посмотрел на нижний стол, поймал на себе гневный взгляд маркизы, приветствовал ее поднятым кубком, а потом осушил его одним глотком.

\* \* \*

– Пора!

Они дождались, чтобы оба патруля завернули за угол: один – на набережную Сены, второй – к передней стене Лувра. В любую секунду могли появиться новые стражники, но этот перерыв предоставлял им удобный случай.

Они бросились из темного переулка туда, где ветка громадного ливанского кедра возвышалась над стеной дворца. Как и во время бегства из темницы Тауэра, Анна наклонилась, переплетя пальцы, а Жан встал на ее руки, стараясь через мягкие иглы дотянуться до дерева. Он зацепился ногами за ветку и свесил руки вниз. Анна подпрыгнула, ухватилась – и отец рывком втянул ее наверх. Первые стражники показались из-за угла как раз в то мгновение, когда ее ноги ис-



чезали в ветвях. Отцу и дочери пришлось дожидаться, пока шлемы и пики минуют место их укрытия, и только потом они полезли по ветке, которая пересекала стену. Сад резко уходил вниз, а ствол дерева отклонялся от стены, так что спрыгивать было бы слишком опасно. Им пришлось проползти вдоль ветки к стволу. Они двинулись дальше, теперь уже по другой ветви, которая доходила до второго кедра. Не без труда они преодолели расстояние между двумя деревьями, однако и там не нашлось подходящих ветвей, которые позволили бы им спуститься. Наоборот, заговорщики оказались даже немного выше, чем прежде.

– Анна! – прошептал Жан. – Нам надо как-то спуститься. Если нас увидят тут, наверху...

Он не закончил фразу. Анна осознавала опасность не хуже его самого. Их примут за убийц, фанатиков-гугенотов, которые уже не раз покушались на жизнь королей Франции в их дворце. Они могли спрятаться, только смешавшись с прислугой. Они потратили почти все оставшиеся у них монеты на шапочки, рубахи и фартук, который едва закрывал меч, привязанный у Жана к спине.

Анна продолжала ползти – вперед и вверх. Громадное дерево привело их к следующему стволу. И чем дальше они продвигались, тем громче становились звуки – перед дворцом продолжался шумный пир.

– Отец, кажется, я что-то вижу.

Жан присоединился к дочери у самого конца ветки, ко-

торая опасно прогнулась под их тяжестью. Он всмотрелся в полумрак.

– Это – стена дворца. Ты не видишь какого-нибудь балкона или другого удобного спуска?

– Нет. – Девушка повернулась к нему, так что он увидел, как блестят у нее глаза. – Но я вижу путь наверх.

Они двинулись обратно к стволу, поднялись к следующей развилке и снова полезли по ветке. Оказавшись у стены, они обнаружили водосточный желоб, а за ним – покатую крышу.

– Нам нельзя перелезть на крышу, Анна. Она скользкая после дождя. Это слишком опасно. Давай вернемся. Должен найтись другой путь вниз.

Жан уже повернулся, но тут заметил, что дочь за ним не последовала.

– Анна, пойдем!

– Отец, – проговорила девушка, свешивая голову с ветки, – ты слышишь?

Он прислушался. Единственное, что ему удалось услышать, – это непрерывное жужжание голосов, лай псов да еще громкий возглас, пробившийся сквозь приветственные крики.

– Я не слышу ничего, кроме...

– Тш!

И тут он тоже услышал – безошибочно, несмотря на шум. Буговительный рык испуганного зверя.

– Медведь! – воскликнула Анна. – Медведь, отец! Так я

и знала!

С этими словами Анна прыгнула с ветки, отчаянно пытаюсь ухватиться руками за карниз. Одна ее рука соскользнула, но второй удалось найти опору. Она подтянула ноги и поползла по скользкой черепице.

– Анна! – снова окликнул ее Жан, пытаясь остановить, но она уже удалялась. Через секунду она уже исчезла.

Чертыхаясь, Жан понял, что ему придется следовать за ней.

\* \* \*

Король наметил неожиданную интерлюдия перед штурмом кондитерского замка. В последнее время подобные развлечения устраивались часто, поскольку спрос на них все увеличивался, а источники – иссякали. И пока знать Франции обирала скелеты и высасывала мозг из костей, главный медвежатник его величества, Грилло, занимался приготовлениями. Перед дворцом, прямо под сахарными стенами, которых все вождедели, открыли заранее приготовленную яму. В ее дно был вкопан крепкий заостренный кол. К нему железными клиньями были прибиты толстые цепи, оканчивающиеся кандалами. Вокруг столба широким кругом насыпаны опилки.

Служитель сказал королю, что приготовления закончены. Генрих поднялся – и мгновенно наступила тишина: даже об-

жираясь, все одним глазом наблюдали за монархом.

– Благородные господа и дамы Франции! – провозгласил он. – Ради пиршества и в честь появления при нашем дворе святого посланца нашего нового Отца, кардинала Борромео, мы распорядились устроить особое развлечение. Надеемся, оно усилит ваш аппетит и придаст вам сил для разгрома сладкого замка, который нас ожидает. Ибо посмотрите, что стоит между вами и им!

Король спустился с возвышения для почетного стола, и все также вскочили и ринулись вперед. Начались возбужденные перешептывания и одобрительные возгласы. Придворные и гости выстроились по краю круга из опилок: его значение было известно всем, все узнали обернутый цепями столб в центре. Все, включая Тагая.

Молодой индеец тоже встал одновременно с остальными, как только король покинул свое кресло, но, проследив за взмахом монаршей руки и увидев, куда она устремлена, юноша снова сел. Вскоре он остался один и сидел молча, повернувшись спиной к толпе. Ему нельзя было уйти, но он не обязан на это смотреть. Он может выпить еще. Всю ночь он упорно оставался трезвым, а хотелось напиться. Та-гай потянулся за бутылкой.

А вот чего он не мог, так это заткнуть уши. Как только нога короля коснулась земли, был дан сигнал собакам, которых держали в темной псарне и хлыстами заставляли молчать. Их выпустили в ночной сад, и они натянули цепи, разразив-

шлись мощным лаем. При их появлении все дружно ахнули: к таким собакам здесь еще не привыкли.

– Дар от его святейшества Папы, – говорил кардинал тем, кто оказался рядом с ним, – с его родины. Неаполитанские мастиффы, лучшие в мире бойцовые собаки!

Тагай услышал это – и невольно повернулся. Эти животные не походили ни на одно из виденных им прежде. Темно-серые от носа до задних лап, в холке они доставали до пояса псарям, пытавшимся оттянуть их назад. Их головы словно состояли из одних только челюстей, с огромных, страшных зубов тянулись нити слюны. Их плечи и ляжки – сплошные тугие мышцы. Черные глаза выкатывались из красных глазниц. Тагай заметил, что многие дамы стали креститься: казалось, эти псы только что вырвались из ада.

Новый звук, еще более низкий, чем лай, рев боли и смятения, заставил псов поднять еще больший шум. Знатные гости разразились криками. Тагай попытался отвернуться, но не смог. Протянув руку назад, он опрокинул свой наполненный вином кубок. Его взгляд, как и взгляды всех присутствующих, был прикован к углу дворца.

С новым мучительным рыком появился медведь, волоча за собой двух мужчин, державших его за шею крепкими клещами. Третий натягивал толстую цепь, обмотанную вокруг туловища зверя. Его ноги оставляли на траве глубокие борозды. Еще один служитель пытался направлять движения животного, тыча в него факелами. Медведь был огромным

самцом. Одним рывком он оказался в центре круга из опилок. Толпа попятилась. Дамы цеплялись за руки своих спутников, мужчины пытались выставлять вперед свои павлиньи груди и вместе с тем незаметно отодвигались подальше от медведя. Мастиффы натянули цепи и залаяли громче. С огромным трудом служителям удалось притянуть медведя к столбу с помощью закрепленной на его туловище цепи. Клещи были убраны, и поводыри попятнулись. Один при этом упал. Разъяренный медведь рванулся к нему. Его лапа ударила по дергающейся ноге, перевернув упавшего. И Тагай увидел, что у медведя, как всегда, вырвали когти. Его удивило то, что животному оставили хотя бы зубы. Наверное, его величество обратил внимание на жуткие челюсти мастиффов и решил немного сравнить силы в поединке.

В поединке? Никакого поединка не будет. Всегда есть только один проигравший – медведь. Зрители получают удовольствие, проверяя, сколько времени продержится медведь, скольких собак он победит – по одиночке, парами и тройками. А потом на него спустят всю свору. Тагай видел, как уже начали делать ставки: всех охватила лихорадка зрелища, и важные господа цеплялись друг за друга в радостном возбуждении. Когда спустили первого мастиффа, толпа издала торжествующий крик, словно в момент любовного экстаза.

Тагай все не мог отвести глаз от жуткого зрелища. Его мать принадлежала к роду Медведя – одному из девяти родов племени тахонтенратов, и поэтому сам Тагай тоже при-

надлежал к нему. Так что ему казалось, что это он находится там, прикованный к столбу и окруженный скалящимися врагами. Это он резко поднялся на кровоточащие лапы, попытался схватить прыгнувшего пса и отбросить его в сторону. Он почувствовал зубы, сомкнувшиеся у него на руке, стиснутые челюсти пса, мучительную боль ломающихся костей. Это он сам, Тагай, наклонился и подбросил собаку высоко в воздух – и разжимающиеся челюсти разорвали его плоть. Пес упал на спину, почти долетев до толпы, и с его морды брызгала медвежья кровь. Собака упала неудачно, спина у нее сломалась, но она все еще пыталась подползти обратно к медведю, загребая передними лапами и щелкая зубами, пока псарь не оттащил ее в сторону и на глазах у всех не перерезал ей горло.

– Одна! – крикнули в толпе.

Разожженный болью медведь прыгнул, глядя, как срываются и прыгают следующие недруги. На этот раз спустили двух псов. Один нацелился прямо на горло зверю и был отброшен в сторону, а второй тем временем попытался вонзить зубы в незащищенное брюхо. От его хватки медведь избавился и, подняв пса, запустил зубы под щелкающие челюсти. Когда в схватку снова вступил первый пес, который прыгнул медведю на спину и прикусил ухо, Тагай выбросил вперед руки, словно вместе со своим лохматым тезкой отталкивал умирающего пса, готовясь потянуться назад, сбросить и затоптать извивающееся тело.

– Две! Три! – завопили зрители, и Тагай понял, что скоро все кончится: он увидел, как король повернул раскрасневшееся гневное лицо к придворному, который только что выиграл у него деньги. Король проигрывать не любил.

– Тихо! Тихо! – крикнул Генрих, и этот крик мгновенно был подхвачен его управляющим и стражей.

Постепенно толпа затихла, так что слышны стали только рычание собак и басовитое ворчание медведя.

– Спустить их всех! – негромко приказал Генрих в тишине, и зрители подались вперед, чтобы оказаться ближе к смертельной оргии, которая должна была вот-вот начаться. Псаря пытались удержать собак за ошейники с металлическими клепками, пока отстегивали цепи. Медведь стоял на задних лапах, мотая головой из стороны в сторону. Его бока, залитые кровью – его собственной и кровью его жертв, – тяжело вздымались.

Это он сам, Тагай, раскачивался сейчас, ожидая смерти, окруженный врагами. Он принадлежит к роду Медведя. И уж если он должен умереть, то умрет, сражаясь рядом со своим родом.

У Тагая на поясе была новая шпага, купленная позором. Обнажая ее, он шагнул с помоста, на котором стоял королевский стол.



Анна смотрела вниз с высоты двух этажей, прижимая пальцы к скользкой черепице. Жан устроился в нескольких футах от нее. Он упирался ногами в зубец, который скрывал его. Вниз Жан Ромбо не смотрел.

А Анна – смотрела. Она вынуждена была смотреть, потому что все происходило именно так, как явилось ей во сне. Аристократы окружили столб, к которому было приковано цепью самое благородное существо из всех. На глазах Анны выпускали собак, по одной и по две, и девушка отворачивалась, чтобы хотя бы не становиться свидетельницей страданий. Но она все слышала. Голос, потребовавший тишины, заставил ее снова посмотреть вниз, хотя Анна по-прежнему не знала, что именно пытается увидеть.

А потом она заметила, как он встает. Она поняла, что он находился там все это время, отделившись от всех, отстранившись – и в то же время неразрывно связанный с происходившим. И когда он появился перед ее взором, Анна увидела, что он поднимает золотистую цепь – такую, какая сковывала медведя в ее сне. И эта цепь соединяла человека и медведя поверх голов. Волосы молодого человека, которые оказались даже более черными, чем ее собственные, падали ему на плечи. Он обнажил шпагу – в царящей внизу тишине Анне было даже слышно, как клинок с шорохом выходит из

ножен. Он поднял голову, и в это мгновение она узнала лицо, которого никогда прежде не встречала.

Этот молодой человек двинулся вперед, направляясь к месту травли. Почему-то она точно знала, что именно он собирается сделать.

– Нет! – пронзительно крикнула Анна, выпрямляясь во весь рост и шатаясь на краю пропасти.

– Анна! Вернись! Отодвинься! – прошипел Жан»; Ему хотелось податься к ней, оттащить назад. Однако он бросил всего один взгляд вниз – и обнаружил, что ноги отказывают ему в повиновении.

Внизу услышали ее крик. Все лица повернулись к ней. Поднялся ропот. Голос Генриха перекрыл общий гвалт:

– Кто это? Кто эта женщина?

Мысли Тагая были настолько сосредоточены на том пути к верной гибели, который он собрался начать, что он посмотрел наверх последним. И тогда перед ним предстала женщина с длинными черными волосами. Она качалась высоко над ним. Он видел ее всего мгновение, потому что в тот самый миг, когда он ее увидел, она потеряла равновесие и сорвалась вниз.

– Атаентсик! – крикнул он, пока тело еще летело.

Вопль Жана «Анна!» потонул во множестве других. Однако именно этот крик услышала она – падая, она думала об отце, который всегда говорил ей о том, как рядом с мгновениями смерти время останавливается. Мир превратился в

красноватое облако, внутри которого она медленно перемещалась по спирали. Она печалилась из-за того, что ее смерть принесет ему боль. И подумала о своей неудаче – после столь долгого пути. Даже сейчас она ощущала, как рука Анны Болейн прижимается к ее спине.

Ее последняя мысль была о королеве, в честь которой ее назвали. Бешено молотящая по воздуху рука ударилась о первую башню из крема и сахара. Анна падала спиной вниз, так что шестипалая кисть первой встретила стены из слоеного теста, рухнувшие со стремительностью, о которой могли только мечтать осаждающие. Разваливался слой за слоем – по мере того, как тело девушки прорезало сахарные полы и потолки крепости. Наконец Анна боком ударилась о стол, на котором было установлено кондитерское здание, и он рухнул под ее тяжестью.

Общий вскрик изумления был громче, чем те, что вызывали медведь и мастиффы. Окружающие замерли в неподвижности – все, даже животные. Тагай вернул шпагу в ножны и побегал прямо через круг опилок, мимо медведя, который опять поднялся на задние лапы, когда человек оказался рядом.

Раздался невообразимый шум – удивленные возгласы, крики... Тагай ворвался в сладкие развалины. Он шарил по липким стенам и покосившимся башням, облака сахарной пудры застилали ему глаза, и наконец его руки нащупали тело. Он осторожно провел по нему ладонями.

– Живи, Мать-Земля, живи!

Кашляя, он подsunул одну руку ей под затылок, а другой начал бережно стирать крем. Внезапно ее лицо вынырнуло на поверхность, словно девушка вырвалась из снежного сугроба. Она судорожно вздохнула, ее глаза открылись и стали слепо озираться вокруг. А потом остановились, удерживая его взгляд так, словно он всегда их знал.

С трудом Анна приподнялась из белого вихря, пытаясь глотнуть воздуха, который помог бы ей вернуться в этот мир. Она чувствовала боль. Болело все тело. И еще она ощущала какое-то давление на спине.

Ей показалось, что левая рука у нее сломана, однако правая слушалась. Несмотря на страдания, которые причиняли ей движения, она смогла завести руку себе за спину и вытащить оттуда сверток, который начал раскрываться.

– Это не должны найти. Никто не должен найти, – прошептала она, и белая пелена вновь поглотила ее.

Обмякшие пальцы уронили что-то ему на колени. Под слоями ткани Тагай увидел белую кость фаланги – сустав большого пальца скелета. В тот момент, когда сапоги первых придворных захрустели по сахарным развалинам замка, Тагай сунул косточки, завернутые в маленький саван, себе под камзол. А потом наклонился и вытащил бесчувственное тело из обломков.

Люди закружились вокруг. Послышались проклятья – дорогие наряды покрылись сахарной пудрой и жирным кре-

мом. Тагай зашагал прочь, но остановился, когда дорогу ему преградило несколько придворных.

– Кто она, Тагай? Гугенотка-убийца, свалившаяся с неба? Этот вопрос задал сам король. Генрих стоял в центре своего двора. У него за спиной знать Франции толкалась, борясь за первенство и более хороший обзор.

Пусть к Тагаю и относились как к талисману, почти что шуту, но он достаточно долго жил при дворе, чтобы знать его язык и то, что нравится придворным и его величеству королю.

– Эта женщина, о Великий Отец, больна из-за любви ко мне. Ее родители хотели нас разлучить.

– Ну что ж. Говорят, любовь дарит нам крылья. Но неужели она настолько отчаянно тебя любит, что попыталась про-верить это?

Вопрос его величества был встречен общим смехом.

– Похоже, что так, Отец.

– А ты ее любишь, мой Медвежонок?

Тагай посмотрел на бледное лицо, безвольно приникшее щекой к его плечу.

– Неизмеримо, о мой король. Присутствующие одобри-тельно зашептались, особенно придворные дамы. Диана де Пуатье, главная любовница короля, стоявшая прямо у него за спиной, ласково погладила Генриха по шее.

– Ваше величество, разве мы, верные слуги любви, не обя-заны помочь нашему Медвежонку в его беде?

Король ответил красавице улыбкой. Всем было известно, что он ни в чем не может ей отказать.

– Как она, Тагай? Она переживет свое падение?

– Думаю, что да, Отец. Но мне следует уложить ее в постель, и поскорее.

Новый взрыв смеха – первым захохотал сам король.

– Я так и понял, Тагай. Но будь с ней поласковее, ладно? Она еще может сломаться.

Были отданы приказы: приготовить комнату, вызвать врачей.

– Можешь идти и позаботиться о своей возлюбленной, Медвежонок. А позже мы придем узнать, как поживает твоя дама. – Король повернулся к придворным и заговорил громче: – Ну что ж, десерт был повержен любовью. Какая жалость! Но раз уж мы говорили о медведях, то, кажется, нам следует вернуться сейчас к другому.

В переполохе о нем забыли. Все стали возвращаться к медведю на цепи, а Тагай зашагал в противоположном направлении, двигаясь со своей ношей ко дворцу. Попутно он сбросил с плеча цепкие пальцы маркизы, которая пыталась его задержать. Проходя в одну из огромных дверей, он услышал, как собаки залаяли снова, а прикованный к столбу медведь зарычал.

– Умри хорошо, брат, – тихо проговорил Тагай. – Умри хорошо.

# Глава 17. СЕРЫЙ ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Она спала почти непрерывно – всю ночь и почти все утро. Тагай позволил врачам вправить ей руку – это оказалось единственным серьезным повреждением, хотя левый бок тоже был сильно ушиблен. После этого молодой человек отослал всех прочь. Только он один находился рядом, когда ее глаза начали открываться. Он говорил Анне что-то успокаивающее, подавал ей укрепляющие отвары и бульон. Вскоре она засыпала снова, а он сидел, смотрел и изумлялся – и сам ничего не ел и не пил.

«Ибо разве не наступает время поститься, когда богиня падает на землю?»

Его разбудил колокол, зазвонивший где-то в глубине дворца. Тагай не мог проспать долго, но за это время она успела открыть глаза – и теперь они были устремлены на него. В то же мгновение он оказался рядом.

– Я встречала тебя во сне, – сказала Анна.

– А я тебя – в моем. – Он поднес к ее губам стакан с отваром.

Она покачала головой.

– Скажи мне, как такое возможно?

Ее глаза были озерами прохладной темноты. Ему пришлось отвести взгляд, чтобы не утонуть в них.

– В моем краю говорят, что сны управляют всей жизнью.

– Похоже, что в этом краю я могла бы жить.

Тут Тагай все же поднял взгляд, решившись заглянуть в ее глаза.

– Где находится этот край? Как он называется?

– Мы называем его по-разному. Но французы, которые хотят им завладеть, назвали его «Канада» – так именуется одно большое поселение. Моя земля лежит далеко, за водами, за закатным солнцем.

– Расскажи мне о ней.

– Я никогда ее не видел, потому что меня привезли сюда в животе моей матери. Я знаю только то, что рассказывала мне она и вождь, которого доставили вместе с ней, мой дядя Доннаконна.

– Тогда расскажи мне это.

Он послушался, и, пока он говорил, Анна наблюдала за ним. Она внимала не только словам, но и чувствам, которые улавливала в интонациях. Голос Тагая стал напевным: то поднимался, то опускался, словно пел песню – про обычаи далекого народа, про те места, где он обитал. Анна поняла почти все. Тагай относился к миру почти так же, как сама Анна. Этот смуглый, странный молодой человек, как и Анна Ромбо, признавал наличие невидимого мира под жесткой скорлупой зримого. И это, невидимое и тайное, живет повсюду – на вершинах гор, в лесных чащах, в сумеречных ручьях. Однако порой Анна ловила себя на том, что просто слушает пение его голоса. И только когда Тагай заговорил



о костях своих предков, Анна полностью вернулась в свой собственный мир, к его опасностям.

– Ты сохранил то, что я попросила тебя спрятать? Он указал на подушку, лежащую возле нее. Там она увидела руку Анны Болейн, тщательно завернутую в ткань.

– Мой народ также бережет кости предков.

– Эта женщина – не мой предок. Она... – Анна замялась, не зная, откуда начать и что именно открыть. – Она обладала силой. Она поручила себя моему отцу. Он старается сохранить – это. Спрятать от людей, которые готовы использовать ее во зло, осквернить ее память. Но это так...

Она смолкла. Как объяснить ему, в какой она опасности? Пока что она двигалась вслепую, следуя предостережениям своих снов. Впереди была полная неясность. И тогда она вспомнила еще одну вещь, о которой можно было сказать.

– Меня называли в честь этой женщины. Нас обеих зовут Анна.

– Анна, да. Я узнал твое имя, потому что ты сказала его врачу, который тебе помогал.

– Правда? Я этого не помню. Тагай встал и поклонился.

– Ты назвала себя Анна Ромбо. А мое имя – Тагайнир-гийе. – Тут он улыбнулся, потому что эта цепочка странных слогов вызвала у нее на лице выражение недоумения. – Меня называют Тагай. Пока ты не стала Анной, я принял тебя за Атаентсик, дочь Бога Солнца. За богиню, которая упала на землю.

– Я не богиня, – отозвалась девушка. – И мой отец – совершенно не бог. Он – человек по имени Жан Ромбо.

Произнеся его имя, Анна вдруг вспомнила, как отец звал ее, когда она летела с крыши. Она приподнялась на кровати, но решительная рука, оказавшаяся у нее на плече, заставила ее лечь обратно. У нее кружилась голова, однако все решила именно рука. Ради разнообразия не рука Анны Болейн. Рука этого мужчины.

Где бы ни находился сейчас ее отец, это ему придется прийти к ней.

\* \* \*

– Эй, ты! Почему ты ничего не несешь? Мы лени не потерпим, сударик мой!

Жан низко склонился и получил удар тростью по заду. Он снова вернулся к месту пира, где еще трое слуг пытались поднять тяжелый дубовый стол. Жан взялся четвертым, напрягся – и они потащили мебель в двери, в глубину дворца.

Ночь выдалась долгая, и его костюм дворцового слуги оказался не только благом. Всякий раз, как Жан оказывался внутри дворца и пытался ускользнуть, кто-нибудь из слуг или управляющих требовал от него помощи. Остатки пиршества необходимо убрать к полудню, потому что в это время король выйдет на прогулку по саду со своей любовницей. Ни одного следа не должно остаться. И слуги, словно

муравьи, сновали туда и сюда.

Как это ни странно, Жану начало нравиться его занятие. Благодаря костюму его все принимали как своего, а странная выпуклость под фартуком – спрятанный там меч – не вызывала комментариев. Среди рабочих пчел было как минимум еще три горбуна. Слуги шутили, жаловались и смеялись. Перед рассветом им дали тушеного мяса с овощами. Мясо оказалось жестким и припахивало – Жан даже заподозрил, что это была медвежатина. Но блюдо оказалось сытным, и хотя тревога за Анну до конца не оставляла, она спряталась куда-то в дальний уголок его сознания. Во время работы он прислушивался к разговорам слуг. К утру он уже довольно точно знал, куда именно отнесли его дочь.

Сплетничали даже больше, чем жаловались. И немалая часть сплетен была связана с необычайными событиями этой ночи – падением женщины с крыши. Жан многое узнал о мужчине, который унес его Анну: он был любимцем не только у короля, но и у служанок. И похоже, многие из них знали его очень близко. Одна из кухонных девушек – большегрудая и с надутыми губами – явно ревновала. Она стала говорить о том, какая дурная репутация у этого индейца. А толстенный лакей по имени Каусек, который почти всю ночь жаловался на спину и не поднимал никаких тяжестей, встал на защиту юноши. Вся эта история похожа на романтическую повесть вроде тех, что печатаются на листках, которые продаются в Париже на любом углу, заявил он.

Когда прозвонил полуденный колокол, Жан осушил кружку пива и тихо встал. Пора начинать поиски. Он уже почти добрался до двери, когда она распахнулась.

– Говорил же я вам, что это – как романтическая повесть с улицы? – воскликнул Каусек, размахивая листком. – Смотрите, смотрите! «Принц-дикарь и крылатая возлюбленная»! Здесь написано, что упавшая девушка – незаконная дочь короля Франциска! Покойного короля и одной из вас, распутных служанок!

С хохотом, протестами, презрительными возгласами и улюлюканьем все столпились вокруг толстячка. Жана затащили обратно в комнаты.

– Как эта история могла уже оказаться на улицах? – спросил он у Каусека, который пытался не выпустить брошюрку из рук.

– Ты шутишь? Да к вечеру напечатают уже полдюжины вариантов. Наборщики трудятся всю ночь, и им нужно именно такое, чтоб за душу забирало. Эй! – крикнул он. – Поосторожнее, не то порвете! Дайте, я прочту. Все равно я один здесь умею читать.

По крики одобрения он прочел вслух историю, написанную «Доктором М., личным врачом его величества короля Генриха Второго Французского». Это была обычная чушь – Жан и прежде читывал нечто подобное. Безответная любовь, жестокость Тагая: заложник-варвар отверг незаконно-рожденную дочь короля, так что бедняжка бросилась с баш-

ни на землю, но чудом поплыла вниз, точно по воде, потому что сила любви подарила ей крылья ангела. И это открыло принцу варваров глаза на ее христианскую стойкость и красоту. Но Жан едва разбирал все эти благоглупости, настолько его потряс подзаголовок: «История канадца Тагая и французенки Анны Ромбо».

Едва услышав имя своей дочери, он метнулся к двери – и на этот раз сумел удрать.

«Каким образом они вывели, как ее зовут?» Безопасность заговорщиков была основана на том, что в Париже их никто не знает, однако теперь имя Ромбо будут повторять на всех улицах города. Если оно уже напечатано в листовке, то к вечеру окажется на устах всех трубадуров.

Ему необходимо срочно найти дочь. Им надо скрыться из Парижа.

\* \* \*

Томас Лоули разгладил листок на столе и глянул в сторону двери, где его спутник бдительно нес стражу. Джанни едва посмотрел на текст, не выразив ни малейшего удивления по поводу того, что его сестра внезапно превратилась в чудо любви. Было совершенно очевидно, что Анна его не интересует. Джанни Ромбо волнует только украденное и то, как его вернуть.

Томас потерял большую ногу. Повязка по-прежнему стяги-

вала его колена. Он сам наложил ее так, как она была завязана в тот день, когда он проснулся утром в Тауэре почти неделю тому назад. Повязка помогала: теперь он мог двигаться. Однако улучшение здоровья стало не единственным результатом его столкновения с Анной Ромбо – об этом говорили чувства, с которыми иезуит читал невероятную любовную историю.

Томас Лоули перекрестился, склонил голову и, прикрывшись ладонью, начал молиться:

– Пресвятая Мария, Матерь Господа нашего, помоги Твоему смиренному рабу, одержимому искушениями. Отче Небесный, укрепи его Своим изволением.

«Своим изволением»! Знать бы ему, в чем оно заключается, это изволение! Если бы Томас разделял уверенность Джанни в том, что дело касается только руки умершей ведьмы, которую надлежит доставить в Лондон, чтобы помочь разъяренному имперскому послу! Однако иезуит знал – и подозревал, что его юный спутник тоже знает, – что это дело гиблое. Если они действительно находятся в Париже ради руки Анны Болейн, то все осложняется еще больше.

Шевеля губами в молитве, Томас пытался понять, что ими движет в действительности.

Джанни высунулся из двери и плюнул на грязный булыжник. Он сумел разглядеть следы бегства своих родных и успешно проследил за ними до самого Парижа. Нелепая история о любви стала неожиданной удачей, но Джанни все

равно в конце концов нашел бы их. Глядя на ворота дворца, молодой Ромбо знал, что его добыча прячется где-то там, за этими стенами.

Он смотрел, как спуют их люди в поисках сведений. Хотя бы это иезуит сумел устроить после их приезда – нашел имперских агентов, которые подчинились приказам Ренара. Около дюжины стояло вокруг стен, но большинство затесались в толпу возле главных ворот. Все остальные ворота были закрыты, а охрана усилена втрое: короля встревожило то, насколько легко эта женщина просочилась мимо охраны. Благодаря этому стало значительно легче выжидать и наблюдать. Пусть дичь и спряталась до поры, но вскоре отцу и дочери придется выскочить из укрытия.

Джанни даже не задумывался над тем, почему его сестра оказалась втянутой в глупую романтическую историю. Его это не интересовало. Ему было важно только то, что он вновь приблизился к руке Анны Болейн. И на сей раз, когда семейное проклятье окажется у него, Джанни никому не позволит забрать его. Никому.

\* \* \*

Жан появился в дверях спальни, глядя на свою дочь и мужчину, который держал ее за руку.

Они не шевелились. Они не разговаривали. Они просто находились там – Анна на постели, Тагай в кресле рядом с

ней, – а Жан мог только наблюдать за тем, как его дочь соединилась с кем-то незнакомым. Соединилась душой и телом, так тесно, как никогда и ни с кем прежде. И в лице его дочери было нечто такое, что он узнал сразу. Потому что давным-давно такие же черные глаза смотрели на него именно так, отражая лучи тосканской луны. В облике их дочери Жан увидел Бекк, ее мать. Он узнал любовь, которая когда-то принадлежала ему.

Анна неожиданно вздрогнула. Сидевший перед ней мужчина тотчас вскочил, хватаясь за шпагу.

– Нет, Тагай! Это мой отец.

Тогда Жан вошел в комнату и взял целую руку своей дочери, глядя на вторую, перевязанную, и на ее бледное лицо.

– Я думал, что потерял тебя. – Он поцеловал ее в лоб. – Я всегда изумлялся твоим способностям, девочка. Но когда это ты решила, будто можешь летать?

– У меня не было выбора.

Анна указала на молодого человека, который встал позади ее отца.

Жан повернулся. Тагай стоял неподвижно, опустив напряженные руки.

– Жан Ромбо.

С этими словами француз протянул свою руку, и смуглый молодой человек принял ее, сжав у локтя. Они удерживали это рукопожатие долгие секунды, разглядывая друг друга. А потом Жан кивнул и снова повернулся к кровати.



– Анна, известие о твоей попытке полететь разнеслось по всему городу. Очень скоро они явятся за нами и... тем, что мы имеем.

– Тагай все знает, отец. Он сохранил это для нас. Девушка повернула голову к столу, и Жан увидел там сверток. Такие знакомые очертания под тканью!

– В таком случае ему известно и о том, в какой трудной мы ситуации. – Повернувшись к юноше, Жан Ромбо добавил: – Вы поможете нам выбраться отсюда? Боюсь, за воротами уже наблюдают. И по-моему, моя дочь еще какое-то время не сможет лазить по крышам и деревьям.

– Я устрою так, что вы уйдете отсюда. Но куда вы отправитесь?

– Не знаю. Куда-нибудь подальше. Я не могу планировать надолго.

– А я могу. – Анна приподнялась на кровати, и Тагай поспешил подложить ей под спину подушки. – Теперь я знаю, куда увезти руку.

– Еще один сон, дитя?

– Не сон. Я точно знаю. Рука Анны Болейн никогда не будет здесь в безопасности.

– Во Франции? Значит, следует вернуться в Италию и оставить ее у себя? Не думаю, чтобы твоей матери это понравилось.

Жан попытался выдавить улыбку, но безуспешно.

– Я хотела сказать, рука королевы Анны не будет в без-

опасности нигде в этом свете, – пояснила дочь.

– Тогда мы обречены, дитя. Мы не можем вечно находиться в бегах. Эта рука имеет обычай менять место обитания. Поверь мне, уж я-то знаю.

Анна Ромбо посмотрела сначала на Тагая, потом – снова на отца.

– Тагай рассказал мне о другом свете. Его собственном. Он называется Канадой. Этого света почти не коснулась наша... языческая жестокость. И там у них есть священные места. И полная луна, при которой ее можно похоронить. Возможно, королева Анна наконец сможет обрести там покой.

От изумления Жан утратил дар речи. А вот когда слова девушки услышал Тагай, его сердце забилося быстрее. Потому что в это же самое мгновение он понял, что Анна права. Она упала с неба именно для того, чтобы принести ему исполнение его заветного желания.

Юноша возбужденно проговорил:

– Мы сможем сесть на корабль в Бретани. Мы сможем плыть за солнечными лучами к моей стране.

К Жану вернулась наконец способность говорить.

– Я слышал о тех краях. Но они не похожи на испанские колонии в Америках, где существуют порты, растущие города, цивилизованные люди. Французы отказались от попыток обосноваться в Канаде. Там никого нет!

– Прошу прощения, но вы ошибаетесь. Там – мой народ. Жан попытался понять уверенность, которая теперь чита-

лась на обоих обращенных к нему молодых лицах.

– Даже если бы нам удалось найти капитана, который там побывал и смог бы нас отвезти (а мне кажется, что последний корабль плывал в Канаду в те времена, когда вы, Тагай, были еще ребенком!) – знаете ли вы, сколько золота понадобится, чтобы заплатить за проезд? – Жан увидел, как погасла радость на лице его Анны. – У нас ничего не осталось, Анна. Это невозможно. Невозможно!

Наступило молчание. Его нарушил Тагай:

– Я знаю, где есть золото. Много золота. Золота, которое по праву принадлежит мне.

Жан переводил взгляд с одного лица на другое и видел, как к молодым людям возвращается решимость.

– Отец, прежде ты всегда мне верил! Поверь и сейчас.

– А как же наши преследователи – мой сын, тот иезуит, все имперские агенты, которые, возможно, уже сейчас дежурят у ворот? Пусть это дворец, но по мне он все равно пахнет ловушкой!

– Из любой ловушки найдется выход, – объявил Тагай.

Жан явственно ощущал связь, соединившую их, незнакомого индейца и его родную дочь. Он сразу понял это, еще в первый миг, когда наблюдал за ними, стоя в дверях. И вспомнил, как десятки лет назад другие темные глаза смотрели на него. Бекк глядела на него из-под той пустой виселицы – там, на перекрестке, в долине Луары. Бекк любила его. И вдвоем они смогли совершить невозможное.

Каждую карету, выезжавшую из ворот, внимательно осматривали. Если занавески в ней были опущены, Джанни находил предлог заглянуть за них – обычно присоединяясь к нищим и притворяясь, будто просит милостыню. Иногда в качестве награды он получал от кучера удар хлыстом. Но каждый осмотр давал одинаковый результат: изумленные дамы и возмущенные дворяне. И никаких хранителей руки.

А потом, когда колокол возвестил шесть часов, через ворота пронесли портшез. Каждый из четырех шестов держали двое мужчин, однако не они, а лицо человека у окна заставило Джанни схватить Томаса за руку.

– Мой отец! – прошептал он.

Лицо Жана Ромбо выглядывало между краем шапки слуги и высоким воротником плаща: он осматривал улицу, одновременно пытаясь опустить шторку. Он все еще сражался с ней, когда портшез пронесли рядом с наблюдательным постом. Отец проплывал всего в нескольких шагах от них, но Джанни и Томас смотрели теперь за его спину, на другую сторону портшеза. Длинные черные волосы выбивались из-под белого кружевного чепца и падали на плечо зеленого платья.

Шторка опустилась.

– И Анна! – проговорил Томас.

Джанни устремился вперед, и иезуиту пришлось схватить его за руку.

– Не здесь! – Он указал на главные ворота, где толпились стражники. – Давай двигаться следом. Остановим их в каком-нибудь переулке.

\* \* \*

– Вы кого-нибудь видели?

– Да. И я уверен, что они видели нас.

– Отлично.

Тагай начал снимать кружева с головы и расстегивать корсаж платья. Из-под платья показался строгий зеленый камзол, такие же штаны и сапоги для верховой езды, доходившие до колен. Юноша набросил черный плащ и широкополую шляпу.

– Еще далеко? – спросил Жан.

– Не очень.

– Значит, мне уже можно встать?

Недовольный голос прозвучал с пола экипажа. Жан посмотрел вниз на Каусека – того толстячка, который вслух читал брошюрку о летающей красавице. Каусек неловко втиснулся на дно портшеза. Лакей вызвался помочь «влюбленным» из сочувствия – и ради обещанного ему золотого флорина. Теперь он выглядел уже не таким довольным сделкой.

– Еще нет. – Отвечая, Жан снимал шапку и плащ. – На-

девай-ка вот это.

\* \* \*

На широких улицах, ближайших ко дворцу, они двигались быстро: восемь носильщиков почти бежали. Томас с трудом успевал за ними. Однако вскоре лабиринт улочек стал сужаться, и людям пришлось замедлить движение. Их преследователи начали постепенно приближаться. Джанни отправил троих, чтобы те опередили портшез на пятьдесят шагов, тогда как он сам с остальными держался на таком же расстоянии позади него. Томас хромал рядом с Джанни.

– Не стоит их пугать, Ромбо.

– Тебе уже приходилось нападать на кого-то наулице, англичанин?

– Ну... нет, но...

– Тогда придержи язык, сударь.

Джанни улыбнулся сам себе и зашагал чуть впереди, не отрывая глаз от добычи. Он снова стал Серым Волком, вышедшим на охоту. И добыча была получше, чем какой-то старик-еврей.

\* \* \*

Портшез снова остановился. Соглядатаи услышали пере-

бранку. Тагай выглянул из-под приподнятой шторки.

– Рю де Фероньер. Тут всегда затор. Смотри, впереди угол, а за ним над улицей натянут тент бочара. Ты готов?

– Да.

Жан открыл дверь, продолжая удерживать ее за край. Когда портшез снова дернулся вперед, он сказал:

– До встречи. Идите с Богом.

– Возможно. – Тагай адресовал ему быструю улыбку. – А ты иди с Матерью Землей. – Он перевел взгляд вперед и напрягся. – Пора!

Как только портшез повернул за угол, Жан выскользнул из него. Он тотчас оказался под тентом, и его колено ударилось о бочонок – часть выставленного на продажу товара. Жан быстро двинулся в темную глубину лавки. Из теней он наблюдал за тем, как портшез движется дальше. Шторке позволили наконец подняться, и теперь там сидел Каусек, наполовину отвернувшись от оконца. Он надел шапку и плащ Жана.

«Это недолго будет их обманывать, – подумал Жан, глядя, как сын проходит мимо. – Впрочем, будем надеяться, что достаточно долго».

Жан Ромбо дождался, чтобы Джанни миновал лавку, и досчитал до десяти. К нему уже обратился лавочник, спрашивая, какой товар его интересует. Жан вынырнул из-под навеса и быстро направился в ту сторону, откуда они пришли.

С портшезом было что-то не так! Джанни приблизился к нему на двадцать шагов, так что смог заглянуть туда справа. Шторка поднялась, и Джанни по-прежнему мог видеть шапку отца и край его плаща. Только пройдя еще пятьдесят шагов, он понял, в чем дело.

– Носильщики! – прошипел он Томасу. – Им стало легче идти.

– Что?

Джанни ускорил шаги, увлекая за собой своих людей. Портшез остановился чуть впереди: носильщики ругались; с каким-то возчиком, требуя их пропустить.

Джанни сокращал расстояние стремительно, как волк, настаивающий добычу. Когда его рука тянулась к дверце, он уже обнажил кинжал.

Рывком Джанни распахнул дверцу. Какое-то лицо изумленно уставилось на него поверх плаща. Однако это не было лицо его отца.

– Помогите, помогите, по... – закричал Каусек. Третий вопль прервался: острие кинжала почти коснулось глаза перепуганного толстяка.

– Где они, мразь? Глаз испуганно закатился. Остро запахло мочой.

– Господин, господин... Я... я... не... не знаю! Прошу



вас...

– Лакей заверещал: острое приблизилось еще на волос. – Они... они сказали... что... встретятся позже, но не сказали мне где!

Когда Джанни бросил перепуганного мужчину на пол, их догнал Томас.

– Что случилось?

– Нас провели!

Джанни поднял с пола платье и расплосовал его кинжалом. А потом бросил тряпки, оттолкнул Томаса в сторону и обвел взглядом улицу.

Лошади, повозки, черные плащи, коричневые плащи, попрошайки, торговцы, отбросы, крысы. Черепица, навесы, хлысты, рукояти шпаг, черные волосы, светлые волосы, перья, перевязи. Ярость, бдительность, крики, смех, толкотня, шарканье, нытье, повороты.

Черный плащ, черные волосы. Бдительность. Поворот. Мысленно он увидел все это снова – и понял, в какую сторону ушел нужный ему человек.

– Возвращайтесь ко дворцу! – бросил Джанни через плечо. – Постарайтесь захватить их там. Я иду за этим.

Томас смотрел, как Джанни исчезает в толпе. Он сделал шаг вслед, окликнул его, но юнец уже скрылся. Тогда иезуит поспешно собрал остальных и повел их назад.

Джанни не мешало то, что это – не его город. Способы выслеживания дичи остаются одинаковыми в любом лесу. Тот

единственный взгляд на черные волосы и черный плащ позволил ему взять след, хотя в этом городе и того и другого хватало с избытком.

«Наверное, ее любовник-язычник, – думал Джанни, быстро заворачивая за угол. – Ну что ж, брат должен охранять невинность сестры, не так ли?»

Он поудобнее перехватил кинжал. От края первого здания ему был виден угол следующего – и фигура, которая быстро сворачивала за него. За следующим углом Джанни чуть было не потерял его на улице, полной лавок и покупателей.

Сосредоточив свои чувства, он отбросил все лишнее, быстро скользя взглядом от рыбных филе к кровоточащим заячьим тушкам. Джанни понадобилось время, но он снова нашел преследуемого: «любовник-язычник» приостановился возле лотка чуть впереди и наклонился, притворяясь, будто рассматривает какой-то товар. Джанни повернулся и тут же принялся торговаться из-за бутылки вина. Когда он расплатился и повернул голову, черный плащ скрывался за углом.

Там улица стала шире, а дома больше, в лавках продавалось белье и книги, а не фрукты и требуха. Лестница вела вниз, к дороге, которая шла параллельно Сене. Речные запахи густо поднимались под дневным солнцем. На берегу громоздились особняки богачей. Джанни осторожно спустился по лестнице и заглянул за ее перила: его дичь исчезала в па-

радных дверях довольно обветшавшего, но большого дома.

«Это – свидание любовников?» – подумал Джанни.

Он подошел к покрытым ржавчиной дверям. Прямо за ними сидел старик – беззубый, со слезящимися глазами. Хотя преследователю положено иметь терпение, Джанни был один и ему требовались сведения.

– Не разделишь ли с незнакомцем выпивку, друг? Старик вздрогнул, выходя из каких-то грез, и заморгал.

Джанни откупорил бутылку, купленную на рынке, и протянул ее привратнику. Старик понял, что происходит, и потянулся за ней. Джанни позволил ему сделать большой глоток и только тогда заговорил снова:

– Скажи мне, друг, чей великолепный дворец ты здесь охраняешь?

Тот что-то промямлил и поднял бутылку, чтобы глотнуть еще. Джанни отнял у него бутылку, когда жидкость потекла по грязной рубахе.

– Кто здесь живет, друг?

Голос зазвучал жестче, и старик почувствовал это, хоть и не смог оторвать глаз от удаляющейся бутылки.

– Я же сказал! Эта сука, маркиза де Сен-Андре, чтоб ей сгинуть от сухотки! Не платит мне достаточно, чтобы я мог покупать такое чудесное вино.

Корявые руки шевельнулись снова, и Джанни позволил своему собеседнику сделать еще один маленький глоток.

– Мне показалось, что сюда только что вошел один мой

приятель. Алебардщик из отряда герцога де Фурне.

– Что? – Глаза остекленели от изумления, потом просветлели снова. Из стариковского горла вырвался смех, больше похожий на предсмертный хрип. – Солдат? Вы шутите, сударь. Мимо меня за весь день не прошел никто, кроме мальчишки-потаскуна, да и тот явился только что!

– Мальчишка-потаскун?

– Ну да, сударь. – Привратник провел языком по воспаленным деснам. – Ручная обезьяна маркизы. Коричневый ублюдок. Сует туда, куда она ему прикажет, понимаешь, о чем я?

Он изобразил неприличный жест большим пальцем и согнутым указательным. И в эту минуту из дома послышались крики.

Джанни подался к привратнику.

– Из этого дома есть другой выход?

Старик, не сводивший глаз с бутылки, раздраженно поднял голову.

– А кто захотел узнать? Ты, кажется, назвался другом потаскуна?

– Нет, – возразил Джанни, извлекая из кармана монету. – Я – твой друг.

В доме снова начался крик, потом – звон разбившегося стекла и долгий, отчаянный женский вопль. Распахнулось окно, наружу высунулась голова старухи.

– Помогите! Помогите! Ловите его! Зовите стражу! – за-

вопила она. – Меня ограбили, разорили! Помогите!

Казалось, старик ее не услышал. Он потянулся за монетой и вином.

– Задняя дверь на реку, сударь. По дорожке справа отсюда.

Джанни бросился вокруг обшарпанной стены. Грязная дорожка вилась вдоль стены к воде, пересекаясь там с еще более грязной дорогой. Справа от него на петлях качалась деревянная дверца. Джанни быстро посмотрел в обе стороны вдоль берега. Ничего! Тогда он уставился вниз – и увидел след сапога, быстро наполнявшийся коричневой водой.

Он бросился в ту сторону, куда указывал носок. Ноги его вязли в грязи. Вскоре показался мост; лестница, ведущая на мост, находилась слева. Джанни приостановился, однако под выгнутым деревянным настилом ничего не было слышно. Стало почти темно, так что он провел пальцами по ступеням. На третьей обнаружилась влажная грязь, а еще через две ступеньки – снова. Кто-то мгновения назад взлетал по этим ступеням.

В три прыжка Джанни последовал за своей жертвой. Мимо него прогромыхала повозка, разбрызгивая грязь и нечистоты. Когда она проехала, на дальнем конце моста преследователь увидел закутанную в черный плащ фигуру, быстро шагавшую к левому берегу.

«Попался!» – торжествующе подумал Джанни.

Он решил не оставлять между собой и своей жертвой

больше пятидесяти шагов. Язычник совершил кражу, он в бегах – наверняка он испуган, смущен и невнимателен. Он не будет ожидать Серого Волка.

Не спуская глаз с черных волос, развевавшихся впереди, Джанни слился с толпой.

\* \* \*

Тагай отлично знал, что его станут преследовать. Более того, хотел этого и даже надеялся, что пойдут именно за ним, выпустив из виду Жана. А французский палач вернется в королевский дворец, чтобы забрать Анну и бежать с ней. Молодой индеец испытал разочарование, когда за ним пошел всего один человек. Он огорчился до тех пор, пока вдруг не понял, кто это. У лотка виноторговца на уличном рынке Тагай узнал этот профиль. Совсем недавно Тагай рассматривал тот же абрис – у себя в апартаментах, на своей подушке. Волосы, затенявшие его, очертания щеки, носа, форма глаз – все говорило о родственных узах.

Ему показалось, что он потерял брата Анны возле дома маркизы. Он получил то, за чем приходил в этот дом, и теперь Тагаю хотелось бы исчезнуть. Скоро его преследователь станет частью большой стаи, потому что аристократы Парижа не любят, когда обворовывают кого-то из них. И особенно – если вором оказывается кто-то из бывших любимцев.

Тагай переложил тяжелый кожаный мешок на другое пле-

чо и услышал, как зазвенело золото.

«Я не вор, – подумал он, – потому что это мое, добыто моими трудами. Все кошельки, которые она подбирала, как и этот – неужели это было только вчера утром? – рядом с измятыми постелями так называемой знати и пересыпала в этот кожаный мешок».

Тагай улыбнулся. К нему с небес слетела женщина – и золото перестало быть тяжелым, оно стало легче воздуха под крыльями орла. Оно поднимет его на коня, который будет ждать в назначенном месте. Оно понесет его по солнечным лучам через Большую Воду в его страну.

Юноша завлек своего преследователя в переулки Монпарнаса, на высокий холм и дальше, за него. Там тянулись поля – сперва возделанные, а затем сменившиеся пастбищами. За общим выгоном начались первые леса. Молодой индеец часто сопровождал сюда Генриха и его придворных: король любил, чтобы его Медвежонок во время охоты находился рядом, а Тагаю нравилось бежать по лесным дорогам рядом с королевским конем. Это напоминало ему тот дом, о котором он только мечтал. Тагай был быстрым: король не раз выигрывал, ставя на него. Никому еще не удалось обогнать его. И индеец не думал, что преследующий его человек сумеет стать первым, у кого это получится.

Тагай остановился и обернулся. На открытом пространстве перед лесом, среди низкой травы, выщипанной овцами и коровами, Джанни негде спрятаться. Брат Анны тоже оста-

новился. Двое мужчин обменялись взглядами на расстоянии пятидесяти шагов. Долгое мгновение слышалось только, как шумит ветер и блеют ягнята. А потом, не сказав ни слова, Тагай повернулся и побежал.

Серый Волк из Рима был отменным следопытом. Но эта земля была другой, и ее леса принадлежали Медведю.

\* \* \*

– Прочти мне это еще раз.

– Отец, я читал тебе это уже пятьдесят раз.

– Знаю, но уж больно хороша история. Ты же знаешь, как я люблю хорошие истории.

Эрик вздохнул и повернул листок бумаги к серому свету раннего утра.

– «Принц-дикарь и крылатая возлюбленная: История канадца Тагая и француженки Анны Ромбо».

Хакон с удовольствием устроился на каменных ступенях, а Бекк встала и поднялась по ним к деревянным дверям Собора Парижской Богоматери. С этого возвышения она могла смотреть поверх городских крыш. И кроме того, там чтение Эрика превратилось в далекое гудение, что ее устраивало. Там, где Хакон видел романтику и приключения, Бекк замечала только страдания близких и опасность, в которой они находились.

«И ты тоже с ними, Жан? А Джанни? Отец и сын, – гадала



она, – кто из вас охотник, а кто – дичь?»

Глядя на островерхие крыши Парижа, она снова почувствовала, что оба ее ребенка находятся близко. Или были тут совсем недавно. Она всегда ощущала их, словно пуповина по-прежнему соединяла ее с младенцами, хотя время и расстояние сильно растянули эту нить. Когда-то у нее была такая же связь с Жаном: она поднимала голову, как только он входил в двери «Кометы» с гроздью винограда и этой своей улыбкой. Но в последние годы она потеряла его – потеряла в своем гневе, своих сомнениях. И хотя гнев почти прошел, когда она поняла, что он мог делать только то, к чему его вынуждали, она по-прежнему не могла уловить близкого присутствия его души.

Бекк посмотрела вниз, через площадь перед собором, и увидела, что к ним быстро направляются Фуггер с дочерью. Рядом с ними шагал еще один человек – незнакомец в шляпе с пером и плаще. Она спустилась по ступенькам и встретила их в тот момент, когда они подошли к скандинаву.

– Новости? – спросил Хакон, вставая.

– Да, кажется. – Фуггер опирался на Марию, пытаясь справиться с одышкой. – И я был прав насчет разговора с банкирами. Они всегда в курсе того, что происходит. – Он повернулся к человеку, остановившемуся рядом с ним. – Позвольте представить вам моего кузена, Франсуа Фуггера. У него есть для нас кое-какие сведения.

Молодой дворянин поклонился, сдернув с головы шляпу.

Он был одет как щеголь: сплошные кружева и перья. Однако голос у него оказался звучным и серьезным.

– Я знаю только сплетни банкиров. Однако когда кузен рассказал мне о своем деле, я навел справки, и нынешним утром мне принесли весть, которая представляется относящейся к делу.

Он посмотрел на Фуггера, и тот кивнул, приглашая его продолжать.

– Оказалось, что некая маркиза, покровительница того юного дикаря, рассказ о котором вы держите в руках, задолжала в городе немало денег. Некий банк, соперничающий с нашим, ссудил ей значительную сумму. Она должна была расплатиться по долгам с помощью средств, собранных за счет... э-э... неких услуг. – Он посмотрел на Марию, покраснел и отвел взгляд. – Услуг, которые оказывал ее подопечный. Однако он не только не оказал их, но и скрылся с деньгами, которые заработал ранее. Они могли бы отчасти покрыть ее долги.

Бекк спустилась на одну ступеньку.

– А вы ничего не слышали о том, куда он мог бы скрыться?

– Банк нанял людей, чтобы вернуть деньги. По неясным причинам большой отряд всего час назад направился в сторону порта на западе страны. В Сан-Мало.

Услышав эти слова, Бекк повернулась спиной к поднимающемуся солнцу, которое уже заставило тени собора лечь на огромную площадь. Где-то там, на западе находятся ее род-

ные. И она снова ощутила едва заметное натяжение уз, которые связывали ее с ними.

– Ну что ж, – проговорила Ребекка, глядя на своих спутников, – отправляемся в порт. Надо спешить. Потому что я уверена: мы не единственные, кто получил эти сведения.

– Друзья мои, давайте пожмем друг другу руки и выпьем за сделку, которую заключили, и за то, чтобы самое сладкое дыхание Святого Духа наполняло наши паруса!

## Глава 18. СМЕРТЬ НА БЕРЕГУ

Глаз капитана Ферро блестел так же ярко, как золото в руке Тагая. Однако Жан заметил, что молодой человек колеблется. Этого Жан еще не замечал за индейцем в течение их недолгого, но богатого событиями знакомства. Тагай организовал их побег из Парижа с удивительной легкостью: его деньги пошли на оплату кареты и сменных упряжек в Алансоне и Ле-Тейе, что позволило им добраться до Сан-Мало на третий день пути к вечеру. По приезде они навели справки – и оказались на этом прибрежном постоялом дворе, где встретились с теми, кто много лет назад плавали вместе с Картье в Канаду. Таковых осталось всего двое. Оба были капитанами рыбацких судов. Они поговорили с обоими. Первый, Пьер Жаке, оказался ворчливым, полным вопросов и сомнений, тогда как капитан Ферро так и сыпал улыбками и заверениями. Он пообещал исполнить заветное желание молодого человека – быстро вернуть его на родину.

Однако теперь Жан впервые видел, как Тагай колеблется.

Жан вмешался, прервав затянувшуюся паузу:

– Возможно, моему другу следует подумать еще немного.

Вы позволите, капитан?

Улыбка Ферро немного поблекла.

– Я буду здесь, господа. Но не предавайтесь раздумьям слишком долго. Рыбацкий флот отплывает завтра, и нам

нужно уплыть с ним, так ведь?

Снова начался дождь, принесенный с моря резким ветром. Спутники плотнее завернулись в плащи и сблизили головы, чтобы поговорить.

– Ты сомневаешься, Тагай? – спросила Анна.

– Не знаю почему. – Он пожал плечами. – Этот обещал мне исполнение всех моих желаний, тогда как тот говорит, будто это почти невозможно. И все же... – Тагай посмотрел в сторону моря. – Мне кажется, что нам нужно еще раз поговорить с тем, другим.

Они нашли Жаке, как и в первый раз, на его каравелле, которая казалась еще меньше теперь, когда качалась на иссеченных дождем волнах, словно пробка в бочонке кислого вина. Ей совершенно не подходило ее название – «Морское перо», написанное синими буквами на корме. Жаке сидел на высокой корме, быстро пропуская сети сквозь пальцы, чтобы отыскать в них прорехи. Деловито снующая игла чинила их. Фигурой он походил на собственный корабль: в ширину и высоту почти такой же, как и в длину. Стекавший по нему дождь оставался без внимания.

Услышав о Ферро, он только хмыкнул.

– Ну вот видите. – Капитан умело сплюнул через борт, воспользовавшись порывом ветра. – Желаю вам приятного плавания.

– Вы ведь не думаете, что все пройдет так легко, как он говорит? – спросил Жан.

Ответа не было так долго, что они уже почти перестали его ждать.

– Легко? Угу, ужас как легко. Вы проплываете тысячу лиг по самым большим морям, какие только знают люди. Если вам повезло, то спустя недель пять вы видите какую-то землю. Может, вы ее узнаете, но скорее всего – нет, и вот вы еще целую неделю плаваете вдоль нее и ищете место, где бы можно было пристать и где нашлась бы пресная вода. – Старый капитан подался вперед и снова сплюнул. – И это – когда вы только добрались до Индий. Потом, может, у вас остались силы, чтобы рыбачить, а лов там хороший, учтите. Поэтому вы туда и плывете. Рыбы так и толкаются в корму, сами прыгают в сети. Так что вы месяц работаете день и ночь, а потом плывете домой, пока не начались осенние штормы. Этот Ферро, – новый плевок, – он сказал вам, как далеко от места прибытия лежит то место, которое вы ищете? Стадакона?

Они дружно покачали головой. Жаке издал какой-то булькающий звук, который можно было бы счесть смехом.

– Не удивляюсь. Насколько я вспоминаю, он почти все время провел в трюме – притворялся, будто у него цинга.

Жаке в первый раз посмотрел прямо на своих собеседников.

– А когда вы там окажетесь... Знаете, не случайно ведь никто не заходил так далеко по реке Святого Лаврентия уже лет двенадцать, а то и больше.

Он встал, шагнул к Тагаю и всмотрелся в его лицо.

– Значит, ты из них, да? Порой я гадал, что стало с теми дикарями, которых мы привезли оттуда. Ты такой же уродливый, какими я их помню. – Он пощипал зубами, не отрывая взгляда от Тагая. – И тебе хочется вернуться домой?

– Да.

– В твоих щегольских кружевах, – фыркнул он, – с твоей туалетной водой и ухоженными волосами? Думаешь, ты продержишься там хоть минуту, пока тебя не разденут и не подвешат над костром на ужин какому-нибудь дикарю? Тагай ответил ровным голосом:

– Какой бы ни была моя судьба, но она ждет меня там.

– Ах, судьба! Вот как?

Маленькие глазки на обветренном лице сощурились. В полном молчании капитан рассматривал Тагая целую минуту, а ответный взгляд Тагая не дрогнул ни на мгновение. Наконец Жаке снова вернулся на свое место на палубе и принялся проверять сети. Снова наступило молчание: они смотрели, как капитан работает.

– Сколько Ферро запросил?

Тагай ему ответил. Жаке снова презрительно хохотнул.

– Я возьму половину: моему гробу золотая подкладка не нужна. Половину этих денег оставите у моей жены, а вторую – у владельца постоянного двора «Баклан», чтобы заплатить семьям команды, если мы не вернемся. Для них это хорошие деньги, но они их отработают сполна, потому что я возьму меньше матросов, чтобы осталось место для вас. И по доро-

ге назад у нас может не остаться времени на лов, так что доход мы получим только от мехов, которые сможем выменять у дикарей. Вы оба возьмете собственные припасы и будете работать на парусах и помпах, если понадобится. И вообще, пока мы в море, вы будете выполнять все мои приказы. Согласны?

Жан посмотрел на Тагая. Той неуверенности, что молодой человек выказал на постоялом дворе, теперь не было и в помине.

– Согласны.

– Тогда идите. Рядом с «Бакланом» есть бакалейщик, он скажет, что вам понадобится. Больше не берите: на каравелле нет места. И послушайте моего совета: попрощайтесь со своей леди на постоялом дворе. Труднее уплывать, когда они воют на причале.

Пока Тагай вел переговоры, Анна стояла рядом с отцом. Сейчас она шагнула вперед.

– Капитан, вы не поняли. Мы покупаем проезд для всех нас.

Игла вонзилась в палец капитана. Жаке чертыхнулся и начал его сосать.

– Я думал, это для двух господ. Женщина на корабле – к несчастью.

– И все же...

– Я не могу это сделать. Команда такого не любит. Они из-за этого... Я нанимаю людей бывалых, сударыня. Вы не



привыкли к таким манерам.

Анна наклонилась, заставляя капитана посмотреть на нее.

– Вы обо мне ничего не знаете, капитан. Не знаете, к чему я привыкла. Я всю жизнь жила среди бывалых мужчин, да и семья у нас бывалая.

Она сжала локоть отца. Жаке начал колебаться. Жан до-  
бавил:

– И у нее есть дар целителя. Лучшего лекаря, чем моя дочь, я не встречал.

Жаке посмотрел на них обоих, а потом перевел взгляд на бесстрастного Тагая. Капитан еще раз пососал палец и на-  
гнулся за иглой.

– Десять склянок завтрашним утром. За час до прилива, и ни минутой позже. Мой первый приказ.

– Мы выполним его, как и все остальные.

Они повернулись и по веревочной лестнице спустились на причал.

Два часа были потрачены на сборы, еще два они провели за трапезой. Все трое хорошо поели и выпили. Это был их последний ужин на суше. Они почти не разговаривали. На свои деньги они заказали в «Баклане» все самое лучшее и взяли комнату наверху, которую им ни с кем не приходилось делить. Застелив матрасы плащами, они легли: мужчины по краям, Анна – между ними. Вскоре девушка и Тагай уже спали.

Хотя Жан устал не меньше их обоих, хотя на его теле ны-

ли все ушибы, полученные в карете на ухабистой дороге, ему никак не удавалось вкусить желанного отдыха. Он лежал и слушал, как ветер воет в гавани, замечал, как постепенно стихает волна, видел, как луна танцует среди рваных облаков, пока ее круглый с одной стороны бок не изгнал тучи с небосклона – и тогда она осталась в серебряном одиночестве. Половинка луны наполняла комнату ярким светом. Какое-то время Жан рассматривал лицо лунной девушки, которую всю свою жизнь видел на лунном круге, а потом повернулся к той девушке, что спала подле него.

Анна лежала, свернувшись калачиком, спиной к Тагаю, подложив под щеку его руку. Губы у нее приоткрылись, дыхание было спокойным. Жану вспомнилось, как он наблюдал за ее сном, когда она была малышкой, дивясь чуду своего первого ребенка. Ощущение этого чуда по-прежнему оставалось с ним. И благодаря тому, как преобразили ее лицо свет и тени лунных лучей, он различил то, что всегда любил в этом облике, – воспоминание о ее матери. Бекк было столько же лет, сколько теперь Анне, когда они впервые были вместе на сосновых иглах под лучами луны, на темно-коричневой земле у разваливающейся стены.

– Бекк! – прошептал Жан.

Звук его голоса заставил Анну пошевелиться, но не разбудил. Она снова повернулась, даже во сне стараясь не потревожить свою ушибленную и закрепленную на шине руку. В серебряном свете присутствовало еще нечто – некая фор-

ма, таившаяся в складках ее платья. Очень необычная, если присмотреться повнимательнее: как будто рука, но ткань приподнимается не на пяти, а на шести кончиках. Теперь это были только кости, но, закрывая глаза на реальность, Жан мог снова увидеть, какой она была прежде. Та рука, которую королева, Анна Болейн Английская, положила ему на плечо, смеясь над его изумлением. Рука, которую он отрубил ей одновременно с головой. Рука, которую у него украли на перекрестке в долине Луары и которая вернулась к нему на том же перекрестке после пережитых трудностей и ужасов. Она была возвращена и похоронена при священном свете полной луны во исполнение клятвы.

Другая луна, другая жизнь, другой Жан Ромбо. У того человека хватило отваги вынести все и похоронить шестипалую руку. Но того человека больше не существовало. Жан даже попытался избавиться от символа того человека: отдавал его, бросал. Но свет, падавший на постель, падал и на меч палача.

Он вытянул руку, прикоснулся к ножнам – и внезапно, глядя на то, как в лунном свете сплавляются воедино лица любимых им женщин, понял, что произойдет завтра.

Улыбаясь, Жан отдался сну.

\* \* \*

День выдался великолепный: безоблачное небо, едва за-

метные волны – и сильный, теплый ветер, дующий с суши. Каравеллы, стоявшие у причала, походили на охотничьих соколов, рвущихся в полет.

Путешественники стояли у «Морского пера» и наблюдали за тем, как семнадцать членов команды готовят судно к отплытию. Жаке был среди них, тщательно проверяя все припасы и снаряжение. Их собственные жалкие пожитки уже были унесены и уложены в одном из трюмов. Теперь им оставалось только ждать, прощаясь взглядом с твердой сушей, ибо океан у них за спинами достаточно скоро позовет их к себе.

Крики заставили их обернуться. Эти вопли доносились от начала длинного каменного мола, который изгибался и доходил почти до скал на противоположных сторонах бухты. Между ними оставался узкий пролив – вход в гавань Сан-Мало.

Анна притенила глаза ладонью. Она увидела, что вокруг чугунной рамы столпились люди.

– Что они делают, отец?

– Опускают бон. Это – цепь через пролив, которая не пускает в бухту незваных гостей.

Падение тяжелых чугунных звеньев послужило сигналом для людей на кораблях. Те, кто уже были готовы, начали отчаливать, а замешкавшиеся стали ускорять погрузку. Глядя вдоль пристани, Жан заметил, что капитан, которого они отвергли, Ферро, оказался в числе медлительных.

– Пойдем, отец. Был приказ подниматься на борт. Жан посмотрел на дочь. Тагай уже лез по веревочной лестнице, протягивая руку, чтобы помочь Анне.

– Я не еду, – сказал Жан.

– Что? – Она мгновенно вновь оказалась рядом с ним. Тагай вернулся к ней, несмотря на протесты, донесшиеся снизу. – Отец! Ты же согласился! Руку надо отвезти в безопасное место.

– Надо. Но теперь ты – ее хранительница, и тебе решать ее судьбу. Я больше ничего не могу.

Анна хотела было заговорить, но отец прижал палец к ее губам и притянул девушку к себе.

– Тише, дитя. Мы с тобой оба понимаем, что так будет правильно. Ты знаешь меня лучше других. Ты знаешь, что у меня больше нет... сил на то, что необходимо совершить. Я потратил их целиком. Остатки позволят мне добраться до дома – где бы он ни был. Хотя бы до твоей матери. Мне нужно кое-что искупить.

Жан крепче обнял дочь и посмотрел через ее плечо на Тагая.

– Возьми ее, парень. Она – самый лучший подарок, какой я мог бы сделать. Помоги ей совершить то, что необходимо, и позволь ей помочь тебе. Потому что она – чудо, самое большое чудо в мире.

Жан ласково погладил руку Анны, обнимавшую его за шею.

– А теперь ступай. Следуй своим видениям. Пусть они позволят тебе привести Анну Болейн к месту ее последнего упокоения.

Тагай прижал к себе онемевшую Анну.

– Я буду ее охранять, Жан Ромбо. Я отдам за нее жизнь.

– Да уж, изволь. – Жан поднял руку и прикоснулся к мечу, закрепленному у него за спиной. – Иначе мы с моим другом тебя разыщем.

Они добрались наконец до корабля, и торопившие их матросы помогли им взойти на борт, а потом снова занялись веревками и узлами. Вскоре «Морское перо» уже отплывало от причала, разворачивая три своих паруса. Анна стояла на корме, заливаясь слезами и поднимая руку. Внезапно Жану показалось, что там стоят две Анны: его дочь и королева – и обе прощально машут ему. И неожиданно все его муки остались позади. Пропала боль, которая тяжестью лежала на его сердце так давно, насколько хватало его памяти. Жан вдруг почувствовал себя легким и словно впервые ощутил соль в дыхании ветра и тепло летнего солнца. Он начал перепрыгивать с ноги на ногу, а слезы, которые стекали у него по носу и подбородку, заставили его улыбнуться, а потом и засмеяться. Он размахивал руками, как сумасшедший, устремив взгляд на корабль, который увозил его радость и его печаль.

Сердце у него колотилось так сильно, что он не сразу услышал новый звук. Затем Жан заметил, что Анна, от которой его все еще отделяли всего два корпуса корабля, внезап-

но перевела взгляд в сторону и чуть выше. Рука ее опустилась, пальцы прижались к губам. А потом к ее крику присоединились новые – они неслись с холма на краю города.

Жан повернулся. Он плохо различал далекие предметы и увидел на холме просто какие-то фигуры. Однако ветер, дувший с суши, хорошо доносил до него слова.

– Они там, на том корабле! – кричал Джанни Ромбо. – Поднимите бон!

Жан увидел, как несколько десятков лошадей, прищипоренных всадниками, понеслись вниз по крутому склону. До мола им оставалось скакать совсем немного, а оттуда они могли бы быстро добежать до лебедки бона. Он оглянулся на «Морское перо». Кораблю не успеть вовремя выйти из бухты.

Бросившись к каменным ступеням, Жан сумел добраться до них раньше всадников. Он услышал, как они спешиваются. Сапоги тяжело затопотали по усыпанному галькой молу следом за ним. Остановившись в десяти шагах от лебедки, Жан повернулся.

Его сын оказался там, где он и ожидал, – впереди остальных. Увидев, как Жан поворачивается, Джанни чуть замедлил бег. Его люди выстроились позади своего предводителя клином. В десяти шагах от отца Джанни Ромбо остановился.

– С дороги, старик! – зарычал Джанни. – Тебе нас не остановить!

– Ты прав, мой сын. Не остановить. Но возможно, я смогу

вас на какое-то время задержать.

С этими словами Жан завел руку себе за спину и извлек из ножен меч с тупым концом. Он вышел на солнечный свет так, как делал это всегда: хищник, прищуривший глаза в лучах рассвета.

Жан осмотрелся. Возле самого конца мола показался хромой мужчина в черном плаще. Он шагал в их сторону. Выше на склоне Жан заметил новую группу всадников, начавших спуск. Он предположил, что это идет подмога его противникам. На воде к ним быстро приближалось «Морское перо». Но недостаточно быстро.

Ромбо перевел взгляд с корабля, на котором уплывала его дочь, на своего сына. Необходимо выиграть немного времени.

– Человек, умиравший на перекрестке, сказал мне, что ты, пожалуй, владеешь мечом лучше меня. Он был прав, Джанни? Неужели я так хорошо тебя обучил?

Это была наживка. Жан увидел, что его сын проглотил ее. Как проглотил бы ее он сам в его возрасте.

– Он – мой. Только мой! – объявил Джанни, доставая из ножен тяжелую рапиру.

Он атаковал первым, как Жан и ожидал, с несокрушимым превосходством юности. Три года прошло с тех пор, как они в последний раз скрещивали клинки в учебном бою, и Жан сразу увидел, что его сын стал быстрее и сильнее. Джанни провел эти три года не только в молитве и покаянии.



Треугольный конец рапиры двигался на него в стремительном выпаде на уровне груди, прямо, – типичная атака молодого человека. Клинок с тупым концом поднялся, чтобы встретить рапиру, – и встретил пустоту. Выпад был ложным, потому что молодые люди знают, что о них думают старики. Острие рапиры отклонилось наружу, отставленная назад нога вернулась к другой, руки соединились. Обеими руками Джанни повел свое оружие сверху вниз, полукругом, к открытому плечу Жана. Жану пришлось отшатнуться назад, потеряв стойку. Он криво взмахнул тупоконечным клинком, чтобы отвести удар в сторону.

Однако Джанни не вложил в свой удар никакой силы. Его отец открыл спину, отступил от первого выпада. Юноша позволил своему клинку соскользнуть с тупого конца палаческого меча, а затем резко остановил скольжение и дернул рапиру в сторону. У удара не было силы, чтобы нанести глубокую рану, но отточенный металл в любом случае опасен – он впился Жану в ногу:

Отец и сын посмотрели на порез с равным изумлением. Первым пришел в себя Жан. Он отодвинул ногу, отступил назад на два шага и встал в защитную стойку. Теперь обе его ступни стояли параллельно друг другу, а рукоять меча он сжимал двумя руками, держа клинок перед собой.

- Ты научился, Джанни. Я тобой горжусь.
- Гордыня ведет к падению.
- Возможно.

По причалу шел хромой мужчина. Вниз по холму неслись кони. Корабль все еще был слишком далеко от цели. Джанниосмотрелся и тоже это увидел.

– Хватит, старик. Твой меч – или твоя жизнь.

«Нельзя позволять щенку чересчур многое, – подумал Жан. – Даже своему собственному».

Он наклонился, окунул палец в рану и поднял руку, чтобы лизнуть свою кровь.

– А вот это вызывает воспоминания, – сказал он и на последнем слове атаковал.

Мечи со звоном скрестились. Металл скользил по металлу со звуком, похожим на крик чаек, которые кружили над ними. Годы гнева соединились в их клинках, обрызганных лучами солнца и искрами. Два человека превратились в животных, и юный самец бросил вызов старому.

Солдатам Джанни и Анне с Тагаем на корабле видно было только мелькание стали. Клинки проносились в воздухе, они встречались крича и расставались с воплями, и вновь направляли удары и ставили блоки, делали обманные движения и ложные выпады. Никто из наблюдавших не мог определить, кто в этом танце ведет, а кто идет на поводу.

А сражавшиеся знали это. Перевес все время менялся, преимущество переходило от одного к другому. Удары задумывались и наносились мгновенно.

«Он хорош, – думал Жан. – И сейчас он пытается меня убить».

«Он все еще хорош, – думал Джанни. – И он снова стоит между мной и моим Богом».

«Я постарел, – думал Жан, – я давно не занимался этим. Время на стороне молодости. Он может сражаться весь день, а я... Я не смогу продержаться даже столько, чтобы корабль успел уплыть».

«Значит, мне нужно что-то сделать», – понял Жан.

И сделал.

Это была уловка. Старая. Простая и подлая. Много лет назад он собирался показать ее Джанни, но паренек убежал из дома раньше, чем отец успел это сделать.

«Оно и к лучшему».

Жану не пришлось притворяться усталым. Но каждый последующий удар он наносил все слабее, проводил контратаки все реже и позволял каждому звонкому удару сына отклонять его меч все ближе к телу. Парируя удары двумя руками, шумно хватая ртом воздух, Жан отступал все дальше и дальше, пока в конце концов его нога не оказалась у края лебедки. Увидев это, Джанни торжествующе зарычал и шагнул вперед, чтобы с силой вогнать клинок в раненое бедро отца. Жан с трудом остановил рапиру в пальце от своего тела. А потом он неожиданно сильно повел свой клинок вдоль оружия Джанни – и вниз. Его гарда отклонила рапиру очень низко, и Джанни пришлось шагнуть вперед, чтобы не выпустить оружия из руки. Оставив на рукояти только одну левую руку, Жан отвел правую назад и два раза изо всех сил уда-

рил Джанни кулаком по носу. Со слезами на глазах юноша подался назад и снова попытался высвободить рапиру. Однако Жан вновь шагнул к нему, продолжая крепко удерживать клинок. Подняв руку, нанесшую удар, он схватил сына за левое плечо и силой надавил на него вниз, а потом обхватил рукой шею молодого человека. В следующую секунду их головы прижались друг к другу, а меч палача вжался в шею Джанни.

Несколько мгновений оба могли только дышать.

Наконец Жан проговорил:

– Все кончено, мальчик.

Джанни попытался шевельнуться и почувствовал, как остро заточенное лезвие разрезает ему кожу. Однако он не утратил способности говорить.

– Убейте его, – приказал он своим ошеломленным солдатам. – Убейте его сейчас же!

Жан вздохнул и снова повернулся к воде. «Морское перо» проплывало почти рядом. Анна тянулась к отцу, и Та-гай с трудом удерживал ее на палубе. Казалось, они так близко, что к ним можно прикоснуться. Вот-вот они должны были миновать горловину гавани.

Джанни порезался, пытаясь высвободиться. Жан убрал свой клинок, оттолкнув сына так, что тот растянулся на каменном моле. Тогда Жан опустился на колени, глядя, как по канавке меча бежит крошечный ручеек крови.

«Столько крови! – подумал Жан. – Как много пролилось»

ее за эти годы». Кровь преступников, и невинных, и просто неудачников. Их жизненная сила текла по этим самым канавкам и давно была стерта, но какие-то ее следы все еще оставались – малые частички каждой отлетевшей души. И среди них – частичка его королевы, Анны Болейн, чья улыбка стала только воспоминанием. Ее кровь тоже когда-то текла здесь, кровь из шеи, из запястья – как теперь кровь его сына. Его меч отведал крови сверх меры. Он отведал ее более чем достаточно.

Когда люди его сына надвинулись на французского палача, опасливо выставив вперед свои клинки, Жан выпрямился и сделал то, что делал за свою жизнь всего трижды: один раз – на поле битвы, один раз – на бойне и один раз – на перекрестке дорог в долине Луары. Жан Ромбо пригнулся, расправил все еще мощные плечи и бросил меч высоко в воздух. Он описал плавную дугу, поднявшись над носом корабля, над запрокинутым лицом его дорогой дочери, и поймал лучи солнца. Чайки с криками понеслись к его вращающемуся блеску, но меч тупым концом вонзился в волну и исчез прежде, чем хоть одна птица успела причинить себе вред.

Жан воздел руки к синему небу. Первый солдат сделал выпад. Удар не встретил сопротивления и вошел в тело. За ним последовали новые, небо побагровело, и Жан Ромбо рухнул под ударами десятка мечей.

– Нет! – завопил Джанни за мгновение до того, как мушкетная пуля пролетела мимо него и разнесла голову лейте-

нанта, занятого убийством.

Следом раздались два пистолетных выстрела – и еще двое нападавших завалились назад. Остальные замерли, оглядываясь на мол, по которому к ним стремительно мчались двое. Солнечные лучи отражались от двух кривых сабель и боевого топора на длинной рукояти.

– Хаконсон! – закричали скандинавы, сталкиваясь с людьми Джанни.

Те рассыпались, отчаянно защищаясь – и отчаянно умирая. Только двое уцелели, и то лишь потому, что бросились в воду.

Бекк прибежала в тот момент, когда упал последний солдат, из дула ее мушкета еще поднимался дымок.

– Говорите: они живы? – с трудом произнесла Бекк.

– Твой сын жив.

Хакон указал топором туда, где продолжал лежать Джанни, зажимая тонкий кровавый порез на шее и устремив на них безумные, недоумевающие глаза. А потом скандинав принялся растаскивать тела. Когда Жана вытащили наверх, Бекк с рыданием опустила на мол и положила его голову себе на колени.

– Ох, Жан, мой Жан! Что теперь они с тобой сделали? На кровавом полотне, в которое превратилось его лицо, медленно открылись глаза.

– Небеса – и так быстро! – прошептал он. – Ждать совсем не пришлось. – Тут его лоб наморщился. – Но как это ты

попала сюда раньше меня?

– Ты жив! Любимый мой, жизнь моя! Надо найти тебе врача! Быстрее... – Она повернулась к остальным. – Хакон! Фуггер! Почему вы стоите?

Фуггер подошел к ней и осторожно положил руку ей на плечо. Взгляд Жана переместился на него.

– Как ты, Жан?

– Умираю, Фуггер. А ты? Немец невольно улыбнулся.

– А я жив. Моя Мария спасена. А твоя Анна – она была на том корабле?

Жан слабо кивнул:

– Обе Анны. Они ищут покой в Новом Свете. Хакон? Он не видел друга, но размер тени, заслонившей солнце, показался ему знакомым.

– Да, карлик?

– Позаботься о Бекк.

– Обязательно, дружище.

– «Позаботься о Бекк»? – вскричала его жена. – Я сама буду заботиться о себе, как всегда, Жан Ромбо! Неужели ты считаешь, что мне нужна защита какого-то мужчины, потому что я так слаба, такая баба, что... что...

У нее перехватило дыхание и брызнули слезы.

Голос Жана стал таким тихим, что его могла слышать только Бекк.

– Ты – воин. И моя любимая.

Она прошептала:

– А ты – мой любимый.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его, слезы сорвались с ее щек и упали ему на лицо.

Он охотно подставил лицо этой жгучей росе. Она была как благословение, падающее с небес, и, наконец почувствовав себя прощенным, Жан Ромбо умер.

Баюкая его, Ребекка начала выть – еврейский напев звучал на одной низкой ноте. Мария встала рядом с отцом, и теперь двое Фуггеров, Хакон и Эрик повернулись и устремили глаза на сына Жана Ромбо.

– Вы не понимаете! – В голосе Джанни появились ноты мольбы. – Он противился Божьей воле.

– Воле твоего Бога, Джанни, – тихо проговорил Фуггер. – Твоей интерпретации Его воли.

Голос юноши изменился, стал жестче.

– Служа той английской ведьме, он служил дьяволу.

– Он служил своей правде.

– Нет! – взвыл Джанни, яростно глядя на устремленные на него глаза. – Он проклял нас, проклял нас всех. И только я могу снять это проклятье!

– И только я могу тебе помочь.

Новый голос принадлежал хромому мужчине в черном одеянии, мимо которого они пробежали.

Томас Лоули подошел к Джанни, наклонился и помог ему встать.

– Пошли отсюда, Джанни! Пойдем.



Страхнув участливую руку, Джанни начал поворачиваться. А потом посмотрел вниз, увидел своего мертвого отца на руках у своей воющей матери и шагнул к родителям. Голосом, потерявшим вызов, Джанни произнес:

– Матушка?

Глаза Бекк были полны слез, и она различала фигуру сына словно сквозь пелену. Она встряхнула головой и просто секунду смотрела на него – так, как смотрят на человека совершенно незнакомого. А потом снова наклонилась над трупом и тихо завывала.

На этот раз Джанни подчинился руке, увлекавшей его прочь. Первый шаг дался трудно, второй – немного легче. Вскоре это уже он тащил хромого мужчину с причала. Джанни Ромбо видел, как каравелла скользила по волнам, унося с собой их семейное проклятье. А еще он сообразил, что у причала остались и другие суда.

Давние знакомцы проводили юношу взглядом и вернулись к живой и умершему.

– Нам надо его похоронить, – сказал Фуггер. Хакон покачал головой и нагнулся, прикоснувшись к плечу Бекк.

– У меня есть другая мысль.

\* \* \*

К закату они уже все приготовили. Они как смогли перевязали ему раны, умыли лицо, завернули в новый плащ.

Эрик вложил ему в руки кривую саблю.

– Пусть это не его собственный меч, – проговорил Хакон, кладя руку сыну на плечо, – но Ромбо знал толк в хороших клинках.

Он снова наклонился к носу плоскодонки, в которую уложили Жана, и своим ножом вырезал на дереве гигантское «Р».

– Руна путешествий, – сказал он.

Фуггер поставил в ногах Жана бутылку с вином.

– Ты захочешь выпить, когда проснешься, дружище. Оно не такое хорошее, как с твоих собственных виноградников. Но тебе будет с чем сравнить твой следующий урожай.

Хакон греб, Бекк сидела сзади. Эрик последовал за ними во второй лодке, с Фуггерами. Закатное солнце заливало спокойные волны багрянцем и медью. Когда Хакон сушил весла, Эрик подвел свою лодку к первой и рукой придержал борта. Скандинав перелез к нему, оставив Бекк держать тело.

Она прошептала:

– Мне нечего тебе дать, Жан. Я могу только пообещать: тебя никогда не забудут. Мы часто будем рассказывать твою историю. Мы будем рассказывать ее на дворе «Кометы». Потому что я верну ее – клянусь тебе в этом. Прощай.

Она поцеловала мужа, а потом приняла руку Хакона и перебралась во вторую лодку. Там Бекк посмотрела на лица, полные ожидания.

– Никаких слов, – велела она. – Потому что он был чело-

веком не слов, а дел. И каких дел!

Ребекка приняла у Хакона факел, который он зажег для нее. По ее кивку Эрик отпустил плоскодонку, которая сразу же начала отходить прочь. Отлив подхватил ее. И в тот момент, когда им всем уже показалось, что лодка отошла слишком далеко, Бекк пригнулась и бросила факел. Рука, владевшая пращой, сохранила прежнюю силу, и жажда цели осталась безошибочной. Кружась и рассыпая искры, факел пролетел по воздуху и упал на солому, которая служила Жану ложем. Оно моментально вспыхнуло, и лодка, которая стала погребальным костром Жана Ромбо, пылая, поплыла в закат.

# Часть вторая. НОВЫЙ СВЕТ

## Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тагай сидел на корточках внутри выгоревшего круга, просеивая золу так, чтобы она падала обратно обильным черным снегопадом. Анна пыталась увести его с края этой вырубki, где когда-то стоял поселок, но он притворился, будто не слышит ее. Потому что он не мог сказать ей ничего, чего не говорил бы накануне или за день до того. Он обещал ей Новый Свет. И привез ее в пустыню.

– Завтра, Тагай.

Слова Анны прозвучали прямо у него за спиной. Как всегда, он не услышал ее приближения: о нем не возвестил ни треснувший прут, ни шаг по обгоревшей земле. Он всегда знал, что она – дитя воздуха. Когда Тагай впервые увидел ее, она летела с крыши дворца. Но разве он – не уроженец этой земли, пусть даже он никогда раньше здесь не бывал?

«Разве охотник из рода Медведя, из племени тахонтенратов, не должен был услышать приближение белой девушки?»

Но конечно, он не был охотником. Он не был никем. Все, что он знал в жизни, осталось на той стороне океана. И, стоя на пепле четвертого поселка, встретившегося им за четыре дня, Тагай хотел оказаться сейчас в Париже, благополучно

пьяный и готовый лечь в постель очередной женщины.

Он встал и вытер руки о штаны. Грязнее им уже не стать: за семь недель плавания зеленый бархат превратился в серо-коричневый. Однако Тагай не мог снять их, равно как и полотняную рубашку и парчовую куртку, не мог одеться так, как, по словам его матери, летом одевался его народ, – в простую полоску кожи на поясе. Это было бы такой же фальшью, как его грезы о возвращении на родину.

Тагай хотя бы почувствовал, как ее рука тянется к его плечу. Он шагнул прочь из круга сажи, по-прежнему поворачиваясь к ней спиной.

– Завтра? Ты думаешь, завтрашний день будет чем-то отличаться от сегодняшнего? – спросил он.

Рука Анны ласково погладила то место, где он только что стоял.

– Да, думаю, – отозвалась девушка. – Ты сам говорил: твой народ меняет место, когда земля устает. Нам просто нужно догнать их.

Тагай повернулся, все еще избегая встречаться с ней взглядом. Его голос звучал горько:

– Ты видела поля. Земля здесь богатая. Зерно наливается, хотя сорняки пытаются заглушить его. Эти люди не меняли места сами. Этих людей прогнали.

Она обратила внимание, что он перестал называть их своим племенем.

– Тогда мы найдем то место, куда их прогнали, Тагай. Най-

дем.

Прежде чем он сумел ей ответить, их позвали по именам. Крик слышался за краем поляны, с тропы, которая вела к реке.

Анна была рада, что ему помешали.

– Мы здесь, капитан! – откликнулась она. – Впереди, в деревне.

Появился Жаке – он быстро передвигался с помощью самодельного костыля, который она соорудила для него, как только они достигли земли. Он очень неудачно сломал ногу, упав на палубе во время шторма посередине Атлантики. Анна умело соединила разошедшиеся края кости, из своих скудных запасов сделала ему питье, которое умеряло раздражительность больного, и сидела с ним в его тесной каюте, выхаживая во время лихорадки, вызванной переломом. С тех пор капитан преклонялся перед дочерью Жана Ромбо.

С капитаном шли двое его матросов. Несмотря на молодость, они с трудом за ним поспевали.

– Неужели обязательно все время так торопиться?

Жаке встал на одну ногу и, тяжело дыша, замахнулся на них костылем. Ему трудно было сердиться на Анну, так что он переносил свою злость на Тагая.

– Может, ты и один из них, паренек, но в твоём парижском наряде этого не заметно. – Он указал на грязную и потрепанную одежду Тагая. – Тебя скорее утыкают стрелами, чем обнимут, как пропавшего братца!

– Хотел бы я стать для них мишенью, – проворчал Тагай и отошел, взбивая ногами облачка черной пыли.

Он быстро ушел за деревья.

– Возвращайся-ка обратно, парень!

Жаке заковылял следом за ним, но Анна удержала капитана.

– Оставьте его, дядя Пьер, – тихо молвила она. – Он разочарован.

– Как и я! – рявкнул капитан. – Как я смогу обменять товар, если мы не отыщем индейцев, а? Скажи-ка мне! А если мы не наладим обмен, то нам придется скоренько двигаться в Гаспе, чтобы ловить рыбу. Вы не заплатили мне столько, чтобы можно было вернуться во Францию с пустыми трюмами.

Его слова были гневными, но тон выдавал истинные чувства. Как и всегда, прикосновение Анны его успокоило.

– Знаю. – Она улыбнулась. – Еще немного, ладно? Скоро мы все найдем то, что искали.

– Ну, здесь мы этого не сделаем. Что-то в этих краях не так. Когда я был тут с адмиралом в тридцать шестом, то повсюду стояли благополучные поселения. Если я правильно помню, эти края назывались Сатадин. Так что попробуй уговорить нашего друга и давай плыть дальше, вверх по реке. Следующей деревней должна быть Стадакона, и если их и там не окажется, то, стало быть, они отсюда ушли и мы уже завтра отправляемся в Гаспе.

Жаке заковылял обратно, а Анна пошла следом за Тагаем по узкой тропинке, которая вела в лес. Ей хотелось побыть одной. Девушке не нужно было видеть разочарование Тагая и тревогу Жаке – она и так понимала, что случилось нечто страшное. Чем дальше они плыли по реке, которую капитан называл рекой Святого Лаврентия, тем большее беспокойство снедало Анну. И это беспокойство не было связано с неуверенностью после семинедельного плавания или тревогой из-за предстоящего дела. И оно не было вызвано странной красотой этой земли, которая так не походила на знакомые девушке края, – чужой земли с ее лесами громадных кипарисов и кедров, орешников и елей, с ее заливами и высокими скалистыми обрывами. Нет, дело заключалось в том непостижимом сходстве, которое эти незнакомые края имели с тремя городами, где Анне довелось жить в последнее время, – с Сиеной, Лондоном и Парижем. Как все эти города, новая земля пропиталась запахом смерти.

Девушка поднялась на холм по каменистым террасам, походившим на лестницу, вырубленную для великанов. По мере подъема лес редел. Там, где склон выравнивался, появлялись обильные заросли дикого винограда. Анна обнаружила Тагая среди них – он обрывал мелкие зеленые шарики с лоз, пережевывал их и выплевывал крошечные косточки.

Юноша почувствовал ее присутствие, но не обернулся. Притянув к себе кисть винограда, Анна тоже прикусила ягоду.



– Ох! Тебе не кажется, что он чересчур молод, Тагайниргийе? Подожди еще месяц – и, может быть, он окажется сладким!

– А еще через шесть месяцев у нас могло бы появиться вино – если бы мы знали, как его делать. – Поскольку она заговорила с ним на его собственном языке, он ответил ей на нем же. – И чего бы я не дал сейчас за стакан бордо! В голосе юноши звучала горечь, вызванная видом сожженной деревни, и Анна подошла к нему поближе.

– Я знаю, как делать вино. Мой отец производил такое вино, что после него ты посчитал бы бордо уксусом.

– Сомневаюсь.

Тагай наблюдал, как она приближается, – как всегда, замороженный улыбкой в ее глазах.

– Так не создать ли нам первый виноградник в Новом Свете, Тагайниргийе? Может быть, как раз на этом месте, коль тебе так понравились эти ягоды?

Ее рука легко легла ему на плечо. Помедлив немного, он высвободился. Как всегда, ее прикосновение смутило его, и он попытался спрятаться за словами.

– Почему ты называешь меня полным именем?

– А разве ты не говорил, что «Тагай» значит просто «Малыш», а вторая часть твоего имени означает «Медведь»?

– Да. Но французам было лень произносить мое имя целиком. «Малыш» – подходящее прозвище для домашнего любимца!

– Тогда, может, мне стоит называть тебя просто «Медведем». Потому что ты вернулся в свой родной лес.

Тагай вздохнул. Солнце уже достигло зенита и теперь пробивало жидкую листву. Под одеждой кожа стала липкой.

– Наверное, я не хочу, чтобы мое племя узнало вино, пусть даже хорошее. Его радости обходятся слишком дорого.

– Ты поэтому не пил во время плавания?

Тагай кивнул, отмахиваясь от мошкиры, которая густо окружала его голову жужжащим шлемом.

– Тогда мы не станем делать вино, Медвежонок. Жара, насекомые, вкус незрелого винограда, обжегшего язык кислотой...

– Перестань использовать мое имя! – Он увидел, как исчезла ее улыбка, которую спугнул внезапный гнев. – Я еще пожалею, что научил тебя моему языку, чтобы ты досаждала мне, как эти кусачие черные мошки.

Он хлопнул себя по голове и отбежал на несколько шагов. Облако мошкиры попросту передвинулось следом за ним. Он начал ругаться, словно по-прежнему находился в Париже, размахивать руками, переходить с места на место.

Анна не пыталась следовать за ним. Она ощущала резкую боль, словно одна из кусачих тварей, которые его донимали, вонзила жало ей в сердце. Все семь недель на корабле девушка учила язык тахонтенратов. Во время однообразного плавания больше занять себя нечем, а у нее всегда были способности к языкам. Для Анны это стало способом лучше узнать

Тагая. Но чем свободнее она говорила на его наречии, тем сильнее он закрывался от нее.

– Зачем ты здесь, Анна?

Он кричал на нее по-французски, словно его родной язык причинял ему боль.

– Ты знаешь зачем. Я здесь ради моего отца. Чтобы закончить то, что он начал. И ради тебя, – ответила она негромко.

– Ради меня? – Слова, которые ему хотелось услышать, терзали его. – Ради меня? А кто я такой?

Анна начала отвечать, но он оборвал ее.

– Я думал, что получу на это ответ сам – от земли, которую никогда не видел, от моего народа. Но эта земля превратилась в пепелище, а мой народ рассеян ветром. И я не могу даже избавиться от этой одежды! – Тагай дернул себя за куртку с такой силой, что две из остававшихся на ней пуговиц отлетели. – Если бы я надел что-то другое, это было бы притворством. Притворством! Я – не Тагайниргийе. Я – маленькая игрушка французского двора.

– Ты носишь свой народ здесь, Тагай. – Анна указала на его грудь. – Я это знаю по тому, как ты рассказывал мне о них, по снам, которые ты видел. Я разбираюсь в снах. Я знаю по ним правду о тебе.

– Сны?

Его смех оборвался. Тагай начал поспешно рыться в кожаном кошеле у себя на поясе. У него в руке появился камешек, густо-черный, почти как обсидиан. По угловатому плоскому

боку проходили тонкие песочные полоски.

– Вот толкователь снов моего дяди, его «оки». Он нашел его в брюхе огромной рыбыны, которую выловил где-то неподалеку отсюда. Мой дядя был вождем племени, и Картье похитил его и его сестру, а заодно и меня у нее в утробе, и увез умирать на берега Сены. Если бы толкователи снов говорили правду, то разве они не посоветовали бы Доннаконне никогда не покидать берегов родной реки?

Тагай шагал прочь от Анны, глядя через увитые виноградом террасы на лежащую внизу долину. Они поднялись так далеко, что вдаль видна была река, блестящая в жарком мареве.

– Перед смертью он отдал его мне. «Увези его назад, на нашу землю, и воспользуйся им там», – сказал он мне. Ну вот, я вернулся!

Теперь Тагай почти кричал. Он отвел руку назад, готовясь к броску.

Пальцы Анны сжались поверх его руки.

– Оки... предметы... обладают силой, Тагай, – сказала Анна. – Камень Доннаконны. Серебряный крестик в моей сумке, который мой брат когда-то прибил к дереву в Тоскане. И прежде всего – то, что мой отец поклялся похоронить и что до сих пор жаждут заполучить многие: шестипалая рука Анны Болейн. Но мы знаем правду о силе, Тагай. Силу не выбрасывают. Твой дядя, мой отец – они были правы. Силу надо использовать.

Следующая деревня не была грудой головешек. Там еще горело пламя – не меньше пятидесяти костров. Ветер разносил дым, поднимая его над бревенчатым частоколом, окружавшим поселение. Котлы, полные мяса, кипели над каменными очагами на широком открытом пространстве, окруженном цепочкой жилищ. Жилища были выстроены из кедровых плашек, и их было многие десятки. Все – разного размера, но похожей формы. Самое крупное строение имело в длину сорок шагов, в ширину – пятнадцать, и в высоту столько же. И все они оказались пустыми.

– Можешь это прекратить, – крикнул Жаке Бертрану, самому юному члену команды. – Здесь некому оценить твое приветствие.

Паренек немедленно опустил флейту, на которой играл все с меньшим энтузиазмом, пока они проходили по безжизненной деревне. Пальцы, недавно нажимавшие клапаны, теперь постоянно осеяли лоб крестным знаменем.

Капитан был встревожен не меньше, чем его матросы.

– Где же они? – бормотал Жаке. – Это место и есть Стадакона. Точнее, была. Я эти скалы ни с какими другими не спутаю. Мы с адмиралом провели около них зиму в тридцать седьмом. А деревня стала даже больше, чем была тогда. Кто-то же поставил эти котлы готовить еду. Куда они, к дьяволу,

подевались?

– Или какой дьявол их забрал. – Радость, которую Та-гай испытал при виде дыма от очагов своего племени, была уничтожена отсутствием жителей, сменившись еще более глубоким отчаянием. – Может, тот демон, которые сжег остальные поселки, сначала украл из них все живое. А когда он съедает всех людей, то возвращается, чтобы разрушить их жилища.

– Хватит этих разговоров! – взревел Жаке, видя, что его матросы стали креститься еще поспешнее.

Меньше всего ему хотелось, чтобы его команда начала видеть в происходящем дела дьявола. Иначе они немедленно повернут корабль обратно к Франции – с капитаном или без него.

Анна стояла чуть в стороне от мужчин.

– Прислушайтесь! – сказала она, и все принялись напрягать слух, чтобы услышать хоть что-то, кроме отчаянного бияния собственных сердец.

Сначала до их слуха долетал только ветер. А потом его порывы донесли до каждого нечто еще.

– Это похоже на... плач! – простонал Бертран. – Индеец был прав: тут бродит дьявол!

Он повернулся к реке – и уже сделал первый шаг.

– Тихо! – Жаке повернул голову к скалам. – По мне, так это похоже на приветственные крики. И смех.

– Что там, наверху? Вы не помните? – спросил Тагай.

– Помню. Надо очень долго карабкаться по этим скалам,

и потом ты вдруг оказываешься на громадном лугу.

– Мой дядя рассказывал мне про это место, – сказал Тагай. – Он называл его «Дайохагвенда» – «Прогалина в лесах». Мои люди – возможно, они там!

– Мне это не нравится, – проворчал Жаке. – Что может заставить целую деревню бросить свои очаги с обедом?

– Ну, – отозвался Тагай, у которого вдруг разгорелись щеки, – может, нам пойти и узнать?

– Мне туда не взобраться, вот с этим-то! – Жаке вонзил конец костыля в землю. – А мои ребята без меня не пойдут. – Он секунду думал. – Ступай ты, Тагай. Один. Тогда если там все-таки окажется дьявол, то он получит только того, кто и так ему принадлежит. – Он коротко улыбнулся. – Мы будем ждать тебя у реки. На реке.

Капитан повернулся, сделал несколько шагов к ограде и вернулся назад.

– Пошли, девочка, обратился он к Анне, которая не сдвинулась с места.

– Нет, – отозвалась Анна. – Я с ним. – Она опередила протесты, готовые сорваться с губ обоих мужчин. – Конечно, я пойду с Тагаем. Ты ведь не думаешь, что я приплыла в такую даль для того, чтобы испуганно убежать? Мы должны встретиться с этими людьми. С племенем Тагая. Другого выхода нет.

Им обоим уже случалось слышать у нее этот решительный тон.

– Тогда пойдем, – сказал Тагай просто.

Тропа, прибитая тысячами ног, вела от дальнего края деревни вдоль небольшой речки, а потом начинала виться вверх, поднимаясь по крутому склону. Подъем был нелегким для ног, которые в течение многих недель плавания передвигались только по палубе каравеллы. Солнце палило нещадно. Тагай хватался за ветки кустов, росших вдоль тропы. Анна с трудом ползла за ним. По мере подъема они все яснее слышали крики наверху.

Когда они достигли конца тропинки, вопли неслись к ним из-за узкой стены чахлах сосен, увенчавших вершину скалы.

– Пригнись, – шепотом приказал Тагай, на секунду обернувшись. – И будь готова убежать.

Они миновали дубовую рощу, после чего тропа нырнула в траву высотой им по плечи. Голоса звучали так ясно, словно кричавшие находились сразу за сосновой ширмой.

Тагай махнул рукой на последний дуб, ветви которого простирались над открывшимся перед ними зеленым морем. Анна поняла его и сразу же начала карабкаться наверх. Тагай двигался следом, предоставляя ей указывать ему, куда ставить ноги и за что цепляться руками. Он наблюдал за Анной на корабле и знал, что она может подняться на мачту не медленнее любого матроса. Когда они добрались до ветки, которая выглядела достаточно надежной, Тагай прополз мимо Анны и просунул голову сквозь листву.

Листья разошлись, открыв перед наблюдателем картину



хаоса. Полоса высокой травы тянулась всего несколько шагов, а за ней оказалась равнина, наполненная кричащими людьми. Все они были полуобнажены – и мужчины, и женщины: их единственной одеждой была набедренная повязка и слой пыли. Облако пыли висело над толпой, которая то бросалась вперед, то подавалась назад. Мужчины, женщины и дети стояли так тесно, что многих оторвало от земли и несло общим потоком. Все головы были запрокинуты, и к небу несся крик:

– А-а-а-ум!

Крик начинался на высокой ноте и опускался все ниже, а потом поднимался снова и обрывался на мощном крещендо.

Анна вдруг заметила, что ее рука нырнула в мешочек у ее талии и сжимает там серебряный крестик брата.

– Они одержимы, Тагай? Что их терзает?

Он не успел ей ответить: новый крик муки донесся с дальнего конца поля. Вглядываясь сквозь пыль, он понял, что это было не эхо, а еще одна группа людей, выпевающих ту же странную гамму:

– А-а-а-а-ум!

Наступила тишина – такая же полная и страшная, как и предшествовавший ей вопль. А потом одинокий мужской голос издал крик, который заставил несколько фигур подняться на ноги и занять место между стоящими друг против друга толпами. Дюжина мужчин выстроилась в шеренги по шесть человек лицом друг к другу. Все они были почти полностью

обнажены, только пах едва прикрыт маленьким передником. И у каждого в руках – резной изогнутый жезл.

Анна вдруг поняла, что она видит. Однажды отец взял ее на рыцарский турнир в Болонье.

– Тагай, – прошептала девушка, сжав ему плечо, – эти люди друг с другом сражаются.

Пока она говорила, вперед вышел один человек и швырнул что-то в пространство между двумя линиями воинов. Раздался отчетливый стук дерева о дерево – и восемь мужчин слились в сплошную группу на том месте, куда приземлился брошенный предмет. Из облака пыли, которое почти скрыло их, доносилось напряженное пыхтенье, а потом круглый предмет вдруг вырвался из свалки и полетел к двум мужчинам, стоявшим слева и не участвовавшим в схватке. Один из них поднял предмет с земли в воздух с помощью своей палки, и тем же движением бросил его через поле. Навстречу поднялся жезл, ударил... и мяч – потому что это должен был быть именно мяч! – опять полетел к краю поля.

Те, кто скопились под деревом, встревоженно закричали, а стоявшие напротив завопили радостно. Воин, бросивший мяч вперед, побежал за ним. Этот человек был густо покрыт татуировками: синие и черные линии извивались на его теле узором из листьев и змей. Он был выше своего преследователя и благодаря длинным ногам выиграл несколько шагов, к вящему отчаянию тех, кто топтался под дубом. Однако его соперник, несмотря на небольшой рост, оказался достаточно

быстрым и догнал высокого как раз в тот момент, когда тот добежал до мяча. Несмотря на жестокий удар, направленный не столько на палку, сколько на державшие ее пальцы, и еще на один возмущенный вопль зрителей, невысокий сумел откатить мяч. Теперь рослому было не добраться до желанной цели. Его товарищ замахнулся, поймал мяч палкой и подбросил его в воздух. Еще трое подпрыгнули, высоко поднимая палки, и под отчаянные крики мяч отлетел туда, откуда начал движение, в центр поля.

– Это – игра в мяч, да, Тагай? Это не война?

Он повернулся, и глаза его возбужденно горели – впервые после высадки.

– Это гораздо больше, чем игра. «Война» подходит больше. Это – отададжишка.

Его слова потонули в криках. Там, куда откатился мяч, столкнулась группа мужчин. К свалке присоединялись подбежавшие позже, другие оставались в стороне. Мяч вновь оказался в центре сражения.

Внезапно он откатился далеко – настолько далеко, чтобы его можно было отбить палкой в сторону. Кто-то ударил, но неудачно, и меньший защитник, который уже один раз спас положение, подхватил мяч на палку и пробежал с ним мимо неудачливого противника. Анна увидела, куда он направляется: только теперь она заметила двое ворот на шестах, установленные напротив друг друга на концах поля. Высота их была в два роста человека, расстояние между шестами –

несколько шагов.

Теперь уже стоявшие под дубом начали одобрительные крики, а напротив – кричали испуганно. Татуированный попытался догнать бегущего с мячом, однако тот словно почувствовал приближение противника. Он ускорил бег и, словно имея глаза на спине, подпрыгнул как раз в тот миг, когда палка нанесла жестокий удар ему по ногам. Нанося удар, татуированный упал, и невысокий человечек промчался дальше. Рев толпы усилился. Несший мяч подбросил его в воздух и с силой ударил по нему. Мяч пролетел прямо между шестью.

Крик, раздавшийся внизу, казалось, вот-вот подбросит на ветке наблюдателей. Сторонники победившей команды рванулись вперед, окружив игроков. Начались крики – и Тагай скандировал вместе со всеми. Анна узнала слово, которое они выкрикивали. Оно начиналось медленно – и каждый раз становилось стремительнее и громче. Это было имя Тагая, но без прибавления первой части – «Маленький».

– Медведь! Медведь! МЕДВЕДЬ! – вопила толпа.

А потом они вдруг замолчали – так же дружно, как начали крик. И только один голос выкрикнул его еще один раз.

– МЕДВЕДЬ! – закричал Тагай в полной тишине, и все присутствовавшие – и зрители, и игроки, стоявшие и лежавшие на земле, – повернулись, чтобы посмотреть на человека, который сидел на дубовой ветке.

Тишина продолжалась пять ударов сердца. Тагай это знал

точно, потому что слышал, как оно бьется. Люди смотрели на него, а он – на них. Единственное, что шевелилось посреди общей неподвижности, были руки Тагая: торжествующе воздетые вверх, они теперь медленно опускались.

А потом мир под ним взорвался. Толпа единодушно рванулась вперед. Группа, в которую вошли около двадцати более старших мужчин, облаченных в плащи и лосины, повернулась и зашагала к дереву. Но быстрее всего отреагировали те, кто только что участвовал в игре. Они подбежали к основанию дуба, выставив перед собой игровые палки, словно оружие. Двое наклонились к земле и схватили луки. Одним из них оказался тот невысокий человек, который бросил мяч в ворота. Вторым – воин с татуировками.

Первым заговорил меньший.

– Если эти птицы на нас нападут, Таване, то я подстрелю зуйка в странных перьях слева, а ты – того, что справа. Целься в глаз. Посмотрим, чья стрела полетит точнее.

Второй воин только хмыкнул. На таком близком расстоянии Анне и Тагаю стало видно, насколько сложен узор черных линий, покрывающих его тело. Среди них оказалось изображение змеи с ромбовидным узором на спине: она обвивалась вокруг основания его шеи, и раздвоенный язык, высовываясь из зубастой пасти, окружал левый глаз.

– Зачем обрывать забаву так быстро, Садаги? Почему бы не проверить, сколько стрел мы сможем выпустить, прежде чем каждый умрет?

Пока первый мужчина колебался, тот, кого он назвал Та- ване, наложил стрелу на тетиву.

– Ставлю шкуру медведя, – сказал он. – Смотри, они уже собрались нападать.

Он поднял лук.

В это мгновение Тагай, решительно отодвинувший Анну себе за спину, заговорил. Его голос дрожал, противореча вызывающим словам:

– Так ты обращаешься с Медведем, который просто хотел порадоваться победе своего рода? Я говорю, что ты не умеешь проигрывать, Черный Змей.

Татуированный человек продолжал прицеливаться, и острие его стрелы не дрогнуло.

– Почему ты говоришь на нашем языке? Откуда ты знаешь мое имя, если одет в шкуры бледных воров?

Разговор дал время остальным догнать воинов. Образовался огромный полукруг из мужчин и женщин, и несколько старейшин вышли вперед, чтобы встать под дубом.

Один из них встал впереди остальных. Судя по морщинистому лицу, он был тут самым старшим. Однако под многочисленными нитями бусин и раковин видна была широкая мускулистая грудь, а седые промасленные волосы были густыми. Двумя валиками они лежали над ушами. Воздетая вверх рука старейшины заставила толпу моментально затихнуть, и в этом молчании он заговорил мерным, звучным голосом:

– Мы знаем, что ты – боевой вождь рода Волка, Черный Змей. Но разве это дает тебе право убивать всех пленных ради твоего удовольствия, лишая удовольствия нас?

Таване, «Черный Змей», не опустил лук, его взгляд метнулся к старейшине.

– Я хочу только избавить всех от опасного шпиона, Тододахо. Он ведь может оказаться одним из тех врагов, которые хотят захватить наши земли, разве не так?

– Может. Хотя я думаю, что только очень глупый враг проник бы к нам и начал приветствовать род Медведя во время игры. Но меру опасности должны определить мы вместе, Таване, а не ты один. Опусти свой лук.

Мгновение казалось, что воин не послушает этого властного старика. Наоборот, он оттянул тетиву сильнее. А потом на его лице возникло нечто вроде улыбки, и он медленно ослабил тетиву.

– Тододахо сказал. И я, конечно, соглашусь с его мудростью, которая уже столько лет известна народу.

Даже Анна, с трудом разбиравшая быструю речь индейцев, услышала прозвучавший в этих словах сарказм.

Тагай повернулся к ней и прошептал:

– Тододахо! Это значит «Пойманный». Мой дядя, Доннаконна, упоминал об этом человеке. И моя мать – тоже.

Вождь по имени Пойманный откашлялся.

– Незнакомец, возможно, ты не знаешь наших обычаев. Но на наших собраниях тихо не разговаривают. Особенно

когда тебя только что избавили от смерти. Впрочем, ненадолго.

Тагай склонил голову.

– Я не хотел проявить неуважения. И это правда: я много не знаю об обычаях племени. Моя мать, Сонозас, и мой дядя, Доннаконна, не успели научить меня всему, прежде чем отправиться в Поселение Мертвых.

Возможно, на собраниях и не принято было перешептываться, но ничто не смогло бы остановить жужжания, которое поднялось после этих слов. Оно оборвалось только тогда, когда вперед вышла какая-то женщина – такая же старая, как вождь, и облаченная в платье из оленьей кожи, богато расшитое бусинами.

Глядя прямо на Пойманного, она объявила:

– Брат, если он говорит правду, тогда он – сын моей сестры и сын твоего брата. До того, как он отправился в Поселение Мертвых, Сонозас понесла от него ребенка. Ее украли вместе с Доннаконной и увезли за Большую Воду. Если этот человек говорит правду, то он – один из Охотников Рассвета.

Шум, поднявшийся после этого объявления – крики насмешки и одобрения, – не утихал очень долго. Наконец, когда тишина почти установилась, Пойманный снова посмотрел вверх, на дерево.

– Юноша, шея у меня старая и не любит сгибаться, ни вверх, ни вниз. Спускайся.

Тагай и Анна слезли с дерева. Народу собралось так мно-



го, что старейшины приказали толпе отойти назад, на игровое поле. Вскоре пленники вдвоем остались стоять в центре плотного кольца, посреди толпы, в которой было не меньше двух тысяч человек. Анна заметила, что мнения уже разделились. Те, кто сгрудились вокруг татуированного воина, Черного Змея, выражали презрение или недоверие, скрещивая руки на груди. Другие, оказавшиеся рядом с вождем Пойманным и женщиной в расшитом платье, имели вид любопытный и осторожный. Анна немного удивилась, заметив в этой группе второго лучника, игрока меньшего роста.

– Итак, – проговорил вождь Пойманный, когда установилась тишина, – как мы узнаем, что ты – тот, кем назвался?

Тагай сглотнул, пытаясь смочить совершенно пересохшее горло. Он вдруг почувствовал, что совершенно не знает, куда девать руки. По мере того как молчание затягивалось, он невольно завел их за спину – и одна вдруг легла на кошель у его пояса. Он ощутил внутри нечто жесткое и достал черный камень.

– Я – Тагайниргийе. Мой дядя дал мне это, – проговорил Тагай, протягивая очи.

Старуха потрясенно шагнула вперед. Она взяла камень у Тагая и внимательно осмотрела его. А потом повернулась к вождю и кивнула. Тот снова поднял руку, и воцарилось хрупкое молчание.

– Моя сестра Гака узнает очи. Она будет говорить. Послышалось грозное рычание. Черный Змей шагнул вперед. Его

глаза яростно горели.

– Неужели мы станем похожими на наших врагов, племя Большой Горы, и позволим женщинам говорить на наших советах?

– У тебя будет возможность сказать слово, Черная Змея. И мы сейчас не в доме советов, а на праздновании Игры. Га-ка была любимой сестрой Доннаконны. Она поймет, говорит этот юнец правду или лжет.

Под новый всплеск ропота Черный Змей отступил.

– Это – тот самый камень, который Доннаконна, мой брат, извлек из громадной рыбы, убитой на берегу Мерцающего Озера. Я его никогда не забуду. В последние три дня я видела этот оки во сне – и вот на четвертый он появился.

Старуха подняла камень к небу, щуря на него глаза.

– Добро пожаловать домой, брат, – произнесла она. – Вы все знаете, что моим снам нужно верить. Это – знак. Охотник Рассвета вернулся, чтобы помочь нам в минуту опасности. Я сказала.

Она отступила. Сразу же, едва дождавшись знака, заговорил Черный Змей.

– Ты видишь то, что хочешь видеть, слышишь то, что тебе нравится. От племени Большой Горы нас спасут не сны, а такие воины, как я, – воины рода Волка и других родов. Шест моего вигвама украшен скальпами моих врагов. Когда вы смотрите на меня, то видите воина. И достаточно только посмотреть на этого пришельца, чтобы убедиться: он еще не

стал мужчиной, он еще мальчишка. Волосы у него – как лосиный хвост, неубранные и непричесанные. – Черный Змей провел рукой по своей выбритой по бокам голове, где волосы были оставлены только в виде гребня, спускающегося на шею. – Вы можете судить о нем по его женщине – она грязная, и вид у нее слабый. Ни один другой мужчина не взял бы такую, потому что бедра у нее слишком узкие, чтобы рожать сыновей. – Воин замолчал и обвел взглядом толпу, ища – и находя – там одобрение. – Как этот человек может доказать, что он – тот, кем назвался? Может быть, он украл этот камень. Может, он слышал его легенду и явился как самозванец. В опасности нам не нужны чужаки. Давайте убьем его – немедленно и быстро. – Черный Змей еще раз медленно осмотрел толпу и заключил: – Я сказал.

Поднялась разноголосица, но голос Гаки оказался громче всех:

– Ты тоже был чужаком, Черный Змей, и принадлежал к тому племени, которое нам теперь угрожает. И ты покрыт синими линиями, как и они. Когда мы взяли тебя в плен, мы приняли тебя, как это позволяет обычай, потому что ты был молод, а Тонкой Речке требовался новый муж, поскольку ее собственный не вернулся с войны. Мы взяли тебя, хотя ты был невероятно уродлив. И таким и остался. И мне не приснилось, что Доннаконна отправился за воду с тем капитаном бледных воров. Говорили, что он или один из Охотников Рассвета вернется в час нашей нужды. Разве сейчас – не

час нашей нужды? Неужели мы здесь в такой безопасности, что готовы отвернуться от дара богов? Я сказала.

Прежде чем Черный Змей успел ей ответить, заговорил его противник по игре в мяч.

– Я – Сада, Добродушный, и я поддерживаю мнение моей тетки. Если это сын Сонозас, тогда он – мой двоюродный брат и член рода Медведя, который в сегодняшней Игре одержал такую блестящую победу. Так что если ты хочешь убить его, Черный Змей из рода Волка, то тебе придется сначала убить меня. И, как это было на поле, я увернусь от твоей боевой палицы. Я всажу стрелу в цель между столбами твоих глаз. Я сказал.

Говоря это, воин по имени Добродушный шагнул к Черному Змею, пока оба не оказались лицом к лицу, не моргая. Рев, поднявшийся после этих слов, оказался самым громким, однако стих, когда вождь Пойманный воздел руки.

– Все то, что было здесь сказано, верно. Сейчас – время великой опасности, и все новое следует рассматривать в этом свете. Однако если перед нами – один из Охотников Рассвета, который ушел с Доннаконной и обещал вернуться в час нашей нужды, тогда нам следует узнать это. Но... – Вождь шагнул к Тагаю, который следил за спором, переходя от страха к надежде, – Черный Змей прав вот в чем. Ты выглядишь как мальчик. Ты еще не стал мужчиной, и мы уже оплакали твою смерть, смерть всех, кто отправился на охоту за рассветом. И поэтому, прежде чем ты сможешь стать одним из

племени, ты должен родиться снова. Ты должен стать мужчиной. Твой род об этом позаботится. – Тут Пойманный понизил голос, но низкие горловые ноты все равно были слышны всем. – И поскольку мы собрали все наши роды для того, чтобы поговорить о том дыме, что поглотил столько наших деревень, то обсудим и этот вопрос на большом совете – после того, как будут сыграны все игры. Если Тагай готов, он родится еще раз – и там мы выслушаем его слова. Если нет, то мы примем решение тогда же. А теперь давайте вернемся пировать в деревню, где мясо уже приготовилось в котлах. Это решено?

Все дружно прокричали: «А-а-а-ум!», после чего толпа начала расходиться к скалам. Самые сильные несли на плетеных рамах стариков. Только несколько человек не тронулись с места – Анна, Тагай, его тетка и двоюродный брат, которых он только что обрел. А еще – Черный Змей, который остановился в дюжине шагов, дождался, когда Тагай на него посмотрит, а потом медленно поднял над головой сжатый кулак, словно держал нож. После этого он тоже направился к спуску, где его сразу окружил десяток воинов.

Когда последние из них скрылись под кронами дубов, у Тагая подкосились ноги и он опустился на землю.

– Похоже, ты приобрел кровного врага, племянник. Постукивая бусинами платья, тетка подошла ближе и остановилась перед ним.

– Он любит, чтобы его слово было законом. – Сада встал

рядом со старухой. – Ты видела, как ему не хотелось послушаться Тододахо. Если он станет боевым вождем...

Сада замолчал, глядя вслед ушедшему татуированному воину, и в глазах его отражались гнев и тревога.

– А я подумал, что он уже вождь, – неуверенно заметил Тагай.

– Только рода Волка. Но он хочет стать предводителем всех тахонтенратов, племени Оленя. Это место освободилось с тех пор, как Спящий погиб, защищая свою деревню. И многие хотят иметь Черного Змея вождем, видя в его гневе наш лучший боевой щит. Ну что ж, – вздохнула Гака, – скоро мы это узнаем. Потому что это, как и многое другое, решится на большом совете, когда луна станет самой толстой.

«В полнолуние». Анна вспомнила, что два дня назад было новолуние.

– Значит, это случится через... двенадцать дней? – спросила она.

– Да, дитя. Так много восходов... – Старая женщина замолчала, пристально посмотрела на Анну, словно увидев в ней нечто удивительное, а потом продолжила: – Двенадцать – это предельный срок, который Пойманный дал Тагаю, чтобы снова родиться как одному из племени Оленей.

– А еще – как верному другу рода Медведя, – добавил Сада. – Я об этом позабочусь.

– А ты научишь меня и тому, как вести Игру так же ловко, как это сделал сегодня ты, кузен?

Впервые с момента приезда на эту землю Анна заметила на губах Тагая легкую улыбку.

Невысокий воин запрокинул голову и громко расхохотался.

– За десять дней? Думаю, даже если ты будешь учиться десять лет, то все равно не переймешь моего умения. Некоторые люди получают дарования прямо от богов. Я – из их числа, так что, думаю, придется смириться с тем, что тебе суждено только наблюдать и дивиться.

Несмотря на все свои умения, Сада не заметил удара, пришедшего ему по уху.

– Хвастливый пес! Ты унаследовал это от отца! Тододахо был хорошим игроком и даже слишком хорошо знал это, когда был молод. – Гака погрозила пальцем воину, потиравшему ухо. – Ну что, Благословенный Богами соизволит наклониться и нести меня вниз, как настоящий лось?

Ворча, воин хотел было подчиниться, но тут Тагай шагнул к старой женщине:

– Я отнесу тебя вниз, тетя, если ты мне позволишь. Она медленно осмотрела его с ног до головы.

– Колени у тебя кажутся слабыми, Тагай, а тропа крутая. Ты действительно сможешь меня донести?

– Я долгое время провел на лодке, которая плыла через большую воду, так что немного ослабел. Но с каждым днем моя сила растет.

– Тебе надо расти, чтобы родиться к толстой луне. Тебе

предстоит многому научиться, а времени очень мало.

– Тогда давай я начну прямо сейчас. С того, что снесу вниз мою тетку.

Гака со вздохом покачала головой и повернулась к обретенному племяннику.

– Я позволю тебе нести меня, хотя ноги Сады кажутся более надежными. Пока будем спускаться, ты расскажешь мне, как случилось, что женщина из рода бледных воров говорит на нашем языке – хоть и выговаривает слова, как ворона, – и почему ты привез ее сюда. А еще ты расскажешь мне про охоту за рассветом и про моего брата Даннаконну и твою мать Сонозас.

– Историй много, тетя, и, чтобы рассказать их, понадобится много времени.

– Судя по виду твоих ног, путь вниз будет долгим, так что у нас это время будет. Пошли.

Тагай наклонился. Сада подсадил их тетку ему на спину. Старуха оказалась такой легкой, что Тагай вдруг осознал, как много ей лет. Однако молодой человек прекрасно помнил о том, каким крутым был подъем по скалам. Глубоко вздохнув, он сделал шаг вперед, к тропе, которая вела его не только в деревню, но и к возрождению, которого он искал. И на ходу Тагай начал говорить.



## Глава 2. ОГНЕННАЯ ПАЛКА

«Вверх тормашками этот Новый Свет кажется еще более странным».

Чуть повернув голову, Томас Лоули посмотрел на ряд из семи человек, в котором он был последним. Троим матросам с «Дыхания Святого Этьена» повезло – они потеряли сознание. Находившийся к нему ближе всех, Анжелем, все еще плакал, и его слезы смешивались с кровью, которая обильно текла у него из раны на голове. Вторым в ряду оказался старый мастер по парусам, Фроншар, читавший молитвы сквозь обломки зубов. А висевший дальше всех человек пользовался внезапным уходом их татуированных стражников, чтобы раскачиваться, проверяя прочность переплетенного тростника, который удерживал его, как и остальных, подвешенным за щиколотки. Джанни Ромбо. Человек, чей последний поступок в череде других безрассудств привел их прямо к этой бесполезной гибели. Томас понимал, что ему следовало бы подавлять в себе гнев. Ему не хотелось умереть во злобе.

Что бы с ними ни происходило, это в любом случае должно восприниматься как выражение воли Божьей. Хотя Томас надеялся на то, что Господь позволит ему прожить в этом Новом Свете достаточно, чтобы повторить судьбу героев-иезуитов, перед которыми он преклонялся, – таких, как Франсиск Ксавье, отправившийся на Восток и принесший

любовь Иисуса аборигенам. То были настоящие индейцы, тогда как их татуированные мучители – только тени тех.

«Ну что ж, – подумал иезуит, – за мной последуют другие. Некоторые погибнут, но кого-то в конце концов будет ждать успех. И эта земля тоже будет принадлежать Иисусу».

Он закрыл глаза и начал молиться. Он даже не стал открывать их, когда смех и звук шагов на тропе сообщили ему о возвращении мучителей. Иезуиту необходимо было полностью сосредоточиться на Слове Божьем. Мучительная боль и без того скоро заставит его открыть глаза.

«*Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa*».

\* \* \*

Джанни перестал раскачиваться, как только услышал хруст веток. Кровь, которая прилила у него к голове, похоже, нашла выход через нос, и он выдул ее, чтобы можно было дышать. Ему необходимо дышать, чтобы говорить, – это единственное, что он мог сделать, потому что освободиться от пут индейцев оказалось невозможно.

Молодой Ромбо с облегчением увидел, что человек, немного говоривший по-французски (попытка его похитить и стала причиной нападения на индейцев, которое Джанни недавно провел со столь катастрофическими последствиями), вернулся вместе с остальными, неся груз сухих дров. Он оказался чуть старше и ниже остальных, имел круглый живо-

тик и кривые ноги, и его жидкие волосы не ложились таким великолепным гребнем, как у остальных. Они не покрывали спину хвостом, а едва доходили до шеи. Воины побросали дрова прямо под головами висящих. Они начали складывать под каждым из пленников небольшой костер, разламывая длинные ветки и заполняя пустоты между ними листьями и сухим мхом. Большинство при этом болтали, и их непонятная речь непривычно звучала то ниже, то выше. Странные интонации. Только один воин молчал. Он был моложе остальных, и на его теле было меньше синих линий и узоров. Он держал острую короткую палку и тратил меньше времени на укладывание дров. Вместо этого он подходил к каждому из подвешенных французов и тыкал палкой в различные части их шеи и лица, явно наслаждаясь потоками крови и криками боли. Поскольку Анжелем был самым молодым в отряде и плакал больше всех, этот индеец почти все время оставался рядом с ним.

Еще один человек не участвовал в раскладке костров. Джанни показалось, что его не было среди тех, кто захватывал их в плен, хотя ему трудно было различать между собой животных-язычников. Этот казался старше, и, судя по тому, что к нему относились уважительно и он не работал, он являлся предводителем. На нем были лосины из оленьей кожи, украшенные кистями, а не коротенькие набедренные повязки, как на остальных. Верхняя часть туловища у него была обнажена, как у всех, но украшавшие ее татуировки были бо-

лее сложными и выполненными с помощью нескольких красок. У груди он держал два пистолета. Один был собственностью самого Джанни, второй принадлежал одному из матросов. Из обоих в проигранном бою на берегу стреляли.

Джанни смотрел, как предводитель подозвал к себе того индейца, который немного знал французский, и быстро заговорил, размахивая пистолетами. При этом он держал их за стволы и указывал ими на пленных. Низенький индеец поклонился и приблизился к Джанни. Остальные индейцы прервали свою работу над кострами, чтобы понаблюдать за ними, – все, кроме молчаливого, который продолжал с наслаждением совать свою палку в уши плачущего матросика, Анжелема.

– Вождь хочет ба-бах. – Он изобразил звук выстрела и рикошета. – Говори, как.

Он указал на пистолеты, которые вождь поднял вверх.

– Хочешь огненную палку? – спросил Джанни. Тот энергично кивнул.

– Я показываю, – объявил Джанни.

Переводчик что-то быстро сказал вождю. Получив приказ, он повернулся обратно и ударил Джанни кулаком по лицу.

– Не показывать. Говорить.

Джанни выдул из ноздри свежую кровь, а потом молча покачал головой.

Воин снова замахнулся для удара, но приказ остановил

его. Вождь что-то проворчал, и тут же три воина подошли к Джанни и сняли его с ветки. Он упал и, поскольку руки у него остались связанными за спиной, ударился щекой. А потом путы у него на руках тоже разрезали. Теперь Ромбо лежал на земле; кровь огнем прилиwała к его конечностям.

– Показать!

Ему сунули пистолет – его собственный.

Он запустил руку в карман, где, к счастью, несмотря на все, что над ним вытворяли, оставался его поворотный ключ. Джанни отвернул гайку, крепившую курок, и поднял полку.

– Это.

Он указал на свою сумку, которую уже принесли с берега и обыскали. В нее небрежно бросили обратно пакет пороха, запасные пули и материал для пыжей. Сумку подали, и, несмотря на дрожь в руках, он сумел запихнуть в пистолет пулю и пыж и забить их.

У молодого человека начал складываться план. Он знал, что у него будет всего один шанс – иначе, продемонстрировав свое умение, он вскоре снова повиснет на дереве вниз головой, над костром. Но чтобы столь дерзкий план осуществился, ему требовались оба пистолета.

Судорожно сглотнув, Джанни указал на второй, прижатый к груди вождя. В суженных глазах индейца юноша разглядел неуверенность и вместе с тем расчет. Тогда он просто указал на собственный пистолет и кивнул.

Ему вручили второе оружие, и Джанни снова пустил в ход

ключ. Открыв полку, он сделал вид, что перекладывает часть пороха из одного пистолета в другой. Потом Джанни медленно и спокойно зарядил второй пистолет, с помощью ключа закрепил зубчатое колесико у спуска обоих. Когда колесики щелкнули, указывая на готовность, молодой человек набрал в грудь побольше воздуха.

Томас оторвал взгляд от зарядки пистолетов только для того, чтобы посмотреть на молчащего воина, продолжавшего терзать Анжелема, и привлечь его внимание к себе. Однако заработал только пощечину. Тем не менее, услышав щелчок второго пистолета, иезуит снова перевел взгляд на учителя. Он догадывался, что собирается сделать Джанни. Он понимал, что тому понадобится секундная помеха. И когда Джанни выпрямился, Томас Лоули изо всех сил закричал:

– Иисусе, Спаситель!

На долю секунды все взгляды обратились к нему. Все – но только не взгляд Джанни. Он уставился на воина, находившегося рядом с висящим иезуитом, – молчаливого молодого индейца. Тот медленно выпрямлялся, и палка, которую он извлек из уха Анжелема, вся была залита кровью парнишки.

Джанни нажал на крючок. Зубчатое колесико провернулось, выбив искры из куска железного колчедана. Искры упали на полку. Порох вспыхнул, раздался рев – и свинцовая пуля вылетела из дула, проделав дыру в лице воина чуть ниже глаза. Все так же молча он повалился на Томаса и скользнул по его телу на землю.

Джанни не видел падения врага, потому что уже поворачивался. Шагнув вперед, он прижал дуло второго пистолета ко лбу вождя и произнес два слова:

– Огненная палка.

Мгновение никто не шевелился. Мгновение тишина на поляне была почти полной: единственным звуком было трение веревок о ветки, на которых висели шестеро пленников. Джанни удивился тому, что его рука, держащая пистолет и вжимающая его в лицо вождя, уже не дрожит. А потом он вспомнил, почему это так. Убивая во имя Иисуса, он всегда успокаивался.

Затем Джанни услышал, как на луки накладывают стрелы, как скрипит натянутое дерево. Карие глаза напротив него не опускались, продолжали смотреть спокойно. В них не было тревоги, хотя они сощурились, когда дуло только прижалось к его лбу. Теперь они вновь открылись широко, и Джанни разглядел в них нечто похожее на улыбку. Вождь что-то сказал. Джанни почувствовал, как десять воинов, чьи луки были натянуты, чтобы послать в его тело десять стрел, колеблются, – это продолжалось всего секунду. Затем натянутые тетивы чуть ослабели на выдохе.

Вождь снова что-то сказал. Индеец, говоривший по-французски, подошел и встал прямо за левым плечом своего предводителя.

– Уходящий День говорит: ты сейчас сядешь или умрешь. Взгляд Джанни не дрогнул.

– Скажи Уходящему Дню: только Бог решит, когда мне умереть.

Тот неуверенно сказал:

– Уходящий День не знает твоего Бога.

– Когда-нибудь узнает. Скажи ему.

Когда эти слова были сказаны, Джанни увидел, что улыбка вождя стала ярче.

– Уходящий День говорит: он сам решит. Он скажет одно слово – и ты пойдешь смотреть своего Бога.

Джанни чуть шевельнул пистолетом, сильнее вдавив дуло в лоб вождя.

– Тогда мы пойдем смотреть Его вместе.

Карие глаза сощурились, улыбка погасла. Были произнесены еще какие-то слова, и Джанни весь напрягся, услышав, как снова натягивают тетивы. Когда их спустили и стрелы пропели над поляной, он чуть было не нажал крючок, сочтя это своим последним жестом. А потом он услышал звуки впивающихся в цель стрел и мучительный крик, который резко оборвался.

– Нет! – завопил Томас, отворачиваясь от ужасного зрелища.

Паренек, Анжелем, утыканный стрелами, сотрясался в агонии и крутился над землей.

– Иисусе, Милостивый Спаситель, помоги! Защити нас в этот день!

Следуя примеру Томаса, все французы принялись голо-



силь. Молитвы и просьбы летели к Джанни, говоря ему то, о чем он уже догадался, – они умоляли его немедленно повиноваться вождю.

Уходящий День просто посмотрел, как бьется в агонии юный матрос. А потом перевел на Джанни глаза, которые остались такими же спокойными и улыбочивыми. И снова заговорил.

– Вождь говорит – он убьет твоих людей. Раз, раз и раз. Отдай ему огненную палку.

Даже Джанни решил, что положение стало безнадежным, но ему нельзя было показывать это. И он сказал:

– И когда он убьет последнего моего человека, я убью его – и сам умру в тот же миг.

Низенький воин начал переводить, но вождь оборвал его единым словом. И молча уставился на своего противника, словно прощупывая Джанни взглядом. На поляне снова воцарилась тишина. Ее нарушал только звук накладываемых на тетивы стрел и скрипение веревки, на которой медленно вращалось тело мертвеца – то в одну сторону, то в другую.

А потом Уходящий День заговорил опять, и Джанни чуть было не закрыл глаза, ожидая, что сейчас в него вопьются стрелы. Однако он был рад, что не сделал этого, потому что увидел перемену в индейце и даже понял его слова – и это несмотря на то, что не знал ни одного слова на его языке.

Луки опустились, и Уходящий День отошел от пистолета Джанни, повернувшись к опасности спиной. Джанни не опу-

стиль оружия, но не стал пытаться сохранить контакт. Вождь говорил быстро, а переводчик кивал и старался не отставать.

– Уходящий День говорит – ты воин и храбрец. Он спрашивает, много ли скальпов ты снял со своих врагов.

Во время долгого плавания через океан Джанни слышал рассказы моряков.

– Много, – ответил он, опуская пистолет. – Хотя я еще молодой пес, так что Уходящий День наверняка снял гораздо больше.

Когда вождю передали эти слова, он захохотал. А потом был задан новый вопрос.

– Уходящий День говорит – для него честь узнать твое имя, Молодой Пес. И он спрашивает, снимешь ли ты скальп с человека, которого только что убил, хотя он был глупым и жестоким и его смерть не принесла тебе много чести?» – Если он был таким, то я не возьму его скальпа.

– А ты дашь Уходящему Дню огненную палку? Вождь повернулся к Джанни, и их взгляды встретились.

– Да. Много огненных палок. И я научу его воинов пользоваться ими. Если мы сможем стать друзьями.

В ответ Уходящий День протянул ему правую руку. Джанни переложил пистолет в левую, стиснул протянутую кисть и встряхнул ее. Только когда Уходящий День выругался, а воины на поляне начали смеяться, Джанни понял, что вождь хотел получить оружие. Но поскольку Уходящий День принял его жест и удержал его руку, энергично дергая ее вверх и

вниз, Джанни на какое-то время продлил их рукопожатие, а позади него смеющиеся воины начали разрезать веревки на его спутниках.

\* \* \*

– Так как получилось, что ты говоришь на нашем языке, Сожженные Волосы? – спросил иезуит у индейца.

Томас скорчился у огня, кашляя и пытаясь рассмотреть черты лица человека, устроившегося напротив него. Какая-то женщина – судя по тому, как она за ним ухаживала и как мирно ворчал на нее индеец, Томас счел ее его женой – только что подложила в огонь свежих дров. Видимо, они были сырыми, потому что быстро поднявшийся дым заполнил все пространство между ними. В длинном здании горело полдюжины других костров, и дым густо висел в воздухе. У очагов сновали женщины, разводившие огонь и убравшие деревянные миски. Во время еды мужчины молчали. Теперь у каждого костра начались разговоры, а кое-где зазвучал смех. Смеялись и женщины, собравшиеся с мисками в конце хижины, где имелись крыльцо и хоть какой-то свет и воздух. Все были заняты: Томас заметил, что каждый гость (а их пришло несколько, чтобы поглазеть на него и Джанни) был встречен миской такой же похлебки, какую ели и они, – жидким отваром с размазанными кусками рыбы прямо на костях. Некоторые угощались, некоторые – нет, но каждый

гость делал хотя бы глоток и возвращал миску с поклоном и словами, которые наверняка были выражением благодарности. Даже во дворцах епископов Томас не всегда встречал такую вежливость.

Человек, сидевший напротив него, запустил руку под приподнятый спальный настил и вытащил кожаный мешочек. Оттуда он извлек глиняную чашку с прикрепленным к ней носиком и начал наполнять ее чем-то из того же мешочка.

– Это было много-много дней назад, до того, как я получил мое имя. – Индеец провел рукой по выбритой голове и улыбнулся. – Я был с отрядом, который отправился за рыбой далеко-далеко, где по небу ходит Медведь. – Черенком чашки он указал в сторону входа в хижину, который был обращен к реке. – Там были люди из твоего племени. Они тоже приплыли ловить рыбу на своем большом каноэ и вот такими большими сетями. – Тут он широко расставил руки. – Я пошел на большое каноэ и ловил рыбу весь сезон, показывал, где ходит рыба. Они приходили еще и еще. Много сезонов рыбы. Я каждый раз был на большом каноэ. Потом они больше не приходили. Но я был молодой, и волосы у меня не сторели. И я выучил ваш язык.

Индеец закончил набивать глиняную чашечку содержимым своего мешочка. Затем взял щепку из стопки и, когда она разгорелась, вложил носик себе в рот, а щепку поднес к чашечке, шумно всасывая воздух. Спустя несколько мгновений он выдохнул – и сквозь огонь протянулась длинная струя

дыма. Этот выдох принес с собой терпкий запах. Он напомнил Джанни осенние костры в Тоскане, но был еще слаще.

Сожженные Волосы улыбнулся и протянул чашечку Джанни. Томас увидел, что его молодой спутник намерен отказать. Но иезуит уже посмотрел по сторонам и увидел, как другие гости получали такие же зажженные чашечки и принимали их с такими же церемониями, как миски похлебки.

– Осторожнее, – негромко проговорил Томас по-итальянски. – Не надо никого оскорблять. Помни: ты пытался выкрасть этого человека.

Джанни изменил отстраняющий жест – теперь его ладонь была протянута в просительном движении. Молодой человек приложил носик трубки к губам, всосал немного дымного воздуха, кашлянул и собрался передать странное приспособление Томасу. Однако хозяин костра остался недоволен.

– Нет, Молодой Пес, – проговорил он, используя имя, которым Джанни случайно назвался на поляне, – это следует делать так.

И хозяин продемонстрировал еще один глубокий вдох. После этого, вложив юноше носик курительной трубки в рот, снова поднес к чашечке горящую щепку. На этот раз Джанни присосался сильнее, чашечка затлела – и в следующий миг обжигающая струя пробежала по его глотке до самой груди. Из рта у него вырвалось облако дыма. Он отчаянно закашлялся.

Сожженные Волосы радостно засмеялся, и этот смех под-

хватили находившиеся в хижине мужчины и женщины, незаметно наблюдавшие за ними. Томасу удалось затянуться не так глубоко, поэтому он кашлял не так сильно, как его товарищ. Однако когда струя дыма покинула его легкие, мозг его вдруг головокружительно заработал. Томас почувствовал одновременно тошноту и странное возбуждение.

Похоже, Джанни испытал только неприятные ощущения. Даже сквозь густой дым очага было видно, как он позеленел.

– Что... что это такое? – пролепетал молодой человек, вызвав новый взрыв смеха у хозяина очага.

Когда Сожженные Волосы перевел его вопрос собравшимся, его смех подхватили и остальные.

– В вашем языке такого слова нет. Мы называем его «ойегваве». Хотя люди, которые ловили со мной рыбу, прозвали его «табак», потому что именно такой звук они издавали, когда кашляли. – Индеец снова засмеялся. – Он помогает лучше думать и проясняет голову.

Томас собрался было признаться, что на него «табак» подействовал совсем по-другому, хоть он и начал получать от него удовольствие, но тут Сожженные Волосы внезапно встал. Он смотрел за спины своих гостей, на дверь хижины. Томас обернулся. Какой-то старый человек манил к себе их хозяина. Тот подошел, выслушал старейшину, а потом вернулся к очагу. Снова засунув руку под настил, он извлек ожерелье из раковин, которое сразу же надел. После этого появилась еще одна трубка, но у этой был деревянный черенок

длиной в руку, а на самой глиняной чашечке оказалось умело вырезанное лицо воина. Вдоль ее тянулся плетеный шнур, который индеец набросил себе на плечо.

– Пошли, – сказал он. – Мы идем на ходеозе.

– А что... – прохрипел Джанни, с трудом втягивая воздух в надорванное горло. – Что это такое?

– Вам оказана честь, – ответил Сожженные Волосы, – Это... как это на вашем языке? Встреча вождей или...

– Совет?

– Вот, – подтвердил индеец. – Вы услышите решение совета.

\* \* \*

Здание совета по длине и ширине вдвое превосходило то жилище, из которого они пришли. К стенам, сложенным из кедровых плашек, были подвешены щиты, украшенные перьями и узорами из бусин. Между ними красной краской мерцали маски рогатого оленя, волка и медведя – казалось, они двигаются в отблесках, которые отбрасывали три костра, разложенные на земляном полу на расстоянии дюжины шагов друг от друга. По одну сторону свободного пространства, лицом к огню, сидели не меньше двадцати мужчин. Некоторые – более старые – были обвешаны огромными ожерельями из раковин и бусин. Другие, помоложе, обнажили грудь, чтобы лучше видны были сложные татуировки. Прически у

старейшин оказались разными: у некоторых седеющие пряди были разделены пробором и свисали по обе стороны лица, у других волосы висели только с одной стороны, а вторая была начисто выбрита. Более молодые были причесаны одинаково: лысые головы с одной длинной прядью на макушке, похожей на лошадиную гриву. Их волосы, скрученные и намащенные, свисали на спину.

«Это – воины», – решил Джанни, и его предположение подтвердилось, когда он узнал среди собравшихся Уходящего Дня. Отпечаток пистолетного дула все еще выделялся красным кругом у него на лбу, и Джанни чуть вздрогнул, вспомнив, насколько близок он был к тому, чтобы выстрелить. Только сейчас он осознал, насколько высок этот воин – а он был не выше своих товарищей. Они казались особенно рослыми по контрасту с теми, кто стоял перед ними по другую сторону огня, – матросами «Дыхания Святого Этьенна», захваченными в плен.

Моряки бросили на вновь пришедших испуганные, умоляющие взгляды. Хотя в течение долгого плавания Томас часто руководил их молитвами, сейчас в спасении нуждались отнюдь не их души. Ведь это Джанни Ромбо убил их капитана, Ферро, когда тот отказался плыть вверх по реке. Именно Джанни и стал причиной их пленения. Однако он же спас их всех от верной и ужасающей гибели. Всех, кроме несчастного Анжелема. Теперь Джанни был их единственной надеждой. Даже старый мастер по парусам, Фроншар, склонил го-



лову, когда молодой человек-замер в конце шеренги.

У каждого из туземцев имелась длинная трубка – как та, что взял с собой Сожженные Волосы. Словно по сигналу, они подняли их и сделали через них глубокий вдох. Когда Джанни и Томас заняли свои места, в сторону крыши были направлены густые струи. Ничто больше здесь не шевелилось, только плавающие в воздухе клубы дыма. А единственным звуком в ней стало частое дыхание пленных.

Самый пожилой из старейшин, чья густая седая шевелюра была перехвачена на лбу лентой из змеиной кожи, сделал знак Сожженным Волосам. Он произнес несколько слов. Их проводник кивнул и повернулся.

– Ганеодио, которого вы, наверное, назвали бы Красивым Озером, – главный сахем нундаваоно, племени Великой Горы, нашего народа. Он велел мне говорить с вами и сказать мысли совета. А потом мы выслушаем ваши мысли.

Замолчав, он кивнул старейшине, который тут же снова заговорил. Томаса моментально успокоили интонации его речи. Хотя он не понимал ни единого слова, она была мелодичной. Подъемы и падения голоса, плавное течение фраз указывали на хорошо взвешенные мысли, которые излагались весьма красноречиво. Когда Томас – начинающий иезуит – изучал великих римских ораторов, таких, как Цицерон и Катон, он наслаждался красотой латинского языка, если им пользовались талантливые учителя. Однако неожиданно он почувствовал, что мало кому из знаменитых риторов антич-

ности удалось бы сравняться с выступающим сейчас человеком.

Перевод, по необходимости, был бледным и обрывочным подобием этой дивной речи. Однако и Томас, и Джанни поняли, что прибыли в переломный момент войны своих хозяев с их давними врагами, которые обитали на плодородных землях на противоположном берегу огромной реки. Великий Дух благословил костяные ножи, боевые пальцы и луки своего избранного народа – и они сожгли дотла немало вражеских домов. Поселок за поселком превращался в пепел, и вот теперь эти враги (оратор назвал их тахонтенратами, племенем Белоухого Оленя) были оттеснены к своему последнему, самому крупному поселению под скалами. Был послан зов братьям по союзу – ибо племя Великой Горы является одним из пяти могучих объединившихся племен. На призыв ответили самые умелые воины. Вскоре их будет достаточно для того, чтобы разгромить воинов врага, поработить тех, кто не погибнет в сражении, и захватить их земли – и те, что под скалами, и те, что вдоль всей реки. Таково предназначение его народа, пел вождь. Томас услышал, как его речь достигла кульминации, последней, растянутой, торжественной ноты, и, когда она повисла в воздухе, словно дым, остальные вожди единодушно выкрикнули:

– Хау!

Рассказ Сожженных Волос приостановился на этом крике, а потом продолжился: старейшина представил своим го-

стям еще одного человека. Вперед вышел новый индеец, такой же высокий и мускулистый, как остальные, со сложной татуировкой. Особое внимание привлекал один узор – змея, вытянувшаяся от затылка к лицу, раздвоенный язык которой обвивался вокруг левого глаза мужчины.

Сожженные Волосы быстро прошептал:

– Это – Таване. «Черный Змей» на вашем языке. Когда-то он был из нашего племени, потом его захватили в плен, но наши враги оставили его в живых, как мы оставили вас. Он стал одним из них. А теперь он отвернулся от своих названных братьев. Он рассказывает нам их планы. Он надеется на награду, когда мы победим.

Томас услышал, как Сожженные Волосы говорит о незнакомце, и заметил перемену в старейшинах.

«Они используют этого человека, этого шпиона, – подумал он. – Но они находят это отвратительным. Бесчестным».

Черный Змей заговорил – и, похоже, у него были для старейшин новости. Сожженные Волосы пересказал им основное. Похоже было, что враги почти сдались, хотя некоторые воины все еще делали вид, что полны ярости и желания сопротивляться. Слишком много народа пришло из сожженных поселков, и всем не хватает еды. Они оказались в ловушке, они голодали и почти лишились надежды. Но несколько дней назад случилось нечто возродившее их веру. Появился человек, который назвался одним из Охотников Рассвета, уехавшим с их великим вождем, Доннаконной. Он вернулся

с оки Доннаконны, камнем силы. И теперь многие, особенно члены рода Медведя, уверены, что он пришел, чтобы спасти их. С ним женщина из племени бледных воров. Черный Змей и его жена считают ее колдуньей. По словам Черного Змея, вместе они обладают могучим волшебством, потому что дали нашим врагам новую надежду. Черный Змей отступил назад, и воцарилась тишина, которую нарушало только возобновившееся посапывание трубок. А потом вперед выступил Джанни в сопровождении Сожженных Волос. Уходящий День произнес несколько слов, кратко объяснив, что этот человек – тот, которого знают под именем Молодой Пес. В его вигваме за Большой Водой висит множество скальпов, добавил вождь.

Говорить через переводчика было трудно, но Джанни удалось передать свои основные мысли.

Томас с горечью услышал, как Джанни подтверждает, что Анна – колдунья. При этом ужас пробежал даже по спокойным лицам старейшин, сидевших напротив говорившего. Похоже, в Новом Свете ведьм боятся не меньше, чем в Старом. А потом Джанни добавил, что эта колдунья привезла с собой сильный оки – кости мертвой чародейки, которая убила в своей стране множество людей. Очень важно, чтобы этот оки увезли обратно через воду вместе с ведьмой. Именно для этого они сюда и явились. Если племя Великой Горы поможет Джанни совершить это, то он будет рад оказать им ответную услугу. У него есть много огненных палок, по од-

ной для каждого вождя, сидящего здесь. И еще одна большая огненная палка стоит на его каноэ. Джанни научит своих друзей пользоваться этим оружием. Черный Змей заговорил снова. Его слова были переведены только для Джанни – и заставили того улыбнуться. А потом тот старейшина, который так благозвучно говорил вначале, снова вступил в разговор. Его слова не были переведены, но получили одобрение всех остальных вождей. Похоже, он подводил итог – и, после нового общего крика согласия, роль пленников в собрании закончилась. Их вывели наружу и неожиданно оставили одних. Сожженные Волосы вернулся обратно на совет.

Иезуита и его товарища тут же окружила команда моряков. Все они забрасывали Джанни вопросами. Он стоял посреди возбужденных людей, отвечая каждому по очереди.

– Мы заключили договор. Они нас не тронут. То оружие, которое я взял на борт, я обменяю. Нет, вы можете обменивать что-то другое – на меха или на то, что захотите.

Вопросы продолжились.

– Хватит! – крикнул Джанни.

Вокруг них уже скопилась толпа любопытных жителей деревни. Мужчины пыхтели трубками, дети поддразнивали друг друга, сговариваясь подсакивать к незнакомцам, а потом опрометью бросаться прочь.

– Давайте вернемся на корабль, – предложил Джанни.

Матросы издали крик облегчения и побежали из деревни, сопровождаемые стайками хохочущих детей. У Томаса бо-

лело колено, так что ему не сразу удалось догнать на тропе своего молодого спутника.

– О чем ты договорился, Джанни?

– Тебе этого знать не нужно.

– По крайней мере, я слышал, что ты попросил оставить свою сестру живой.

– Да. Думаю, у меня на руках уже достаточно крови моих близких. Ты согласен?

Он впервые упомянул о смерти отца в Сан-Мало. Судя по виду Томаса, иезуиту хотелось что-то ответить на это, но Джанни пошел вперед.

Томас старался не отставать.

– Но что ты говорил об «огненной палке» нашего корабля? Ты ведь не имел в виду пушку?

– Конечно. – Джанни улыбнулся. – Я решил, что мы могли бы помочь нашим новым друзьям корабельным Фальконетом.

Борясь со скукой долгого плавания, Джанни много времени проводил с бомбардиром корабля, учась пользоваться небольшим носовым орудием.

Томас схватил молодого Ромбо за руку, заставив остановиться.

– Ты хочешь, чтобы эти люди убивали друг друга более эффективно?

– Я хочу, чтобы они добились своей цели побыстрее. И чтобы мы достигли своей.

– А если их цель – убийство невинных? Голос Джанни был жестким.

– То, к чему прикасалась шестипалая рука, не оставляет невинных. Все ею запятнаны. Все! И пусть бы все эти язычники умерли, лишь бы вернуть ведьмино наследие.

– Мы отсутствуем уже два месяца, Ромбо. – Томас пытался сделать так, чтобы в его голосе не звучал гнев, но безуспешно. – Кризис королевы Марии давно миновал. Так что прошло и то время, когда этими останками можно было воспользоваться.

– Их время никогда не останется в прошлом. Это – оружие на каждый момент, на все времена. И грех моей семьи никогда не будет искуплен, пока я не положу это оружие к ногам Папы в Риме, чтобы его святейшество использовал шестипалую руку против своих врагов, врагов Христа.

Яд, сочившийся из этих слов, и ненависть в глазах Джанни не позволили Томасу отвечать. Молодой человек высвободил руку, за которую иезуит продолжал его удерживать, и снова зашагал к берегу.

– Да поможет Бог этим людям, – прошептал иезуит, крестясь. – И да поможет Бог всем нам.

## Глава 3. БЕЛЫЙ МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Анна сидела под навесом вигвама, укрывавшим ее от палящего солнца, и смотрела, как играют мальчишки. Они размахивали копьями и кольцами. Игроки разделились на две команды в соответствии с родами. Волк, Медведь, Бобр и Черепаха объединились (похоже, они считались двоюродными братьями) и выступали против союза Оленя, Ястреба, Дикобраза и Змеи. Однако, несмотря на подробные объяснения, которые давал маленький Дикобраз, устроившийся возле ее ног, Анна не до конца поняла сложные правила. Доне, который прилип к ней в первый же день ее появления в деревне и почти не отходил от нее все семь следующих дней, дал понять своей новой подруге, что дело вовсе не в плохом знании языка (которое заметно улучшилось благодаря его урокам). Нет, причина, скорее всего, заключается в том, что она – женщина и потому ее ум ограничен. Так что Анне не следует особенно тревожиться.

Полетело очередное копьё, ударившее в кольцо, и Доне сделал попытку подпрыгнуть от радости. Однако его сухая левая нога не разделила энтузиазм мальчика. У Анны уже появилось чутье на его неожиданные движения. Она подхватила своего маленького собеседника под мышки и чуть приподняла. Ребенок встал на ноги, даже не заметив, что именно она сделала. Он тотчас выскочил из-под навеса и запрыгал к



толпе, окружившей удачливого игрока. Хотя сам он в игре не участвовал, но его род приветствовал калеку так, словно он играл с ними: объятия и похлопывания были такими же энергичными.

Раздалось знакомое покашливание, а потом – голос:

– Полагаю, ты нашла себе мужа, если ты его захочешь, Белый Можжевельник. – Женщина назвала Анну Ромбо именем, которое ей дали индейцы: название этого дерева на их языке звучало как «Анна-эдда». – По-моему, ни один из моих супругов не смотрел на меня с такой любовью.

Анна улыбнулась, как делала обычно при виде Гаки. На их глазах радостная возня мальчишек превратилась в потасовку. К толпе присоединилась проигравшая команда, и началось новое состязание, не имевшее отношения к разделению на роды. Катаясь в пыли, Доне уже не воспринимал свою ногу как большую помеху.

– Если бы это была деревня в моей стране, – проговорила Анна, – мальчикам не разрешили бы так играть, тетя. Их родители уже повибежали бы из домов и принялись колотить их палками, чтобы они перестали.

Старая женщина с шумом вздохнула и раскашлялась.

– Чем больше ты рассказываешь мне про свою землю, Белый Можжевельник, тем меньше она мне нравится. Как можно мешать детям оставаться детьми? И как можно оскорбить другого человека ударом?

– Дети там не считаются людьми. Они скорее восприни-

маются как... – Девушка задумалась, подыскивая слово на языке тахонтенратов. – Как имущество.

– Здесь они – люди. Только маленькие.

Женщины звали своих отпрысков – готова была еда. Возня прекратилась, и сражавшиеся потянулись к своим домам. Мать Доне появилась в дверях и поманила его. Малыш быстро заковылял к ней, но сначала попрощался с Анной, жестом показав, что скоро вернется.

Анна с Гакой тоже ушли в дом, где старуха налила в деревянную миску немного похлебки. Опустив руку в очаг, индианка захватила щепоть холодной золы и посыпала ею еду. Анна не стала отказываться, но в который раз пожалела о том, что не догадалась захватить с собой в дорогу соли.

Мимо прошла одна из родственниц Гаки, ее внучатая племянница.

– Ты не хочешь супа, Синее Перо? – спросила Гака.

– Нет, спасибо, тетя. Мне надо... кое-кого повидать. Обе увидели, что девушка смутилась. Румянец залил ей не только лицо и шею, но и обнаженную грудь. Девушка была еще очень юной, так что грудь у нее еще не налилась, но, когда она покраснела, соски немного набухли. Она тоже это заметила и, прикрывшись рукой, поспешно ушла.

– А! – сказала Гака. – Думаю, я знаю, кого она собралась повидать. Он – из рода Волка. Один из юношей, которые пришли сюда, когда сгорела их деревня. Ты же знаешь, каким интересным кажется новое лицо. Ну что ж, они сделают

хорошего ребенка, если этого захотят боги. И день сегодня подходящий для того, чтобы полежать у прохладного озера с красивым парнем.

Теперь уже Анна почувствовала, что краснеет.

– Ты ведь не думаешь, что они... Они станут...

Старуха смотрела на нее с улыбкой.

– Но она показалась мне такой юной! – выпалила Анна.

Гака явно удивилась.

– Она в состоянии родить ребенка, так что она не слишком молода. И потом, он будет не первым ее красивым юношей. Потому что она очень хорошенькая, моя Синее Перо. Так что этот парень может стать и не последним в ее жизни.

Анна покраснела еще сильнее.

– И это в моей стране тоже бывает совсем по-другому. Там, когда ты берешь мужа, он должен быть твоим первым – и последним.

Гака запрокинула голову и громко рассмеялась. Смех быстро превратился в кашель. Несмотря на то что Анна составила для нее хорошую микстуру, у старухи по-прежнему болело горло, и кашель с каждым днем все усиливался.

Отдышавшись, Гака молвила:

– Но это все равно как если сказать: «Думаю, мне понравится оленина – когда-нибудь, – и потому я не стану сначала пробовать медвежатину и лосятину». Откуда ты узнаешь, что захочешь только одного на всю жизнь, если сначала не попробуешь других?

– Значит, когда они заключают брак, они тоже...

– Когда ты берешь себе мужа, тогда дело другое. Ты бы-  
ваешь с ним, и только с ним. Как и он – только с тобой. –  
Гака помолчала, и глаза у нее заблестели. – Но, по крайней  
мере, ты кое-что помнишь, и в те ночи, когда твой муж не  
ублажает тебя, тебе не возбраняется помечтать о медвежати-  
не, лосятине, бобре...

Старая женщина снова затряслась от смеха и кашля и хо-  
хотала, пока у нее по лицу не потекли слезы.

Обычно Анна не могла противиться заразительному ве-  
селью Гаки и подхватывала ее смех, но на сей раз девушку  
сдержало воспоминание – выражение глаз юной индианки.  
Где-то в этой деревне мужчина, за которым она последовала  
из Франции, пытался родиться заново. Все его желания со-  
средоточены на том, чтобы снова стать частью своего племе-  
ни. Во всем. И когда кто-то вроде Синего Пера поднимет на  
него взгляд, а потом переведет выразительные очи в сторону  
леса...

Анна залилась багрянцем. Но теперь причиной стало во-  
все не смущение. Это новое чувство потрясло ее своей  
необузданностью. Девушка испытывала настоящую ярость,  
которая была направлена на всех гологрудых молодых жен-  
щин поселения.

Старуха пристально наблюдала за своей собеседницей.  
Она поставила свою миску и сжала руки Анны.

– Думаю, наши обычаи не для тебя, Белый Можжевель-

ник. Ты попала к нам слишком поздно. К моему восемнадцатому лету я имела уже троих детей.

– Прекрасно, – проговорила Анна с нескрываемой горечью. – Значит, я уже такая старая, что ни один мужчина не захочет на меня смотреть.

– Я говорю совсем не это. – Гака бережно встряхнула руки Анны. – Я говорю, что тебе не нужно искать любовь. Ты уже сделала свой выбор.

Анна отвела взгляд.

– И мужчине, который мне желанен, я больше не нужна. Если я вообще была когда-то ему нужна.

Произнеся вслух слова, которые прежде говорила только мысленно, Анна почувствовала, что по ее лицу потекли теплые слезы.

– Думаю, твои страхи заставляют тебя читать знаки неправильно. Дело не в том, что он тебя не хочет. Дело в том, что он не может хотеть никого – пока. Потому что он не знает, кто он. Он – как медвежонок, у которого на охоте убили мать. Он бродит по огромному, непонятному лесу. Он видит в воде свое отражение, так что знает, что выглядит, как медведь, но он ничего не знает о том, как ведут себя медведи. Он не умеет охотиться, как медведь. Он не спит всю зиму напролет, как медведь. И он не в состоянии выбрать себе подругу, как медведь.

Анна ответно сжала ей руки и горячо спросила:

– Так что же мне делать, Гака?

– Ждать.

– Но времени уже не осталось! Всему вашему народу грозит опасность. Тагай может родиться заново только для того, чтобы на следующий день пойти воевать – и, возможно, умереть. Как он успеет понять, что говорит ему сердце?

Гака прошептала:

– Ты думаешь, что мудрость живет только там, где приходили и уходили многие луны? А я говорю, что мудрость приходит в один яркий, ясный миг. Тагай был рожден мудрой матерью, его род – самый мудрый из всех родов племени. Его дядя Доннаконна был Охотником Рассвета. А рассвету довольно одного мгновения, чтобы показать нам мир. Анна попыталась улыбнуться в ответ.

– Надеюсь, ты права.

– Я знаю, что права. И уверена, что Тагай любит тебя, как ты – его. Это ясно видно по его лицу. Но ему необходима минута силы, которая заставит его понять это. Ну, для того и существуют на свете мудрые старые тетки!

Анна не успела ничего ответить: послышались крики, доносившиеся с дальнего конца поселка.

Гака еще раз сжала руки Анны и оперлась на них, чтобы встать на ноги.

– Пойдем, – добавила старуха. – Надо посмотреть, что значит этот шум!

Эта неделя отняла бы все силы даже у самого сильного мужчины. А те, кто его испытывал, не желали принимать во внимание то, что он столько времени провел на тесном корабле. И никого не заботило, что прежняя его жизнь во Франции была сплошной ленью и злоупотреблениями. Они ничего не понимали в этом и прерывали его всякий раз, как он пытался заговорить о прошлом. Для них все обстояло очень просто. Он был потерянным членом их рода. Его необходимо найти. А в свете опасности, угрожавшей всему их племени, найти его нужно было поскорее.

И еще оставалась проблема его смерти. Все, кто уплыл с французским капитаном, – Доннаконна и другие заложники, включая мать Тагая, – все Охотники Рассвета были мертвы. Хотя их кости не заворачивали в бобровые шкуры и не зарывали в яме рядом с деревней, церемония была проведена, их оплакали. К счастью, прецеденты уже имелись.

Случалось, воины, считавшиеся захваченными в плен и убитыми, бежали и возвращались к своим. Порой группе охотников, отрезанных наводнением или пожаром, удавалось перезимовать и вернуться с весной. И каждому восставшему из мертвых необходимо было пройти через ритуал нового рождения.

Вот почему Тагай провел первую ночь в своей родной де-

ревне, лежа голым в каноэ из березовой коры, наполненном речной водой и кусками оленьего жира. Хотя стояло лето, вода охладила его тело и сморщила кожу. Его сотрясала такая сильная дрожь, что он даже боялся разбить утлую лодку. Утром все члены его рода, мужчины, женщины и дети, собрались посмотреть, как его опускают под воду, так что он уже готовился утонуть. А потом стенки каноэ вскрыли, и Тагай выпал на речной берег, барахтаясь, словно пойманный лосось. После этого четверо мужчин швырнули его в реку, где с его кожи смыли олений жир. А потом эти же мужчины – и в их числе его двоюродный брат Сада – отнесли его, беспомощно дрожащего, в шалашик, сделанный из тонких деревьев, накрытых оленьими шкурами. И лютый холод сменился своей противоположностью, потому что крупные камни прокаливали в очагах целую ночь и жар ударил «новорожденного» в лицо, словно пощечина. Позади него в шалаш набивались все новые, и новые обнаженные мужчины, так что вскоре все пространство заполнилось потными телами. В трубки вложили сладкий душистый табак, и облака табачного дыма скрыли от Тагая даже ближайшего соседа. Он больше не дрожал. Теперь его тошнило, так что беднягу пришлось вывести наружу, чтобы его вырвало. Однако постепенно жара стала казаться приятной, а в облаках табачного дыма начали возникать странные видения. К этим видениям добавились рассказы – истории о говорящих зверях, летающих людях, рождении народа, войне и охоте, а также о



нелепости жизни. Смех плыл в завитках дыма, видения мерцали в жарком мареве, и время тянулось медленно, пока уже на закате с шалаша не сняли оленьи шкуры. И тогда обнаружилось все племя, собравшееся рядом. Тагая снова подняли, и он со всеми своими товарищами из шалаша опять оказался в реке. Выйдя из воды, он прошел мимо своего рода, выстроившегося двумя рядами, и все мужчины, женщины и дети дотрагивались до него по очереди.

Этой ночью Тагай спал крепко и видел множество радостных снов. Однако его сон был непродолжительным. Задолго до рассвета его разбудили, грубо трясая за плечо. Стоявший над ним Сада отрывисто приказал брату встать и следовать за ним. Еще примерно сорок воинов – как оказалось, полный боевой отряд рода – ждали нового родича у входа в хижину. Набедренная повязка служила ему единственной защитой от ночной прохлады, да еще ноги были обуты в кожаные мокасины. Сада вывел их из поселка и повел по едва различимой тропе вверх по скалам, через игровое поле, в лежащий за ним лес. Они шагали быстро, бесшумно, не останавливаясь, пока утро не застало их на высоком голом плато.

– Ты – один из тахонтенратов, ты снова стал одним из народа Оленя. Но ты еще не Медведь.

Вручив Тагаю лук, колчан со стрелами и небольшой мешочек с зернами, воины рода начали его обучение.

В течение двух дней и ночей они обращались с ним крайне сурово. Ему было сказано, что есть время только на то,

чтобы испытать его и найти пределы его силам и способностям. Его ни разу не ударили, потому что, по словам Сады, это было бы оскорблением его личности. Но любая неудача или неумение встречались презрением. Тагаю приходилось выслушивать множество оскорблений по поводу его умений, его мужского достоинства и его происхождения от жалких пожирателей падали. А потом Тагаю все равно приходилось снова выполнять то задание, в котором он потерпел неудачу. Каждую ночь он оставался в одиночестве. Иногда дремал, но чаще – не спал и смотрел в небо, придавленный необозримостью просторов и трудностями, которые его ожидали. Иногда он плакал. И часто в эти минуты ему в видении являлась Анна, которая протягивала руки, чтобы утешить его. Тагаю хотелось ощутить ее прикосновение, испытать ее утешительные ласки. Однако позже, когда слезы высохали, он начинал злиться на ту роль, которую она играла в его слабости.

Рассвет третьего дня на плато оказался великолепным. Тагай не спал почти всю ночь, ошеломленный множеством звезд, падавших с небес. И чувство удивления оставалось с ним все время, пока они возвращались в деревню. Он даже обнаружил, что перешучивается с другими членами отряда, участвует в их дружеских потасовках.

А потом Тагай наконец обнаружил нечто такое, в чем превосходил их всех.

Они как раз добрались до края долины, которая должна была привести их к игровому полю. Тагай, как всегда, ступал

последним в цепочке воинов.

– Ты медлителен, Тагай. Едва тащишь ноги по земле, – сказал Отетиан, самый высокий воин. – Ты похож на дикобраза! Вот как ты ходишь.

Он присел на корточки и двинулся вперед, задрвав зад. Остальные засмеялись.

– А Отетиан – цапля. Летает неуклюже, а шагает, переставляя свои длинные ноги вот так.

Тагай изобразил походку этой птицы, нелепо выбрасывая свои длинные ноги.

Все опять захохотали. Отетиан подошел к Тагаю. Он раздражал Тагая больше всех его «наставников».

– И ты думаешь, что дикобраз может победить цаплю? Стоит мне один раз хлопнуть крыльями – и я буду уже у того дерева, а ты даже не успеешь оторвать свой колючий зад от земли.

И с этими словами воин указал на дерево, стоявшее примерно в двухстах шагах от них. Сада крикнул:

– Берегись, Тагай! Не спорь с ним. Отетиан в беге победил всех жителей всех поселков.

Тагай посмотрел в хвастливое лицо воина.

– Не всех, – негромко заявил он.

Раздался хор презрительных возгласов. Отетиан выпятил грудь.

– Ты готов бежать со мной наперегонки, Медвежонок? И он демонстративно выделил интонацией часть имени, озна-

чавшую «Маленький».

Тагай подался вперед. Лица соперников сблизились.

– Готов.

Они передали остальным свои луки, колчаны и сумки. Сада встал перед противниками, приложив ладонь к груди каждого. Остальные побежали вперед, к дереву. Когда они добрались до цели и выстроились неровным рядом, Сада сказал:

– По моему слову – летите.

Тагай пригнулся, готовясь бежать. Рядом с ним Отетиан лениво улыбнулся и небрежно встал в позу.

– Вперед!

Они сорвались с места одновременно и побежали вровень друг с другом. А потом Отетиан начал удлинять шаг – и между ними образовался небольшой зазор. Была пройдена примерно половина расстояния.

Тагай позволил сопернику вырваться вперед. Индеец бежал быстро, и, когда до приветственно кричавших воинов оставалось пятьдесят шагов, разрыв между ними составил пять шагов. Затем Отетиан увидел у своего плеча тень, а потом эта фигура промчалась мимо него. Несмотря на его отчаянные усилия, Тагай достиг цели на три шага раньше, чем индеец. Победителя моментально окружили, хлопая по спине и сжимая его руки. Члены рода впервые хвалили Тагая – и он наслаждался этим.

Чей-то голос заглушил приветственные крики.

– Ну что ж, Медвежонок, тебе удалось здесь меня провести. – Отетриан безуспешно пытался изобразить улыбку. – Но не думаю, чтобы тебе удалось схитрить и во второй раз.

Торжествующий Тагай сказал:

– Цапля желает бежать со мной снова?

– Да, – услышал он в ответ. – Но не такое жалкое расстояние. Ты готов бежать наперегонки со мной до ворот поселка?

Тагай задумался. Они находились на плато, которое заканчивалось игровым полем. Вдали он уже видел тот дуб, с которого впервые наблюдал за игрой. До него придется идти шагом примерно четверть часа. Там из небольшого леса вниз по скалам уходила тропа. От основания скал до поселка уже недалеко: дорога вела вдоль берега речки и составляла не более полулиги.

– Да. Я побегу с тобой до поселка.

– И я тоже! – закричал еще один воин. – Такое расстояние мне подходит.

– И я! И я! – подхватили остальные, не менее возбужденные соревнованием, которое они только что наблюдали. – Давайте побежим прямо сейчас!

– Подождите! – сказал Сада, и его негромкий голос тотчас заставил замолчать сорок человек. – Такое соревнование – вопрос чести. Почему бы всему нашему народу не присоединиться к спору и не отдать должное победителю? – Молодой индеец повернулся к одному из членов отряда, который не выказал особого желания участвовать в беге (возможно, из-

за некоторой полноты). – Поспеши, Ганогие, и сообщи роду Медведя, что мы здесь делаем. Когда ты скроешься за деревьями, мы побежим.

Воин кивнул и, не трата лишнего слов, устремился вперед со скоростью, неожиданной для его сложения. Пока остальные криками подбадривали убегающего друга, Сада отвел Тагаю в сторону.

– Слушай внимательно, Тагай. Отетиан быстр и неутомим. Он – из тех, кто бежит между деревьями, разнося новости и «палки вызова», когда нашему разобщенному по этим долинам племени нужно собраться вместе. С тех пор как он стал мужчиной, он ни разу не проигрывал в беге. Возможно, и потому, что, по слухам, он жульничает. – Сада ухмыльнулся. – Так что следи за ним на тропе в скалах.

Тагай кивнул и забрал свой лук и колчан у воина, который держал их во время первого состязания. На этот раз каждому придется нести свое оружие самому.

Товарищи смотрели, как вестник скрывается в лесу над вершинами скал. Вскоре он уже превратился в облачко пыли – для всех, кроме одного из самых молодых. Этот взобрался на нижнюю ветку орешника и следил оттуда, ладонью прикрыв глаза от солнца.

– Он уже близко! – сообщил наблюдатель стоявшим внизу. – Еще десять вдохов – и он будет на месте.

Он спрыгнул вниз и занял свое место в ряду отталкивающих друг друга мужчин. Тагай демонстративно прошел

вдоль ряда и втиснулся в шеренгу рядом с Отетианом. Высокий воин наклонился и с силой двинул Тагая плечом.

– Освободи мне место, малыш, – проворчал он.

– Сейчас у тебя будет его сколько угодно, – отозвался Тагай, с улыбкой ответно отталкивая его. – Потому что ты будешь видеть мою спину.

– Готовы?

Сада поднял знамя рода – медвежью лапу, насаженную на копье, – высоко над головой, чтобы все его видели. Раздался всеобщий возглас подтверждения.

– Тогда всем... вперед! – крикнул Сада, делая первый шаг.

Он удерживал первенство всего несколько шагов. Потом его обогнали несколько более молодых воинов, которые сразу же помчались на полной скорости. Образовалась группа человек из десяти, которая быстро ушла вперед. Вторая, более многочисленная, включившая в себя Саду, ненамного отстала. Примерно в дюжине шагов позади них Тагай чуть отклонился влево. Он стал держаться рядом с Отетианом, преследуя обе группы. Соперник разок презрительно посмотрел на него и перешел на ритмичный бег.

Вырвавшиеся вперед быстро поняли свою ошибку. Бегуны, возглавляемые Садой, скоро догнали их, и на полпути через равнину обе группы слились в одну. Только двое из новых смогли удержать скорость, а остальные начали отставать, так что даже Тагай и Отетиан, все еще бежавшие сзади, их обошли. Правда, отставшие присоединились к ним и не

теряли из виду.

Род Медведя племени тахонтенратов дружно мчался вперед. Обутые в мокасины ноги гулко ударяли по земле, пыль поднималась с земли и тянулась за ними, словно полосы дыма. Слышалось ровное дыхание и – изредка – стук и ворчание, когда сталкивались работающие локти. Тагай дышал легко, наслаждаясь свободным движением ног не меньше, чем общей волей, которая гнала вперед бегущих. Все то время, которое он провел с ними в уединении, он служил мишенью их насмешек. И это отделяло его, держало в стороне. А здесь он был просто одним из бегущих и ни в чем не уступал собратьям.

Нет, Тагай был лучше! Ему необходимо быть лучше их. Ему никогда не сравниться с ними во владении луком или копьем. Он не научится выслеживать добычу по следу, или находить дорогу по звездам, или так хорошо заучить древние предания своего народа. И ему никогда не удастся выйти на игровое поле и послать мяч между столбами, победив род Волка, как это сделал его двоюродный брат Сада. Но бегать он может. И когда Отетиан внезапно увеличил скорость и начал продвигаться через группу воинов, Тагай понял, что способен победить.

Рывок Отетиана вывел его в начало группы. Тагай бежал на шаг позади. Они обогнали Саду, который все это время задавал скорость и досадливо фыркнул, когда соперники пробежали мимо него. Однако Отетиан не удовлетворился



тем, чтобы просто возглавить бегущих. Он продолжал рваться вперед, и Тагаю пришлось следовать за ним.

Топот ног и сопение остальных остались позади. Прямо перед противниками уже виднелись деревья, а в ста шагах за ними начиналась тропа, которая вела в поселок. Однако Тагай продолжал держаться сзади. Тропа в скалах местами была коварной, а в последний раз Тагай спускался по ней, неся на закорках тетку. Тогда его глаза были устремлены всего на шаг вперед. Тагай понимал, что Отетиян намерен спускаться гораздо быстрее, и ему хотелось видеть, куда именно этот хитрый воин будет ставить ноги.

Они вбежали в тень под огромным дубом. Бросив взгляд на густую крону, Тагай на миг изумился тем переменам, которые произошли в его жизни с тех пор, как он прятался в этих ветвях – всего неделю назад.

Тагай смотрел вверх всего мгновение. Он отвлекся в самом начале склона, всего в нескольких шагах от опушки. Но этого краткого мгновения оказалось достаточно, чтобы Отетиян, который не взглянул на своего противника ни разу с начала забега, ударил его. Он нанес резкий удар локтем – прямо по губам Тагая. Толчок на бегу оказался достаточно сильным, чтобы Тагай рухнул, словно подстреленная птица. Он тяжело упал на землю и покатился вниз, глотая пыль. Падение резко остановил серебристый ствол ясеня, который выбил у него из груди остатки воздуха.

Чьи-то руки подхватили молодого человека под мышки.

Его подняли и удержали – собственные ноги отказывались слушаться Тагая.

– Надо смотреть на тропу, малыш, тогда не придется ссориться с деревом.

Семь лиц Сады вращались вокруг него. По обе стороны от двоюродных братьев пробежали воины, делавшие глубокие вдохи. Тагай тряс головой снова и снова, но это не помогало рассеять туман, заставший ему глаза. Ощувив на губах что-то теплое, он поднял руку. Вид крови на его пальцах помог ему наконец собраться. На лице Сады, вдруг ставшем отчетливо видимым, играла улыбка. Брат поднял руку и стер с губы Тагая остатки крови.

– А может быть, кто-то бросил тебя в объятия дерева? А? Разве я не предупреждал тебя, что Отетиан не любит проигрывать?

– Да, – только и смог ответить Тагай.

– Тогда у тебя есть еще одна причина его догонять. Ты должен отплатить ему за это. – Сада вытер кровь о волосы Тагая. – Вперед.

– Он уже слишком далеко, – пробормотал Тагай распухшими губами.

Улыбка оставила лицо Сады.

– Ты не понимаешь. Неужели ты ничему не научился? Медведь из племени тахонтенратов не сдастся. Никогда. А теперь беги!

И Сада побежал по тропе, подталкивая перед собой своего

молодого родича.

– И потом, – добавил он, когда Тагай сделал несколько неуверенных шагов вперед, – ты прав. Отетиан действительно цапля. И длинным худым ногам не нравится крутой спуск. Даже он потеряет скорость на скалах.

Из следующих ста шагов половина шла не столько вниз, сколько в сторону. Однако постепенно к ногам вернулась сила, и вскоре Тагай уже ковылял самостоятельно. Сначала он то и дело поднимал руку, чтобы стирать кровь, которая продолжала литься у него изо рта. Потом он заметил, что это движение сбивает его с ритма. И кроме того, вкус крови был вкусом гнева.

К тому времени, когда Сада и Тагай оказались у вершины скал, они уже догнали отставших. Спуск был узким, но подгоняемый Садой Тагай начал проталкиваться мимо других. Некоторые пропускали его легко, другие медлили – этих Тагай отталкивал плечом. Сада скакал в шаге позади него, ставя ногу там, куда ее ставил Тагай, делая такие же прыжки вниз и сгибая колено во время приземления на каменные уступы или сланцевые осыпи.

Они обогнали примерно половину состязающихся и были близки к основанию скал. Впереди уже расстилалась ровная часть пути – и тут Тагай услышал у себя за спиной звук скольжения и крик. Оглянувшись, он увидел, что Сада растянулся возле огромного валуна, через который сам Тагай только что перепрыгнул. Молодой человек сделал быстрое

движение, словно хотел вернуться назад, но Сада, сжимавший щиколотку, которая опухала прямо на глазах, махнул рукой, гоня родича дальше.

– Не останавливайся. Беги, Тагай, беги!

И Тагай снова повернул вперед. До конца спуска он добрался всего в три прыжка, а потом полетел по ровной тропе. Поначалу от непривычного ощущения его шатало. Но вскоре ноги его привыкли, и юноша снова вошел в ритм. Он уже начал обгонять наиболее упорных. Самые молодые, поначалу убегавшие вперед, отставшие и затем обретшие второе дыхание, снова начали сдавать, жадно ловя ртами воздух. Однако им все же хватило дыхания, чтобы ободрить Тагаю криками, когда он обгонял их. Это произошло как раз в тот момент, когда вся группа бегущих выскочила из каньона, который выводил от скал к деревне.

Теперь поселок оказался прямо перед ним. Вечернее солнце заставляло деревянный частокол пылать, словно в огне, отражаясь от широкой реки. А между Тагаем и целью неслась по берегу одинокая фигура. Услышав крики воинов, бегущий словно почувствовал, как Тагай вырывается вперед, и попытался увеличить скорость. Однако длинные ноги цапли-Отетиана уже сдавали.

Соперников разделяло примерно двести шагов, а до ворот ограды оставалось втрое больше. Тагай заметил там движение: люди выходили наружу, чтобы выстроиться вдоль дороги, ведущей в деревню. Ветер уже доносил крики. Прилетел

и запах очагов тахонтенратов, народа, для встречи с которым Тагай пересек полмира.

Его народа.

Тагай снова ощутил на губах вкус крови – той же крови, что текла в жилах людей, начавших собираться у входа в поселок.

Его поселок.

Тагай устал так, как не уставал ни разу во время охоты в лесах короля Генриха. Грудная клетка болела от удара о ствол. Лицо ныло там, куда попал локоть воина, который сейчас бежал чуть впереди него и становился все ближе с каждым новым шагом Тагая.

До ворот оставалось примерно двести шагов, когда Тагай услышал дыхание соперника. Услышал потому, что этот человек, который никогда не оглядывался, на этот раз оглянулся. На лице Отетиана ясно отражалось острое желание прибавить скорость. Но его длинные ноги отказались исполнить это желание. Тагай отставал теперь всего на десять шагов, когда Отетиан поравнялся с первым из вышедших им навстречу жителей; на пять – когда они пересекали ручей по сланцевому мосту. Мостик был узким, и соперники бежали там плечом к плечу, локоть к локтю. Отетиан больше не смотрел на Тагая, не попытался поднять локоть, чтобы ударить его во второй раз. Его глаза были прикованы к отверстию в частоколе – как и глаза его противника. И в считанные шаги, отделявшие их от цели, Тагай опередил против-

ника и ворвался в ворота деревни под приветственные крики жителей.

Какое-то время кругом был только туман. И еще боль. Лица вихрем носились вокруг того места, где лежал Тагай. Тетя Гака, вождь Тододахо, другие люди, которых он не знал, но которым теперь хотелось поддержать его... Все они наклонялись, чтобы похлопать его по плечу, отчего его тяжелое дыхание затруднялось еще больше. Тем временем другие бегуны, шатаясь, заканчивали бег, чтобы упасть рядом с победителем и Отетианом. Какое-то время спустя два воина принесли Саду и положили его рядом с двоюродным братом.

– Ну что ж, детеныш, – проговорил Сада, перекрывая всеобщий гвалт, – похоже, ты больше не мертвый.

– По-моему, он не похож на духа, – сказал Отетиан, подползая к ним ближе. – Ты посмотри только, что его зубы сделали с моей рукой.

Он поднял локоть. На сгибе явно виднелся след укуса.

– Ну, не будем об этом, – продолжил длинноногий. – Я прощаю тебя за то, что ты меня укусил: ведь ты детеныш, а они всегда кусаются.

Это заявление остальные члены рода Медведя встретили таким ревом, что Тагаю даже не пришлось протестовать. Вместо этого он засунул пальцы в рот и, чуть-чуть покачав расшатавшийся от удара зуб, извлек его наружу. Вручая его Отетиану, он сказал:

– Бусина для ожерелья твоей жене.

Это вызвало новые крики и хлопки по плечу. Буйные члены рода Медведя не сразу заметили, что к ним обращаются. У ворот собрались все жители поселка. Перед ними стояли вожди. Суматоха гонки заставила их выйти из дома советов. На вождях были церемониальные бусы-вампумы, и каждый держал в руке длинную трубку.

– О люди из рода Медведя! Похоже, ваш потерявшийся детеныш нашелся. Это правда?

Сада поднялся с земли, балансируя на одной ноге, и обратился к задавшему этот вопрос человеку. Смущенный всеобщим вниманием, Тагай тоже поднялся на ноги.

– Это решаешь ты, Тододахо, потому что ты – наш вождь. Но мы, прошедшие время с этим малышом, говорим, что он достоин вернуться к нам.

Тододахо кивнул.

– Тогда примем его, как и было задумано, на церемонии луны, через три рассвета. А тем временем он может жить со своей теткой, моей сестрой Гакой, у нее в доме.

Тагай посмотрел туда, где стояла его тетка. Старуха улыбнулась ему, и юноша улыбнулся ей в ответ. Рядом с Гакой находилась Анна – и Тагаю вдруг показалось, будто ее лицо разделилось на две половинки: одна радовалась за него и улыбалась, а вторая выражала печаль. И при виде этого Тагай почувствовал, что его лицо стало отражением ее лица.

Прежде чем Тагай успел задуматься над такой странностью, Пойманный заговорил снова, повысив свой голос так,

чтобы его услышало все племя, которое уже собралось на площади за воротами.

– Мой народ! Мы совещались в тот момент, когда до нас дошло известие о состязании в беге. Мы пришли смотреть на него с радостью. Ибо, по правде говоря, желанной возможностью отвлечься от спора. Мы не смогли прийти к заключению по вопросу, который так нас тревожит. – Вождь указал на реку. – Мы все знаем, что наши враги объединяются. Они разрушили наши деревни, уничтожили дома многих из вас, пришедших искать укрытия у ваших братьев и сестер под скалами. Почти все наше племя собралось здесь, и «палки вызова» отправлены в последние три поселения, чтобы созвать наших людей сюда на Большой Совет. В том, что мы все находимся здесь, – наша сила, но тут же таится и опасность, потому что даже это поселение не в состоянии прокормить всех тахонтенратов. И наш совет не может решить, ожидать ли нам опасности здесь и разбить врага о нашу ограду, как Большая Вода разбивает прибрежные скалы, или же оставить эти места и уйти далеко – туда, где этого врага нет.

Анна уже заметила, что на всех собраниях каждого говорящего выслушивают в полной тишине, отдавая дань его мудрости и выражая уважение к его мнению. Однако последние слова вождя вызвали общий стон и даже перешептывания.

Пойманный продолжил:

– Нам предстоит решить этот вопрос окончательно во вре-



мя пира. Но в наших котлах слишком мало мяса для наших желудков. Необходимо сделать новые запасы, чтобы наш пир не опозорил гостеприимства наших предков. Вот почему молодые воины должны пойти на охоту. Мы знаем, что это стало опасным делом, потому что с каждым днем враги занимают все больше и больше наших охотничьих угодий. И было решено, что роды больше не будут охотиться по отдельности. На каждую охоту отправятся по два члена от каждого рода. Тогда, если им придется сражаться и, может быть, умереть, ни один род не лишится всех своих молодых мужчин. – Пойманный сделал паузу, и другой вождь подал ему восемь палок, окрашенных в разные цвета. – Каждая из этих палок – охота. На земле над скалами, где множество бобров и дикобразов, на лососевой реке на севере, на гусиных пастбищах, на медвежьих холмах. А вот эта, – он поднял палку, ярко окрашенную в кроваво-красный цвет, – означает остров Винограда на реке. Там во множестве водятся олени. Но эти места расположены близко от деревень наших врагов.

Вождь выложил палки перед собой, одну за другой, а потом заговорил снова:

– Мы решили, что боевой вождь каждого из восьми родов возьмет по одной палке. Мы знаем, что каждый захочет взять красную, означающую наибольшую опасность, поэтому мы сделали этот выбор за вас. Наш выбор не говорит об особенном мужестве, которое присуще этому роду. Просто некоторые знают какие-то места лучше, чем другие. Каждый

вождь примет ту палку, которую мы ему дадим, а потом по два члена от каждого рода присоединятся к его отряду. Это понятно?

Все дружно выкрикнули:

– А-ум!

После этого стали называть имена родов. Анна смотрела, как боевые вожди один за другим подходят, чтобы получить свое задание. Боевой вождь рода Медведя погиб, защищая свою деревню. Его наследник, Сада, не был официально назначен на его место. К тому же Сада получил травму, так что его место занял толстенький Ганогие. Под конец осталась только красная палка – и только род Волка не был вызван. Анна наблюдала за тем, как Черный Змей выходит вперед, кланяется и поднимает красную палку.

Собравшиеся разделились. Каждый из воинов пытался попасть в число охотников. Большинству предстояло остаться, как решили вожди. Не время оставлять деревню без защиты. Однако участие в охоте поднимало престиж воина, было для него честью. Анна видела, как множество воинов толкаются вокруг вождей. Некоторые выражали радость, большинство отходили разочарованными. А потом она заметила, что Черный Змей идет через толпу к роду Медведя который все еще толпился вокруг Сады и Тагая.

Задавая свой вопрос, Черный Змей выгнул бровь – шевельнулась и змея, наколотая вокруг его левого глаза.

– Найдутся ли два Медведя, у которых достанет храбрости

пойти со мной на остров Винограда?

Его мгновенно забросали предложениями, летевшими со всех сторон.

– Конечно, – сказал Черный Змей, – я хотел бы взять своего соперника по игре, но... – тут он посмотрел на отекающую ногу Сады, – похоже, ты упустил случай.

Сада проскакал вперед на одной ноге:

– Я все равно могу бегать вокруг тебя, Черный Змей. Улыбка исчезла с татуированного лица.

– Повременим проверять это. Сейчас племени нужна еда. Мне нужны не подшибленные птички, а воины, которые в силах двигаться, и двигаться быстро.

Не успел разъяренный Сада ответить, как Отетиан встал перед татуированным.

– Тогда тебе нужен я.

За ним моментально рванулись другие. Черный Змей дождался, чтобы шум немного стих, а потом сказал:

– Отетиан оказал мне честь, и я беру его. Но ведь он проиграл в состязании. – Поднятая рука остановила протесты Отетиана. – А победитель не хочет пойти? Или его умения ограничиваются только быстротой в беге? Поэтому он и не вызывается?

Все повернулись к Тагаю.

– Я не предлагал себя потому, что знаю: в моем роду много более достойных воинов. Все они, в отличие от меня, умелые охотники. – Тагай шагнул вперед, приблизив лицо вплотную

к татуированной физиономии Черного Змея. – Но я рад занять место моего двоюродного брата Сады и почтить его.

В затянувшемся молчании Черный Змей вглядывался в глаза Тагая.

– Хорошо, – проговорил он, и на его лицо снова выползла ленивая улыбка. – Решено. Соберите провизию, приготовьте каноэ. Мы отправимся, когда солнце коснется вершин деревьев.

С этими словами он повернулся и ушел к реке.

Род Медведя провожал взглядами удаляющуюся от них мускулистую раскрашенную спину. Сада прикоснулся к плечу Тагая.

– Тебе следует быть осторожным на том острове, Тагай. Я не доверяю этому человеку. За его глазами прячется какая-то тайна.

– Я о нем позабочусь, Сада, потому что ношу его отметины. – Отетиан поднял укушенный локоть. – На острове я докажу, что этот малыш победил меня только случайно.

Воины отправились собирать свои отряды. Ушли и те, кому пришлось остаться. Отетиан обещал, что принесет провизию и на долю Тагая. Так что когда род Медведя разошелся, молодой человек остался один на внезапно опустевшей площадке за воротами.

Нет, не совсем один.

– Итак, твое желание исполнилось, Тагай.

Голос, прозвучавший у него за спиной, заставил его

вздоргнуть. Мгновение произнесенные слова оставались неясными, размытыми. Только потом Тагай понял, что они были произнесены по-французски.

Анна стояла спиной к заходящему солнцу. Его лучи слепили Тагаю, заставив прищуриться и заслонить глаза ладонью. Ее густые волосы – такие же черные и длинные, как его собственные, – были залиты светом, который внезапно сделал их красными, словно осенний лес.

– Анна-эдда, – пробормотал Тагай. – Белый Можжевельник.

Девушка встала так, чтобы ему больше не нужно было смотреть на свет. Рука протянулась вперед, но, не встретив ответного движения, упала.

– Тебя приняли обратно.

– Да.

– Я счастлива за тебя.

– Спасибо.

Наступило молчание – такое же ужасное, как их отрывистые фразы. Все те слова, которые они говорили после того, как она упала на него прямо из парижского неба, стали ничем, они были осмеяны этой неловкостью. Анна покраснела, злясь на просительные интонации в своем голосе. Она никогда не зависела от мужчины, не считая собственного отца, – а он погиб ради того, чтобы они смогли попасть сюда. И потому ей все-таки пришлось спросить:

– А как же я?

– Ты? – Тагай повернулся, отвел взгляд, снова уставился на солнце. – С тобой хорошо обращаются, так? Моя тетка заботится о тебе?

– Хорошо обращаются? – Тон ее голоса изменился. Анна Ромбо оставалась дочерью своей матери и была настолько же вспыльчивой. – Я – не гостя, Тагай. Не незнакомка, которой дали миску похлебки и место у твоего очага. Если у тебя была причина сюда стремиться, то у меня – тоже. Или ты так увлекся своими делами, что забыл о моих?

– Увлекся? – Его голос стал резче. – Это – не игра, Анна. Я вернулся к моим родным, моему народу. Только сегодня я родился по-настоящему.

– И только вчера мой отец погиб за тебя! Последние слова она швырнула в него, как камень.

– Он погиб не за меня.

– За тебя. Он умер, потому что я убедила его в том, что закончить дело всей его жизни можно будет только в Новом Свете, не затронутым жестокостью христиан. В твоём мире. Он отдал свою жизнь за нас обоих, чтобы мы вдвоем смогли попасть сюда! Чтобы ты помог мне похоронить... это!

С этими словами она запустила руку в мешочек из оленьей кожи, который ей дала Гака. Из него Анна извлекла засаленный шерстяной сверток. Туго натянув материю, она приблизила сверток к Тагаю, чтобы ему было видно, как ткань облегает шесть легко узнаваемых костяных пальчиков. Он отпрянул.

– Ну, так ты здесь. В этом прекрасном Новом Свете, который для моего народа так же стар, как твой свет – для тебя. Похорони это. Похорони прямо сейчас.

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу этого сделать до полнолуния. Таково было желание королевы.

– Тогда похорони ее в полнолуние. И с этим будет покончено.

– Вот как? – Внезапно она начала шептать: – И с чем еще будет покончено, Медвежонок?

С этими словами девушка повернулась и ушла за ворота поселка, сжимая отрубленную кисть перед собой.

– Анна! – Тагай сделал шаг следом. – Анна, подожди!

– Оставь ее, племянник. Оставь ее одну. Если только ты не собираешься произнести те слова, которые ей необходимо услышать. – Его тетка вышла из тени, отбрасываемой оградой. – Ты можешь их произнести? – продолжила она, подходя к нему. – Ты знаешь, что чувствует твое сердце?

– Тетя. – Тагай посмотрел на старуху, а потом перевел взгляд в ту сторону, куда ушла Анна. Ее уже скрыл крутой берег речки. – Я не знаю, что чувствую. Она – часть другой жизни. Той жизни, которая была мне ненавистна, от которой я уехал. Как я могу... ее любить? Она ничего не знает о нашем мире.

Гака остановилась перед племянником. Она откашлялась и вытерла рот.

– А ты, только что родившийся, – ты, конечно, знаешь так

много?

– Она не захочет здесь остаться, тетя. Мне знакомы эти люди. Они называют нас дикарями, потому что мы не следуем их Богу, их правилам.

– Ты спрашивал ее, хочет ли она остаться?

– Нет.

– Ты говорил ей о своих сомнениях?

– У меня не было возможности. – Тагай не смел встретиться взглядом с насмешливыми глазами тетки. – Я не буду знать, что ей ответить.

Гака рассмеялась.

– С мужчинами всегда одно и то же! Вы считаете, что говорить можно только тогда, когда вы все знаете. А достаточно просто задать истинный вопрос своего сердца. И позволить женщине выслушать и дать ответ.

Тагай не успел ответить: из-за ближайшего вигвама вышел Отеттиан.

– Тагай, идем! – позвал он. – Каноэ уже на воде! Тагай шагнул было на зов, но потом снова повернулся к тетке.

– Скажи ей, – попросил он. – Скажи ей: когда я вернусь... если...

– Да, племянник?

Юноша снова посмотрел на нетерпеливого Отеттиана, протягивавшего ему лук, колчан и мешок с припасами. Заглянул в свое будущее чуть дальше – глянул на опасности, которые ждали его на острове. На все то, что еще было в его



Новом Свете.

– Ничего. Говорить нечего.

Тагай направился к ожидавшему его воину, повесил колчан за спину, прикрепил мешок к поясу, взял лук. И вместе они убежали к берегу реки.

\* \* \*

Анна шла по берегу речки, не видя дальше следующего шага. Быстрое движение как будто утешало ее, оно словно увеличивало расстояние, отделявшее девушку от ее смятения. По крайней мере, так ей казалось. Однако когда Анна остановилась отдышаться в удалении от ограды поселка, то обнаружилось, что смятение последовало за ней.

И теперь Анна осматривала уголок, где еще не бывала, на отошла от протоптанной тропы и двигалась вдоль более узкого ручья. Там, где она остановилась, ручей немного расширился и становился глубже, образуя небольшой омут. Его затеняли плакучие ветви трех серебристых берез. Знакомые деревья и тихое журчание воды напомнили ей о другой поляне, за стенами Монтальчино.

– Ох, Хакон, Хакон!

Ее глаза наполнились слезами при мысли об огромном седобородом скандинаве и других любимых ею людях. Ее овдовевшая мать, которой так нужна отсутствующая дочь. Ласковый Фуггер. Эрик и Мария, юные влюбленные, которым

она завидует. Внезапно Анна почувствовала себя страшно далекой от всего, что ей было близко и понятно. И все это – из-за того, что она послушалась рун, когда находилась в месте, которое было так похоже на это.

Девушка посмотрела на сверток, который продолжала сжимать перед собой, и ощутила очертания мертвых костей королевы.

«Зачем мне дожидаться полнолуния? – подумала она. – Это место и это время подходят не хуже других. Почему бы просто не закопать ее здесь и не покончить с этим? А когда дядя Пьер отправится обратно на своем корабле, я смогу сразу же поехать с ним и вернуться к тем, кого я люблю. К тем, кто любит меня».

На другом берегу ручья в лес уходила тропа. Где-нибудь в его гуще должно найтись уединенное местечко, идеально подходящее для тайных похорон. Подняв повыше подол бисерного платья, одолженного Гакой, Анна шагнула в воду, чтобы перебраться через поток. В середине омута вода дошла ей до бедер, и на секунду девушка приостановилась, чтобы насладиться этим ощущением, чудесной прохладой в летнюю жару.

Что-то с громким плеском упало в воду рядом с ней. Анна метнула взгляд на крону дерева, нависшего над водой. А потом услышала негромкий смех и повернулась – чтобы увидеть, как ей показалось, синюю змею, которая смотрела на нее из высокой травы.

– Я был еще ребенком, когда сбежали последние бледные воры, которые оказались такими слабыми, что не смогли тут прижиться, – проговорил Черный Змей, выставляя наружу лицо. – Но я помню, что все их женщины были тощими сучками. У них не было таких ног – сильных, как у тебя.

Анна опустила подол платья, не заботясь больше о том, чтобы оно не намокло. Она быстро направилась обратно к берегу. И все равно не успела добраться до него раньше Черного Змея. Он стоял прямо над ней, протягивая руку.

– Давай я тебе помогу, – мягко предложил он.

Эта мягкость заставила ее замереть, потому что она видела его холодные глаза – и ощутила резкий укол страха. Анна опустила глаза, посмотрев на свои руки. Она продолжала сжимать останки Анны Болейн. Девушка отвела руку к мешочку на поясе и спрятала туда шерстяной сверток.

Мягкость в обращении Черного Змея исчезла.

– Что ты так поспешно спрятала? – спросил он. – Уж не оки ли это той Великой Ведьмы, о котором я слышал?

У нее не было времени изумиться или задуматься о том, где этот индеец мог слышать о руке Анны Болейн, потому что Змей наклонился и неожиданно и быстро вытащил Анну Ромбо из омота. Одна его рука стремительно обвилась вокруг нее.

– Да, – проговорил индеец, – и здесь ты тоже не тощая.

Покрытая татуировкой рука стальным обручем держала девушку, больно стискивая и прижимая к твердой груди. Ан-

не трудно было дышать. Она посмотрела в черные глаза, где не было жалости – только пугающее желание. Он начал отходить с ней назад.

Белый Можжевельник! Белый Можжевельник! Голос был юным – голос мальчишки, и раздавался он из-за высокой травы, с тропинки позади них. Хватка чуть ослабела, и Анне удалось вздохнуть.

– Доне! – позвала она.

## Глава 4. ОХОТА НА ОЛЕНЯ

Мгновение спустя мальчик уже появился и быстро заковылял к ним.

– Уходи, ребенок. – Черный Змей продолжал держать Анну Ромбо. В его глазах полыхала ярость зверя, хищника, которого застали над жертвой. – Уходи, пока я не сделал тебе больно.

Мальчик остановился, но не отступил.

– Но, Черный Змей, – проговорил он дрожащим голосом, – мы же сюда приходим, чтобы упражняться на копьях! Смотри!

И он поднял копьё, которое нес в руке.

Воин, не выпускавший Анну, шагнул к мальчику, и Доне отступил на шаг, поднимая копьё так, чтобы его можно было метнуть. Черный Змей остановился, хотя угроза со стороны маленького калеки выглядела смешной. И в ту секунду, когда индеец замер, не успев больше ничего сказать, со стороны тропы донеслись другие юные голоса. На поляну выбежала толпа десятилетних мальчишек, сжимающих метательные копья. Они мгновенно застыли на месте, широко открыв глаза и рты.

Черный Змей оттолкнул Анну. Она споткнулась, одна ее нога соскользнула с берега в воду. Индеец наклонился к ней.

– У нас еще будет время. – Он говорил так тихо, что его

слышала только она. – И твой ведьминский оки и эти дети тебя не защитят. Ничто тебя не защитит.

А потом он выпрямился и пробежал мимо изумленных детей.

В следующий миг Доне уже был рядом с Анной.

– Я видел, как ты ушла из поселка, – пояснил он. – А потом заметил, что за тобой пошел Черный Змей. Он – нехороший человек, поэтому...

Малыш взял ее за руку – и не выпустил, даже когда она с рыданиями опустилась на землю. Он только смущенно посмотрел на своих юных спутников, а девушка прижала к себе худенькое тело калеки и баюкала его, пока не выплакала все слезы.

Тагай бросил еще немного сухой травы в маленькую миску из твердой древесины, а потом осторожно подул, глядя, как вспыхивает алое и желтое пламя. Он бережно подложил в огонь несколько прутиков, а когда занялись и они, кивнул Отетиану и отошел на шаг. Сидящий на корточках Отетиан держал специальное устройство – короткий лук, который был установлен горизонтально, с тетивой, обернутой вокруг верхней трети вертикального колышка. Острие колышка было погружено в ямку, выдолбленную в куске плоской коры. Чуть выше острия колышек был вставлен в кусок более плотного дерева. Энергично двигая луком вверх-вниз, Отетиан вращал утяжеленный колышек в ямке. Искры при этом летели на пучки травы. Когда те загорались, их быстро перекла-

дывали в деревянные чаши с растопкой.

Тагай отошел на отведенное ему место, оберегая порученный ему огонек и изумляясь изобретательности своего народа. В мире, откуда он приехал, пламя поддерживали постоянно, тщательно храня его изо дня в день. Здесь же огонь просто создавали всякий раз, когда в нем появлялась необходимость. Тагай осторожно уселся, привалившись спиной к стволу сосны, вытянув ноги и прижимая чашку к груди. Он раздувал огонек и питал его так, как его научили. Все его тело болело и ныло. Вчерашнее состязание в беге, а потом целая ночь энергичной гребли разожгли в его конечностях настоящее пламя – не хуже того, которое Отетиан добыл из дерева с помощью своего лука.

Отетиан, который за веслом казался неутомимым, сообщил Тагаю, что им повезло: обычно такая охота требует гораздо больше усилий. В ней, как правило, участвует несколько сотен воинов. Первые десять дней тратятся на то, чтобы возвести по обоим концам долины барьеры из срезанных ветвей. Эти преграды начинались в полумиле друг от друга и постепенно сближались, создавая специальное узкое место, куда загонялась и где убивалась дичь. После забоя оленей свеживали и разделывали, а потом мясо и шкуры сушили у костров и складывали в берестяные бочонки, чтобы везти в деревню.

Но на этот раз так не будет, потому что у них отряд маленький – всего шестнадцать охотников. Нет времени стро-

ить изгороди, так что они принесли старые с места прежней охоты, залатав прорехи и заменив подгнившие прутья. Земля сама создала для них удобную площадку: там, где долина сужалась, склоны оказались довольно крутыми. Так что они перегородили ее всего несколькими изгородами.

Черный Змей с половиной отряда ждал там. Отетиан с остальными должен был поджечь сухой кустарник. Пугая оленей криками и пожаром, охотники погонят животных прямо на засаду. И для пира они привезут только свежее мясо.

И, как сказал Отетиан Тагаю, им повезло еще в одном. Хотя традиционно этот остров считался охотничьими землями тахонтенратов, но отряды ловцов все чаще и чаще наткнулись здесь на врагов, нундаваоно – племя Большой Горы, которое носит на коже татуировку и отличается большой жестокостью. В последнее время немало воинов были убиты или захвачены в плен. Но, по словам Отетиана, Черный Змей провел разведку и не обнаружил признаков присутствия неприятеля.

– А уж он их метки знать должен, – напомнил своему собеседнику Отетиан, – потому что когда-то и сам был одним из них. Пока не родился заново, как один из нас.

Вечернее солнце косыми лучами пробивало плотный шатер листвы. Тагай выпрямил спину и поворачивал плечами и шеей. Потом уже в десятый раз убедился в том, что тетива натянута именно так, как ему удобно. Тагай пользовался дет-



ским луком, и хотя этот лук был достаточно мощным, все же он уступал тем громадным лукам, которыми были вооружены большинство воинов. Чтобы натягивать такие, приходилось тренироваться всю жизнь.

Тагай понимал, что пока его еще нельзя назвать охотником, но твердо намеревался сделать все, что будет в его силах. Сказать по правде, Тагай очень радовался тому, что врагов нигде не видно. Хотя долгие часы он потратил на уроки фехтования и даже несколько раз сражался во Франции, это были пьяные ссоры, в которые он ввязывался из-за женщин и чрезмерной выпивки, – обычно такие дуэли заканчивались несколькими порезами и спасенной честью. Выступить против татуированного воина, исторгающего боевой клич и вооруженного каменным томагавком, было бы чем-то совсем иным.

Вся цепочка воинов получила огни и разошлась. Когда последний занял свое место, Отеттиан быстро разобрал устройство для добывания огня и выпрямился. Большинство охотников, выстроившихся поперек входа в долину, словно бусы вампума, могли его видеть. Так что его крик предназначался тем немногим, которые его не видели, а также тем, кто Дожидался впереди.

– Ай-ии! – крикнул Отеттиан и с этим возгласом вывернул содержимое своей чаши на кучу хвороста у своих ног.

Тагай и остальные сделали то же самое. Сухая трава загорелась, огонь переметнулся на ветки и начал распростра-

няться. Ветер раздувал пламя, и вскоре задымилась небольшие кусты. То тут, то там какой-нибудь кустик вспыхивал костром, и оранжевые языки обжигали нижние ветки деревьев. Листья сворачивались, шишки тлели. Ветер дул охотникам в спины, так что дым пошел в долину.

– Вперед! – крикнул Отетиан. – Олени его уже почуяли.

Он устремился вперед, а Тагай и остальные воины побежали следом. Почти тут же раздался громкий треск. Огромная туша выпрыгнула из кустарника в ста шагах перед ними.

– Ату его! – крикнул Тагай, издав клич, который уместен был бы на королевской охоте под Парижем.

Поняв это, он прикусил язык и стал слушать крики окружающих его тахонтенратов, стараясь подражать им.

Тропа пошла под уклон, а стены долины стали подниматься: долина быстро сужалась. Олени были теперь видны лучше, они сбивались в стайки. Их оказалось не меньше пятидесяти. Некоторые, словно ощущая ожидавшую впереди опасность, приостанавливались и начинали поворачивать назад, но вопли загонщиков и сгущавшийся дым гнали их дальше.

Тагай и Отетиан, самые быстрые бегуны, опередили остальных и по мере сужения долины двигались все ближе друг к другу. Держась всего в нескольких шагах, они перескакивали через кусты и возбужденно голосили.

Огромная тень резко остановилась перед ними и повернулась. Это оказался громадный самец с могучим разветвлением рогов и рыжеватой, лохматой грудью. При приближении

людей он опустил голову. Отетиан даже на бегу сумел наложить стрелу на натянутый лук. Охотник выстрелил; стрела ударила в рог оленя, отлетев к дереву. Олень захрапел и бросился бежать, но не по долине, а в сторону, по едва заметной тропе.

– Тагай! Беги за ним, он твой! – крикнул Отетиан. – Я уже здесь охотился. Эта тропа ведет к реке. Ты сможешь убить его, когда он поплывет. Беги!

Они разделились. Отетиан побежал дальше по прямой, загоня стадо, а Тагай повернул, неловко пытаясь на ходу достать стрелу. Тропа была узкая, пересеченная множеством корней. Один раз Тагай споткнулся и зашатался, но не упал. Он бежал, слыша, как крики позади постепенно затихают.

Тропа сузилась еще сильнее, а потом вдруг расширилась и вышла к протоку. Постепенно он тоже начал становиться шире. Тагай бежал по берегу, ставя ноги в свежие, четкие отпечатки копыт. А потом густая растительность отступила, и молодой человек оказался на прогалине.

Олень ждал в центре нее. В десяти шагах за его спиной оказался небольшой водопад, низвергавшийся в озерцо. Животное стояло, поводя взмысленными мохнатыми рыжими боками, облепленными глиной. Когда Тагай выбежал из-за деревьев, олень всхрапнул и повернулся к обрыву. Было видно, как животное колеблется. А потом величественные рога качнулись и опустились.

«Он – воин, – подумал Тагай. – Он предпочел остаться и

сражаться».

Стрела уже была наложена на тетиву. Тагай натянул ее До упора, ощутив мощь, скрытую даже в этом небольшом оружии. Молодой человек посмотрел на кремневый наконечник с узким острием – идеальный для охоты на оленя. Отлично подходит для того, чтобы убить добычу с близкого расстояния. А потом юноша перевел взгляд дальше, устремив его на самого оленя. И посмотрел прямо в глаза могучему самцу. Тагай увидел оленя впервые с тех пор, как встретил тахонтенратов, племя Оленя. Теперь ему стало понятно, почему им захотелось назвать себя в честь этого зверя. Самец был великолепен. И вот он оказался в ловушке – его земля охвачена пламенем. В этом он тоже был похож на народ, назвавшийся в его честь.

Тагай опустил лук и ослабил его натяжение.

– Иди, брат, – сказал он. – У нас и без тебя хватит мяса для пира.

Олень не шевелился, продолжая пристально смотреть на охотника.

– Уходи! – крикнул Тагай. Шагнув вперед, он замахал руками.

Олень повернулся, побежал, согнул ноги и прыгнул. Идя вперед, Тагай услышал плеск – и когда охотник оказался на уступе над озерцом, олень уже быстро плыл по течению, к широкой воде.

Шум охоты, который отошел куда-то далеко, вернулся и

нахлынул с новой силой. Тагай услышал крики людей: некоторые все еще гнали оленей, другие издавали торжествующие возгласы. До юноши донеслись звон спускаемой тетивы, свист стрел, глухие удары попаданий, звериные вопли боли и страха. А потом он уловил еще один звук. Этот звук был Тагаю знаком. Этот звук никак не должен был здесь прозвучать. И в одно мгновение этот звук изменил все.

Тагай услышал выстрел испанского мушкета.

\* \* \*

Джанни Ромбо отложил еще дымящийся мушкет и потянулся к перевязи, чтобы взять первый из кремневых пистолетов. Мать научила его пользоваться большим оружием. И кроме того, он унаследовал ее инстинктивную меткость. Один из этих «людей Оленя» только что в этом убедился. Джанни надеялся, что еще двое вскоре обнаружат, что пистолетом он владеет не хуже, чем ружьем.

Дикари-убийцы! Они ничем не лучше – нет, они хуже евреев, на которых он охотился на улочках Рима. У евреев хотя бы часть учения совпадает с верой христиан. А эти – язычники, поклоняющиеся своим варварским божкам. Английский иезуит хотел привести их ко Кресту через любовь Иисуса: он даже начал проповедовать в то недолгое время, которое они провели среди татуированных дикарей. Но Джанни знал, что одного Креста мало. Необходимо пустить в ход и меч. Или,

в данном случае, пистолет.

Найти цель оказалось труднее. Долина под ним была заполнена телами. Раненые олени били копытами, взрывали землю рогами. Раненые люди метались – но им недолго оставалось жить с их ранами. Союзники-туземцы стреляли из «огненных палок» без всякого результата, несмотря на то что Джанни много дней потратил на их обучение. Все, кроме Черного Змея: тот сам уложил жертву свинцовой пулей. Этот дикарь наслаждался оружием не меньше, чем сам Джанни. И сейчас индеец со своими воинами метался вниз, орудуя каменным томагавком и костяным ножом. Джанни вынужден был признать, что на малом расстоянии местное оружие работает хорошо. К тому же нападающие почти втрое превосходили числом туземцев-Оленей.

Джанни увидел, как Черный Змей догнал убегающего воина, сбил его с ног, нанес смертельный удар и наклонился над поверженным врагом. Спустя мгновение вверх взметнулась рука, которая торжествуя подняла кусок мяса и окровавленных волос.

«Они называют их „скальпами“. Это – трофеи, – подумал Джанни. – Не слишком отличается от коллекции ермолок, которую я оставил у Серых Волков в Риме».

Молодой Ромбо спокойно наблюдал за избиением. Черный Змей сказал, что во время обычных военных действий они могли бы взять часть воинов в плен, но сегодня они не станут этого делать. Нельзя было рисковать тем, что кто-то

вернется в лагерь врага и расскажет о предательстве Змея. Раскрывать измену Черного Змея нельзя до самого последнего момента, когда татуированные нундаваоно начнут войну против Оленей, имея подавляющий перевес. Уже подошли последние отряды союзников, так что время почти настало. Было сказано, что нападение начнется наутро после полнолуния. А до того всех пленных будут убивать.

Всех, кроме одного. Ускользнув для тайной встречи ночью, Черный Змей подтвердил, что Охотник Рассвета находится с ними. Как он и обещал неделю назад, когда был в лагере своих сородичей по крови. Людям Змея было приказано захватить Тагая живым. Юнец нужен Воину Огненной Палки, который обещал за него щедрое вознаграждение.

«О да, – думал Джанни. – Я с нетерпением жду встречи с мужчиной, который украл мою сестру, который заставил ее привезти знак позора моей семьи в эту землю. Он ушел от меня в Париже. Здесь он от меня не уйдет!»

Внезапно на краю схватки Джанни увидел еще одну мишень. Этот враг только что убил двух воинов, бросившихся на него. И теперь стоял, гордо выпрямившись во весь свой немалый рост, и ждал нового противника.

«Гордость человека губит».

Джанни улыбнулся и поднял пистолет.



Чем ближе он подходил, тем ужаснее становились вопли оленей и людей. За то время, пока он бежал вдоль речки, звуки ружейных выстрелов смолкли. Не слышал он больше и пения летящих стрел. Однако звуки ударов – наносимых и получаемых – не узнать невозможно.

Сначала Тагай бежал изо всех сил, но теперь, когда от схватки его отделяла только плетеная изгородь, которую они поставили нынешним утром, он замедлил движение, направляясь к узкому лазу. Все еще держа тетиву натянутой до отказа, Тагай повернул лук в сторону и просунул лицо в отверстие.

Перед ним предстал кошмар. Испуганные олени носились по долине, спасаясь от избиения. Многие были утыканы стрелами, и по их крупам стекала кровь. Они испуганно шарахались, и их копыта топтали тела, катавшиеся по земле. Тела их собратьев-людей, тахонтенратов, народа Оленя.

Тагай увидел бегущего человека. Его по пятам преследовали два воина с алыми полосами на теле. Они почти настигли несчастного, и их руки уже тянулись к длинной гриве волос. Человек внезапно упал, и ближайший преследователь, оказавшийся слишком близко, не смог увернуться. В следующее мгновение пригнувшийся воин выпрямился, поднимая перед собой костяной нож. Второй преследователь на-



летел на него, получив удар в грудь. Воин извлек нож из тела врага, стремительно повернулся, наклонился к упавшему, который тем временем пытался вскочить на ноги, вздернул его голову вверх, полоснул по горлу и позволил упасть.

Как это ни странно, только в тот миг, когда мертвец упал, Тагай рассмотрел руку, державшую нож, и различил на локте следы зубов.

– Отетиан! – крикнул Тагай, бросаясь в брешь изгороди. Тот обернулся на голос.

– Медвежонок! – воскликнул он с яростной улыбкой.

А потом время почти остановилось. Отетиан торжествующе воздел нож, приветствуя Тагая, – и лениво стал валиться вперед. И только когда в боку бегуна медленно открылась зияющая рана, словно в него впился какой-то зверек, Тагай услышал звук выстрела. Повернув голову, он увидел струйку порохового дыма, поднимавшегося в долине всего в тридцати шагах от них.

– Отетиан!

Тагай рванулся к своему товарищу, и время снова бешено понеслось вперед. Еще один татуированный воин бросился к человеку, упавшему на колени, а у Тагая не было времени, чтобы задуматься или прицелиться. Он просто выпустил стрелу, и она попала врагу в плечо, отбросив того назад.

А сам он уже оказался рядом с раненым, подхватывая его руками.

– Бежим! Быстрее!

Отетиан приподнялся, зажимая бок ладонью, из-под которой била кровь. Он попытался встать и снова кинуться в бой.

– Нет! Беги, Отетиан, беги!

Тагай потащил раненого воина по долине, в сторону, следуя за оленями, которые прыгали перед людьми. Позади слышался крик. Еще один пушечный выстрел перебил ветку рядом с головой Тагая. Через несколько шагов Отетиан оттолкнул юношу и побежал самостоятельно. Сначала он чуть пошатывался, потом начал двигаться увереннее и быстрее. Оба побежали из долины.

Им не нужно было оглядываться. Вокруг них летали стрелы, которые с глухим стуком ударялись в стволы деревьев или, пронзительно визжа, пролетали мимо ушей. Вскоре стрел стало меньше, но крики не смолкали: тахонтенраты по-прежнему оставались дичью этой охоты. Однако два лучших бегуна племени опережали своих врагов.

– Выслушай меня, Тагай...

– Без разговоров! Беги. Нам надо добраться до каноэ.

– Это тебе надо до них добраться. – Тагай услышал бульканье в горле воина, боковым зрением уловил алый плевков на землю. – Мне следовало остаться и умереть там, с моими братьями. Я побежал с тобой для того, чтобы сказать тебе...

Он споткнулся. Тагай перевел взгляд чуть ниже и увидел, что кровь пятнами расплывается по набедренной повязке воина, струится по его ногам.

– Сказать мне что?

Отетиан поморщился, но побежал дальше. Прерывистый вдох, кровь у губ.

– Черный Змей нас предал... завел в ловушку... передай им. Ты должен выжить, чтобы сказать нашему племени.

Отетиан замедлил бег – и Тагай тоже. Крики у них за спинами стали громче.

– Нет! Беги дальше. Ты можешь выиграть эту гонку, Медвежонок... потому что ты действительно проворнее меня. – Запятнанные алым губы растянулись в слабой улыбке. – Ты понимаешь, что я признал это только потому, что сейчас умру. – Улыбка исчезла. – А теперь беги! Мне нужно дыхание, чтобы петь мою песню смерти. Этот разговор утомляет меня. Беги!

Он остановился и повернулся, сжимая в одной руке нож, а во второй – палицу из железного дерева.

– Смотрите на меня, псы, затаившиеся под холмами, – запел он. – Смотрите и дрожите. Ибо я – Отетиан, Красная Рубашка из рода Медведя. Подходите, почувствуйте удар моего когтя.

Тагай продолжал бежать, все увеличивая скорость. Сейчас ему нельзя было рассчитывать силы. Люди, преследовавшие его, пытались не победить его в состязании, а убить.

Позади себя он услышал скрежет кости о кость, удар палицы, попавшей в цель. Раздался крик боли, громкий возглас «Медведь!», в котором ясно слышалось торжество, а по-

том... ничего. Всякий шум прекратился, и теперь Тагай бежал, одинокий и стремительный, через лес, по тропе, к реке. Солнце впереди висело низко, и его лучи пробивались сквозь кроны деревьев, освещая аллею из сосен и кедров, по которой он бежал.

Вскоре между деревьями Тагай начал различать блеск воды, а земля у него под ногами стала тверже из-за гальки. Еще через сто шагов он выскочил на берег, где охотники оставили свои каноэ. Лодки стояли на прежнем месте – поднятые на берег и перевернутые. Всего двадцать шагов отделяли бегуна от цели. Но между ними стоял человек с татуированным телом.

Тагай уже не смог остановить свой бег. Не смог даже тогда, когда воин схватил лук и выпустил стрелу. Какой-то камень заставил Тагая споткнуться – и спас ему жизнь, потому что стрела пролетела у него над плечом как раз в тот миг, когда он пошатнулся. Тагай налетел на воина почти на полной скорости, направив голову в центр его груди. Оба упали, но Тагай очутился сверху. Он столкнул своего противника в мелкую воду. Раздался скрежещущий удар, и тело под ним мгновенно обмякло. Посмотрев под голову противника, Тагай увидел острый камень, торчавший, словно пирамида. Юноша оперся на него, чтобы встать на ноги. Когда он отнял руку, она оказалась в крови.

Тело врага плавало на мелководье, равнодушно стучаясь о камни. Тагай схватил одно из каноэ и поставил на воду,

бросив внутрь пару кедровых весел. И тут услышал крики воинов, приближавшихся к берегу по тропе. Они окажутся на берегу в считанные секунды – а он будет у самой кромки воды, один, пытаясь грести на суденышке, которое ему незнакомо. Тагай уже убедился в своем неумении накануне вечером, когда охотники плыли к острову.

Он спихнул каноэ на воду. Оно попало в водоворот, а потом внезапно устремилось по течению. Бросившись под одно из перевернутых каноэ, Тагай успел увидеть, как спущенная им лодка входит в реку и исчезает вниз по течению за маленьким мыском. Еще секунду спустя прибрежная галька захрустела под ногами.

\* \* \*

– Он убил Хозахао. И одного каноэ нет. Пересчитай и убедись сам. Мы приплыли на восьми.

Не узнать этот голос было нельзя. Мужчина, чьи мокасины Тагай видел через щель между краем каноэ и берегом, был Черным Змеем. Хотя этот человек долгие годы провел среди племени Оленя, говор его остался более резким.

В поле зрения наблюдателя оказались и другие ноги – не меньше дюжины пар. Большинство были обуты в оленью кожу. Однако на незнакомце, который заговорил следующим, оказались сапоги с квадратными каблуками. Восемь недель назад Тагай слышал, как эти сапоги стучали по камням мо-

стовой. Их владелец преследовал молодого индейца в переулках Парижа. И язык, на котором он изъяснялся сейчас, был языком, на котором разговаривали в том городе.

– Сбежавший – это тот, которого вы обещали отдать моему ножу. Разве вы не должны преследовать его, чтобы выполнить наш уговор? – произнес Джанни Ромбо.

Его слова перевел третий голос. Тагай услышал, как Черный Змей сплюнул, а потом проговорил:

– Он нетерпелив, этот Молодой Пес, и любит приказывать. Перескажи ему то, что я скажу остальным, чтобы он был счастлив.

После этого Черный Змей приказал четырем своим войнам взять два каноэ и поймать беглеца. Тагай сжался в комок, ожидая, что его укрытие вот-вот будет сорвано. Однако он услышал, как на воду спускают другие лодки, находившиеся по обе стороны от него.

– Скажи ему: я видел, как гребет этот Тагай. Он делает это, как женщина. Он далеко не уйдет. Они поймают его и доставят в поселок к острию твоего ножа.

Эти слова были приблизительно переведены на французский. В эту же минуту каноэ, стоявшее рядом с укрытием Тагая, было перевернуто и выдвинуто к воде.

– А куда отправляется Черный Змей? – снова заговорили по-французски. – Он поклялся привезти мне женщину! Помни: ее надо привезти прежде, чем она зарует свой оки в полнолуние. Иначе он не сможет получить все подарки, ко-

торые я обещал ему.

Черный Змей был единственным из татуированных дикарей, который выказал глубокий интерес к новому оружию. Он сидел молчаливый и замороженный, глядя, как Джанни выносит на берег фальконет – небольшую пушку с корабля – и устанавливает ее на носу гребной шлюпки.

Перевод был встречен новым плевком.

– Передай ему, что я иду в поселение наших врагов, где меня по-прежнему встретят как брата. Скажи ему то, что его осчастливит: я захвачу его сестру и ее сильный оки и привезу их к нему до полнолуния. Я уговорю племя Оленя. Я скажу им, что безопаснее всего будет оставаться за оградами и ждать, – ждать, пока все наше племя и его союзники не соберутся и не нападут на них на восходе солнца после полнолуния. – Столкнув каноэ в реку, Черный Змей добавил уже с воды. – Но не говори ему всей правды: что я уже видел ноги его сестры и щупал ее груди, а в утолении голода по остальному мне было отказано. Так что я возьму то, чего хочу, а когда я это сделаю, то убью ее, и съем ее сердце, и украду ее шестипалый оки. И тогда ее колдовская сила перейдет ко мне. Не говори ему этого, потому что я хочу видеть его лицо, когда он увидит ее длинные черные волосы привязанными к моему копыю. А когда он это увидит и когда я возьму ту большую огненную палку, которую он мне обещал, я убью и его тоже.

И Черный Змей, и тот индеец, который переводил его

речи на французский, и все остальные захохотали. Тагай уткнулся лицом в прибрежные камни. Он нарочно ранил щеки острыми краями: боль отвлекла его от нестерпимого желания выскочить из укрытия и броситься на изменника. Однако он молча слушал, как этот человек, обещавший уничтожить всех, кого он любил, отплывает от берега. Тем временем оставшиеся обсуждали, что делать дальше. Оказалось, что еще двое из племени Оленей избежали гибели. Сейчас на них шла охота. Собравшиеся на берегу намеревались присоединиться к этой охоте, ибо было очень важно, чтобы ни один человек не спасся и не предупредил свое племя об измене Черного Змея.

– Оставить кого-нибудь охранять каноэ? – спросил чей-то голос.

Чья-то нога лягнула убежище Тагая.

Ему ответил переводчик:

– Нам лучше охотиться вместе. Хозахао убедился в том, что эти оленьи люди все еще имеют рога, которыми могут вспороть нам брюхо. – Его слушатели засмеялись. – Давайте пробьем днища их каноэ. Если даже они сюда вернуться, то не смогут воспользоваться лодками. И тогда мы сможем не спеша выследить их.

Все одобрительно захохотали. Тагай сразу же услышал звук рвущейся коры. В следующий миг камень пробил хрупкую оболочку его укрытия, упав на расстоянии ладони от лица юноши. Тагай напрягся и устремил взгляд в крупную про-



реку, сквозь которую стало видно бледное небо. Бросавший уже отворачивался, довольный своей меткостью. Тагай успел разглядеть белую кожу, темные волосы и сверкающий глаз – профиль над кружевным воротником.

– Пошли охотиться! – проговорил Джанни Ромбо. – Мне пора устроить вам еще один урок пользования огненными палками.

Возбужденные голоса удалились, и лес быстро поглотил их. Тагай выжидал. Каждая секунда казалась мучительно долгой, но он заставлял себя не шевелиться. Когда терпеть стало невозможно, молодой индеец осторожно выбрался из-под разбитой лодки. Берег был пуст.

Он быстро проверил все каноэ, но каждое оказалось безнадежно испорченным. Выругавшись, Тагай прошел вдоль реки, глядя на холмы противоположного берега. В удивительном свете заходящего солнца растущие там леса казались удивительно четкими. Тагай мог даже разглядеть вершины самых высоких деревьев.

– Мы гребли вниз по течению и через реку, – бормотал он, расхаживая взад-вперед. – На это ушло несколько часов. Смогу ли я?..

Он снова бросил взгляд через реку, пытаясь усилием воли приблизить противоположный берег. Он всегда хорошо плавал. Когда король проводил лето на Луаре, индеец целыми днями скрывался от маркизы, пересекая широкую реку по несколько раз. Но Луара была сущим ручейком по срав-

нению с тем потоком, который он видел сейчас перед собой. Французы называли его рекой Святого Лаврентия.

В лесу отчетливо прозвучал пистолетный выстрел, и ветер донес приглушенные крики торжества и смех. Враги выслеживают последнего его соплеменника. Когда они его найдут, то покинут остров, потому что им неизвестно, что Тагай все еще здесь. Когда отплывет последнее каноэ, Тагай будет в безопасности. В безопасности – но и в ловушке. И человек, который поклялся изнасиловать и убить его Анну, а потом уничтожить его племя, сможет свободно творить свое зло.

У Тагая не оставалось выбора. Вытащив из мешочка странный камень, он проговорил:

– Доннаконна. Дядя. Вождь. Защити меня сейчас.

Он убрал камень обратно, убедился в том, что мешочек плотно завязан и надежно закреплен у него на поясе. А потом, двинувшись к воде, наступил на одно из весел. Они изготавливались из легкого дерева, чтобы оставаться на плаву, если их случайно уронят за борт. Это навело Тагая на новую мысль. Разобрав свой лук, он с помощью тетивы привязал два весла себе на спину. Когда он вошел в холодную воду, весла стали немного мешать ему грести руками. Зато они поддерживали его тело на плаву, когда он работал ногами.

Тагай отплыл от берега. Спокойная вода не мешала ему двигаться, куда он хочет. Но как только он миновал мыс, его подхватило течением, которое понесло его вниз, в противоположную сторону от той, что была ему нужна. Пытаться

ся спорить со стремниной было бесполезно, и он отдался на волю потока. Течение все-таки постепенно относило его к противоположному берегу, хоть и прочь от Стадаконы. Когда сила течения стала уменьшаться, Тагай усердно заработал ногами, а потом его повлекло какое-то другое течение, и он снова смог только плыть на веслах, пытаясь отталкивать водную толщу ногами. Постепенно пловец заметил, что совершенно не приближается к желанному берегу. И более того, никак не может повернуть к нему. Тагай посмотрел туда, откуда отплыл. Тот берег оказался таким же далеким. В нем начало расти отчаяние.

Сквозь плеск воды до его слуха вдруг донесся какой-то новый звук. Тагай поискал взглядом его источник и увидел нечто, что поначалу принял за обломок дерева. Однако, оказавшись ближе, Тагай разглядел, что под переплетением ветвей находится голова. Прямо перед ним над поверхностью воды плыли олени рога.

Это наверняка тот самый красавец-олень, которого он пощадил! С силой, рожденной отчаянной надеждой, Тагай снова ударил ногами. Весла тормозили движение, и пловец сбросил их. Однако животное продолжало удаляться. А потом стремительный поток бросил Тагаю прямо к оленю. Огромный глаз, горящий страхом, устремился на плывущего человека. Индеец потянулся к рогам. Его пальцы скользнули по ребристым краям, но удержались. Олень тряхнул огромной головой, сбрасывая руку Тагаю, но юноша снова ухва-

тился за рога и навалился животному на плечи. Оно неожиданно нырнуло, потащив Тагая с собой под воду – как раз в ту минуту, когда он делал измученный выдох. Вода хлынула Тагаю в рот, в ноздри, сомкнулась над его головой... Его тело мгновенно показалось ему пустым, лишенным воздуха. Он попытался освободить руки, но, куда бы он их ни тянул, животное словно специально поворачивало голову, чтобы удержать его. Они погружались все глубже, руки Тагая теряли силу – и внезапно освободились. Олень немедленно рванулся к поверхности воды, оставив человека позади.

Свет переливался прямо над головой, но у Тагая не было сил дотянуться до него, и молодой человек позволил себе медленно плыть к тому, чего не надеялся достичь. Ему начинало нравиться то, как лучи солнца наполняют след пузырьков над его головой, превращая их в воздушную лестницу, по которой ему не хочется подниматься. А на самом конце этой лестницы копыта животного взбивали пену, создавая все новые ступени.

«Неблагодарное животное», – подумал Тагай, а потом улыбнулся. Животное не знает благодарности – у него нет нужды в столь человеческом чувстве. И сам Тагай постепенно терял то, что делало его человеком: он ощущал это. Он сбрасывал с себя человеческое, как олень сбрасывает рога, и оно растворялось в окружающих его стихиях: в зеленой воде и желтом свете его родной земли.

Над ним, невероятно далеко, зверь продолжал свой путь.

Двигаясь, олень тянул за собой тень, которая заволокла все небо.

«Иди, брат», – подумал Тагай, благодарно уходя в темноту. Он был рожден заново. А все, что рождается, должно умереть.

## Глава 5. ОХОТА НА ВЕДЬМУ

Ночь была тихой. Тишину нарушал только плеск волн о берег и крик охотящейся совы. Темнота была полной: густые тучи затянули небо, скрыв прибывающую луну. К северу, ниже по течению, гроза хлестала молниями и гремела громом. Гака сказала Анне, что этот звук издает в небе гигантская птица, которая хлопает крыльями. Пока над деревней дождя не было, но Анна ощущала в воздухе его близость.

Темноту разгоняли только пляшущие в ее костре языки огня. Девушка стащила из очага крошечный уголек, принесла его сюда в одной из мисок и бережно разожгла тонкими веточками. Ее бдение и без того было достаточно одиноким, чтобы обходиться даже без слабого огня. Кроме Анны, никто не вышел высматривать возвращающихся охотников.

– Они вернутся, когда вернутся, – сказала Гака.

Но больше никто не нуждался в их возвращении так остро....

Тагай! Ей необходимо рассказать ему о Черном Змее, об опасности, в которой она теперь оказалась. Гака предупредила Анну, чтобы та была осторожной. Черный Змей – боевой вождь, он пользуется большим уважением, так что обвинения против него должны подкрепляться немалым количеством свидетельств. И слов компании влюбленных мальчишек, которые так толком и не поняли, что именно они виде-

ли, – недостаточно.

Анна смотрела на воду, ничего не видя дальше своего костерка, и прислушивалась. Охотники должны были вернуться до темноты. Все остальные уже явились со своей разнообразной добычей. Только оленины, которую должны были добыть на острове, не хватало для празднества полной луны, до которого оставалось три дня.

В поселке завывла собака. Анна услышала, как далекий голос приказал ей замолчать. Волна плеснула в берег, принеся с собой необычный звук – словно что-то скользнуло по гальке. Девушка позвала: «Тагай?», но ответа не получила.

Внезапный вопль, раздавшийся прямо у нее за спиной, заставил ее рвануться прочь. В панике обернувшись, она разглядела темные очертания распростертых крыльев. В свете пламени блеснули когти, в которых в густой темноте что-то билось. Сова мгновенно взмыла к небу, издав новый резкий крик торжества. Анна встала на ноги, лоя ртом воздух, и попыталась проследить взглядом за летящим силуэтом птицы. Постепенно сердцебиение успокоилось.

Чей-то локоть, зажавший ей шею, лишил ее возможности издать хоть один звук. Навалившееся сзади тело сбило девушку на землю, заставив задохнуться.

Затем локоть сменила ладонь, вдавившая ее голову в землю. Рот, открывшийся, чтобы захватить хоть немного воздуха, наполнился грязью. Вторая рука залезла Анне под платье, хватая ее груди, дергая и поворачивая их.

Она смогла чуть вздохнуть и заскулила от боли. Мужчина, сидевший у нее на спине, расхохотался.

– Я знал, что возьму тебя, Белый Можжевелник. Но я не рассчитывал, что это будет так скоро. И так легко.

Черный Змей перевернул ее, чтобы Анна увидела его лицо. Крепкая ладонь продолжала зажимать ей рот, тяжелое тело по-прежнему вдавливало ее в землю. Анна попыталась укусить его и даже захватила зубами немного кожи. Индеец отвел руку. Когда она набрала в грудь воздуха для крика, он с силой ударил ее по лицу. Подавившись собственным голо-сом, Анна ощутила во рту вкус крови.

Черный Змей снова перевернул ее, вжав лицом в землю. Девушка едва могла дышать, не говоря уж о том, чтобы вскрикнуть. Теперь уже обе его руки освободились, чтобы шарить по ее телу. Она почувствовала, что он задирает ей платье выше бедер, до талии, а потом ощутила, как он возится со своей набедренной повязкой. Насильник приподнял свою жертву с земли, так что руки у нее снова освободились, но Анне пришлось упереться ими о землю, чтобы не упасть, иначе она наверняка потеряла бы сознание.

– Я знаю, чего ты хочешь, Белый Можжевелник, – прохрипел Черный Змей. – Я видел, как ты смотрела на Тагая. И сейчас я дам тебе то, чего никогда не дал бы он. И поскольку он мертв, то уже не сможет дать – никогда.

Он подался назад, просовывая руку ей между ног.

Левая рука Анны подломилась, и оба они упали. Ее ушиб-



ленное лицо снова больно ударилось о землю. Потянувшись правой рукой в сторону, к костру, Анна захватила в горсть конец тлеющего полена. Выругавшись, индеец снова вздернул добычу вверх, с силой ударив ее бедра о свои. На секунду ему пришлось выпустить ее, чтобы предотвратить новое падение. И именно в это мгновение она оторвала правую руку от земли и резко взмахнула ею, целясь мимо своего плеча. Горящий конец ударил насильнику в висок, скользнул мимо глаза и вонзился в нос.

Чтобы атаковать негодяя, Анне пришлось изогнуться, поэтому удар получился несильным. Однако насильник с воем отпрянул, зажимая лицо руками. Он перестал придавливать ее. В следующую секунду Анна вскочила и торопливо заковыляла вдоль берега.

Крепкие пальцы обхватили ее щиколотку. Анна упала на руки, лягнулась свободной ногой. Послышался новый возглас боли – и она побежала, пытаясь набрать достаточно воздуха для крика. Но у нее получалось только шептать, словно она оказалась во власти кошмарного сна:

– Помогите! Помогите мне!

Берег находился у самой деревни, но не был оттуда виден из-за нескольких огромных валунов. Если Анне удастся обогнуть их, то ее увидят дозорные у ворот ограды, и тогда ей не понадобится кричать.

Черный Змей бежал следом. Она слышала на тропе его шаги, которые становились все ближе. Она не оглядывалась.

И в тот момент, когда девушка миновала камни, она вдруг перестала бежать и полетела... Она упала, покатила по тропе. Черный Змей снова оказался на ней, и темнота подступала к ее глазам. А потом послышался другой голос, так не похожий на хриплый шепот Черного Змея:

– Что тут происходит? Говори, или я тебя застрелю.

– Помоги мне! – просипела Анна.

Кто-то оказался рядом с ней, поднял на ноги. Это был дозорный. Девушка прижалась к нему. В это время его товарищ сделал шаг к оставшемуся лежать Черному Змею и поднял факел выше.

Воин скорчился на земле, лицом к земле. Когда он поднял голову, Анна увидела, какой ущерб она нанесла ему. Кровь текла по татуированной щеке, капая с зубов черно-синей змеи. С красным смешивался черный пепел.

Встретившись взглядом со своей жертвой, Черный Змей вдруг завыл по-звериному. Сначала Анна слышала только вопль, но потом поняла, что в нем звучат слова. Одно она слышала в первый раз, а второе знала – так они называли волшебный дух, живущий во всех вещах.

– Оки! – орал Черный Змей снова и снова, указывая на Анну.

Все новые люди выбегали из поселка, сжимая в руках оружие и факелы. Вскоре собралась целая толпа, и ночь стала светлой. Жители поселка обступили завывающего мужчину и женщину, которая по-прежнему бессильно прикидала к

дозорному.

Затем цепочка людей разомкнулась, и появился вождь Пойманный. Увидев его, Черный Змей повалился на бок и начал дергаться и корчиться на земле.

– Что это означает, Таване? Что с охотой? Где остальные?

Судороги прервались ровно настолько, чтобы поднялась одна татуированная рука. Она указала прямо на Анну. А потом воин произнес то слово, которое было Анне незнакомо. То, которое он чередовал с «оки».

В ту же секунду дозорный, который поддерживал Анну, оттолкнул ее прочь. Она отлетела к зрителям, которые немедленно отошли.

– Что он говорит? – Анна переводила взгляд с одного лица на другое. Не получая ответа, она крикнула: – Он... напал на меня. Я... я не знаю вашего слова, которым это обозначается. Он хотел взять меня, как мужчина берет женщину, но я этого не хотела. Мне пришлось сопротивляться.

В толпе начали переговариваться, снова переводя взгляд на распростертого на земле мужчину. Внезапно он перестал дергаться и сел. Обведя всех выкаченными глазами, Черный Змей снова устремил их на Анну.

– Да, я напал на нее. Но не потому, что хотел ее как мужчина. Я напал на нее потому, что она меня прокляла. Она прокляла нашу охоту. Она принесла ей беду. Все охотники погибли. Все! Из-за ее проклятья.

При этих словах толпа разразилась криками гнева и горя.

Кто-то начал громко плакать. Снова подняв руку, Черный Змей указал на Анну.

– У нее в мешочке спрятан могущественный оки. Это – останки онтатекиахты с земли за Большой Водой. С их помощью она сотворила с нами свое зло.

Она вдруг поняла, что может означать это слово. Одно, и только одно. И она крикнула:

– Это неправда!

Ее протест потонул в реве толпы. Большинство попятились еще дальше, но двое дозорных по приказу вождя Тодо-дахо схватили девушку. Грубые руки сорвали у нее с пояса мешочек из оленьей кожи, неловкие пальцы потянули завязки. Перевернутый мешочек начали трясти над землей.

На землю выпала кисть руки. Она упала ладонью вниз. И все увидели шесть костяных пальцев.

Женщина – та, что громко плакала, – выбежала вперед и ударила Анну по лицу. За ней последовала вторая, и скоро удары посыпались со всех сторон. Девушка упала на колени. Ее начали пинать ногами. Ударов было так много, что Анне никак не удавалось защититься.

А потом избиение прекратилось так же внезапно, как началось. Пойманный отдал приказ – и женщины отошли. Двое дозорных наклонились и подняли Анну с земли.

– Сейчас не время для правосудия. И судим мы не так, – прогремел вождь, взглядом подавляя каждого, кто решался встретиться с ним глазами. – Завтра соберутся все мудре-

цы нашего племени. Тогда мы и примем решение. Я заберу ее оки, потому что не боюсь никакой онтатекиахты бледных воров. У нее здесь нет силы.

И Пойманный поднял костяную руку. Со всех сторон зазвучали стоны.

– А теперь посадите ее в клетку, где держат собак для еды. Стерегите ее. Она может быть опасна даже без своего оки. Не разговаривайте с ней и не дышите рядом с ней. Если она заговорит, бейте ее. В противном случае не трогайте ее. – Вождь обвел гневным взглядом лица окружающих. – Я сказал.

Анну подхватили под мышки и поволокли прочь. В это мгновение она заметила в толпе Гаку и увидела, как старуха покачала головой и прижала палец к губам. Пока ее утаскивали, индейцы шли за ней по поселку, выкрикивая слово, которого она раньше не знала и смысл которого теперь понимала даже слишком хорошо.

– Онтатекиахта! Онтатекиахта! Онтатекиахта! – скандировали они.

– Ведьма! Ведьма! Ведьма!

\* \* \*

Он развел огонь с подветренной стороны огромного нависающего валуна, который давал слабое укрытие от дождя. Внезапно налетевшая летняя гроза уже почти миновала, и

теперь гром гремел далеко на востоке. Но она началась в тот момент, когда он еще находился на воде и боролся со своей утлой лодочкой. Гигантские копыя молний вонзались в берег, на который он собирался высаживаться. Один удар пришелся в дерево, мгновенно превратившееся в адский костер, ставший прибрежным маяком. Он принял это как знак Бога и повернул каноэ к безопасному месту, поскольку всем известно, что молния не ударяет в одно дерево дважды. И кроме того, человек, которого он вытащил из реки, посинел от холода. А поскольку при нем не было ни кремня, ни туземного средства для разжигания огня, пылающее дерево показалось иезуиту весьма удачным местом, где можно найти тепло.

Теперь Томас смотрел на юношу, который подтянул колени к груди и обхватил их руками. Он лежал на оленьей шкуре, которую Томас прихватил в деревне. Ледяная синева его щек сменилась краснотой. Судорожные вздохи прекратились. Парень даже начал что-то бормотать, мотая головой. Им овладел сон – и, возможно, у него начиналась лихорадка. Но лучше уж горячечный бред, чем окостенелая неподвижность. Поначалу Томас счел, что опоздал и молодого человека уже не спасти.

– Божья воля, – пробормотал иезуит, сильнее кутаясь в свой черный плащ.

С неба снова посыпались раскаты грома. Томас увидел, как новые молнии ударили в противоположный берег – воз-

можно, рядом с деревней, откуда он уехал. Вероятно, из-за дождя все сидят по домам. Кто знает, может быть, его еще не хватились. На Томаса Лоули почти не обращали внимания, тогда как Джанни Ромбо эти дикари охотно приняли в свои воинственные сердца.

Юноша, лежавший у костра, заговорил громче. Слова изливались из его уст сплошным потоком. Слова, которых Томас не понимал. Однако иезуит узнавал речь туземцев, которая странным образом перемежалась французским. И эти французские фразы холодили сильнее дождя. Дрожа, Томас бросил в огонь еще одно полено.

В видениях Тагай сражался с демонами. Они придавливали ему грудь огромными камнями, лишая тело воздуха. Они прижигали его каленым железом, рубили ржавыми мечами. А потом его внезапно сжали руки – татуированные, крепкие как сталь, неборимые. Его раздевали, переворачивали, ему раздвигали ноги...

– Анна-эдда! – закричал он, шарахаясь от языков пламени, которые обжигали его, от рук, которые тянулись к нему...

Он ударился о крепкие каменные стены. Какая-то фигура поднялась из-за огня, расправляя громадные черные крылья.

– Демон! – завопил Тагай, пытаясь зарыться в неуступчивый камень и скребя ногами по гальке. А потом ноги отказали ему, и он упал, закрывая лицо руками и дожидаясь прикосновения дьявола, который сейчас потащит его в ад.

– Тагай! – Донесшийся до него голос был мягким и гово-

рил по-французски. – Это – твое имя, так?

Сквозь перекрестье рук Тагай посмотрел на темную тень, которая уже сложила крылья и опустилась обратно на землю. У демона оказалось человеческое лицо с проседью в волосах и бороде.

– Что ты за демон? – Голос у юноши дрожал.

– Мое имя – Томас Лоули.

– Падший ангел? Тот улыбнулся:

– Всего лишь человек. Иначе я смог бы разжечь огонь помощнее этого. – Он указал на горящий ствол. – Тем не менее это все, что у нас есть, а вид у тебя замерзший. Подойди ближе, друг.

Тагая снова начало трясти. Однако он не пошевелился.

– Разве это не ад? Разве я не утонул?

– Это не ад, и ты не утонул. Садись к теплу, и я все тебе объясню.

Тагай, которого била крупная дрожь, заковывал к огню, но споткнулся и упал. Томас сорвал с себя плащ и закутал им юношу.

– Спокойно, мой друг. Выпей это. Тагай сделал глоток и поперхнулся.

– Бренди? Откуда оно здесь?

– Это – последнее бренди с корабля, того, что последовал за вами из Сан-Мало.

Тагай выпил еще немного. Желанное тепло начало разливаться в его груди.



– А как... – начал было он.

Томас постарался объяснить все как можно проще. Тагай слушал его в изумленном молчании – только глаза у него расширялись все больше и больше. Иезуит рассказывал своему собеседнику о преследовании через океан, о пленении всей команды корабля татуированными воинами, о роли, которую Джанни сыграл в засаде на охотников из племени Оленей... Томаса беспокоили планы Джанни. Иезуит последовал за боевым отрядом индейцев и видел, как мимо берега проплыло сперва пустое каноэ, а потом – еще два с преследующими его воинами. И тогда он отправился в противоположном направлении, надеясь найти загнанного человека еще живым.

Тагай еще раз поднес к губам фляжку.

– Но как я не утонул? Олень утащил меня на глубину. Я не мог подняться обратно.

– Именно олень и привел меня к тебе. Иначе я не увидел бы тебя в воде. Ты всплыл на поверхность, и мне удалось вытащить тебя, даже не опрокинув лодку. Мне показалось, что ты умер. Но когда-то я был священником у рыбаков в Португалии, так что немного знал, что делать в таких случаях. Когда ты изверг из себя воду, то потерял сознание. И я продолжал считать, что ты вот-вот умрешь от переохлаждения.

– Но я жив. – Тагай поднял трясущуюся руку и изумленно посмотрел на нее. – Боги меня пощадили.

– Господь тебя спас, – поправил его Томас, – и любовь Иисуса Христа. Его не напрасно называют Спасителем. Ибо

разве Он не ходил по водам? Я пришел сюда в подражание Его любви. Господь привел меня сюда, возможно, именно для этого – чтобы спасти тебя.

– Так ты ради этого приплыл сюда, Томас Лоули? Не для того, чтобы увезти назад оки королевы?

И внезапно вместе с этим простым вопросом к Томасу пришло понимание. Казалось, на мгновение мир озарила молния, оставившая после удара ровное пламя – такое, как этот костер. Томасом Лоули двигало не дело иезуитов, не Христова работа, не жажда его господина получить руку Анны Болейн в качестве оружия. Все это были лишь предлоги, прятавшие истинную причину, по которой он оказался здесь, даже от него самого.

– Если честно, я приехал ради Анны Ромбо.

И, произнося эти слова, Томас почувствовал себя так, словно с его глаз сорвали пелену. Истина предстала перед ним – ясная, незапятнанная. Истину составили те несколько мгновений, когда Томас видел Анну. Начиная с того самого первого, когда эта девушка парила над землей, когда она проплывала мимо него, следуя за тележкой, покидающей покоренную Сиену... И потом, когда она рванулась вперед, чтобы помешать своему брату сжигать еретиков в Тауэре. Допрос в том же Тауэре, когда она наложила свои исцеляющие руки на его колено, прогоняя мучительную боль. А какое душевное страдание он испытал, когда смотрел, как она проплывает мимо горловины бухты Сан-Мало, и думал, что

больше никогда ее не увидит...

Так немного встреч, так мало времени для обращения.

«Но разве Апостол Павел не уверовал в единый миг, ударом молнии, по дороге в Дамаск?»

Молния вонзилась в противоположный берег реки, и ее ветвящийся огонь стал для Томаса подтверждением этих мыслей.

Молодой человек, сидевший по другую сторону костра, услышал его слова и воспринял прозвучавшую в них истину. Странное чувство поднялось в нем – немного похожее на волну, которая захлестнула его в убежище под перевернутым каноэ, когда он услышал, как Черный Змей говорит об Анне. Девушка пробуждала в этих двух мужчинах совершенно разное желание. И благодаря этому различию Тагай внезапно вспомнил о своем собственном.

Он с трудом поднялся.

– Анна. Я должен... должен найти ее. – Он сделал несколько неуверенных шагов. – Где я?

В следующую секунду Томас уже был рядом с ним.

– Сядь, друг. Не думаю, чтобы тебе сейчас удалось далеко уйти.

– Но ей угрожает страшная опасность!

– Садись, и мы обсудим, как ей лучше помочь. Тагай подчинился. Томас снова вручил ему фляжку, а потом из кармана плаща достал кусок пресной лепешки с кусочками сухих плодов, которую туземцы испекли на камнях. Поначалу Та-

гай давился, но потом ему удалось проглотить немного. Жуя, он рассказал о том, что ему удалось подслушать.

Томас с трудом справился с желанием немедленно последовать примеру Тагая: влезть в каноэ и отправиться на помощь Анне. Однако иезуиту едва удалось пересечь реку и добраться до этого места. В темноте, с человеком, который только что едва не утонул, плыть будет невозможно.

Стараясь дышать ровно, чтобы успокоиться, Томас проговорил:

– Нам надо дождаться рассвета, когда ты немного оправишься. Тогда, возможно, мы сумеем добраться на этой лодке до твоей деревни.

Тагай смотрел на реку так, словно увидел ее в первый раз. Молния снова осветила дальний берег.

– Подожди, – сказал он. – Мы на северном берегу?

– Да. Я вытащил тебя примерно на середине реки. Мы не можем вернуться на остров: ведь там находится отряд воинов.

– Но это значит, что мы на земле тахонтенратов, моего народа! – Тагай посмотрел вверх по течению, словно его взгляд способен был пронизать стены дождя и ночную тьму. – Вдоль этого берега идут наши тропы, по которым посланцы доставляют вести всему нашему племени, которое рассеяно по здешним краям. Нам надо только найти такую тропу. И мы сможем добежать до деревни.

Тагай начал приподниматься. Но даже руки Томаса, кото-

рую тот мягко положил на плечо молодому человеку, оказалось достаточно, чтобы усадить его обратно.

– Сегодня ночью тебе не пройти и ста шагов. Засыпай и молись, чтобы у тебя хватило сил подняться с солнцем. – Когда Тагай попробовал возражать, Томас добавил: – Она ведь с твоим племенем, не так ли? Неужели она не будет в безопасности до утра?

Тагай неохотно кивнул. Увы, англичанин прав: нынешней ночью ему далеко не уйти. И он ничем не поможет Анне, если погибнет, пытаясь отыскать тропу в темноте.

– Тогда – с рассветом, – объявил Тагай. Он растянулся на земле и, уже засыпая, пробормотал: – Мы побежим ей на помощь.

Томас улыбнулся и, вытянув ногу, начал растирать больное колено. Ему необходимо было прикосновение исцеляющих рук Анны, но даже ее чудесным пальцам не удалось бы вернуть ему те далекие годы, когда он способен был бегать. Как бы плохо ни умел иезуит управлять каноэ, это было единственным средством для него уйти отсюда.

Дрожа от холода, Томас смотрел на плащ, которым укрылся Тагай, – сначала с завистью, а потом со смирением. Иисус учит благодетривать. Свернувшись по другую сторону костра, иезуит подумал, что заснуть ему не удастся. Он находился во власти изумления и острой потребности поразмыслить над словами, которые возникли вокруг его видений, связанных с Анной. Однако старый солдат недооценил своей усталости.

Вскоре они уже дуэтом храпели у потрескивающего костра, и великолепный, ясный рассвет наступил и ушел незаметно для них обоих.

\* \* \*

Тагай воспользовался последними угольками, чтобы поджечь табак, который еще оставался сырым, несмотря на все усилия его просушить, и загорелся не сразу. Когда это наконец случилось, индеец бросил горящие кусочки листьев на камень Доннаконны, вдохнул сладкий дым и пробормотал молитву.

Когда он открыл глаза, Томас уже снова стоял перед ним. Он вернулся от каноэ.

– Это был оки моего дяди, – объяснил Тагай, поднимая камень, покрытый необычными ровными полосками. – Дух, который приносил ему удачу. Я попросил благословения моему пути.

– Запах похож на ладан, который мы возжигаем в церкви – Томас вдохнул аромат и улыбнулся. – И воздействие он оказывает похожее. А что до благословения... Не уверен, что твой Доннаконна и Святой Христофор, которому только что молился я, сильно отличаются друг от друга.

Тагай выпрямился.

– Это ты от всех отличаешься. Ты не похож ни на одного священника твоей веры, с которыми я встречался до сих пор.

– Но я не священник, Тагай. Я – иезуит. Я принес обеты моему ордену, но не был посвящен в сан.

– Ну что ж.

Тагай посмотрел на черные с проседью волосы иезуита, на светло-голубые глаза – и вспомнил еще одну причину, по которой не считал Лоули похожим на священника: то чувство, с которым тот говорил об Анне.

– Я ухожу.

Мокасины Тагая унесла река, но за время пребывания на родной земле подошвы его ног успели огрубеть. Свою набедренную повязку он тоже потерял, так что единственным, что покрывало его тело, был широкий ремень из шкуры и мешочек из оленьей кожи, в котором был спрятан оки Доннаконны. В одной руке Тагай сжимал ясеневый посох, конец которого он заострил ножом иезуита.

– Ты уверен, что не хочешь взять вот это? – Томас показал ему небольшой нож. Когда Тагай отрицательно покачал головой, он коснулся плаща: – Или вот это?

Тагай улыбнулся:

– Ты боишься, что Анна увидит меня голым и забудет тебя?

Ответная улыбка Томаса была печальной.

– Я уверен, что она даже не вспомнит о том, кто я такой. Нет, я просто хочу помочь тебе вернуться к ней.

– Тогда позволь мне бежать только с моим оки и копьем. Если меня не съедят волк или медведь, то я смогу добраться

туда к полудню. Проси своих духов, чтобы они поддержали меня.

С этими словами молодой индеец приветственно приподнял свой посох и исчез за деревьями.

– Ступай с Богом, друг мой, – сказал Томас, а потом добавил: – И да хранят тебя твой оки и Святой Христофор.

Перекрестившись, он повернулся и зашагал к каное.

Тагай углубился в лес по оленьей тропе. За те дни, которые он провел с родом Медведя, его научили высматривать даже самые маленькие тропки среди скал, но Тагай все равно чуть было ее не пропустил. Наклонившись к глинистой пропешине, он различил слабый отпечаток человеческой ступни, очертания которой были размыты дождем. Видимо, здесь недавно пробежали гонцы, искавшие тех, кто мог разбрестись после того, как сожгли их деревни. Отетиан хвастал, что такие бегуны, как он, пересекают за день половину всех земель их племени, потому что никогда не останавливаются отдохнуть.

– Отетиан, – проговорил Тагай, обращаясь к лесу. Этот человек спас ему жизнь, чтобы он смог предупредить племя о готовящемся предательстве.

– Анна.

Женщина, которая упала с небес на землю, чтобы вывести Тагая к родному племени. Женщина, которой он ничем не помогал приблизиться к себе.

Отетиан. Анна.



Тихо повторяя их имена, Тагай побежал через лес на юг. Поначалу, очень недолго, его ноги были слабыми, и он нередко спотыкался. Но постепенно Тагай почувствовал, как они окрепли, и вошел в ритм ровного бега. Два слова слились в его голове в одно.

«Оте-Анна. Оте-Анна. Оте-Анна».

## Глава 6. ИСПЫТАНИЯ

Анна оказалась в одной из трех клеток, что стояли рядом с канавами, выкопанными для испражнений. Эти клетки были сделаны из тонких древесных стволов, связанных крученым тростником, и высоты их едва хватало, чтобы там могли поместиться собаки, которых там недавно держали, – но никак не взрослая девушка. Прежних обитателей клетки пересадили в соседние, стоявшие по обе стороны от нее, и псы непрерывно рычали и грызлись. Пусть собаки были старыми, охромевшими или просто выращенными на еду, но они по-прежнему охраняли территорию, которую считали своей.

Вонь стояла ужасающая. С помощью старой кости Анне удалось расчистить себе немного места, чтобы можно было сесть, но со всех сторон ее окружали кучи экскрементов. Ночной дождь не смог смыть и малой их части, а летнее солнце, уже почти достигшее зенита, вернулось в чисто отмытое небо, прижигая пленницу сквозь решетку палящими полосами. Нечистоты разлагались. Непрестанно жужжали мухи. Некоторые из них покидали пир зловония, чтобы попировать на человеческой коже.

К узнице никто не приближался. Воды у нее не осталось: она уже выпила мутное содержимое миски, которую ей поставили много часов тому назад. Один раз, подняв голову, она увидела, как к ней ковыляет Доне с фляжкой в руке. Но

его мать устремилась за мальчиком и утащила назад, сделав нечто такое, чего Анна ни разу не видела за все время своего пребывания в поселке. Волоча за руку плачущего ребенка, женщина била его.

«Вот какой ужас я внушаю», – подумала Анна.

Тогда она заплакала: неслышно, уткнув голову в поднятые колени. Ее охватило отчаяние. Тагай погиб. Она была уверена, что его предал тот татуированный человек, который стал ее обвинителем. И хотя после их приезда сюда Тагай отвернулся от нее, с ней по-прежнему оставалось то чувство, которое она испытала в тот момент, когда впервые его увидела. Единственный мужчина, которого она могла любить, мертв. А ее вскоре должны судить как ведьму: против нее выдвинули то же обвинение, что и против той королевы, которую Анна уже подвела. Она предала дело, ради которого умер ее отец, Жан Ромбо. А она, отчасти ставшая причиной этой гибели, тоже скоро умрет. Анна будет осуждена за свои видения, за высокомерную уверенность в том, что знает единственно правильный выход. Ведь это она решила, что шести-палую руку следует увести в иной мир, в мир, где старого зла не существует. А зло оказалось повсюду. Девушка вспомнила слова своей матери, произнесенные тем вечером в Монтальчино, когда Бекк умоляла Анну не браться за дело, которое уже погубило ее семью.

«Ты хочешь остановить зло, дочь? Тогда не отправляйся во Францию на его поиски. Оно начинается здесь, у наших

Дверей, и распространяется отсюда по всему миру».

А дочери пришлось забраться гораздо дальше Франции, чтобы понять истинность этих слов. И, представив себе мать, которой она больше никогда не увидит, Анна снова заплакала.

Она услышала шаркающие шаги и сквозь пелену слез увидела Гаку.

– Уходи от меня, тетя! – воскликнула Анна. – Я все равно пропала, а тебя побьют за разговоры со мной.

Не без труда старуха согнулась и уселась на землю рядом с Анной.

– Меня они бить не станут, дитя. Они знают, что я так стара, что один удар отправит меня в Поселение Мертвых. – Гака вытащила фляжку и просунула ее между прутьев. Анна жадно вылебала прохладную воду. – Остальные идут следом за мной, чтобы отвести тебя к старейшинам. Ай-ии! – Она наморщила нос и помахала ладонью перед лицом. – Ты выбрала для отдыха грязный дом, дитя.

Анна вернула старухе опустевшую фляжку.

– Что со мной будет, тетя? Гака вздохнула.

– Дело серьезное. Даже если бы ты кого-то убила, ты бы за это не умерла. Тебе пришлось бы умиловать семью твоей жертвы – подарками, услугами. У нас соплеменников убивают только за две вещи: за предательство и за колдовство. Обычно для этого общего собрания не нужно. Ведьму обвиняют тайно. И если старейшины сочтут человека виновным,

его умерщвляют тоже тайно. Но с тобой все обстоит по-другому.

– По-другому? Почему?

– Обвинение было выдвинуто перед всем племенем, так что тебя нельзя убить тайно: все будут знать причину. И ты не принадлежишь к нашему племени, как бы хорошо ты ни говорила на нашем языке. Некоторые даже говорят, что этот дар – признак твоего колдовства, потому что ни один бледный вор не говорил на нашем языке так хорошо, как ты. Племя видело, как тебя обвинили. И племя хочет видеть, как тебя осудят. Это – и плохо, и хорошо.

Анна наклонилась вперед, так что ее голова уперлась в деревянные прутья.

– Чем?

– Плохо тем, что многие женщины, особенно те, чьи мужья ушли на ту охоту, уже тебя осудили. Это они били тебя тогда. И теперь они хотят участвовать в твоей казни.

– А чем хорошо? – спросила Анна шепотом.

Гака улыбнулась:

– Я смогу там быть.

До них донеслось жужжание голосов – люди приближались, и Гака с трудом встала. Стало различимо пение:

– Хе-а, хе-а, хе-а, хе-а!

Старуха опустила взгляд, просунула в клетку палец и, едва дотянувшись до носа Анны, погладила по нему.

– Надежда остается, Белый Можжевельник. Я – одна из

глав Аватерохи, Круга Исцеления. Больных исцеляют наши обряды, силы наших оки. Я многих здесь вылечила, так что они прислушаются ко мне, когда я буду говорить за тебя. Если я смогу показать, что Черный Змей одержим духом, который заставил его оболгать тебя, то я смогу тебя спасти.

– Но он дважды пытался овладеть мною насильно! – Анна поднялась на колени. – Разве этого мало?

– Они скажут, что твое колдовство заставило его вождеть тебя. Это докажет его правдивость, а не твою, потому что все знают, как Черный Змей любит женщину, которая взяла его, когда он был пленником, чтобы он не умер.

Пение послышалось снова, громче и ближе.

– Хе-а, хе-а, хе-а, хе-а!

Из-за угла дома советов выбежали шесть странных созданий. У них были человеческие тела, разрисованные краской сложным узором. Их пах был едва прикрыт узкой полоской шкуры, спины защищены рваными и истертыми оленьими шкурами. Но у них оказались лица демонов – большие маски из коры можжевельника: клювообразные носы, намалеванные огромные глаза, орущие рты с выкаченным из угла розовым языком. Всю образину наискось перечеркивали глубокие черные борозды. По обе стороны маски на плечи свисали длинные рыжие космы – как показалось Анне, настоящие волосы. В правой руке каждый сжимал погремушку, изготовленную из панциря черепахи.

– Гагоза, – сказала Гака. – Ложные Лица. Охотники на де-

монов.

Мужчины в масках приблизились, двигаясь почти в ногу и потрясая погремушками. Гака отошла в сторону, а мужчины выстроились в круг и начали плясать вокруг клетки, двигаясь сначала в одну сторону, потом в другую. Сделав три оборота, они остановились, опустив маски. Нарисованные глаза изучающе уставились на пленницу. А потом Ложное Лицо, стоявший ближе всех, ударил по клетке рядом с головой Анны своей погремушкой. Остальные тут же окружили клетку и вытащили колья, которыми это сооружение было прикреплено к земле. Когда был извлечен последний, они отбросили клетку в сторону. Мускулистые разрисованные руки потянулись к девушке, заставили ее встать. Двое крепко ухватили ее за плечи. И Анну поволокли через деревню. Но никто не вышел посмотреть, и открытое пространство перед главными воротами, где должна была бы стоять толпа, оказалось пустым. Там ждали двое – юноши, которых Анна помнила по дому Гаки; оба были ее внуками.

Старухе трудно было не отставать от охотников на демонов. Теперь она с облегчением опустилась в плетеное кресло, которое подставили ей внуки.

– Я поднимусь следом. Они отведут тебя на игровое поле. Деревня переполнена теми, кто бежал из сожженных поселков. Это единственное место, где смогут смотреть все.

Анна едва расслышала последние слова. Мужчины побежали, заставляя ее ноги волочиться по земле. Они сменяли

друг друга, когда очередная пара носильщиков уставала.

Эта смена происходила чаще на подъеме по скалам, особенно ближе к вершине. Те, кто не нес пленницу, снова начали петь:

– Хе-а, хе-а, хе-а, хе-а!

Когда они приблизились к вершине скал, Анна услышала, как пение эхом доносится сверху. А потом она поняла, что это – не эхо, а голоса всех тахонтенратов, ожидающих появления ведьмы.

Огромный круг зрителей был тройным: дети и старики сидели в первом ряду, женщины стояли позади них, а мужчины расположились дальше всех. Когда Анна появилась из-под тенистого дуба, на котором прятались они с Тагаем, поднялся настоящий рев, который не смолкал, пока цепь размыкалась, чтобы впустить обвиняемую в круг. Ложные Лица внесли Анну в центр круга, бросили ее там – и все, кроме одного, отошли, присев на корточки перед рядом старейшин, сидевших рядом плотной группой человек из сорока.

Анна попыталась встать, повернуться к ним, но ее ноги ослабели после ночи, проведенной в клетке, и она упала на одно колено. Единственный из Ложных Лиц, оставшийся рядом с ней, принялся танцевать вокруг пленницы, то высоко поднимая свою погремушку из черепахового панциря, то опуская ее к самой земле. Он перепрыгивал с одной ноги на другую, поворачивался полукругами – и постепенно придвигался к обвиненной все ближе. Анна старалась смотреть



прямо в его нарисованное лицо, чтобы показать, что не боится его, но он не задерживался на одном месте, то и дело наклоняя лицо к разным частям ее тела, карикатурно приплюхиваясь огромным носом и испуская вздохи отвращения.

Анна следовала за ним по кругу, поворачиваясь на колене. Позади Ложного Лица, со стороны скал, толпа снова расступилась, и в круг внесли Гаку. Ее опустили на землю в плетеном кресле. Старая женщина с трудом встала, опираясь на руку одного из внуков, который помог бабушке пройти к Анне. При ее приближении Ложное Лицо отвернулся, продолжая демонстрировать крайнее омерзение.

– Ты не скажешь ему, что от него пахло бы так же, если бы он провел ночь в клетке для собак? – прошипела Анна Гаке.

– Тише, дитя. Слушай.

Гака смотрела куда-то мимо нее.

Вождь Пойманный вышел из толпы старейшин. Его лоб охватывала косичка из змеиной кожи, серые волосы были расчесаны на пробор и падали по обе стороны лица. На шее висело множество нитей раковин – вампумы, которые так ценились среди его народа. Их число и размер были видимым знаком его положения. В правой руке вождь сжимал жезл, украшенный причудливой резьбой и отполированный. По всей его длине располагались лица людей и морды животных, а верхушку украшал пучок орлиных перьев. Пойманный воздел этот шест над толпой и очертил им в воздухе круг. После этого перечислил имена присутствующих во-

ждей, прибывших издалека, чтобы почтить род Медведя своим участием в совете. Список был длинным, особенно потому, что упоминалась принадлежность каждого к определенной семье, роду и поселку. Вождь Пойманный упомянул о том, почему были разосланы приглашения. Он перечислил, какие важные дела будут обсуждаться сегодня на совете. В заключение он сказал, что, прежде чем они смогут говорить обо всем этом, предстоит заняться еще одним делом. После этого вождь сделал еще несколько шагов вперед, к Анне. Только когда он остановился в нескольких шагах от нее, она увидела, что именно он до сей поры прятал у себя за спиной.

Тододахо остановился и положил на землю перед девушкой кисть скелета.

– Вот он, – проговорил вождь, и теперь в его голосе появились печальные ноты. – Не прикасайся к нему, или ты умрешь. – Анна увидела, что за спиной вождя встали два воина с поднятыми луками. – Докажи нам, что этот оки не был принесен сюда, чтобы причинить нам великое зло.

Когда Анна наконец сумела выпрямиться и встала, начался страшный шум. Справа от нее Черный Змей вырвался из круга и бросился к вождю и девушке. Пробежав половину расстояния, он упал, но так, что Анна сразу же увидела наигранность его «припадка». Предатель немного прополз по земле, потом снова вскочил и заковылял вперед, не переставая стонать. Когда Черный Змей оказался от Анны справа, на таком же расстоянии, какое отделяло ее от Пойманного,

он опять упал на колени, широко раскинул руки и закричал:  
– Не мучай меня больше, Белый Можжевельник! Сними с меня свое проклятие!

Ложное Лицо подбежал к воину, оттолкнув Анну в сторону, и из-под маски раздался его низкий голос:

– Скажи нам, в чем ее проклятие, Таване. Как ей удалось поймать тебя в свои силки?

Татуированный пошатнулся, чуть было не упав. Подняв руку, он указал куда-то вдаль.

– Она пришла ко мне, когда я спал в доме на своей постели. Я почувствовал прикосновение ее языка и проснулся. Она приняла вид змеи, которая проползла по земле и забралась прямо ко мне в ухо. Она сказала: «Ты можешь стать таким, как я, Черный Змей из рода Волка, всесильным. Пойманнный стар, он больше не воин. Нам нужно, чтобы ты прогнал народ Большой Горы. Только ты, рожденный среди племени татуированных, способен победить их!» Вот как она говорила!

– Это был только сон, Таване. – Гака вышла вперед, и, несмотря на ее немощь, голос старухи был слышен всем. – Некоторые воины действительно ворчали, что Пойманнный стар, иные хотят, чтобы их возглавлял воин. Тебе снилось их недовольство.

Кое-кто встретил эти слова одобрительным шепотом. Многие слышали, как воины жаловались на то, что Пойманнный не позволяет им нападать на врагов.

– Нет! Она пришла ко мне и на следующую ночь. У нее было ее собственное лицо, но тело ее было не уродливым, бледным и тощим, как сейчас: оно приняло такие же прекрасные очертания, как у моей жены, Гасоовано. Она сняла свое платье, расшитое бисером, и сказала: «Мой оки поможет нам родить сына, который стал бы вождем тахонтенратов. Иди сюда, ко мне!» – так сказала она, и рука у нее была холодной, как кости. Но я убежал от нее и ее оки.

Вперед вышла женщина.

– Это правда. С тех пор как она появилась в нашем поселении, моего мужа Таване терзают сны о ней. У нас рождаются только дочери, а она обещала ему сына.

И женщина с плачем бросилась в объятия своих родичей. Гака сказала:

– Это – еще один сон. Позволь нам, членам Аватерохи, излечить тебя. Тебя терзает не оки Белого Можжевельника, а твой собственный.

Черный Змей заговорил снова:

– Это была она, старуха. Я знаю это, потому что она приходила и в третий раз, на этот раз не ночью. Ее появление не могло быть сном. Это случилось в тот день, когда мы собирались на охоту. Она привела меня к ручью. Она была уродливой, как сейчас. Она подняла подол своего расшитого бисером платья и встала передо мной на четвереньки, повернулась и сказала: «Если ты не возьмешь меня, Черный Змей, и не дашь мне сына, то мой оки проклянет охоту, которая тебе

предстоит. Ты станешь оленем – и вы все погибнете». И я сказал: «Но не Тагай, мой брат, который привел тебя к нам?» А она сказала: «Он умрет первым». – Черный Змей испустил вопль, полный муки. – И мой брат Тагай погиб первым, а потом и все остальные, а мне удалось спастись, потому что я – сильный воин и потому что я не лег с ней, как она просила.

Послышались новые крики. Две женщины, потерявшие мужей во время охоты, хотели броситься к Анне, и их пришлось удерживать. Когда плач затих, Гака заговорила снова:

– Тагай был моим племянником, последним Охотником Рассвета. Он рассказывал мне, как Белый Можжевелник упала с неба, чтобы помочь ему...

– Она и его околдовала! – Ложное Лицо одним прыжком оказался перед Такой. – Ее оки – злой, он получен от сильной дьяволицы за Большой Водой. Ее изгнали из той страны, и она захотела править нами здесь!

– Это неправда!

Спор шел все быстрее и жарче, и Анне труднее стало понимать распевную речь индейцев. Однако она явственно услышала, как королева Анна Болейн была объявлена злобной ведьмой. И она сказала:

– Неправда! Эта женщина обладала властью, да. Она была правительницей. Но она была женщиной честной. И люди пытались забрать ее... оки, чтобы творить злые дела. Мой отец погиб, спасая его. Я решила, что могла бы привезти его в страну, о которой рассказал мне Тагай, чтобы закопать ее

здесь, где она будет в безопасности.

Ее слова потонули в новом всплеске шума.

– Почему мы должны верить словам ведьмы? – Низкий голос Ложного Лица и грохот его погремушки постепенно утомили толпу. – У нас есть доказательство – ее оки, который она прятала от нас, пока его не нашел Черный Змей. В его вигваме шесты увешаны скальпами наших врагов, которые прежде были его народом. Нам не нужно других доказательств его верности: ведь он убивал своих прежних братьев и дядьев ради новых братьев и дядьев. А что она?.. – Обвинитель помолчал и обвел взглядом весь круг собравшихся, медленно, чтобы все увидели его нарисованные глаза. – Тагай, который привел ее сюда, мертв. Черный Змей, который сражается за нас, околдован. Нам не нужны другие доказательства. Мы должны раздробить ей голову, разбросать ее кости, сжечь ее волосы. Пусть на нашей земле не останется следов этой женщины и ее оки. Вот что я думаю. Может ли кто-нибудь поспорить с этим?

Снова воцарилось молчание. Гака открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Она посмотрела вокруг, покачала головой и опустила глаза, чтобы не видеть юной девушки, которая стояла в круге обвинителей с останками королевы у ног и ожиданием неминуемой смерти в сердце.

А потом раздался голос, нарушивший тишину:

– Я могу.

Казалось, эти слова были унесены ветром. Но когда они

вернулись, то зазвучали громче:

– Я могу поспорить. Потому что эта женщина невинна. А Черный Змей – лживый предатель.

Все стоявшие в круге стали оглядываться, ища того, кто произнес эти слова. Анна посмотрела на Гаку, но та ответила ей таким же недоумевающим взглядом. Ложное Лицо шагнул к тем, кто стоял ближе всех в толпе. Черный Змей последовал его примеру, безмолвно требуя, чтобы говоривший подал голос снова. И только Доне, чьи глаза наполнились слезами, поднял взгляд выше всех.

– Тагай! – крикнул он, указывая на ветку огромного Дуба.

Охотник Рассвета стоял там, где впервые увидели его тахонтенраты.

\* \* \*

Он бежал весь день. Он останавливался только у ручьев, чтобы выпить воды, и еще один раз – чтобы съесть лепешку с сухими плодами, которую ему дал англичанин. Бывали моменты, когда его ноги становились каменными, а порой они казались пустыми, словно камышинки. В такие минуты он устремлял взгляд в землю и повторял имя, ставшее единым: Оте-Анна. И вскоре странные ощущения в ногах проходили, и он чувствовал, что сможет бежать хоть до последнего восхода солнца.

Иногда тропа углублялась в самое сердце леса, иногда он

неся вдоль обрыва, откуда видна была огромная река. Приближаясь в деревне, Тагай узнал остров, на котором охотничий отряд принял свою погибель, и другие знакомые места. Он справился с желанием увеличить скорость. Тагай не допускал мысли об опоздании – тогда его ноги снова стали бы камышом. Он должен был верить, что успеет вовремя.

Оте-Анна.

Та секунда, когда он вбежал в опустевший поселок, чуть не ввергла его в отчаяние. А потом он вспомнил, как в первый раз пришел сюда... Неужели это случилось всего девять дней назад? Тогда деревня была покинута так же, как сейчас, а его племя собралось наверху, чтобы участвовать в игре.

Подъем причинил Тагаю немалую боль: его ноги уже ощутили те лиги, что он оставил позади. Голоса, которые доносили до него ветер, гнали его вперед, и когда в конце тропы он увидел людские спины, то хотел сначала просто ворваться в центр круга. Но потом до него долетело еще одно слово, заставившее его замедлить шаг. Это было слово «онантекиахта». Ведьма. Тагай остановился и различил, как безошибочно узнаваемый гортанный голос Черного Змея произносит слова лжи. Еще доносился голос Гаки, а потом и Анны – дрожащий, но решительный.

Тагай забрался на дерево, чтобы слушать дальше. И когда он услышал достаточно, то заговорил.



Анна увидела Тагая. Ноги, твердо державшие ее перед лицом всех обвинений, снова подломились. Девушка упала на колени, глядя прямо вверх, и слезы, которые она так долго сдерживала, заструились по ее щекам. Другие тоже попадали на землю, но от ужаса: большинство было уверено в том, что Тагай уже пребывает в Поселении Мертвых. Так что на дереве должна была стоять его обиженная душа, вернувшись, чтобы отомстить.

После того как мальчик Доне выкрикнул имя Тагая, никто не говорил и не двигался. Только вождь Тододахо шагнул вперед. Он был истинным вождем и обладал не только военной властью, но и духовной. Если перед племенем действительно появился мстительный дух мертвеца, то Пойманный попытается вернуть его обратно во тьму. Если же Тагай жив, то придется решать другую проблему. Проблему, которую Тагай вызвал к жизни своим появлением и своими речами.

– Говори дальше, Тагай или тень Тагая, кто бы ты ни был. Что ты можешь сказать о том, что мы сейчас обсуждаем?

– Я повторяю: Черный Змей – лжец и предатель. Белый Можжевельник не виновна в том, в чем ее обвиняют, а я...

– Тагай сделал паузу, – я не призрак, а человек. Я жив.

– Тогда спускайся и прими участие в нашем совете, Та-

гайниргийе. Говори с нами, как человек.

Тагай поклонился и быстро спустился с дерева. Толпа широко расступилась, чтобы пропустить его в круг. Он вышел прямо на его середину, занял место рядом с Анной и протянул ей руку. Она сжала знакомые пальцы и поднялась на ноги. Продолжая держаться за руки, они повернулись к своему врагу.

Черный Змей ошеломленно наблюдал за тем, как Тагай слезает с дерева. Только теперь, увидев его соединенным с предметом своих вожделий и ненависти, он обрел дар речи. А вместе с ним и свою хитрость.

– Тагай, брат! – Татуированное лицо изобразило непривычную для него улыбку. – Я приношу благодарение Великой Матери Атаентсик, которая помогла тебе уцелеть! Я пытался спасти тебя, когда увидел, как ты упал, но враги были слишком сильны.

Предатель повернулся к Пойманному, но повысил голос так, чтобы было слышно всем:

– А потом я вспомнил, какая опасность угрожает нашему племени, о том, что наше племя должно узнать о несчастье. И только поэтому я оставил сражение, чтобы принести вам весть. И рассказать вам о проклятии этой ведьмы, которое завело нас в ловушку.

– Черный Змей жлет и изворачивается, как змея, в честь которой назван. – Голос Тагая заставил стихнуть все разговоры. Молодой человек продолжил: – Именно он и заманил

охотников в западню. Черный Змей присоединился к народу своего рождения, к воинам, которые украшены такими же узорами, как он. И вместе с ними он готовит для тахонтенратов еще большую западню. – Тагай поднял руку и указал прямо на змею, свернувшуюся вокруг глаза воина. – Я лежал в укрытии и слышал, как он строит планы. Он жаждет нас уничтожить. Он приведет нундаваоно, чтобы они напали на нас на рассвете после полнолуния.

Ничто не могло унять шума, который поднялся после этого заявления. Воины, женщины, старики и дети ринулись вперед.

Черный Змей бросился к Тагаю с криком: «Ложь!», но толпа помешала ему. Клань окружили своих боевых предводителей. Когда Пойманному и другим старейшинам удалось наконец восстановить порядок, Тагай обнаружил, что рядом с ним стоит Сада и что его с Анной защищает людская стена рода Медведя. Лицом к ним, окружив своего боевого предводителя, стояла стена Волков. В их руках появились костяные ножи, они сорвали с перевязей боевые палицы.

Тододахо высоко воздел жезл верховного вождя и заговорил:

– Это – непростые вопросы. Правда скрыта за темными грозовыми тучами. Единственное, о чем ясно говорят эти тучи, – это о приближении непогоды. А вы, – он указал жезлом на обе группы воинов, – вы – наша единственная защита от этой грозы. Какая же это будет защита, если род начнет во-

евать с родом, брат будет убивать брата? Как этому обрадуются татуированный народ!

Оба рода посмотрели на своих предводителей. Сада кивнул, и ножи снова были возвращены в потайные места. Черный Змей продолжать сверкать глазами, но его последователи поспешно и не без облегчения также убрали оружие. Пусть они и были членами рода Волка, но им противостояли их кровные братья и друзья.

Довольный увиденным, Пойманный заговорил снова: – Чего не скрывают эти тучи, так это того, что двое из нашего племени рассказывают совершенно разные истории. Кому мы должны верить? Один из нас не был рожден в нашем племени, но показал себя верным после того, как был усыновлен. Второй рожден от нашей плоти и нашего духа, но рос далеко от нашего мира, не слышал наших песен и преданий. Но это – не спор относительно бобровой шкурки. Это – не обсуждение выкупа за убийство. Речь идет о жизни всего племени. Ведет ли нас к гибели злой дух? – Он указал своим жезлом на Анну. – Или Белый Можжевельник невиновна, как утверждает Тагай? Поверим ли мы Волку или Медведю? Это определит, будут ли тахонтенраты жить или умрут. – Вождь помолчал, обведя взглядом весь круг, а потом продолжил: – Если бы у нас было больше времени, мы могли бы обсудить это на совете, и, возможно, мудрецам удалось бы проникнуть взором сквозь грозовые тучи. Но до полнолуния осталось два дня. Видит ли кто-нибудь выход?

Он снова осмотрел свой народ. Все отводили глаза и опускали головы. Долгое время все молчали. А потом заговорил Черный Змей.

– У меня есть решение, – сказал он. – Пусть Тавискаран и Иоскеха решат, кто лжет.

Чей-то голос подхватил:

– Да, Близнецы! Этот возглас был подхвачен еще одним голосом, и еще несколькими – и вскоре все голоса зазвучали громко, выкликая два этих имени.

Анна заметила, как Сада обеспокоенно передвинулся в сторону. Тагай крепче сжал руку девушки. Она крикнула, чтобы быть услышанной среди шума:

– Что это значит, Тагай?

– Я точно не знаю. Близнецы – дети Матери-Земли, Ата-ентсик, но...

Он растерянно замолчал. Сада подался к ним.

– Они были первыми людьми, единственными, – объяснил он. – Один – добрым, другой – злым. Они сражались, и кровь из их ран создала многое из того, что вы видите в мире. – Сада повысил голос, потому что шум вокруг них усилился. – Когда между двумя воинами нельзя установить истину, когда не действуют все доводы и споры, им надо уподобиться Близнецам. Им нужно сразиться. И один должен умереть. Я только один раз в жизни видел такое, и то когда был ребенком.

Анна ахнула:

– Суд путем поединка!

Тагай кивнул:

– Похоже, у тахонтенратов с твоим народом общие нетолько Каин и Авель.

Анна притянула его к себе.

– Тагай! Ты не можешь сражаться с ним! Ты – не обученный воин, как он.

Тагай повернулся к Саде:

– У меня есть выбор? Его двоюродный брат пожал плечами:

– Если ты признаешь, что он прав.

– Так. Значит, никакого выбора нет.

– Тагай!

Анна попыталась удержать руку, которую ее друг уже отводил прочь. Но молодой индеец мягко высвободился и шагнул вперед как раз в тот момент, когда Пойманному наконец удалось призвать толпу к молчанию.

– Тагай, ты понимаешь, что предлагает Черный Змей?

– Понимаю.

– И ты готов предстать перед судом богов-близнецов? Тагай взглянул на Анну и Саду: на их лицах читалось одно и то же. А потом снова повернулся к вождю.

– Готов.

– Тогда – завтра. Прямо перед восходом. Чтобы тот, кто погибнет, был бы убит в честь бога войны, Ондутета, восходящего внутри солнца. Здесь, на этом поле, перед всем пле-

менем. Я сказал.

Толпа с криком отхлынула, рассыпалась, потекла назад к тропе в скалах. Все, кроме воинов, окруживших двух противников. Анну и Тагая разделила людская стена. Девушка искала Тагая взглядом, и его лицо то появлялось, то исчезало. Она так сосредоточилась на том, чтобы не потерять его из виду, что не сразу почувствовала, как кто-то тянет ее за руку.

– Вот, – говорила Гака. – Вот.

Анна опустила взгляд.

– Я сберегла ее от толпы. Спрячь ее и храни.

Анна посмотрела на косточки, на шесть пальцев. Их прикосновение не пробудило в ней никаких ощущений, как это случилось так давно, в далеком Тауэре. Тогда, в другом мире, она ощутила присутствие той, кому эта рука принадлежала. И тем не менее девушка обратилась к своей тезке.

– Анна Болейн, – проговорила Анна Ромбо. – О, моя госпожа! Неужели теперь за тебя должен умереть еще один человек?

## Глава 7. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

Грозы сменяли одна другую. Та, что привела Томаса к освещенному молнией берегу и спасла жизнь Тагая, миновала. Между грозой и грозой втиснулся ясный день, краткое возвращение лета. Но к вечеру воздух снова сгустился, загудел и затрещал от силы стихии. Гром носился по небесам, и его басовитые взрывы предвещали приближение бури. Но дождь почему-то все время проливался где-то в стороне. Томасу не удавалось заснуть. Он нехотя вернулся в поселение нундаваоно, хотя желание плыть к Анне, спасти ее вместе с Тагаем, было почти неодолимым. Однако, спокойно поразмыслив, он убедился в том, что подобная попытка приведет к обратному результату: незнакомец, появившийся в поселке, который готовится к войне, наверняка не добьется ничего, кроме собственной смерти. Пока Томасу лучше оставаться рядом с человеком, с которым судьба соединила его ярмом, словно подневольную тягловую лошадь.

Джанни Ромбо. Как бы Томас ни осуждал его поступки, одно оставалось очевидным: решимость Джанни добиться своего оставалась непреклонной. Если кому-то и удастся получить Анну обратно, то это будет ее брат.

Сбросив оленью шкуру, которой он укрывался, Томас вышел в ночь. Гроза надвигалась с северо-запада, с противо-



положного берега. Она позвала его к узкой тропе, ведущей к воде. Там обнаружилась узкая полоска песка, отделенная от главного залива, который уже заполняли каноэ племени и собиравшихся к нему на помощь союзников. Еще одна возможность побыть в одиночестве. Подумать. Помолиться.

Но иезуиту не дано было столь желанного одиночества. Одну лодку вытащили на берег. Перед ней горел костер. Это оказалась гребная шлюпка с «Дыхания Святого Этьенна». Она стояла на берегу, параллельно воде, но была закреплена так, что казалось, будто она плывет по суше. И на ее носу скорчился Джанни Ромбо.

Джанни услышал его шаги и даже узнал своего товарища, потому что европейские сапоги на дорожке издавали звуки, совершенно не похожие на мягкие толчки мокасин. Однако Джанни не прервал своих приготовлений. Если гроза наконец принесет дождь, у него останется мало времени.

Он тщательно отмерил селитру, серу и древесный уголь, смешал их, завернул в страничку, которую вырвал из своей Библии – Божье дело в Божьих словах, – а потом забил сверток в дуло фальконета. После этого затолкал туда те обломки металла, какие ему удалось собрать. Фроншар, который был на корабле мастером по парусам и бомбардиром, не захотел отдавать парню остатки трехфунтовой картечи: она могла понадобиться на обратном пути. Однако Джанни сумел отыскать внушительное количество старого металла: он снял обручи с бочек, располосовал старый котел... Но сей-

час Джанни не собирался использовать много металла. Ведь это была просто проверка.

Иезуит остановился в нескольких шагах от лодки. Джанни не обращал внимания на его присутствие: он прицеливался, закрыв один глаз и глядя вдоль ствола. В небе постоянно гроыхало – центр бури неуклонно приближался.

– Ты действительно думаешь, что это необходимо?

Голос иезуита звучал спокойно и размеренно – как всегда. И как обычно, это вызвало у Джанни раздражение, с которым юноша тем не менее справился. Настроение у него было на редкость хорошее.

– Необходимо? О, думаю, да. Это еще на шаг приближает меня к победе.

Он прошел к дулу пушки, небрежно поднес запал к самому дулу и заглянул в него. Томас содрогнулся.

– Ты себя взорвешь. Джанни рассмеялся:

– Нет. Только моих врагов.

– И кто же они? Мне это стало неясно.

Джанни вернулся в лодку, проверил железные канавки, которые он соорудил из обручей от бочки и закрепил на передней скамье. Маленькие колеса пушки будут двигаться по ним, обеспечивая необходимый откат, который у фальконета был совсем небольшим. Гром ударил почти над их головами, так что они ощутили направленную вниз волну давления.

– Мои враги? Все, кто мешает мне получить то, чего я желаю. Кто угодно.

И Джанни в первый раз поднял голову. Томас выдержал его взгляд.

– А кто твои друзья?

Джанни передвинул ствол пушки, опустив его чуть ниже. В пятидесяти шагах дальше по берегу еще один костер горел перед огромными листьями кедровой коры: это были стены брошенного дома, которые Джанни укрепил кольями.

Он хмыкнул.

– Мне не нужны друзья. Эти дикари – просто способ достижения цели, и только. Они помогают осуществиться Божьей воле.

Наконец он закончил свои приготовления. Гром звучал совсем близко. Если начнется дождь, то порох может намокнуть.

Томас наклонился, чтобы говорить негромко – и все же быть услышанным.

– Почему ты считаешь, что Черному Змею можно доверять? Он предал свой народ дважды.

– Дважды?

– Тот народ, среди которого он родился. И тот народ, который его принял.

– Понятно. Но мне ни к чему доверять ему. У меня есть то, что он хочет получить.

– И что же это?

Джанни усмехнулся. Томас едва сумел расслышать единственное слово, которое произнес Серый Волк из Рима, по-

тому что загромыхало прямо над их головами.

– Власть.

Пламя прикоснулось к запальному отверстию. В дуле сверкнуло. Рев фальконета прозвучал громче грома. Кедровая стена разлетелась, словно от прикосновения Господней руки.

\* \* \*

– Правила? Правил нет. Нет, одно есть: убей или будь убитым.

С этими словами Сада подскочил к лубяному ящику, в котором хранился табак. Стирая с ладоней влагу, прежде чем прикоснуться к ящику (они уже час сидели в шалаше для потения, и с их тел обильно стекал пот), он продолжил объяснения:

– Он выше тебя, сильнее тебя, опытнее... Ты когда-нибудь убивал человека?

Тагай немного подумал.

– Да. На острове. Я убил того, кто охранял каноэ. Я ни о чем не думал. Просто сделал это.

Сада хмыкнул.

– В такой горячке – не в счет. Когда у тебя есть время, чтобы думать... Первый убитый что-то у тебя забирает. Второй – уже меньше. Но у Черного Змея на шесте вигвама висит вот сколько скальпов, – Сада широко развел руки, де-

монстрируя их количество. – И даже больше. Еще один для него ничего не будет значить.

И он вернулся назад, прихватив с собой лучину. Пососав трубку, двоюродный брат передал ее Тагаю. Тагай тоже сделал затяжку, прежде чем заговорить. Он уже понял, что среди его народа даже путь к смерти принято было обсуждать спокойным голосом, рассудительно. Тагай отказался от возможности немного поспать, чтобы провести это время со своим двоюродным братом. Единственным источником света в шалаше были угли. Высоко в небо поднималась прибывающая луна. Грозовые тучи убежали на восток.

– Так что я могу сделать в поединке с более старшим, сильным и мудрым человеком?

– Вести свой собственный бой, Тагай. А не его. Раз правил нет, значит, ты можешь делать все, что сочтешь нужным. Тебе не разрешается бросать копье и стрелять в него из лука. За исключением этого дозволяется все.

Глотнув дыма, Тагай закашлялся.

– Значит, правила все-таки есть! Ты хочешь сказать, что мне нельзя залезть на мой дуб и бросать в него желуди?

Сада сел прямо и приблизил лицо вплотную к лицу собеседника.

– Послушай, Медвежонок, шутками тебе этот бой не выиграть.

– Извини. А чем мне его выиграть? Как мне вести сражение?

Сада снова сел удобно.

– Раз противник выше тебя, значит, ты ближе к земле. Раз он сильнее, не пытайся мериться с ним силой. А коли он старше, стало быть, он медлительнее, так что используй свою быстроту. Ты быстрый, Тагай, быстрее даже Отетиана. Воспользуйся этим.

– И я отомщу за Отетиана. – Остатки смеха покинули Тагая, когда он вспомнил о человеке, который погиб ради него на острове. – Он ведь убил его, знаешь.

– Знаю. – Голос Сады звучал тихо, но жестко. – Я верю всему, что ты о нем рассказал. Но для того, чтобы тебе поверило племя, ты должен убить его. Потому что тогда это будет решением богов-близнецов.

В дверь из оленьей шкуры поскреблись, и чей-то голос сообщил снаружи:

– Доспехи готовы, Сада.

– Хорошо. – Воин встал и потянулся за костылем, который соорудила для него Анна. – Мы выберем тебе хорошее оружие. Но сначала ты должен нырнуть в воду. Если тебе все-таки предстоит путь в Поселение Мертвых, ни к чему прибывать туда вонючим, как весенний бобр.

– А мне казалось, ты запретил шутки.

Тагай встал и пошел за хромящим братом.

Последняя полоска оленьей кожи была закреплена на нужном месте. Обряжавший бойца воин шагнул назад, чтобы осмотреть результат своих трудов.

Тагай поднял руки, отпрыгнул в сторону и взмахнул воображаемой боевой палицей.

– Она все равно слишком тугая. Сковывает движения.

Он был облачен в тисовые пластины толщиной в два пальца. Их скрепляли шнуры. Одна надевалась на торс, другие, собранные в юбку, покрывали пах и бедра. Пластины меньшего размера защищали руки и ноги.

– Нет, Сада, я не смогу в них двигаться. Спасибо за идею, но...

– Тагай, если он догонит тебя и ударит боевой палицей, а на тебе не будет защитных доспехов, ты умрешь.

Тагай возился с завязками. К нему на помощь подошли другие.

– Думаю, если он достанет меня, то я умру в любом случае. – Тагай стащил с себя нагрудник и спинную пластину прямо через голову. – Я оставлю те, которые закрывают правую руку. И возьму вот это.

Он поднял с земли маленький круглый щит, изготовленный из изогнутых пластинок обожженной кедровой коры. Размером и формой он напоминал стальные круглые щиты,

которыми Тагай научился пользоваться во Франции. На обратной стороне у этого щита имелись две петли: в одну просовывалась рука, за вторую хватались пальцами.

Под недовольное ворчание с бойца сняли остальные доспехи.

– И что ты будешь держать в руке, Медвежонок? Перед ним выложили ряд палиц. Они все были похожи, изготовленные из железного дерева. К концу некоторых полосками крученой кожи крепились неровные камни, другие были вырезаны из цельного куска дерева, конец которого заканчивался громадным шаром. И все они были тяжелые.

– Какую возьмет он? – спросил Тагай.

Сада указал на одну из палиц из цельного куска дерева.

– Только та будет в два раза больше, под стать его силе.

Кто-то воскликнул:

– Ей бы надо быть в два раза меньше, под стать его мужскому достоинству!

Пока все смеялись, Тагай прошел вдоль ряда оружия и в самом конце увидел нечто иное.

– А это что?

Оружие имело такую же длину, что и палицы, но было не таким широким – скорее, оно было овальным в поперечном сечении. Вдоль темно-коричневых сторон тянулись канавки, выкрашенные красным. На одном конце палицы оказался ястреб с вырезанным глазом и острым клювом, а на противоположном – рыба. Прямо над ней находилась руко-



ять из сыромятной кожи, прошитой жилами.

Но больше всего Тагая заинтересовал клинок, торчащий вниз сразу за головой ястреба.

– Сталь, – проговорил он, проводя пальцем по заржавевшему и затупленному клинку. – Как такое возможно?

Тагай знал, что у его народа почти нет металла. Клинок был снят с ножа и прикреплен к палице с помощью заклепки и круглого гвоздя.

Сада недовольно хмыкнул.

– Выбери что-нибудь другое, Тагай. Никто не знает, как пользоваться этой штуковиной. Никто не знает, откуда она взялась.

– Я знаю.

Голос женщины донесся из-за их спин. Обернувшись, воины увидели Гаку.

– Она принадлежала твоему отцу, Тагай, – Хасдеваю, который был братом Тододахо. Он сделал ее из ножа, который выменял на меха у первого из бледных воров. Говорили, что он убил ею тысячу врагов, хотя о нем и о Тододахо легенд ходило больше, чем о близнецах.

С этими словами старуха подошла ближе и склонилась перед Тагаем.

– Когда на следующий год бледные воры увезли твою мать вместе с Доннаконной, твой отец потерял желание жить. Он погиб в следующей же боевой вылазке. Тододахо принес домой его палицу. По-моему, с тех пор ею никто не пользовал-

ся.

Тагай снова взял из рук Сады оружие. Когда молодой воин поднял палицу своего отца в первый раз, она пришлась ему по руке – более легкая, чем палицы из железного дерева с их тяжелыми наконечниками. Ею было легче замахиваться. Тагай попробовал нанести косой удар, потом – удар сверху вниз. Обладая режущей кромкой и острием, оружие немного напоминало меч, с которым Тагай упражнялся по приказу короля Генриха.

Оружие его отца! Оно идеально подошло сыну.

Однако Тагай обнаружил, что не может высказать этого. Он вообще ничего не может сказать: что-то подкатило к самому его горлу. Так что он молчаливым кивком подтвердил свой выбор и попробовал еще один косой удар.

\* \* \*

Анна следовала за светом тростникового факела, хотя свет луны все еще оставался настолько ярким, что прибрежная тропинка была хорошо видна. Факел высоко поднимал Доне. Звание «светоносца» явно доставляло мальчику большую радость. Он отказывался отходить от Анны, даже когда стало известно, что Черный Змей уединился с членами своего рода. Доне был защитником Белого Можжевельника, все это знали. Это дало хромому мальчишке авторитет, которого прежде он среди своих сверстников не имел.

Когда они подошли к прибрежной гальке, Анна попросила Доне остановиться, отвела взгляд от яркого света факела и устремила взгляд вдоль берега. Отыскав вдали свет костра, она повернулась обратно к мальчику.

– Ты должен оставить меня здесь, Доне. Дальше я пойду одна. Я пройду совсем немного.

Он покачал головой.

– Пожалуйста, Доне! Я далеко не уйду. Мне надо кое-кого увидеть. Вон там.

– Тогда я буду дожидаться прямо здесь, – заявил мальчик, падая на землю и втыкая конец факела в землю. – И если ты меня позовешь, я приду. У меня есть вот что.

С этими словами защитник Белого Можжевельника вынул из-за пояса маленький костяной нож.

– Хорошо. – Анна наклонилась и прикоснулась к его голове. – Я вернусь через минуту.

Ее ноги скользили на гальке, и, хотя свет луны был ярким, все-таки несколько раз она споткнулась на крупных камнях.

Однако шум не имел значения. Тот, кого она ищет, в любом случае ожидает ее прихода.

Анна пробиралась на свет горящих углей. Тагай сидел лицом к воде, поджав под себя ноги. Перед ним лежала какая-то дубинка. Девушке удалось разглядеть резьбу на боковой стороне: голова ястреба, клинок под ней. Рядом она увидела полосатый камень – оки Доннаконны. Анна стояла молча и смотрела, как Тагай бросает табак в огонь. Листья

раскалились, вспыхнули, и над костром поднялся сладковатый дым. – Кому ты его возжигаешь, Тагай?

– Всем. Всему. Себе.

Его голос звучал спокойно.

– А мне ты его тоже возжигаешь?

Ей было очень обидно, что ее голос звучит не так, как у него, что в нем слышатся жесткие ноты.

– Тебе? – Тагай помолчал, обдумывая ответ. – Конечно, и тебе. Я сражаюсь за тебя.

– Правда? – Анна опустилась рядом с ним на колени. – Тогда не делай этого. Я не хочу, чтобы за меня умер еще кто-нибудь.

– Благодарю. Ты так уверена, что я умру?

– Он воин, и с детства его учили убивать.

– А меня – нет. Это правда. Но я – сын воина. – Тагай подался вперед, нежно провел пальцами по рукояти своей палицы. – И я родом из племени воинов. И потом, у меня нет выбора. Ты слышала. Они убьют тебя, как ведьму.

Она обхватила ладонями его лицо, заставив его повернуться.

– Послушай меня. У тебя есть выбор. Ты можешь выбрать, жить тебе или умереть. Дядя Пьер обещал вернуться в полнолуние. Здесь есть каноэ. Прямо здесь. Мы можем взять одно, спрятаться, дожждаться его.

– Тайком уползти во Францию, пока мой народ будут избивать?

– Если ты умрешь, их все равно ждет избиение.

Тагай всем телом повернулся к Анне, и его голос стал настойчивым.

– А ты, Белый Можжевелник? Как твое дело? Рука, которую ты должна закопать?

Она завела руку за спину и вытащила из поясного кошелька косточки кисти. При свете луны кости загорелись зеленоватым светом, словно ими владела какая-то болезнь.

– Это? – Анна не скрывала своего отвращения. – Это – останки женщины, которая умерла двадцать лет тому назад. Я брошу их в океан на обратном пути.

– Ты могла это сделать по пути сюда. – Тагай протянул руки. Пальцы одной коснулись ее груди, вторая опустилась ей на голову. – Ты же знаешь, ты слышала это здесь и здесь, Анна, – голос, который сказал тебе, что ты должна их закопать. Потому что та, которая дала эту кисть твоему отцу, просила закопать ее. Надежно, при свете полной луны. Через две ночи после сегодняшней.

– А если ты к этому времени погибнешь? – Теперь Анна шептала. – Я не смогу выполнить поручение, потому что я погибну тоже.

– А может, и не погибнешь. – Тагай поднялся на колени. – Я не рассказал тебе про ту охоту еще одно. Они убивали моих соплеменников с помощью ружей.

– Ружей?

– Точнее, пистолетов.

– Но как?..

– Думаю, – вздохнул Тагай, – что пистолеты им дал твой брат.

– Мой брат...

Это стало настоящим ударом. Девушка отшатнулась, села на гальку, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лбом. Она едва могла дышать. Какое-то время Тагай выжидал, а потом снова протянул руку, слегка прикоснувшись к ее волосам.

– Ты могла бы поехать к нему прямо сейчас, – мягко проговорил он. – Возьми одно каноэ. Это опасно, но, возможно, не так опасно, как оставаться здесь. Он – твой брат. Он не прогонит тебя. Особенно если ты привезешь ему то, что он ищет. – Тагай указал на скелет руки, который она продолжала держать перед собой. – Ты говоришь, что твои близкие принесли достаточно жертв. Если ты действительно так считаешь, тогда отдай это своему брату. Пусть он увезет ее обратно за океан. Пусть он возьмет тебя с собой. Анна поднялась на ноги и чуть пошатнулась. Она сунула отрубленную кисть обратно в мешочек, достав оттуда вместо нее что-то другое.

– Вот все, что я вручу моему брату. – Она подняла крошечный серебряный крестик так, что Тагаю стало видно, как он блестит в лунном свете. – Я нашла его на дереве в Тоскане. Джанни получил его в подарок от моего отца в те дни, когда мы все еще были счастливы. Джанни спрятал его среди

ветвей, надеясь, что когда-нибудь заберет его обратно.

Она повернулась, сделала пару шагов по тропинке и остановилась.

– Ты прав, Тагай. Ты хорошо видишь, что тебе предстоит сделать. А появление Джанни напомнило мне о том, что должна сделать я. И вот что я скажу тебе, как сказала бы тебе наша мать – моя и Джанни. Черный Змей? Убей этого ублюдка.

С этим Анна удалилась. Ее ноги скользили на камнях, и это означало, что она не может видеть его улыбку или слышать его ответ. Но он все равно прошептал:

– Постараюсь, Белый Можжевельник. Не сомневайся: я постараюсь.

\* \* \*

Факелы были расставлены вокруг всего поля через каждую дюжину шагов. Между огнями собралось все племя тахонтенратов – все мужчины, женщины и дети, начиная с младенцев, которых принято носить на специальных досках, и заканчивая дряхлыми стариками, восседавшими в лубяных креслах. Они пришли из деревни, расположенной под скалами, и из других поселков, однако все распределились не по месту жительства, а по принадлежности к родам. Каждый член каждого рода был голоден, потому что приток беженцев оказался тяжелым бременем и запасы пищи иссякали.

Но никто не был голоднее, чем сосед, стоявший рядом с ним: все, что они имели, было разделено поровну в соответствии с обычаями их народа. Однако обстановка совершенно не походила на ту, которую Тагай застал во время игры, когда непрерывно галдели голоса, словно тысяча гусей пролетала в небе. Сейчас собравшиеся молчали. Даже новорожденные не плакали, хотя никто из них не спал и дети наблюдали за происходящим так же внимательно, как и их родители.

Тагай ждал на одном конце поля, за теми воротами, через которые Сада забросил мяч. Вокруг него столпились члены рода Медведя. Те, кто стоял ближе к нему, обсуждали его доспехи и суетились из-за них – вернее, из-за их отсутствия. Большинство же просто уставились на противоположную сторону поля. Там, за вторыми воротами, на них устремляли ответные взгляды члены рода Волка.

Пока его тетка Гака заканчивала расписывать бойца причудливыми красными узорами, Сада суетился больше других Медведей. Наклоняясь к руке Тагая, он проверял и перепроверял завязки на его нарукавнике, затягивая полоски кожи так, чтобы каждая кедровая дощечка ложилась вплотную к другой. Затем наступила очередь ремней на круглом щите, которые двоюродный брат заботливо укрепил еще несколькими стежками кожаной нити.

Пока Сада проталкивал костяную иглу мимо руки воина, словно сделанной из дерева, один из воинов подбежал к Саде и зашептал что-то ему на ухо. Сада хмыкнул, продолжая



шитье.

– И какие ставки сейчас, братец? – полюбопытствовал Тагай.

Сада поднял голову: на его лице отразилось изумление.

– Ставки? Это же обряд, Тагай, а не просто бой! Ваш поединок – часть веры нашего народа. Мы не делаем ставок на благосклонность богов. Если бы ты вырос среди нас, не среди людей, которые ни во что не верят, ты бы знал это.

И снова принялся за шитье, закусив конец нити зубами.

– Сада!

– Да?

– Какие ставки?

Воин сплюнул в сторону, не выпуская нити изо рта.

– Восемь бобровых шкурок против одной, – проворчал он. – Вечером было пять против одной. Но потом, когда ты вышел утром без доспехов...

Он сделал последний стежок.

Тагай сохранил на лице улыбку, но у него свело живот. Он был рад, что его уже вытошнило супом, который его заставили съесть за час до этого. Ему не хотелось увеличивать ставки, снова поддавшись тошноте.

На востоке появился слабый свет. Распухшая луна побагровела.

«Как будто ее залило кровью, – подумал Тагай. – Кто-то скоро умрет».

По его толпе пробежал ропот, все чуть подвинулись. Та-

гай увидел, что к центру поля движутся четыре факела. Под ними шагал мужчина в вампумах. В одной руке он нес трубку, в другой – резной жезл. Барабаны, отбивавшие мерный ритм, смолкли.

– Тододахо. – Сада выпрямился. – Так. Начинается.

– Люди Оленя! – Сильный голос вождя, привыкший проносить речи на советах, легко достиг краев поля. – Не думал я, что увижу, как наступает подобный день, – день, когда все тахонтенраты собрались под сенью вигвама наших богов. Надлежит радоваться, когда поселок встречается с поселком, далекий род соединяется с близким, давно расставшиеся родичи снова вместе. Мне это доставляет радость.

Слушатели отозвались общим возгласом:

– Хау!

Когда крик стих, Пойманный продолжил:

– Однако этот день одновременно и день печали. Ибо мы собрались не для празднества: к общим очагам нас призвала опасность. Нас вытесняют из охотничьих угодий здесь и там, здесь и там. – Подняв жезл, вождь торжественно указал на все четыре стороны. – Вот что мы обсудим сегодня на большом совете. Но прежде мы призваны стать свидетелями битвы близнецов, Тавискарана и Иоскехи. Эти божественные братья сражались в самом начале времен, когда земля была плоской пустынной равниной. Кровь, которую они пролили, породила множество вещей нашего мира. И меня не удивляет, что сейчас, в момент величайшей опасности, близ-

нецы снова призваны вступить в единоборство.

Опять раздался крик «Хау!», еще более громкий, чем в первый раз. Тододахо позволил общему воплю прокатиться по всему полю и затихнуть, а потом заговорил снова:

– Все мы знаем, что утверждают эти двое. Один из них лжет в самой глубине своего сердца. Один из них сегодня умрет, чтобы доказать правоту второго. Но это – не игра, когда один род наносит удар другому, заставляя ликовать то одну сторону, то другую. Пусть никто не считает их битву игрой, и пусть кровавая вражда не заставит нас сражаться между собой. В ближайшем будущем нас всех ждет война. Помните, что сейчас не Волк сражается с Медведем. Это – сражение близнецов. Пусть боги решают.

Голос Тододахо взлетел до самых высоких нот. Вождь высоко воздел свой жезл. Новый крик «Хау!» был еще более громким и продолжительным, чем прежде. Когда голоса индейцев смолкли, забили барабаны, и Пойманный отошел назад, заняв место рядом с другими вождями.

Сада приблизился к Тагаю.

– Встань на колени! – приказал он.

Тагай опустился на колени, и Сада зашел ему за спину. В следующую секунду юноша почувствовал, как двоюродный брат повязывает ему на лоб ленту, сплетенную из лосиного волоса.

– Это – моя, та, что я надеваю, когда иду воевать, – пояснил Сада. – Немало врагов смотрели на нее и умирали. Ду-

маю, этот Волк станет следующим.

Тагай встал. Его ноги внезапно налились силой, словно лента на его голове каким-то образом тянула его вверх.

– Подай мне палицу моего отца, – попросил он. Она была спрятана под медвежьей шкурой, чтобы скрыть ее от тех, кто мог бы известить Черного Змея о выборе оружия, сделанном его противником. Вместо заветной палицы на всеобщее обозрение выставили обычную. Все члены рода Медведя решили, что странное оружие удивит противника Тагай не меньше, чем их самих.

Тагай взмахнул отцовской палицей, снова ощутив ее прекрасную балансировку. Сада взял палец своего молодого родича и прижал к режущей кромке под головой ястреба. Теперь от ржавчины не осталось и следа. Клинок был прекрасно наточен и моментально рассек кожу. Удивившись, Тагай слизал с пальца кровь.

– Пусть лучше первымпустишь кровь ты, а не он, – улыбнулся ему Сада.

Они вышли на поле под изумленный ропот толпы. Многие недоумевали при виде молодого человека, который остался почти нагим, не считая набедренной повязки и наручей на правой руке. Да и щит у него оказался самым маленьким. Изумило всех также его легкое оружие. Медведи проводили своего бойца до края поля, но только Саде позволили пройти дальше. Он хромал рядом с Тагаем, опираясь на палку. Братья остановились в двадцати шагах от своих ворот.

Барабаны забили громче, когда ряды Волков расступились и вперед вышел Черный Змей. Татуированный индеец был крупным мужчиной, а надетый на нем полный доспех из дощечек заставил его казаться настоящим гигантом. Воин рода Волка был защищен с головы до ног, начиная от шлема из кедровой коры и заканчивая дощатыми поножами. Уверенно прошагав вперед, он остановился на таком же расстоянии от своих сторонников, что и Тагай. На ходу он размахивал боевой палицей. Как и предсказывали, она оказалась целиком из железного дерева. Тагай ясно видел тяжелый шар на ее конце.

Он почувствовал, как колотится его сердце, и решил, что всем это слышно так же ясно, как и ему самому. Но если Сада и уловил этот бешеный стук, то виду не подал.

– Послушай меня, Тагай, – прошептал он, демонстративно осматривая завязки на его предплечье. – Доспехи на нем хорошие, но у них есть уязвимые места здесь и здесь. – Он быстро прикоснулся к подмышке и колену Тагая. – А еще они тяжелые, а он и так всегда был не слишком быстрым. Так что двигайся вокруг него и заставь его гоняться за тобой. Не останавливайся, чтобы обмениваться ударами, потому что тогда он быстро тебя убьет. Никому не нужно, чтобы ты выглядел храбрым. Нам нужно только, чтобы ты победил.

Барабанный бой, который становился все громче и громче, пока они шли вперед, внезапно прекратился, и Пойманный шагнул вперед, держа резной жезл так, словно разделял

поле на две половины.

– И еще одно, – продолжал торопливо шептать Сада. – Конечно, ты можешь счесть, что сейчас не самое подходящее время, чтобы болтать о том, как хорошо я играю. Но ты помнишь, как я забил тот последний мяч, который принес роду Медведя столь славную победу?

Тагай, чьи остекленевшие глаза устремились вперед, перевел взгляд на двоюродного брата.

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Последний мяч! Я сделал обманное движение и пригнулся пониже. И обошел Черного Змея сбоку. Не забудь это!

С этими словами Сада повернулся и ушел туда, где стояли остальные члены его рода.

Тагай замер, не зная, сможет ли он сейчас резво бегать – даже если очень захочет. Чтобы успокоиться, он огляделся вокруг, обведя взглядом все свое племя. И когда его взор достиг громадного дуба, он увидел темное пятно на одной из его ветвей.

– Анна! – прошептал Тагай. – Белый Можжевельник!

Подняв палицу в ее сторону, он медленно опустил лезвие к земле. А потом зашагал по полю.

\* \* \*

Анна заметила жест Тагая и воздела руки, отвечая на при-

ветствие. Она не знала, видел ли это Тагай, но продолжала махать ему, когда он направился к своему противнику. С ее позиции он казался маленьким мальчиком, идущим навстречу великану, словно шагнувшему со страниц древней легенды. Тагай выглядел хрупким – обычным, уязвимым человеком из плоти и крови. Фигура, двигавшаяся в его сторону, напротив, представлялась нечеловеческой – чужеродной, неумолимой, чудовищной.

В отличие от брата, Анна никогда не была набожной. Однако ей было известно, что Джанни верует – жарко, страстно. И девушка вытащила из мешочка его крестик и подняла перед собой, пытаясь выпустить на свободу хоть малую часть молитв Джанни, тех пылких молитв, которые брат изливал перед этим символом Распятого Бога и которые могли задержаться на его сверкающей поверхности, словно дыхание. Полузабытые фразы выплыли из невероятно далекого мира. Девушку это не смущало. Тагаю нужна любая помощь.

– Mater Dei, Memento Mei.

Матерь Божья, вспомни обо мне.

Вспомни о нем!

\* \* \*

Труднее всего оказалось бороться с желанием броситься вперед. Достаточно непросто было управлять даже таким движением, как шаг. На бегу у него останется меньше вре-

мени на то, чтобы думать. Скоро Тагай уже слышал ровное дыхание своего противника. Это напомнило ему о необходимости сделать вдох. А потом он разобрал его первые слова.

– Медвежонок! – Черный Змей делал ударение на уменьшительной части слова, тон был презрительным. – Дитя! Иди к Волку. Иди пососать молочка.

Двадцать шагов. Десять. В пяти шагах Черный Змей остановился, и поэтому Тагай поступил так же.

– Медвежонок. – Теперь голос врага звучал тихо: слова предназначались ему одному. – Ты умрешь, зная, что твоя женщина будет лежать подо мной, а потом под каждым из Волков. А потом мы ее убьем. Ты умрешь, зная, что твоя тетка погибнет, твой род будет уничтожен, твои родичи станут рабами. Ты умрешь, зная, что не смог их спасти. И это знание будет преследовать тебя даже в Поселении Мертвых.

А потом мужчина, которого Сада называл медлительным, доказал, что это не так.

Тагай отреагировал на звук палицы, а не на размытое движение древесных доспехов, бросившихся на него. Палица рокотала в воздухе так, словно на своем пути уже крушила тела. Тагай едва успел увернуться, и ветер, поднятый стремительным движением, казалось, прочертил бороздой ему щеку, плечо и бедро. Когда Тагай дернулся в сторону, по всему полю понеслись крики.

Черный Змей вложил в свой первый удар столько силы, что тяжелая палица увлекла его вниз, зарывшись наверху



в мягкую землю. Однако воину Волку понадобилось всего мгновение на то, чтобы выдернуть ее. Согнувшись, он начал поднимать ее над землей по кривой линии, направляя удар в колено Тагая. Юноша выставил щит, повернув его под углом – так, как он запомнил по урокам, полученным еще во Франции. Однако угол оказался слишком маленьким: палица ударила по щиту слишком сильно, расщепляя дерево и заставив юношу отшатнуться. Черный Змей мгновенно выпрямился и надвинулся на него.

«Ты быстрее!» – сказал Сада. Вспомнив сейчас эти слова, Тагай побежал прочь от воина, приближавшегося к нему. Он действительно быстрее!

Черный Змей остановился.

– Трус! – прокричал он, потрясая перед собой палицей. – Ты не осмеливаешься остановиться и сражаться. Так же бился и твой отец. Я слышал, как он погиб: получил стрелу в спину, когда удирал от врага!

До этой секунды Тагай думал только о том, как уклониться от следующего удара, как удержать врага на расстоянии. Теперь, когда он смог представить себе человека, которого никогда не знал, человека, чью палицу он сейчас держал в руке, молодой индеец почувствовал, как проясняются его мысли. Когда Черный Змей снова бросился к нему, Тагай опять отбежал дальше. Но на сей раз расстояние между противниками осталось достаточно небольшим, чтобы соблазнить Черного Змея на преследование.

Палица опустилась. Тагай остановился, поднырнул под удар и поднял свою палицу. Удар Черного Змея попал в цель, но неточно – лишь скользнул по доспеху, прикрывавшему предплечье Тагая. Это было больно, но не настолько, чтобы помешать юноше развернуться за спиной противника и нанести ему тычок деревянным концом. Это был пустяк: удар был нанесен не смертоносным концом оружия и попал в защищенное доспехом плечо. Однако это была первая его атака, и зрители приветствовали ее криком.

Черный Змей рассмеялся.

– Сегодня тут жужжат мухи! – сказал он. Тагай, который успел отступить, засмеялся в ответ:

– Они собрались, чтобы отложить яйца в твои раны, Таване. Или, может быть, их привлек твой запах?

Ему не пришло в голову, что такая шутка может больно задеть противника. Возможно, дело было просто в вызывающем тоне юноши, но татуированное лицо помрачнело. Черный Змей снова ринулся вперед. Палица из железного дерева громко жужжала, будто пчелиный рой вокруг улья, рассекая воздух так, словно он был твердым. Тагай отступил, но не побежал. Он увертывался от ударов, некоторые отклонял щитом и покрытой доспехом рукой. Но на каждый принятый удар молодой Медведь отвечал своим – и всегда острием, неизменно целясь высоко: у шеи врага, под его рукой. Он бил и бил по кедровым дощечкам, пока клюв ястреба не начал расщепляться и крошиться.

Шум среди зрителей нарастал: с обеих сторон доносились крики и стоны, в зависимости от того, насколько точными были удары.

При каждой атаке Черный Змей хрюкал, мощно выпуская воздух. Он тяжело дышал, тогда как дыхание Тагая оставалось достаточно легким.

«Может быть, – подумал юноша. – Может быть, я смогу сделать это».

Однако искра уверенности чуть было не погубила его. Тагай снова опередил Черного Змея, но выпад в сторону шеи противника вывел юношу из равновесия. Татуированный воин заметил это, сократил дистанцию и высоко занес из-за спины боевую палицу. Тагай оказался чересчур близко от него, уклоняться было слишком поздно. Молодой человек поднял свой щит, и железное дерево тяжело упало на его центр, пробив защиту.

Анна подалась вперед, глядя на одну катастрофу и предчувствуя свою собственную. Сада с проклятием шагнул к полю. Волки торжествующе взвыли. Колеблющиеся готовы были принять решение своих богов.

Тагаю показалось, что рука у него сломалась вместе со щитом. Ему удалось откатиться, и второй удар вонзился в землю возле его головы. Однако Черный Змей поскользнулся на глине, и Тагай встал на колени, отбрасывая куски расколовшегося щита. Два воина снова стояли напротив друг друга, тяжело переводя дух.

– Медведь... лишился... лапы. – Черный Змей указал на руку Тагая, которая уже начала распухать. – Встань передо мной... на колени. Один удар... и тебе больше не будет больно.

Татуированный снова двинулся вперед, высоко задрав свой щит, чтобы отразить последнюю, отчаянную атаку Тагая. И, распрямляясь, Тагай действительно повел свою палицу вверх, целясь, казалось, в синюю змею, которая держала в распахнутых клыкастых челюстях глаз противника. Щит Черного Змея поднялся еще выше над выдвинутой вперед ногой, чтобы поймать и отвести выпад. Палица железного дерева коснулась земли, готовая к смертельному удару.

Однако оружие Тагая, против всех ожиданий, не двинулось по намеченной траектории. Вместо этого, распрямляясь, юноша повернулся на выставленной вперед ноге и выбросил ушибленную руку назад и в сторону, воспользовавшись ею для того, чтобы усилить силу вращения. Отцовская палица опустилась вниз, и впервые Медведь использовал не ее наверхие, а клинок. Падая, Тагай не спускал глаз с цели, и за секунду до того, как удариться спиной о землю, он просунул голову ястреба между передней и задней частью доспеха, защищавшего голень врага. Приземляясь, Тагай использовал всю силу своего падения, резко развернул кисть и рванул клинок вверх, рассекая плоть и сухожилия колена Черного Змея.

А затем Тагай покатился по полю, зарываясь лицом во

влажную почву. Он не увидел, а услышал, как палица снова ударила в землю позади него. Глаза ему залепила глина. Он не увидел, но услышал рев толпы. Тагай перевернулся на спину, сплюнул, вытер лицо ладонью – и к нему вернулось зрение.

Теперь на одном колене стоял уже Черный Змей, который изо всех сил пытался подняться. Однако нога у него не действовала, и он снова падал. Тогда татуированный воин оперся на палицу, как на костыль, и встал на одну ногу.

Теперь для Тагая исчезли все звуки. Пропала толпа, стихли хрипы и оскорбления, даже гул крови в ушах отступил в никуда. Единственное, что он слышал, – потому что то были не реальные звуки, а воспоминание, – это слова Сады. В доспехах Черного Змея есть два уязвимых места, повторял Сада. И, отыскав одно из них, Тагай шагнул вперед, чтобы найти второе.

Тагай бегом обогнул поднятый щит. Черный Змей снова оторвал палицу от земли, и при этом его рассеченная нога подогнулась. Пока противник падал, Тагай обнаружил то, что искал. Широко замахнувшись, Медвежонок загнал палицу между двумя пластинами доспехов, погрузив лезвие в мышцу, которая соединяет плечо с рукой.

И звуки стремительно вернулись: топот людей, выбегающих на поле, крики торжества и потрясения. Черный Змей лежал на спине, неловко подогнув ногу, и между дощечками его доспеха сочилась кровь, собираясь в лужицу. Тагай опу-

стился на землю, но Сада стремительно заставил его встать. Обычно спокойное лицо двоюродного брата, который исключительно редко выказывал свои чувства, теперь морщилось изумлением и радостью.

– Делай ложный выпад высоко, ударяй низко, обходи сбоку! – Воин рассмеялся. – Хороший совет, правда?

Он был одним из немногих, кто демонстрировал радость. Казалось, большинство сочли то, что сделал Тагай, нормальным и обыденным. Например, высокий и худой старейшина, который протолкался к ним, коротко кивнул Тагаю и сразу же повернулся к Саде:

– Мой внук зайдет к тебе и заберет бобровые шкурки. Он повернулся и ушел, едва взглянув на Черного Змея. Сада изо всех сил старался стать незаметным.

Тагай с трудом поймал его взгляд.

– Ты ставил против меня, Сада?

Мгновение родич выглядел смущенным, а потом пожал плечами.

– Этот человек выделывает бобровые шкурки лучше всех в поселке, – молвил он. – Я решил, что зимой они будут согревать меня лучше, чем воспоминания о тебе.

Тагай рассмеялся. Какое странное ощущение – чудесное и незнакомое. Он посмотрел вверх толпы в сторону дуба. Нижняя ветка опустела.

«Ты идешь ко мне, Белый Можжевательник?» – подумал Тагай.

Тут толпа расступилась, и появился Пойманный в сопровождении других вождей. Зрители раздались в стороны, давая им место.

\* \* \*

Анна пыталась добраться до победителя. Когда Тагай упал в тот последний раз, она решила, что он погиб. Она не увидела, как он нанес свой первый решительный удар, потому что опустила взгляд на серебряный крестик, лежавший перед ней на ветке.

«Это конец, – подумала девушка. – Все кончено!»

Услышав громкие крики, она заставила себя снова поднять глаза. Ей придется увидеть смерть отважного мужчины. Точно так же всего два месяца назад она смотрела, как погибает ее отец. И Анна подняла взгляд как раз вовремя, чтобы узреть чудо: воин-чудовище стоял на коленях, а Тагай поднимался и приближался к своему противнику снова. А потом Черный Змей рухнул под новым ударом. Анна подхватила крестик, сунула его в мешочек и быстро слезла с дерева, словно спускаясь по лестнице.

И в тот момент, когда она уже бежала к толпе, озираясь по сторонам в поисках просвета, который позволил бы ей обратиться к Тагаю, она заметила то, что поначалу приняла за груды оленьей кожи, оставленную на земле. Девушка перевела взгляд на своего мужчину. А потом что-то остановило

ее – возможно, отблеск факела, упавший на сложный узор бусин женского платья.

Гака лежала на боку. Анна приблизилась к ней и осторожно перевернула на спину. Лицо старухи было искажено, а кожа стала синеватой. Левую руку она крепко прижимала к боку, а правая дергалась и била о землю, зарываясь в глину. Казалось, старая женщина пытается за что-то уцепиться. Глаза под полуоткрытыми веками закатились.

Гака не могла дышать! Челюсти у нее были сильно стиснуты, и поэтому Анна поспешно уложила седовласую голову себе на колени и с усилием открыла сведенный судорогой рот. Гака проглотила язык. Анна запустила пальцы ей в глотку. К счастью, старуха уже потеряла почти все зубы, но ее челюсти мощно сомкнулись на запястье целительницы. Анна ухватила провалившийся язык Гаки и втянула его обратно в ротовую полость. Отчаянно осмотревшись, девушка увидела рядом с собой на земле небольшую ветку. Анна положила ее поверх языка старухи. Только после этого она позволила Гаке сомкнуть рот.

– Доне!

Во время боя мальчик оставался у дерева. Приковыляв на зов Белого Можжевельника, он округлил глаза при виде извивающегося на земле тела.

– Побудь с ней. Постарайся, чтобы ветка оставалась у нее во рту. Я позову на помощь.

Анне необходимо было добраться до Тагая. Впереди про-



должала собираться толпа. Добравшись до ее заднего края, она начала проталкиваться вперед.

\* \* \*

– Близнецы свершили свой суд, Таване, объявил Пойманный. – Ты его принимаешь?

– Принимаю.

Морщась, Черный Змей приподнялся и сел. Кровь, которая прежде текла по его спине на землю, теперь начала сползать по его груди, пузырясь на кедровых пластинах и придавая им более насыщенный красный цвет.

– Все обстояло так, как вам сказал Медвежонок. Татуированный народ собирает своих союзников со всего света. На рассвете после полнолуния они окажутся здесь и сожгут ваши дома. Тахонтенратам пришел конец.

Ворчание, которое сопровождало эти его слова, сменилось криками. Тододахо прекратил их, подняв жезл.

– Поэтому ты нас предал?

– Я вернулся к тому, чему был верен раньше, только и всего. Я презирал себя за то, что не умер как воин, когда вы взяли меня в плен. Я был слишком юным и слабым. И в течение многих лет я лгал себе. Но потом я увидел, как силен народ, среди которого я родился, а племя Оленя становилось все слабее. Мне хотелось снова стать сильным, как они.

Пойманный вновь усмирил толпу.

– А теперь?

– А теперь я хочу умереть как воин. Так, как мне следовало сделать раньше. Я хочу спеть свою песню смерти, чтобы вы все убедились в том, что мужество моего народа превосходит ваше мужество, их сила превосходит вашу силу. Таково мое желание.

– И ты увидишь его исполнение. – Тододахо поднял свой жезл и указал им на восток, где уже светлело небо. – Бог войны приходит к нам в огне, и мы отправим твою душу приветствовать его. Если бы у нас было время, нам следовало бы приготавливать тебя много дней, чтобы почтить и тебя, и его. Но, судя по его стремительному приближению и по тому, как твоя жизнь красной струей бежит на землю, я вижу, что у нас на это нет времени. – С этими словами вождь повернулся к своим соплеменникам, к воинам, вставшим впереди. – Отпустите его душу.

Зрители отступили на несколько шагов, так что образовалась площадка примерно в пятьдесят шагов в длину и тридцать в ширину. Барабаны, которые били во время боя, зазвучали снова, а толпа начала скандировать: «Хех-хех-хех-хех-хех!» Факелы занесли на площадку и расставили на равных расстояниях друг от друга, хотя рассвет делал их ненужными. Однако теперь огонь был необходим для других целей.

Сада приблизился к Тагаю, вручил ему тлеющую палку и подвел к остальным воинам. Те уже выстроились в два ряда лицом друг к другу, по двадцать человек в каждом ряду.

С Черного Змея сорвали доспехи и, обнаженного, опутанного паутиной кровавых ручейков, струившихся по синей татуировке, подтащили к началу строя. Там его заставили подняться на ноги.

– Делай то же, что и я, – прошептал Сада. А потом шагнул к Черному Змею и сказал: – Похоже, ты замерз, Таване. Давай я тебя согрею.

С этими словами Сада ткнул своей заостренной горячей палкой в ухо с синей татуировкой.

Черный Змей не закричал. Он взревел:

– Я – Таване из племени нундаваоно! Слушайте мою песню смерти!

И заковылял вдоль строя.

Тагай ткнул его одновременно с человеком, который стоял в ряду напротив него. Их факелы вонзились в плоть, но Черный Змей не повернулся, ничем не выказав боли. Он хромал все дальше, безропотно принимая удары, и сквозь сжатые зубы пел свою песнь. Дважды он падал, но заставлял себя подняться и все шел и шел, волоча за собой перебитую ногу.

Каким-то образом ему удалось добраться до конца. Когда последний кол был вбит в его тело с возгласом: «Ты истекаешь кровью. Давай я ее остановлю!», его бросили на землю. Руки его растянули в стороны, положив их на поваленные стволы, а сверху побросали несколько бревен, так что их вес раздробил умирающему пальцы. Тогда он выкрикнул единственное слово – свое имя – и потерял сознание. Его облили

водой, и он сел. И немедленно снова начал петь:

– Черный Змей ползет по земле. Враги убегают или попадают на его зубы.

После этого ему раздробили ступни. И снова приведя предателя в чувство, его привязали к столбу, только что вкопанному в землю, повернув лицом к разгорающемуся рассвету.

Барабанный бой, мерные восклицания, дым, горелая плоть, кровь. Все органы чувств были переполнены вкусом смерти, ее запахом, все ощущения прикасались к брэнности, вдыхали потустороннее, ловили тени ада. Тагай предоставил Саде руководить им, повторял то, что делал Сада: колол, прижигал, дробил. За пределами пылающего круга не было ничего, была только плоть перед ним, – плоть, закрепленная на столбе.

Корчащееся тело обмякло, повиснув на путах. Сада шагнул ближе, приложил ладонь к развороченной грудной клетке, приблизил ухо к тому, что недавно было ртом. Барабанный бой звучал глухо – как будто натянутую кожу ласково поглаживали; громкое пение превратилось в едва слышный шепот.

– Он близко! – объявил Сада. – Он ищет бога солнца.

– И смотрите: Ондутет приходит к нему. Смотрите! – Тододахо воздел жезл и вытянул его к востоку.

Все повернулись туда как раз в то мгновение, когда огненный шар солнца вырвался из-за леса, словно мяч, запущенный чьей-то гигантской рукой.

Индейцы приветствовали его криком:

– Хех-хех-хех-хех-хех!

Сада вложил в руку Тагаю костяной нож.

– Голову, а потом – сердце, – прошептал он и отошел.

Тагай продолжал действовать как в тумане. Когда он шагнул к столбу, его приближение заставило бесформенное скопище сломанных костей и разорванной в лохмотья кожи поднять голову. Из глубины глотки вырвались звуки. Звуки, которые могли означать:

– Таване из нундаваоно!

– А я – Тагайниргийе, и мой народ – тахонтенраты. И Тагай поднял нож.

Он еще никогда никого не скальпировал. Но обнаружил, что знает, как это делается.

Он никогда не вырезал ни у кого сердце. Но оказалось, что и это он тоже умеет.

Повернувшись к своему племени, Тагай высоко вскинул окровавленные руки с их ношами.

– Хех-хех-хех-хех-хех! – крикнул он навстречу рассвету.

– Хех-хех-хех-хех-хех! – откликнулись его соплеменники.

А потом Тагай опустил взгляд. И прямо перед собой увидел наполненные ужасом глаза Анны Ромбо.

## Глава 8. АНДАК-ВАНДА

Он сидел точно на том же месте, что и накануне ночью. Опять перед ним лежала боевая палица отца, только теперь она была побита и измочалена. Опять угли возжигали табак в честь его богов и в честь его оки – яркого, полосатого камня, который подарил ему дядя в другом времени и другом мире. Тагай опять посмотрел на свой новый мир, частью которого ему удалось стать, и изумился. Косые лучи заходящего солнца превратили реку в каскад полированных драгоценных камней. При виде этого блеска к нему пришло воспоминание. Жак Картье, знаменитый капитан, вернулся после своей последней неудачной попытки основать колонию здесь – в месте, которое он назвал Стадаконой. Капитан привез с собой тысячи камней, которые счел алмазами. Они должны были стать основой его богатства. Но эти «алмазы» оказались обычными хрупкими камнями, не имеющими никакой ценности, и Тагаю вспомнилось, как его и других заложников дразнили присловьем: «фальшивый, точно алмаз из Канады».

Сейчас Тагай смотрел вдаль, на воды мощно текущей реки, на громадные леса, освещенные заходящим солнцем, и думал о том, что настоящие алмазы Картье оставил здесь.

«Но как долго мы сможем их удерживать?» – подумал Тагай, видя, как через реку пробегает тень от облака, летяще-

го мимо солнца. С берега на воду столкнули еще два каноэ, и двенадцать воинов быстро направились к лодкам, которые плавали на расстоянии двух корпусов от берега. Однако та-туированные воины не подпустили их слишком близко – они быстро отплыли дальше. Когда тахонтенраты отказались от преследования, каноэ врагов вернулись и заняли те же позиции, чтобы продолжить наблюдение. Эта игра шла весь день – и, похоже, нравилась обеим сторонам. Однако Тагай понимал, что это не игра. Племя Большой Горы следило за тем, чтобы их добыча не попыталась вырваться из ловушки.

На Тагая снова упала тень, и он решил, что солнце спряталось за тучку, потому что не услышал шагов по прибрежной гальке. Вот почему он вздрогнул, услышав голос:

– У тебя сломана рука?

Тагай прищурил глаза и поднял голову. Анна стояла спиной к солнцу – четкий темный силуэт. Ее длинные волосы были окаймлены пламенем. Красота этого зрелища потрясла его, как и алмазы на воде.

– Нет. Это ушиб, но...

С этими словами Тагай встал, рассматривая листья, которыми крепко обмотал его предплечье Сада. Предварительно листья вымачивались в каком-то травяном настое, который охлаждал ушибленное тело. И только когда молодой человек выпрямился и притенил глаза рукой, ему стало видно ее лицо.

Анна смотрела на него тем лее взглядом, что и на рассве-

те, когда он стоял с сердцем побежденного врага в одной руке и его скальпом – в другой.

От этого взгляда Тагай ощутил удар, как от боевой палицы. Боль отозвалась в груди, и Тагай потянулся к Анне.

– Белый Можжевельник...

– Не надо! – Она отдернула руку и неловко подняла ее повыше. – Не прикасайся ко мне.

– Что случилось?

– Твои руки... – Анна отвела глаза, и ее взгляд устремился в недавнее прошлое. – Что они с ним сделали!

Он ощутил волну – сначала гнева, а потом какого-то другого чувства. Возможно, то была потребность объясниться.

– Мои руки помогли ему умереть.

– Они пытали его, пока он не умер.

– Помогли ему умереть такой смертью, какую он выбрал.

– У него не было выбора!

Ее глаза снова смотрели на него – их взгляд был таким же непреклонным, как и голос.

– Был! – Тагай заговорил жестко. – Он мог остаться на земле, и я перерезал бы ему горло, словно бобра в силке. Какая ему была бы от этого честь? Какие истории он рассказал бы в следующем мире? Ты же видела его: он почти не кричал, он допел свою песнь смерти до конца. – Тагай шагнул к ней. – Это было так же, как с твоим отцом.

– Моим... отцом?

Анна одарила Тагая взором, который заставил его содрог-



нутья, но молодой человек продолжил:

– Ты ведь рассказывала мне, как враги приковали его к стене, как они истерзали его тело. Он сам выбрал это. Это одно и то же.

– Нет! – При воспоминании о Жане Ромбо пришли слезы. – Мой отец хранил верность своей королеве, он держал слово, которое дал ей. Его пытали, чтобы получить от него сведения.

– Тогда то была их жестокость, Анна. Мы делаем это не ради... сведений. – Последнее слово было сказано с презрением. – Мы помогли человеку доказать свое мужество. Как это сделали те люди, которые убивали твоего отца. Я видел Жана Ромбо прежде – в Париже, в Сан-Мало – как он боялся! Гордый мужчина – боялся. Ему было больно от этого, больно вот здесь. – Тагай прикоснулся к своей груди. – Ты это знаешь, Анна. – Он столько страдал...

– Да! – Он горячо подался к ней. – Но я видел его в самом конце. Он больше не боялся. Он решил умереть. Как воин.

– Это совсем другое! – яростно отозвалась Анна. – Как ты можешь говорить, что это – одно и то же? Мой отец упал под дюжиной ударов мечом, в бою. И хотя мне был ненавистен Черный Змей – ненавистен, как никакой другой мужчина... – Она замолчала. – Иисусе помилуй, что вы сделали с его глазами!

– Иисус, – проговорил он. – Твой Бог Солнца. Твой Сын Бога. Он тоже выбрал такую смерть. Я слышал рассказы. Его

бичевали, прибили к столбу, прокололи копьем. И он пел свою песню, чтобы вечно жить со своим Отцом на небесах. И чтобы все его люди могли жить. Иисус. Твой отец. Черный Змей. Именно такую смерть выбирают воины.

– И ты бы хотел, чтобы я наблюдала, как ты умираешь вот так?

– Нет. Но если это случится, знай: я умираю так, как захотел. Как воин моего народа.

И Тагай снова протянул к ней руки. Анна тут же отступила назад. Совершенно другим голосом, монотонным и невыразительным, она проговорила, не глядя на него:

– Твоя тетка умирает. Ты придешь? Он знал, что Гака больна, но и только.

– Да. Прямо сейчас.

– Давай я пойду вперед и подготовлю ее.

И девушка зашагала по берегу.

– Анна! – Он рванулся следом. – Подожди!

Она остановила его жестом поднятой руки.

– Не надо, – выговорила Анна, а потом быстро скользнула между валунами и исчезла.

Тагай повернулся обратно к реке, но теперь игра света на водной поверхности не доставляла ему никакой радости. Между ним и Анной возникла стена, и казалось, ежедневно один из них добавляет в эту стену еще по камню.

«Что бы я ни делал, мне нужно позаботиться о том, чтобы она была в безопасности. Чтобы, когда „Морское перо“ вер-

нется, Жакэ мог увезти ее обратно во Францию».

Внезапно мысль о разлуке с Анной глубоко опечалила его. А потом он снова услышал хруст шагов по гальке.

«Она вернулась! – обрадованно подумал Тагай. – Скажи ей те слова, которые тебе так необходимо сказать!»

Однако по берегу к нему ковылял Сада.

– Что случилось, Тагай? Ты не похож на человека, который пожрал сердце врага!

– Мне нужно кое-что сделать.

И молодой Медведь хотел обогнуть Саду, но приложенная к его груди ладонь заставила его остановиться.

– Тебя вызвали на совет.

Тагай удивленно посмотрел на своего двоюродного брата.

– На совет? А мне казалось, что там собираются только вожди и старейшины.

Сада хмыкнул.

– Именно так и бывает – в обычное время. Но, как ты сам видишь, сейчас время необычное. – Он указал за плечо Тагая на реку, куда вернулись каноэ врага. – Да и кроме того, Медвежонок, как боевой вождь своего рода ты просто обязан там присутствовать.

– Что ты говоришь, Сада? У тебя мозги запеклись на солнце! Я не боевой вождь.

– А кто выполняет эту роль в роду Медведя? Тагай немного подумал.

– Его ведь убили во время обороны одного из поселков,

так? А его преемника должны назвать завтра, во время пира в честь полнолуния. – Тагай улыбнулся. – Его преемник – ты, Сада.

– Ты прав – и ошибся, и опять прав, и опять ошибся. Я понимаю, почему ты запутался. – Сада опустил на землю. – Мне надо сесть, потому что нога, которую я подвернул, помогая тебе выиграть тот бег, все еще болит. А! – Он принялся растирать себе щиколотку. – Вот одна из причин, по которой ты прав и ошибся. Я должен был стать боевым вождем. Но когда вождь избирается, ему положено сразу же идти воевать. Война ждет нас, – он махнул на кружащиеся по воде каноэ, – но нога не позволяет мне выступить. Нынешним утром род Медведя собрался. Это случилось, пока ты спал. Решение принято. Ты пойдешь вместо меня.

Тагай плюхнулся на землю рядом со своим братом.

– Вы с ума сошли! Вы все. Есть много воинов достойнее меня. Я даже не обучен воевать как тахонтенрат.

– Да. Но боги благосклонны к тебе. А это – важнее, чем умения. – Сада протянул руку и положил ее Тагаю на плечо. – Ты победил на суде близнецов и убил своего врага. Ты носишь оки Доннаконны. Твой отец был очень опытным боевым вождем, как и твой дядя, Тододахо. И главное, Тагай, толкователи снов нашего племени давно говорили об Охотнике Рассвета, который вернется, когда у нас будет большая нужда в нем. Ты и есть этот Охотник.

Сада принес с собой большой мешок из оленьей кожи и

теперь запустил в него руку.

– Это – вампумный пояс боевого вождя нашего рода. С этими словами он протянул Тагаю переплетенные шнуры с бусинами.

– Сада, это безумие!

Не отвечая, Сада повесил бусы ему на шею.

– Теперь на совете тебя будут называть именем, которое передавалось от вождя к вождю с той поры, когда в эти леса впервые пришли Олени. Это имя – Тонесса. Оно означает «Охраняющий». А это, – добавил он, извлекая из мешка длинный кусок резной палки, – наша трубка.

Он вручил ее Тагаю, не слушая его протестов.

– Вот «Стрела, летящая верно». Она – первая, которую пускают в ряды противника.

– Сада! – снова попытался заговорить Тагай.

Его двоюродный брат уже поднимался на ноги.

– Позже произойдет церемония, но сейчас на нее нет времени. Ты должен идти на совет. Они размышляют уже долго, а ответа все еще не нашли.

Тагай посмотрел на трубку, которую держал в одной руке, на стрелу, зажатую в другой, на бусины, висящие у него на шее.

– И что я там скажу?

– Может быть, ничего. Может, просто будешь сидеть молча. Но кто знает? Вдруг боги, которые любят тебя, заговорят с тобой вот здесь! – Сада легко постучал его по груди. – При-

слушивайся к их словам.

И хромающий воин повел своего боевого вождя от берега, а потом – через поселок, в дом Тододахо, где собрался совет.

\* \* \*

– Твой племянник просил передать, – сказала Анна, – что его вызвали на совет. Но он скоро придет.

Она снова всмотрелась в лицо больной, слабо надеясь на то, что эти слова вызовут хоть какую-то реакцию. Однако правый глаз, смотревший из полуопущенного века, по-прежнему оставался неподвижным, а левый закатился так, словно старуха пыталась что-то разглядеть на кончике своего носа.

Анна прикоснулась к левой руке, скрюченной, точно клешня, на шкурке бобра. Эта рука была холодной несмотря на то, что в помещении было очень тепло: в нескольких шагах от больной горел жаркий огонь.

– Гака. Тетя.

Анна сжала руку, которая оставалась безжизненной под всеми ее прикосновениями. Она ощущалась Анной как все руки умирающих, едва задержавшихся у самого края завесы. Ей вспомнился Джузеппе Тольдо, старый резчик, которому она помогла на этом пути в своей прежней жизни, в Сиене. Тогда девушка облегчала старику переход из этого мира в иной. Но сейчас она пыталась утащить Гаку обратно.

– Что я буду делать без тебя, тетя?

Анна прижала ладонь старухи к своему лбу и тихо заговорила на смеси обоих языков: девушка говорила о своих страхах так, чтобы ее понимала не только индианка, но и она сама, Анна. Она говорила о Тагае, о своих грезах о нем. Теперь эти грезы потонули в крови, разбились о сердце, которое еще бьющимся извлекалось из груди побежденного воина.

Сначала Анне показалось, что это от нее самой исходит то волнение, которое начало распространяться по их сцепленным рукам. Однако потом она ощутила, как старческие пальцы сжались, как в горле женщины, которую она обнимала, началось клокотание – звук, который ей уже столько раз приходилось слышать.

– Нет, Гака, нет! Не оставляй меня! – вскричала она. И вдруг услышала шепот:

– Мне был сон.

– Гака!

Анна наклонилась – и увидела свет в том глазе, который смотрел прямо на нее.

– Не пугайся, дитя, – прошептала Гака. – Я была в доме моих предков. Там, в Поселении Мертвых, меня ждет пир. Такой пир! Но мне сказали, что он еще не совсем готов, что мне нужно иметь терпение и подождать еще немного. Что сначала я должна кое-что сделать здесь. Принести им дар.

Она закашлялась, и Анна бросилась подать ей воды. Старуха захлебнулась, и часть жидкости потекла по ее подбородку.

– Отдохни, тетя, отдохни, – ласково проговорила Анна.

– Отдохнуть? Нет, дитя. Если бы я хотела отдыхать, то осталась бы на пиру, который готовят для меня мои предки. – Она попыталась приподнять голову, но со вздохом откинулась обратно. – Твоя маленькая тень, Доне, здесь?

Мальчик редко отходил от Анны. Вот и сейчас, услышав свое имя, он подошел к постели своей двоюродной бабки и с нескрываемым интересом начал рассматривать ее закатившийся глаз.

– Доне, – тепло проговорила Гака, – ты должен кое-что сделать для меня и для Белого Можжевельника. Ты должен пойти на совет. Ты должен отнести послание моему брату, Пойманному. Передай ему, – тут она стиснула пальцы Анны своей действующей рукой, – передай, что мне был сон. И еще передай, что я прошу андак-ванду.

Мальчик переводил округлившиеся глаза с одной женщины на другую.

– Но, тетя...

– Иди, малыш. Скажи им.

Казалось, он собирается заговорить снова. Но потом молча повернулся и, хромя, ушел из дома.

– Что ты попросила его сделать, тетя? Что такое эта «андак-ванда»? Это – сильнодействующее лекарство?

– О да, дитя. Одно из самых сильных.

– Ты от него поправишься?

– Возможно. Но на самом деле это лекарство для тебя.





– Вот что я по этому поводу думаю.

Боевой вождь рода Черепахи отвесил поклон в сторону центра круга, а потом вернулся на свое место, провожаемый голосами своих соплеменников, повторявших «Хау, хау, хау!» Сидя на совете уже третий час, Тагай научился определять степень согласия, заключенную в этих возгласах. На этот раз они звучали приглушенно и были всего лишь данью вежливости. Желание Черепахи отойти на вершины скал и вести войну оттуда не нашло большой поддержки.

Несмотря на то что совет обсуждал отчаянное положение племени, каждого говорящего выслушивали в молчании, позволяя ему высказаться полностью. И каждая речь занимала довольно много времени, поскольку была полна риторических приемов. Тагай уже понял, что для споров тахонтенратов характерна склонность к словесным играм.

Когда вождь Черепах сел, на ноги снова поднялся Пойманый. Как главный вождь племени, он должен был подводить итог всего сказанного, включая в него последнюю речь, и приглашать высказаться следующего участника. Поскольку темой совета была война, то говорили военные предводители, а не мирные вожди. Их было семеро, по одному из каждого рода. Только боевого вождя Медведей пока не выслушали.

Тагай чуть передвинулся. Деревянный пол был жестким, а руки и ноги у него все еще болели после боя. Он наблюдал за тем, как Пойманный выходит в центр круга. За вождем тянулись полосы дыма, словно утренний туман, поднимающийся над водой. От страха у Тагая засосало под ложечкой. Он знал, что наступает его очередь. Ему придется сейчас высказать не только свою точку зрения, но и мнение всего рода Медведя, которое ему изложил Сада. И проблема только отчасти состояла в том, что Тагай нервничал из-за необходимости держать речь перед столь внушительным собранием. Главное было в том, что его род разделился так же резко, как и вожди на совете. А как узнал Тагай, решение надлежит принять единодушно. Необходимо прийти к полному согласию. В противном случае окончательный вывод придется отложить. А это в момент кризиса неприемлемо. Время на обсуждение – как и прежняя жизнь тахонтенратов, к которой они все привыкли, – закончится с полнолунием.

И Тагай вглядывался в дым, наблюдая за Гододахо и вслушиваясь в подробное изложение вождем всего сказанного прежде. Варианты предлагались такие: сражаться здесь, сражаться в каком-нибудь другом месте; бежать – либо в глубь материка, либо вверх по реке, в те земли, которые заняты родственными им племенами. Все варианты имели свои преимущества и недостатки. Вот почему единогласия достичь не удавалось.

Что ему сказал Сада? «Слушай своим сердцем»? Звуч-

ный голос Пойманного увлек Тагая. Сердце, стук которого отдавался у него в ушах, забилося ровно, и он разобрал то, что скрывалось за ровным тоном, которым вождь подводил итог. Тододахо хотелось уйти, присоединиться к родственным племенам, которые жили у Больших Озер. Другие говорили о том, что там много места, обильная охота и рыбная ловля, плодородные земли, на которых можно выращивать урожай. И все это далеко, вне досягаемости боевых палиц татуированного племени. Но как можно переселить целый народ – мужчин, женщин и детей, стариков и новорожденных, – если для этого придется плыть по реке, на которой каное противников кишат, словно идущие на нерест лососи? Ведь Олени не смогут уйти от погони!

– И вот что я думаю по этому вопросу, – заключил Пойманный. – У кого-нибудь есть ответ? – Повернувшись к Тагаю, он обратился к юноше по унаследованному имени. – Тонесса, только ты еще не говорил. Мы можем услышать твой голос?

Традиционные слова сменило почмокивание, с которым вожди сосали свои трубки. Когда все взгляды обратились на Тагая, он тоже глубоко затянулся, как его успели научить, – и, когда его мысли пришли в движение, картина перед ним изменилась. В тумане возникли фигуры, пришедшие из воспоминаний, и зазвучал голос из прежних времен. Из тех времен, когда его Старый Свет был молодым, каким, по словам тех, кто учил его во Франции, было и племя тахонтенратов.

Голос принадлежал монаху, брату Раймону, доброму человеку, который был полон знаний и любви ко всему древнему. Этот человек рассказывал одинокому мальчику истории о мире героев, о Трое и Греции, о Гекторе, Тесее и Ясоне. И здесь, в доме советов, герои этих историй вышли к нему из дыма. Огромные бронзовые шлемы, увенчанные пучками конского волоса, защищали их головы, в одной руке они держали гигантские щиты, расписанные звездами, а в другой – копья с наконечником в форме листа. На поясе у каждого висел короткий обоюдоострый меч. Два туманных воина сошлись в схватке – и Тагай уловил звон металла о металл, увидел попадающий в цель удар копья, услышал громкие крики сражающихся.

Потом пришла другая история – о греческом племени, в земли которых вторглись многочисленные враги. Положение было отчаянным, и небольшой отряд воинов, раскрасивших себя в белый цвет дыма, чтобы отличить друг друга самой глубокой ночью, вошел в лагерь врагов, которые спали после пира. Эти герои убили множество врагов, и ночное избиение спасло их народ.

И Тагай встал и пересказал эту историю так, как она ему запомнилась. Совет тахонтенратов услышал от него историю о Призрачных Воинах.

– Пусть племя плывет по реке. А в это время я поведу через реку восемьдесят воинов, раскрашенных в белый цвет, по десять от каждого рода. Мы разобьем каноэ татуирован-

ных, лежащие на берегу, так что остальное племя сможет безопасно добраться до земель наших братьев.

Тагай замолчал. Дым рассеялся, унося с собой греческих героев. У Тагая внезапно ослабели ноги.

– Вот что я думаю по этому вопросу, – в последний момент вспомнил он необходимую заключительную фразу и тяжело опустился на свое место в кругу.

Долгие мгновения длилась тишина. Тагай, который уже начал сомневаться в том, что подсказало ему сердце, ожидал традиционно вежливого отклика: ему дадут понять, что его мнение услышано, а потом снова начнут выслушивать более мудрых и опытных людей.

А потом тишину прервал рев: «Хаауу! Хаауу! Хаауу!» Все старейшины вскочили на ноги. Те, кто были ближе к Тагаю, заставили встать и его.

Пойманный снова вышел вперед.

– Охотник Рассвета хорошо сказал. Так решают воины. Нам нельзя сидеть в своих поселках и ждать надвигающейся беды, подобно тому как волк, попавший в ловушку, ждет, когда пропоет стрела охотника. Мы должны выступить и показать себя. Ибо разве мы не тахонтенраты?

Его слова были встречены новым возгласом «Хаауу!». Дальнейшая его речь сопровождалась новыми криками. И затем выступавшие вожди больше не спорили, но только распределяли будущие роли. Одни должны будут заняться строительством плотов, которые понадобятся для того, чтобы пе-

ревети все племя. Женщины станут готовить вяленое мясо и кукурузную муку, которых должно хватить на весь переезд до земли Больших Озер. А несколькими будет дано последнее поручение.

– Ибо они продолжают приготовление Котла, Пира Мертвых, – объявил Пойманный. – Нам нельзя оставить кости наших близких, всех членов нашего племени, умерших после пира, который прошел три года назад. Иначе их будут глотать собаки наших врагов. Котел будет устроен, как мы и планировали, при свете полной луны, которая взойдет над нами завтрашней ночью. И после того, как каждая семья бросит кости своих близких в яму, они пойдут к воде и сядут на плоты.

Детали обсуждались очень недолго. Каждый вождь – и боевой, и мирный – получил определенное задание.

– Осталось ли еще что-то? – спросил Гододахо. Вожди обменялись взглядами. Им хотелось скорее уйти.

И тут занавеска из выдубленной кожи, закрывавшая вход в дом советов, была отброшена и один из воинов, охранявших вход и по мере необходимости приносивших воду и табак, вошел в помещение. Подойдя к Пойманному, он что-то зашептал ему на ухо. Вождь воздел руки.

– Есть еще одно дело, – объявил он, – хотя оно не требует обсуждения. Гака, моя сестра, мать некоторых из вас и бабка и двоюродная бабка многих, больна. Ей был сон. Все присутствующие знают, какими сильными бывают ее сны, пото-

му что она не раз помогала нам своими видениями. А теперь она увидела единственный способ, с помощью которого она сможет либо поправиться, либо благополучно пройти дорогу, ведущую в следующий мир. Она попросила об андак-ванде. Она просит ее сегодня, ибо ее нужда велика. – Пойманный помолчал, и на его губах появилась слабая улыбка. – Тонессу, которого она все еще называет по имени своего племянника Тагаем, просят возглавить церемонию.

– Но я ничего не знаю об этом!

Тагай увидел, что присутствующие повернулись к нему. На лицах вождей играла одинаковая улыбка, задержавшаяся и на губах Тододахо.

– Что такое эта андак-ванда? – повторил юноша. – Откуда я узнаю, что делать?

– Это... волшебство. Думаю, ты будешь знать. – При виде озадаченного лица Тагая улыбка вождя стала шире. – Идем со мной, племянник. – Тододахо протянул ему руку. – Пойдем, и ты увидишь.

\* \* \*

Вечерняя звезда сверкала в небе, которое было наполовину оранжевым, а наполовину – синим. Пойманный повел Тагая из дома советов через центральную площадь поселка, а остальные разошлись к своим родам. Люди, окружавшие их, моментально начинали жужжать. Посланники раз-

бегались во все стороны, чтобы передать новости в дома, где готовилась вечерняя трапеза. Перед вигвамом Гаки, служившим ему домом с самого приезда в поселок, Тагая ждал Сада и остальные воины рода Медведя.

Тододахо потащил Тагая в вигвам.

– Я все вам расскажу, когда вернусь, – отрывисто бросил он и сразу же откинул шкуру, закрывавшую вход.

Однако прежде чем вождь успел затолкать молодого человека внутрь, оттуда выбежали несколько девушек. Каждая поднимала голову, чтобы встретиться с Тагаем взглядом, а потом, краснея, отводила глаза. Он услышал, как они сказали ожидавшим воинам: «Андак-ванда». Раздался общий вздох изумления, но опускающаяся занавеска скрыла от него их дальнейшую реакцию.

Внутри было, как всегда, темно и душно: единственное отверстие наверху плохо вытягивало дым из очага. Пойманный провел Тагая через вигвам – туда, где на настиле лежала Гака. Верхняя часть ее тела была приподнята, и вокруг больной старухи лежало множество мехов, бобровых и медвежьих.

Тододахо плюхнулся рядом с Такой, взял ее за руку и очень мягким голосом спросил:

– Как ты, сестра?

– Лучше, если ты привел мне того, кто мне нужен. – Старая женщина всмотрелась в полумрак, и ее единственный зрячий глаз вперился в пространство перед Тагаем. – Это ты,



племянник?

Тагай почувствовал, как наворачиваются слезы. В то недолгое время, которое он провел здесь, эта женщина была его семьей.

– Я здесь, тетя.

– Сядь рядом со мной. – Она поманила юношу к себе. – Нам нужно кое о чем поговорить.

Когда Тагай сел, Тододахо тотчас поднялся.

– Я вернусь с луной, сестра.

– Ты обо всем позаботишься?

– Да. – Он вздохнул. – Ведь у меня нет никаких важных дел.

Вождь ушел. Казалось, узловатая рука его тетки что-то ищет на шкуре, которой была укрыта больная. Тагай взял ее кисть и прижал к губам.

– Я плохо тебя вижу, Тагай. Но твое прикосновение я помню. Я не говорила тебе, что когда в первый раз тебя обняла, то словно снова оказалась рядом с твоим отцом?

– С моим отцом?.. – Тагай поднял голову. – Ты и мой отец...

– Ты же знаешь: таков наш обычай. Девушка может выбирать многих, пока не наступит день, когда она выберет единственного и станет его женой. А твой отец был одним из самых красивых мужчин, каких я встречала. Какое-то время мне казалось... – Гака вздохнула. – Но он всегда любил мою сестру, Сонозас, а она любила его, даже в те годы, когда они

были детьми. – Старуха стиснула пальцы Тагая. – Но иногда я его вспоминаю. Его рука похожа на твою, его кожа была как твоя. И я помню все это, потому что он и я были призваны. Мы с ним были андак-вандой. Как и ты. Потому что я видела тебя в моем сне, когда побывала в вигваме моего народа на закате.

– Ты мне объяснишь, что это такое, тетя?

Гака закашлялась. Он поспешно поднес к ее губам фляжку с речной водой. Большая часть влаги выплеснулась ей на грудь, но приступ прошел.

– Ты знаешь обычаи нашего народа. Мы все живем здесь, близко друг от друга, так что по ночам нас успокаивает дыхание наших близких, спящих вокруг. Но ничего иного мы не слышим. Здесь мы спим и едим, здесь мы рассказываем наши легенды – но никогда не соединяемся в вигваме как мужчина с женщиной. Мы делаем это в лесах, на берегах реки или ручьев, в роще над скалами. Такое соединение – для двух людей, когда они вдали от других. Таков наш обычай.

Тагай мягко сказал:

– Я это знаю, тетя.

– Тогда знай и еще одно. Бывает один момент, и только один, когда мы не ищем укромного места вдали от посторонних глаз. Это – время трудностей, когда сон говорит одному из нас, посетившему мир снов, что нам нужен особый оки, особая сила. И эту силу могут дать только мужчина и женщина, которые будут вместе здесь, перед вигвамом. Этот

призыв и есть андак-ванда. Твоего отца и меня так призвали один раз. А теперь я призываю тебя. Сегодня ночью.

Тагай покраснел, и его пальцам в ее руке внезапно стало жарко.

– Тетя! – пролепетал он. – Для меня честь быть избранным. Но ты нездорова. Разве это не следует отложить, пока тебе не станет лучше?

Единственный глаз устремился на него, всматриваясь в его лицо. Наступившее молчание затягивалось, и Тагай почувствовал, что краснеет все сильнее. На его коже начал выступать пот. А потом внезапно Гака рассмеялась, кашляя и задыхаясь. Новая порция воды помогла ей успокоиться, но она продолжала веселиться.

– Ох, Тагай! Бедненький мальчик! Ты решил, что я... – Старуха снова засмеялась. – Нет, племянник, хотя было время, когда красивый юноша вроде тебя... Но это неважно. – Она крепче ухватила за его руку, чтобы приподняться на шкурах. – Нет, племянник. Ты призван – и призвана женщина.

К чувству облегчения примешалось еще одно, заставившее его покраснеть снова. Тагай видел в поселке немало незамужних женщин, и многие из них были красивы. Его мысли были отвлечены многочисленными проблемами, связанными с его возвращением в свой мир. Однако он был мужчиной, который всегда любил женщин. И когда Тагай заговорил снова, его голос стал звучнее:

– И кого ты избрала, тетя?

– Разве ты ее не видишь?

Возвышение, на котором лежала его тетка, находилось почти вплотную к стене. Вглядевшись, Тагай различил фигуру, которая стояла у стены все это время. Но при последних словах его тетки эта фигура вышла из теней.

– Тагай, – позвала она. – Медвежонок.

Он удивился – всего на мгновение. А потом удивление прошло.

– Анна, – отозвался он. – Белый Можжевельник.

\* \* \*

Он стоял возле кипы кожаных одеял, наваленных на медвежью шкуру, которая была расстелена не в самом центре вигвама, а ближе к стене, у возвышения, где находилась постель его тетки. Вигвам, который был пустым в тот момент, когда они разговаривали, теперь заполнился людьми, мужчинами и женщинами. Их лица то появлялись, то исчезали в клубах дыма от табака, который они жгли на очагах. Они раскачивались и повторяли: «Хех-хех-хех-хех-хех» в ритме, который задавали погремушки из черепаховых панцирей. Ими трясли Пойманный и другие вожди, устроившиеся с другой стороны вигвама.

На Тагае была только набедренная повязка. Тело его разрисовали красной глиной: это были причудливые узоры в

виде звезд, животных и птиц. Часть головы ему обрили, а длинные пряди волос, оставшиеся в центре, завили, умастили маслом и заплели в косу, которую уложили на голове и перехватили повязкой из оленьей кожи.

У него дрожали руки. Во рту пересыхало, и он постоянно облизывал губы, наблюдая за входом в вигвам в ожидании, когда колыхание занавески возвестит о ее появлении. Он то и дело вздрагивал, пока обитатели вигвама заходили внутрь и направлялись к отведенному им месту. Однако последний вошел уже давно. И Тагай дрожал все сильнее.

Когда ему удалось перемолвиться словом с Анной, он только успел шепнуть ей по-французски: «Ты не обязана это делать», а она едва успела отозваться: «Знаю». А потом в вигвам хлынули девушки семьи, которые увлекли ее за собой. За Тагаем явились мужчины, которые отвели его к реке купаться, а затем с помощью речной глины разрисовали все его тело сложными узорами. Он думал, что, если бы подобное было возможно во Франции, он был бы сейчас окружен подвыпившими друзьями и те сыпали бы непристойными шутками, обсуждая близящуюся ночь и насмехаясь над его сложением. Однако когда мужчины клана Медведя говорили, то речь шла только о войне. Но в основном они пели песни племени. Никто не упоминал о том, что ждет его этой ночью, ибо это было свято.

Погремушки застучали громче, пение оборвалось на пронзительной ноте. А потом наступила тишина, которую

нарушал только ветер за стенами вигвама и треск свежего табака, брошенного в огонь.

И вот она вошла. Ее волосы тоже зачесали назад и уложили высоко на голове. И ее тело тоже было разрисовано. Он никогда не видел ее такой, потому что при их встрече она была одета как француженка, а со времени их приезда сюда носила расшитые бусинами платья. Теперь же она была одета так, как девушки поселка одевались летом, – в короткую юбку, которая начиналась у пояса и едва достигала середины бедер. С вампумного пояса свисали бусины. На шее у нее тоже были ожерелья из речных раковин, которые скрывали ее наготу только отчасти.

Анна собиралась войти в вигвам бесстрашно, с высоко поднятой головой, как принцесса. Но когда оленью кожу на двери отбросили в сторону и она увидела Тагая, ей вдруг захотелось закрыть лицо руками, чтобы защитить себя и спрятаться. И только мягкий толчок в спину заставил ее шагнуть вперед. И не столько шагнуть, сколько заковылять, совершенно неизящно. Ей вдруг показалось, что она разучилась ходить.

Спустя миг она уже стояла перед ним. Треск погремушек, стихший при ее появлении, начался снова, как и пение. Благодаря этому шуму казалось, что на нее обращают меньше внимания. Хорошо еще, что она могла дышать, а вот опустить руки оказалось невозможно: она действительно потеряла над ними власть.

Тагай шагнул к Анне, так что она ощутила исходящий от него запах реки – чистый, приятный аромат, который чувствовался даже сквозь табачный дым. И к нему примешивалось еще что-то, не менее приятное. Его собственный запах.

– Анна, – проговорил Тагай. – Мы не... ты еще можешь...

Совсем недавно эти слова еще были с ним – слова, которые он приготовил за то время, пока дожидался в вигваме. Слова, которые освобождали ее, позволяли ей отказаться. Он даже составил план: можно было бы забраться под эту грудку шкур, спрятаться там вдвоем, побарахтаться и побрякать. Эти звуки вполне удовлетворили бы зрителей.

Тагай заготовил целую речь. Но эта речь тотчас исчезла из его рта и из его мыслей, как только он увидел ее красоту, которую он некогда сразу же заметил, а потом как-то потерял.

Анна не была уверена в том, что сможет пройти церемонию. Она меняла свое решение каждую минуту – а их истекло очень много с тех пор, как Гака поведала ей свой сон. Но теперь, глядя молодому индейцу прямо в глаза, Анна различала в них то, что заметила в ту самую минуту, когда пришла в себя в королевском дворце в Париже, где он сидел у ее кровати. И та тьма, которая вставала между ними с тех пор, все недоразумения, вся боль, которые сопровождали его поиски своего места в племени, – все исчезло.

Пока они молчали, пение и погремушки звучали все громче. И потом...

– Ты не...

– Я никогда...

Оба замолчали, потому что заговорили одновременно. И оба рассмеялись. И звук этого смеха прогнал для них все остальные звуки.

– Я никогда... не любила никого, – призналась Анна. – Ни один мужчина не... Мне никогда не хотелось с кем-то быть.

– Тогда это одинаково для нас обоих. – Он улыбнулся. – Потому что я тоже никого никогда не любил.

– А мне казалось, во Франции...

– Это был не я. Это был кто-то другой. Мне кажется... кажется, что я был зачат только в тот момент, когда увидел, как ты падаешь с парижского неба. А родился только тогда, когда вернулся к моему племени.

Тагай повернул голову попеременно в обе стороны и поднял руки, чтобы дать знак тем, кто пел в клубах дыма. Анна обратила внимание на то, как красиво двигается его тело, как он вырос за то короткое время, пока они жили здесь. Она прикоснулась к нему, прижала пальцы к мощным мышцам спины. Тагай обернулся к ней, и Анна уронила вниз вторую руку. Его взгляд опустился к ее груди, и, увидев, как он содрогнулся, девушка почувствовала радостное возбуждение, какого не знала никогда прежде.

– Я не знаю, что надо делать, – призналась она.

– Я знаю, – ответил он и, взяв ее за руку, бережно уложил ее на шкуры.

– Не думай о людях, – сказал Тагай.



– О каких людях? – отозвалась Анна и улыбнулась.

Хотя свидетели казались невероятно далекими, звуки пенья звучали совсем близко, они тесно окружали любящих. Ритм мелодии захватил обоих, и хотя вначале Анна ощутила небольшую боль, все неприятное быстро прошло, сменившись странными, чудесными ощущениями, которые подарило девушке соединение их тел. И пение изменилось вместе с ней, став более настойчивым. И вскоре, когда движения возлюбленного стали иными, когда руки его начали дарить ей невероятную ласку, Анна вдруг заметила, что поет вместе со всеми. Выкрики Анны и Тагая поднимались все выше, сплетаясь со звуками, парившими над сплетенными телами юноши и девушки. Анна словно вобрала в себя дым, погремушки, ритм, их общие движения – и ее тело стремительно рванулось в ту точку, где все сливалось воедино.

Этой ночью не было минуты, когда они не были бы вместе – во сне или бодрствуя. И их соединяли звуки, которые окружали их и не смолкали.

\* \* \*

Анну разбудил утренний свет, который струился в отверстие в крыше и падал ей на лицо. Она лежала на боку, а Тагай обвился вокруг нее, так что они по-прежнему соприкасались друг с другом так тесно, как только было возможно. Она пошевелилась, и он застонал, но не проснулся. Девушка

осторожно выскользнула из-под него. Из всех ртов, которые пели всю ночь напролет, теперь вырывался тихий храп.

И тут Анна вспомнила, для чего было необходимо все это волшебство. И она пробежала те несколько шагов, которые отделяли их ложе от возвышения.

Гака лежала на спине, и ее веки были полуоткрыты. Один глаз так и остался закатившимся, а второй смотрел прямо вперед.

– Ох, Гака! Тетя! – вскрикнула Анна, опускаясь рядом с ней.

И тут девушка заметила две вещи: улыбку на лице Гаки и ее руку – ту, которая так скрючилась и искривилась из-за внезапной болезни. Теперь эта рука свободно раскрылась, словно перед самой смертью старуха потянулась за чем-то. И в этой руке лежала кисть Анны Болейн.

## Глава 9. ПРИЗРАКИ

Полная луна не пребывала на небе в одиночестве. Столбы облаков непрерывно перекатывались по нему, так что суша и вода то внезапно скрывались, то стремительно показывались снова. Облака давили на землю, удерживали дневной зной. Воздух потрескивал, наполняя ноздри обещанием дождя.

Самая жестокая жара стояла у входов в вигвамы, потому что перед каждым горели огни – громадные костры, в считанные мгновения пожиравшие все, что в них попадало. И горело на них мясо – но не то, что может обрадовать желудки голодных. Каждая семья отправилась к могилам своих близких, к тем, кто оставался над землей со времени последнего Котла, который устраивался три года назад. Умерших снимали с настилов, вынимали из лубяных гробов. Их освобождали от бобровых шкурок, которыми они были обернуты, и если на костях еще сохранялась плоть, то эту плоть очищали в жарком пламени. А потом кости выгребали из золы, промывали и заворачивали в чистые бобровые шкурки.

Родные Гаки готовили ее тело по-другому, потому что она умерла совсем недавно. Как только ее смерть была замечена, тело согнули так, чтобы колени были прижаты к груди, а руки сжимались перед лицом. И теперь Гака лежала на медвежьей шкуре возле огня, как будто спала. Анна сидела совсем рядом с умершей, наслаждаясь теплым воздухом, омывав-

шим почти нагое тело девушки. Держа руку на плече Гаки, Анна не переставала изумляться тому, какая яркая улыбка осталась на лице мертвой старухи.

Что-то шевельнуло ее волосы. Девушка отмахнулась, решив, что это – еще одна ночная бабочка, которую привлекло пламя. Но скользнувшие по волосам пальцы встретились с чужими, и Анна невольно повернула голову... чтобы увидеть зрелище, которое могло вызвать только присутствие большого количества умерших.

Она отползла прочь, подавившись криком. Страшное существо последовало за ней, пытаясь успокоить ее быстрым жестом раскрашенной руки.

– Прости меня, Анна, – сказал Тагай. – Я не знал, как к тебе подойти.

Снова обретая способность дышать, она рассмотрела своего возлюбленного. Все его тело было выбелено, кроме лица, но и на лице были полосы краски – пять параллельных линий по ширине обеих щек. Набедренная повязка и даже волосы были покрыты такой же смесью. Коснувшись одной из полос, Анна почувствовала, что они липкие.

– Ох! Что это?

– Смесь речной глины и осколков одного камня, растертых в порошок. И каждый добавил в нее своей крови – но, кажется, это имело чисто ритуальное значение.

Тагай развеселился, когда Анна попыталась вытереть пальцы о его грудь и только сильнее испачкала их. Тогда она

тоже рассмеялась и провела ими по своим щекам, оставив на своем лице полосы и сделав его бледным отражением раскрашенного лица Тагая.

Но когда взгляд молодого человека упал на Гаку, смех е прервался. Секунду он молчал, разглядывая покойницу.

– Она кажется умиротворенной, – проговорил он. Анна поймала его белые липкие пальцы.

– Она начинает свой путь с улыбкой. Разве это не урок всем нам?

– Конечно. Надеюсь, что и на моем лице появится похожая улыбка, когда я начну мой путь. И наверное, я буду думать о том же – о последней вещи, которую она видела.

Он посмотрел на Анну, надеясь, что она захочет вместе с ним вспомнить прошедшую ночь. Однако ее лицо осталось грустным.

– Только не надо улыбаться слишком скоро, Тагай.

– Не раньше, чем через двадцать лет. Или позднее, – быстро добавил он.

Однако его ответ пришел недостаточно скоро: в уголке ее глаза собралась слезинка. Тагай поднес руку к ее лицу и остановил покотившуюся по щеке слезу, а потом поднял на пальце крошечную капельку, глядя, как она ловит и удерживает свет костра.

– Обещаешь? – Анна стиснула его пальцы. – Пока эти нарисованные линии не превратятся в морщины?

– Обещаю.

Тут она притянула его к себе, не думая о его раскраске. Ей необходимо было прижаться к его телу. Их кожа соприкоснулась – и пришел жар.

Они обнимали друг друга, пока не услышали вокруг новый шум. Семьи вигвама собирали последние очищенные пламенем кости, увязывая их в связки. Две женщины пришли за Такой и начали заворачивать ее в меховое одеяло, на котором она лежала. С дальней части площадки перед вигвамами до них донесся тихий треск погремушек из черепахового панциря и первые тихие повторы:

– Ха-эх-эх, ха-эх-эх.

Тагай вздрогнул и пробормотал:

– Мне пора. – Он отвернулся от возлюбленной, замер... повернулся обратно. – Да, еще одно. Ты должна взять вот это.

Она опустила взгляд. На белизне его ладони мелькнуло что-то темное.

– Оки Доннаконны. – Анна отвела назад руки, когда он протянул ей гладкий камень. – Один раз я помешала тебе выбросить его. Тогда я сказала тебе, что в нем заключена сила. Зачем ты хочешь отдать мне эту вещь в тот самый момент, когда она тебе нужнее всего?

Его голос остался мягким.

– Мы не берем с собой туда оки. Только оружие.

– Тагай...

– Я помолился ему, возжег перед ним табак. – Тагай ко-

лебался, и Анна почувствовала, как он борется с собой. – Я не хочу потерять его в бою.

Это было отговоркой, и они оба знали это. Ему хотелось, чтобы камень остался цел, даже если он сам не уцелеет.

Долгие мгновения они смотрели друг на друга поверх камня. А потом ее пальцы сжались вокруг оки.

– Я буду беречь его для тебя. Но только нынешней ночью.

Анна забрала оки, и Тагай вздохнул. А потом, глядя на краску, которой она испачкалась, опять рассмеялся.

– Ее нелегко будет отчистить.

– Мы отчистим ее вместе, – яростно отозвалась девушка, – когда я верну тебе твой оки. На месте встречи.

– На месте встречи.

Наклонившись к свертку, лежавшему возле ее ног, Тагай проговорил:

– Прощай, тетя.

– Я о ней позабочусь, Тагай. Я тоже ее любила.

– Знаю. – Он помялся. – Анна, я...

– Знаю. Иди. Уходи! Увидимся на месте встречи. Тагай быстро зашагал к реке. Анна провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду. А потом спрятала оки в свой мешочек и наклонилась, чтобы помочь племянницам Гаки поднять сверток, в котором лежала их тетка. Они влились в процессию жителей поселка, поднимающуюся по скальной тропе, которая вела на Пир Мертвых.



Грома по-прежнему не было. Ветер налетал внезапными короткими порывами, а потом замирал, сменяясь жаркой неподвижностью. При этом он менял направление, принося разные звуки людям, которые спрятались на берегу. Когда он дул им в спины, они слышали треск черепаховых погремушек и возгласы: «Ха-эх-эх, ха-эх-эх!» В эти мгновения воины поворачивались навстречу ветру и посылали ему тихие молитвы: у всех были родичи, которые нынешней ночью начинали свой путь к Поселению Мертвых. И все они знали, что скоро могут последовать за ними по этому пути. Однако когда ветер менялся и дул им в лицо, с воды, к ним прилетали иные звуки, слабые, но безошибочно узнаваемые. На дальнем берегу татуированное племя устроило военный пир.

Тагай осмотрел берег в обоих направлениях. Хотя луна спряталась, легко было разглядеть призрачных воинов. Их было восемьдесят, по десять от каждого рода, но все роды перемешались между собой. Каждый держал лук и колчан, боевую палицу и нож, и свои охранные оки из камня, дерева, костей. Десять воинов, ближайших к Тагаю, являлись его телохранителями – более старые и опытные бойцы. Остальные были моложе, полные безумной отваги юности. Кроме того, большинство из них были холостяками, в поселке у них не осталось семьи, требующей их забот.



Чья-то рука тронула локоть юного вождя. Нишане, немолодой член рода Бобра, чьи шрамы свидетельствовали о боевом прошлом, указал в сторону воды. Тагай осторожно посмотрел через маленькое оконце в скрывавшей их листве. Поначалу он увидел только то же самое, что видел в течение часа, который они провели в засаде: реку, которая то сверкала, то тускнела в зависимости от положения туч и луны, и группу из пяти каноэ врага, остававшихся на месте, несмотря на течение. В каждом сидело по два воина, и время от времени к ним подплывало новое каноэ на замену, а отпущенные на отдых увозили в свой лагерь одно и то же сообщение: загнанные в ловушку тахонтенраты пируют в своем поселке.

Нишане указал Тагаю на другое движение на реке, и теперь он смог различить силуэты, которые медленно плыли по течению к лодкам противника. Большинству наблюдателей эти силуэты показались бы просто ветками мощных деревьев, упавшими в воду. Но тут из-за облаков внезапно вышла луна, и Тагай различил в центре плывущего хвоста темные очертания головы. Не все воины племени Оленей разрисовали себя как призраки. Некоторые разыскали черную глину, изготовили из камней темный порошок – но и они скрепили состав своей кровью.

Каноэ начали расходиться, чтобы дать веткам проплыть между ними. Одно из весел было выставлено вперед, чтобы предотвратить столкновение. И в то мгновение, когда весло коснулось листьев, десять темных тел отделились от пя-

ти плывущих стволов. Еще недавно спокойно плывшие каноэ внезапно начали метаться. А потом четыре из пяти перевернулись, и падавшие в воду воины отчаянно задержали руками и ногами. В свете луны сверкнуло отмытое водой лезвие костяного ножа, который тоже был замаскирован темной глиной. Разнеслись крики, которые быстро оборвались, когда вода наполнила открытые рты.

Одно каноэ все же осталось на плаву. Тагаю было видно, как двое сидевших в нем отчаянно поворачивали суденышко к своему берегу, погружая весла в воду и отталкивая руки, которые пытались ухватиться за борта. Одно из весел отобрали, но каноэ вырвалось и мгновенно устремилось прочь. Переведя дух, гребцы начали кричать, но ветер дул им в лица, принося шум с пира их племени.

Тем временем одно из перевернутых каноэ встало ровно. Двое темных быстро скользнули в него, и весла сразу же погрузились в воду. Преследуемые опередили их на несколько корпусов, но у тех осталось всего одно весло. Разрыв сокращался, и вскоре силуэты обеих лодок слились. Послышалось рычание, взлетел крик боли. А потом луна снова скрылась – и наступила тишина. И все пять каноэ быстро поплыли к берегу тахонтенратов.

Восемьдесят безмолвных белых фигур одновременно вышли из своих укрытий. Каноэ пристали к берегу, и десять темных воинов выпрыгнули из них, чтобы затащить лодки повыше. Один из них прихрамывал. Именно он и направил-

ся прямо к Тагаю.

На черном лице Сады сверкали глаза и зубы, обнаженные в широкой улыбке.

– Первая кровь, боевой вождь, – объявил он, бросая к ногам Тагая что-то мокрое.

Тагай посмотрел на землю. Даже в слабом свете он смог различить скаल्प с волосами, собранными в узел. Видна была даже линия татуировки, спиралью отходившая от него вниз.

– Первая кровь!

Он поднял руку и повернулся во все стороны, чтобы все могли его увидеть. Белые воины немедленно принялись вытаскивать на воду свои большие каноэ, которые были спрятаны рядом. В каждое садилось по шесть или восемь человек. Позади них появились другие, нераскрашенные мужчины, уложившие на берег бревна, по которым тут же начали выкатывать плоты.

– Ты уверен, что мне нельзя пойти с тобой, Тагай?

Глаза Сады сверкнули совсем рядом.

– Мы уже об этом говорили, кузен. Твоя нога позволяет тебе плавать, но не бегать по берегу, уворачиваясь от стрел.

– Это правда. – Сада наклонился, потер ногу, а потом поднял с земли скаल्प. – Мне просто хотелось добыть в свой вигвам еще несколько вот таких.

– Тогда я принесу их тебе.

Тагай осмотрелся, убеждаясь в том, что весь его отряд

уселся в каноэ. Все они плавали у берега, за исключением одного. Стоявший на носу этой лодки Нишане держал два весла.

– И ты кое-что мне обещал, – добавил Тагай.

– Знаю. Белый Можжевельник. – Сада ухмыльнулся. – Я слышал, что на андак-ванде вы были такими неутомимыми, что боги пришли петь у очага и завидовать своим новым соперникам.

Тагай улыбнулся.

– Позаботься о ней, Сада.

С этими словами он зашагал к воде.

– Непременно. А потом мы вместе закурим трубки в нашем новом вигваме у Больших Озер, и ты будешь рассказывать мне историю подвигов, которые совершил этой ночью. Вечер за вечером, год за годом...

И Сада изобразил мучительную зевоту от воображаемой скуки.

Тагай рассмеялся и вышел на берег. Забравшись в каноэ, он поднял свое весло так высоко, чтобы все могли увидеть его. И в этот миг из разрыва в тучах выступила луна, словно это он ее призвал.

Светясь в ее серебристых лучах, призрачные воины поплыли через реку к поселку своих врагов.

Песня закончилась. Тридцать пар ног одновременно стукнули о плотно утрамбованную землю, погремущки из оленьих копыт, привязанные к коленям, дружно загрохотали. Предводитель, пригнувшийся в позе, изображавшей готовность к нападению, взметнул свою боевую палицу в воздух и выпрямился, увлекаемый тяжестью своего оружия. Когда палица вознеслась к небу, индеец издал боевой клич, который начался с высокой ноты, а потом звучал все ниже, чтобы на секунду затихнуть и снова подняться до высшей ноты, еще более громкой и дикой. Как только клич смолк, его подхватили все танцоры.

– Ах-аааа-ах! – вырвалось из тридцати глоток.

Тут барабаны стали бить медленнее, и танцоры начали обходить стоящих огромным кругом людей. Поскольку никто не вышел вперед, чтобы произнести речь (а за время пира желающих было немало), Томас воспользовался возможностью перебраться ближе к Джанни. Это было бы невежливо делать в тот момент, пока боевой вождь, Уходящий День, – тот самый человек, который взял их в плен, – восхвалял свое славное племя.

– А у них останутся силы для битвы на рассвете? Этот вопрос Джанни задал, указывая на танцующих.

– Судя по тому, что я уже успел здесь увидеть, они спо-

собны танцевать всю ночь, а весь следующий день сражаться. – Томас опустился на землю рядом со своим молодым спутником. – Но их не так много. Сколько, по-твоему, здесь собралось воинов?

– Трудно сказать. Шесть сотен? Или семь?

Томас кивнул. По его мнению, их было даже больше. Союзники племени подходили – небольшими отрядами и более многочисленными – в течение всего того времени, что они здесь провели. От своего переводчика они узнали, что вновь пришедшие принадлежат к другим племенам, однако связаны с народом Великой Горы союзом пяти наций. Определять время со слов туземцев было трудно: для них все было просто «раньше». Однако их собственное племя последним присоединилось к союзу, названному «оденосони». И похоже, татуированные входили в него по меньшей мере двадцать лет.

– Ты по-прежнему придерживаешься своего плана, Джанни?

– Да. А ты – своего?

– А разве ты оставил мне выбор?

Молодой человек посмотрел на своего собеседника.

– Выбор есть. Ты можешь ждать здесь, пока сражение не закончится и я не вернусь. С рукой ведьмы.

– И со своей сестрой. Джанни покраснел.

– Конечно. И с сестрой тоже.

Томас хотел было ответить, но в этом не было смысла.

Его спутника переубедить невозможно. Джанни был крайне разочарован, когда Черный Змей не вернулся с предметом их поисков: Все разумные доводы иезуита, утверждавшего, что роковая рука потеряна во время нынешнего полнолуния, встречались только отрывистым: «Тогда мы заставим Анну снова найти ее». Томас понимал, что Джанни по-прежнему одержим желанием заполучить реликвию Анны Болейн. Значит, на долю Томаса выпала одержимость Анной Ромбо. И он не собирался объяснять брату Анны Ромбо причину своей настойчивости.

– Запомни, иезуит: тебе придется самому беспокоиться о себе. Я не стану заботиться о тебе там.

Джанни указал на дальний берег, едва различимый в эту облачную ночь.

Несмотря на завоеванную с таким трудом добродетель терпения, Томас болезненно воспринимал заносчивость Джанни.

– И в скольких же сражениях ты участвовал, мальчик? – осведомился бывший солдат.

– Ну, я...

– Вот именно. Я знаю, что ты убивал в переулках. Ты прекрасно знаешь, как всадить нож в темноте. А я штурмовал стены еще в те дни, когда ты гонял кур у себя на ферме! Так что это ты о себе заботься.

Пока спорщики сверлили друг друга взглядами, на клич вождя снова ответили танцоры, и это стало сигналом для но-

вой пляски. Джанни встал.

– Пойду проверю мой порох. А ты оставайся и молись. Барабаны забили с удвоенной громкостью.

– Спасибо за напоминание, – проворчал Томас себе под нос.

Со своего места он мог смотреть туда, где за танцорами в просвете между вигвамами и деревьями виднелась река. Внезапно вынырнувшая из облаков луна осветила воду, по которой скользили темные силуэты, похожие на водомерок на поверхности пруда. Томас с трудом приподнялся и встал на колени. Одновременно с началом новой песни он приступил к молитве.

– Благая Мария, Матерь Божья, услышь мою мольбу. Сохрани свою дочь Анну. Святой Иисусе, Благословенный Спаситель, услышь...

– Ах-аааа-ах! – Боевой клич гремел снова и снова, заглушая слова молитвы даже в его собственном сердце. – Ах-аааа-ах!

\* \* \*

– Ха-эх-эх! Ха-эх-эх!

Из поселка пришли последние из участников шествия – люди, бежавшие из одного из уничтоженных поселений. Они тоже заняли отведенное им место возле края круглой ямы. Женщины разложили свертки с вещами, которые им удалось



спасти из своих разрушенных домов и которые были дополнены дарами родственников и членов их рода из Стадаконы. Мужчины вскарабкались на деревянный настил. К нему они прикрепили свертки из шкур с костями своих мертвецов. Эти свертки были привязаны к шестам, поставленным так, чтобы выступать над провалом.

Анна стояла с обитателями вигвама Гаки. У их ног лежало тело их тетки, по-прежнему завернутое в шкуры. Точно так же обошлись с телами других недавно умерших. Яма, над которой стояла Анна, была глубиной в два человеческих роста, а диаметром – не меньше чем в пять, и все ее дно было выложено бобровыми плащами.

Как только стихли возгласы последних прибывших, Пойманный вышел вперед и поднял руки. Его слова зазвучали на фоне едва слышного боя барабанов.

– Мы приветствуем здесь вас – и тех, кто принес своих мертвых, и тех, кто принесли продолжающих свой путь этой ночью. – Тододахо протянул руку назад, и в нее был вложен большой деревянный черпак. – Давайте же вручим им наши дары, чтобы их путь в следующее поселение был легким и чтобы по дороге у них было много пиров.

И бросил черпак в яму. Мгновенно со всех сторон туда полетела утварь: котлы, миски, сита и блюда, трубки и ступки, мешки из оленьей кожи. Когда упал последний дар, Пойманный заговорил снова:

– А теперь будем пировать в честь наших родичей.

Моментально появилась еда. В миски накладывали похлебку из котлов, раздавались куски вяленой оленины, вертела с жареной рыбой. Тахонтенраты сидели, ели и разговаривали, словно впереди у них было сколько угодно времени.

Анне казалось, что только она одна не в состоянии есть и постоянно оглядывается за поселок, за реку. Туда, где скрывались воины, еще одни призраки на этом пиру.

\* \* \*

Ослепительная молния зигзагами полетела вниз, чтобы ударить в вершины холмов. Она высветила раскрашенных белой краской воинов так, словно они были осколками ее силы. Раскаты грома совпали с шумом причаливающих к берегу каноэ. Казалось, стайка рыб присоединилась к большому косяку: каноэ выстроились длинными рядами. Их были сотни и сотни, начиная с лодочек на двух человек и заканчивая судами, которые могли вместить двадцать гребцов. Они растянулись по всему берегу до первых деревьев.

Вперед было отправлено одно каноэ – с воинами, вымазанными темной глиной, которые стремительно убили тех двоих, кто наблюдал за рекой. Теперь они подошли к Тагаю, чтобы отчитаться.

– У них пир на площади в центре поселка, – сообщил один.

Второй добавил:

– Эта тропа ведет туда. От берега уходит только одна, но

потом расходится на четыре – к разным воротам в частоколе.

– Которые ворота ближе к лесу? – спросил Тагай.

– Западные, – ответил первый воин. – Низкий кустарник растет почти до входа.

Тагай быстро переговорил с предводителями. План был принят еще в поселке, и теперь его оставалось только немного уточнить. Десять самых молодых воинов должны были остаться на берегу и испортить каноэ и более прочные плоты. Еще десять – те, кто лучше остальных владеют луками, – пойдут к разветвлению тропы и будут ждать скорого возвращения остальных – тех шестидесяти, которые проникнут в поселок через западные ворота. Тагай понимал, что у них мало времени: в любую минуту кто-нибудь из татуированных воинов может натолкнуться на них на берегу и поднять тревогу. Ему не хотелось оказаться запертым здесь превосходящими силами противника. Единственный способ выиграть время и добиться своей цели – посеять панику у пиршественных костров их врагов.

Слыша у себя за спиной звуки раскалываемой кедровой коры, они пошли от берега. Дважды им навстречу попадались люди, дважды дюжина стрел пела в темноте. На развилке четырех троп десять воинов разошлись по лесу. Некоторым предстояло забраться на деревья, некоторым – подняться на пригорок, где они воткнут в землю перед собой стрелы остриями вниз.

Тагай повел остальных воинов на запад. Спустя минуту они уже скрывались за кустами возле ворот в частоколе. Ворота были закрыты – и наверняка заперты на засов изнутри. Над ними светились две огненные точки: там ночные стражники курили свои трубки. Из-за стен доносились возгласы пирующих и непрерывный бой барабанов.

По сигналу Тагая все воины наложили на тетиву стрелы. Тагай взял ту, которую он как боевой вождь получил от Сады, – «Летящую верно». Лучшие лучники остались на развилке, но из шестидесяти выпущенных стрел в цель попало достаточно, чтобы заставить обоих дозорных рухнуть на землю. В темноте их трубки рассыпали полумесяцы искр. Бледные призраки бросились вперед, захлестнув кожаные лассо на столбы ограды и быстро забравшись по ним наверх. Спустя мгновение ворота распахнулись, и воины тахонтенратов оказались в укреплении своих врагов.

Они собрались сразу за воротами. Тагай понимал, что у них очень мало времени до того, как их обнаружат и начнется сражение. Они будут убивать бесшумно, пока это будет возможно. Они разойдутся по лагерю отрядами по десять человек и постараются дождаться сигнала.

– Сейчас наш народ уже должен грузиться на плоты, – сказал Тагай. – Скоро наши жены, наши дети, наши родители, наши сестры и братья проплывут мимо нас и смогут начать безопасный путь в новые земли. Нам надо только задержаться и немного поранить наших врагов здесь, чтобы нашим

братьям на берегу хватило времени уничтожить их лодки. Ждите сигнала, который мы выбрали, крик журавля. Когда я подам его – а если меня убьют, это сделает один из моих десяти, – тогда настанет время бежать к берегу. Не задерживайтесь ради скальпов и не оставайтесь слишком долго, чтобы доказать свою храбрость. Вы уже доказали ее, став призрачными воинами. Я хочу, чтобы мы вместе пели песню об этой ночи нашим внукам, в новых вигвамах, которые поставит наше племя.

Шестьдесят человек издали тихий возглас согласия:

– Хау!

– Ну хорошо. – Тагай улыбнулся. – А теперь давайте почитим наших предков.

Поселок татуированного народа оказался более организованным, чем деревня тахонтенратов. Четыре дороги от четырех ворот вели прямо к центральной площадке. Наложив стрелы на тетивы, призрачные воины побежали по западной дороге. Отряды по десять человек поворачивали в стороны через каждые двадцать шагов, рассыпаясь по узким переходам между вигвамами. Тагай и его десять воинов бежали прямо по дороге, пока до ее конца не осталось всего шагов пятьдесят. Оттуда им ясно видны были спины собравшихся – огромное кольцо воинов, детей и женщин, сидевших лицом в круг, к танцу. Только тогда призраки повернули налево, чтобы укрыться за самым большим строением. Там один из воинов достал деревянный сосуд, который бережно хранил

по пути через реку. Оттуда высыпались угли и сразу же подожгли остатки сухой травы. Опустив в огонь особую стрелу, наконечник которой был обмотан тряпичей, пропитанной оленьим салом, воин поднял лук, оттянул тетиву...

Любому из сидящих в круге, кто посмотрел бы вверх, это показалось бы падающей звездой. Поначалу Томас подумал именно так и даже загадал на нее желание, как часто делал в безоблачные ночи юношей, в Шропшире. Однако ему еще не попадалось таких звезд, которые падали бы в крону дерева. И никогда за одной не следовало с мгновенным интервалом еще двадцать... сорок... пятьдесят. Большинство взмывало в воздух пылающими дугами и падало на крыши домов, которые мгновенно вспыхивали. Некоторые рухнули в круг танцующих. Однако барабаны сделали еще несколько ударов, танцоры все еще подпрыгивали и кричали, и только когда их предводитель словно проглотил кусок огня и мешком повалился на землю, Томас – и все остальные – внезапно поняли, что случилось что-то очень нехорошее.

Или, может быть, это был крик «Тахонтенраты!», который раздался в темноте. Или вид бегущего призрака, который внезапно ворвался в центр круга, размахивая громадной боевой палицей. Сбив с ног еще одного танцора, призрак выбежал из круга по другую его сторону.

Многие из призрачных воинов наносили удары по любому телу, оказавшемуся рядом, будь то ребенок, женщина или мужчина. Однако Тагай в качестве своего первого против-

ника выискивал воина – и вскоре нашел его, громадного татуированного зверя, схватившего боевую палицу с приступки ближайшего вигвама и бросившегося на врага. Удар был направлен с высоты вниз. Палица стремительно рухнула на то место, где только что находился Тагай, и стукнула о землю. Отпрянув в сторону, Тагай нанес режущий удар отцовской палицей, и острое клинка вспороло ногу великана. Тот взвыл от боли, а Тагай рванул оружие на себя, освобождая клинок. Противник упал, и юноша снова нанес удар вниз, так что металл рассек открытую шею. Перепрыгнув через труп, Тагай увидел раскрашенного белой глиной воина, оборонявшегося взмахами палицы от троих врагов. Молодой вождь присоединился к схватке, нанеся неприятелям высокий удар в лицо и низкий – в ногу. Вокруг него лежали дергающиеся конечности, и когда тяжелая боевая палица разможила череп последнему из татуированных, два тахонтенрата внезапно остались одни.

Трещало пламя. Крыши занялись быстро, сгорали в считанные секунды и обрушивались внутрь кратерами искр. Рядом с ними стоял нестерпимый жар. Между этими адскими огнями сражались освещенные пожаром воины. Центральная площадка опустела: толпа стремительно разбежалась, затапывая упавших. В странное мгновение полного спокойствия Тагай почувствовал, как по его лицу ударили первые крупные капли давно собиравшегося дождя.

– Сюда! – крикнул он своему товарищу.

У восточной дороги он увидел более крупную схватку: там собрались несколько воинов противника, к которым бросились многие тахонтенраты. И двое «призраков» побежали к месту боя по узкому проходу между вигвамами.

\* \* \*

Поначалу Джанни решил, что это – просто новый вариант танца, более шумный, чем раньше. А потом услышал жадный рев огня, и тогда вопли людей приобрели совершенно другое значение. Он как раз закончил чистить и заряжать свой второй пистолет. Опустив полку, Джанни засунул пистолет себе за пояс рядом с первым и, взяв меч, вышел из вигвама.

И попал в центр хаоса. Откиннутая дверная занавеска распахнула перед ним мир ужасов. По улицам мчались вурдалаки, наносившие удары в спины татуированных воинов. Стены пламени поднимались на западе, и дым огромных пожаров моментально стал разъедать глаза. Воздух был полон грома, и, на секунду подняв голову к небу, Джанни почувствовал первые тяжелые капли дождя. Поскольку рядом с юношей только что убили еще одного воина, то казалось, будто с небес льется кровь.

Джанни Ромбо обнажил меч. Кто бы ни были эти белые вурдалаки, но они убивали – если не его друзей, то людей, обещавших ему то, чего он жаждал. Вот почему, когда оче-



редной человек пробежал мимо, преследуемый своим демоном, Джанни схватился за рукоять меча обеими руками и нанес удар параллельно земле. Клинок впился в выкрашенную белым шею, оборвав боевой клич.

Слева от Джанни опомнились и вступили в бой несколько его союзников. Их голоса взлетали к небу вместе с палицами, бросая вызов врагам. Началась схватка, в которой участвовали не менее двадцати бойцов. Повсюду сыпались удары, сталкивались щиты. Джанни шагнул к сражающимся, выискивая возможность нанести новый удар, – и тут позади него послышались шаги бегущих. Джанни повернулся, доставая один из пистолетов. Два белых воина оказались всего в десяти шагах. Прицелившись в ближайшего, Джанни спустил курок. Пуля вырвалась из дула, дым на секунду закрыл ему обзор. А в следующее мгновение дым рассеялся. Второй воин по-прежнему бежал к нему, занося узкую выгнутую палицу.

Чтобы выстрелить, Джанни переложил меч в левую руку, так что ему пришлось парировать удар не с той руки. К тому же он ожидал встретить тяжелую боевую палицу с круглым набалдашником. А эта нанесла режущий удар, словно меч, и Джанни едва успел выставить между нею и своим телом клинок. Однако оружие врага оказалось более легким, чем его, и неприятель быстро отвел лезвие назад и ударил снова. Джанни почувствовал, как что-то ударило в его тазовую кость и заскрежетало там. Ему понадобилось мгновение, чтобы понять: его ранили.

– Святой Иисусе! – вскрикнул он.

Эти слова помогли Тагаю понять, кто его противник. До этой секунды он просто реагировал на происходящее: увидев, что его товарищ упал от пушечного выстрела, молодой вождь бросился на врага, чтобы отомстить за друга. Теперь же он рассмотрел лицо, освещенное огнем охваченного пожаром вигвама. Тагай уже видел это лицо раньше, через дыру в разбитом каноэ. И еще один раз – до этого, в переулках Монмартра.

– Джанни Ромбо! – произнес Тагай. И, назвав его по имени, замаялся.

Пауза была достаточно долгой, чтобы его враг отшатнулся назад, переложил меч в правую руку и ответил на взгляд индейца с не меньшим изумлением, а потом и с бешенством.

– Тагай!

Джанни атаковал одновременно с этим возгласом, и его длинный клинок яростно рассек воздух. Тагай понимал, что не может принять удар на свое оружие: металл раздробит деревянную основу палицы. Он пригнулся и сделал ложный выпад, позволив противнику оттеснить его назад.

Джанни споткнулся о труп человека, которого только что застрелил. Он упал на одно колено, но его последний выпад, острием в грудь, отбросил Тагаю на спину. В следующее мгновение Тагай уже вскочил, но итальянцу понадобилась всего секунда для того, чтобы вытащить из-за пояса второй пистолет.

Сражение, кипевшее позади них, откатилось за угол. И хотя ночь по-прежнему была полна воплей и пламени, они внезапно оказались наедине.

– Ну, – сказал Джанни, целясь в индейца, – что ты сделал с моей сестрой?

\* \* \*

Дождь начался в тот момент, когда в яму бросили последние связки костей. Семьи уходили, как только их сверток освобождался от своего содержимого, произнеся последние молитвы и пролив последние слезы. Сначала они двигались медленно, а потом быстрее: мужчины, уводившие племя к воде, начинали торопить. К тому моменту, когда отошли последние, уже лил сильный дождь.

Только одна семья осталась стоять на краю ямы – и еще те мужчины, которые перемешивали кости длинными веслами, соединяя останки тахонтенратов в общей могиле. Анна смотрела, как две племянницы, которым помогал маленький Доне, отогнули края шкур, открыв Гаку остальным горюющим родичам.

– Под конец моя сестра была счастлива, – проговорил рядом с ней Пойманный.

Он спустился с настила, откуда руководил обрядом. Сняв с себя вампумы, он опустился на колени и бережно положил их рядом с телом. Выпрямившись, вождь повернулся к Анне

и спросил:

– А ты ничего не хочешь ей дать? У нее перехватило горло.

– У меня нет ничего... ничего, кроме...

Анна запустила руку в мешочек, висевший у нее за спиной. Там она нащупала две вещи. Серебряный крестик брата... и кисть Анны Болейн. И с этим прикосновением пришли воспоминания. Яркие мгновения, представшие перед ней, словно ряд живых картин. Миг, когда она прикоснулась к этой реликвии в Лондонском Тауэре и почувствовала умершую королеву совсем близко, разбуженную к призрачному бытию желаниями порочных людей. Рунное видение разрушений и спасения в роще с серебристыми березами... Другая рука с багровым клеймом убийцы, лежащая в шкатулке... Медведь, привязанный к столбу на дворцовом дворе, и мужчина, который одновременно был медведем, извлекающий упавшую Анну из обломков сладкой крепости... Меч ее отца, взлетающий над носом корабля с силой вновь обретенного мужества. И наконец воспоминание столь недавнее, что девушку не отделял от него даже сон одной ночи, – утреннее пробуждение рядом с мужчиной, которого она любила всю ночь, и рывок к женщине, которая сделала эту любовь возможной. К этой женщине, к Гаке, которая умерла с улыбкой на губах, сжимая в своей руке шестипалую кисть.

И тут Анна поняла все! Внезапно у нее не осталось никаких сомнений. Гака обращалась к ней после своей смерти.

Старая женщина была готова забрать кисть, дать покой обеим Аннам. Это и было даром, о котором говорила старуха, – даром, который нужно было принести в Поселение Мертвых.

Быстро наклонившись, Анна Ромбо вложила кости шести пальцев в руку той, что лежала перед ней.

– Спасибо, – сказала она Гаке.

Когда Анна отступила, приблизились остальные члены семьи со своими дарами и словами прощания. И последний труп был сброшен в яму, где мужчины с веслами соединили эту плоть со всеми прочими останками и наконец укрыли всю поверхность ямы плащами из лучших бобровых шкур. Их туго натянули, закрепили кольшками и насыпали сверху песок и землю.

– Пойдем, – сказал Пойманный, осторожно потянув Анну за руку. – Нас ждет последний плот. Пойдем.

\* \* \*

Тагай смотрел в дуло пистолета. Как ни странно, при виде смерти, ожидавшей его там, он не испытывал страха.

– Твоя сестра в безопасности, и тебе ее не достать. Как и та вещь, которую ты жаждешь заполучить и которая притянула тебя к себе через полмира.

Джанни наклонил голову:

– И что это, по-твоему? – Рука королевы. Рука, ради которой ты убил своего отца. Она похоронена. К этому време-

ни Анна уже должна была зарыть ее.

Упоминание имен его близких вызвало в Джанни странное ощущение пустоты в груди. Это ему не понравилось, и, чтобы избавиться от неприятного чувства, он призвал свой всегда близкий гнев.

– Ну и что! – бросил он. – Ей просто придется откопать ее снова.

И нажал на спуск. Колесо запала выбило искру, упавшую на полку с порохом. Тагай ждал взрыва и боли, которая последует за ним, подняв палицу в качестве тщетной защиты. Однако дождь усилился, – усилился настолько, что порох дал только струйку дыма, звук, похожий на вздох, и ничего более.

Тагай медленно выдохнул.

– Осечка. – Он улыбнулся. – Частенько случается.

Взревев, Джанни швырнул свой пистолет во врага и снова перебросил меч в правую руку. Но тут шум боя, который на время удалился, вернулся с удвоенной силой: из-за вигвамов выбежали десять призрачных воинов. Многочисленные враги настигали их, нанося удары им в спину. Потом, столь же внезапно, появились новые раскрашенные воины, возглавляемые Нишане. Все три группы столкнулись как раз там, где Тагай и Джанни стояли друг перед другом на расстоянии длины клинка. Обоих подхватила толпа, разнеся в разные стороны.

– Скорее, Тонесса! – Нишане возник рядом с Тагаем. –

Мы видели в небе огненные стрелы из нашего поселка. Последний плот уже на воде.

По кивку Тагай оба воина запрокинули головы и издали крик, подражая журавлиному. Его подхватили те, кто находился рядом. Повернувшись, призрачные воины побежали прочь, вопя во всю глотку. На площадке в центре к ним присоединились новые.

Криками и ударами Джанни удалось остановить некоторых преследователей.

– Сюда! – рявкнул он.

Полдюжины из тех, кто пытался научиться пользоваться огненными палками, последовали за Джанни и понеслись по другому проходу.

Тахонтенраты, преследуемые врагами, выскочили через главные ворота поселка и нырнули в лес. На развилке стрелы, выпущенные лучшими лучниками, остановили погоню.

– На берег! Скорее! – крикнул Тагай.

Босые ноги гулко ударили по лесной почве. Крики и рев пламени позади постепенно стихали. Возбужденный успехом и тем, что немало тахонтенратов уцелело, Тагай вел свой отряд к реке. Если он выиграл достаточно времени для того, чтобы его люди выполнили данное им задание, если боевые каноэ и плоты врагов испорчены и последние жители поселка уже на воде, это значит, что они спасли свое племя. Теперь он сможет сохранить свою жизнь и вернуться к обретенной любимой. К Анне.

Они выбежали из леса. Дождь прекратился, тучи унеслись прочь, и раздувшаяся луна плавала прямо над головами. Ее лучи освещали руины: повсюду лежали разбитые корпуса флотилии оденосони.

– На воду! – крикнул Тагай.

Воины побежали мимо него и начали сталкивать свои лодки на воду. Тагай стоял вместе с Нишане и другими опытными воинами, которые уцелели в ночной вылазке, – их оказалось пятеро. Каждый держал в руках лук и смотрел в сторону леса, откуда должны были появиться враги. И вскоре уже раздался первый боевой клич и первая стрела просвистела рядом с их головами.

– Уходи, Тагай! – крикнул Нишане. – Мы остаемся.

– Нет! Мы уйдем все вместе! – отозвался молодой воин, направляя свою палицу в сторону лесной тропы.

Казалось, он волшебством вызвал из зеленых глубин татуированного воина: тот вырвался из леса с воплем, размахивая боевой палицей. Попавшая в грудь стрела оборвала его крик. Но с опушки уже неслись боевые кличи, и на берегу одна за другой появлялись темные тени, которых становилось все больше.

– Они застрелят последних из нас с берега. Так что – иди сейчас!

Нишане схватил Тагая за руку и с силой толкнул его к воде.

– Как я могу вас оставить?



Нишане улыбнулся.

– Ты быстро учился, боевой вождь, с тех пор как вернулся. Но ты научился еще не всему. Самые старшие остаются, чтобы помочь молодым воинам спастись. Таков обычай тахонтенратов. Так что – уходи!

И опытный воин снова толкнул молодого – и как раз в это мгновение мимо их лиц прошла стрела. Тагай пробежал по гальке. Каноэ отталкивались от берега – в одном оставалась только одна бледная фигура. Тагай прошел по мелководу и влез в лодку со стороны носа. Молодой воин передал ему весло, и оба принялись усердно грести. Позади бешено вопили враги. Но даже сквозь эту какофонию Тагай мог различить голос Нишане, певшего свою боевую песню: – Я не боюсь смерти. Те, кому страшно, – трусы и глупцы. Я – Нишане из клана Бобра. Отведайте мою боевую палицу.

А потом его голос потонул в песне палиц, рассекавших воздух, в звуках ударов и криках боли. Тагай, стоя на носу лодки, с силой погружал весло в воду. Они быстро отдалялись от берега, а потом грести стало вдруг труднее. Он обернулся: его спутник, имени которого он не знал, член рода Ястреба, смотрел на него неподвижными глазами. Весло лежало у него поперек груди. Тагай увидел стрелу, торчавшую из его шеи, а еще миг спустя поток крови заструился по выкрашенной в белый цвет груди. Ястреб упал, перевесившись через край каноэ.

Тагай, понявший, что тот мертв, сумел стащить труп в

воду, не перевернув верткую лодку. Оглянувшись назад, он увидел, как ярятся на берегу воины, танцуя вокруг лежащих белых тел и вскакивая на них. Последнее из их собственных каноэ было спущено с берега в окружении татуированных воинов. И слева от беглеца, из-за мыса, появилась еще одна лодка – массивный темный силуэт.

Тагай начал отчаянно грести. Впереди уплывали другие члены его отряда, и расстояние между молодым вождем и его товарищами стремительно увеличивалось. Тагай был один и плохо освоил греблю на каноэ, но на какое-то время желание спастись придало ему силы и ловкости. Ему даже удавалось опережать преследователей, и их голоса, спорившие за право занять место в каноэ, стихали позади. Он усердно греб по дорожке лунного света. Но вскоре он услышал отчетливый звук чужих весел, который становился все ближе и ближе. И еще один звук, которого тут не должно было быть, – скрежет дерева о металл.

Впереди на воде показался какой-то темный силуэт. Тагай подгребал прямо к нему, сам не понимая, зачем это делает. И только когда оказался ближе, то понял свою ошибку, увидев, куда привел своих преследователей. Но, оказавшись настолько близко, чтобы видеть, он услышал и голос, который звал его по имени: – Тагай! Тагай! Сюда!

Анна смотрела, как мимо проплывают каноэ с белыми воинами. Даже на расстоянии, при свете одной только луны, она знала, что среди них нет ее любимого. Она молилась о

том, чтобы оказалось, что она ошиблась, что она проглядела его, что он проплыл вперед и ждет ее выше по течению, в месте встречи. Многим удалось уцелеть во время той отчаянной атаки, так почему бы и не ему? А потом она заметила одинокую лодку и тех, кто неумолимо приближался к ней. И все поняла.

Те, кто находились на плоту, могли только направлять его по течению. Однако гребец на каноэ, после недолгого замешательства, теперь направлялся прямо к ним, а его преследователи отставали всего корпусов на пятьдесят.

– Тагай! – воскликнула Анна, протягивая к нему руки, когда он упал на плот.

Но он мгновенно повернулся к своим преследователям с луком в руках. Еще трое воинов положили весла и схватились за оружие. Доне подпрыгивал на сухой ноге, размахивая перед собой костяным ножом. Пойманный встал рядом с ним с копьем в руке.

– Идите ко мне в объятия, койоты, татуированные падальщики! Примите поцелуй моего боевого копья! – крикнул старый вождь.

А потом одна из лодок преследователей плюнула огнем, и воздух наполнился криками и вкусом металла. Что-то ударило Анну по макушке. Падая, она увидела спину человека, выкрашенную белой краской, и мышцу, по которой она провела пальцами – тогда, в другой жизни. С ней было что-то не так, с этой спиной, из нее торчало нечто, чего там не должно

было быть, что разрушало безупречную симметрию. Но темнота пришла раньше, чем Анна смогла разглядеть, что это было.

## Глава 10. ПЕСНЬ СМЕРТИ

Мир был отмыт дочиста. Грозовые тучи давно уплыли, предоставив небо самому себе: колоссальную безмятежную синеву. Только у дальнего берега задержались полосы темноты, поднимавшиеся вверх из леса. Анна слышала разговор татуированных воинов о том, что во время боя их поселение было почти полностью разрушено. Однако это их не беспокоило. Они отстроят поселок здесь: это будет крепость на скалах, на завоеванной земле.

Легкий ветерок коснулся ее кожи, все еще по-летнему жаркий, но уже с намеком на нечто новое: в его ласке были нотки прохлады. Приближалась осень. Осень! Мысль об этом принесла с собой воспоминание о Монтепульчиано, о гроздьях в винограднике ее отца, готовых к чудесному превращению в вино. В Новом Свете тоже рос виноград, но на этом сходство заканчивалось: громадные кедры и клены совершенно не походили на холмы и кипарисы Тосканы. Исключением был дуб – тот, на котором ей довелось посидеть и на который она смотрела сейчас. Это дерево вполне могло бы расти в лесу неподалеку от их дома. Они с Джанни лазали точно на такие.

Это воспоминание прогнал выстрел корабельной пушки – уже третий, с интервалом в минуту. Дядя Пьер сдержал свое обещание и вернулся за ней в день после полнолуния.

Слишком поздно! Анна перевела взгляд на человека, который стоял у края засыпанной ямы. Рядом с окружающими его высокими воинами Джанни Ромбо казался карликом: как и его отец, он был небольшого роста. Рядом с Джанни топтался мужчина, опиравшийся на палку. Несмотря на жару, он был закутан в черный плащ. Этого человека Анна в последний раз видела в Лондонском Тауэре, в другом мире и другом времени. Наверное, при виде его ей стоило бы удивиться. А у ног Томаса Лоули скорчился перепуганный мальчишка с сухой ногой. Кроме нее, он был единственным уцелевшим с плота.

Голова умирающего, лежащая у Анны на коленях, повернулась. Кровь запузырилась на губах и возле раны на груди, из которой все еще торчал зазубренный обломок металла. Этот осколок до странного похож был на кусок обода от бочки. Анна знала, что обломок нельзя извлечь, не убив Тагая: он вонзился слишком близко к сердцу. Так что она просто стерла кровь с его раны и губ. Тагай пробормотал что-то неразборчивое.

Анна поняла, что ей задали вопрос.

– Что? – переспросила она.

Человек в черном плаще, хромая, направился к ней. Она вспомнила, как в том, другом мире перевязывала ему ногу.

– Анна, – мягко проговорил Томас, – им нужно знать: что стало с рукой?

– С рукой?

Анна Ромбо подняла руку и смахнула волосы со лба. Он увидел у нее на виске неровную царапину – там, где металл нанес ей скользящий удар.

– А, с той рукой! – поняла девушка.

– Где она, Анна? – Джанни вырос рядом с Томасом. – Это – твой последний шанс на искупление. Отдай ее нам.

– Искупление?

Анна не успела больше ничего сказать: слабый голос опять зазвучал с ее колен.

– Она тебе не доступна, Джанни. Она начала свой путь в Поселение Мертвых. Теперь твоя королева путешествует с другими духами. Оставь ее в покое.

Анна опустила взгляд. Это были первые слова, которые Тагай произнес с тех пор, как их доставили на вершину скал. Она уже боялась, что больше никогда не услышит этого голоса.

– Ох, любимый! – воскликнула Анна, укачивая его, как дитя.

Она шепотом рассказала ему о том, что сделала с наследием Анны Болейн. Ей казалось, что Тагай так близок к смерти, что ничего не слышит.

– С другими духами? – Джанни выпрямился, внезапно поняв смысл услышанного. – Она здесь, так? С костями всех остальных дикарей! Здесь!

Он ткнул пальцем в сторону разглаженной поверх ямы земли.

Ему не требовался ответ.

– Тогда мы выкопаем ее.

Томас сказал:

– Это невозможно, Джанни. Там сотни тел.

– Невозможно? – завопил тот. – Невозможно было пересечь полмира и сделать то, что я сделал! А теперь между мной и моим спасением стоит только несколько горстей земли?

Он упал на колени рядом с краем ямы и начал руками разгребать землю. Грубые, как искореженное железо, лапы схватили его и оттащили назад. Перед Джанни возникло лицо переводчика, Сожженные Волосы.

– Уходящий День спрашивает, что ты делаешь.

И переводчик указал на вождя, который стоял на дальнем краю ямы, скрестив руки на груди.

– Оно зарыто здесь – то, что я ищу. Оки могучей ведьмы. Помогите мне! Помогайте же!

Джанни попытался отшвырнуть ручищи, удерживавшие его, броситься за землю и прогрызть нору прямо к предмету своих вожделений. Однако ему помешала слабость, вызванная потерей крови из раны, которую Тагай нанес ему в бедро.

Уходящий День что-то быстро проговорил. Переводчик кивнул, а потом обратился к Джанни:

– Он сказал: если дух ведьмы и был здесь, то она уже ушла. Она – с мертвецами, и теперь с ней должны сражаться мертвецы. Те, кто похоронены здесь, были нашими врагами, да.



Но мы не посягаем на их могилы.

– Нет! Неужели вы не понимаете? Мы должны... должны...

Джанни зарыдал, пытаясь высвободиться из рук, державших его могучей хваткой. Томас подскочил к нему.

– Ромбо! – прошептал он яростно. – Все кончено. Не показывай им свои чувства. Они убивают людей за слабость.

Вождь снова заговорил. Анна услышала его слова и поняла их прежде перевода. Тагай понял тоже и отчаянно попытался приподняться на локте.

Переводчик сказал:

– Вождь знает, что эта женщина – тоже ведьма. Так что мы убьем ее прямо сейчас, пока она не успела причинить нам зло.

По приказу вождя Джанни был отпущен, а Анну схватили и заставили подняться на ноги. Слабые пальцы Тагая потянулись за ней, но не смогли удержать. Один воин скрутил ей руки, второй встал перед ней с ножом.

– Стойте!

Томас не знал, откуда у него появились силы и быстрота. Но он в одно мгновение закрыл Анну собой. Палкой он выбил нож из руки воина, ударом кулака отбросил в сторону второго. Старый солдат заслонил девушку и напрягся, видя, как натягиваются луки с наложенными на них стрелами.

– Уходящий День спрашивает, почему ты помогаешь ей, Хромая Нога. Разве она не ведьма? Ты говорил, что твои бо-

ги, как и наши, ненавидят дурные очи.

Сейчас Томасу как никогдагодились уроки, полученные от иезуитов. Он заставил себя дышать глубоко и ровно и смотреть прямо в глаза боевому вождю.

– Нет, – спокойно заявил он. – Она – Сновидица, и только.

– Но этот человек – ее брат, и ее брат говорит, что она – ведьма.

– Ее брат лжет. – Томас поднял руку и указал пальцем на Джанни. – Он хочет получить ее очи, ее силу.

Теперь все повернулись и посмотрели на лежащего на земле молодого человека. Джанни привстал на коленях. Его пальцы были выпачканы в земле. Он поднял взгляд, но глаза его оставались бессмысленными, туманными.

А потом его сестра выступила из-за черного плаща. Она что-то прятала в кулаке. И бросила это перед братом.

Джанни опустил глаза. Маленький крестик упал на землю, вонзившись вертикально в рыхлую почву могилы. Дрожащими пальцами Джанни потянулся за ним. Но только когда он прикоснулся к этому предмету, он совершенно определенно понял, что это такое.

Джанни громко застонал, когда пришло воспоминание: шершавая рука отца проводит по его волосам, протягивает ему кусочек серебра. Потом другое воспоминание: слезы, падающие на блестящую поверхность крестика, который он прибавляет к дереву. И третье: меч отца, поднятый в воздух, перевернутое распятие на фоне стены гавани.

Анна смотрела на своего брата, и из ее темных глаз на него глядели Жан Ромбо и Бекк. Его отец – таким, каким он был, сражаясь с ним, умирая из-за него. И его мать на молу: обнимая тело мужа, она посмотрела на сына так, как смотрят на незнакомца. Джанни перевел взгляд с Анны и своих воспоминаний на молчаливых татуированных воинов. Язычники.

Внезапно все стало удивительно простым. На него снизошло спокойствие, ему было видение вечного покоя.

– Он сказал правду, – проговорил Джанни. – Я хотел ее оки. Я лгал вам. Это я – ведьма. Это я вам нужен, а не она.

Его слова перевели. Мощные руки подняли Джанни на ноги.

Переводчик приблизился к нему. На его лице ясно отражалось сомнение.

– Ты понимаешь, что сказал? Ты знаешь, что бывает с ведьмами?

Джанни Ромбо сохранял полное спокойствие.

– Знаю.

Анна вскрикнула:

– Нет, Джанни! Нет! В этом нет нужды!

– Есть, сестра. Эти язычники... – Ее брат огляделся вокруг. – Они хотят устроить свое кровавое жертвоприношение. – Он замолчал и внезапно улыбнулся, печально, смущенно, как улыбался подросток, которого она когда-то знала. – Так что они не слишком от меня отличаются.

Она не успела больше ничего сказать, потому что услыша-

ла позади себя стон. Оглянувшись, девушка увидела, как Тагая поднимают на ноги, и услышала, как вождь произносит:

– Он – храбрый воин, предводитель «призраков», которые с нами сражались. Мы почтим его смертью храброго воина.

С Джанни срывали одежду. Он позволил это сделать без сопротивления. Томас подошел к нему, положил руку ему на плечо и наклонил голову. Их губы двигались: тихий вопрос, ответ... Тагая раздевать не стали – он и так был почти обнажен, а его тело было испещрено белыми и красными полосами. Анна подбежала к любимому, и, повинувшись кивку вождя, державшие его воины отпустили его. Умиравший бессильно упал в ее объятия. Его глаза были открыты.

– Анна, – проговорил Тагай. – Белый Можжевельник.

– Я не могу... Не могу позволить им...

Она увидела, как у него за спиной воины становятся в два ряда. Зажигались костры, в них вкладывали заостренные палки...

– Что я сказал тебе после смерти Черного Змея? – прошептал Тагай. – Что если доведется, я тоже захочу умереть именно так. Как воин. Мне только жаль, что я так слаб... – У него на губах снова запузырилась кровь. – Я недолго смогу петь мою песнь смерти.

Анна крепко прижала его к себе, обхватывая его тело обеими руками.

– А разве я не говорила, что не стану смотреть, как ты умираешь? Он кивнул.

– Говорила. Уходи. Пусть Хромая Нога уведет тебя. Дядя Пьер ждет на реке на своем корабле. Я умру так, чтобы ты не видела этого. Только помни: ты навечно – моя любовь.

Голос Анны звучал ровно:

– А ты – моя. И ты умираешь воином тахонтенратов, о чем всегда мечтал.

Она повернула лицо к восходу, прижала Тагая крепче к себе и, просунув руку дальше, нащупала зазубренный кусок металла. Он разрезал ей ладонь, но она все равно резко дернула осколок, а потом вытащила из тела. Тагай ахнул, глаза его расширились. Анна почувствовала, как ей на руку хлынула его кровь. Она спрятала то, что убило ее возлюбленного, к себе в мешочек, где он звякнул о камень – оки Доннаконны. Осторожно опустив безжизненное тело Тагая на землю, Анна двинулась вперед, глядя прямо перед собой, сквозь толпу воинов, которые расступались перед ней, пропуская девушку к тропе, ведущей со скал. Анна не оглядывалась, хотя слышала позади себя шаги – хромого мужчины и хромого мальчика. Когда она прошла под дубом, позади застучали барабаны и началось пение. И она слышала песнь смерти, которая до сей поры еще не звучала в Новом Свете: голос Джанни, красивый и чистый, выводил первые ноты «Те Бейт».

– Умри хорошо, брат, – молвила Анна, и ее голос остался сильным. – Умри хорошо.

# ЭПИЛОГ

Звук флейты постоянно сопровождал Томаса, пока на рассвете он бродил по кораблю в поисках Анны. Паруса «Морского пера» наполнял сильный ветер, так что у матросов было время для музыки. И Доне, обучавшийся под руководством старого рыбака Гаспара, быстро приучил свою флейту не визжать. После четырех недель плавания он уже мог недурно исполнять с полдюжины мелодий.

Томас нашел Анну на носу корабля. Поиски не заняли много времени: судно было небольшим даже для каравеллы. Да вот только в течение всего первого месяца плавания, если иезуит хотел отыскать девушку, то всегда направлялся прямо на корму: каждый день она стояла там, глядя назад. Так было в течение четырех недель после того, как из виду скрылись последние высокие кедры. А накануне он впервые обнаружил ее на носу, и ее глаза были устремлены к горизонту впереди так же пристально, как раньше – к тому, что оставался позади. Когда Томас спросил ее, что она пытается увидеть, если до берега остается еще несколько недель плавания, Анна просто ответила: – Мое будущее.

Иезуит уселся рядом с ней, и Анна улыбнулась, а потом снова перевела взгляд вперед, к горизонту. Он был рад просто смотреть на море вместе с ней.

– Тебе это идет. – Анна наклонилась к нему и потянула

синюю ткань его рубашки.

– Надеюсь, – отозвался он, – потому что более дорогой рубашки у меня еще не было, если учесть, что ряса, на которую я выменял ее у Гаспара, обошлась мне в Милане в двадцать скуди.

Анна рассмеялась:

– Тебя определенно обжулили. Но мой отец всегда говорил, что бретонцы этим славятся. С другой стороны, сам он был из долины Луары.

– Я ни о чем не жалею, если это помогло мне услышать твой смех, – сказал Томас.

И сразу же пожалел о своих словах, потому что они изгнали с ее губ мимолетную улыбку. Анна снова перевела взгляд на горизонт. Но когда он накрыл ее руку своей, что впервые сделал только накануне днем, она не убрала ладони. Ее пальцы даже чуть шевельнулись, и он замер, чувствуя глубочайшее удовлетворение.

«Поедет ли она со мной в Шропшир? – думал он. – Может, ее рука в моей означает именно это? Или это моя рука лежит в ее руке и она поведет меня за собой?»

А потом он подумал о руке другой Анны, которую когда-то держал, и содрогнулся, когда его память сравнила мертвые кости с живой плотью. Его мысли снова вернулись к той ночи в Тауэре. Неужели прошло всего шесть месяцев? Он так ясно вспоминал сейчас эту страшную ночь, когда он явился нарушить могильный покой и обнаружил...

Что именно? Это не имело значения. Путь. Пути Господни всегда неисповедимы, и никакая карта никогда не сможет отобразить их. Путь, начавшийся в Тауэре, привел его сюда. А те мили, та боль, которые пролегли между ними, – чем они были, в конце концов? Дорогой к спокойствию, к лежащей в его ладони руке единственной женщины, которую он любил.

Привалившись спиной к планширу, Томас вздохнул и закрыл глаза.

Анна услышала его вздох и повернулась, разглядывая его лицо, его морщины, челку черных с проседью волос. Он был добрым человеком, этот Томас Лоули, а это, как она узнала, стало в мире редким качеством. Но Анна заметила, что такая доброта часто приходит к людям, которые испытали много печального, – как Томас Лоули, как ее отец. Тагаю не хватило времени для этого, но Анна не сомневалась: если бы только ему были дарованы долгие годы, он непременно сделался бы таким же. Добрым и печальным. Его яростная горячность оказалась необходимой для того, чтобы исполнить свое предназначение. И Анна надеялась, что сын Тагая, первые движения которого она уже ощутила в себе, унаследует лучшее от всех мужчин, которые дали ему жизнь. Доброту этого человека, который задремал рядом с ней и с которым она теперь была связана. Огонь Тагая. И, возможно, отвагу ее отца. Ибо – хотя Жан Ромбо и спотыкался на своем пути, но в конце концов он одержал победу.

«Да, – подумала она, – я хочу научить моего мальчика ис-



тинному смыслу мужества, который был открыт его отцу и деду: бояться – и все равно бросаться во тьму».

Пронзительные звуки флейты взлетали над кораблем. Анна Ромбо, названная в честь королевы, вновь повернула лицо к новому для нее Старому Свету.

# ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Королева Мария умерла бездетной 17 ноября 1558 года после долгой болезни и тяжелой жизни.

Елизавета, пережившая все направленные против нее заговоры, была коронована 12 января 1559 года.

Симон Ренар, «Лис», со смертью Марии лишился своей власти. Он умер в 1571 году.

Филипп Испанский, не добившись успеха в своих ухаживаниях, в 1588 году отправил против Англии свою Армаду. Последовал знаменитый разгром всей испанской флотилии в результате отважных действий английских моряков и ужасных штормов.

Тахонтенраты последними вошли в союз гуронов вендат – в 1610 году. В течение нескольких десятилетий вендат в союзе с французами процветал и лидировал в торговле пушниной. Однако у него не хватило сил, чтобы победить ирокезов, главным образом моговков и сенексов, которые покорили их в 1648—1649 годах.

Оденосони, или конфедерация ирокезов, в конце концов включила в себя шесть народов и приобрела большую силу. Как правило, в ходе войн следующего века они становились на сторону британцев против французов. Их сила начала убывать только после того, как среди них начался раскол: в 1776 году четыре племени остались с британцами, а

два присоединились к американским революционерам. Это станет одной из тем следующего романа Криса Хамфриса, «Джек Абсолют и война за независимость».

# ОТ АВТОРА

Замысел моего первого романа, «Французский палач», родился мгновенно, вспышкой озарения: палач-меченосец Жан Ромбо отрубает шестипалую руку Анны Болейн одновременно с головой. А вот второй пришел гораздо менее заметно. Я хотел провести еще немного времени с персонажами, которых уже создал, однако ощущал, что сюжет новой книги должен стать самостоятельным. Мне нравится описывать динамичные приключения, но я отдавал себе отчет в том, что новая история должна быть более личностной. В ней, как я чувствовал, необходимо уделить побольше места внутренним конфликтам моих героев. И тогда мне пришла в голову мысль о войне внутри семьи: отец против сына, брат против сестры, мать против дочери. Тем не менее мне требовались какие-то определенные исторические «крюки», на которых можно было бы разместить мою картину.

Когда я начал писать исторический роман, мне казалось, что предварительные исследования нужны для того, чтобы не сделать ошибки в деталях. Действительно, правильное описание прошлого приносит глубокое удовлетворение. Но в первую очередь подобные исследования служат отличным творческим стимулом. Я заново открыл для себя старую истину: правда очень часто оказывается причудливее любой выдумки. Один-единственный исторический факт мо-

жет дать толчок целой сюжетной линии. И нередко такой факт – совпадение даты или места действия – может показаться настоящим чудом.

Вот несколько примеров. Я знал, что хочу включить в число действующих лиц романа не только прежнее поколение из старой книги, но и новое. Поскольку в эпилоге я оставил своих героев неподалеку от Сиены счастливыми и довольными в 1546 году, я задался вопросом: что происходило там, скажем, в 1555 году, когда дети уже вырастут, а их родители еще не состарятся настолько, чтобы им нельзя было участвовать в приключениях. И обнаружил, что итальянскую землю снова раздирала война и что Сиена пережила страшную осаду... которая окончилась 17 апреля 1555 года!

Тогда мне пришло в голову перенести опасность, угрожавшую Анне Болейн, на ее дочь. По школьному курсу истории я помнил, что Елизавете угрожали немалые опасности в течение всего царствования ее сестры, Марии Кровавой. Дальнейшие изыскания обнаружили, что Елизавету, все еще находившуюся под арестом, вызвали в Хэмптон-Корт... 21 апреля 1555 года!

На разных концах континента – и с разницей в четыре дня! – мои герои, выдуманные и реальные, переживали кризис. С такой симметрией в датах я почувствовал себя уверенно. Остальное оказалось почти просто.

Почти. Я почувствовал потребность включить в роман новые аспекты. Хотя я вырос в Англии, но местом моего рож-

дения была Канада, и меня часто влекло обратно, к ее потрясающим лесам, горам и рекам. Как воздать должное обоим моим половинкам, англичанину и уроженцу Нового Света? Что происходило в то время в Канаде и можно ли связать это с событиями, которые разворачивались в Европе? Я начал выяснять это. И снова обнаружил такие поразительные вещи, каких сам не сумел бы придумать. А в особенности то, что в 1536 году, в год казни Анны Болейн, бретонский первооткрыватель Жак Картье совершил первое из своих трех путешествий по реке Святого Лаврентия. Он увез во Францию заложников. Воспользовавшись писательским приемом «а что, если», я предположил, что один из этих заложников, в те годы младенец, мог выжить. Если так, то этому молодому человеку в 1555 году должно было исполниться восемнадцать лет. И он был бы ровесником дочери Жана Ромбо, Анны.

Я получил нужную мне связь между Старым и Новым Светом – и так родилась вторая часть этой книги. Дальнейшие изыскания преподнесли мне подробные и удивительные сведения о культуре обитателей Канады того времени. Фактически именно эти сведения и продиктовали дальнейшее развитие сюжета. Немалую роль в этом сыграл тот факт, что встреченное Картье племя, которое позже европейцы называли гуронами, было вытеснено их врагами, одним племенем из нации, которую позже знали как ирокезов...

...и это произошло в 1550-х годах!

Итак, у меня оформился сюжет. Дальнейшие поиски подарили мне чудесный реквизит и второстепенных персонажей.

Несколько книг чрезвычайно помогли мне. Сочинение Брюса Триггера «Гуроны: фермеры Севера» послужило настоящим источником сокровищ, равно как и работа Льюиса Генри Моргана «Союз ирокезов». (Эта книга была написана в 1851 году, и я обнаружил подержанный экземпляр при очень странных обстоятельствах, во время прогулки по Финчли-роуд. Ее выставили в витрине жалкого магазинчика, торговавшего преимущественно видеокассетами с «мягким порно». Странноватый владелец этой лавки пытался убедить меня в том, что Ковчег Завета был на самом деле гигантским CD-плеером. Спустя неделю, когда я снова заглянул туда, я обнаружил, что и магазинчик, и его владелец исчезли. Жуть!

За образец моих индейцев я взял тахонтенратов, племя гуронов, которое вполне могло быть вытеснено из района реки Святого Лаврентия в 1555 году. В качестве прообраза их победителей я взял сенеков – ирокезское племя. Мои сведения об их обычаях и языке почерпнуты главным образом из письменных источников, которые стали появляться несколькими веками позже. Однако, судя по всему, за протекшие века индейские сообщества мало изменялись. Они сохранили свои племенные группы, свои советы вождей, свои способы охоты и ведения войны – и даже лакросс. Они создали сложные социальные структуры, так что у них не было необ-

ходимости меняться. Пока не явились европейцы.

Осаду Сиены блестяще проанализировали Саймон Пепер и Николас Адаме в книге «Огнестрельное оружие и укрепления: военная архитектура и осадные действия в Сиене шестнадцатого века». Очень полезен оказался мне веб-сайт Лондонского Тауэра. Как и книга, которая давно хранилась у нас в семье и которую прислал мне мой брат, – «Лондонский Тауэр» У. Эйнсворта. Брату подарила ее двоюродная бабушка Этель, чей предок (а значит, и мой) – сэр Генри Беддингфилд – был тюремщиком принцессы Елизаветы в Вудстоке. (Я отчаянно пытался ввести этого родича в роман в качестве какого-нибудь героического головореза, но он никак не помещался в сюжет!) С латынью мне помог ушедший на покой иезуит, брат Ричард Фоли.

Я провел чудесный день с Джоном Мозесом, специалистом по истории индейцев в поразительном Канадском Музее цивилизации в Халле (Квебек). В нем самом есть доля ирокезской крови. Он оказался блестящим рассказчиком и сделал для меня множество фотокопий, которые оказались просто бесценными. И самое лучшее, он вручил мне белые перчатки и отвел в особое хранилище, где находятся предметы, не выставленные на экспозиции. Там я смог помахать настоящими боевыми палицами ирокезов. Одна из них, относящаяся к началу семнадцатого века, особенно меня заинтересовала и стала основой поединка, состоявшегося во второй части романа. Я никогда не забуду того чувства, ко-



торое испытал, когда взмахнул ею. Такого рода опыт просто бесценен, особенно для постановщика боевых эпизодов.

Основная трудность повествования об индейцах заключается в том, чтобы избежать соблазна подгонять под общепринятые стереотипы людей, которые были не менее сложными, чем мы сами. А такое легко может произойти без того понимания, каким обладает человек, выросший внутри данной культуры. Кроме того, остается много неясностей относительно некоторых особенностей индейской цивилизации – например, скальпирования и того, кто на самом деле его начал. После долгих раздумий я решил сделать этот обычай частью индейского образа жизни, хотя готов признать, что они вполне могли перенять его у первых европейцев. Чего я решительно старался избегать, так это «голливудской ловушки»: в большинстве американских фильмов индейцы традиционно изображаются как «благородные дикари».

В сообществах протогуронов и ирокезов имелось немало достойного восхищения. Это – богатство их мифологии, изошренная психология, уважение, с которым они относились к каждой личности. Например, дети для гуронов представляли собой полноправных, хоть и маленьких, людей. Индейцы никогда не били своих детей (чему иезуиты никак не могли поверить). Они также почитали женщин и прислушивались к их мнениям – особенно это было присуще ирокезам. На мой взгляд, вполне здоровое отношение. А как прекрасна их традиция в тяжелые времена делиться с собратья-

ми всем, особенно пищей! Они стремились приобрести не столько богатство, сколько положение в своем сообществе и уважение со стороны соплеменников. У них отсутствовала смертная казнь – за исключением редких случаев колдовства и предательства. Они развивали в своей среде ораторское искусство и старались строить отношения с другими народами на основе консенсуса, а вождей избирали, исходя из их личных качеств. Фридрих Энгельс не случайно назвал ирокезов «протокоммунистическим обществом», примером того, как работает в идеале принцип коммунизма.

Но... но... но... Племена, населявшие область реки и бухты Святого Лаврентия в 1555 году, вполне могли быть и «дикарями». Людям свойственно вести войны – жестокие войны. Пленников ужасно пытали перед казнью. Их сердца поехали. В этом смысле индейцы не слишком отличались от «дикарей», обитающих по другую сторону Атлантического океана, – цивилизованных «дикарей», которые учредили инквизицию, сжигали еретиков и совершали убийства по расовому признаку. Все люди способны на жестокость, какими бы ни были их этнические корни. Чтобы убедиться в этом, достаточно только оглянуться вокруг в нашем сегодняшнем мире. Надеюсь, мне удалось найти равновесие и разглядеть во всех участниках моего романа не только дурное, но и хорошее: изобразить их человеческие качества во всей полноте, как светлые, так и темные. Для меня гуруны – «хорошие парни», а ирокезы – «немного попротивнее». Для кого-то

другого все может оказаться наоборот.

Что до их речи, то, как и в случае с моими европейцами шестнадцатого века, я старался, чтобы она звучала для нас естественно, но не была при этом анахронистической. Работая над второй редакцией в коттедже в Шропшире, я прочел чудесный роман Розмари Сатклифф «Алый воин». Действие его происходит в Англии эпохи бронзы, но повседневная речь персонажей просто связана с тем, что люди видят вокруг себя. Это – завидный пример, которому я старался подражать.

Теперь – благодарности. Как и в случае с моей первой книгой, моя жена Алета была образцом терпения и добрых советов. Окончательную редакцию я завершал уже как лауреат премии Хоторндена<sup>note 2</sup>, так что спасибо тем, кто присудил мне ее. Я снова многим обязан сотрудникам издательства «Орион». Хочу особо упомянуть Джейн Вуд, возглавлявшую издательский отдел, которая сомневалась насчет слова «продолжение», но потом полностью его поддержала, и Джона Вуда, главного редактора, который получил меня «в наследство». Любовь к приключенческому жанру сделала его прекрасным помощником с прекрасным редакторским чутьем – и с отличным пониманием красного вина. Не забуду и Рейчел Лейшон, которая редактировала мою первую книгу – и, надеюсь, когда-нибудь будет редактировать и последнюю. Ее замечания всегда уместны. Она превосходно сдерживает мою склонность к ненужному избавлению персонажей от их

телесной оболочки («он кинул глаза на другой конец стола»). Упомяну моего агента, Антею Мортон-Сэнер, чьи советы в отношении моей карьеры и произведений я всегда ценю. Хочу назвать также моего канадского издателя Кима Мак-Артура, чей энтузиазм захватывает, а деловая сметка великолепно продвигает мои книги в стране, где я родился. И Алму Ли, художественного редактора моего первого писательского фестиваля в Ванкувере – и нового друга.

Всем им и многим другим – моя сердечная благодарность.

*Крис Хамфрис*

*Лондон, март 2002 г.*